

THE PHILOSOPHY OF GRAMMAR

by

OTTO JESPERSEN

О. ЕСПЕРСЕН

ФИЛОСОФИЯ
ГРАММАТИКИ

Перевод с английского В. В. ПАССЕКА и С. П. САФРОНОВОЙ

Под редакцией и с предисловием проф. Б. А. ИЛЬИША

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, 1958

АННОТАЦИЯ

В труде известного датского лингвиста Отто Есперсена рассматривается ряд основных проблем общего языкознания и главным образом взаимоотношение логических и грамматических категорий. Свое исследование О. Есперсен строит в широком плане и на материале большого количества разнообразных по структуре языков. Книга представляет значительный интерес для широких кругов языковедов.

Редакция по вопросам филологической литературы
Заведующий редакцией В. А. ЗВЕГИНЦЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Известный датский языковед Отто Есперсен (1860—1943) посвятил целый ряд трудов вопросам общего языкознания („Язык“, „Система грамматики“, „Учебник фонетики“), вопросам истории и теории английского языка („Прогресс в языке, в специальном применении к английскому языку“, „Рост и строй английского языка“, „Грамматика современного английского языка на исторической основе [в 7 томах]“, „Основы английской грамматики“), а также вопросам методики преподавания иностранных языков („Как преподавать иностранный язык“).

Широким кругам читателей Есперсен известен в первую очередь своей теорией „прогресса в языке“, связанной с превознесением аналитического строя языка и с восхвалением английского языка как якобы самого совершенного из существующих языков. Эта теория в свое время подверглась в нашей печати заслуженной суровой критике. Однако лингвистические воззрения Есперсена нельзя полностью свести к этой теории. Будучи лингвистом широких интересов и широкого кругозора, Есперсен развивает в своих трудах целый ряд теоретических положений, многие из них представляют интерес и для современного советского языкознания. Правда, следует отметить, что Есперсену не удалось создать цельную и стройную систему: в его трудах интересные наблюдения и частные выводы нередко сочетаются с поверхностными и необоснованными обобщениями, не соответствующими той обширной предварительной работе, которую проделал автор по собиранию и анализу материала из различных языков земного шара.

Неравноценным в отдельных своих частях оказывается и его труд „Философия грамматики“ (1924). Заглавие этого труда следует понимать в том смысле, что в нем рассматриваются взаимоотношения между грамматическими и логическими категориями, т. е. связь между языком и мышлением. Есперсен ставит себе целью выяснить, какие категории мышления находят отражение в

грамматических категориях и в какой степени грамматические категории соответствуют логическим или расходятся с ними. Исходя из такой постановки вопроса, Есперсен выдвигает, например, проблему взаимоотношений между грамматической категорией времени (англ. *tense*) и категорией реального времени (англ. *time*) и ряд других подобных проблем. Такая постановка вопроса не вызывает возражений и может при правильном и вдумчивом анализе материала привести к весьма плодотворным результатам. Если выводы, к которым приходит Есперсен, не всегда оказываются обоснованными и убедительными, это происходит по той причине, что в ряде случаев ему мешает, с одной стороны, поверхностный подход к языковым явлениям, с другой — недостаточно отчетливое разграничение разных сфер языка — грамматики и лексики.

II

Ставя себе целью исследовать „философию грамматики“, необходимо, очевидно, прежде всего установить, что такое грамматика и чем она отличается от лексики. Отграничив предварительно грамматику от лексики, можно было бы затем перейти к рассмотрению взаимоотношений между грамматическими и логическими категориями, т. е. к „философии грамматики, если пользоваться терминологией Есперсена.

Однако Есперсен не дает четкого отграничения¹. Не определив предварительно специфику грамматики, он в целом ряде случаев привлекает к рассмотрению такие языковые явления, которые вовсе не являются грамматическими, причем не делает по этому поводу никаких оговорок, и в результате создается впечатление, что изложение будто бы все время остается в рамках „философии грамматики“, хотя в действительности это совсем не так.

Например, рассматривая грамматическую категорию времени в ее взаимоотношениях с реальным временем, Есперсен изучает не только глагольные времена, которые являются грамматическим средством выражения времени, но и выражение временных понятий в лексических значениях слов и словообразовательных аффиксов. На стр. 329 он говорит: „Рассмотрев таким образом временные отношения, выражаемые временами личных форм глагола, мы перейдем теперь к вопросу о том, нет ли сходных грамматических явлений за пределами этой области“, — и рассматривает такие чисто лексические явления, как значение префикса *ex-* в слове *ex-king*, значение прилагательного *late* в сочетании *the late Lord Mayor*, значение прилагательного *future*, например в сочетании *a future Prime Minister* и т. д., хотя эти факты не имеют никакого отношения к грамматике. Сами по себе такие явления, безусловно, заслуживают тщательного изучения, но это должно быть делом лексикологии. При том способе их рассмотрения, какой мы находим у Есперсена, специфика грамматики стирается.

Нечто подобное обнаруживается и при рассмотрении категории рода. Рассмотрев (стр. 265 и сл.) грамматическую категорию рода в индоевропейских языках, Есперсен далее переходит к таким случаям, как англ. *man-servant*, *maid-*

¹ Ср. стр. 31 и сл.

servant, he-devil, girl-friend, где все дело в лексических значениях компонентов сложных слов; такие случаи не имеют отношения к грамматике и ее проблемам.

Есперсен незаметно выходит за пределы грамматики и при изложении весьма существенного вопроса о различии между „формулами“ и „свободными выражениями“ или „свободными словосочетаниями“ (см. гл. 1, стр. 16 и сл.). Сопоставляя два предложения современного английского языка — How do you do? „Здравствуйте!“ и I gave the boy a lump of sugar „Я дал мальчику кусок сахара“, — Есперсен справедливо замечает, что первое из них, как и предложения Good morning! „Доброе утро!“, Thank you! „Спасибо“ и др., представляет собой неизменяемую формулу. „Такую формулу, — говорит он, — можно подвергнуть анализу и показать, что она состоит из нескольких слов, но она воспринимается и трактуется как целое, значение которого может быть совершенно отличным от значений составляющих его слов, взятых в отдельности... Легко заметить, что предложение I gave the boy a lump of sugar имеет иной характер. В нем можно выделить ударением любое из полнозначных слов, сделать паузу, например после boy, заменить местоимение I местоимением he или she“ и т.д. (стр. 16—17). Здесь затрагивается, таким образом, весьма важный вопрос о лексикализации целых предложений, или, если применить терминологию проф. А. И. Смирницкого, о „предложениях, входящих в систему языка“¹: эти предложения не создаются заново в процессе речи, а вносятся в речь как готовые единицы. От наблюдений Есперсен далее переходит к вопросу о „формулах“ в различных областях грамматического строя. „Формулами“ в этом смысле оказываются и такие формы множественного числа существительных, как oxen „волы“; они тоже не создаются заново в процессе речи, а вносятся в речь как готовые единицы: такую форму говорящий обязательно должен был услышать, прежде чем он мог сам ее употребить, тогда как формы множественного числа существительных, образованные с помощью окончания -s, он не обязательно должен был слышать, а мог образовать сам по общему правилу.

Такое различие „формул“ и „свободных выражений“ умело используется в дальнейшем изложении для характеристики сущности грамматического строя. При этом, однако, следовало бы отметить, что „формулы“ во всех случаях представляют собой результат лексикализации того или иного явления синтаксиса или морфологии данного языка. Есперсен этого не отмечает. Таким образом, границы грамматики и здесь остаются неясными.

III

Переходя далее к собственно грамматическим теориям Есперсена, мы должны прежде всего остановиться на весьма своеобразной трактовке различия между морфологией и синтаксисом. По мнению Есперсена, это различие основано не на каком-либо различии объектов изучения, а только на различии в подходе исследователя к этим объектам. Материал, с которым имеет дело морфология, по Есперсену, ничем не отличается от материала, с которым имеет дело синтаксис. Как морфология, так и синтаксис изучают всю совокупность

¹ А. И. С м и р н и ц к и й. Лексикология английского языка, 1956, стр. 228.

грамматических явлений языка. Различие же между ними заключается, по Есперсену, в том, что морфология подходит к явлениям извне, т. е. идет от формы к значению, а синтаксис — изнутри, т. е. от значения к форме. Так, например, если мы говорим, что форма множественного числа существительных образуется в современном английском языке в большинстве случаев при помощи окончания -s, в отдельных случаях при помощи окончания -en, при помощи изменения корневого гласного и т. д., то это будет синтаксис, поскольку мы идем при этом от значения к форме. Если же мы говорим, что окончание -s может выражать в современном английском языке следующие значения: 1) множественное число существительных, 2) родительный падеж существительных (-'s), 3) 3-е лицо единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения глаголов, 4) неатрибутивную форму притяжательных местоимений (hers и т. п.), то это будет морфология, поскольку мы идем от формы к значению. Такое разграничение подхода извне и подхода изнутри к одним и тем же явлениям, вообще говоря, возможно (хотя „подход извне“ в этом смысле представляется мало плодотворным). Но совершенно недопустимо применять к этому своеобразному различию термины „морфология“ и „синтаксис“, которые по давней и общепринятой научной традиции имеют совсем другое значение. Подлинное же различие между морфологией и синтаксисом у Есперсена стирается. Так, например, в морфологию он включает порядок слов, поскольку исследователь рассматривает его „извне“, т. е. устанавливает, какие значения может иметь то или иное расположение слов в предложении. Употребление привычных терминов в непривычном значении всегда создает серьезные принципиальные трудности. Принять предложенное Есперсеном употребление терминов „морфология“ и „синтаксис“ совершенно невозможно.

IV

Видное место в грамматической системе Есперсена занимает его теория „трех рангов“, которая первоначально была изложена в его „Грамматике современного английского языка“ и в несколько измененном виде включена в „Философию грамматики“.

Согласно этой теории, следует различать слова трех „рангов“: 1) слова первичные, 2) слова вторичные, или адъюнкты, 3) слова третичные, или субъюнкты. Это различие основано на следующем принципе: первичные слова стоят, так сказать, „сами по себе“ и не определяют какого-либо другого слова; слова вторичные стоят при каком-нибудь первичном слове и определяют его; слова третичные стоят при каком-нибудь вторичном слове и определяют его. Разумеется, замечает далее Есперсен, бывают слова, которые стоят при третичных (их можно было бы назвать четвертичными); бывают и слова, которые стоят при четвертичных (их можно было бы назвать пятичными), и т. д.; однако в установлении дальнейших градаций нет необходимости, поскольку четвертичные, пятичные и т. д. слова ничем не отличаются от третичных; поэтому можно ограничиться тремя рангами.

Взаимоотношение между этими тремя рангами и частями речи, а также между рангами и членами предложения остается у Есперсена не вполне ясным.

Для иллюстрации своих положений Есперсен приводит такие английские примеры: *extremely hot weather* (*extremely* — третичное слово, *hot* — вторичное слово, *weather* — первичное слово), *a furiously barking dog*. Таким образом, первичными словами оказываются в первую очередь существительные, вторичными — прилагательные, третичными — наречия. Однако отождествить понятие первичного слова с понятием существительного и т. д. все же нельзя: первичным словом может быть и местоимение и т. д. С другой стороны, нельзя также отождествить первичное слово с подлежащим: дополнение тоже будет первичным словом. Характерно для всей этой концепции Есперсена то, что в системе трех рангов не находится места для глагола-сказуемого. Правда, на стр. 112 упоминается о том, что глагол в личной форме может быть только вторичным словом, но это попутное заявление не меняет существа дела: система трех рангов задумана как система организации безглагольных сочетаний. В сущности, система „трех рангов“ характеризует отношения, складывающиеся внутри словосочетания, центром которого является существительное (или субстантивное местоимение). Подлинной областью применения теории „трех рангов“ является, таким образом, именное словосочетание. Однако Есперсен применяет понятия „трех рангов“ не только к этой области. „Первичными элементами“ могут, согласно его теории, быть и подчиненные предложения. Так, например, в составе сложноподчиненного предложения *That he will come is certain* подчиненное предложение *that he will come* будет, по Есперсену, „первичным элементом“; в составе сложноподчиненного предложения *I like a boy who speaks the truth* предложение *who speaks the truth* будет „вторичным элементом“ и т. п. (ср. стр. 117 и сл.). Такое применение этих терминов представляет собой, очевидно, уже дальнейший шаг — применение понятий, выработанных на материале именного словосочетания, к явлениям, характерным для сложного предложения.

Таким образом, теория „трех рангов“ имеет свое значение в определенной узкой сфере, но не может заменить ни теорию частей речи, ни теорию членов предложения.

V

Другой существенный пункт в грамматической теории Есперсена представлен теорией „нексуса“ и „юнкции“. Под этими терминами подразумеваются явления, давно знакомые лингвистической науке. Различение „нексуса“ и „юнкции“ — это различение предикативных и непредикативных сочетаний слов. Элементарные примеры, которые приводит Есперсен на стр. 108 — „собака лает“ и „лающая собака“, — иллюстрируют явления, которые обозначались различными терминами. Само собой разумеется, что обычным случаем „нексуса“ является предложение: связь между подлежащим и сказуемым будет, если пользоваться терминологией Есперсена, „нексусной связью“, поскольку во всяком предложении налицо акт предикирования — утверждение или отрицание связи между подлежащим и сказуемым. Однако „нексус“ может встретиться и в ином грамматическом оформлении. „Нексусом“ будет, по Есперсену, и такое предикативное сочетание, которое состоит не из

подлежащего и сказуемого, а из других элементов предложения, напр.: мер сочетание *her sing* в предложении *I heard her sing* (стр. 133).

Таким образом, под понятие нексуса подойдут все те явления, которые получили у нас название „вторичной предикативности“¹ — сочетание „объектный падеж с инфинитивом“, „абсолютная конструкция“ и т.п. Во всех этих случаях понятие нексуса трактуется как понятие синтаксическое: две отдельные языковые единицы образуют нексус, если между ними существуют предикативные отношения. В таком понимании термин „нексус“ вполне приемлем: он обобщает целый ряд языковых явлений, объединяя их по одному существенному признаку. Однако Есперсен расширяет это понятие настолько, что оно выходит за пределы синтаксиса и проникает в лексикологию. Так, например, существительные — имена действия (*arrival* „прибытие“ и т. п.) он называет „нексусными существительными“ на том основании, что они обозначают не отдельно существующий предмет, а опредмеченное действие предмета, выраженного другим существительным или местоимением, например: *the doctor's arrival* „прибытие доктора“ (стр. 131). Ход рассуждения здесь, по-видимому, примерно следующий: сочетание имени с личной формой глагола, например *the doctor arrived* „доктор прибыл“, образует нексус, поскольку между обеими составными частями сочетания существуют предикативные отношения; в существительном *arrival* „прибытие“ как бы подразумевается действующее лицо; следовательно, предикативные отношения обнаруживаются как бы внутри существительного, которое и получает у Есперсена наименование „нексусного существительного“. Но такой перенос синтаксического понятия нексуса внутрь слова, т. е. перенос его в лексикологию, лишает это понятие отчетливого грамматического содержания и ведет к смешению совершенно различных областей лингвистического исследования. Здесь мы опять видим стирание границ между грамматикой и лексикологией, о котором шла речь выше.

VI

Сходную тенденцию обнаруживает Есперсен и при рассмотрении других явлений языка. Характерной является в этом отношении его трактовка терминов „активный“ и „пассивный“. Эти термины имеют вполне ясное и определенное содержание в применении к залоговой системе глагола. В таком значении употребляет эти термины и Есперсен (стр. 187 и сл.). Однако отчетливое грамматическое содержание этих терминов у него начинает стираться, потому что он применяет их (притом без всяких оговорок) к явлениям совершенно иного порядка, а именно — к лексическим значениям прилагательных и существительных. Так, на стр. 192 и сл. идет речь об „активных“ и „пассивных“ прилагательных; в качестве примеров „активных прилагательных“ приводятся английские прилагательные *troublesome* „беспокойный“, *talkative* „разговорчивый“ и т. п., а в качестве примеров „пассивных прилагательных“ — *eatable* „съедобный“, *credible* „вероятный“ и т.

¹ См. статью Г. Н. Воронцовой. Вторичная предикативность в английском языке. „Иностранные языки в школе“, 1950, № 6.

п. На стр. 193 говорится об „активных и пассивных существительных“; активные существительные: fisher „рыбак“, liar „лжец“ и т. д., пассивные: lessee „съемщик“ („тот, кому сдают в аренду“), referee „рефери“ („тот, кому вопрос направлен на рассмотрение“) и т. д. Не приходится спорить с тем, что в лексическом значении этих прилагательных и существительных содержатся элементы значения, в одних случаях активного признака — способности активно производить действие, или действующего лица, а в Других — способности подвергаться действию, или лица, подвергающегося действию. Постольку поскольку эти различия связаны со словообразовательными суффиксами, они, безусловно, составляют органическую часть словообразовательной системы английского языка. Однако необходимо ясно отличать такие случаи от грамматической категории залога и от деления глагольных форм на активные и пассивные: в глаголах мы имеем дело с различными формами одного и того же слова, т. е. с грамматической категорией, которая входит в систему грамматических категорий глагола, а в прилагательных и существительных — с лексическими значениями, обусловленными (и то не всегда) значением словообразовательных элементов. Смешение этих языковых явлений, принадлежащих различным сферам языка, приводит, как уже отмечалось, к стиранию границ между лексикой и грамматикой. Поскольку труд Есперсена озаглавлен „Философия грамматики“ (а не „Философия языка“ вообще), вопрос о лексических значениях слов, зависящих от значений словообразовательных суффиксов, не должен был бы вообще рассматриваться; если же допустить рассмотрение этого вопроса, то лишь с целью отчетливо отграничить грамматические явления языка от неграмматических.

VII

Позиция Есперсена в вопросе об аналитических формах слов требует особого рассмотрения.

В вопросе о падежах английских существительных Есперсен стоит на безусловно правильной позиции. В обстоятельной полемике с Зонненшейном он отвергает причисление предложных сочетаний к падежам (стр. 200 и сл.), справедливо указывая, что Зонненшейн и другие сторонники „предложных падежей“ навязывают современному английскому языку категории, существующие в языках флективного строя, например в латинском или в древне-английском.

С другой стороны, об аналитических формах глагола Есперсен высказывает спорные суждения. На стр. 51 он замечает: „...было бы неправильным включать особую форму будущего времени в систему времен английского языка“. По его мнению, этого не следует делать потому, что, с одной стороны, значение будущего времени можно выразить без особой глагольной формы (I start to-morrow at six и т. п.), а с другой — оно часто передается при помощи сочетаний (phrases), которые выражают не чистую будущность, а будущность в сочетании с дополнительными оттенками — воли, обязанности и т. п. Признавая далее, что глагол shall может совершенно терять значение обязанности (например, в предложении I shall be glad if you can come),

Есперсен замечает, что *shall* действительно очень близок к состоянию вспомогательного глагола будущего времени, но все же отказывается признать существование формы будущего времени в английском языке, ссылаясь на то, что данный глагол употребляется не во всех лицах.

Что же касается перфектных и длительных форм, то Есперсен (см. гл. XIX и XX) не находит препятствий к признанию их аналитическими формами глагола. Таким образом, в этом вопросе он придерживается общепринятой точки зрения.

VIII

Важное значение для проблематики книги имеет, конечно, вопрос о взаимоотношениях между диахроническим и синхроническим подходом к языковым явлениям. Со времени выхода в свет „Курса общей лингвистики“ Ф. де Соссюра этот вопрос вызывает, как известно, много споров среди лингвистов, в том числе и среди советских. Позиция Есперсена в этом вопросе, несомненно, представляет для советского читателя значительный интерес.

В начале гл. II („Систематическая грамматика“) Есперсен заявляет: „За последние сто лет старые методы лингвистического исследования были заменены новыми методами исторической грамматики — и этим лингвистика вправе гордиться. Историческая грамматика не только описывает явления, но и объясняет их“ (стр. 29), и далее: „Но как ни велики успехи новых методов исследования, нельзя забывать, что мы не все еще сказали, если истолковали факты языка в свете его истории. Даже после того, как многие неправильные образования были возведены к более ранним правильным, другие все же остались неправильными, как бы далеко в прошлое мы ни углублялись... Многие неправильности можно объяснить, но объяснение не устраняет их: для говорящих на современном языке они остаются столь же неправильными, как если бы их происхождение не было объяснено... Во всяком случае, историческая лингвистика не может сделать ненужной описательную, поскольку историческая лингвистика всегда должна основываться на описании тех этапов в развитии языка, которые нам непосредственно доступны“ (стр. 30).

Такое понимание взаимоотношений между двумя подходами к языковым явлениям в целом вполне совпадает с тем, которое дает проф. А. И. Смирницкий в своей книге „Древнеанглийский язык“¹. Именно такое понимание представляется нам наиболее правильным. Возражать можно было бы только против термина „описательная лингвистика“, „описательный способ“, так как слово „описательный“ легко можно понять в смысле „дающий только описание и не дающий объяснения явлений“. В этом отношении термин „синхронический“ представляется гораздо более удачным.

Исходя из такого понимания, Есперсен строит свою грамматическую систему в „описательном“, т. е. синхроническом плане. Данные диахронического характера привлекаются там, где это содействует более полному и всестороннему освещению грамматических явлений (например, в главе о категории рода, стр. 263 и сл.), но две плоскости рассмотрения явлений

¹ См. А. И. Смирницкий. Древнеанглийский язык. 1955, стр. 5 и сл.

нигде не смешиваются. Отчетливое различие двух подходов к языковым фактам составляет, безусловно, одну из сильных сторон „Философии грамматики“.

IX

Можно было бы отметить и целый ряд других проблем, по которым Есперсен высказывает своеобразные, иногда свежие и интересные, иногда спорные и даже неприемлемые суждения: проблему частей речи (гл. IV—VI), проблему глагольных времен в связи с категорией вида (гл. XIX—XX), проблему классификации высказываний (гл. XXII), проблему отрицания (гл. XXIV) и др. Даже в тех случаях, когда концепция Есперсена вызывает серьезные возражения, она интересна тем, что будит мысль читателя и заставляет его глубже вдуматься в проблему, чтобы вскрыть корни есперсеновских концепций и опровергнуть их.

Таким образом, мы находим в книге Есперсена множество мыслей, далеко не равноценных. В ней чередуются правильные наблюдения и плодотворные частные выводы с произвольными, а в ряде случаев предвзятыми обобщениями. Приходится констатировать, что Есперсен нередко смешивает грамматические явления с неграмматическими, а во многих случаях не вдумывается достаточно глубоко в сущность языковых категорий, которые он рассматривает. Целый ряд серьезных недочетов в этом отношении бросается в глаза мало-мальски подготовленному читателю.

При всем том „Философия грамматики“, несомненно, представит для советского читателя незаурядный интерес. Обилие и разнообразие языкового материала, оригинальные и в ряде случаев неожиданные размышления автора заинтересуют читателя-языковеда и заставят его глубже задуматься над сущностью многих языковых явлений. *Б. Ильин.*

Глава I

ЖИВАЯ ГРАММАТИКА

Говорящий и слушатель. Формулы и свободные выражения. Грамматические типы. Построение предложений.

ГОВОРЯЩИЙ И СЛУШАТЕЛЬ

Сущностью языка является человеческая деятельность — деятельность одного индивида, направленная на передачу его мыслей другому индивиду, и деятельность этого другого, направленная на понимание мыслей первого. Если мы хотим понять природу языка и, в частности, ту его область, которая изучается грамматикой, мы не должны упускать из виду упомянутых двух людей — производящего и воспринимающего речь, назовем их проще —

говорящим и слушателем. В прежние времена этот процесс оставался незамеченным; слова и формы слов рассматривались как естественные предметы, существующие сами по себе. В значительной мере это объяснялось, вероятно, чрезмерным вниманием к написанным или напечатанным словам; однако такая концепция совершенно несостоятельна, что можно ясно понять, если хоть сколько-нибудь вдуматься в этот вопрос.

Мы называем двух людей — производящего и воспринимающего речь — говорящим и слушателем. Произносимое и слышимое слово есть первоначальная форма языка, гораздо более важная, чем его вторичная форма, проявляющаяся в письме (печати) и чтении. Совершенно очевидно, что произносимое и слышимое слово обладало первостепенной важностью и в течение тех неисчислимых веков, когда человечество еще не изобрело письменности или когда оно пользовалось ею в ограниченных пределах. Но даже и теперь, в наш век широкого распространения газет, подавляющее большинство людей гораздо больше говорит, чем пишет. Во всяком случае, невозможно понять, что такое язык и как он развивается, если не исходить постоянно и прежде всего из процесса говорения и слушания и если хотя бы на мгновение забыть о том, что письмо — только заменитель устной речи. Написанное слово подобно мумии до тех пор, пока кто-нибудь не оживит его, мысленно превратив в соответствующее слово устной речи.

Грамматист всегда должен быть начеку, чтобы избежать ловушек, в которые его может завести орфография. Вот несколько очень простых примеров. Окончание множественного числа существительных и 3-го лица единственного числа настоящего времени глаголов у таких слов, как *ends* „концы“, „кончает“, *locks* „запоры“, „запирает“, *rises* „подъемы“, „поднимается“, одинаково по написанию — *-s*; но в действительности мы имеем три различных окончания, что видно из их фонетической транскрипции [endz, lɒks, raɪzɪz]. Точно так же окончание *-ed* в написании соответствует трем различным окончаниям в произношении, например: *sailed* „плыл“, *locked* „запер“, *ended* „кончил“ [seɪld, lɒkt, endɪd]. Исходя из написания, можно подумать, что формы прошедшего времени *paid* „платил“ и *said* „сказал“ образуются одинаково, но отлично от формы *stayed* „остался“; однако в действительности *paid* и *stayed* образуются по общему правилу [peɪd, steɪd], а *said* с сокращенным гласным [sed] представляет собой неправильное образование. Если письменная речь признает только одно слово *there*, то устная речь различает и по звучанию и по значению (также и грамматическому) два слова *there*; ср., например, предложение *There [ðɜː] were many people there [ˈðeɪ.ɹ]* „Там было много народу“. Длительность, ударение и интонация, очень плохо отраженные или совсем не отраженные на письме, играют важную роль в грамматике устного языка, и это постоянно напоминает нам о важной истине: грамматика должна в первую очередь иметь дело со звуками и лишь во вторую очередь — с буквами.

ФОРМУЛЫ И СВОБОДНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Если теперь, после приведенных предварительных замечаний, мы обратимся к психологической стороне языковой деятельности, то прежде всего заметим важное различие между формулами или единицами типа формул и

свободными выражениями. Ряд единиц языка, причем любого языка, имеет характер формул; иначе говоря, в них никто ничего не может изменить. Так, выражение *How do you do?* „Как поживаете?“ в корне отлично от выражения *I gave the boy a lump of sugar* „Я дал мальчику кусок сахару“. В первом предложении ничего изменить нельзя: нельзя даже переставить ударение, сказав *How do you do?*, или сделать паузу между словами. И в отличие от прежних времен в наши дни не принято говорить *How does your father do?* или *How did you do?* Правда, еще можно, сказав *How do you do?* несколько присутствующим, изменить ударение и произнести *And how do you do, little Mary?* Но фактически *How do you do?* нужно считать застывшей формулой. То же относится и к *Good morning!*, *Thank you*, *Beg your pardon* и другим выражениям подобного рода. Разумеется, такую формулу можно подвергнуть анализу и показать, что она состоит из нескольких слов; но она воспринимается и трактуется как целое, значение которого может быть совершенно отличным от значений составляющих его слов, взятых в отдельности. *Beg your pardon*, например, часто означает „Пожалуйста, повторите, что Вы сказали; я не совсем расслышал“; *How do you do?* теперь уже не является вопросом, требующим ответа, и т. д.

Легко заметить, что предложение *I gave the boy a lump of sugar* имеет иной характер. В нем можно выделить ударением любое из полнозначных слов, сделать паузу, например после *boy*, заменить местоимение *I* местоимением *he* или *she*, а глагол *gave* — глаголом *lent* или вместо *the boy* поставить *Tom* и т. д. Можно вставить в предложение слово *never* и произвести другие изменения. В то время как при употреблении формул все дело в памяти и в воспроизведении усвоенного, свободные выражения требуют умственной деятельности иного рода; говорящий должен создавать их в каждом конкретном случае заново, включая в предложение необходимые для этого слова. Полученное таким образом предложение может в том или ином отношении совпадать с тем, что говорящий слышал или произносил ранее; это не меняет сути дела. Важно то, что, создавая предложение, говорящий опирается на определенный образец. Независимо от того, какие слова он подбирает, он строит предложение по этому образцу. И даже без специальной подготовки в области грамматики мы чувствуем, что предложения

John gave Mary the apple
„Джон дал Мери яблоко“,
My uncle lent the joiner five shillings
„Мой дядя одолжил столяру 5 шиллингов“

являются аналогичными, т. е. что они созданы по единому образцу. В обоих случаях налицо один и тот же тип предложения. Слова, из которых состоят эти предложения, различны, но тип один и тот же.

Как же возникают такие типы предложений в сознании говорящего? Маленький ребенок не знает грамматических правил, согласно которым подлежащее занимает первое место, а косвенное дополнение всегда стоит перед прямым; и все же без подготовки в области грамматики он извлекает из бесчисленного количества предложений, которые он слышал и усвоил, достаточно определенное понятие об их структуре и может построить подобное предложение сам. Разумеется, трудно или невозможно охарактеризовать это понятие без таких терминов, как подлежащее, глагол и т. п. Когда ребенок

произносит правильное предложение, построенное по определенному образцу, ни он, ни его слушатели не в состоянии определить, является ли оно чем-то новым, созданным им самим, или же предложением, которое он слышал прежде в точно таком же виде. Важно здесь только то, что ребенка понимают и будут понимать впредь, если его предложение соответствует языковым нормам того общества, в котором он живет. Если бы это был ребенок француз, он слышал бы бесконечное множество таких предложений как

Pierre donne une pomme à Jean

„Пьер дает яблоко Жану“,

Louise a donné sa poupée à sa soeur

„Луиза дала куклу своей сестре“ и др.,

и в случае необходимости мог бы сказать что-нибудь вроде:

Il va donner un sou à ce pauvre enfant

„Он собирается дать су этому бедному ребенку“.

Немецкий ребенок, соответственно, построил бы свое предложение по иному типу — с *dem* и *der* вместо французского *a* и т. д. (Ср. „Language“, гл. VII).

Таким образом, свободные выражения можно определить как соединения языковых единиц, созданные на данный случай по определенному образцу, который возник в подсознании говорящего в результате того, что он слышал огромное количество предложений, имеющих общие черты. Отсюда следует, что различие между свободными выражениями и формулами в ряде случаев улавливается трудно; его можно обнаружить только при помощи тщательного анализа: для слушающего те и другие на первый взгляд кажутся совершенно одинаковыми, и при этом формулы могут играть и действительно играют большую роль в выработке моделей в сознании говорящих, тем более что многие из них встречаются очень часто. Приведем еще несколько примеров.

Чем является предложение *Long live the King!* „Да здравствует король!“ — формулой или свободным выражением? Составить бесчисленное количество предложений по этому образцу невозможно. Такие сочетания, как *Late die the King!* „Да продлится жизнь короля!“ (букв. „Да умрет король поздно!“), *Soon come the train!* „Да прибудет скорее поезд!“, не употребляются в наше время для выражения желания. С другой стороны, можно сказать *Long live the Queen!* „Да здравствует королева!“, или *the President* „президент“, или *Mr. Johnson*. Иными словами, тип предложения, в котором на первом месте стоит наречие, за ним следует глагол в сослагательном наклонении и, наконец, подлежащее, а все вместе выражает желание, совершенно вышел из употребления как продуктивный образец. Выражения же, которые еще употребляются, представляют собой пережитки этого типа. Таким образом, предложение *Long live the King!* следует рассматривать так: оно состоит из формулы *Long live*, в основе которой лежит мертвый тип, и любого подлежащего. Поэтому мы находим здесь тип предложения, имеющий употребление, гораздо более ограниченное в наше время, чем в ранние эпохи развития английского языка.

В статье Дж. Ройса по вопросам этики я нашел принцип, сформулированный следующим образом: *Loyal is that loyally does* „Лоялен тот, кто поступает лояльно“. Это предложение звучит неестественно, поскольку автор построил его по образцу пословицы *Handsome is that handsome does*

„Красив тот, кто красиво поступает“; но он совершенно не считается с тем, что как бы оно ни воспринималось прежде, в момент его создания, теперь оно является фактически лишь формулой, на что указывает употребление относительного *that* без определяемого слова и порядок слов.

Различие между формулами и свободными выражениями пронизывает все разделы грамматики. В морфологии подобное различие обнаруживается во флективных формах. Форма множественного числа *eyen* „глаза“ стала выходить из употребления в XVI в.; теперь она мертва. Но когда-то не только это слово, но и тип, по которому оно было образовано, являлись живыми элементами английского языка. Единственным сохранившимся до наших дней случаем образования множественного числа путем прибавления окончания *-en* к единственному числу является слово *oxen* „волы“. Теперь оно живет в качестве формулы, а его тип уже давно вымер. В то же время *shoen* „башмаки“, *fone* „враги“, *eyen* „глаза“, *kine* „коровы“ были вытеснены формами *shoes*, *foes*, *eyes*, *cows*, или, иначе говоря, множественное число этих слов было переоформлено в соответствии с живым типом, который мы находим в *kings*, *lines*, *stones* („короли“, „линии“, „камни“) и др. Этот тип стал сейчас настолько универсальным, что ему следуют все новые слова: *bicycles* „велосипеды“, *photos* „фотографии“, *kodaks* „фотоаппараты кодак“, *aeroplanes* „самолеты“, *hooligans* „хулиганы“, *ions* „ионы“, *stunts* „фокусы“ и др. Когда впервые было произнесено *eyes* вместо *eyen*, оно явилось аналогическим образованием по типу слов, уже имевших окончание множественного числа *-s*. Теперь же, когда ребенок в первый раз говорит *eyes*, невозможно решить, воспроизводит ли он ранее слышанную форму множественного числа, или же, усвоив форму единственного числа *eye*, добавляет к ней окончание *-s* (фонетически [z]) в соответствии с тем типом, который он выделил из множества подобных слов. Результат в обоих случаях один и тот же. Если бы свободное сочетание языковых элементов, которое производит индивидуум, не совпадало в подавляющем большинстве случаев с традиционной формой, то развитие языка испытывало бы затруднения; нелегко было бы пользоваться языком, если бы говорящему приходилось обременять свою память запоминанием каждого элемента в отдельности.

Как можно заметить, „типом“ в морфологии является то, что принято называть правильными образованиями, неправильные же образования представляют собой „формулы“.

В теории словообразования принято выделять продуктивные и непродуктивные суффиксы. Примером продуктивного суффикса может служить суффикс *-ness*, поскольку можно образовать такие новые слова, как *weariness* „усталость“, *closeness* „духота“, *perverseness* „упрямство“ и т. д. Наоборот, суффикс *-lock* в составе слова *wedlock* „супружество“ является непродуктивным, так же как и суффикс *-th* в словах *width* „ширина“, *breadth* „ширина“, *health* „здоровье“; попытка Раскина создать слово *illth* по аналогии с *wealth* „богатство“ не имела успеха; по-видимому, ни одного нового слова с таким суффиксом за несколько сот лет не появилось. Это еще раз иллюстрирует сказанное выше: тип „прилагательное + *-ness*“ все еще живет, в то время как *wedlock* и другие приведенные выше слова с суффиксом *-th* являются формулами ныне мертвого типа. Однако последний был живым, когда образовалось слово *width*. В те отдаленные времена можно было прибавить это

окончание (тогда оно звучало приблизительно -iου) к любому прилагательному. С течением времени это окончание свелось к звуку ю (th), и одновременно подвергся изменению гласный первого слога. В результате суффикс перестал быть продуктивным. Поэтому человеку, не знающему исторической грамматики, невозможно увидеть, что такие пары слов, как long : length, broad : breadth, wide : width, deep : depth, whole : health, dear : dearth, представляют собой один и тот же тип образования. Эти слова передавались из поколения в поколение как некие единства, т. е. формулы. Когда же появлялась потребность в новом “абстрактном существительном” (я пользуюсь здесь обычным термином для таких слов), то обращались уже не к суффиксу -th, а к суффиксу -ness, присоединение которого не сопровождалось изменением прилагательного и поэтому не вызывало затруднений.

Те же соображения остаются в силе и для сложных слов. Возьмем три древних сложных слова, включающих hūs „дом“, — hūsbōnde, hūsiung, hūswīf. Все они образованы по обычному типу, характерному для древних сложных слов; те, кто впервые создал эти слова, сообразовались с обычными правилами; таким образом, первоначально эти слова представляли собой свободные выражения. Но, переходя из поколения в поколение, они стали трактоваться как цельные, нечленимые слова и поэтому подверглись обычным звуковым изменениям: долгий гласный ū сократился; [s] озвончилось перед звонкими звуками; [ю] после [s] перешло в [t]; [w] и [f] исчезли, а гласные второго компонента редуцировались. В результате появились современные формы husband „муж“, husting(s) „трибуна“, hussy „женщина дурного поведения“ — фонетически [hAZbɔnd, hAstiNz, hAZi]. Первоначальная прочная связь со словом hūs постепенно ослабела, особенно после перехода долгого и в дифтонг — house. Наряду с расхождением по форме появились не менее значительные расхождения по значению, так что никому, кроме лиц, занимающихся этимологией, не придет в голову связывать слова husband, hustings или hussy со словом house. С точки зрения современной живой речи эти три слова не являются сложными; они стали, согласно терминологии, принятой здесь, формулами и находятся в одном ряду с другими двусложными словами неясного или забытого происхождения, такими, например, как sofa „диван“ или cousin „кузен“.

Что касается слова huswif, то здесь обнаруживаются различные степени изоляции по отношению к словам house и wife „жена“. Hussy [hAZi] в значении „женщина дурного поведения“ утратило всякую связь с обоими компонентами; однако для устаревшего значения „игольник“ в старых словарях засвидетельствованы различные формы, в которых проявляются противоречивые тенденции: ср. huswife [hAZwaif], hussif [hAZif], hussive. Кроме того, в значении „хозяйка дома“ мы находим housewife, где форма обоих компонентов полностью сохранилась; но это, по-видимому, сравнительно недавнее новообразование; его не признавал, например, еще Эльфинстон в 1765 г. Таким образом, тенденция превратить древнее сложное слово в формулу в большей или меньшей степени встречает сопротивление со стороны живого чувства языка, которое в некоторых значениях воспринимает это сложное слово как свободное выражение; иначе говоря, люди продолжали соединять два конкретных компонента, не думая о существовании формулы, которая более или менее окаменела по звучанию и по значению. И это далеко не редкое

явление: слово *grindstone* в качестве формулы стало произноситься [grɪnstɔ:n] с обычным сокращением гласного в обоих компонентах; однако победила тенденция трактовать *grindstone* как свободное сочетание, что нашло отражение в широко распространенном произношении [graɪndstəʊn]; в слове *waistcoat* „жилет“ появляется новое звучание [waɪstkəʊt] вместо [weɪskɔ:t], характерного для формулы; произношение слова *fearful* „страшный“ орфоэписты XVIII в. дают как „ferful“, но теперь оно всегда произносится [fɪəf(u)l]. Другие примеры приведены в моей книге „A Modern English Grammar“. I, 4. 34 и сл.

Нечто подобное можно увидеть и в словах, которые не являются сложными. В среднеанглийский период мы находим краткие гласные у многих прилагательных в сравнительной степени: *deppre*, *grettre* при *deep* „глубокий“, *great* (*greet*) „великий“. Некоторые из этих форм сравнительной степени превратились в формулы и как таковые были переданы последующим поколениям. В современном языке из подобных форм встречаются только *latter* „последний“ и *utter* „полный“, сохранившие краткие гласные в результате отрыва от форм положительной степени *late* и *out* и известного семантического обособления. Но другие формы сравнительной степени были заново образованы как свободные сочетания — *deeper*, *greater*, а также *later* и *outer*, которые гораздо ближе связаны с *late* и *out*, чем *latter* и *utter*.

Сходные явления мы находим в области ударения. Разумеется, дети выучивают ударение, так же, как они выучивают и звуки каждого слова, так что и в этом смысле произношение слова есть определенная формула. Однако в некоторых словах возможно столкновение двух норм ударения, ибо слова как свободные выражения могут иногда создаваться в момент речи. Как правило, прилагательные на *-able*, *-ible* имеют ударение на четвертом слоге от конца в силу ритмического принципа. Согласно этому принципу, гласный, отделенный одним (слабым) слогом от первоначального ударения, теперь всегда несет ударение: ср. *'despicable* „презренный“ (первоначально, как во французском языке, *"despi'cable*), *'comparable* „сравнимый“, *'lamentable* „прискорбный“, *'preferable* „предпочтительный“ и др. У некоторых из этих слов в результате ритмического принципа ударным оказывается тот же самый слог, что и у соответствующего глагола: *con'siderable* „значительный“, *'violable* „нарушимый“. Но у других прилагательных дело обстоит иначе. При свободном образовании, если бы говорящий исходил из глагола и затем присоединял *-able*, акцентуация была бы иной: прилагательное, соответствующее глаголу *ac'sept*, у Шекспира и у некоторых других поэтов звучало *'acceptable*; та же формула сохранилась и при чтении молитвенника. Однако в других случаях слово перестроилось и стало звучать *ac'septable*; *refutable* звучало [rɪ'fju:təbl], но теперь более обычным стало [rɪ'fju:təbl]; *'respectable* уступило место *re'spectable*; шекспировское и спенсеровское *'detestable* было заменено *de'testable*, которое находим у Мильтона; в слове *admirable* „превосходный“ новому произношению [əd'maɪərəbl] не удалось вытеснить старое произношение [əd'mɪərəbl]; однако у огромного большинства прилагательных полностью победила аналогия или свободное образование: *a'greeable* „приятный“, *de'plorable* „плачевный“, *re'markable* „замечательный“, *irre'sistible* „неотразимый“. Аналогичная борьба наблюдается и у слов с другими окончаниями: *'confessor* и *con'fessor* „исповедник“, *sa'pitalist* и *'capitalist* „капиталист“, *de'monstrative* и *'demonstrative* „убедительный“ и др. Иногда изменяется и значение слов: свободное

образование сохраняет не только ударение, но и значение слова, от которого оно образовано, а формула занимает более или менее обособленное положение (примеры см. в “A Modern English Grammar“, гл. V). В британском произношении advertisement [ɑd'vɜ:tɪzmənt] „объявление“ видна традиционная формула, в то время как американское произношение [ˈxɪdvɜ:tɑɪzmənt] или [ˈxɪdvɜ:tɑɪzmənt] представляет собой свободное образование от основы глагола.

Различие между формулами и свободными сочетаниями затрагивает также и порядок слов. Одного примера будет достаточно: пока some + thing является свободным сочетанием двух элементов, которые ощущаются как таковые, между ними по общему правилу можно вставить другое прилагательное — some good thing. Однако как только something становится застывшей формулой, его уже нельзя расчленить, и прилагательное должно следовать за ним: something good. Ср. также различие между прежним They turned *each to other* и современным They turned *to each other* „Они повернулись друг к другу“.

Сращение некогда самостоятельных компонентов в формулу не всегда бывает одинаково завершенным: если в случае breakfast это сращение проявляется и в произношении [breɪkfəst] (при [breɪk, fə-st]) и в формах he breakfasts, breakfasted (панее breaks fast, broke fast), то в случае take place оно не доведено до такой степени, но тем не менее это выражение тоже представляет собой формулу со значением „иметь место, случаться“; она ведет себя не так, как глагол take с другим дополнением; другое дополнение при take может в некоторых случаях быть поставлено на первое место (a book he took) или может стать подлежащим в пассивной конструкции (the book was taken); но в отношении take place ни то, ни другое невозможно.

Разумеется, нельзя отрицать и наличие сомнительных случаев: иногда трудно сказать, имеем ли мы дело с формулой или нет; однако установлено, что различие между формулами и свободными сочетаниями охватывает всю сферу языковой деятельности. Формулой может быть целое предложение или группа слов, одно слово или часть слова, т. е. неважно, каков ее состав; важно, чтобы живым чувством языка она воспринималась как нечто единое, не членимое и не разложимое так, как членятся и разлагаются свободные сочетания. Тип, или образец, к которому восходит формула, может исчезнуть из языка или еще существовать в языке; но тип, по которому строится свободное сочетание, должен быть обязательно живым; поэтому формулы могут быть как правильными, так и неправильными, но свободные сочетания всегда обнаруживают правильное образование.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Процесс возникновения грамматических типов, или образцов, в сознании начинающих говорить детей поистине поразителен, и во многих случаях мы находим любопытные примеры его влияния на историю языков. В немецком языке приставка ge-, которая могла присоединяться сначала к любой форме глагола для выражения законченности действия, с течением времени стала связываться специально с причастием прошедшего времени. В глаголе essen „есть“ (инф.) произошло, однако, естественное слияние гласного

приставки и начального гласного самого глагола и таким образом возникла форма *gessen*; эта форма была воспринята как формула, и в ней перестал выделяться тот префикс, который выделяется в формах *getrunken* „выпитый“, *gegangen* „ушедший“, *gesehen* „виденный“ и др.; затем в сочетаниях типа *Ich habe getrunken und gessen* „Я попил и поел“ *gessen* было воспринято как неполная форма и дополнено приставкой *ge-* (*ich habe getrunken und gegessen*); параллелизм был восстановлен.

Грамматические навыки могут, таким образом, привести к тому, что с определенной точки зрения можно назвать избыточностью. Нечто подобное имеет место во многих случаях употребления *it*. В современных языках перед сказуемым всегда стоит подлежащее, а поэтому предложение без подлежащего воспринимается как неполное. В более ранние времена при таких глаголах, как лат. *pluit* „идет дождь“, *ningit* „идет снег“ и др., никакого местоимения не требовалось (в итальянском языке до сих пор сохранилось *piove, nevica*); однако по аналогии с бесчисленными сочетаниями типа *I come* „я прихожу“, *he comes* „он приходит“ и др. в английском языке было добавлено *it*, откуда *it rains* „идет дождь“, *it snows* „идет снег“ и др. и соответственно во французском, немецком, датском и других языках — *il pleut* „идет дождь“, *es regnet, del regner*. Было правильно замечено, что необходимость местоимения начали ощущать особенно тогда, когда стали выражать различие между утверждением и вопросом с помощью порядка слов (*er kommt* „он идет“, *kommt er?* „идет ли он?“). Точно таким же образом теперь можно выразить различие между *es regnet* и *regnet es?*

Такие глаголы, как *rain, snow*, первоначально употреблялись без подлежащего. Поскольку даже теперь очень трудно логически определить, что обозначает подлежащее *it* и какое оно имеет значение, многие ученые¹ рассматривают его просто как грамматический прием, подводящий предложение под обычный тип. Бывают и такие случаи, когда в предложении имеется реальное подлежащее, но мы почему-то вводим местоимение *it*. Например, можно сказать *To find one's way in London is not easy* „Ориентироваться в Лондоне не легко“; однако считают более удобным инфинитив сразу не вводить; но и в этом случае мы не начинаем с глагола и не говорим *Is not easy to find one's way in London*, поскольку мы привыкли, что предложения, начинающиеся с глагола, являются вопросительными. Мы говорим: *It is not easy* и т. д. Точно так же можно сказать: *That Newton was a great genius cannot be denied* „Что Ньютон был великим гением, нельзя отрицать“. Однако, если мы не хотим начинать с подчиненного предложения, приходится сказать *It cannot be denied that Newton was a great genius*. В таких предложениях *it* является представителем следующего за ним инфинитива или придаточного предложения, подобно тому как в предложении *He is a great scoundrel, that husband of hers* „Он большой мерзавец, ее муж“ *he* является представителем слов *that husband of hers*. Ср. также разговорное предложение *It is perfectly wonderful the way in which he remembers things* „Прямо удивительно, как он все помнит“. Было бы неловко сказать *She made that he had committed many offences appear clearly* „Она показала ясно, что он совершил много проступков“, где грамматические компоненты были бы расположены так, как это обычно

¹ Среди них Бругман. См. также ниже, раздел „Род“

бывает при сочетании *make appear* „показать“ (*She made his guilt appear clearly* „Она ясно показала его вину“). Эта неловкость устраняется постановкой *it* перед инфинитивом: *She made it appear clearly that he had committed many offences.*

Таким образом, получается, что многие правила употребления *it* обусловлены, с одной стороны, стремлением говорящего соблюдать определенные образцы построения предложения, характерные для бесчисленного количества предложений с другими подлежащими или дополнениями, а, с другой стороны, стремлением избежать громоздких конструкций, которые могут привести иногда к неправильному пониманию предложения.

Подобным же образом надо объяснить и правила употребления вспомогательного глагола *do* в вопросительных предложениях. В целом для английского языка характерна тенденция ставить подлежащее перед сказуемым; но ей противостоит другая тенденция — выражать вопрос обратным порядком слов „глагол — подлежащее“, например в устарелом предложении *Writes he?* „Пишет ли он?“ (ср. нем. *Schreibt er?* и франц. *Écrit-il?*). Наряду с этим во многих вопросительных предложениях встречается и такой порядок слов: „вспомогательный глагол — подлежащее — глагол“ (*Can he write?* „Может ли он писать?“, *Will he write?* „Будет ли он писать?“, *Has he written?* „Написал ли он?“ и др.). В такой конструкции полнозначный глагол стоит после подлежащего, как и в обычных утвердительных предложениях. Создание компромиссных форм типа *Does he write?* „Пишет ли он?“ дало возможность примирить две противоположные тенденции: с формальной точки зрения глагол, хотя и неполнозначный, стоит перед подлежащим для выражения вопроса, с другой стороны, подлежащее стоит перед смысловым глаголом. Вспомогательный глагол, однако, не нужен, если подлежащим в предложении служит вопросительное местоимение (*Who writes?*), поскольку оно, естественно, ставится на первое место, и, таким образом, предложение и без *does* соответствует общему образцу¹.

ПОСТРОЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Предложение (если оставить в стороне готовые формулы) не возникает в сознании говорящего сразу, а создается постепенно в процессе речи. Правда, это не всегда бывает так наглядно, как в нижеследующем примере. Предположим, что я встретил кого-нибудь и хочу рассказать ему что-то. Я начинаю разговор таким образом: *There I saw Tom Brown and Mrs. Hart and Miss Johnstone and Colonel Dutton...* „Там я видел Тома Брауна, и миссис Харт, и мисс Джонстон, и полковника Даттона...“ Начиная перечисление, я еще не решил, скольких лиц я упомяну и в каком порядке назову их. Поэтому в каждом случае

¹ Ср. „*Language*“, стр. 357 и сл. Употребление *do* в отрицательных предложениях обусловлено аналогичным компромиссом между стремлением поместить отрицание до глагола и специальным правилом, по которому отрицание *not* должно стоять после глагола: в предложении *I do not say* „Я не говорю“ оно стоит после глагола, выражающего время, число и лицо, но перед смысловым глаголом; ср. мою книгу „*Negation in English and in Other Languages*“ стр. 10 и сл..

мне приходится употреблять союз „и“. Если же, с другой стороны, приступая к рассказу, я знаю точно, кого упомяну, я употреблю *and* только перед последним именем и опущу его в остальных случаях. Кроме того, здесь есть и другое различие: в первом случае (There I saw Tom Brown, and Mrs. Hart, and Miss Johnstone, and Colonel Dutton) я произношу каждое имя с понижением тона, как будто собираюсь закончить предложение, а во втором случае (There I saw Tom Brown, Mis. Hart, Miss Johnstone, and Colonel Dutton) все имена, кроме последнего, произносятся с повышением тона. Ясно, что вторая конструкция, предполагающая точный предварительный замысел предложения в целом, более свойственна письменной речи, а первая — устной. Однако и писатели могут иногда прибегать к разговорному стилю в этом и в других случаях. Одним из крупных мастеров разговорного стиля в английской литературе был Дефо, у которого, в частности, находим: Our God made the whole world, and you, and I, and all things „Наш господь сотворил весь мир, и вас, и меня, и все (на земле)“ („Робинзон Крузо“, 2. 178). Здесь на то, что предложение создается постепенно, шаг за шагом, указывает и форма *I* вместо *me*.

Исходя из этого, можно объяснить многие отступления от синтаксических правил, например такие случаи, как *Hee that rewards me, heaven reward him* „Тот, кто вознаграждает меня, да вознаградит его небо“ (Шекспир). Если писатель употребил местоимение *thou* „ты“, он, несомненно, употребит и глагольную форму с окончанием *-st*, если глагол стоит сразу после местоимения; в противном случае он может забыть об этом и употребить глагольную форму, соответствующую местоимению *you*, которое может всплыть в его уме подсознательно. Так, у Шекспира: *Thou stroakst me and made much of me* („Буря“, 1. 2. 333). Также и Байрон, обращаясь к Сулле: *Thou, who didst subdue Thy country's foes ere thou wouldst pause to feel The wrath of thy own wrongs, or reap the due Of hoarded vengeance... thou who with thy frown Annihilated senates... thou didst lay down* („Чайльд Гарольд“, IV. 83). Такие переходы у Байрона встречаются нередко.

Подобным же образом часто иссякает влияние союза *if*, требующего сослагательного наклонения, когда вдали от союза стоит второй глагол. Ср. у Шекспира: *If Hamlet from himseife be tane away, And when he's not himseife, do's wrong Laertes, Then Hamlet does it not* („Гамлет“, V. 2. 245); *If he be a whoremonger, and comes before him, he were as good go a mile on his errand* („Мера за меру“, III. 2. 37). Также у Раскина: *But if the mass of good things be inexhaustible, and there are horses for everybody, — why is not every beggar on horseback? У миссис Уорд: A woman may chat with whomsoever she likes, provided it be a time of holiday, and she is not betraying her art*¹.

Каждый, кто будет внимательно вслушиваться в обычный разговор, найдет многочисленные подтверждения тому, что говорящий строит предложение постепенно. По мере построения предложения он может изменить первоначальный план сообщения своих мыслей; он может запнуться, прервать изложение и, наконец, построить предложение совершенно иначе, чем оно было задумано ранее. В письменной речи (в частности, в печати) это явление, называемое анаколуфом, встречается, конечно, значительно реже; но

¹ Другие аналогичные примеры собрал Альфонсо Смит (C. Alphonso Smith, *The Short Circuit*, „Studies in English Syntax“, стр. 39).

ученым известно, что оно встречается и здесь. В качестве иллюстрации я позволю себе привести отрывок из шекспировского „Короля Лира“ (IV. 3. 19 и сл.), который не требует никаких комментариев. В самом раннем издании quartos этот отрывок изложен так (в издании фолио вся сцена опущена):

Patience and sorrow strove,
Who should expresse her goodliest [.] You have seene,
Sun shine and raine at once, her smiles and teares,
Were like a better way those happie smilets,
That playd on her ripe lip seeme[d] not to know,
What guests were in her eyes which parted thence,
As pearles from diamonds dropt [.] In briefe,
Sorow would be a raritie most beloved,
If all could so become it¹.

Некоторые издатели отказываются от попытки найти какой-либо смысл в строках 20—21, в то время как другие считают, что слова like a better way искажены, и стараются исправить их самыми различными путями (Were link'd a better way, Were like a better day, Were like a better May, Were like a wetter May, Were like an April day, Were like a bridal day, Were like a better-ing day и т. п.; подробнее см. в кембриджском издании). Но никакого исправления не потребуется, если обратить внимание на то, что это говорит придворный, привыкший к жеманно-утонченному стилю выражения своих мыслей. В этих двух маленьких сценах (действие III, сцена 1 и сцена, приведенная здесь) он не может говорить просто и естественно; он постоянно ищет новых сравнений и получает большое удовольствие от неожиданных слов и выражений. Поэтому я прочел бы этот отрывок следующим образом, изменив лишь пунктуацию:

You have seen
Sunshine and rain at once; her smiles and teares
Were like —

„Вы видели сиянье солнца и дождь одновременно; ее улыбки и слезы были подобны...“

(Произнося эти слова с повышением тона и с небольшой паузой после like, он старается найти красивое сравнение, но не удовлетворен тем, что ему приходит на ум, и говорит себе: „Нет, я выражусь иначе“):

— a better way.

(„Теперь я нашел лучший способ выразить то, что я видел на лице Корделии“):

those happy smilets
That play'd on her ripe lip seem'd not to know
What guests were in her eyes².

Основная задача этой главы — показать читателю, что язык не таков, каким он нам представляется при одностороннем изучении его по словарям и обычным грамматикам. Язык — это совокупность навыков, привычных действий, а каждое слово и каждое произнесенное предложение есть сложное действие со стороны говорящего. Большая часть этих действий определяется тем, что говорящий сам делал в подобных ситуациях, а последнее, в свою

¹ Я заменил streme более уместным strove, а seeme — формой seemed, а также поставил точки после goodliest и dropt. В этих вопросах мнения всех издателей сходятся.

² Приводится в сокращенном виде из моей статьи в книге „A Book of Homage to Shakespeare“, 1916, стр. 481 и сл.

очередь, тем, что ему приходилось неоднократно слышать от других. Но в каждом конкретном случае (если не считать воспроизведения обычных формул) говорящему приходится применять языковые навыки к данной ситуации, чтобы выразить то, что во всех подробностях никогда до этого не выражалось. И поэтому он не может быть рабом этих навыков; он должен приспособлять их к изменяющимся потребностям. В результате могут возникнуть новые навыки и привычки или, иначе говоря, новые грамматические формы и новые правила их употребления. Грамматика, таким образом, становится частью лингвистической психологии или психологической лингвистики. Это, однако, не единственный путь, по которому можно перестроить и пополнить грамматику, если мы хотим освободить ее от педантизма и догматизма — обычных грехов многих грамматистов. Это и составит содержание последующих глав.

Глава II

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

Описательная и историческая лингвистика. Грамматика и словарь. Звуки. Обычное деление грамматики. Новая система. Морфология.

ОПИСАТЕЛЬНАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Явления языка можно рассматривать с двух точек зрения — описательной и исторической. Они соответствуют статике и динамике (кинематике) в физике и различаются тем, что в первом случае явления рассматриваются как находящиеся в состоянии равновесия, а во втором — в состоянии движения. За последние сто лет старые методы лингвистического исследования были заменены новыми методами исторической грамматики — и этим лингвистика вправе гордиться. Историческая грамматика не только описывает явления, но и объясняет их; она показывает взаимосвязь между явлениями, которые ранее считались изолированными. Таким образом, она, без всякого сомнения, достигла многих новых и важных результатов. Там, где мы прежде видели произвольные правила и необъяснимые исключения, теперь во многих случаях мы видим причины явлений. Прежде форма множественного числа feet от слова foot „нога“ только упоминалась среди немногих исключений к правилу, согласно которому множественное число английских существительных образуется с немощью -s; теперь же мы знаем, что долгое [i·] множественного числа — это результат регулярного развития древнейшего английского [ɸ·] и что это [ɸ·] во всех случаях, где оно встречалось, через стадию [e·] (до настоящего времени представленную в английском написании) перешло в современном английском языке в [i·] (ср. feed „питать“, green „зеленый“, sweet „сладкий“ и др.). В свою очередь звук [ɸ·] в форме fɸ·t, как то показала историческая грамматика, возник в результате перегласовки первоначального гласного [o·], который сохранился в форме единственного числа fo·t, где он претерпел, по общему правилу, сужение и перешел в устной речи в [u], хотя написание до сих пор сохраняет oo. Перегласовка была вызвана

звуком *i* в следующем слоге; в прагерманском языке окончанием ряда форм множественного числа было *-iz*. Оказывается, что это окончание, оставившее след в измененном гласном корня и затем отпавшее, является регулярным развитием окончания множественного числа, которое мы находим, например, в латинском *-es*. Таким образом, то, что с односторонней (статической) современной английской точки зрения является изолированным фактом, (динамически) соотносится с многочисленными другими фактами на более ранних этапах развития этого же языка или других языков той же семьи. Неправильные образования на одной стадии оказываются во многих случаях пережитками правильных образований более ранних стадий; таким образом, явления, ранее окутанные тьмой, освещаются ярким светом. Это относится не только к исторической лингвистике в узком смысле слова, но и к сравнительной лингвистике, которая является другой ветвью той же науки. Сравнительная лингвистика аналогичными методами дополняет данные, полученные из письменных памятников, путем сопоставления языков с общим „предком“, от которого не сохранилось письменных памятников.

Но как ни велики успехи новых методов исследования, нельзя забывать, что мы не все еще сказали, если истолковали факты языка в свете его истории. Даже после того как многие неправильные образования были возведены к более ранним правильным, другие все же остались неправильными, в какое бы далекое прошлое мы ни углублялись... Во всяком случае, необъясненной остается самая ранняя стадия, доступная для изучения, и ее надо принимать как она есть: в настоящее время мы полностью освободились от предрассудка первого поколения компаративистов, которые полагали, что индоевропейский язык, являющийся основой нашей семьи языков (*Grundsprache*), довольно точно представлял первоначальный язык наших древнейших предков (*Ursprache*). Многие неправильности можно объяснить, но объяснение не устраняет их: для говорящих на современном языке они остаются столь же неправильными, как если бы их происхождение не было объяснено. И это различие между правильными и неправильными образованиями всегда имеет существенное значение для психологической стороны языковой деятельности: правильные формы — это формы, которые служат говорящему базой для новообразований, а неправильные формы говорящий часто склонен заменять новообразованиями, созданными по принципу аналогии.

Во всяком случае, историческая лингвистика не может сделать ненужной описательную, поскольку историческая лингвистика всегда должна основываться на описании тех этапов в развитии языка, которые нам непосредственно доступны; в отношении же многих языков известна только одна стадия развития, которая может стать предметом научного изучения. С другой стороны, изучая языки, не следует упускать из виду и то, что мы узнаем в результате изучения таких языков, которые поддаются историческому исследованию, а именно: языки всегда находятся в состоянии изменения, они никогда не бывают полностью застывшими; в каждом из них обязательно имеются элементы, которые могут измениться в пределах даже одного поколения. Это неизбежно вытекает из самого существа языка и из того, как язык передается от одного поколения к другому.

ГРАММАТИКА И СЛОВАРЬ

Переходя к вопросу о том, как лучше всего описывать языковые факты, мы сразу встречаемся с весьма существенным различием между грамматикой и словарем (лексикологией). Грамматика имеет дело с общими фактами языка, а лексикология — с единичными (ср. Sweet, *Collected Papers*, Oxford, 1913, 31)¹. Известно, что *cat* „кошка“ обозначает определенное животное, и это единичный факт, относящийся только к данному слову; но образование множественного числа путем добавления звука *-s* представляет собой общий факт, поскольку он касается также многих других слов: *rats* „крысы“, *hats* „шляпы“, *works* „работы“, *books* „книги“, *caps* „шапки“, *chiefs* „начальники“ и т. д.

Если именно в этом состоит подлинное различие между грамматикой и словарем, то тогда образование множественного числа *oxen* от *ox* „вол“ не должно вообще найти себе места в английской грамматике, а должно упоминаться только в словарях. Отчасти это верно; словари действительно указывают неправильное образование форм в соответствующей словарной статье, но не считают нужным указывать образование множественного числа от таких слов, как *cat* и другие. Точно так же обстоит дело с неправильными и правильными глаголами. Однако исключать подобные неправильные образования из грамматики не следует: они необходимы, так как указывают пределы, в которых действуют „общие факты“ или правила: если в грамматике ничего не сказать об *oxen*, учащийся может подумать, что множественное число от *ox* будет *oxes*. Таким образом, грамматика и словарь в некоторых отношениях перекрывают друг друга и имеют дело с одними и теми же фактами.

Теперь мы видим, что принятое в грамматиках простое перечисление числительных неуместно. Однако, с другой стороны, такие факты, как образование порядковых числительных с помощью окончания *-th* и числительных 20, 30 и др. с помощью окончания *-ty*, бесспорно, относятся к области грамматики.

Что касается предлогов, то словари совершенно правильно указывают на различия в их употреблении (например, предлогов *at*, *for*, *in* и др.) подобно тому, как в них отмечаются различные значения глаголов *put* и *set*. Но, с другой стороны, предлоги находят себе место и в грамматиках, поскольку они связаны с определенными „общими фактами“. Укажу на некоторые из них. Хотя предлоги и могут управлять зависимыми вопросительными предложениями (*They disagree as to how he works* „У них нет согласия в вопросе о том, как он работает“; *That depends on what answer she will give* „Это зависит от того, какой она даст ответ“), они не могут вводить предложения с союзом *that* (как это возможно в датском: *Der ar ingen tvivl om at han er drjbt* „Нет сомнения, что он был убит“); основное исключение составляет сочетание *in that* (*They differ in that he is generous and she is miserly* „Они отличаются друг от друга тем, что он щедрый, а она скупая“). Таким образом, у Гольдсмита мы находим два варианта синтаксической конструкции со словом *sure*: *Are you sure of all this, are you sure*

¹ Я не понимаю, как Шухардт может говорить следующее: „Существует лишь одна грамматика, которая называется наукой о значениях, или, вернее, наукой об обозначениях... И словарь не включает ничего, что бы не включала грамматика; словарь дает алфавитный указатель к ней“ (Hugo Schuchardt-Brevier, 127).

that nothing ill has befallen my boy? „Уверены ли вы в этом, уверены ли вы, что с моим мальчиком не случилось ничего дурного?“ Другие общие факты относятся к сочетанию двух предлогов, например в выражении *from behind the bush* „из-за куста“ (заметьте, что *to behind* невозможно), взаимоотношениям между предлогом и наречием (ср. *climb up a tree* „влезть на дерево“, *he is in* „он внутри [комнаты и т. д.]“; ср. *in his study* „в кабинете“; *he steps in* „он входит“; ср. *He steps into his study* „Он входит в свой кабинет“). Грамматика имеет дело также с другими общими фактами в области употребления предлогов, а именно, она рассматривает вопрос о том, как предлоги выражают пребывание в определенном месте или движение (удаление или приближение), а также вопрос о взаимоотношениях между локальным и временным значениями одного и того же предлога. Но в первую очередь грамматика рассматривает случаи употребления таких предлогов, которые теряют свое локальное или временное значение и нисходят на положение пустых, или бесцветных (вспомогательных) слов. Так обстоит дело с предлогом *of* в сочетании *the father of the boy* „отец ребенка“ (ср. род. п. в сочетании *the boy's father*), *all of them* „каждый из них“, *the City of London* „лондонское Сити“, *that scoundrel of a servant* „этот негодяй слуга“ и др.; то же относится и к *to* перед инфинитивом и в случаях, когда оно употребляется в терминологии многих грамматистов как эквивалент дательного падежа (*I gave a shilling to the boy = I gave the boy a shilling* „Я дал мальчику шиллинг“). В некоторых случаях, однако, разграничение между грамматикой и словарем становится сомнительным и в какой-то степени произвольным.

Любое языковое явление можно рассматривать либо извне, либо изнутри, исходя из его внешней формы или из его внутреннего значения. В первом случае мы начинаем со звучания (слова или какой-либо иной части языкового выражения), а затем переходим к значению, связанному с ним. Во втором случае мы отправляемся от значения и задаем себе вопрос, какое формальное выражение это значение находит в данном конкретном языке. Если обозначить внешнюю форму буквой Ф, а значение буквой З, эти два подхода к языковому явлению можно изобразить соответственно формулами Ф>З и З>Ф.

В словаре, таким образом, можно сначала (Ф>З) взять слово, например английское слово *cat* „кошка“, и затем объяснить его значение или путем описания и определения его по-английски, как в одноязычном словаре, или путем перевода французским *chat*, как в двуязычном словаре. Словарь дает различные значения одного и того же слова; эти значения в некоторых случаях могут с течением времени настолько отойти друг от друга, что фактически образуют два или больше слов: ср., например англ. *cheer*: (1) „лицо“, (2) „угощение“, (3) „хорошее настроение“, (4) „приветственный возглас“. При подходе Ф>З слова, имеющие одинаковое звучание (омофоны и омонимы), помещаются вместе; например, англ. *sound*: (1) „звук“, (2) „зонд, щуп“, (3) „здоровый“, (4) „пролив“.

Если начать рассмотрение с внутренней стороны (З>Ф), то расположение материала будет совершенно иным. Мы можем попытаться систематизировать и расположить в определенном логическом порядке все обозначаемые языком предметы и отношения. В некоторых случаях это совсем не трудно, например в отношении числительных, место которых, как уже указывалось выше, не в грамматике, а в словаре: *one, two, three...* Но в какой

последовательности нужно было бы расположить слова image „изображение“, picture „картина“, photo „фотография“, portrait „портрет“, painting „картина“, drawing sketch „карандашный портрет“, sketch „набросок“? Мир, окружающий нас, необычайно сложен, а предметы и мысли, выражаемые языком, многообразны. Поэтому далеко не просто найти удовлетворительное логическое расположение для словарного состава. В этом отношении известна попытка Роже (Roget, Thesaurus of English Words and Phrases). Балли (Bally, Trait de stylistique française, т. II) внес улучшение в размещение слов у Роже, но его список гораздо менее полон. Если при подходе Ф>З расположенными вместе оказались омофоны, то теперь рядом следует разместить синонимы; так, dog „собака“ окажется рядом с hound „охотничья собака“, pup „щенок“, whelp „щенок“, „детеныш“, cur „дворняжка“, mastiff „мастиф“, spaniel „спаньель“, terrier „терьер“ и др.; слово way в значении „путь“ — рядом с road „дорога“, path „тропинка“, trail „след“, „тропинка“, passage „проход“, а в значении „способ“ — рядом с manner „способ“, method „метод“, mode „образ“. Точно так же слово cheer будет помещено вместе с такими словами, как repast „пиршество“, food „пища“, provision „продовольствие“, meal „еда“, и с такими, как approval „одобрение“, sanction „санкция“, applause „аплодисменты“, acclamation „шумное одобрение“ и др. Все эти замечания относятся, естественно, к одноязычному словарю типа З>Ф; в двуязычном же словаре сначала дается иноязычное слово, а затем соответствующее слово или слова родного языка.

В связи с трудностью систематического расположения единичных фактов большинство словарей ограничивается алфавитным расположением, удобным для практических целей, но совершенно ненаучным. Если бы наш алфавит был подобен санскритскому алфавиту, в котором звуки, образуемые одним и тем же органом речи, располагаются рядом, то он был бы, конечно, совершеннее, чем латинский алфавит, где расположение звуков обычно случайное; звуки b и p, d и t, например, отдалены в нем друг от друга, и, наоборот, звуки, не имеющие ничего общего, гласные и согласные, без всякого основания помещены рядом. Можно было бы представить себе также иное расположение слов, когда рядом помещались бы слова настолько близкие по звучанию, что одно слово можно было в речи принять за другое, например: bag „портфель“ и beg „просить“, bag и back „спина“. В целом, однако, вполне удовлетворительную систему в словарной части языка создать невозможно.

Всякий, кто, подобно мне, принимает положение Суита о том, что грамматика имеет дело с общими фактами, а словарь — с единичными, согласится, что эти две области могут иногда перекрывать друг друга и что некоторые явления необходимо или удобно рассматривать и в грамматике, и в словаре. Однако существует целая сфера языка, для которой трудно найти место в установленной таким образом двухчастной системе, — это сфера значений слов. До сих пор не существует общепринятого термина для этой области языковедческой науки. Бреаль, один из пионеров в этой области, употребляет слово „семантика“ (sémantique) от гр. sēmaino, в то время как другие говорят о „семасиологии“; некоторые (Сэйс, Дж. А. Г. Муррей) употребляют слово „сематология“ (sematology), у Норейна находим „семологию“ (semology), довольно варварское образование от гр. sēma, sēmatos, которое, кстати сказать, означает „знак“, а не „обозначение“; наконец, леди Уэлби (Welby) употребляет термин „сигнифика“ (significs), тоже вызывающий

серьезные возражения. Для обозначения этой области я буду пользоваться термином Бреала „семантика“. В последнее время она все больше привлекает внимание ученых. В результате того, что в современной лингвистике принято сейчас историческое направление, статической семантике посвящено гораздо меньше работ, чем динамической, т. е. вопросу о том, как в ходе исторического развития языка изменяются значения слов. Между тем статическая семантика также может представить большой интерес, что подтверждает, например, книга К. О. Эрдмана (K. O. Erdmann. Die Bedeutung des Wortes). Несмотря на то, что предметом семантики является классификация и систематизация значений и изменений значений и что эта ветвь языковедческой науки имеет, таким образом, дело не с „общими“, а с „единичными“ фактами, семантику в грамматику никто обычно не включает (кроме Ниропа. См. фундаментальный труд: N u r o p. Grammaire historique de la langue française). Поэтому я могу позволить себе исключить семантику из рассмотрения и в данном томе.

ЗВУКИ

Переходя к грамматике, надо отметить, что почти во всех исследованиях в качестве первого раздела дается теория звуков безотносительно к значению, которое может быть с ними связано. Возможность общей теории о звуках человеческой речи, о способах их образования органами речи и сочетании их друг с другом в слоги и единицы высшего порядка вытекает из самой природы устной речи. Наряду с этим существует теория звуков, свойственных данному конкретному языку. Для общего учения о звуках речи довольно употребительным является термин „фонетика“, хотя он и используется также для обозначения теории звуков конкретного языка: так, например, мы говорим об „английской фонетике“ и т. п. Может быть, было бы целесообразно ограничить слово „фонетика“ общей фонетикой, а для явлений, свойственных конкретному языку, употреблять слово „фонология“ (например, „английская фонология“), но этот терминологический вопрос не имеет особого значения. Некоторые авторы склонны разграничивать значение этих двух слов, применяя термин „фонетика“ для обозначения описательного (статического), а термин „фонология“ — для исторического (динамического) учения о звуках (Laut, lehre); другие употребляют эти термины наоборот (de Saussure-Sйchehayе).

В задачу данной книги не входит подробное изложение фонетики или фонологии; однако несколько замечаний будут не лишними. Расположение материала в большинстве книг по фонетике представляется мне довольно бессистемным; уже в самом начале учащегося сбивает с толку огромное количество деталей из различных областей. В противоположность этому в своей собственной фонетике (датское издание — Fonetik, 1897—1899, немецкое издание — Lehrbuch der Phonetik, английское издание готовится к печати) я стремился построить всю фонетическую теорию более систематично и этим облегчил изучение данного предмета для учащихся, о чем свидетельствует моя многолетняя практика преподавания фонетики. Мой метод состоит в следующем: сначала нужно начинать с мельчайших единиц, с составных частей звуков; при этом необходимо изучить результат артикуляции каждого из органов речи, начиная с губ и переходя постепенно к внутренним органам речи,

причем рассматривать каждый из них сначала в закрытом, а затем в более открытых положениях; после изучения всех органов речи следует перейти к самим звукам — продукту одновременного действия всех органов речи, и, наконец, к сочетаниям звуков.

Излагая фонологию одного из языков наших цивилизованных народов, необходимо сказать кое-что о том, каким образом звуки изображаются традиционной орфографией. В исторической фонологии звуки и написание нельзя рассматривать отдельно, хотя очень важно и не смешивать одно с другим. К этому вопросу можно, разумеется, подходить с двух противоположных точек зрения: можно начинать с написания и затем устанавливать звучание, связанное с ним, а можно, наоборот, начать со звука и затем перейти к его буквенному обозначению. Первый подход — это подход читающего, второй — подход пишущего.

Данное выше определение фонетики — „учение о звуках безотносительно к их значению“ — не вполне верно, поскольку, занимаясь звуками любого языка, невозможно полностью отвлечься от значения. Важно установить, какие звуки используются в языке для различения слов, т. е. значений. Смешение двух звуков в одном языке ведет к смешению слов с совершенно различным значением, но те же самые звуки в другом языке могут не играть подобной роли, в результате чего различие между ними является для говорящих несущественным. Нужно также заметить, что многое из того, что обычно излагается в фонологии, могло бы быть точно с таким же или даже с большим успехом помещено в других разделах грамматики. Грамматисты редко бывают последовательны в этом отношении; я должен признать, что был непоследователен и сам, посвятив в первом томе книги „A Modern English Grammar“ несколько страниц вопросу о различии в ударении у существительных и глаголов (present, object и др.). Вместе с тем нельзя не признать, что многое в грамматике можно с одинаковым или почти с одинаковым правом относить к различным ее разделам.

ОБЫЧНОЕ ДЕЛЕНИЕ ГРАММАТИКИ

Отграничив таким образом нашу область, можно обратиться к тому, что считается обычно центральной областью грамматики, а иногда даже выдается за грамматику в целом. Предмет грамматики делится подавляющим большинством грамматистов на три основные части:

1. Морфологию, или словоизменение.
2. Словообразование.
3. Синтаксис.

Такое деление с его последующими подразделениями имеет слабые стороны. Как покажет приведенный ниже обзор, создать стройную грамматическую систему на этой основе нельзя.

При традиционном построении морфология обычно подразделяется на главы, каждая из которых посвящена описанию одной из „частей речи“. Существительные как самый привилегированный разряд помещаются на первом месте, затем следуют прилагательные и т. д.; предлоги и союзы занимают последнее место. У грамматиста есть что сказать о каждом классе. В

применении к существительным дается описание флексий (окончаний), или, иначе говоря, излагаются изменения данных слов. Однако при этом ничего не говорится о значении изменений и о функциях конкретных форм, если не считать того, что подразумевается в таких названиях, как родительный падеж, множественное число и т. п. Расположение форм парадигматическое; все формы одного слова даются вместе, но не делается никакой попытки сопоставить одни и те же окончания, если они встречаются в различных парадигмах. Так, в древнеанглийском, например, дательный падеж множественного числа приводится отдельно в каждом типе склонения, хотя во всех случаях он характеризуется одним и тем же окончанием -um.

Далее описываются прилагательные. Расположение материала в этом разделе не меняется; различие по отдельным языкам состоит лишь в том, что (в языках такого типа, как латинский, древнеанглийский и др.) существуют специальные формы для трех грамматических родов и поэтому парадигмы оказываются более развитыми, чем у существительных. С другой стороны, поскольку окончания прилагательных во многих случаях совпадают с окончаниями существительных, эта глава во многом является повторением первой.

Если мы затем обратимся к главе, посвященной числительным, то найдем подобную же трактовку их флексии в той мере, в какой они подвергаются изменениям (это касается чаще всего первых по счету числительных). Причем неправильные образования приводятся полностью, а при рассмотрении правильных отсылают к главе о прилагательных. Кроме того, в главе, посвященной числительным, грамматист делает то, что ему и в голову не пришло бы делать в двух предыдущих главах — он дает полное и систематизированное перечисление всех слов, которые относятся к этому разряду. Следующая глава посвящена местоимениям; они трактуются в целом так же, как существительные, но с тем знаменательным отличием, что здесь, как и в главе о числительных, приводится полностью список этих слов, даже если в образовании той или иной формы нет ничего особенного. Более того, эти слова классифицируются уже не по типам склонения (различные „основы“ и т. п.), как существительные, а по значению: личные, притяжательные, указательные и т. д. Во многих грамматиках дается также список местоименных наречий, хотя они не имеют ничего общего с „морфологией“ в собственном смысле этого слова, поскольку лишены словоизменительных флексий.

Глаголы, подобно существительным, описываются безотносительно к их значению и к значению их флективных форм, если не считать указания, что такая-то форма является формой первого лица единственного числа, и употребления терминов „изъявительное наклонение“, „сослагательное наклонение“ и т. д.

Наречия имеют только один тип изменения — степени сравнения, которые и приводятся в грамматиках. Но, кроме того, в главе о наречиях дается также классификация наречий по значению: наречия времени, места, степени, образа действия и т. д.; это подобно тому, как если бы в первой главе давалось подразделение существительных на существительные времени (год, месяц, неделя...), места (страна, город, деревня...) и т. д. Часто здесь различаются наречия первообразные и производные и приводятся правила образования наречий от прилагательных, что, без сомнения, относится ко второй части грамматики — к словообразованию.

Далее следует класс предлогов. Поскольку предлоги неизменяемы, а многие грамматисты все же хотят сказать что-нибудь и о них, они приводят списки предлогов, управляющих различными падежами, хотя, кажется, ясно, что эта группировка составляет один из разделов синтаксиса падежей. Наконец, идут союзы и междометия. Чтобы сказать что-нибудь об этих неизменяемых словах, многие грамматисты перечисляют их и иногда подразделяют на разряды, сходные с разрядами, установленными для наречий.

Следующий раздел посвящен словообразованию (англ. word-formation, нем. Wortbildung, франц. derivation). Следует отметить, что вместе с формой каждого словообразовательного элемента (префикса, суффикса) дается его значение. Что касается порядка изложения, то он бывает различным: одни авторы основываются на форме (сначала префиксы, затем суффиксы, причем каждый из них рассматривается отдельно), другие — на значении (образование абстрактных существительных, названий действующих лиц, каузативных глаголов и т. д.), а некоторые беспорядочно смешивают то и другое. Обычное деление на части речи не всегда целесообразно. Так, в одной очень хорошей грамматике английского языка мы находим раздел, в котором рассматриваются существительные с окончанием *-ics* (*politics* „политика“ и др.) в полном отрыве от прилагательных на *-ic*, в то время как в третьем разделе рассматривается субстантивация прилагательных, проявляющаяся в суффиксе множественного числа *-s*; таким образом, эти три явления трактуются так, как будто между ними нет ничего общего.

Третья часть, синтаксис, в большей мере посвящена описанию значения (т. е. функции) флективных форм, рассматриваемых с другой точки зрения в первой части (падежи существительных, времена и наклонения глаголов и т. д.). Но здесь не разбираются те формы, которые были описаны в разделе словообразования. Однако в некоторых главах синтаксиса мы находим трактовку языковых явлений одновременно и с точки зрения формы и с точки зрения значения (построение предложений, порядок слов).

Такого краткого изложения различных глав традиционных грамматик достаточно, чтобы ясно увидеть, как они непоследовательны и бессистемны. Система построения таких грамматик, если здесь можно говорить о системе, представляет собой пережиток младенческого состояния грамматической науки; ее популярность можно объяснить только тем, что мы все привыкли к ней с детских лет. Многие грамматисты частично изменяли систему и улучшали отдельные ее разделы, но в целом она не была заменена более научной системой. Это, несомненно, не легкая задача, о чем, может быть, лучше всего свидетельствует неудача двух серьезных попыток — Й. Риса (*John R i e s, Was ist Syntax?*, Marburg, 1894) и А. Нореина (*Vert Sprek, Stockholm, 1903* и сл., еще не окончена). Обе книги содержат много остроумных замечаний и здоровой критики более ранних грамматик, но грамматические системы, изложенные в них, представляются мне неудовлетворительными и надуманными. Однако я не буду критиковать их, а приведу свои собственные взгляды по этому вопросу,

предоставляя самому читателю решить, в чем я согласен и в чем несогласен с моими предшественниками¹.

НОВАЯ СИСТЕМА

Стройную систему можно создать в том случае, если исходить из принципа двустороннего подхода, который мы установили в лексикологии. Также и в грамматике можно начинать либо извне, либо изнутри². В первой части (Ф>З) мы исходим из формы как данной величины, а затем устанавливаем ее значение или функцию; во второй (З>Ф), наоборот, мы исходим из значения или функции, и устанавливаем, как они выражаются в форме. Факты грамматики в обеих частях одни и те же, различен лишь подход к ним: обе части грамматики с их различной трактовкой дополняют друг друга и, взятые вместе, дают полный и ясный обзор общих фактов того или иного языка.

МОРФОЛОГИЯ

Итак, в первой части мы идем от формы к значению (Ф>З). Эту часть я предлагаю называть морфологией, хотя этому слову придается таким образом смысл, несколько отличный от того, который оно обычно имеет. Здесь трактуются совместно единицы, имеющие одинаковое внешнее выражение: в одном разделе — окончание -s, в другом — окончание -ed, в третьем — перегласовка и т. д. Важно отметить, однако, что значение ни в коем случае не выпадает при этом из поля зрения; в каждом случае мы должны установить функцию или употребление данного окончания или какой-либо другой единицы, а это и есть ответ на вопрос: „что это означает?“ Во многих случаях достаточно употребить соответствующий термин: в отношении -s в слове cats указать, что оно превращает форму единственного числа cat в форму множественного числа, а в отношении окончания -ed сообщить, что в таких случаях, как added, оно обозначает причастие второе (пассивное) и претерит и т. д. Такие определения можно назвать синтаксическими. В самых простых случаях можно ограничиться немногими словами, а более детальный анализ оставить для второй части грамматики. Хотя Суит проводит фактически такое же разграничение между двумя частями грамматики, как и я, я все же не могу согласиться со следующим его утверждением: „Не только возможно, но и желательно трактовать форму и значение независимо друг от друга — по

¹ Критику Риса (косвенную) я дал в моем обзоре книги Хольтхаузена (Holthausen, *Altisländisches Elementarbuch*; см. „Nord. tidsskrift f. filologi“, tredje række, IV, 171), а критику Норейна — в „Danske studier“, 1908, 208 и сл.

² Такое деление проводится уже в моей работе „Studier over engelske kasus“, Copenhagen, 1891, стр. 69, затем оно повторяется в книге „Progress in Language“, 1894, стр. 141 (теперь — „Chapters on English“, стр. 4), возможно, под влиянием Габеленца (v. d. Gabelentz, *Chinesische Grammatik*), у которого можно найти аналогичное деление. Однако в китайском языке с его полным отсутствием флексий, все до такой степени отличается от европейских языков (вся грамматика состоит из правил порядка слов и употребления „пустых“ слов), что его систему нельзя без изменений перенести на наши языки.

крайней мере в известной степени. Та часть грамматики, которая специально занимается формами и, по возможности, игнорирует значения этих форм, называется морфологией. Та часть грамматики, которая, по возможности, игнорирует различия между формами и сосредоточивает свое внимание на их значении, называется синтаксисом“ („A New English Grammar“, I, 204). Я не могу согласиться со словами „по возможности игнорирует“. Задача грамматиста должна состоять в том, чтобы постоянно держать в поле зрения обе стороны: звучание и значение. Форма и функция в жизни языка неотделимы; и когда языковедческая наука говорила об одной из сторон, игнорируя другую, и таким образом, упускала из вида их постоянную взаимосвязь, — это наносило ей ущерб.

В идеальном языке, сочетающем максимальную выразительность с легкостью употребления языковых средств и полным отсутствием исключений, неправильных образований и двусмысленных выражений, систематизация грамматики не представляла бы никаких трудностей, поскольку одно определенное звучание всегда имело бы одно определенное значение, и, наоборот, одно значение или функция выражались бы одним и тем же формальным средством. Это наблюдается в какой-то мере в грамматике таких искусственных языков, как идо, где раз навсегда нужно запомнить правило, что множественное число существительных выражается окончанием $-i$ ($3 > \Phi$) или что окончание $-i$ в свою очередь всегда обозначает множественное число существительных ($\Phi > 3$); таким образом, существует полное соответствие между морфологической и синтаксической формулировками явления. Однако реальные живые языки имеют совсем другое строение; они не могут быть разделены прямыми линиями, пересекающимися под прямыми углами, как большая часть территории Соединенных Штатов, а скорее напоминают территорию Европы с ее причудливо изогнутыми и извивающимися границами. Но и это сравнение иллюстрирует факты живого языка не полностью: в языке одна область часто перекрывает другую — как если бы один географический район принадлежал одновременно двум или трем государствам. Ни в коем случае нельзя упускать из виду, что одна форма может иметь два или несколько значений или вообще может быть лишена значения, а одно и то же значение или функция могут обозначаться то одним, то другим формальным средством или не выражаться никаким формальным средством. В обеих частях системы мы вынуждены поэтому соединять вместе языковые факты, отличающиеся друг от друга, и разъединять языковые факты, которые, казалось бы, принадлежат к одному и тому же разряду. Нужно, однако, всячески стремиться придать разделам и подразделениям грамматики как можно менее искусственный и надуманный характер и избегать ненужных повторений путем перекрестных ссылок.

Я позволю себе кратко изложить содержание различных разделов морфологии в том виде, в каком они были разработаны в моей книге „A Modern English Grammar“, еще не вышедшей из печати. Подобно тому, как в моих трудах по фонетике я беру сначала компоненты звуков, затем — звуки и, наконец, сочетания звуков, я предлагаю и здесь начинать с компонентов слов, затем переходить к словам, а от них — к сочетаниям слов. Следует, конечно, учитывать, что границы между этими разделами не всегда являются достаточно четкими и неоспоримыми: *not „не“* в сочетании *could not „не мог“* представляет

собой отдельное слово; также и в американском написании *can not* „не могу“ пишется в два слова, но в Англии *cannot* пишется слитно. Разумеется, печатная орфография не может быть решающим фактором; однако на то, что разбираемая единица является иногда не словом, а лишь его частью, указывают фонетические слияния *can't, don't, won't*. Напротив, окончание родительного падежа *s* обнаруживает тенденцию стать более независимым от предшествующего слова, например в „групповом родительном падеже“ (*the King of England's power* „власть короля Англии“, *somebody else's hat* „шляпа (принадлежащая) кому-то другому“, *Bill Stumps his mark* „отметка Билля Стампса“; ср. „*Chapters on English*“, гл. III).

В части, озаглавленной „Элементы слова“, мы говорим о каждом аффиксе (префиксе, суффиксе или инфиксе) в отдельности, указываем его форму или формы и определяем его функцию или функции. При этом мы не будем рассматривать отдельные разряды слов (части речи) последовательно один за другим, а возьмем, например, окончание *-s* (с его тремя различными фонетическими формами [s, z, iz]). Сначала указывается его функция в качестве показателя множественного числа существительных, затем — функция родительного падежа, далее — 3 л. единственного числа настоящего времени глаголов и, наконец, — показателя неатрибутивной формы притяжательных местоимений, например *ours*. Окончание *-n (-en)* подобным же образом служит для образования формы множественного числа *oxen*, неатрибутивной формы притяжательного местоимения *mine*, причастия *beaten* „битый“, производного прилагательного *silken* „шелковый“, производного глагола *weaken* „ослаблять“ и т. д. В особых главах мы рассматриваем менее бросающиеся в глаза элементы слова — изменения его корня: озвончение конечного согласного для образования глаголов (*halve* „делить пополам“, *breathe* „дышать“, *use* „использовать“ от *half* „половина“, *breath* „дыхание“, *use* „польза“); перегласовку (умлаут) для образования формы множественного числа (*feet* от *foot* „нога“) и для образования глаголов (*feed* „кормить“ от *food* „пища“), чередование (аблаут) для образования претерита *sang* и причастия *sung* от глагола *sing* „петь“; изменение ударения, отличающее глагол *object* „возражать“ от существительного *object* „предмет“. Здесь можно говорить также о превращении полнозначного слова *that* [rʃt] в „пустое“ слово с тем же написанием, но с произношением [rʃt].

Могут, пожалуй, возразить, что, располагая материал таким образом, мы смешиваем явления, относящиеся к двум различным областям — словоизменению и словообразованию. Но при более близком рассмотрении становится ясно, что очень трудно, а, может быть, и вообще невозможно установить с точностью, где проходит граница между словоизменением и словообразованием. В частности, образование существительных женского рода в английском языке (*shepherdess* „пастушка“) относится всегда к области словообразования; то же наблюдается до некоторой степени и во французском языке (*maotresse*); но что сказать о франц. *pausanne* „крестьянка“ от *pausan* „крестьянин“? Можно ли оторвать его от *bon* „хороший“, *bonne* „хорошая“, в которых усматривается флексия и которые рассматриваются в словоизменении? Преимущество предложенного здесь расположения материала состоит в том, что оно сводит воедино языковые факты, которые для живого чувства языка представляются тождественными или сходными, и открывает глаза

грамматисту на многое, что иначе, вероятно, ускользнуло бы из его поля зрения. Возьмем, например, различные окончания *-en* у прилагательных, производных глаголов и причастий: во всех этих категориях окончание *-en* обнаруживается (независимо от того, сохранилось ли оно с древних времен или было добавлено позднее) после одних и тех же согласных, в то время как после других согласных оно отсутствует (т. е. было утрачено или не было добавлено). Заметьте также параллелизм между атрибутивной формой на *-en* и другой формой без *-en*: a drunken boy „пьяный мальчик“: he is drunk „он пьян“; ill-gotten wealth „нажитое нечестным путем богатство“: I've got „я имею“; silken dalliance „изящная болтовня“: clad in silk „одетый в шелк“; in olden days „в прежние дни“: the man is old „этот человек стар“; hidden treasures „спрятанные сокровища“: it was hid „оно было спрятано“ (hid — первоначальная форма, сейчас также hidden); the maiden queen „девственная королева“: an old maid „старая дева“. Можно показать, что все это находится в довольно любопытной связи с добавлением *-en* ко многим глаголам, которое имело место около 1400 г. и дало не только такие формы, как happen „случаться“, listen „слушать“, frighten „пугать“, но и такие глаголы, как broaden „расширять“, blacken „чернить“, moisten „увлажнять“; последние сейчас воспринимаются как образованные от прилагательных, в то время как по своему происхождению они представляют собой лишь фонетическое удлинение уже существовавших глаголов, которые имели ту же самую форму, что и прилагательные. (Я еще не успел опубликовать, как обещал в „Modern English Grammar“, I, стр. 34, описание этих явлений.) Новое расположение материала, таким образом, привлекает внимание к тому, что ранее оставалось незамеченным.

В связи с вопросом о словообразовании будет, пожалуй, нелишним возразить здесь против обычной для английских грамматик практики рассматривать формативы латинских слов, усвоенных английским языком, как английские формативы. Например, префикс *pre-* иллюстрируется такими словами, как *precept* „наставление“, *prefer* „предпочитать“, *present* „представлять“, а *re-* — такими, как *repeat* „повторять“, *resist* „противостоять“, *redeem* „выкупать“, *redolent* „благоухающий“ и др., хотя часть слова, которая остается после отнятия префикса как таковая не существует в английском языке (*cept*, *fer* и т. д.). Это показывает, что все приведенные слова (хотя первоначально они и были образованы с помощью префиксов *prj*, *re*) являются в английском языке неделимыми „формулами“. Заметьте, что в подобных словах первый слог произносится с кратким гласным [i] или [e] (ср. *prepare* „приготовлять“, *preparation* „приготовление“, *repair* „чинить“, *repairation* „исправление“); но наряду с такими словами существуют и другие с одинаковым написанием начала слова, но с другим произношением, т. е. с долгим [i:]; и здесь налицо подлинный английский префикс с собственным значением: *presuppose* „предполагать“, *predetermine* „предопределять“, *re-enter* „вновь войти“, *re-open* „вновь открыть“. Только это *pre-* и это *re-* могут быть включены в английскую грамматику: остальные слова принадлежат словарю. Подобные же соображения остаются в силе для суффиксов: хотя существует английский суффикс *-tu*, в число примеров на слова с этим суффиксом не следует включать такие слова, как *beauty* [bju:ti], потому что в английском языке нет такой единицы, как [bju:] (*beau* [bou] теперь не имеет ничего общего с *beauty*). *Beauty* же является единым целым, формулой; это видно хотя бы из того, что соответствующее прилагательное будет *beautiful*. Можно даже уста-

новить пропорцию: англ. beautiful : beauty = франц. beau: beautй (так как во французском слове -й является живым суффиксом). Английская грамматика должна была бы упомянуть суффикс -ty в словах safety „безопасность“, certainty „уверенность“, а также указать на изменение корня в таких случаях, как reality „действительность“ от real „действительный“, liability „ответственность“ от liable „ответственный“ и т. д.

Следующая часть посвящена так называемым грамматическим или вспомогательным словам: местоимениям, вспомогательным глаголам, предлогам, союзам, но лишь постольку, поскольку они действительно являются частями грамматики, т. е. „общими выражениями“. В пункте will (с его более краткой формой I в he'll и т. д.) мы таким образом упомянем его употребление для выражения (1) воли, (2) будущности и (3) привычного действия. Но, как было указано выше, здесь нельзя провести четкой границы между грамматикой и словарем.

Наконец, в части, посвященной сочетаниям слов, мы перечислим все типы порядка слов и укажем на роль порядка слов в речи. Так, например, сочетание „существительное + существительное“, если отвлечься от таких соединений, как Captain Hall „капитан Холл“, употребляется в различных типах сложных существительных, например: mankind „человечество“, wineglass „бокал“, stone wall „каменная стена“, cotton dress „хлопчатобумажное платье“, bosom friend „закадычный друг“, womanhater „женоненавистник“, woman author „писательница“; отношения между двумя компонентами, разумеется, следует точнее определить как с точки зрения формы (ударение, а также, во вторую очередь, орфография), так и с точки зрения значения. „Прилагательное + существительное“ употребляется главным образом в таких адьюнктных группах, как red coat „красная шинель“, откуда появляются сложные слова типа blackbird „черный дрозд“; такие сложные слова, как redcoat „британский солдат“, „тот, кто носит красную шинель“, представляют собой особый тип. Сочетание „существительное + глагол“ образует предложение, например: father came „отец пришел“, где father является подлежащим. При обратном порядке слов существительное может в зависимости от обстоятельств быть подлежащим (например, в вводном предложении: said Tom „сказал Том“, в вопросе: Did Tom?, после определенных наречий: And so did Tom „так сделал и Том“, в условных предложениях без союза: Had Tom said that, I should have believed it „Если бы это сказал Том, я бы поверил“); в других случаях существительное может быть дополнением (например, I saw Tom „Я видел Тома“) и т. д. Здесь, естественно, я могу дать лишь общие контуры моей системы; детальная ее разработка будет приведена в будущих выпусках моей грамматики.

Многих, вероятно, удивит включение в морфологию указанных явлений, но я позволяю себе думать, что это единственно последовательный способ рассмотрения грамматических явлений, поскольку порядок слов представляет собой, конечно, в такой же степени формальный элемент в построении предложения, как и сами формы слов. Этими замечаниями я заканчиваю рассмотрение первого основного раздела грамматики, в котором языковые факты описываются извне с точки зрения их звучания или формы. Легко заметить, что в нашей схеме нет места для обычных парадигм, дающих все формы одного и того же слова, например лат. servus, serve, servum, servo, servi; amo, amas, amat, amatus и т. д. Подобные парадигмы могут быть полезны

учащимся¹, и в моей системе их можно дать в приложении к морфологии. Однако не следует упускать из вида, что с чисто научной точки зрения парадигма составляется не из одних грамматических форм, соединенных воедино, а из различных форм одного слова, которые связаны друг с другом только с точки зрения лексики. Предложенное здесь построение является чисто грамматическим, поскольку оно предполагает рассмотрение грамматических омофонов (омоморфем) (в первой части) и грамматических синонимов (во второй). Напомним, что такие же два раздела были установлены для словаря.

Глава III

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

(Продолжение)

Синтаксис. Универсальная грамматика? Различия между языками. Какие категории признавать. Синтаксические категории. Синтаксис и логика. Понятийные категории.

СИНТАКСИС

Второй основной раздел грамматики, как мы уже говорили, занимается рассмотрением тех же самых явлений, что и первый, но с другой точки зрения, а именно изнутри, или с точки зрения значения (З>Ф). Мы называем этот раздел синтаксисом. Его подразделения устанавливаются в соответствии с грамматическими категориями, значение и употребление которых в речи и дается в этом разделе.

Одна из глав синтаксиса рассматривает число; сначала перечисляются различные способы образования множественного числа (dogs „собаки“, oxen „волы“, feet „ноги“, we „мы“, those „те“ и т. д.); это можно сделать без большого труда и в самом общем виде путем ссылок на соответствующие параграфы морфологии, в которых были уже рассмотрены все окончания и другие формативы. Затем описываются особенности, свойственные всем формам единственного числа и всем формам множественного числа независимо от способа их образования, например: употребление множественного числа в сочетании *a thousand and one nights* „тысяча и одна ночь“ (в датском и немецком ввиду наличия числительного „один“ употребляется форма единственного числа), единственного числа в сочетании *more than one man* „более одного человека“ (== *more men than one*), родовое употребление единственного или множественного для обозначения всего класса (*a cat is a four-footed animal* „кошка — четвероногое животное“, *cats are four-footed animals* „кошки — четвероногие животные“) и многие другие явления, которые не могли найти себе места в разделе морфологии.

¹ Хотя трудно понять полезность парадигм, которые встречаются обычно в английских грамматиках для иностранцев: I got, you got, he got, we got, you got, they got — I shall get, you will get, he will get, we shall get, you will get, they will get и т. д.

Под заголовком „Падеж“ мы рассматриваем наряду с другими явлениями родительный падеж и его синоним — предложное сочетание с *of* (которое часто ошибочно называют родительным падежом): *Queen Victoria's death* == *the death of Queen Victoria* „смерть королевы Виктории“. Следует выделить те случаи, где невозможно заменить одну из этих форм другой (*I bought it at the butcher's* „Я купил это в мясной лавке“, с одной стороны, и *the date of her death* „дата ее смерти“, с другой). В главе о степенях сравнения сопоставляются такие формы, как *sweetest* „сладчайший“, *best* „наилучший“ и *most evident* „самый очевидный“, которые в морфологии рассматриваются под различными заголовками; здесь дается также употребление сравнительной и превосходной степени, когда речь идет о двух лицах или предметах. Одна глава посвящается различным способам выражения будущности (*I start to-morrow* „Я отправляюсь завтра“, *I shall start to-morrow* „Я отправлюсь завтра“, *He will start to-morrow* „Он отправится завтра“, *I am to start to-morrow* „Мне предстоит отправиться завтра“, *I may start tomorrow* „Может быть, я отправлюсь завтра“, *I am going to start to-morrow* „Я собираюсь отправиться завтра“). Этих указаний достаточно для того, чтобы вскрыть сущность синтаксического рассмотрения грамматических явлений. Те же самые факты, о которых уже шла речь в морфологической части, рассматриваются здесь с другой точки зрения; мы сталкиваемся здесь с новыми проблемами более всеобъемлющего характера. Наш метод двустороннего подхода дает нам возможность составить более ясное представление, чем прежние методы, о сложной грамматической системе такого языка, как английский. Чтобы сделать это еще более очевидным, мы попытаемся изобразить в схематическом виде одну из частей этой системы с ее многочисленными пересечениями форм и функций.

Если теперь сравнить две стороны грамматики и вспомнить то, что было сказано выше о двух сторонах словаря, то можно обнаружить, что эти две точки зрения являются в действительности точками зрения слушателя и говорящего соответственно. В диалоге слушатель имеет дело с определенными звуками и формами и должен выяснить их значение; таким образом, он отправляется от внешней стороны и приходит к внутренней ($\Phi > \mathcal{Z}$). Говорящий, напротив, отправляется от определенных мыслей, которые он собирается сообщить; для него заранее данной величиной является значение, и он должен найти средства для выражения этого значения: таким образом, говорящий совершает путь от внутренней стороны к внешней ($\mathcal{Z} > \Phi$).

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА?

В отношении категорий, которые следует установить в синтаксической части нашей грамматической системы, прежде всего необходимо поставить чрезвычайно важный вопрос, а именно: какими являются эти категории — чисто логическими или чисто лингвистическими категориями? Если остановиться на первом решении, тогда категории окажутся универсальными, т. е. общими для всех языков. В случае же второго решения, категории, или по крайней мере некоторые из них, будут характеризовать один или несколько языков в отличие от остальных. Поставленный нами вопрос, таким образом, сводится к старому вопросу: может ли существовать так называемая универсальная (или всеобщая) грамматика?

Отношение грамматистов к этому вопросу в различные эпохи было разным. Несколько столетий назад было распространено мнение, что грамматика представляет собой прикладную логику и что поэтому можно установить принципы, лежащие в основе различных грамматик существующих языков; исходя из этого, делались попытки устранить из языка все, что не соответствовало точно законам логики, и измерять все в языке согласуясь с канонами так называемой общей или философской грамматики. К сожалению, грамматисты слишком часто находились под влиянием иллюзии, считая, что латинская грамматика — идеальный образец логической последовательности, и поэтому в каждом языке они всячески отыскивали различия, существующие в латыни. Нередко априорные рассуждения и чистая логика побуждали грамматистов находить в языке такие вещи, о которых они никогда не помышляли бы, если бы не находились под влиянием латинской грамматики, изучением которой они занимались с первых дней школы. Это смешение логики и латинской грамматики с вытекающими отсюда последствиями, этот прокрустов метод трактовки всех языков стал источником многочисленных ошибок в области грамматики. Когда-то Сэйс в своей статье „Грамматика“ в девятом издании „Британской энциклопедии“ писал: „Попытки найти в английской грамматике соотношения, свойственные латинской грамматике, привели лишь к нелепым ошибкам и к полному непониманию строя английского языка“. Эти слова и сейчас не утратили свою актуальность, и их не следует забывать грамматистам — независимо от того, какой язык они изучают.

В XIX столетии в связи с развитием сравнительного и исторического языкознания и расширением кругозора усилился интерес к различным экзотическим языкам. Прежние попытки создания философской грамматики были отброшены, так что высказывания, подобные приведенному ниже высказыванию Стюарта Милля, стали редкими:

„Представьте на минуту, что такое грамматика. Это самая элементарная часть логики. Это начало анализа мыслительного процесса. Принципы и правила грамматики служат средством, при помощи которого формы языка приводятся в соответствие с универсальными формами мышления. Различия между разными частями речи, между падежами существительных, наклонениями и временами глаголов, функциями причастий являются различиями в мышлении, а не только в словах... Структура каждого предложения — это урок логики“ („*Rectorial Address at St. Andrews*“, 1867).

Такие представления менее всего должны быть свойственны филологам и лингвистам; в этом отношении, пожалуй, последним является Балли: „Грамматика есть не что иное, как логика в приложении к языку“ (Ballu, *Traité de stylistique française*, Heidelberg, 1909, стр. 156).

Значительно чаще высказывается следующая точка зрения: „Универсальная грамматика так же невозможна, как универсальная форма политической конституции или религии или универсальная форма растения или животного. Единственная наша задача поэтому состоит в установлении категорий реально существующих языков и при этом мы не должны отпираться от готовой системы категорий“ (Steinthal, *Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues*, стр. 104 и сл.). Бенфей говорит, что в результате успехов современного языковедения универсальная и философская грамматика исчезла внезапно и полностью, так что методы и взгляды

лингвистов той эпохи можно проследить лишь по книгам, которые не имеют ничего общего с подлинной наукой („Geschichte der Sprachwissenschaft“, 306). Мадвиг же заявляет, что грамматические категории не имеют ничего общего с реальными отношениями самих вещей (1856, стр. 20; „Kleine philologische Schriften“, стр. 121).

Несмотря на отрицательное отношение современных лингвистов к идее грамматики, созданной путем дедуктивного рассуждения и применимой ко всем языкам, мысль о существовании грамматических понятий или категорий всеобщего характера время от времени проскальзывает в лингвистической литературе. Так, Альфонсо Смит (C. Alphonso Smith) в своей интересной работе „Studies in English Syntax“ (стр. 10) пишет, что существует своего рода единообразие языковых процессов, которое проявляется, однако, не в отдельных словах, звуках или флексиях, а в отношениях между словами, т. е. в синтаксисе. „Полинезийские слова, например, не похожи на наши, но у полинезийцев есть свое сослагательное наклонение, свой страдательный залог, своя система времен и падежей, поскольку принципы синтаксиса являются психическими и поэтому универсальными“. И далее, на стр. 20: „Приходишь к мысли, что нормы синтаксиса не поддаются уничтожению, так упорно они проявляются вновь и вновь в самых неожиданных местах“.

Боюсь, что сказанное выше о полинезийцах не является результатом тщательного изучения их языка; скорее оно основано на априорном предположении, что никто не может обойтись без упомянутых синтаксических средств; точно таким же образом датский философ Кроман (Kroman), установив на логической основе систему девяти времен, заявляет: „Само собой разумеется, что язык каждой мыслящей нации должен иметь средства выражения“ для всех этих времен. Знакомство с реально существующими языками убеждает нас в том, что временных форм в одном языке гораздо меньше, а в другом гораздо больше, чем мы бы ожидали; то, что в одном языке выражается с необычайной точностью в каждом предложении, в другом языке остается вообще невыраженным, как будто оно не имеет никакого значения. Это можно наблюдать на примере такой категории, как „сослагательное наклонение“: языки, имеющие для сослагательного наклонения специальную форму, вовсе не используют ее для одних и тех же целей. Поэтому, несмотря на то, что это наклонение одинаково названо в английском, немецком, датском, французском и латинском языках, оно не является строго идентичным в каждом из них. Совершенно невозможно дать такое определение сослагательному наклонению, которое позволило бы нам решить, когда следует употребить в том или ином из упомянутых языков сослагательное наклонение, а когда — изъявительное. Еще сложнее дать такое определение, которое годилось бы для всех языков одновременно. Поэтому нет ничего удивительного, что существует множество языков, не имеющих ничего похожего на то, что можно назвать сослагательным наклонением, как бы широко ни понимался этот термин. И действительно, история английского и датского языков показывает, как постепенно увядало когда-то процветавшее сослагательное наклонение и как с течением времени оно превратилось в нечто, напоминающее рудиментарный орган, употребление которого либо весьма сомнительно, либо в высшей степени ограничено.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЯЗЫКАМИ

Занимаясь сравнительной лексикологией, мы наблюдаем, как предметы, представленные словами, группируются самым различным образом соответственно капризам данного языка. То, что сливается воедино в одном языке, различается в другом. Там, где английский язык различает *clock* „(стенные, настольные, башенные) часы“ и *watch* „ручные часы“, а французский — *horloge* „(башенные) часы“, *pendule* „(висячие, настольные) часы“ и *montre* „(карманные) часы“, немецкий язык имеет одно слово *Uhr* „часы“ (он компенсирует это положение с помощью сложных слов, которые дают возможность выразить гораздо больше оттенков: *Turmuhr* „башенные часы“, *Schlaguhr* „часы с боем“, *Wanduhr* „стенные часы“, *Stubenuhr* „комнатные часы“, *Stutzuhr* „настольные часы“, *Taschenuhr* „карманные часы“); в английском языке существует только одно слово *prince* „принц, князь“ (немецкий же различает *Prinz* „принц“ и *Fürst* „князь“); во французском языке слово *café* соответствует английскому *coffee* „кофе“ и *café* „кафе“; франц. *temps* соответствует англ. *time* „время“ и *weather* „погода“, а англ. *time* — франц. *temps* „время“ и *fois* „раз“; список подобных случаев можно было бы значительно продлить. То же наблюдается и в грамматике: между любыми двумя языками существуют расхождения в группировке грамматических явлений и в выражаемых различиях. Таким образом, при исследовании грамматики того или иного языка необходимо как можно тщательнее выяснить различия, реально существующие в данном языке. При этом нельзя выделить ни одной категории, не подтвержденной реальными языковыми фактами, установленными на основе языкового чувства данного коллектива или нации. Как бы ни настаивали логики, что превосходная степень является необходимой категорией, которую каждая мыслящая нация должна уметь выражать в своем языке, все же во французском языке нет формы превосходной степени, хотя *le plus pur* „самый чистый“, *le plus fin* „самый тонкий“, *le meilleur* „лучший“ и передают подлинные английские фермы превосходной степени *the purest*, *the finest*, *the best*; эти формы представляют собой не что иное, как формы сравнительной степени, которым придано значение определенности путем прибавления артикля; нельзя сказать и то, что во французском языке есть форма превосходной степени, состоящая из фермы сравнительной степени с предшествующим артиклем, так как часто определенный артикль отсутствует, но зато имеется другое слово, благодаря употреблению которого достигается тот же результат: *mon meilleur ami* „мой лучший друг“ и т. п.

С другой стороны, в то время как во французском языке существует подлинная форма будущего времени (*je donnerai* „я дам“ и т. п.), было бы неправильным включать особую форму будущего времени в систему времен английского языка. Будущность в английском языке часто или вообще не выражается (*I start tomorrow at six* „Я уезжаю завтра в шесть часов“; ср. также *if he comes* „если он придет“) или выражается при помощи сочетаний, которые обозначают не просто будущность, а выражают ещё какой-нибудь оттенок: в слове *will* (*He will arrive at six*) заключен элемент воли, в выражении *am to* (*The Congress is to be held next year* „Конгресс должен состояться в будущем, году“) — элемент предначертания, в слове *may* (*He may come yet* „Он может еще прийти“) — элемент неуверенности и в слове *shall* (*I shall write to him to-morrow*

„Я напишу ему завтра“) — элемент обязательства. Правда, первоначальные значения часто бывают почти стертыми, но не в такой степени, как во французском, где первоначальное значение инфинитива + *ai* (*have to...*) будущего времени полностью забыто. Процесс стирания значения особенно сильно сказывается в глаголе *shall*, который не носит никакого оттенка обязательства, например в предложении *I shall be glad if you can come* „Я буду рад, если вы сможете прийти“; кроме того, едва ли *shall* употребляется теперь где-либо в своем первоначальном значении (ср. библейское *Thou shalt not kill* „Ты не должен убивать“, „не убий“ с современным *You mustn't walk there* „Ты не должен ходить туда“); таким образом, глагол *shall* стоит ближе всего к подлинному вспомогательному глаголу будущего времени, и если бы он употреблялся со всех трех лицах, можно было бы без колебаний сказать, что в английском языке есть будущее время. Далее, если мы принимаем за будущее время *he will come* „он придет“, то с таким же основанием мы можем признать за формы будущего времени и *he may come*, *he is coming*, *he is going to come* и другие сочетания. Следовательно, главное не в том, что *will* является отдельным „словом“, а в том, что для признания „времени“ налицо должна быть форма глагола, представляющая собой неразделимое единство корневой части и флективного окончания; ничто не помешало бы нам сказать, что в данном языке существует будущее время, если бы он имел вспомогательное слово (глагол или наречие), которое действительно служило бы для указания на будущее время; но тогда это слово рассматривалось бы в той части морфологии, которая трактует слова, а не в разделе, посвященном компонентам слов, где рассматривается французское будущее время; в синтаксисе, в том смысле, как мы понимаем его в этой книге, это обстоятельство не играло бы никакой роли.

КАКИЕ КАТЕГОРИИ ПРИЗНАВАТЬ

Мы исходим из того принципа, что в синтаксисе любого языка следует признавать только такие категории, которые нашли в нем формальное выражение, но при этом надо помнить, что термин „форма“ употребляется здесь в очень широком смысле, включая формальные слова и место слова в предложении. Выдвигая, таким образом, форму как высший критерий, следует, однако, остерегаться ошибочного представления, которое может показаться естественным следствием этого принципа. Мы говорим *one sheep* „одна овца“, *many sheep* „много овец“: должны ли мы утверждать, что *sheep* — не форма единственного числа в первом сочетании или не форма множественного числа во втором, так как оно имеет одну и ту же форму, и что эту форму скорее следует назвать „формой общего числа“, или „формой никакого числа“, или как-нибудь в этом роде? Можно было бы заявить, что *cut* в предложении *I cut my finger every day* „Я каждый день обрезаю палец“ не является формой настоящего времени, а *cut* в предложении *I cut my finger yesterday* „Я порезал палец вчера“ не является формой прошедшего времени (или претерита), поскольку эти формы в обоих предложениях одинаковы. Далее, если мы сравним *our king's love for his subjects* „любовь нашего короля к своим подданным“ и *Our kings love their subjects* „Наши короли любят своих подданных“, мы заметим, что в обоих случаях формы одинаковы (кроме чисто

условного различия, которое делается на письме, но не в устной речи, с помощью апострофа), поэтому строгий формалист считал бы себя не вправе делать какой-либо вывод относительно падежа и числа *kings*. А как быть с *love*? Данная форма не дает указаний на то, что в одном сочетании — это существительное в единственном числе, а в другом — глагол во множественном числе; и нам пришлось бы изобрести специальное название для созданной таким образом очень странной категории. Истинная мораль, которую можно извлечь из таких примеров, состоит, по моему мнению, в следующем: неправильно рассматривать каждое языковое явление в отрыве от других; необходимо охватить взглядом язык в целом. *Sheep* в сочетании *many sheep* является формой множественного числа, поскольку в сочетании *many lambs* „много ягнят“ и в тысячах подобных случаев английский язык признает форму множественного числа существительных; *cut* в одном предложении стоит в настоящем времени, а в другом — в прошедшем, поскольку появляется различие, если местоимение *I* заменить местоимением *he* (*he cuts, he cut*) или если взять другой глагол (*I tear* „я разрываю“, *I tore* „я разорвал“); *kings* в одном случае представляет собой родительный падеж единственного числа, а в другом — именительный падеж множественного числа, что видно из сочетаний типа *the man's love for his subjects* „любовь этого человека к своим подданным“ и *The men love their subjects* „Эти люди любят своих подданных“; и, наконец, *love* в одном случае существительное, а в другом — глагол, на что указывает форма в таких сочетаниях, как *our king's admiration for his subjects* „восхищение короля своими подданными“ и *Our kings admire their subjects* „Наши короли восхищаются своими подданными“. Иначе говоря, всячески остерегаясь навязывать грамматике конкретного языка различия и категории, существующие в других языках, но не находящие формального выражения в данном языке, мы должны не менее опасаться и другой ошибки, а именно — отрицать существование различий, выражаемых формально в языке в целом, только на том основании, что в данном конкретном случае они не имеют внешнего обозначения. Вопрос о том, сколько категорий и какие именно категории различает данный язык, должен решаться для языка в целом или по крайней мере для целых разрядов слов; для этого необходимо установить те функции, которые имеют формальное выражение, даже если они выражены не во всех случаях; установленные таким образом категории следует затем применять к более или менее исключительным случаям, когда отсутствует внешняя форма, которая могла бы служить для нас руководством. В английском языке, например, мы должны будем признать множественное число у существительных, местоимений и глаголов, а у прилагательных, как и у наречий, его нет; в датском, с другой стороны, множественное число следует признать у существительных, прилагательных и местоимений, но глаголы его уже не имеют. Этот принцип нужно будет вспомнить в дальнейшем, когда мы перейдем к определению количества падежей в английском языке.

Принцип, изложенный в предыдущих разделах, в грамматической литературе нередко нарушается. Многие авторы охотно говорят о легкости, с которой английский язык может превращать существительные в глаголы и наоборот, но английский язык никогда не смешивает эти два класса слов, даже если он употребляет одну и ту же форму то как существительное, то как глагол: *a finger* „палец“ и *a find* „находка“ — существительные, но *finger* и *find* в предложении *You finger this and find that* „Дотрагиваешься до одного, а

обнаруживаешь другое“ являются глаголами и по флексии, и по функции, и по всем остальным признакам. В одном из изданий „Гамлета“ место, где говорится, что дух идет „slow and stately“ „медленно и величественно“, было снабжено следующим примечанием (к слову slow): „Прилагательные часто употребляются вместо наречий“. Это неправильно: в действительности slow является наречием, так же как и long в предложении He stayed long „Он оставался долго“, хотя оно и имеет такую же форму, как в сочетании a long stay „долгое пребывание“, где long — прилагательное. Существительное в сочетаниях five snipe пять бекасов“, a few antelope „несколько антилоп“ или twenty sail „двадцать парусов“ часто рассматривается как форма единственного числа (иногда — „собирающее единственное“). В действительности же оно является формой единственного числа не больше, чем sheep в сочетании five sheep „пять овец“, которое всегда трактуется как множественное число (вероятно, потому, что грамматистам известно о существовании у этого слова неизменяемой формы множественного числа еще в древнеанглийский период). Однако история не имеет отношения к этому вопросу. Snipe теперь представляет собой одну из форм множественного числа рассматриваемого слова („неизменяемое множественное“), и существование другой формы множественного числа — snipes — не должно затемнять для нас действительное значение формы snipe.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Теперь можно вернуться к вопросу о возможности универсальной грамматики. Вопрос об универсальной морфологии никогда не возникал; ясно, что реально существующие формативы, так же как их функции и значение, бывают настолько различными в разных языках, что все, относящееся к ним, приходится излагать в грамматиках конкретных языков, за исключением разве нескольких общих положений о фразовом ударении и интонации. Только в отношении синтаксиса наблюдалась тенденция отыскать нечто общее для человеческой речи в целом, нечто, непосредственно основанное на самой природе человеческого мышления, иначе говоря, на логике, и поэтому стоящее выше случайных форм, существующих в том или ином конкретном языке. Мы уже видели, что эта логическая основа не покрывает всю область синтаксиса реальных языков; некоторые языки обходятся без сослагательного наклонения, без дательного падежа, а некоторые даже без множественного числа существительных. Каковы же тогда пределы логической основы синтаксиса, и что она вообще собой представляет?

В системе, намеченной выше, содержатся указания на синтаксическую роль, или функцию, каждой отдельной формы; так, для английского окончания -s дается, с одной стороны, помета — „множественное число существительных“, а с другой — „3-е лицо единственного числа настоящего времени глаголов“. В каждое из этих указаний включается два или несколько элементов: „часть речи“ или разряд слов, единственное или множественное число, третье лицо и, наконец, настоящее время. В английском языке такие указания состоят из сравнительно немногих элементов; но если мы обратимся к латинскому языку, то найдем, что там все значительно сложнее: например,

окончание формы *bonarum* обозначает множественное число, женский род и родительный падеж, а окончание формы *tegerentur* — множественное число, 3-е лицо, имперфект, сослагательное наклонение, страдательный залог; также и в других случаях. Очевидно, что хотя невозможно или не всегда возможно разделить эти элементы с формальной точки зрения (что выражает, например, множественное число, а что — родительный падеж в форме *animalium*? А что с формальной точки зрения соответствует значениям лица, перфекта, изъявительного наклонения и действительного залога в форме *fecit*? и т. д.), однако с точки зрения синтаксиса не только возможно, но и вполне естественно рассматривать эти элементы изолированно и объединять при этом все существительные, все глаголы, все формы единственного числа, все формы родительного падежа, все формы сослагательного наклонения, все формы 1-го лица и т. д. Таким образом, мы получаем ряд изолированных синтаксических понятий. Но надо идти еще дальше, поскольку эти изолированные понятия в ряде случаев соединяются вместе и образуют группы высшего порядка или более всеобъемлющие синтаксические разряды.

Таким образом, существительные, прилагательные, глаголы, местоимения и т. д., взятые вместе, образуют систему частей речи или разрядов слов.

Единственное и множественное число (вместе с двойственным) образуют категорию числа.

Именительный, винительный, дательный, родительный и другие падежи образуют категорию падежа.

Настоящее, претерит (имперфект, перфект), будущее и другие времена образуют категорию времени.

Изъявительное, сослагательное, желательное (оптатив) и повелительное наклонения образуют категорию наклонения.

Действительный, страдательный и средний (медиальный) залого образуют категорию залога.

Первое, второе и третье лица образуют категорию лица. Мужской, женский и средний род образуют категорию рода.

СИНТАКСИС И ЛОГИКА

Установить все эти синтаксические понятия и категории можно, не выходя ни на мгновение за пределы грамматики. Однако как только мы задаем вопрос, что эти понятия и категории отображают, мы сейчас же из области языка попадаем в область внешнего мира¹ или в область мышления. Некоторые из категорий, перечисленных выше, находятся в очевидной связи с чем-то существующим в самых предметах; так, грамматическая категория числа, несомненно, соответствует различию между единичностью и множественностью, существующему во внешнем мире; чтобы объяснить различные грамматические времена — настоящее время, имперфект и т. д. — необходимо обратиться к понятию „времени“ во внешнем мире; различие

¹ Конечно, в том виде, как он отражается в человеческом сознании.

между тремя грамматическими лицами соответствует естественному различию между говорящим, лицом, к которому обращена речь, и чем-то находящимся вне их обоих. Для некоторых категорий связь с чем-то находящимся за пределами языка не столь очевидна; и, может быть, те авторы, которые хотят установить такую связь и считают, например, что грамматическое различие между существительным и прилагательным соответствует внешнему различию между веществом и качеством, или стремятся установить „логическую“ систему падежей или наклонений, впадают в глубокое заблуждение. Этот вопрос будет рассмотрен в последующих главах, и мы увидим, с какими сложными проблемами он связан.

Внешний мир в том виде, в каком он отражается в человеческом сознании, чрезвычайно сложен; и нельзя думать, что можно сразу найти самый простой и самый точный способ обозначения несметного количества явлений и многообразных отношений между ними. Поэтому соответствие между внешними и грамматическими категориями никогда не бывает полным; повсюду мы находим самые странные и неожиданные перекрещивания и взаимопересечения. Приведу конкретный пример из области, казалось бы, сравнительно простой. На этом примере ясно видно, что хотя языку и недостает логической точности, но все же он вполне понятен. Сравним высказывание общеизвестной истины и один из примеров шекспировской мудрости, ставшим поговоркой:

1. Man is mortal „Человек смертен“.
2. Men were deceivers ever „Мужчины всегда были обманщиками“.

Рассматривая эти примеры с точки зрения грамматики, мы видим, что (не говоря о различии в именной части сказуемого) они различаются тем, что в одном случае в них представлено единственное число, а в другом — множественное, в одном случае — настоящее время, а в другом — прошедшее. Тем не менее, оба предложения сообщают нечто о целом классе; только сам класс в обоих случаях различен: в первом случае имеется в виду человечество в целом, безотносительно к полу, во втором — только мужская часть человечества; таким образом, в грамматическом различии чисел подразумевается различие пола. С другой стороны, хотя в данных примерах мы встречаем различные временные формы, различия во времени не имеются в виду: первое высказывание относится не только к настоящему моменту, а второе — не только к прошлому. В обоих случаях высказывается утверждение, не проводящее различия между настоящим и прошедшим и распространяемое на все времена. Логик предпочел бы здесь языковую конструкцию, при которой оба предложения имели бы обобщающее число (у Бреала — *omnial*) и одну и ту же форму обобщающего времени; причем в такой конструкции подлежащее первого предложения стояло бы в общем роде, а подлежащее второго — в мужском роде; тогда значение приведенных предложений не вызвало бы никаких сомнений: „Все люди есть, были и всегда будут смертными“ и „Все люди мужского пола есть, были и всегда будут обманщиками“. Однако в действительности в английском языке дело обстоит не так; грамматика же должна устанавливать факты, а не пожелания.

ПОНЯТИЙНЫЕ КАТЕГОРИИ

Следовательно, приходится признать, что наряду с синтаксическими категориями, или кроме них, или за этими категориями, зависящими от структуры каждого языка, в том виде, в каком он существует, имеются еще внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. Некоторые из них относятся к таким фактам внешнего мира, как пол, другие — к умственной деятельности или к логике. За отсутствием лучшего термина я буду называть эти категории понятийными категориями. Задача грамматиста состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае разобраться в соотношении, существующем между понятийной и синтаксической категориями.

Это отнюдь не легкая задача, и одна из трудностей на пути ее разрешения состоит в отсутствии адекватных терминов: очень часто одни и те же слова применяются к явлениям, принадлежащим к тем двум сферам, которые мы хотим разграничить. Каким образом особый набор терминов облегчает анализ трудной проблемы, можно показать на примере, который вкратце предвосхитит содержание одного из последующих разделов настоящей книги. Род является синтаксической категорией в таких языках, как латинский, французский и немецкий; соответствующая естественная, или понятийная, категория — пол; пол существует в реальном мире, но не всегда он выражается в языке, даже в таких языках, как латинский, французский и немецкий, имеющих систему грамматического рода, во многом соответствующую естественному разделению по полу. Таким образом, можно различать:

Грамматика	Реальный мир
Род	Пол
(синтаксический)	(понятийный)
1) Мужской род } слов	1) Мужской пол } существ
2) Женский род }	2) Женский пол }
3) Средний род }	3) Бесполое предметы

Возьмем теперь несколько французских и немецких примеров: *Der Soldat, le soldat* „солдат“ — живые существа мужского пола, мужской род; *die Tochter, la fille* „дочь“ — живые существа женского пола, женский род; *der Sperling* „воробей“, *le cheval* „лошадь“ — живые существа обоих полов, мужской род; *die Maus, la souris* „мышь“ — живые существа обоих полов, женский род; *das Pferd* „лошадь“ — оба пола, средний род; *die Schildwache, la sentinelle* „часовой“ — мужской пол, женский род; *das Weib* „женщина“ — женский пол, средний род; *der Tisch* „стол“, *le fruit* „фрукт“ — не имеют пола, мужской род; *die Frucht* „фрукт“, *la table* „стол“ — не имеют пола, женский род;

das Buch „книга“ — не имеет пола, средний род¹. В других случаях нет возможности создать два типа терминов, из которых один относился бы к реальному миру и к миру универсальной логики, а другой — к миру грамматики, но мы всегда должны стремиться к разграничению этих двух областей.

Из приведенных примеров, относящихся к роду и полу, видно, что взаимоотношения между синтаксическими и понятийными категориями представляют собой такую же сложную сеть, как отмеченное взаимоотношение между формальными и синтаксическими категориями (см. выше, стр. 47). Таким образом, мы имеем тройное подразделение, три ступени грамматического анализа одних и тех же явлений, или троякий подход к рассмотрению грамматических фактов, а именно: (А) форма, (Б) функция и (В) понятие. Теперь возьмем один из функциональных (синтаксических) разрядов и рассмотрим его взаимоотношения с формой, с одной стороны, и с понятием — с другой. Английский претерит образуется различными способами; и хотя он представляет одну определенную синтаксическую категорию, но, как видно из нижеследующей таблицы, не всегда имеет одно и то же логическое содержание:

А. Форма:	Б. Функция:	В. Понятие:
-ed (handed)	}	Прошедшее время
-t (fixed)		
-d (showed)		Нереальность в настоящем времени (if we <i>knew</i> “если бы мы <i>знали</i> “, I wish we <i>knew</i> “Я желал бы, чтобы мы <i>знали</i> “)
-t с чередованием (left)		
Неизменный корень (put)		Будущее время (It is time you <i>went</i> to bed “Пора вам <i>идти</i> спать“.)
Чередование (drank)	} Претерит {	
Другой корень (was)		Сдвинутое настоящее время (How did you know I <i>was</i> a Dane? “Как вы узнали, что я датчанин?“)
		Вневременное значение (Men <i>were</i> deceivers ever “Мужчины всегда <i>были</i> обманщиками“.)
	}	

¹ Эта терминология яснее терминологии Суита (Sweet, New English Grammar, Oxford, 1892, § 146). Он говорит о естественном роде, если последний соответствует полу, и о грамматическом роде, если он не соответствует полу; так, например, др.-англ. wifmann принадлежит к грамматическому мужскому роду, в то время как др.-англ. mann представляет собой естественный мужской род. В моей терминологии оба слова мужского рода, но wifmann „женщина“ обозначает живое существо женского пола, а mann „человек, мужчина“ — или живое существо мужского пола, или живое существо, безотносительно к полу.

Таким образом, синтаксические категории, подобно двуликтому Янусу, обращены и к форме, и к понятию. Они находятся посередине и представляют собой соединительное звено между миром звуков и миром понятий. Когда мы говорим (или пишем), мы начинаем с правой стороны (В) таблицы и переходим через синтаксис (Б) к формальному выражению (А); когда слушаем (или читаем), движение совершается в обратном направлении: от А через Б к В. Следовательно, движение осуществляется таким образом:

В Б А Б В

Говорящий: понятие > функция > форма

Слушатель:

форма > функция > понятие

Устанавливая категории в разделе третьем (В), необходимо всегда помнить, что они должны иметь лингвистическое значение. Мы хотим понять языковые (грамматические) явления, а поэтому было бы неправильно приступать к делу, не принимая во внимание существование языка вообще, классифицируя предметы и понятия безотносительно к их языковому выражению. Напротив, нам следует поступать, *mutatis mutandis*, так, как мы поступали, когда устанавливали синтаксические категории: там мы обращали пристальное внимание на то, что нашло выражение в языковых формах, а здесь мы должны сосредоточить свое внимание на уже установленных синтаксических категориях. Систематический обзор главных понятийных категорий, поскольку они находят грамматическое выражение, и рассмотрение взаимоотношений между этими двумя „мирами“ в различных языках и является задачей большей части этой работы. Не раз нам придется констатировать, что грамматические категории представляют собой в лучшем случае симптомы, или тени, отбрасываемые понятийными категориями; иногда „понятие“, стоящее за грамматическим явлением, оказывается таким же неуловимым, как кантовская вещь в себе. И в целом мы не должны ожидать, что придем к „универсальной грамматике“ в том смысле, в каком ее понимали старые грамматисты-философы. Результатом наших исследований будет лишь такое приближение к ней, какое возможно для современной лингвистической науки.

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ III

Выдающийся историк французского языка Фердинанд Брюно (Brunot) предлагает произвести революцию в преподавании (французской) грамматики, начиная изучение ее изнутри — не с форм, а с мыслей, которые подлежат выражению. Его фундаментальный труд „*La pensée et la langue*“ (Paris, Masson et Cie, 1922), необыкновенно богатый новыми наблюдениями и методическими замечаниями, был опубликован, когда более двух третей моей книги было уже написано в окончательном или почти в окончательном виде. Возможно (хотя мне сейчас трудно сказать что-либо определенное), что моя книга приняла бы иной вид, если бы работа Брюно появилась до того, как полностью сложились мои взгляды. Сейчас же, хотя я приветствую его как могущественного союзника, я расхожусь с ним по крайней мере по двум важным вопросам. Во-первых, то, что он рекомендует как правильный метод (начинать с внутренней стороны — *la pensée*), с моей точки зрения, должно быть одним из двух методов подхода к фактам языка: один начинается изнутри, другой — извне. И, во-вторых, грамматика должна отграничиваться от словаря, между тем как Брюно в своих списках синонимических терминов слишком часто смешивает эти области. Не могу я также разделить его глубокого пренебрежения к старой теории „частей речи“, как бы она ни была ошибочна во многих деталях.

ЧАСТИ РЕЧИ

Прежние системы. Определения. Основа классификации. Язык и реальная жизнь. Имена собственные. Подлинное значение имен собственных.

ПРЕЖНИЕ СИСТЕМЫ

Преподавание грамматики принято начинать с деления слов на определенные разряды, обычно называемые „частями речи“ (существительные, прилагательные, глаголы и т. п.), и с определения каждого разряда. Деление слов на разряды восходит к греческой и латинской грамматике с небольшими добавлениями и изменениями. Что касается определений, то они очень далеки от степени точности, характерной для эвклидовой геометрии. Большинство определений, даже в новейших трудах, — это, по существу, определения мнимые; в них очень легко найти слабые места. Не удалось достигнуть согласия и в вопросе о том, на чем должна основываться классификация — на форме (и изменениях формы), или на значении, или на функции в предложении, или на всех этих моментах, взятых вместе.

Самой остроумной системой в этом отношении является, конечно, система Варрона, который различает четыре части речи: часть речи, имеющую падежи (имена), часть речи, имеющую времена (глаголы), часть речи, имеющую и падежи, и времена (причастия), и часть речи, не имеющую ни того, ни другого (частицы). Если эта схема теперь отброшена, то только потому, что она слишком явно приспособлена лишь к латинскому (и греческому) языку, но совершенно неприемлема ни для современных языков, которые развились из языковой структуры, сходной с латинской (например, для английского), ни для языков совершенно иного типа (например, эскимосского).

Такую же математическую регулярность, как в системе Варрона, мы находим и в следующей системе: некоторые имена различают время, подобно глаголам, и род, подобно существительным (причастия), другие не различают ни род, ни время (личные местоимения). Глаголы — единственные слова, совмещающие временные различия с отсутствием рода. Таким образом, мы имеем следующую систему:

имена	}	обычные:	с родом, без времени
		личные местоимения:	без рода, без времени
		причастия:	с родом, с временем
глаголы:		без рода, с временем ¹	

Эта система опять-таки пригодна только для древних языков нашей семьи и отличается от системы Варрона лишь тем, что в основу классификации положены различия в роде, а не различия в падеже. Обе системы в равной мере

¹ Schroeder. Die formelle Unterscheidung der Redetheile im Griechischen und Lateinischen, Leipzig, 1874.

произвольны. В обеих системах отличительной чертой глаголов является время, и это нашло отражение в немецкой грамматике, где глагол называется *Zeitwort* „временным словом“; но по такому признаку глаголы отсутствуют в китайском языке, а с другой стороны, позже мы увидим, что и существительные иногда различают времена. Некоторые грамматисты полагают, что отличительной чертой глагола служат личные окончания (Штейнталь и др.). Но этот критерий тоже исключил бы наличие глаголов в китайском языке; кроме того, глаголы не различают лица также в датском языке. Вряд ли можно выйти из положения, сказав, подобно Шлейхеру (Schleicher, *Nomen und Verbum*, Leipzig, 1865, стр. 509), что „глаголы — это слова, которые имеют или имели личные окончания“, так как для определения принадлежности слова к той или иной части речи знание истории языка не является необходимым.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Рассмотрим теперь кратко некоторые из определений, данных в грамматике Холла и Зонненшейна (J. Hall and E. A. Sonnenschein, *Grammar*, London, 1902): „Существительные называют. Местоимения отождествляют без названия“. Я сомневаюсь, что *who* в предложении *Who killed Cock Robin?* „Кто убил Кока Робина?“ действительно что-нибудь отождествляет; оно скорее просит отождествить кого-то другого. А что отождествляет *none* в предложении *Then none was for a party* „Тогда никто не был за вечеринку“? „Прилагательные употребляются с существительными в целях описания, отождествления и перечисления“¹. Но разве прилагательные не могут употребляться без существительных? (*The absent are always at fault* „Отсутствующие всегда виноваты“, *He was angry* „Он был *сердитым*“). С другой стороны, является ли *poet* в сочетании *Browning the poet* „Браунинг поэт“ прилагательным? „С помощью глаголов говорится что-то о чем-либо или о ком-либо“: *You scoundrel* „Ты негодяй“ — здесь говорится нечто о *you* в такой же степени, как и в предложении *You are a scoundrel*; кроме того, в последнем предложении это нечто сообщается не в глаголе *are*, а в предикативе. „Союзы соединяют группы слов или отдельные слова“. Но то же самое относится и к слову *of* в сочетании *a man of honour* „человек чести“, хотя данное слово не становится из-за этого союзом. Ни одно из приведенных определений не является ни исчерпывающим, ни убедительным².

¹ Слово „перечисление“ употребляется здесь в значении, которое неизвестно словарям. Если мы поймем это слово в его обычном значении, тогда, согласно определению, *coat* „пальто“ и др. в предложении *All his garments, coat, waistcoat, shirt and trousers were wet* „Вся его одежда — пиджак, жилет, рубашка и брюки — была вымочена“ будут прилагательными.

² Много времени спустя после того, как был написан первый вариант моей книги, я познакомился с работой Зонненшейна (Sonnenschein, *New English Grammar*, Oxford, 1921; во многих отношениях прекрасная книга, хотя в некоторых случаях у меня есть возражения по ряду вопросов). В ней улучшены некоторые из определений. „Местоимение — это слово, употребляемое вместо существительного для обозначения или перечисления лиц и предметов, без называния их“. „Обозначение“ значительно лучше, чем „отождествление“, но трудность в отношении *none* и *who* все же остается. „Сочинительный союз — это слово, употребляемое для соединения членов предложения одинакового ранга. Подчинительный союз — это слово,

ОСНОВА КЛАССИФИКАЦИИ

Некоторые грамматисты, чувствуя несовершенство таких определений, впали в отчаяние и отказались от разрешения этой проблемы методом анализа значений слов, принадлежащих к различным разрядам; они считают, что единственным критерием должна быть форма слова. По такому пути пошел, например, Цейтлин (J. Zeitlin, *On the Parts of Speech. The Noun*; см. „*The English Journal*“, март, 1914), хотя, к сожалению, он рассматривает только существительные. Он придает термину „форма“ довольно широкое значение и заявляет, что „в английском языке существительное до сих пор еще обладает определенными формальными признаками, которые отсутствуют у всех других разрядов слов. К таким признакам относится префигирование артикля или указательного местоимения, использование флективного показателя для обозначения притяжательности и множественности и соединение с предлогами для указания отношений, которые первоначально выражались флективными окончаниями“. Правда, он проявляет осторожность и добавляет, что отсутствия всех перечисленных признаков недостаточно для исключения конкретного слова из существительных; существительное надо характеризовать „как слово, которое имеет или может в любом употреблении иметь“ указанные формальные признаки.

Если бы форма в строгом смысле этого слова была признана единственным критерием, мы пришли бы к абсурдному заключению, что *must* „должен“, будучи неизменяемым в английском языке, принадлежит к тому же классу, что и *the*, *then*, *for*, *as*, *enough* и т. д. Единственным оправданием для отнесения *must* к глаголам является параллелизм употребления его в конструкциях типа *I must (go)* „Я должен (идти)“, *Must we (go)?* „Должны ли мы (идти)?“ с конструкциями *I shall (go)*, *Shall we (go)?* Иначе говоря, мы принимаем во внимание его значение и функцию в предложении. И если бы Цейтлин назвал употребление *must* с формой именительного падежа, например *I „я“*, „формальным“ (точно так же, как „сочетание с предлогами“ представляет у него один из „формальных“ критериев, на основании которых он признает слово существительным), я спорил бы с ним не по поводу того, что он учитывает подобные моменты, а по поводу того, что он считает их формальными соображениями.

По моему мнению, учитывать надо все: и форму, и функцию, и значение. Однако необходимо подчеркнуть, что форма, будучи самым наглядным критерием, может побудить нас признать в одном языке такие разряды слов, которые в других языках не являются отдельными разрядами, а значение, как оно ни важно, трудно поддается анализу; классификация в этом случае не может быть основана на кратких и легко приложимых определениях.

Можно представить себе два крайних типа языковой структуры: тип с отчетливыми формальными критериями для каждого разряда слов и тип без

употребляемое для соединения придаточного-наречия или придаточного-существительного с остальной частью сложноподчиненного предложения“. Сочинительный союз может употребляться также и для соединения целых предложений (Sonnenschein, § 59). Определение довольно сложное и предполагает многие другие грамматические термины; оно не дает ответа на вопрос, что такое союз, и что есть общего у этих двух разрядов.

таких внешних показателей. Наибольшее приближение к первому типу мы находим не в каком-либо из существующих языков, а в таких искусственных языках, как эсперанто и еще в большей степени — идо, где каждое имя нарицательное оканчивается на -o (во множественном числе — на -i), каждое прилагательное — на -a, каждое (производное) наречие — на -e, каждый глагол — на -r, -s или -z в зависимости от склонения. Обратное положение, когда у разрядов слов нет формальных показателей, находим в китайском языке, где некоторые слова могут употребляться только в определенных функциях, в то время как другие могут функционировать без какого-либо формального изменения то как существительные, то как глаголы, то как наречия и т. д.; причем их значение в каждом конкретном случае определяется синтаксическими правилами и контекстом.

Английский язык занимает в этом отношении промежуточное положение, хотя он все больше и больше приближается к системе китайского языка. Возьмем форму *round*: она представляет собой существительное в сочетании *a round of a ladder* „ступенька лестницы“ и в предложении *He took his daily round* „Он совершал ежедневную прогулку“, прилагательное в сочетании *a round table* „круглый стол“, глагол в предложении *He failed to round the lamp-post* „Ему не удалось обогнуть фонарный столб“, наречие в предложении *Come round to-morrow* „Заходи завтра“ и предлог в предложении *He walked round the house* „Он ходил вокруг дома“. Подобным же образом *while* может быть существительным (*He stayed here for a while* „Он остался здесь на некоторое время“), глаголом (*to while away time* „проводить время“) и союзом (*while he was away* „в то время как его не было“). *Move* может быть существительным и глаголом, *after* — предлогом, наречием и союзом и т. д.¹

С другой стороны, существует большое количество слов, принадлежащих только к одному разряду: *admiration* „восхищение“, *society* „общество“, *life* „жизнь“ могут быть только существительными, *polite* „вежливый“ — только прилагательным, *was* „был“, *comprehend* „схватывать“ — только глаголами, *at* „у, при“ — только предлогом.

Чтобы установить, к какому разряду относится данное слово, недостаточно рассматривать какую-нибудь одну изолированную форму. Также не существует и флективного окончания, которое представляло бы собой исключительную собственность какой-либо одной части речи. Окончание *-ed* (*-d*) встречается главным образом у глаголов (*ended, opened* и т. д.), но оно может также присоединяться к существительным для образования прилагательных (*blue-eyed* „голубоглазый“, *moneyed* „состоятельный“, *talented* „одаренный“ и т. д.). Если принять во внимание значение окончания, то некоторые окончания могут использоваться в качестве критерия; так, если при добавлении *-s* мы получаем форму множественного числа, то мы имеем дело с существительным; если же получается форма 3-го лица единственного числа — с глаголом; в частности, это один из критериев для отграничения существительного от глагола *round* (*many rounds of the ladder* „много ступенек лестницы“; *He rounds the lamp-post* „Он огибает фонарный столб“). В других случаях решающей является сочетаемость с определенными словами; так, *my* и *the* в сочетании *my*

¹ Позже мы специально остановимся на вопросе о том, действительно ли это различные части речи.

love for her „моя любовь к ней“ и the love I bear her „любовь, которую я питаю к ней“, в противоположность I love her „Я люблю ее“, показывают, что love является существительным, а не глаголом, как в последнем сочетании (ср. my admiration „мое восхищение“, the admiration „восхищение“, но I admire „Я восхищаюсь“; здесь admiration и admire не смешиваются)¹.

Очень важно отметить, однако, что, если round, love и огромное количество других английских слов принадлежат более чем к одному разряду, то это справедливо только в отношении изолированной формы: в каждом отдельном случае употребления слова оно относится к одному определенному разряду и ни к какому другому. Но многие авторы не замечают этого и часто утверждают, что в предложении We tead at the vicarage „Мы выпили чаю в доме священника“ мы имеем дело с употреблением существительного (tea „чай“) в функции глагола. В действительности здесь представлен настоящий глагол, такой, как dine „обедать“ или eat „есть“ (хоть и образованный от существительного tea и притом без какого-либо особого окончания в инфинитиве; ср. выше, стр. 54). Образовать глагол от другого слова совсем не то же, что употребить существительное в качестве глагола; последнее вообще невозможно. Словари поэтому должны трактовать love (существительное) и love (глагол) как два разных слова; точно так же словари должны трактовать и tea (существительное), и tea (глагол). В случаях типа wire следует выделять даже три слова: 1) „провода“ — существительное, 2) „телеграфировать“ — глагол, образованный от первого слова без каких-либо словообразовательных окончаний, 3) „телеграмма“ — существительное, образованное от глагола без какого-либо окончания.

При преподавании элементарной грамматики я не стал бы начинать с определения различных частей речи и тем более с обычных определений, которые говорят так мало, а претендуют на многое. Я избрал бы более практический способ. Опытный грамматист, не прибегая к таким определениям, всегда знает, чем является данное слово — прилагательным или глаголом. И подобно тому как мы с первого взгляда различаем корову и кошку, могут научиться различать части речи и дети. Ведь они учатся различать привычных животных на практике, когда им показывают достаточное количество отдельных особей и обращают их внимание то на одну, то на другую характерную черту этих особей. Я взял бы кусок связного текста, например короткий рассказ, и сначала дал бы курсивом все существительные. После того как эти существительные будут отмечены и кратко рассмотрены, у учащихся, вероятно, не возникнет затруднения при определении нескольких других существительных, аналогичных по значению и по форме, но взятых в другом тексте и не выделенных курсивом; затем можно было бы привлечь

¹ См. „Modern English Grammar“, II, гл. VIII и IX, где дан обстоятельный анализ вопроса о том, с настоящими ли существительными мы имеем дело в сочетаниях типа: Motion requires a *here* and a *there* „Движение предполагает понятия *здесь* и *там*“, a *he* „он“, „мужчина“, a *pick-pocket* „карманный вор“, my *Spanish* is not very good „мои знания *испанского языка* не очень хороши“ и т. д. Особо интересный случай, где могут быть сомнения относительно определения разряда слов, рассматривается в „Modern English Grammar“, II, гл. XII: „Стали ли первые слова в английских сложных словах прилагательными?“ (Ср. следующие примеры: intimate and *bosom* friends „близкие и *закадычные* друзья“, the *London* and *American* publishers „*лондонские* и *американские* издатели“, a *Boston* young lady „*бостонская* барышня“, his — own umbrella — the *cotton* one „его собственный зонтик — *хлопчатобумажный*“ и др.)

внимание учащихся к прилагательным, используя тот же самый текст, но выделяя курсивом уже прилагательные. Наблюдая таким образом за различными разрядами, учащиеся приобретут постепенно „грамматическое чутье“ и смогут разобраться в последующих уроках, посвященных морфологии и синтаксису родного и иностранного языка.

Однако я не ставлю себе целью давать советы по поводу начального преподавания грамматики, а стремлюсь наметить научное понимание логической основы грамматики. Это можно легче всего сделать, я думаю, путем рассмотрения того, что действительно происходит, когда мы говорим о чем-нибудь, и путем анализа взаимоотношений между реальным миром и способом выражения его явлений в языке.

ЯЗЫК И РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

В реальной жизни мы имеем дело только с конкретными предметами: мы видим какое-то конкретное яблоко, ярко-красное в одной части и желтоватое в другой, определенного размера, формы, веса и степени спелости, с определенным количеством пятен и неровностей, при определенном освещении, в определенном месте, в данный момент данного дня и т. д. Поскольку язык не в состоянии выразить все эти оттенки во всей их конкретности, нам для облегчения коммуникации приходится отвлекаться от индивидуальных и конкретных характеристик: слово *яблоко* применяется не только к тому же яблоку при других обстоятельствах, в другое время, при другом освещении, но также к огромному числу других предметов, которые удобно объединить под тем же самым названием. Ведь иначе мы имели бы бесконечное количество индивидуальных названий и нам нужно было бы изобретать слова для новых предметов в каждый момент дня. Мир вокруг нас находится в постоянном изменении, и чтобы поспеть за этими изменениями, мы создаем в нашем сознании или, по крайней мере, в языке определенные более или менее стабильные точки, определенные средние единицы. В реальном мире средних единиц не бывает, но они существуют в языке, и, таким образом, вместо обозначения данного предмета, словом *яблоко* обозначается некий средний предмет из общего числа всех предметов, имеющих много общих черт (но, конечно, не все). Иначе говоря, чтобы сообщить наши впечатления и мысли, абсолютно необходимо иметь более или менее абстрактные¹ обозначения понятий: *яблоко* является абстрактным по отношению к конкретному яблоку, с которым нам приходится иметь дело; *фрукт* абстрактно даже в большей степени; а еще более абстрактные понятия выражают такие слова, как *красный*, *желтый* и т. п.; язык всегда имеет дело с абстрактными словами; только степень абстрактности изменяется бесконечно.

Если вы хотите вызвать в сознании собеседника совершенно определенное понятие, вы обнаружите, что это понятие само по себе очень сложное. Оно состоит из большого количества отдельных признаков — настолько большого, что вы не сможете их перечислить даже в том случае, если

¹ Слово „абстрактный“ употребляется здесь в обычном смысле, а не в том, в каком им пользуются в логико-грамматической терминологии, которая будет рассмотрена ниже, в гл. X.

продлите этот перечень до бесконечности. Вам приходится выбирать, и, естественно, вы останавливаетесь на таких признаках, которые, по вашему глубокому убеждению, более всего пригодны для того, чтобы вызвать в сознании собеседника то же самое понятие. Более того, вы подбираете такие признаки, которые помогли бы определить понятие наиболее простым и удобным образом и избавили бы вас от необходимости длинных пояснений. Поэтому вместо a timid gregarious woolly ruminant mammal „пугливое, живущее стадами, покрытое шерстью, жвачное млекопитающее“ вы скажете sheep „овца“, а вместо male ruler of independent state „мужчина — правитель независимого государства“ — king „король“ и т.п. Таким образом, повсюду, где только возможно, употребляется простой, а не сложный термин. Но не для всех сложных понятий существуют специальные простые термины; поэтому нередко нам приходится составлять выражения из таких слов, которые в отдельности передают существенные признаки данного понятия. Но даже и в таких случаях обозначение никогда не бывает исчерпывающим. В частности, одного и того же человека при различных обстоятельствах можно обозначать различным образом, и все-таки будет ясно, что речь идет об одном лице; ср. James Armitage „Джемс Армитадж“, просто Armitage „Армитадж“, или просто James „Джемс“, или еще the little man in a suit of grey whom we met on the bridge „человек маленького роста в сером костюме, которого мы встретили на мосту“, the principal physician at the hospital for women's diseases „главный врач больницы женских болезней“, the old Doctor „старый доктор“, the Doctor „доктор“, her husband „ее муж“, Uncle James „дядя Джемс“, Uncle „дядя“ или просто he „он“. В каждом конкретном случае слушатель добавляет, основываясь на ситуации (или контексте), т. е. из своего предыдущего опыта, огромное количество других характерных черт, которые не нашли языкового выражения; особенно это относится к последнему случаю, когда человек обозначен только местоимением „он“.

Среди приведенных обозначений встречаются такие, которые, как можно легко заметить, имеют особый характер; мы сразу же выделяем *Джемс* и *Армитадж* (и, конечно, сочетание *Джемс Армитадж*) как имена собственные. Слова же типа *человек*, *врач*, *доктор*, *муж*, *дядя*, входящие в некоторые из обозначений, называются именами нарицательными, поскольку они употребляются для обозначения многих лиц или, во всяком случае, значительно большего числа лиц, чем имена собственные. Рассмотрим несколько подробнее, в чем сущность имен собственных.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

Казалось бы, имена собственные являются названиями, которые могут быть применены только к определенному конкретному лицу. Этому нисколько не противоречит то обстоятельство, что the Pyrenees „Пиренеи“ и the United States „Соединенные Штаты“ представляют собой имена собственные; несмотря на форму множественного числа, с помощью которой обозначается данная цепь гор и данный политический организм, они рассматриваются как одно целое, как индивидуальные предметы; ведь невозможно говорить об „одной Пиренее“ или об „одном Соединенном Штате“; можно сказать только

one of the Pyrenees „одна из Пиренеев“, one of the United States „один из Соединенных Штатов“.

Значительно сложнее обстоит дело с такими словами, как *Джон* и *Смит*, которые, по общему мнению, считаются именами собственными, несмотря на то, что, бесспорно, существует много лиц, которых называют *Джон*, и много лиц, которых называют *Смит*, а также значительное количество лиц, обозначаемых и тем и другим именем сразу — *Джон Смит*. *Рим* — также имя собственное, но, кроме Рима в Италии, это название носят по крайней мере пять городов в Соединенных Штатах! Как же тогда следует различать имена собственные и имена нарицательные?

Известная попытка разрешить этот вопрос была сделана Джоном Стюартом Миллем (J. S. Mill, System of Logic, I, гл. II). Согласно его точке зрения, имена собственные лишены сопутствующих значений; они лишь обозначают индивидуальных лиц или индивидуальные предметы, носящие это название, но не указывают и не подразумевают никаких черт, свойственных им; их задача — указать предмет, о котором идет речь, а не сообщить о нем что-либо. С другой стороны, такие имена, как *человек*, кроме обозначения бесчисленного количества индивидов — Петр, Джемс, Джон и т.п., — приносят (коннотируют) и определенные признаки: материальность, принадлежность к живому миру, разумность и известные внешние формы, которые мы называем человеческими. Всякий раз поэтому, когда названия предметов дают какие-либо сведения о них, или, иначе говоря, имеют значение, это значение заключено не в том, что они обозначают, а в том, что они коннотируют. Единственные названия предметов, которые лишены коннотации, — это собственные имена; строго говоря, эти имена не имеют никакого значения.

Так, один из современных датских исследователей (H. Bertelsen, Føllesnavne og egennavne, 1911) говорит, что John является именем собственным, поскольку ничего, кроме названия, не объединяет всех Джонов в отличие от Ричардов и Генри; имена нарицательные в отличие от имен собственных выделяют нечто характерное для индивидуальных лиц и предметов, к которым они относятся. Таким образом, различие между именами собственными и именами нарицательными не имеет никакого или по крайней мере никакого определенного отношения к числу индивидуальных лиц или предметов, обозначаемых этими именами. Я думаю, однако, что эта точка зрения не вскрывает всей глубины проблемы.

ПОДЛИННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Первостепенное значение, по моему мнению, имеет самое употребление имен собственных говорящими и понимание их слушающими. Всякий раз, когда имя собственное употребляется в живой речи, и для говорящего, и для слушателя оно обозначает лишь одно конкретное лицо и ограничивается только им. Сегодня, в компании своих друзей я могу употребить имя Джон применительно к определенному человеку, носящему такое имя. Но это не помешает мне завтра, в другой компании употребить то же имя по отношению к иному лицу; в обоих случаях, однако, имя собственное выполняет одну и ту

же роль: оно вызывает в сознании слушателя именно то значение, которое я имею в виду. Милль и его последователи слишком много внимания уделяли тому, что можно назвать словарным значением имени, и очень мало занимались его контекстуальным значением в той конкретной ситуации, в какой оно произносится или пишется. Правда, совершенно невозможно определить значение слова *Джон*, когда дается только это слово и ничего больше; однако то же самое можно сказать и о многих „именах нарицательных“. Единственным честным ответом на просьбу сообщить значение слов *jar*, *sound*, *palm* или *tract* будет следующий: „Покажите мне контекст, и я скажу вам значение“. В одном случае *pipe* понимается как „трубка (курительная)“, в другом — как „водопроводная труба“, в третьем — как „свисток“, в четвертом — как „труба органа“; также обстоит дело со словом *Джон*: в каждом отдельном предложении оно имеет одно определенное значение, которое явствует из контекста и ситуации; и если это имя собственное, его значение в каждом отдельном случае будет более специальным, чем значение *pipe* или других упомянутых слов. Здесь мы наблюдаем другую сторону того важного обстоятельства, что большим количеством признаков обладают имена собственные, а не имена нарицательные. Пользуясь терминологией Милля, но, полностью расходясь с его точкой зрения, я осмелюсь утверждать, что имена собственные (в том виде, как они реально употребляются) „коннотируют“ наибольшее количество признаков.

Когда вы слышите о каком-нибудь человеке в первый раз или в первый раз встречаете его имя в газетах, вы не знаете о нем ничего, кроме имени; но чем больше вам приходится слышать о нем и видеть его, тем больше его имя наполняется для вас содержанием. Подобным же образом, по мере того как вы читаете роман, возрастает и ваше знакомство с персонажем романа. Однако то же самое наблюдается и в случае с „именем нарицательным“, когда мы слышим его впервые, например со словом *ichneumon* „ихневмон“: здесь опять-таки значение, или коннотация, растет по мере роста вашего знания. Отрицать это можно было бы, только если считать, что коннотация является чем-то присущим имени и существующим вне сознания человека, который знает и употребляет это имя; однако такое предположение абсурдно и противоречит правильным понятиям о сущности языка и человеческой психики.

Если бы имена собственные не коннотировали большого количества признаков, было бы невозможно понять и истолковать обычный переход имени собственного в имя нарицательное. Одна молодая датчанка на вопрос француза относительно профессии ее отца, не зная французского слова *sculpteur* „скульптор“, ответила так: Il est un *Thorvaldsen* en miniature „Это *Торвальдсен* в миниатюре“. Оскар Уайльд пишет: Every great man nowadays has his disciples, and it is always *Judas* who writes the biography „У каждого великого человека в наше время есть ученики, а биографию всегда пишет *Иуда*“ („Intentions“, 81) — это первый шаг к выражению *a Judas*. Уолтер Патер (*Pater*) говорит, что Франция была накануне того, чтобы стать *Италией* более итальянской, чем сама Италия („Renaissance“, 133). Таким именно образом имя Цезаря стало общим названием римских императоров, немецких кайзеров и русских царей. (В шекспировской трагедии народ кричит: „*Liue Brutus, liue, liue... Let him be Сжсар*“ „Да

здравствует Брут ... пусть он будет Цезарем“ — „Caesar“, III. 2. 55.) Я привожу лишь несколько примеров¹.

Логики, безусловно, видят это, но отмахиваются от этого явления, говоря: „Имена собственные, конечно, приобретают коннотацию, когда они употребляются для обозначения определенного типа людей; например: *Диоген, Фома, Дон-Кихот, Поль Прай, Бенедикт, Сократ*. Но при подобном употреблении такие имена в сущности перестают быть именами собственными; они приобретают все характерные черты имен нарицательных“ (Кеупес, *Studies and Exercises in Formal Logic*, изд. 4, Лондон, 1906, стр. 45). Логик как таковой с его склонностью к водонепроницаемым перегородкам в мире понятий не интересуется тем, что для меня как лингвиста имеет первостепенное значение: как могло получиться, что ряд звуков, лишенных значения, из неконнотирующих вдруг становятся коннотирующими и при этом новое полное значение сразу же приемлют все говорящие?

Если же стать на точку зрения, изложенную выше, трудность сразу исчезает. Вот что происходит в действительности: из ряда качеств, характеризующих носителя данного имени (и, я сказал бы, коннотируемых этим именем), выбирается одно, наиболее известное; оно используется и для характеристики другого лица или предмета, обладающего тем же качеством. Точно такой же процесс мы наблюдаем очень часто в именах нарицательных; так, иногда цветок, имеющий форму колокольчика, называют *колокольчиком*, хотя во всех остальных отношениях он отличается от колокольчика; или, например, политического деятеля называют старой *лисой*, ср. также англ. *that pearl of a woman* „женщина-жемчужина“, *that jewel of a woman* „женщина-драгоценность“. Причина такого перехода значений в именах собственных и именах нарицательных одна, а именно — их способность коннотировать; разница между обоими разрядами чисто количественная.

Различие в употреблении слова *Stybus* „Крез“ для обозначения определенного лица и для обозначения богача можно сравнить с различием между *human* „человеческий“ (коннотирующим все, свойственное человеку) и *humane* „человечный“ (избирающим одну из особенностей человека).

В современной европейской системе личных имен, состоящих из имени и фамилии, происходит перенос несколько иного характера: ребенок приобретает фамилию отца на основании самого факта рождения. Было бы слишком поспешным утверждать, что, например, Тимперлеи (*Timperleys*), принадлежащие к одной и той же семье, не имеют ничего общего между собой, кроме фамилии; иногда их можно узнать по носу или по походке; иногда же их общие наследственные черты, физические и психические, могут быть гораздо более многочисленны, так что фамилия Тимперлей может приобрести смысл, по существу, мало отличающийся от смысла таких „имен нарицательных“, как *йоркширец, француз, негр* или олень. Иногда бывает трудно определить, что коннотирует то или иное из этих названий или по каким признакам можно определить, что человек принадлежит к тому или другому классу; однако логики сходятся на том, что эти названия имеют коннотацию. Тогда почему же отказывать в этом слову *Тимперлей*?

¹ Литовское слово, означающее „король“ — *karalius*, образовано от лат. *Carolus* (Карл Великий); также русск. *король*, польск. *kryl*, венг. *király*.

Иначе обстоит, конечно, дело с личными именами, которые даются более или менее случайно. Одна Мод, может быть, получила это имя в честь своей богатой тетки, а другая — просто потому, что родителям это имя понравилось. Поэтому они не имеют ничего общего, кроме имени. Но ведь точно так же обстоит дело и в случаях вроде temple „храм“ и temple „висок“. (Две Мод имеют больше общего, чем храм и висок; обе они являются существами женского пола.)¹. Все это никак не идет вразрез с моей точкой зрения, которая состоит в том, что всякий раз, когда употребляется имя *Мод*, в сознании слушателя возникает представление о целом ряде свойств или отличительных признаков данного лица.

Против этой точки зрения выдвигается возражение, что „коннотация имени собственного — это не качество или качества, по которым можно определить соответствующий класс. Например, англичанина за границей можно узнать по покрою одежды, француза — по произношению, проктора — по лентам, адвоката — по парикю; но я не вкладываю такого содержания в эти названия, так что все это не образует части коннотации имен собственных (в смысле Милля)“ (Кеупнес, *Studies and Exercises in Formal Logic*, London, 1906, стр. 43). Здесь как будто устанавливается различие между существенными признаками, заключенными в „коннотации“², и несущественными или случайными свойствами.

Однако четкой линии здесь провести нельзя. Если мы хотим узнать, что коннотируется названиями *соль* и *сахар*, нужно ли прибегать к химическому анализу и давать химические формулы этих веществ или можно применить обычный критерий и просто попробовать их? Какие качества коннотируются словом *собака*? В этом и во многих других подобных случаях мы без колебаний употребляем нарицательные имена. Но мы были бы в большом затруднении, если бы кто-нибудь спросил, какое значение мы вкладываем в то или иное название и почему мы применяем его в данном случае. Собаку мы определяем то по одному, то по другому признаку или по целому ряду признаков; и если мы применяем слово *собака* к данному животному — это значит, что животное обладает всеми остальными чертами, которые в совокупности составляют природу собаки³.

Употребление имен собственных во множественном числе (ср. „*Modern English Grammar*“, II, 4. 4) становится также понятным с точки зрения изложенной теории. В строгом смысле ни одно имя собственное не может иметь формы множественного числа.

Форма множественного числа у имен собственных так же немислима, как и у местоимения *я*: есть только одно *я*, только один *Джон*, только один *Рим*, если под этими именами понимать только данное лицо или город, о котором мы говорим. Но в упомянутых измененных значениях форма

¹ Другой пример перехода фамилии одного лица на другое — это случай замужества: Мери Браун в результате брака с Генри Тэйлором становится миссис Тэйлор, миссис Мери Тэйлор или даже миссис Генри Тэйлор.

² Ср. там же, стр. 24: „Мы включаем в коннотацию названий классов только те признаки, на которых основана классификация“.

³ Самым лучшим, пожалуй, будет шутливое определение собаки: собака — это такое животное, которого инстинктивно признает за собаку другая собака.

множественного числа становится возможной и для имен собственных. Возьмем следующие классы:

1) Конкретные предметы или лица, которые более или менее случайно обозначаются одним и тем же названием: „В нашей компании было три *Джона* и пять *Мери*“, „Я не был ни в одном из американских *Римов*“.

2) Члены одной семьи: „У всех *Тимперлеев* длинные носы“; „во времена *Стюартов*“, „*Генри Спинкеры*.“ (ср. гл. XIV, множественное приближения).

3) Лица или предметы, сходные с лицом или предметом, носящим данное имя: „*Эдисоны* и *Маркони* могут потрясти мир изобретениями“; „*Иуды, короли Генрихи, королевы Елизаветы* идут своим путем“ (Карлейль); „Скалистые горы в Канаде рекламируются как пятьдесят *Швейцарий* вместе взятых“.

4) В результате метонимии имя собственное может употребляться для обозначения произведения, созданного автором, носящим это имя: „В этой галерее два *Рембрандта*“.

Следует также помнить, что содержание, вкладываемое в индивидуальное имя, при ближайшем рассмотрении оказывается абстракцией. Каждая конкретная вещь и каждое лицо непрерывно, с каждым мгновением изменяются. В его названии выделяются и закрепляются постоянные элементы всех изменчивых проявлений, происходящих с предметом, что как бы приводит их к общему знаменателю. Благодаря этому мы можем понять предложения типа следующих: He felt convinced that Jonas was again the Jonas he had known a week ago, and not the Jonas of the intervening time „Он убедился, что Джонас — снова тот Джонас, которого он знал неделю назад, а не тот Джонас, которого он знал после этого“ (Диккенс); There were days when Sophia was the old Sophia — the forbidding, difficult Sophia „Были дни, когда София была прежней Софией — непривлекательной и тяжелой Софией“ (Беннетт); Anna was astounded by the contrast between the Titus of Sunday and Titus of Monday „Анна была удивлена контрастом между Титом в воскресенье и Титом в понедельник“ (там же); The Grasmere before and after this outrage were two different vales „Грасмир до и после этого преступления — это были две разные долины“ (де Квинси). Все эти предложения было бы трудно объяснить, если бы мы отказали именам собственным в коннотации. У имен собственных может появиться и форма множественного числа: Darius had known England before and after the repeal of the Corn Laws, and the difference between the two *Englands* was so strikingly dramatic... „Дариус знал Англию до и после отмены хлебных законов, и разница между двумя *Англиями* была такой драматической...“ (Беннетт).

С лингвистической точки зрения совершенно невозможно провести четкую демаркационную линию между именами собственными и именами нарицательными. Мы уже видели переход имен собственных в имена нарицательные, но не менее часто встречается и обратный переход. Только очень немногие имена собственные были таковыми всегда (например, *Rasselas*), большинство же целиком или частично восходят к именам нарицательным в специализированном значении. Является ли „the Union“ „союз“ в применении к определенному объединению студентов в Оксфорде или Кембридже именем собственным? А как обстоит дело с „British Academy“ „Британская Академия“ или с „Royal Insurance Company“ „Королевская страховая компания“ или в

другой области — с такими заглавиями книг, как „Men and Women“ „Мужчины и женщины“, „Outspoken Essays“ „Откровенные очерки“ или „Essays and Reviews“ „Очерки и обзоры“? Чем более произвольным является название, тем более мы склонны считать его именем собственным. Однако это вовсе не необходимое условие. Дуврская дорога (Dover road) (в значении „дорога, ведущая в Дувр“) первоначально не являлась именем собственным, в то время как Дуврская улица (Dover street), не имеющая никакой связи с Дувром, могла бы с таким же успехом быть названа *улицей Линкольна* (Lincoln street) и поэтому с самого начала является именем собственным. Однако с течением времени и *Дуврская дорога* может стать именем собственным, если первоначальная причина ее наименования будет забыта и дорога превратится в обычную улицу; этот переход может быть до некоторой степени отражен в языке путем опущения артикля. Один из лондонских парков многие называют еще the Green Park „Зеленый парк“, но некоторые опускают артикль, называя его просто Green Park, и таким образом превращают его в имя собственное; ср. также Central Park „Центральный парк“ в Нью-Йорке, New College „Новый колледж“ и Newcastle (первоначально — „новый замок“). Таким образом, отсутствие артикля в английском языке (но не в итальянском или немецком) является внешним признаком имени собственного, отличающим его от имени нарицательного.

Поэтому в обычном употреблении таких слов, как father „отец“, mother „мать“, cook „кухарка“, nurse „няня“, без артикля сказывается приближение к именам собственным; без сомнения, они так и понимаются детьми до определенного возраста, и это вполне оправдано, если мать или тетка, обращаясь к ребенку, говорит father, имея в виду не своего отца, а отца ребенка.

Специализация, которая происходит, когда имя нарицательное становится именем собственным, отличается от специализации в области нарицательных имен не по характеру, а лишь по степени. Так, например, the Black Forest (букв. „черный лес“; еще яснее этот процесс виден в нем. Schwarzwald) стало названием определенной цепи гор; соотношение между этим названием и сочетанием the black forest, которое в качестве имени нарицательного может быть применено к другому лесу, аналогично соотношению между the blackbird „дрозд“ и the black bird „черная птица“¹.

Таким образом, в результате исследования мы пришли к заключению, что между именами собственными и именами нарицательными нельзя провести четкой границы, поскольку различие между ними количественное, а не качественное. Название всегда коннотирует качество или качества, по которым узнается его носитель или носители, своими качествами отличающиеся от других лиц или предметов. Чем более своеобразным и специфичным является обозначаемый предмет, тем более вероятно, что название ему будет дано

¹ Можно привести еще один пример текучести границ между именами нарицательными и именами собственными. Когда музыканты говорят о *Девятой симфонии*, они всегда имеют в виду замечательное произведение Бетховена. Таким образом, *девятая симфония* становится именем собственным; однако Ромен Роллан снова превращает ее в имя нарицательное, употребляя ее во множественном числе (что проявляется в форме артикля; в то же время единственное число и заглавные буквы показывают, что она понимается как имя собственное), когда он говорит о французских композиторах: Ils faisaient des *Neuvième Symphonie* et des *Quatuor de Franck*, mais beaucoup plus difficiles „Они сочиняли *Девятые симфонии* и *Квартеты* Франка, но гораздо более трудные“ („Жан Кристоф“, 5, 83).

произвольно, и тем более оно приближается или даже превращается в имя собственное. Если говорящий хочет указать на конкретное лицо или предмет, он имеет иногда в своем распоряжении специальное название, т. е. имя собственное, которое в данной ситуации будет понято как обозначение этого лица или предмета; иногда же ему приходится составлять из других слов сложное обозначение, достаточно точное для этой цели. Вопрос о том, каким образом это делается, будет рассмотрен в следующей главе.

Глава V

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Обзор форм. Вещество и качество. Специализация. Переход слов из одного разряда в другой.
Другие сочетания.

ОБЗОР ФОРМ

Среди обозначений одного и того же лица, приведенных выше (см. стр. 69), встречались такие сочетания, которые содержали два компонента, находящихся друг с другом в отношениях такого порядка: *little man* „маленький человек“, *principal physician* „главный врач“, *old doctor* „старый доктор“. Мы называем слова *little* „маленький“, *principal* „главный“ и *old* „старый“ прилагательными, а *a man* „человек“, *physician* „врач“ и *doctor* „доктор“ существительными. Прилагательные и существительные имеют много общего, и бывают случаи, когда трудно сказать, к какому из разрядов принадлежит данное слово. Поэтому удобно иметь термин, который объединял бы и то, и другое. В соответствии с латинской терминологией, широко используемой в новых континентальных трудах по грамматике, я буду употреблять термин *имя* (лат. *nomen*) для обозначения этого общего разряда, в который входят и существительные и прилагательные. Английские ученые употребляют обычно слово *noun* для обозначения того, что мы называем *существительным* (*substantive*); принятая мною терминология дает возможность, с одной стороны, употреблять для обоих разрядов прилагательное *именной*, а с другой — глагол *субстантивировать*, когда речь идет, например, о субстантивированных прилагательных.

В то время как в некоторых языках, например в финском, невозможно найти какой-либо критерий во флексии для разграничения существительных и прилагательных и, к примеру, слово *suomalainen* является, таким образом, *именем*, независимо от того, как мы его переводим — существительным („финн“) или прилагательным („финский“), наша семья языков всегда разграничивает два разряда имен, хотя и с разной степенью отчетливости. В древних языках — греческом, латинском и т. д. — главное различие формального характера имеет отношение к роду и проявляется в согласовании прилагательных с существительными. В то время как существительное всегда

закреплено за определенным родом, прилагательное изменяется по родам; и поскольку мы говорим *bonus dominus*, *bona mensa*, *bonum templum*, мы должны различать существительные и прилагательные как два разных разряда имен. Интересно отметить, что прилагательные, если можно так выразиться, более „ортодоксальны“ в отношении окончаний рода, чем существительные: встречаются существительные мужского рода с окончанием -а и существительные женского рода с окончанием -us, но прилагательные в мужском роде всегда имеют -us: *bonus* „хороший“, а в женском — всегда -a: *bona* (*bonus poeta* „хороший поэт“, *bona fagus* „хороший бук“).

В целом существительные имеют больше неправильных образований, чем прилагательные (таковы несклоняемые и недостаточные существительные, существительные, у которых разные падежи образуются от разных основ). То же характерное различие находим и в грамматике немецкого языка: существительные более своеобразны и консервативны, а прилагательные более подвержены влиянию аналогии.

В романских языках, если не принимать во внимание исчезновение среднего рода, наблюдаются те же взаимоотношения между двумя разрядами имен, как в латинском языке, хотя в устной речи во французском языке различие между формами мужского и женского рода в значительной степени стерлось: *donnй* „данный“ и *donnйе*, *polй* „вежливый“ и *polйе*, *menu* „мелкой“ и *menue*, *gres* „греческий“ и *gresque* произносятся одинаково. Достоинно внимания и то, что во французском языке нет неизменного правила постановки прилагательных: в некоторых случаях они ставятся перед существительным, а в других — после него. В результате иногда затруднительно определить, какое из двух сочетающихся слов является существительным, а какое прилагательным, например: *un savant aveugle* „ученый слепой“ — „слепой ученый“, *un philosophe gres* „греческий философ“ — „философ грек“ (см. ниже); а такие сочетания, как *un peuple ami*, *une nation amie* (также *une maotresse femme*) могут пониматься как сочетания существительного с прилагательным („дружественный народ“, „дружественная нация“ и т. п.), то как сочетания двух существительных, как англ. *boy messenger* „мальчик-посыльный“, *woman writer* „писательница“.

В германских языках подобные сомнения возникнуть, как правило, не могут. В очень раннее время прилагательные заимствовали ряд окончаний у местоимений и затем выработали своеобразное различие между сильным и слабым склонением. Последнее характеризовалось первоначально элементом -п, который восходит к одному из склонений существительных и распространился постепенно на все прилагательные; эти окончания употреблялись главным образом после определяющего слова типа определенного артикля. В некоторой степени такое положение дел сохранилось в немецком языке, где существуют такие специфические формы прилагательных, как *ein alter Mann* „старый человек, старик“, *der alte Mann*, *alte Mдnner*, *die alten Mдnner* и т.п. В исландском языке до сих пор сохраняется прежняя сложная система флексий прилагательного, но другие скандинавские языки значительно упростили ее, хотя и сохранили некоторое различие между сильными и слабыми формами, например датск. *en gammel mand*, *den gamle mand* „старик“.

В древнеанглийском языке картина была примерно той же, что и в немецком. Но с течением времени фонетические и другие изменения создали

систему, в корне отличную от прежней. Некоторые окончания, например окончания, содержащие *г*, совершенно исчезли; то же произошло и с окончаниями *-e* и *-en*, которые прежде играли очень важную роль как в системе существительных, так и в системе прилагательных. Окончание *-s*, которое ранее употреблялось в качестве окончания родительного падежа единственного числа прилагательных (мужского и среднего рода), теперь совершенно исчезло. И прилагательные имеют теперь единую форму во всех падежах и в обоих числах независимо от того, предшествует им определенный артикль или нет. С другой стороны, упрощение флексий существительного, хотя и весьма значительное, не было проведено так последовательно, как у прилагательных. Здесь окончание *-s* оказалось особенно устойчивым и превратилось в характерную черту существительных, в то время как все следы индоевропейского согласования совершенно исчезли. Таким образом, приходится констатировать, что в сочетаниях *the old boy's* (родительный падеж) и *the old boys'* (множественное число) *old* является прилагательным, поскольку оно не имеет окончания, а *boys* является существительным, поскольку оно имеет окончание *-s*.

Когда мы употребляем *the blacks* „черные“, прилагательное *black* становится полностью субстантивированным; подобным же образом является существительным и *the heathens* „язычники“, в то время как *the heathen* „язычник“, „языческий“ продолжает оставаться прилагательным, хотя оно не сопровождается существительным, а лишь употребляется по терминологии многих грамматик в функции существительного. Таким образом, у Шекспира („Генрих V“, III. 5. 10) в предложении „Normans, but bastard Normans, Norman bastards“ первое сочетание состоит из прилагательного *bastard* „незаконнорожденный“ и существительного *Normans* „норманны“, а второе — из прилагательного *Norman* „норманский“ и существительного *bastards* „незаконнорожденные“.

ВЕЩЕСТВО И КАЧЕСТВО

Наш краткий обзор показал, что, хотя формальные различия между прилагательным и существительным не одинаково отчетливы во всех рассматриваемых языках, все же существует тенденция отмечать эти различия. Легко увидеть также, что там, где это различие проводится, распределение слов на два разряда в основном бывает одинаковым: слова, обозначающие такие понятия, как „камень“, „дерево“, „нож“, „женщина“, во всех языках являются существительными, а слова со значением „большой“, „старый“, „яркий“, „серый“ во всех языках представляют собой прилагательные. Такое соответствие наводит нас на мысль, что различие между существительными и прилагательными не может быть чисто случайным по-видимому, существует какая-то глубокая причина, какое-то логическое или психологическое („понятийное“) основание, к установлению которого мы теперь и перейдем.

Очень часто приходится слышать, что существительные обозначают вещества (лиц или предметы), а прилагательные — качества, свойственные этим предметам. Это определение, вероятно, лежит в основе Самого названия (англ. *substantive*; ср. *substance* „субстанция, вещество“), но оно не может считаться вполне удовлетворительным. Названия многих „веществ“ настолько

очевидно связаны с качеством, что понятия „вещество“ и „качество“ нельзя разъединить: the blacks „черные“, eatables „съедобные (продукты)“, desert „пустыня“, а plain „равнина“ надо назвать существительными, и они действительно трактуются в языке как таковые. Без сомнения, и другие существительные, происхождение которых сейчас забыто, первоначально представляли собой название качества, выделенное затем говорящими. Таким образом, лингвистически различие между „веществом“ и „качеством“ не может иметь большого значения. С философской же точки зрения можно утверждать, что мы познаем вещества только через их качества; сущность каждого вещества состоит в сумме тех качеств, которые мы в состоянии воспринять (или понять) как связанные друг с другом. Прежде считалось, что вещества представляют собой вещи в себе, а качества сами по себе не существуют. Теперь наблюдается обратная тенденция: считать субстанцию или „субстрат“ различных качеств фикцией, в той или иной степени обусловленной навыками мышления, и утверждать, что в конечном счете именно качества составляют реальный мир, т. е. все, что может быть воспринято и иметь значение для нас¹.

Независимо от того, насколько убедительными покажутся читателю изложенные доводы, он должен признать, что прежнее определение бессильно разрешить загадку так называемых „абстрактных существительных“, например wisdom „мудрость“, kindness „доброта“, которые во всех отношениях являются существительными, трактуются как таковые во всех языках, но все же явно обозначают те же самые качества, что и прилагательные wise „мудрый“ и kind „добрый“. Таким образом, в этих существительных нет ничего вещественного. Какое бы определение мы ни дали существительным, приведенные слова всегда будет трудно подвести под это определение, а поэтому лучше пока оставить их. Мы вернемся к ним несколько позже (см. гл. X).

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

Отвлекаясь пока от „абстрактных“ существительных, можно найти разрешение проблемы в том, что существительные в целом более специальные, чем прилагательные; существительные применимы к меньшему числу предметов, чем прилагательные. Если перевести это на язык логиков, то можно сказать, что объем существительных меньше, а содержание больше, чем у прилагательных. Прилагательное обозначает и выделяет одно качество, одно характерное свойство, а существительное для всякого, кто его понимает, включает в себя много характерных черт; по ним слушатель узнает лицо или предмет, о котором идет речь. В чем состоят эти черты, как правило, не указывается в самом названии; даже в случае описательного названия избираются лишь один-два наиболее важных признака, а остальные признаки подразумеваются: ботаник очень легко узнает дикий гиацинт (по-английски bluebell — букв. „голубой колокольчик“) или куст ежевики (по-английски black-

¹ Три слова substance (и substantive), substratum и subject представляют собой дифференциацию аристотелевского *to hypokeimenon* „подлежащее“.

berry — букв. „черная ягода“), даже если в данное время года у первого нет голубых цветов, а у второго черных ягод¹.

Различие между обоими разрядами особенно отчетливо проявляется тогда, когда одно и то же слово может употребляться в обеих функциях. Существует большое количество субстантивированных прилагательных, но их значение бывает всегда более специальным, чем значение соответствующих прилагательных; ср., например, cathedral „собор“ (франц. une cathédrale, исп. un catedral), the blacks „черные“ (т. е. негры), natives „туземцы“ и „устрицы“, sweets „сладости“, evergreens „вечнозеленые растения“ и т.п. То же самое наблюдается и тогда, когда функция прилагательного исчезает, например в словах tithe „десятая часть, десятина“ (первоначально числительное „десятки“), friend „друг“ (первоначально причастие от глагола со значением „любить“); ср. еще такие латинские и греческие причастия, как fact „факт“, secret „секрет“, serpent „змея“, Orient „Восток“, horizon „горизонт“.

И наоборот, если существительное превращается в прилагательное, его значение становится менее специальным. Так, например, французские слова rose, mauve, rose и др. имеют более широкое значение, когда они представляют собой прилагательные, обозначающие цвета („розовый“, „розовато-лиловый“, „красновато-бурый“), чем тогда, когда они являются существительными („роза“, „мальва“, „блоха“); их можно применить к большему количеству предметов, поскольку они коннотируют только одно из свойств, составляющих сущность предметов, которые обозначались этими словами в их первоначальном значении².

Можно привести примеры такого перехода и из английского языка: chief „главный“, choice „отборный“, dainty „утонченный“ (первоначально „лакомство“), level „ровный“, kindred „родственный“ (первоначально „родство“).

Латинское прилагательное ridiculus, по Бреалю („Mélanges de mythologie et de linguistique“, Paris, 1882, б. 171), возникло из существительного среднего рода ridiculum „посмешище“, образованного так же, как curriculum, cubiculum, vehiculum. В применении к живым существам оно принимало окончания мужского и женского рода — ridiculus, ridicula и благодаря этому стало прилагательным; но в то же время его значение стало несколько более общим, и элемент предметного значения отпал.

¹ Мое определение сходно с определением Пауля (Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, изд. 7, Halle, 1909, § 251): „Прилагательное обозначает простое свойство или свойство, трактуемое как простое; существительное же включает в себе целый ряд свойств“. Однако в следующих строках Пауль, по-видимому, отходит от своего собственного определения. Не лишним будет подчеркнуть, что, как мы увидим в последующих теоретических рассуждениях и примерах, я вовсе не хочу сказать, что „объем“ любого существительного всегда и при всех условиях меньше, чем сфера употребления любого прилагательного: очень часто численное сравнение случаев, в которых можно употребить оба слова, исключается самим характером случая.

² Elle avait un visage plus rose que les roses „Лицо у нее было розовее, чем розы“ (Andoux, Marie Claire, 234). Различение на письме между des doigts roses „розовые пальцы“ и des gants paille „перчатки цвета соломы“ является искусственным. Обратите внимание на недавно возникшее прилагательное peupie, например Ses manières affables... un peu trop expansives, un peu peuple (P. Rollan, Жан Кристоф, б. 7) и Christophe, beaucoup plus peuple que lui (там же, 9, 48).

Постепенное превращение существительного в прилагательное наблюдается в так называемых слабых прилагательных в германских языках. Как указал Остгофф, они восходят к типу образования, аналогичному гр. *strabōn* „косоглазый“ (сущ.) при прилагательном *strabos* „косой“, лат. *Cato*, *Catonis* „хитрец“ при прилагательном *catus*, *Macro* при прилагательном *macer* „худощавый“. В германских языках эти формы распространялись постепенно, но сначала они, подобно греческим и латинским словам, представляли собой лишь прозвище и, таким образом, имели индивидуальный характер. Как говорит Остгофф, латинские имена *M. Porcius Cato*, *Abudius Rufo* в немецком переводе означают приблизительно *M. Porcius der Kluge* „Марк Порций Мудрый“, *Abudius der Rote* „Абудий Рыжий“; с тем же окончанием мы находим формы в древневерхненемецком языке, например *Ludowig ther snello* „Людовик Быстрый“, а также слабые формы прилагательного в сочетаниях *Karl der Große* „Карл Великий“, *Friedrich der Weise* „Фридрих Мудрый“, *August der Starke* „Август Сильный“ в современном немецком языке. Определенный артикль здесь вначале не требовался: ср. др.-исл. *Brage Gamle* „старик“ и лишь позже *Are enn (hinn) gamle*. Также и в „Беовульфе“ *beahsele beorhta* „зал колец — сверкающий“ первоначально должно было трактоваться как сочетание двух существительных, из которых второе является приложением; то же относится и к *hrefen blaca* „ворон — черное существо“. Сочетание *se goda sǣt | Beowulf*, сначала означавшее „там сидел доблестный муж, (а именно) Беовульф“, аналогично сочетанию *uǰ se suning sǣt, Beowulf* „там сидел король Беовульф“; однако впоследствии *se goda* стало связываться больше со словом *Beowulf* или с другим существительным; это образование было распространено на существительные среднего рода (в древнейшем английском эпосе этого еще нет) и в конце концов превратилось в регулярный способ образования определенной формы прилагательных перед существительными. Количество слов, которые требуют слабой формы прилагательного, все время возрастает, особенно в немецком языке. В результате постепенного развития, в ходе которого эти формы стали такими же прилагательными, какими были старые „сильные“ формы, прежний индивидуализирующий характер оказался утраченным. Значение этих слов стало еще более общим, чем было прежде, хотя еще и до сих пор можно сказать, что *(der) gute (Mann)* более специально, чем *(ein) guter (Mann)* „хороший человек“.

Балли („*Traité de stylistique française*“, 305) обращает внимание на другое следствие субстантивации прилагательного: *Vous êtes un impertinent* „Вы — наглец“ более фамильярно и выразительно, чем *Vous êtes impertinent* „Вы наглы“. Здесь субстантивация достигается просто путем прибавления неопределенного артикля. То же наблюдается и в других языках: ср., например. *He is a bore* „Он надоеда“ и *He is tedious* „Он нуден“; *Er ist ein Prahler* „Он хвастунишка“ и *Er ist prahlerisch* „Он хвастлив“. Подобным же образом обстоит дело со словами с уменьшительно-ласкательным оттенком: *You are a dear* „Ты душка“ более выразительно, чем *You are dear* „Ты (мне) дорог“, которое едва ли употребляется. Причина этого ясна: существительные выразительнее прилагательных, потому что они более специальные, хотя и выражают то же самое понятие.

Из этого определения вытекает, что самые специальные из существительных — имена собственные — не могут быть превращены в

прилагательные (или в адъюнкты; см. ниже), не теряя характера имен собственных и не приобретая более общего значения. Нетрудно заметить, что в сочетании the Gladstone ministry „гладстоновское министерство“, т. е. министерство, возглавляемое Гладстоном, Gladstone — прилагательное находится в таком же отношении к Gladstone — имени собственному, как Roman „римский“ к Rome „Рим“ или English „английский“ к England „Англия“. Более общее значение прилагательного еще заметнее в таких случаях, как Brussels sprouts „брюссельская капуста“ (которая может быть выращена и в другом месте) или Japan table (т. е. стол, полированный по способу, изобретенному в Японии)¹.

ПЕРЕХОД СЛОВ ИЗ ОДНОГО РАЗРЯДА В ДРУГОЙ

Обратимся теперь к таким случаям, где адъективный и субстантивный элементы одной и той же группы могут более или менее свободно меняться местами. Кутюра (Couturat), который в целом склонен умалять различие между прилагательными и существительными, возможно, из-за небольших формальных различий между этими разрядами слов в его родном языке, приводит такие примеры: un sage sceptique est un sceptique sage „скептический мудрец — это мудрый скептик“; un philosophe grec est un grec philosophe „греческий философ — это философ грек“ и делает вывод, что отличие здесь лишь в оттенке; одно из качеств выделяется как более существенное или более важное и интересное в данной ситуации: ведь очевидно, что человек — прежде всего грек, а потом уже философ, „но тем не менее мы скорее говорим о греческих философах, чем о философских греках“ („Revue de mythaphysique et de Morale“, 1912, 9).

Трудно сказать, которое из этих двух понятий важнее или интереснее. Но если применить упомянутый выше критерий, станет ясно, почему, выбирая между двумя способами обозначения (греки, которые являются философами, или философы, которые являются греками), мы, естественно, делаем философов (более специальное понятие) существительным, а греков (более общее понятие) прилагательным и говорим греческие философы (les philosophes grecs), а не наоборот — les Grecs philosophes. Известная немецкая книга носит название „Griechische Denker“ „Греческие мыслители“. „Denkende Griechen“ „мыслящие греки“ звучало бы гораздо слабее, поскольку прилагательное denkend имеет более широкое и неясное значение, чем существительное Denker. Последнее сразу же выделяет тех, кто мыслит глубже и профессиональнее, чем обычные „мыслящие“ люди.

Еще один пример. Голсуорси где-то пишет: Having been a Conservative Liberal in politics till well past sixty, it was not until Disraeli's time that he became a Liberal Conservative „Он был консервативным либералом в политике, пока не достиг седьмого десятка, и только во времена Дизраэли стал либеральным консерватором“. Слова conservative и liberal становятся существительными (и

¹ Правила употребления прописных букв в словах, образованных от имен собственных, меняются от языка к языку: ср. англ. French „французский“ во всех случаях, Frenchify „офранцузивать“; франц. français „французский“ как прилагательное и название языка и Français „француз“, franciser „офранцузить“.

принимают -s во множественном числе), когда они обозначают членов двух политических партий; очевидно, это более специальное понятие, чем то, которое передается данными словами, когда они являются прилагательными¹.

Если мы сравним два выражения: a poor Russian „бедный русский“ и a Russian pauper „русский нищий“, мы увидим, что существительное Russian более специально, чем существующее прилагательное, поскольку оно означает „мужчину или женщину“. С другой стороны, pauper более специально, чем poor, которое можно применить к целому ряду предметов, кроме людей; pauper имеет значение еще более специальное, чем a poor person, поскольку первое обозначает человека, который имеет право на милостыню или получает ее².

ДРУГИЕ СОЧЕТАНИЯ

Правило большей сложности и большей специализации существительных, таким образом, остается в силе во всех тех случаях, когда есть возможность сравнить существительное и прилагательное с одинаковым значением; но можно ли применить это правило к другим случаям? Можно ли, например, сказать, что в любом сочетании прилагательного и существительного первое всегда менее специально, чем последнее? В подавляющем большинстве случаев, без сомнения, этот критерий остается верным, хотя бы на основании простого арифметического подсчета. *Наполеон Третий*: Наполеонов немного, но существует огромное количество лиц и предметов, которые являются третьими по порядку. *Новая книга*: количество новых вещей превосходит количество существующих книг. *Исландский крестьянин*: справедливо, что крестьян в мире гораздо больше, чем исландцев, но прилагательное *исландский* приложимо к значительно большему количеству предметов и лиц: *исландские горы, исландские водопады, исландские овцы, исландские лошади, исландские свитеры* и т. д. Некоторые из моих критиков возражали против приведенного мною примера a poor widow „бедная вдова“; по их мнению, если заменить слово poor „бедный“ словом rich „богатый“, то станет неясным, кого существует в мире больше — богатых людей или вдов? Однако они упускают из виду, что слово rich „богатый“ может сочетаться со словами town „город“, village „деревня“, country „страна“, mine „шахта“, spoil „добыча“, store „запас“, reward „награда“, attire „одежда“, experience „опыт“, sculpture „скульптура“, repast „угощение“, cake „пирожное“, cream „сливки“, rime „рифма“ и т. д. *Атлантический океан*: прилагательное встречается, например, в стихотворениях Шелли в сочетании с существительными cloud „облако“, wave „волна“ и islet „островок“. Даже прилагательное *редкий*, хотя оно и означает „не

¹ Другие примеры (например, у Честертона: Most official Liberals wish to become liberal officials „Большинство официальных либералов хотят стать либеральными чиновниками“), см. в „Modern English Grammar“, II, 8.14.

² Милль пишет („Logic“, 15), что «не существует никакого различия между значением round „круглый“ и a round object „круглый предмет“». Это до некоторой степени справедливо для тех случаев, когда round является предикативом (The ball is round „Шар круглый“ = is a round object „является круглым предметом“), но к другим случаям определение не подходит: так, в применении к круглому шару оно было бы бессодержательной тавтологией. Только тогда, когда происходит полная субстантивация прилагательного, можно сказать, что прилагательное подразумевает понятие „предмета“.

часто встречающийся“, может быть приложимо к бесчисленным предметам, людям, камням, деревьям, умственным способностям и, таким образом, не выпадает из приведенного определения. Но, конечно, нужно признать, что числовой критерий применим не всегда, так как прилагательные и существительные, которые могут сочетаться, очень часто оказываются несоизмеримыми: мы говорим о *сером камне*, но кто скажет, какое из слов применимо к большему количеству предметов — слово ли *серый* или слово *камень*? Однако применимость к большему или меньшему количеству предметов составляет лишь одну сторону понятия „общий“ и „специальный“. И я склонен придавать большее значение комплексу качеств, заключенных в существительном, в отличие от выделения одного качества у прилагательного. Сочетание ряда признаков у существительного настолько значительно, что в очень редких случаях можно получить полное представление о существительном даже путем нагромождения одного прилагательного на другое: всегда останется, по выражению Бертельсена, неопределимый *x* — ядро, которое может считаться „носителем“ выделенных качеств. Это лежит в основе старого определения существительного как слова, обозначающего субстанцию; таким образом, в этом определении есть доля истины, но не вся истина. Если приводить сравнения, то существительные можно уподобить кристаллизации качеств, которые в прилагательных представлены в жидком состоянии.

Необходимо также упомянуть, что в современных языках есть целый ряд существительных, имеющих в высшей степени обобщенное значение: *вещь, тело, существо*. Но это „обобщенное“ значение имеет совершенно иной характер, чем значение прилагательных: подобные существительные очень часто употребляются для суммарного обозначения целого ряда бесспорно вещественных понятий (*все эти предметы* — вместо перечисления книг, бумаг, одежды и т. п.). Такое употребление весьма обычно для философского и абстрактного научного мышления. В повседневной речи они могут неточно употребляться вместо специальных существительных, которые либо отсутствуют в языке, либо забыты (ср. англ. *thingummybob*, нем. *Dingsda*). В других случаях они встречаются редко, за исключением сочетаний с прилагательными, где они скорее являются своего рода грамматическим средством для субстантивации прилагательных, как, например, англ. *one*. (*Ones* в сочетании *the new ones* является заменой существительного, упомянутого несколько выше; в сочетании же *her young ones*, если речь идет о птице, оно восполняет отсутствие существительного, соответствующего слову *children* „дети“). Это обуславливает их употребление в сложных местоимениях: англ. *something* „что-то“, *nothing* „ничего“, франц. *quelquechose* „что-то“, датск. *ingenting*, англ. *somebody* „кто-то“ и т. п. С другой стороны, если язык обладает способом образования прилагательных, в нем могут появиться весьма специализированные прилагательные, например: *a pink-eyed cat* „кошка с конъюнктивитом глаз“, *a ten-roomed house* „дом в десять комнат“. Эти примеры выдвигались против моей теории: кошек гораздо больше, чем живых существ с конъюнктивитом и т. п. Однако такое возражение, как мне кажется, не опровергает теорию в целом в том виде, в каком она была изложена здесь: нужно помнить, что подлинное прилагательное в приведенных примерах — это *pink* и *ten* соответственно.

Из сказанного становится ясным, кроме того, что и так называемые степени сравнения (*greater* „больше“, *greatest* „самый большой“), как правило, присущи только прилагательным: они могут иметь дело только с одним качеством. Чем более специально понятие, тем меньше необходимости в степенях сравнения. И там, где мы встречаем употребление форм сравнительной и превосходной степени существительных, мы обнаруживаем, что и они выделяют лишь одно качество и, таким образом, передают то же понятие, как если бы они были образованы от настоящих прилагательных. Ср. гр. *basileuteros*, *basileutatos* „царственнее“, „самый царственный“ (другие примеры см. у Дельбрюка, *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, Straßburg, 1893, 1. 415), венг. *szarnob* „осел“, *szarnobabb* „глупее“, *gyka* „лиса“, *gykabb* „хитрее“. Ср. также финск. *ranta* „берег“, *rannempi* „ближе к берегу“, *syksy* „осень“, *syksymdnd* „более поздней осенью“. См. также Paul, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, изд. 7, Halle, 1909, § 250.

Последнее замечание. Мы не можем, основываясь на сложности качеств или на специализации обозначения, в каждом конкретном случае решать, что перед нами — существительное или прилагательное: это можно установить на основе формальных критериев, притом различных в различных языках. В этой главе была лишь сделана попытка установить, существует ли что-нибудь в природе вещей и в нашем мышлении, что оправдывало бы разделение на существительные и прилагательные, характерное для такого большого количества языков. Разумеется, между этими двумя разрядами слов нельзя провести четкой демаркационной линии, как хотели бы сделать логики: творящие язык, а именно — обычные говорящие, не такие уж точные мыслители. Но они и не лишены определенной логики; и как бы ни были иногда расплывчаты контуры, основная линия классификации на существительные и прилагательные, выраженная в грамматических формах, всегда будет иметь логическое обоснование. Так обстоит дело и в данном случае: существительные в целом характеризуются тем, что они имеют более специальное значение, а прилагательные — тем, что они имеют более общее значение, поскольку первые коннотируют определенный комплекс качеств, а последние указывают на обладание лишь одним качеством¹.

Глава VI

ЧАСТИ РЕЧИ

(Окончание)

¹ Эта глава несколько видоизменена по сравнению с „*Sprogets logik*“, Copenhagen, 1913. Не внося существенных изменений в свою точку зрения, я стремился учесть здесь критические замечания Эрлиха (S. Ehrlich, *Sprak och stil*, 1914), Бертельсена (H. Bertelsen, *Nordisk tidskrift*, 1914), Шухардта (H. Schuchardt, *Anthropos*, 1914), Бекмана (N. Beckman, *Arkiv för psykologi och pedagogik*, 1922); ср. также Vendryes, *Le langage*, Paris, 1921, 153 и сл.

МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Местоимения признаются всеми как один из разрядов слов, но в чем состоит их отличительная черта? Старое определение нашло отражение в самом термине: местоимения употребляются вместо названия предмета или лица. Это определение было развито Суитом („New English Grammar“, § 196): местоимение заменяет существительное и употребляется отчасти для краткости, отчасти во избежание повторения, а отчасти для того, чтобы уклониться от четкой формулировки мысли. Однако это определение применимо не ко всем случаям, и его несостоятельность сказывается при анализе первого же местоимения; непредубежденному человеку показалось бы очень странным, что предложение „Я вижу вас“ употребляется вместо предложения „Отто Есперсен видит Мери Браун“; наоборот, большинство, вероятно, скажет, что в „Записках о галльской войне“ автор употребляет слово *Цезарь* вместо слова *я*. Можно также сказать: „Я, Отто Есперсен, настоящим заявляю...“, что было бы абсурдно, если бы *я* представляло собой лишь заменитель имени. С точки зрения грамматики очень важно, что *я* — первое лицо, а имя стоит в третьем лице, что во многих языках проявляется в форме глагола. Далее, мы не станем сомневаться, что *никто* и вопросительное *кто* являются местоимениями, но не так легко установить, какие существительные они заменяют.

Правда, местоимения *он, она, оно* чаще всего употребляются вместо упоминания соответствующего предмета или лица; не подлежит сомнению, что можно было бы найти целый разряд подобных слов, но не все они считаются местоимениями. Ср. в английском языке:

1) *he, she, it, they* употребляются вместо существительного.

2) *that, those* — то же самое: *His house is bigger than that of his neighbour* „Его дом больше, чем дом его соседа“.

3) *one, ones*: *a grey horse and two black ones* „одна лошадь серой масти и две лошади вороной масти“; *I like this cake better than the one you gave me yesterday* „Мне это пирожное нравится больше, чем то, которое вы мне дали вчера“.

4) *so*: *He is rich, but his brother is still more so* „Он богат, но его брат еще богаче“; *Is he rich? I believe so* „Он богат? — Мне кажется, да“.

5) *to*: *Will you come? I should like to* „Вы придете? — Я хотел бы прийти“.

6) *do*: *He will never love his second wife as he did his first* „Он никогда не будет любить свою вторую жену так, как любил первую“.

Таким образом, получился бы разряд слов-заменителей, которые можно было бы подразделить на просубстантивные, проадъективные, проадвербиальные, проинфинитивные и проглагольные слова (а также и слова, заменяющие целые предложения, как слово *so* во втором примере). Но едва ли такой разряд можно было бы считать грамматическим разрядом.

Очень оригинален и поучителен подход к местоимениям Норейна („Vert Sprek“, Lund, 1903, 5. 63 и сл.). Он противопоставляет местоимениям „экспрессивные семемы“, которые выполняют постоянную сигнификативную

функцию, поскольку она выражена в самом языке; местоимения же характеризуются тем, что их сигнификация является непостоянной и в конечном счете зависит от обстоятельства, которое находится за пределами языка и определяется ситуацией в целом. „Я“ является местоимением, так как оно обозначает одно лицо, когда говорит Джон Браун, и другое, когда говорит Мери Смит. Таким образом, если придерживаться точки зрения Норейна, то к местоимениям надо отнести огромное количество слов и групп слов, например: *нижеподписавшийся, сегодня, старший* (из трех мальчиков) и т. д. Едва ли найдутся еще слова более местоименного характера, чем *да* и *нет* (а как быть со словом *наоборот*, когда оно употребляется вместо *нет*?); *здесь* является местоименным наречием места, соответствующим 1 лицу, а *там* обозначает место, соответствующее 2 или 3 лицу; *теперь* и *тогда* — аналогичные местоименные наречия времени; но англ. сочетания *here and there, now and then* в значении „в различных местах“, „по временам“ не будут местоимениями по определению Норейна. Далее, *правый, левый, в воскресенье, та лошадь, моя лошадь* — тоже местоимения. Норейн всячески пытается (но не особенно успешно) доказать, что такое „имя собственное“, как *Джон*, не является местоимением, хотя его сигнификация определяется в каждом конкретном случае всей ситуацией. А как быть со словом *отец*, когда оно употребляется ребенком в значении „мой отец“?

Разряд, установленный Норейном, слишком обширен и слишком разнороден, и все же нелегко понять, как под его определение могут подойти такие слова, как вопросительное *кто*, вопросительное *что* или *какой-то, ничего* и т. п. Однако самый большой порок в его построениях состоит в том, что он создает категории, основываясь лишь на семантике, я бы сказал, на понятиях, и совершенно не обращает внимания на способы выражения значений, существующие в языке, т. е. не обращает внимания на формальные элементы. Если же иметь в виду оба фактора, то мы найдем, что есть смысл объединить в одном разряде под прочно установившимся названием *местоимения* некоторые *shifters* (термин, который я употребляю в книге „*Language*“, стр. 123), *reminders* (там же, стр. 353), слова-заменители и реляционные слова. Может быть, и нелегко сказать, исходя из понятий, что объединяет все эти слова, но каждый из традиционно выделяемых подразрядов имеет определенную смысловую общность: личные местоимения с соответствующими притяжательными — указательные местоимения — относительные местоимения — вопросительные местоимения — неопределенные местоимения. Правда, в отношении последнего подразряда следует констатировать неясность границ (ср., например, *некоторые* и *многие*), поэтому грамматисты часто спорят о том, какие слова следует отнести к этому подразряду. Приведенная классификация мало отличается от любой другой грамматической классификации: всегда найдутся пограничные случаи. Далее, когда мы обратимся к формам и функциям этих местоимений в различных языках, мы обнаружим целый ряд черт, которые отличают местоимения от других слов. Однако эти черты различны в разных языках и у разных местоимений в одном и том же языке. Очень часто местоимения характеризуются функциональными и формальными аномалиями. В английском языке существует различие между двумя падежами: *he — him, they — them*, и между адьюнктной и неадьюнктной формами: *my — mine*; существуют также различия в роде: *he — she* (аналогично *who — what*); неправильное образование множественного числа в словах *he, she — they, that*

— those; сочетания типа somebody, something, которых нет среди обычных прилагательных; употребление each без существительного или артикля и т. д.¹ Сходными особенностями характеризуются местоимения и в других языках; во Французском, например, следует указать на специальные формы je, me, tu, te и т. д., употребляемые лишь в тесной связи с глагольными формами.

Термин „местоимение“ иногда ограничивается (обычно в трудах французских авторов, но также и в „Сообщении Объединенного комитета по вопросам терминологии“) только теми словами, которые в соответствии с их функцией я буду называть в гл. VII „первичными словами“; my считается у них „притяжательным прилагательным“, а this в сочетании this book — „указательным прилагательным“. Нет, однако, ни малейших оснований разъединять my и mine или, еще хуже, his в предложении His cap was new „Его шапка была новая“ и His was a new cap или this в предложении This book is old „Эта книга старая“ и This is an old book „Это старая книга“² и относить одну и ту же форму к различным „частям речи“, тем более что при этом у прилагательных приходится выделять те же самые подразряды (притяжательные, указательные), какие существуют у местоимений. Я пошел бы даже дальше и включил бы в местоимения так называемые местоименные наречия — then „тогда“, there „там, туда“, thence „оттуда“, when „когда“, where „где“, whence „откуда“ и др., которые имеют ряд черт, свойственных местоимениям, и образованы явно от них (обратите внимание и на такие образования, как whenever „когда бы ни“; ср. whoever „кто бы ни“, somewhere „где-то“ и др.).

Числительные часто даются как самостоятельная часть речи. Однако было бы, вероятно, правильнее рассматривать их как особый подразряд внутри местоимений, с которыми они имеют несколько сходных черт. One „один“, будучи числительным, представляет собой в английском языке, как и в других языках, также неопределенное местоимение (one never knows „никогда не знаешь“), ср. также сочетание oneself. Его фонетически слабой формой является так называемый „неопределенный артикль“; и если соответствующий ему „определенный артикль“ справедливо причисляется к местоимениям, к ним же надо причислить и a, an, франц. un и т. д. Считать артикли особой частью речи, как это делается в некоторых грамматиках, нецелесообразно. Англ. other было первоначально порядковым числительным „второй“, подобно современному датскому anden; теперь же оно обычно причисляется к местоимениям, и это оправдывается его употреблением в составе сочетаний each other, one another „друг друга“. Большинство числительных несклоняемы. Однако в языках, где некоторые из них склоняются, они обнаруживают неправильности, сходные с теми, которые присущи другим местоимениям. Если включать числительные в местоимения, то туда же следует отнести и неопределенные числительные many

¹ Следует также отметить, что звонкий звук [p], обозначаемый на письме через th, встречается в начале слова только у местоимений thou, the, that и др., включая сюда и такие местоименные наречия, как then, there, thus.

² Различие в функции („ранге“) аналогично различию между словом poor „бедный“ в предложении The poor people loved her „Бедные люди любили ее“ и тем же словом в предложении The poor loved her „Бедные любили ее“ и между словом two „два“ в предложении There were only two men „Было только два человека“ и в предложении There were only two „Было только двое“. Зонненшейн (§ 118) говорит, что both в сочетании both boys „оба мальчика“ является прилагательным, а в сочетании both the boys местоимением-приложением. Это, бесспорно, весьма неестественное различие.

„многие“, few „немногие“: логически они стоят в том же самом ряду, что и местоимения all „все“, some „некоторые“ и отрицательные none и no „никакие“, всегда считавшиеся местоимениями. Но в таком случае и much, little в сочетаниях much harm „много вреда“, little gold „мало золота“ мы также должны включить в разряд местоимений (в сочетаниях с вещественным существительным, ср. гл. XIV)¹. Все эти так называемые квантификативные слова отличаются от обычных квалификативных прилагательных, поскольку они могут употребляться самостоятельно (без артиклей) как „первичные слова“; например, мы говорим Some (many, all, both, two) were absent „Некоторые (многие, все, оба, двое) отсутствовали“; All (much, little) is true „Все (многое, немногое) является правдой“; эти слова всегда стоят перед квалификативными словами и не могут употребляться в функции предикатива: a nice young lady „приятная молодая дама“ то же самое, что и a lady who is nice and young „дама, которая приятна и молода“; однако такое перемещение невозможно для сочетания many ladies „многие дамы“, much wine „много вина“, так же как оно невозможно для сочетаний no ladies „никакие дамы“, what ladies „какие дамы“, that wine „то вино“ и др.

В заключение можно сказать несколько слов о названиях некоторых подразрядов. Относительные местоимения: в наши дни, когда все оказывается относительным, можно было бы, пожалуй, ввести более уместное название, а именно соединительные или связующие местоимения, поскольку они соединяют (связывают) предложения примерно так же, как обычные союзы: в самом деле, можно сомневаться, не является ли англ. that скорее союзом, чем местоимением; сравните возможность опущения that: I know the man (that) you mentioned „Я знаю человека, которого вы упомянули“ и I know (that) you mentioned the man „Я знаю, что вы упомянули этого человека“; сравните также невозможность постановки предлога перед that: the man that you spoke about „человек, о котором вы говорили“, но the man about whom you spoke „человек, о котором вы говорили“. — Личные местоимения: если они служат для обозначения лица в смысле „человек“, то это определение неприменимо в случаях с нем. er, франц. elle и англ. it, когда они употребляются со словом „стол“ (нем. der Tisch, франц. la table, англ. the table). В гораздо большей степени они неприменимы к „безличным“ it, es, il в выражениях it rains „идет дождь“, es regnet и il pleut, с тем же значением. Если же под термином лич н ы й понимать три грамматических лица (см. гл. XVI), то, строго говоря, к личным местоимениям можно причислить только первые два лица, поскольку остальные местоимения (this „этот“, who „кто“, nothing „ничего“ и т. п.) являются местоимениями 3-го лица в точно такой же степени, как he „он“ или she „она“. Однако очень трудно найти лучшее название, чем „личные“ местоимения, да это и не так важно. Отграничение личных местоимений от указательных иногда бывает затруднительным; так обстоит дело в датском языке, где de, dem по форме стоят в одном ряду с указательными местоимениями den, det, но функционально представляют собой множественное число как от den, det, так и от han, hun „он, она“.

¹ В другом значении little — обычное прилагательное, например my little girl „моя маленькая девочка“.

ГЛАГОЛЫ

Глаголы в большинстве языков, во всяком случае, в таких языках, как индоевропейские, семитские и угро-финские, обладают настолько большим количеством отличительных черт, что совершенно необходимо признать их отдельным разрядом слов, даже если в некоторых случаях та или другая характерная черта отсутствует. Они характеризуются различением лиц (1-го, 2-го, 3-го), времен, наклонений и залогов (ср. выше, стр. 62). Что же касается значения глаголов, то они, согласно Суиту, обозначают явления; глаголы можно разделить на: обозначающие действие (*ест, дышит, убивает, говорит* и т. д.), обозначающие процесс (*становится, растет, теряет, умирает* и т. д.) и обозначающие состояние (*спит, остается, ждет, живет, претерпевает* и др.), хотя есть также немало глаголов, которые трудно включить в какой-либо из этих классов (*сопротивляется, презирает, угождает*). Почти всегда можно определить, является ли данное понятие глагольным или нет. А при сочетании глагола с местоимением (*он ест* и т. д.) или с существительным (*человек ест* и т. д.) обнаруживается, что глагол сообщает сочетанию особый характер завершенности и создает (более или менее) законченное высказывание, чего не получается при соединении существительного или местоимения с прилагательным или наречием. Глагол дает жизнь предложению и поэтому особенно важен при построении предложений. Предложение почти всегда содержит глагол; сочетания же без глагола, имеющие законченный характер, представляют собой исключения. Некоторые грамматисты даже наличие глагола считают обязательным условием для того, чтобы данное высказывание можно было признать предложением. Этот вопрос будет рассмотрен в одной из последующих глав.

Сравнивая сочетания *собака лает* и *лающая собака*, мы увидим, что, хотя *лает* и *лающая* явно тесно связаны друг с другом и могут быть названы формами одного и того же слова, однако лишь первое словосочетание завершено как законченное высказывание. Сочетание же *лающая собака* лишено специфичной завершенности и ставит нас перед вопросом: „Ну и что же с этой собакой?“ Такая способность создавать предложения обнаруживается у всех тех форм, которые часто называются „предикативными“ (finite) формами, но отсутствует у форм типа *лающий* и *съеденный* (причастия), *лаять, есть* (инфинитивы) и т. д. Причастия являются по существу прилагательными, образованными от глагола, а инфинитивы имеют ряд общих черт с существительными, хотя синтаксически и причастия и инфинитивы сохраняют много общего с глаголом. Таким образом, с определенной точки зрения мы имеем полное основание ограничить применение термина „глагол“ теми предикативными формами, которые обладают специфически глагольной способностью образовывать предложения; мы вправе также рассматривать „вербиды“ (причастия и инфинитивы) как особый промежуточный разряд между существительными и глаголами (ср. традиционное название „причастия“ — *participium*, т. е. то, что причастно к характеристике существительного и глагола). Однако все же нужно признать, что несколько неестественно разъединять англ. *eat* и *eaten* в таких предложениях, как *He is eating the apple* „Он ест яблоко“, *He will eat the apple* „Он будет есть яблоко“, *He has eaten the apple* „Он съел яблоко“, и в предложениях *He eats the apple* „Он ест яблоко“ и *He*

ate the apple „Он ел яблоко“. Поэтому непредикативные формы лучше рассматривать вместе с предикативными, как это делается в большинстве грамматик.

ЧАСТИЦЫ

Почти во всех грамматиках наречия, предлоги, союзы и междометия рассматриваются как четыре самостоятельных „части речи“; таким образом, различие между ними приравнивается к различию между существительными, прилагательными, местоимениями и глаголами. Но в таком случае несходные черты этих слов сильно преувеличиваются, а сходные черты соответственно затемняются; поэтому я предлагаю вернуться к старой терминологии, согласно которой все четыре разряда составляют один — „частицы“.

С точки зрения формы все они неизменяемы, если не принимать во внимание способность некоторых наречий образовывать сравнительную и превосходную степени, подобно прилагательным, с которыми они соотносятся. Но для того, чтобы оценить различия в значении или функции, которые побудили многих грамматистов рассматривать эти слова как четыре самостоятельные части речи, необходимо бросить взгляд на другие слова, не входящие в эти разряды.

У многих слов обнаруживается отличительная особенность, которая обозначается разными названиями и поэтому не воспринимается как одно и то же явление в каждом случае: это — различие между словом, которое является само по себе законченным (или является законченным в данном употреблении), и словом, которое требует известного дополнения, обычно ограничительного характера. Так, например, мы видим законченный глагол в предложениях *Он поет, Он играет, Он начинает* и тот же глагол с добавлением в предложениях *Он поет песню, Он играет на рояле, Он начинает работу* и т. д. При этом глагол принято называть непереходным в первом случае и переходным — во втором, а добавление к глаголу называется дополнением. Другие же глаголы, к которым эти термины обычно не применяются, имеют фактически ту же самую особенность: в предложении *Он может* глагол является законченным, а в предложении *Он может петь* глагол *может* завершается инфинитивом. Для последнего различия нет установившегося термина; употребляемые некоторыми исследователями термины „независимый глагол“ и „вспомогательный глагол“ не вполне адекватны. Так, например, в английском языке наряду с устарелым употреблением глагола *can* „могу“ с добавлением другого типа (в предложении *He could the Bible in the holy tongue* „Он знал библию на священном языке“) мы находим и такие сочетания, как *He is able* „Он в состоянии“, *He is able to sing* „Он в состоянии петь“, *He wants to sing* „Он хочет петь“. Сюда же относится различие между предложениями *He grows* „Он растет“, где глагол является законченным, и *He grows bigger* „Он становится больше“, в котором законченность придается „предикативом“; ср. также *Troy was* „Троя была“ и *Troy was a town* „Троя была городом“. И все же, несмотря на подобные различия, никому не приходит в голову считать эти глаголы различными частями речи, исходя из законченности или незаконченности их значения в определенных сочетаниях.

Если теперь обратиться к таким словам, как *on* или *in*, мы найдем явления, совершенно аналогичные только что приведенным; ср. сочетание *Put your cap on* „Наденьте шапку“ и *Put your cap on your head* „Наденьте шапку на голову“, *He was in* „Он был внутри“ и *He was in the house* „Он был внутри дома“. Однако *on* и *in* в первом случае их употребления называют наречиями, а во втором — предлогами, рассматривая их как две различные части речи. Разве не естественнее было бы включить их в один разряд и констатировать, что *on* и *in* имеют иногда законченное значение, а иногда требуют добавления (или дополнения)? Возьмем другие примеры: *He climbs up* „Он карабкается *вверх*“ и *He climbs up a tree* „Он карабкается *вверх по* дереву“, *He falls down* „Он падает *вниз*“ и *He falls down the steps* „Он падает *вниз по* ступенькам“ (ср. *He descends* „Он спускается“ или *He ascends* „Он поднимается“ с дополнением, скажем, *the steps* „по ступенькам“ или без него); *He had been there before* „Он был там *прежде*“ и *He had been there before breakfast* „Он был там *до* завтрака“¹. Как определить, исходя из обычных критериев, чем является *near* „около“ в предложении *It was near one o'clock* „Было около часу“, — предлогом или наречием? (Ср. два синонима *almost* „почти“ и *about* „около“, из которых первый называют наречием, а второй предлогом.) Близкое соответствие между дополнением к предлогу и дополнением к глаголу проявляется в том случае, когда предлог является не чем иным, как глагольной формой в особом употреблении: ср. *concerning* „относительно“ (нем. *betreffend*) и *past* в предложении *He walked past the door at half-past one* „Он прошел мимо двери в половине второго“; последнее представляет собой причастие *passed* с другим написанием; в предложении *He walked past* „Он прошел мимо“ при *past* нет дополнения.

Нет никаких оснований выделять в особый разряд и союзы. Ср. такие случаи, как *after his arrival* „*после* его прибытия“ и *after he had arrived* „после того как он прибыл“, *before his breakfast* до завтрака“ и *before he had breakfasted* „до того как он позавтракал“, *He laughed for joy* „Он смеялся *от* радости“ и *He laughed for he was glad* „Он смеялся, потому что был рад“. Разница между ними лишь в том, что в одном случае добавлено существительное, а в другом — предложение. Так называемый союз является поэтому фактически предлогом к предложению. Различие между двумя употреблениями одного и того же слова заключается только в характере добавления и ни в чем больше. Таким образом, если не требуется отдельного термина для глагола, значение которого завершается целым предложением, в отличие от глагола, значение которого завершается существительным, оказывается излишним и термин „союз“. Сохранение этого названия объясняется лишь традицией, а не какими-либо научными соображениями. Таким образом, нет никаких оснований считать союзы отдельной „частью речи“. Заметьте параллелизм в следующих случаях:

- 1) *I believe in God* „Я верю в бога“;
- 2) *I believe your words* „Я верю вашим словам“;
- 3) *I believe (that) you are right* „Я верю, что вы правы“ и
- 1) *They have lived happily ever since* „С тех пор они жили счастливо“;
- 2) *They have lived happily since their marriage* „Они жили счастливо со времени свадьбы“;

¹ Ср. также *the house opposite ours* „дом *напротив* нашего“ и *the house opposite* „дом *напротив*“.

3) They have lived happily *since* they were married „Они жили счастливо с тех пор, как поженились“.

Можно найти даже двойное употребление одного и того же слова в одном и том же предложении, например: *After* the Baden business, and he had [= after he had] dragged off his wife to Champagne, the Duke became greatly broken „После баденского дела и (после того) как он увез свою жену в Шампань, герцог был очень расстроен“ (Теккерей); и если это редкий случай, то не нужно забывать, что столь же редким является и употребление одного и того же глагола сначала в качестве переходного, а затем в качестве непереходного в одном и том же предложении или употребление его сначала с существительным-дополнением, а затем с дополнительным предложением.

Как показывают приведенные примеры, одно и то же слово может употребляться то в качестве предлога, то в качестве союза а; в других случаях имеется небольшое различие: *because of* his absence „из-за его отсутствия“ и *because* he was absent „потому что он отсутствовал“, что исторически объясняется происхождением *because* из *by cause* „по причине“ (когда-то говорили *because that* he was absent „по причине, что он отсутствовал“). Встречаются также случаи, когда данное слово имеет лишь одно употребление, или с обычным дополнением, или с целым предложением в качестве дополнения: *during* his absence „в течение его отсутствия“, *while* he was absent „в то время как он отсутствовал.“ Но это не должно помешать нам считать предлоги и союзы одними и теми же словами, подобно тому как в один и тот же разряд зачисляются все глаголы, хотя не все они могут сочетаться с дополнительным предложением.

Определение союза как предлога, присоединяющего предложение, неприменимо к ряду слов, которые обычно причисляются к союзам, например *and* в предложениях *He and I* are great friends „Он и я — большие друзья“, *She sang and danced* „Она пела и танцевала“ или *or* в предложении *Was it blue or green?* „Было ли оно голубое или зеленое? и т. д. Эти же самые слова могут употребляться и для соединения предложений: *She sang, and he danced* „Она пела, а он танцевал“, *He is mad, or I am much mistaken* „Он сумасшедший, или я очень ошибаюсь“. В обоих случаях они представляют собой сочинительные средства связи, в то время как предлоги и те союзы, которые мы рассматривали до сих пор, являются подчинительными средствами; однако хотя это и важное отличие, все же нет достаточных оснований выделять из-за этого данные слова в отдельные разряды слов. *And* „и“ и *with* „с“ означают почти одно и то же; разница между ними состоит лишь в том, что первое является сочинительным словом, а второе — подчинительным; это имеет известные грамматические последствия: заметьте, например, форму глагола в предложении *He and his wife are coming* „Приезжают он и его жена“ в противоположность другой форме в предложении *He with his wife is coming* „Приезжает он со своей женой“ (*He is coming with his wife*) и притяжательное местоимение в датском языке: *Han og hans kone kommer* „Приезжают он и *его* жена“, но *Han kommer med sin kone* „Он приезжает со *своей* женой“. Однако ввиду незначительности смыслового различия строгое правило иногда нарушается. Например, у Шекспира: *Don Alphonso, With other gentlemen of good esteeme Are journeying* „Дон Альфонсо с другими дворянами хорошей репутации путешествуют“ (см. „Modern English

Grammar“, II, 6. 53 и сл.)¹. Both, either и neither отличаются тем, что „предвосхищают“ and, or и nor, но это не дает основания рассматривать их как особый разряд.

В качестве последней „части речи“ в обычных списках приводятся междометия; под этим названием объединяют как слова, которые употребляются только в качестве междометий (в составе некоторых есть звуки, отсутствующие в обычных словах; например, звук f, произносимый на вдохе, от внезапной боли, или звук причмокивания, неточно изображаемый на письме через tut; другие состоят из обычных звуков: hullo, oh), так и слова обычного языка: ср. Well! Why! Fiddlesticks! Nonsense! Come! и елизаветинское Go to! Объединяет эти слова одно — способность употребляться самостоятельно, в качестве самостоятельного „высказывания“; в остальном же их можно отнести к различным разрядам слов. Поэтому их не следует отделять от их обычного употребления. Междометия, которые не могут употребляться иначе, как в качестве междометий, целесообразнее всего отнести к остальным „частицам“.

ОБОБЩЕНИЕ

Наше исследование приводит к выводу, что только следующие разряды слов являются в достаточной степени грамматически отчетливыми и могут быть выделены в самостоятельные „части речи“:

- 1) Существительные (включая имена собственные).
- 2) Прилагательные. В некотором отношении (1) и (2) могут быть объединены под общим названием „Имена“.
- 3) Местоимения (включая числительные и местоименные наречия).
- 4) Глаголы (с некоторыми сомнениями относительно того, включать ли сюда „вербиды“).
- 5) Частицы (сюда относятся слова, которые называются обычно наречиями, предлогами, союзами — сочинительными и подчинительными — и междометиями). Этот пятый разряд можно охарактеризовать отрицательно, как разряд, состоящий из слов, которые нельзя отнести ни к одному из предшествующих четырех разрядов.

На этом я заканчиваю свой обзор различных разрядов слов или частей речи. Нетрудно заметить, что, несмотря на мои многочисленные критические замечания, особенно по поводу широко принятых определений, я все же смог сохранить многое из традиционной классификации. Я не склонен пойти так далеко, как, например, Сэпир („Language“, 125), который заявляет, что „никакая логическая классификация частей речи — установление их числа, природы и необходимых границ — не представляет для лингвиста ни

¹ As и than при сравнении являются сочинительными: I like you nearly as well as (better than) her (т. е. as или than I do her); I like you nearly as well as (better than) she (т. е. as или than she does). Но из-за таких случаев, как I never saw anybody stronger than he (т. е. is) и than him чувство правильного употребления падежей легко притупляется, и he употребляется вместо him и наоборот. Примеры см. также в „Chapters on English“, London, 1918, стр. 60 и сл. Употребление именительного падежа после as заставляет даже некоторых говорить like I вместо like me (там же, стр. 62).

малейшего интереса“, поскольку „каждый язык имеет свою собственную систему. Все зависит от формальных различий, которые признает данный язык“.

Действительно, то, что в одном языке обозначается глаголом, в другом может обозначаться прилагательным или наречием: не нужно даже выходить за пределы английского языка, чтобы увидеть, что одна и та же мысль может быть выражена предложением He happened to fall „Ему случилось упасть“ и предложением He fell accidentally „Он упал случайно“. Можно составить даже список синонимических выражений, в которых существительные, прилагательные, наречия и глаголы меняются местами как будто совершенно произвольно. Примеры:

He moved astonishingly fast.

„Он двигался удивительно быстро“.

He moved with astonishing rapidity.

„Он двигался с удивительной быстротой“.

His movements were astonishingly rapid.

„Его движения были удивительно быстрыми“.

His rapid movements astonished us.

„Его быстрые движения удивляли нас“.

His movements astonished us by their rapidity.

„Его движения удивляли нас своей быстротой“.

The rapidity of his movements was astonishing.

„Быстрота его движений была удивительна“.

The rapidity with which he moved astonished us.

„Быстрота, с которой он двигался, удивляла нас“.

He astonished us by moving rapidly.

„Он удивлял нас тем, что двигался быстро“.

He astonished us by his rapid movements.

„Он удивлял нас своими быстрыми движениями“.

He astonished us by the rapidity of his movements.

„Он удивлял нас быстротой своих движений“.

Правда, это крайний случай, возможность которого связана с употреблением некусных слов (отглагольных существительных и так называемых „абстрактных“ существительных), специально приспособленные к тому, чтобы переводить слова из одного разряда в другой, как будет показано в гл. X. В подавляющем же большинстве случаев такое жонглирование оказывается невозможным. Возьмем простое предложение, например: This little boy picked up a green apple and immediately ate it „Этот маленький мальчик подобрал зеленое яблоко и немедленно съел его“.

Здесь разряды слов строго неподвижны и не допускают никакой транспозиции: существительные (boy, apple), прилагательные (little, green), местоимения (this, it), глаголы (picked, ate), частицы (up, and, immediately).

Поэтому я берусь утверждать, что разграничение между данными пятью разрядами разумно, хотя и невозможно определить их так точно, чтобы не оставалось сомнительных и пограничных случаев. Нельзя только думать, что эти разряды чисто понятийные: они являются грамматическими разрядами и как таковые в некоторой степени — но только в некоторой — варьируются по разным языкам. Они, может быть, не подойдут к эскимосскому

или китайскому языку (два противоположных случая) так, как подходят к латинскому или английскому, но для всех них необходимы традиционные термины — существительное, прилагательное и т. д. Поэтому последние и будут сохранены в тех значениях и с теми оговорками, о которых шла речь выше.

СЛОВО

Что такое слово? И что такое одно отдельное слово (не два или больше)? Это очень сложные проблемы, которые не могут остаться незатронутыми в настоящей книге¹.

Слова являются языковыми единицами, но не единицами звуковыми: никакой чисто фонетический анализ потока звуков не может установить количество слов, составляющих этот поток, и границы между отдельными словами. Это давно было признано фонетистами и сомнению не подлежит: а maze „лабиринт“ звучит совершенно также, как amaze „удивлять“, in sight „в поле зрения“ — как incite „подстрекать“, а sister „сестра“ — как assist her „помогать ей“, франц. а semble „показалось“ — как assembly „собранный“, il l'emporte „он его уносит“ — как il en porte „он носит некоторые из них“ и т.п. Не может быть решающим и написание, поскольку часто оно бывает очень условным, зависит от моды, а в некоторых странах от правительственных реформ, не всегда хорошо продуманных. Разве изменится сущность выражения at any rate „во всяком случае“, если его написать, как это сейчас иногда делается, at anyrate? Или any one „кто-нибудь“, some one „кто-то“, если их написать anyone, someone (No one „никто“ представляет собой аналогичное образование, но орфография поопе так и не стала общепринятой, поскольку это слово стало бы читаться как поопе „полдень“). Едва ли существуют какие-либо основания для следующего официального написания немецких слов: miteinander „друг с другом“, infolgedessen „ввиду этого“, zurzeit „в настоящее время“ и др. В своих первых книгах Бэрри употреблял шотландское выражение I suppraud, вероятно, потому, что считал его глаголом типа suppose „полагать“, но позже ему указали на происхождение этого выражения, и сейчас, если я не ошибаюсь, он пишет I'se uphauld (= I shall uphold „Я буду утверждать“). Все это свидетельствует о том, как трудно установить, чем являются некоторые сочетания — двумя ли отдельными словами или одним слитным словом.

С другой стороны, слова не являются понятийными единицами, например, как указывает Норейн, слово triangle „треугольник“ и словосочетание three-sided rectilinear figure „трехсторонняя прямолинейная фигура“ совпадают по значению точно так же, как и известные уже нам *Армитадж* и *старый врач в сером костюме, которого мы встретили на мосту*, могущие обозначать одного и того же человека. Поскольку, следовательно, ни звучание, ни значение сами по себе не дают нам ответа на то, что представляет собой одно слово и

¹ Вопрос об определении слова обсуждался во многих лингвистических работах. Упомяну лишь некоторые: N o r e e n, Vert Sprek, Lund, 1903, 7. 13 и сл; H. P e d e r s e n, Gött. gel. Anz., 1907, 898; W e c h s l e r, Gibt es Lautgesetze?, 19; B o a s, Handbook of Amer. Indian Languages, I, 28; S a p i r, Language, 34; V e n d r y e s, Le langage, 85. 103; A. G a r d i n e r, British Journal of Psychology, April, 1922.

что представляет собой более чем одно слово, мы должны для решения этого вопроса обратиться к грамматическим (синтаксическим) критериям.

В нижеприведенных случаях чисто лингвистические критерии показывают, что сочетание двух отдельных слов превратилось в одно целое слово. Нем. GroЯmacht и дат. stormagt отличаются в этом отношении от англ. great power „великая держава“, что подтверждают и их флексии: die eurordischen GroЯmachte, de eurordiske stormagter „европейские великие державы“, но в английском языке это сочетание встречается и с иным порядком слов: the great European Powers¹. Числительные 5 + 10 как в латинском языке (quindecim), так и в английском (fifteen) отличаются по звучанию от простых числительных, которые вошли в их состав; латинское duodecim отличается также и тем, что оно не имеет формы дательного падежа duobusdecim и т. д. Франц. quinze, douze представляют собой еще более тесное единство, поскольку они совершенно потеряли сходство с cinq, deux и dix. Дат. een og tyve „двадцать один“ представляет собой одно слово, несмотря на написание, поскольку та же самая форма употребляется перед существительным среднего рода een og tyve er „двадцать один год“ (но et er „один год“). Англ. breakfast „завтракать“, vouchsafe „удостаивать“ состояли из двух слов, пока не стали говорить he breakfasted, he vouchsafes вместо более раннего he broke fast, he vouches safe; ср. стр. 23. Each other „друг друга“ могло бы претендовать на слитное написание, поскольку предлог ставится перед всем сочетанием (with each other), в то время как раньше предлог ставился перед вторым элементом — each with other. Во французском языке je m'en fuis стало je m'enfuis „Я убегаю“ и пишется так с полным правом, поскольку перфект будет je me suis enfui; однако параллельное выражение je m'en vais „Я уйду“ пишется всегда отдельно; правда, в разговорной речи часто говорят je me suis en-аллй вместо узаконенного je m'en suis аллй, но здесь сплочение не может быть таким полным, как в слове enfuis, так как слиянию в одну форму препятствует употребление разных основ (vais, аллй, irai). Франц. гйрpublique, англ. republic „республика“ являются одним целым, чего нельзя сказать о лат. res publica, так как они склоняются отдельно: rem publicam. Отсутствие внутренней флексии в нем. jedermann, jedermanns „каждый“, die Mitternacht „полночь“ (jeder является по происхождению именительным падежом, mitter — дательным) показывает полное объединение компонентов, подобно тому, как это наблюдается в лат. ipsum „самого“ вместо eumpse (ipse произошло из is-pse).

Во всех этих случаях можно констатировать полное слияние двух слов в одно, поскольку существуют безошибочные лингвистические критерии, показывающие, что живое чувство языка действительно трактует их как одно целое. Иначе обстоит дело с англ. he loves „он любит“, которое иногда считают таким же единством, как лат. amat (ama-t) „любит“: в английском языке компоненты можно разъединить (he never loves „он никогда не любит“) и изолировать каждый из них, в то время как в лат. amat этого сделать нельзя. Точно так же франц. il a aimй „он любил“ не является единым целым, каким

¹ Можно, пожалуй, сказать, что лат. forsitan „может быть“ более сплочено в тех случаях, когда после него стоит изъявительное наклонение, чем в тех случаях, когда, в соответствии с его происхождением (fors sit an) следует сослагательное. Франц. peut-etre „может быть“ является сейчас одним словом. Это подтверждается следующим выражением: il est peut-etre riche.

является лат. *amavit* „полюбил“, поскольку можно сказать *il n'a pas aimé*, *a-t-il aimé* и т. п. (см. мою критику различных ученых, „Language“, стр. 422 и сл.).

Иногда наблюдается и обратный процесс — от целого слова к более свободным соединениям. Сцепление между двумя компонентами английских сложных существительных сейчас меньше, чем раньше (и чем в немецком и в датском). В то время как нем. *Steinmauer* „каменная стена“ и дат. *stenmur* — во всех отношениях целое слово, англ. *stone wall* и другие подобные сочетания следует в настоящее время рассматривать скорее как два слова: *stone* — как адъюнкт, а *wall* — как первичное слово. Это подтверждается не только двойным (или колеблющимся) ударением, но и другими соображениями: возможностью координации с прилагательными: *his personal and party interests* „его личные и партийные интересы“, *among the evening and weekly papers* „среди вечерних и еженедельных газет“, а *Yorkshire young lady* „молодая особа из Йоркшира“; употреблением слова *one*: *five gold watches, and seven silver ones* „пять золотых часов и семь серебряных“; употреблением наречий: *a purely family gathering* „чисто семейная встреча“; отдельным употреблением: *any position, whether State or national* „любое положение, будь оно государственное или национальное“, *things that are dead, second-hand, and pointless* „вещи мертвые, второстепенные и ненужные“. Некоторые из этих компонентов адъективировались настолько, что могут принимать окончание превосходной степени *-est* (*chiefest* „главнейший“, *choicest* „отборнейший“), и от них можно образовать наречия (*chiefly* „главным образом“, *choicely* „с выбором, осторожно“); см. „Modern English Grammar“, II, гл. XIII, ср. также выше сноску на стр. 67. В примере из Шекспира *so new a fashioned robe* „такое новомодное платье“ мы видим, что сложное слово другого рода (*new-fashioned*) воспринимается как спаянное некрепкими связями.

Все эти соображения, равно как и изменение начальных звуков, характерное, например, для кельтских языков, и такие явления, как др. -исл. *Hann kvapsk eigi vita* „Он «сказал себя не знать»“, т. е. „Он сказал, что он не знает“, а также многие другие¹ показывают, насколько трудно в некоторых случаях сказать, где одно слово и где два. Часто помогает возможность раздельного употребления компонентов, но не следует забывать, что есть слова, которые мы должны признать словами, но которые по тем или иным причинам не могут употребляться отдельно. Например, русские предлоги, состоящие из одного звука (*с*, *в*), или французские слова типа *je*, *tu*, *le* никогда не употребляются отдельно, хотя в последнем случае такому употреблению не препятствуют никакие чисто фонетические причины. Если они считаются словами, то потому, что они могут употребляться в различных сочетаниях с другими словами, которые, без сомнения, представляют собой самостоятельные слова; следовательно, *je*, *tu* и т. п. являются не частями слов, а целыми словами. Точно так же и в немецком языке *an*, *bei*, *statt* в предложениях *Ich nehme es an* „Я принимаю это“, *Wir wohnten der Versammlung bei* „Мы присутствовали на собрании“, *Es findet nur selten statt* „Это происходит лишь изредка“ являются словами, и последовательная орфография должна была бы писать *an zu nehmen*, *bei zu wohnen*, *es hat statt gefunden* вместо обычного слитного написания: ведь

¹ Ср. случаи переразложения (*a naddre* > *an adder* „гадюка“ и т. п.), «Language», 173, 132; франц. вопросительное *ti* из *est-il*, *fait-il*; там же, 358.

позиция данных слов совершенно такая же, как и в предложениях *gem zu nehmen* „принимать охотно“, *dort zu wohnen* „жить там“, *er hat etwas gefunden* „он нашел что-то“ и т. п.¹

Не следует никогда забывать, что слова почти всегда употребляются в связной речи, где они более или менее тесно связаны с другими словами; при этом слова, связанные с тем или иным словом, помогают, а иногда являются просто незаменимыми в установлении значения этого слова. Изолированные слова, в том виде, в каком мы находим их в словарях и филологических трудах, представляют собой абстракции, и в таком виде они имеют мало общего с подлинной живой речью. Правда, в ответах и репликах слова встречаются и в изолированном виде, причем даже такие слова, которые в других условиях не могут употребляться отдельно; ср. *if* в предложении *If I were rich enough... Yes, if!* „Если бы я был достаточно богат... Да, если (бы)!“, но здесь значение понимается из предшествующего так же, как *Yesterday* „Вчера“, если оно является ответом на вопрос *When did she arrive?* „Когда она приехала?“, означает „Она приехала вчера“. Но такое изолированное употребление следует рассматривать как исключение, а не как правило.

У нас нет термина для сочетания слов, которые образуют смысловое единство, хотя они и не обязательно помещаются в непосредственном соседстве друг с другом; а поэтому ясно, что они не образуют одно целое слово, а представляют собой два или больше отдельных слова. Их можно назвать *оборотами* или *выражениями*², хотя другими авторами эти термины употребляются в ином значении. Слова *puts off* образуют „выражение“, значение которого („откладывает“) нельзя вывести из составляющих его слов, взятых в отдельности. Эти слова могут быть разъединены: ср. *he puts it off*; ср. также нем. *wenn auch* „если даже“, образующее оборот, например в предложении *wenn er auch reich ist* „хоть он и богат“.

¹ У современных грамматистов можно иногда найти курьезные преувеличения и неправильные концепции относительно рассматриваемой проблемы; так, например, один из них замечает, что множественное число во французском языке образуется препозицией *z*: *(le)z-arbres* „деревья“ и т. п.; но как тогда быть с *beaucoup d'arbres* „много деревьев“ и *les pommes* „яблоки“? Другие утверждают, что существительные во французском языке в настоящее время склоняются с помощью артикля (*Brunt, La pensie et la langue, Paris, 1922, 162*): *le cheval, du cheval, au cheval*; но как быть с *Pierre, de Pierre, a Pierre*, которые не имеют артикля? (Кроме того, это нельзя называть склонением в собственном смысле слова.) Наконец, один немецкий автор говорит, что нем. *der Mann, dem Mann* и т. п. образуют одно слово, так что в данном случае „мы имеем флексию в начале, точнее — в середине слова вместо прежней флексии на конце слова“.

² У Есперсена *phrase* употребляется в значении „фраза, выражение, оборот“; по-русски удачнее было бы употребить „фраза“, если бы этот термин не использовался довольно широко в совершенно ином значении. — *Прим. перев.*

Глава VII

ТРИ РАНГА

Подчинение. Существительные. Прилагательные. Местоимения. Глаголы. Наречия. Группы слов. Подчиненные предложения. Заключительные замечания.

ПОДЧИНЕНИЕ

Вопрос о том, к какому из разрядов принадлежит то или иное слово (к существительным, прилагательным или еще к какому-либо), вопрос, связанный с рассмотрением слова как такового. Ответ на данный вопрос можно поэтому найти в словарях¹. Теперь же мы приступим к рассмотрению сочетаний слов; при этом мы обнаружим, что хотя существительное всегда остается существительным, а прилагательное — прилагательным, в связной речи существует определенная система подчиненности, известная градация, аналогичная распределению слов по „частям речи“, но не полностью зависящая от него.

В любом сложном обозначении предмета или лица (ср., например, те, которые я привел на стр. 69), всегда обнаруживается, что одно из слов имеет первостепенное значение, а другие присоединяются к нему на положении подчиненных слов. Главное слово определяется (уточняется, модифицируется) другим словом, которое в свою очередь может определяться (уточняться, модифицироваться] еще каким-то третьим словом, и т. д. Таким образом, устанавливаются известные „ранги“ слов в соответствии с тем, являются ли они по отношению друг к другу определяющими или определяемыми. В сочетании *чрезвычайно жаркая погода* слово *погода*, которое, без сомнения, заключает в себе главную мысль, можно назвать первичным (primary); *жаркая*, определяющее слово *погода*, — вторичным (secondary), а *чрезвычайно* — третичным (tertiary), поскольку оно определяет слово *жаркая*. Хотя третичное слово может далее определяться другим (четвертичным — quaternary) словом, а последнее в свою очередь еще каким-нибудь другим (пятичным — quinary) и так далее, нет необходимости различать более трех степеней, или рангов, поскольку нет никаких формальных или иных черт, отличающих последующие ранги от третичных слов. Так, в выражении *Несомненно, не очень умно составленный ответ* слова *несомненно, не* и *умно*, хотя они и определяют следующее за ними слово, грамматически сходны друг с другом и с третичными словами; например, в сочетаниях *несомненно умный ответ, не умный ответ, очень умный ответ*.

¹ Заметьте, однако, что любое слово или группа слов, или часть слова могут быть превращены в существительное, когда их употребление имеет характер цитирования („Modern English Grammar“, II, 8. 2), например: Your late was misheard as light „Ваше late было услышано ошибочно как light“, His speech abounded in I think so's „Его речь изобиловала словами ‘Я так думаю’“, There should be two l's in his name „В его фамилии следует писать два л“.

Если теперь сравнить сочетание *яростно лающая собака (собака, лающая яростно)*, в котором *собака* — первичное слово, *лающая* — вторичное, а *яростно* — третичное, с сочетанием *собака лает яростно*, станет ясно, что в обоих случаях налицо одна и та же подчиненность. Однако между ними все же есть принципиальное различие, которое требует особых терминов для каждого из приведенных типов сочетаний: первое сочетание мы будем называть юнкцией, второе — нексусом. Об этом различии уже упоминалось выше (см. стр. 95), а подробнее будет говориться в гл. VIII, где мы также покажем, что существуют и другие виды нексуса, кроме типа *собака лает*. Следует отметить, что *собака* является первичным словом не только, когда оно выполняет функцию подлежащего, как в предложении *Собака лает*, но и тогда, когда оно является дополнением к глаголу, как в предложении *Я вижу собаку*, или дополнением к предлогу, как в предложении *Он бежит за собакой*.

Что касается терминологии, то термины „первичный“, „вторичный“ и „третичный“ могут применяться и к юнкции и к нексусу; однако будет лучше иметь для того и другого особые термины: „адъюнкт“ — для вторичных слов в юнкции и „аднекс“ — для вторичных слов в нексусе. К третичным словам можно применить термин „субъюнкт“, а к четвертичным, если потребуется специальный термин (что случается редко), — „суб-субъюнкт“¹.

Точно так же, как могут встретиться два (или более) однородных² первичных слова (например, *собака и кошка убежали прочь*), могут, разумеется, встретиться и два или более однородных адъюнкта к одному и тому же первичному слову, например: *интересная молодая женщина*, где слова *интересная* и *молодая* в одинаковой степени определяют слово *женщина*, ср. также *much (II) good (II) white (II) wine (I)* „обильное хорошее белое вино“ с *very (III) good (II) wine (I)* „очень хорошее вино“. Однородные адъюнкты часто соединяются при помощи связующих слов: *дождливый и ветреный день; блестящий, хоть и длинный роман*. Там, где нет связующего слова, последний адъюнкт часто находится в особо тесной связи с первичным словом, как бы образуя с ним одно понятие, одно сложное первичное слово (*молодая женщина*), особенно в некоторых застывших сочетаниях (*in high good humour, by great good fortune*, „Modern English Grammar“, II, 15.15; *extreme old age*, там же, 12.47). Иногда же первый из двух адъюнктов склонен стать в подчинение ко второму и таким образом превратиться в нечто вроде субъюнкта; ср. англ. *burning hot soup, a shocking bad nurse*. Таким именно образом слово *very*, которое было прилагательным (и до сих пор является прилагательным в сочетании *the very day* „тот самый день“) в чосеровском *a verray parfit gentil knight* „истинный совершенный благородный рыцарь“, стало сначала промежуточным между адъюнктом и субъюнктом, а затем превратилось в субъюнкт, который надо отнести к наречиям; другие примеры см. в „Modern

¹ Теперь я предпочитаю термин „первичное слово“ (primary) термину „основное слово“ (principal), которое я употреблял в „Modern English Grammar“, т. II. Для первичного слова в юнкции можно было бы ввести термин „суперъюнкт“, а для первичного слова в нексусе — термин „супернекс“ и „субнекс“ — для третичного слова в нексусе, но эти громоздкие термины излишни.

² У Есперсена — coordinate „сочинительные“; однако нам представляется более удачным утвердившийся в русистике термин „однородные (члены)“, который, думается, в точности передает содержание, вкладываемое здесь Есперсеном в слово coordinate. — Прим. перев.

English Grammar“, II, 15.2. Аналогичным в какой-то степени является и nice (and) в сочетании nice and warm „довольно тепло“ (15, 29), к которому имеется любопытная параллель в ит. bell'e: Giacosa, Foglie, 136 il concerto... On ci ho bell'e rinunziato; там же: 117 Tu l'hai bell'e trovato. Другими примерами на употребление адъюнктов вместо ожидаемых субъюнктов являются франц. elle est toute surprise; les fenêtres grandes ouvertes. Однородные субъюнкты находим в следующих случаях: a logically and grammatically unjustifiable construction „логически и грамматически неоправданная конструкция“; a seldom or never seen form „редко встречающаяся или никогда не встречающаяся форма“.

В примерах, приведенных выше, мы имели существительные в функции первичных слов, прилагательные — в функции адъюнктов и наречия — в функции субъюнктов; и действительно, существует определенное соответствие между тремя частями речи и тремя установленными рангами. Всем этим словам, следовательно, можно даже дать соответствующие определения. Так, существительные можно определить как слова, которые обычно бывают словами первичными, прилагательные — адъюнктами, а наречия — субъюнктами. Однако это соответствие является далеко не полным, как будет видно из следующего обзора: система разрядов слов и система рангов принадлежат в действительности к двум различным областям.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Существительные в качестве первичных слов. Никаких дополнительных примеров не требуется.

Существительные в качестве адъюнктов. Давно установившийся способ употреблять существительное в качестве адъюнкта состоит в постановке существительного в родительном падеже, например: *Shelley's* poems „стихи Шелли“, *the butcher's shop* „лавка мясника“, *St. Paul's Cathedral* „собор св. Павла“. Однако следует заметить, что форма родительного падежа может быть и первичным словом (в результате так называемого эллипсиса), например: I prefer Keats's poems to *Shelley's* „Я предпочитаю стихи Китса (стихам) Шелли“, I bought it at the *butchers* „Я купил это у мясника“, *St. Paul's is a fine building* „(Собор) св. Павла — замечательное здание“. В английском языке элемент, который был первым компонентом сложного слова, в настоящее время часто следует рассматривать как самостоятельное слово в функции адъюнкта: ср. *stone wall* „каменная стена“, а *silk dress and a cotton one* „шелковое платье и хлопчатобумажное“, о том, каким образом это происходит, см. выше, стр. 105. Другие примеры на употребление существительных в функции адъюнкта: *women writers* „писательницы“, собств. „женщины-писатели“, а *queen bee* „пчела-матка“, *boy messengers* „мальчики-посыльные“, и почему бы сюда не отнести также *Captain Smith, Doctor Johnson*; ср. отсутствие флексии в нем. *Kaiser Wilhelms Erinnerungen* „воспоминания кайзера Вильгельма“ (впрочем, в составных титулах наблюдаются большие колебания).

В некоторых случаях, когда мы хотим соединить два субстантивных понятия, оказывается невозможным или нецелесообразным сделать одно существительное адъюнктом к другому путем простого соположения; здесь языки очень часто прибегают к „определятельному родительному падежу“ или

к соответствующему сочетанию с предлогом: ср. лат. *urbs Romae* „город Рим“ (ср. соположение в дат. *byen Rom* и, с другой стороны, сочетания типа *Captain Smith*), франц. *la citй de Rome*, англ. *the city of Rome* и т. п. и далее интересные выражения в английском языке типа *a devil of a fellow, that scoundrel of a servant, his ghost of a voice*; нем. *ein alter Schelm von Lohnbedienter* (с исключительным употреблением именительного падежа после *von*); дат. *den skurk av en tjener; et vidunder av et barn, del fьtil Nielsen*; франц. *ce fripon de valet; un amour d'enfant; celui qui avait un si drfle de nom*; ит. *quel ciarlatano d'un dottore; quel pover uomo di tuo padre* и т. п. Это связано с употреблением притяжательного местоимения: *dit fь* „дурак ты этакий“ в скандинавских языках и в исп. *Pobrecitos de nosotros!, Desdichada de mi!* Ср. по поводу этого и подобных явлений *Grimm, Personenwechsel; Schuchardt Hugo Schuchardt-Brevier, 197; Tegnér, Om genus i svenskan, Stockholm, 1892, 115 и сл.; Sandfeld, „Dania“, VII.*

Существительные в качестве субьюнкторов (субнексов). Такое употребление встречается редко, за исключением определенных групп слов, где оно является обычным (см. ниже, стр. 114). Примеры: *emotions, part religious... but part human* „чувства, *отчасти* религиозные.., но *отчасти* человеческие“ (Стивенсон); *The sea went mountains high* „Море вздымалось до высоты гор“. В предложениях *Come home* „Идите домой“ и *I bought it cheap* „Я купил это дешево“ *home* и *cheap* были сначала существительными, но теперь они обычно называются наречиями; ср. также *go South* „ехать на юг“.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Прилагательные в качестве первичных слов: *You had better bow to the impossible* (ед. ч.) „Вам бы лучше преклониться перед невозможным“, *Ye have the poor* (мн. ч.) *always with you* „Бедные всегда с вами“ („Modern English Grammar“, II, гл. XI); но в случаях *savages* „дикари“, *regulars* „регулярные войска“, *Christian* „христиане“, *the moderns* „люди нового времени“ и т. п. мы имеем дело с обычными существительными, на что указывает окончание множественного числа; точно также и в случае *the child is a dear* „ребенок — прелесть“, что видно из употребления артикля („Modern English Grammar“, гл. IX). Нем. *Beamter* „служащий“ считается обычно существительным, но, как показывает флексия, — это скорее прилагательное в функции первичного слова: *der Bearnte, ein Beamier*.

Прилагательные в качестве адьюнкторов: примеров не требуется.

Прилагательные в качестве субьюнкторов. В сочетаниях *a fast moving engine* „быстро двигающийся локомотив“, *a long delayed punishment* „долго откладываемое наказание“, *a clean shaven lace* „чисто выбритое лицо“ и в других подобных случаях исторически правильнее называть выделенные слова наречиями (в них окончание наречий -е стало немым, подобно другим фонетически ослабленным -е), а не прилагательными в функции субьюнктора. По поводу *new-laid eggs, cheerful tempered men* и т. п. см. „Modern English Grammar“, II, 15.3; по поводу *burning hot* см. выше, стр. 109.

МЕСТОИМЕННИЯ

Местоимения в качестве первичных слов: *I am well* „Я здоров“, *This is mine* „Это мое“, *Who said that?* „Кто это сказал?“, *What happened?* „Что случилось?“, *Nobody knows* „Никто не знает“ и т. п. (Но *nobody* в сочетании *a mere nobody* „ничтожество“ является обычным существительным; ср. мн. ч. *nobodies*).

Местоимения в функции адьюнктов: *this hat* „эта шляпа“, *my hat* „моя шляпа“, *what hat?* „какая шляпа?“, *no hat* „никакая шляпа“ и т. п.

В некоторых случаях между этими двумя употреблениями местоимений различия по форме нет; в других случаях наблюдается и формальное различие: ср. *mine* — *my*, *none* — *no*; также и в нем. *mein Hut* „моя шляпа“ — *der meine* „моя“. Заметьте также: *Hier ist ÿin Umstand (ÿin Ding) richtig genannt, aber nur ÿiner (ÿines)* „Здесь правильно названо одно обстоятельство (одна вещь), но только одно (одна)“. Во французском языке формальные различия также иногда встречаются: *mon chapeau* „моя шляпа“ — *le mien* „моя“; *ce chapeau* „эта шляпа“ — *celui-ci* „эта“; *quel chapeau* „какая шляпа“ — *lequel?* „какая?“; *chaque* — *chacun* „каждый“; *quelque* — *quelqu' un* „какой-нибудь“.

Местоимения в функции субьюнктов. Кроме „местоименных наречий“, которые иллюстрировать примерами нет необходимости, встречаются и такие случаи, как *I am that sleepy* „Я так хочу спать“, *The more, the merrier* „Чем больше, тем веселее“, *none too able* „не слишком способный“, *I won't stay any longer* „Я не останусь больше“, *nothing, loth* „совсем не неохотно“, *somewhat paler than usual* „несколько бледнее, чем обычно“¹.

ГЛАГОЛЫ

Предикативные формы глаголов могут употребляться только как вторичные слова (аднексы) и никогда — как первичные и третичные слова. Но причастия, подобно прилагательным, бывают первичными словами (*The living are more valuable than the dead* „Живущие более ценны, чем мертвые“) и адьюнктами (*the living dog* „живая собака“). Инфинитив же, в зависимости от обстоятельств, может выполнять любую из трех функций; в английском языке в определённых случаях он требует *to* (ср. нем. *zu*, дат. *at*). Строго говоря, мне следовало бы рассматривать сочетания типа *to go* и т.п. под заголовком „ранги групп слов“.

Инфинитив в качестве первичного слова: *To see is to believe* „Увидеть значит поверить“ (ср. *Seeing is believing*), *She wants to rest* „Она хочет отдохнуть“ (ср. *She wants some rest*, с соответствующим существительным). Франц. *Espérer, c'est jouir, Il est défendu de fumer ici; sans courir, au lieu de courir.*

¹ Встречаются и сочетания местоименных и числительных наречий с адьюнктами, которые не так легко поддаются анализу: *this once, we should have gone to Venice, or somewhere not half so nice* (Masefield); *Are we going anywhere particular?* Психологически их можно объяснить исходя из того, что *once* = „в определенное время“, *somewhere* и *anywhere* = „(в)определенное, любое место“; таким образом, адьюнкт относится к подразумеваемому существительному.

Нем. *Denken ist schwer, Er verspricht zu kommen; ohne zu laufen; anstatt zu laufen* и т. п.

Инфинитив в функции адьюнкта: *the never to be forgotten look* „никогда не забываемый взгляд“; ср. также: *in times to come; There isn't a girl to touch her; the correct thing to do; in a way not to be forgotten* („Modern English Grammar“, II, 14.4 и 15.8). Франц. *la chose à faire, du tabac à fumer*. (В немецком языке в результате такого употребления инфинитива возникло особое пассивное причастие: *das zu lesende Buch*). Исп.: *todas las academias existentes y por existir* (Гальдос). Такое употребление инфинитива до некоторой степени компенсирует отсутствие полного комплекта причастий (будущего, пассивного и т. п.).

Инфинитив в функции субьюнкта: *He came here to see you* „Он пришел сюда, чтобы повидать вас“; *To see him, one would think; I shudder to think of it*.

НАРЕЧИЯ

Наречия в функции первичных слов. Такое употребление наречий встречается редко; в качестве примера можно привести предложение *He did not stay for long* „Он не остался надолго“; ср. также *He's only just back from abroad*. Это употребление присуще в основном местоименным наречиям: *from here* „отсюда“, *till now* „до сих пор“. Или еще пример: *He left there at two o'clock*; *there* служит дополнением к *left*. В языке философов *here* и *there* могут быть также настоящими существительными: *Motion requires a here and a there*; *in the Space-field lie innumerable other theres* (*New English Dictionary*; см. „Modern English Grammar“, II, 8. 12).

Наречия в функции адьюнктов. Такое употребление также весьма редко: *the off side, in after years, the few nearby trees* (США), *all the well passengers* (США), а *so-so matron* (Байрон). В большинстве случаев нет надобности употреблять наречие в функции адьюнкта, так как существует соответствующее прилагательное. (Местоименные наречия: *the then government, the hither shore*; „Modern English Grammar“, II, 14.9.)

Наречия в функции субьюнктов. Примеры не нужны, так как для данного разряда это обычное употребление.

Когда от глагола или прилагательного образуется существительное определяющее слово как бы поднимается на более высокую ступень и из третичного слова становится вторичным; где возможно, это выражается в употреблении формы прилагательного вместо формы наречия:

<i>абсолютно новый</i>	<i>абсолютная новизна</i>
<i>совершенно темный</i>	<i>совершенная темнота</i>
<i>описывает точно</i>	<i>точное описание</i>
<i>твердо верю</i>	<i>моя твердая вера</i>
<i>судит строго</i>	<i>строгай судья</i>
<i>читает внимательно</i>	<i>внимательный читатель</i>
II + III	I + II

Нужно отметить, что прилагательные, обозначающие размер (*great* „большой“, *small* „маленький“), употребляются как сдвинутые эквиваленты

наречий степени (much „много“, little „мало“): англ. a great admirer of Tennyson „большой почитатель Теннисона“, франц. un grand admirateur de Tennyson. По поводу таких сдвинутых субьюнкт-адьюнкторов ср. „Modern English Grammar“, II, 12. 2 и раздел о нексусных словах ниже, стр. 156. Керм (C u r m e, A Grammar of the German Language, New York, 1922, 136) упоминает о нем. die geistig Armen, etwas lngst Bekanntes, в котором geistig и lngst не принимают окончаний, подобно наречиям, „хотя и определяют существительное“: дело в том, что Armen и Bekanntes представляют собой не существительные, а лишь прилагательные в функции первичных слов, на что указывает их флексия. Некоторые английские слова могут употребляться двояко: these are *full equivalents (for)* „это полные эквиваленты“ или *fully equivalent (to)* „полностью эквивалентны“; ср. также *the direct opposites (of)* или *directly opposite (to)*; Маколей пишет: The government of the Tudors was *the direct opposite* to the government of Augustus. Здесь to больше подходит к прилагательному opposite, чем к существительному, в то время как direct предполагает употребление существительного. В датском языке при переводе le malade imaginaire „мнимый больной“ наблюдается колебание между den indbildt syge и den indbildte syge.

ГРУППЫ СЛОВ

Группы слов, состоящие из двух или большего количества слов, между которыми могут быть самые различные взаимоотношения, во многих случаях могут трактоваться как одно слово. Иногда даже трудно бывает сказать, с одним ли или с двумя словами мы имеем дело; ср. стр. 103. To-day когда-то представляло собой два слова, но теперь наблюдается возрастающая тенденция писать его без дефиса (today); кроме того, возможность сказать from today свидетельствует о том, что to уже не имеет своего первоначального значения. Tomorrow „завтра“ также является теперь целым словом, поскольку можно сказать даже I look forward to tomorrow. Однако для нас в настоящей главе не имеет никакого значения, за одно или за два отдельных слова принимать эти сочетания и другие сомнительные случаи; группа слов (точно так же как и отдельное слово) может быть и первичной, и адьюнктором, и субьюнктором.

Группы слов различного типа в функции первичных слов: Sunday afternoon was fine „Воскресный день был хорошим“; I spent Sunday afternoon at home „Я провел воскресный день дома“; We met the kind old archbishop of York „Мы встретили доброго старого архиепископа Йоркского“; ср. далее англ. It had taken him ever since to get used to the idea; You have till ten to-night. From infancy to manhood is rather a tedious period (Каупер); франц. jusqu' au roi l'a cru; Nous avons assez pour jusqu' à samedi; исп. Hasta los malvados creen en l (Гальдос).

Группы слов в функции адьюнкторов: a Sunday afternoon concert „воскресный дневной концерт“; the Archbishop of York „архиепископ Йоркский“, the party in power „правящая партия“; the kind old Archbishop of York's daughter „дочь доброго старого архиепископа Йоркского“; ср. также a Saturday to Monday excursion; the time between two and four; his after dinner pipe.

Группы слов в функции субьюнкторов (третичных слов): He slept all Sunday afternoon „Он спал все воскресное послеобеденное время“. He smokes after dinner „Он курит после обеда“, He went to all the principal cities of Europe

„Он путешествовал *по всем главным, городам Европы*“; *He lives next door to Captain Strong; The canal ran north and south; He used to laugh a good deal; five feet high; He wants things his own way; Things shall go man-of-war fashion. He ran upstairs three steps at a time*; ср. „абсолютную конструкцию“ в главе „Нексус“ (IX).

Как уже можно было видеть из приведенных примеров, группа, выполняющая функцию первичной, вторичной или третичной, сама может содержать компоненты, которые находятся в отношениях, обозначенных этими тремя терминами. Ранг самой группы — это одно, а ранг внутри группы — другое. В результате могут возникать довольно сложные взаимоотношения; однако их всегда легко подвергнуть анализу с той точки зрения, которая была развита в этой главе. Это можно пояснить на примерах: *We met the kind old Archbishop of York* „Мы встретили доброго старого архиепископа Йоркского“: последние шесть слов образуют одну первичную группу — дополнение к *met*, но сама группа состоит из первичного слова *Archbishop* и четырех адьюнктов — *the, kind, old, of York*; или, скорее, надо сказать, что *Archbishop of York*, состоящее из первичного слова *Archbishop* и адьюнкта *of York*, является первичной группой, определяемой тремя адьюнктами — *the, kind* и *old*. Но адьюнкт *of York* в свою очередь состоит из частицы (предлога) *of* и ее дополнения, первичного слова *York*. Далее, вся эта группа может быть превращена в адьюнкт путем употребления в форме родительного падежа: *We met the kind old Archbishop of York's daughter* „Мы встретили дочь *доброго старого архиепископа Йоркского*“.

He lives on this side the river „Он живет на этой стороне реки“; здесь вся группа, состоящая из последних пяти слов, является третичной по отношению к *lives* „живет“; *on this side*, состоящее из частицы (предлога) *on* и дополнения *this* (адьюнкт) *side* (первичное слово), само является групповым предлогом и принимает в качестве дополнения группу *the* (адьюнкт) *river* (первичное слово). Но в предложении *The buildings on this side the river are ancient* „Здания на этой стороне реки древние“ та же самая группа, состоящая из пяти слов, является адьюнктом к слову *buildings*. Таким образом можно достигнуть естественного и последовательного анализа даже самых сложных сочетаний, встречающихся в языке¹.

ПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Особый случай огромной важности составляют группы, называемые обычно подчиненными предложениями. Подчиненные предложения можно определить как части предложения, сами имеющие форму предложения (как правило, в их состав входит предикативная форма глагола). В зависимости от

¹ Один друг рассказал мне однажды следующий случай, происшедший с семилетним мальчиком. Мальчик спросил отца, могут ли дети говорить, когда они рождаются. „Нет!“ — сказал отец. „Тогда — заметил мальчик, — очень странно, почему в рассказе об Иове в библии говорится, что „*Job cursed the day that he was born*“. Ребенок принял здесь группу („[проклял] день, когда он родился“) первичную за группу („[ругался] в день, когда он родился“) третичную.

обстоятельств, подчиненное предложение может быть и первичным, и вторичным, и третичным.

1. Подчиненные первичные предложения.

That he will come is certain „То, что он придет, не подлежит сомнению“ (ср. *His coming is certain*).

Who steals my purse steals trash „Кто крадет мой кошелек, крадет хлам“ (ср. *He steals trash*).

What you say is quite true „То, что вы говорите, совершенно верно“ (ср. *Your assertion is. . .*).

I believe *whatever he says* „Я верю всему, что бы он ни говорил“ (ср. ... *all his words*).

I do not know *where I was born* „Я не знаю, где я родился“ (ср. ... *my own birthplace*).

I expect (*that*) *he will arrive at six* „Я ожидаю, что он прибудет в шесть“ (ср. ... *his arrival*).

We talked of *what he would do* „Мы беседовали о том, что он будет делать“ (ср. ... *of his plans*).

Our ignorance of *who the murderer was* „Наше незнание того, кто был убийцей.“ (ср. ... *of the name of the murderer*).

В первых трех предложениях подчиненное предложение является подлежащим, в остальных — дополнением или к глаголу, или к предлогу *of*. Но существует своего рода псевдограмматический анализ, против которого я должен особенно предостеречь читателя: говорят, что в предложениях, подобных второму, подлежащим к *steals trash* является *he*; оно, по мнению некоторых грамматистов, подразумевается в *who*, и относительное придаточное предложение стоит к нему в таком же отношении, как к слову *man* в сочетании *the man who steals* „человек, который крадет“. Это — одна из многих неуместных выдумок, которыми засорили и усложнили грамматику. Такие домыслы не содействуют правильному пониманию фактов языка¹.

¹ Суит („*New English Grammar*“, §§ 112 и 120) замечает, что в предложении *What you say is true* „То, что вы говорите, справедливо“ происходит сгущение, причем слово *what* выполняет одновременно функции двух слов: оно является дополнением к *say* в подчиненном предложении и вместе с тем подлежащим к глаголу *is* в главном предложении; в предложении *What I say I mean* „То, что я говорю, я и имею в виду“ *what* является дополнением как в главном, так и в подчиненном предложении, а в предложении *What is done cannot be undone* „Что сделано, того нельзя исправить“ *what* — подлежащее и в главном и в подчиненном предложении. Далее он говорит, что подчиненное предложение, вводимое таким сгущенным (*condensed*) относительным словом, стоит обычно перед главным, а не после него и что если изменить порядок следования предложений, то отсутствующее соотносительное слово будет восстанавливаться: *It is quite true what you say*; *If I say a thing, I mean it*. Однако последнее предложение не является грамматическим эквивалентом предложения *What I say I mean*; в нем нет ни antecedenta, ни относительного слова; в предложении же *It is quite true what you say* слово *it* нельзя назвать antecedentом *what*, поскольку невозможно сказать *it what you say*; о том, что оно представляет собой в действительности, см. выше, стр. 25. *What* не может иметь antecedenta. Положение до или после главного предложения поэтому не имеет ни малейшего значения для „сгущенных“ местоимений: в некоторых из предложений Суита налицо обычный порядок с подлежащим на первом месте, а в предложении *What I say I mean* — эмфатическая постановка дополнения на первом месте; это видно из совершенно естественного предложения *I mean what I say*, в котором

II. Предложения в функции адьюнктов.

I like a boy *who speaks the truth* „Я люблю мальчика, *который говорит правду*“ (ср. ... a truthful boy „правдивою мальчика“).

This is the land *where I was born* „Это страна, *в которой я родился*“ (ср. my native land „моя родная страна“).

Стоит заметить, что часто, когда перед нами как будто два относительных предложения при одном antecedente (т. е. первичном слове), второе предложение в действительности определяет antecedent, уже определенный первым предложением, и таким образом, является адьюнктом к первичной группе, состоящей из первичного слова и первого относительного предложения в качестве адьюнкта. В следующих примерах я выделяю эту первичную группу курсивом: They murdered *all they met* whom they thought gentlemen; There is *no one who knows him* that does not like him; It is not *the hen who cackles the most* that lays the largest eggs.

III. Предложения в функции субьюнктов.

Whoever said this, it is true „*Кто бы это не сказал*, это верно“ (ср. anyhow „во всяком случае“).

It is a custom *where I was born* „Это обычай (там), *где я родился*“ (ср. there „там“).

When he comes, I must go „*Когда он придет*, я должен уйти“ (ср. then).

what является относительным местоимением, хотя Суит не признает его „сгущенным“ местоимением. (В последующих разделах он создает излишние трудности, не видя различия между относительным и зависимым вопросительным предложением.)

Главное возражение против точки зрения Суита заключается, однако, в другом: неестественно утверждать, что what выполняет функцию двух слов одновременно. What само по себе не является подлежащим к is true: если задать вопрос What is true? „Что справедливо?“, ответ никак не будет только what „что“, а what you say „что вы говорите“; подобным же образом будет обстоять дело и в других предложениях. What — дополнение к say и ничего больше, совершенно так же, как which в предложении The words which you say are true „Слова, которые вы говорите, справедливы“; но и в последнем предложении, по моему мнению, подлежащим к are является the words which you say, а не просто the words. Только таким образом грамматический анализ можно привести в соответствие со здравым смыслом. Онионс (O n i o n s, An Advanced English Syntax, London, 1904, § 64) говорит об опущении antecedenta в предложении Попа: To help *who want*, to forward *who excel* „Помочь тем, кто нуждается, продвигать тех, кто выделяется“ (имеется в виду those who); но он не видит, что это не может помочь ему в предложении I heard what you said „Я слышал, что вы сказали“, поскольку перед what вставить ничего нельзя. Онионс не рассматривает what как относительное слово; такое what трудно было бы втиснуть в созданную им систему. Ни он, ни Суит в этой связи не упоминают „неопределенные относительные слова“ whoever „кто бы ни“, whatever „что бы ни“ хотя они отличаются от „сгущенных относительных слов“ только добавлением ever. Предложения типа Whoever steals my purse steals trash „Кто бы ни украл мой кошелек, украдет хлам“ или Whatever you say is true „Что бы вы ни сказали, справедливо“ следует анализировать во всех отношениях, подобно соответствующим предложениям с who или what. Когда Диккенс пишет: Peggotty always volunteered this information to whomsoever would receive it „Пегготти всегда охотно давала эту информацию всякому, кто хотел ее получить“, он употребляет whom неправильно, поскольку подлежащим к would receive является whosoever, хотя все подчиненное предложение служит дополнением к to; но whomsoever было бы употреблено правильно, если бы предложение имело следующий вид: (to) whomsoever it concerned. Ср. также He was angry with *whoever crossed his path* и у Кингсли: Be good, sweet maid, and let *who can* be clever. Раскин (Ruskin) пишет: I had been writing of what I knew nothing about: здесь what управляется предлогом about, в то время как о управляет всем подчиненным предложением, состоящим из слов what I knew nothing about.

If he comes I must go „Если он придет, я должен уйти“ (ср. in that case „в этом случае“).

As this is so, there is no harm done „Поскольку это так, не получилось никакого вреда“ (ср. accordingly „соответственно“).

Lend me your knife, *that I may cut this string* „Дай мне твой нож, чтобы я мог отрезать этот шпагат“ (ср. to cut it with „чтобы отрезать“).

Обратите особое внимание на первый пример, в котором предложение, вводимое *whoever*, не является ни подлежащим, ни прямым дополнением, как это было с предложениями, рассмотренными выше, а стоит в более свободном отношении к *it is true*.

Определение термина „подчиненное предложение“ (clause) требует некоторых замечаний по поводу обычной терминологии, в соответствии с которой такие предложения обозначаются терминами „зависимое“, „подчиненное“ предложение в противоположность „главным“ предложениям; соответствующие термины существуют и в других языках, например нем. Nebensatz „придаточное предложение“, Hauptsatz „главное предложение“. Но нет никакой необходимости в специальном термине для обозначения того, что обычно называется главным предложением. Следует прежде всего заметить, что главная мысль не всегда выражается в „главном предложении“: ср., например, *This was because he was ill* „Это было потому, что он был болен“. Мысль, выраженная „главным предложением“ в случае *It is true that he is very learned* „Это правда, что он очень ученый“, может быть передана простым наречием: *Certainly he is very learned* „Конечно, он очень ученый“. Но становится ли от этого мысль о его учености из подчиненной главной мыслью? Сравните также два выражения: *I tell you that he is mad* „Я говорю вам, что он сумасшедший“ и *He is mad, as I tell you* „Он сумасшедший, как я вам говорю“. Далее, если мы определим „главное предложение“ как остаток после отнятия подчиненных предложений, то получим самые курьезные результаты. Нужно признать, что в некоторых случаях подчиненные предложения можно опустить без заметного ущерба для значения, которое в какой-то степени является законченным само по себе: *I shall go to London (if I can)* „Я поеду в Лондон (если смогу)“, *(When he got back) he dined with his brother* „(Когда он вернулся) он пообедал со своим братом“. Но даже и здесь не представляется необходимым специальный термин для того, что остается после опущения таких элементов сочетания; в нем не было бы надобности, если бы тот же результат получился после опущения синонимических выражений, имеющих иную форму: *I shall go to London (in that case)* „Я поеду в Лондон (в этом случае)“ или *(After his return) he dined with his brother* „(После его возвращения) он пообедал со своим братом“. Если мы отнимем *where I was born* „где я родился“ от трех предложений, приведенных выше, то останется: (1) *I do not know* „Я не знаю“, (2) *This is the land* „Это страна“ и (3) *It is a custom* „Это обычай“. Однако рассматривать эти единицы как особую грамматическую категорию так же мало оснований, как нет оснований рассматривать с этой точки зрения и те части, какие получились в результате опущения выделенных ниже частей предложений: (1) *I do not know my birth-place*, (2) *This is my native land*, (3) *It is a custom at home*. Еще хуже, однако, когда часть, полученная в результате отсечения подчиненных предложений, вообще лишена смысла: *(Who steals my purse) steals trash*; и еще более абсурдно: *(What surprises me) is (that he should get*

angry). Можно ли в самом деле сказать, что словечко *is* содержит главную мысль? Грамматическое единство — это предложение в целом, включая все, что говорящий или пишущий использовал для выражения своей мысли; оно должно браться целиком; и тогда будет безразлично, чем выражено подлежащее или какой-либо другой член предложения — целым ли предложением (отчего ему дается название „подчиненное предложение“), одним словом либо группой слов другого типа.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Грамматическая терминология, предложенная здесь, согласно которой разделение на три ранга трактуется как отличное от разделения на существительные, прилагательные и наречия, во многих отношениях предпочтительнее, чем путаная и противоречивая терминология, которую мы находим во многих грамматических работах. В значении, соответствующем моим трем рангам, часто употребляются слова „субстантивный“, „адъективный“, „адвербиальный“ или говорится, что то или иное слово „употреблено адвербиально“ и т. п. (см., например, *New English Dictionary* о выражении *a sight too clever*). Некоторые откровенно называют *what* „что“, „какой“ или *several* „несколько“ в одном случае существительными, а в другом — прилагательными, хотя дают оба слова под заголовком „местоимение“ (*Wendt*). Фальк и Торп (*Falk & Torp*) норв. *sig* называют субстантивным возвратным местоимением, а *sin* — адъективным. возвратным местоимением, но последнее субстантивно в сочетании *hver tog sin, se tog jeg min*. Многие ученые говорят о „применном родительном“ (=адьюнкту) в противоположность „приглагольному родительному“ (*adverbial genitive*), однако последнее выражение некоторыми, хотя и не всеми, употребляется только в применении к родительному падежу при глаголе. В книге „*The King's English*“ для субьюнктных групп и подчиненных предложений употребляется термин „адвербиалии“, но я, кажется, никогда не встречал терминов „адъективалии“ и „субстантивалии“ в применении к адьюнктам и первичным словам. Моему термину „первичное прилагательное“ соответствуют следующие термины: субстантивное прилагательное, субстантивированное прилагательное, абсолютное прилагательное, прилагательное в абсолютном употреблении (но слово „абсолютный“ употребляется также и в совершенно иных значениях, например „абсолютный отложительный падеж“), квазисуществительное (ср. *New English Dictionary, the great*), свободное прилагательное (*Sweet, New English Grammar, § 178, о нем. die Gute*), прилагательное, частично превратившееся в существительное (там же, § 179, *о the good*), эквивалент существительного, Опионс (*Opius, An Advanced English Syntax, London, 1904, § 9*) употребляет последнее выражение: между прочим, он применяет термин „эквивалент прилагательного“ к „существительному в функции приложения“, например: *Simon Lee, the old huntsman* „Симон Ли, старый охотник“, или к существительному, или отглагольному существительному — компоненту сложного существительного, например: *cannon balls*. В сочетании *a lunatic asylum* „психиатрическая больница“, по его мнению, *lunatic* является существительным (и это правильно: ср. форму множественного числа *lunatics*), но это существительное он называет „эквивалентом прилагательного“; следовательно, он должен сказать, что в сочетании *sick room* „комната больного“ слово *sick* является прилагательным, которое представляет собой эквивалент существительного (§ 9.3), но этот эквивалент существительного должен в то же самое время быть эквивалентом прилагательного в соответствии с его рассуждениями в § 10.6!. Вот пример „упрощенной“ единообразной терминологии в серии Зонненшейна. Ср. „*Modern English Grammar*“, II, 12. 41. *London* в сочетании *the London papers* „лондонские газеты“ называют эквивалентом прилагательного, а *the poor* в самостоятельном употреблении — эквивалентом существительного; таким образом, в сочетании *the London poor* „лондонские бедные“ существительное должно быть эквивалентом прилагательного, а прилагательное — эквивалентом существительного. Некоторые говорят, что в сочетании *the top one* „верхний“ существительное сначала адъективировано, а затем субстантивировано, и что оба эти превращения связаны со словом *one*. Ср. „*Modern English Grammar*“, II, 10.86: по моей системе *top* всегда остается существительным, но здесь оно служит адьюнктом к первичному слову *one*. Моя терминология также значительно проще, чем терминология, например, грамматики Поутсмы, где мы находим такие обозначения, как „атрибутивный отыменный адьюнкт, состоящий из существительного или местоимения с предшествующим предлогом“, вместо моего

термина „предложные (групповые) адьюнкты“ (Поутсма употребляет слово *адьюнкты* в более широком значении, чем я).

Теперь мы можем по достоинству оценить то, что Суит высказал в 1876 г. („Collected Papers“, Oxford, 24): „Есть одно любопытное обстоятельство, которого до сих пор не замечали грамматисты и логики: определение существительного, строго говоря, относится только к именительному падежу. Косвенные падежи в действительности являются атрибутивными словами, а флексия, — в сущности, не что иное, как средство превращения существительного в прилагательное или наречие. Это совершенно ясно в отношении родительного падежа... Так же ясно, что *postem* в сочетании *flet postem* является чистым наречием времени“. Однако Суит не поместил в своей книге „Anglo-Saxon Grammar“ родительный падеж существительных в раздел прилагательных и, конечно, правильно сделал, поскольку то, что он говорит, — это только половина истины: косвенные падежи являются средствами превращения существительного, которое в именительном падеже представляет собой первичное слово, во вторичное слово (адьюнкт) или третичное слово, но существительное все же остается существительным. Есть определенное соответствие между тройным делением на существительное, прилагательное, наречие и тремя рангами; с течением времени очень часто адьюнктные формы существительного переходят в настоящие прилагательные, а субьюнктные формы — в наречия (предлоги и т. п.); однако это соответствие лишь частичное, а неполное. Классификация „по частям речи“ и классификация „по рангам“ отражают две различных точки зрения на одно и то же слово или одну и ту же форму: сначала их можно рассматривать с точки зрения того, что они представляют сами по себе, а затем с точки зрения их сочетания с другими словами.

Глава VIII

ЮНКЦИЯ И НЕКСУС

Адьюнкты. Нексус.

АДЬЮНКТЫ

Теперь мы переходим к рассмотрению функции адьюнктов: для какой цели адьюнкты присоединяются к первичным словам?

Следует различать несколько разрядов адьюнктов.

Самыми важными из них являются адьюнкты, которые можно было бы назвать *ограничительными*, или *квалификативными*: их функция состоит в ограничении первичного слова, т. е. в ограничении числа предметов, для обозначения которых оно может быть употреблено, иначе говоря, для

специализации и уточнения. Так, слово *красный* в сочетании *красная роза* ограничивает применение слова *роза* одним конкретным подразрядом; оно специализирует и определяет розу, о которой я говорю, исключая белые и желтые розы; таким же образом обстоит дело и в других случаях: *Наполеон Третий*, *новая книга*, *исландские крестьяне*, *бедная вдова* и т. п.

Если вспомнить, что такие примеры приводились выше в подтверждение тезиса о большей специализации существительных по сравнению с прилагательными, может возникнуть вопрос: нет ли противоречия между тем, что мы говорили выше, и тем, что мы утверждаем сейчас? Однако при более близком рассмотрении можно видеть, что вполне естественно, когда менее специальный термин употребляется для дальнейшего уточнения того, что уже само по себе является до некоторой степени специализированным: способ, каким достигается большая степень специализации, аналогичен способу, каким выходят на крышу здания при наличии лестниц: если одной лестницы недостаточно, берут самую высокую лестницу, которая имеется в распоряжении; к ней привязывают следующую по величине; если и этого оказывается недостаточно, добавляют третью по величине и т. п. Точно то же происходит и со словом *вдова*: когда оно не является достаточно специальным, добавляют слово *бедная*. И хотя оно менее специально, чем *вдова*, тем не менее, при его добавлении возникает возможность достичь более высокой степени специализации; если же и это оказывается недостаточным, добавляется субъюнкт *очень*, имеющий гораздо более общее значение, чем слово *бедная*. *Вдова* — по своему значению специально, *бедная вдова* — более специально, а *очень бедная вдова* — еще более специально; однако *очень* представляет собой менее специальное слово, чем *бедная*, а *бедная* менее специально, чем *вдова*.

Хотя имена собственные и специализированы в высшей степени, все же возможна их дальнейшая специализация с помощью адъюнктов. *Молодой Бернс* либо означает иное лицо, чем *старый Бернс*, либо, если говорящий (и слушатель) имеют в виду одно и то же лицо, специально подчеркивает его молодость (в этом случае оно выпадает из числа ограничительных адъюнктов; ср. ниже, стр. 126).

Среди ограничительных адъюнктов следует упомянуть некоторые, имеющие местоименный характер. Слова *this* и *that* в сочетании *this rose*, *that rose* отличаются от других адъюнктов тем, что они не являются ни в какой мере описательными: единственное их назначение — специализация, независимо от того, сопровождаются ли они указательным жестом или нет. То же относится и к так называемому определенному артиклю *the*, который правильнее было бы называть определяющим или выделяющим артиклем; он представляет собой наименее специальный из всех адъюнктов; и все же он специализирует больше, чем большинство других слов, в такой же мере, как англ. *this* или *that* (определенный артикль представляет собой фонетически ослабленную форму местоимения *that*). В сочетании *the rose* слово *rose* ограничивается одной определенной розой, которую я имею в виду в данный момент и которую должны иметь в виду и вы, или потому, что она была только что упомянута, или потому, что ситуация в целом указывает именно на эту розу. Ср. *Shut the door, please* „Прикройте, пожалуйста, (данную конкретную) дверь“. В то время как слово *king* „король“ само по себе может быть применено к сотням людей, *the king* является в такой же степени определенным, как и имя

собственное: если оно употреблено в середине рассказа или разговора о конкретном короле, тогда имеется в виду именно этот король; в остальных случаях будет подразумеваться „наш король“, нынешний король страны, в которой мы живем. Но ситуация может измениться, а тогда и определяющая роль артикля автоматически меняется. *The King is dead. Long live the King!* „Король умер. Да здравствует король!“ (Франц. *Le roi est mort. Vive le roi!*) В первом предложении упоминается один король, которого слушающие еще полагают живым, а во втором предложении подразумевается уже другое лицо — законный наследник первого. Точно так же обстоит дело в случаях типа *The Doctor said that the patient was likely to die soon* „Доктор сказал, что *пациент*, вероятно, скоро умрет“; аналогичны и примеры, приведенные Суитом („*New English Grammar*“, § 2031), в которых он усматривает „артикуль уникама“: *the Devil* „дьявол“ (почему он говорит, что *a devil* имеет другой смысл?), *the sun* „солнце“, *the moon* „луна“, *the earth* „земля“ и т. п. (аналогично: *Deutschbein, System der neuenglischen Syntax*, Cothen, 1917, 245). Действительно, нет никаких оснований выделять разряд „лиц и предметов, которые представляют собой уникамы“.

Но это не единственная функция определенного артикля. В таких случаях, как *the English King* „английский король“, *the King of England* „король Англии“, *the eldest boy* „старший мальчик“, *the boy who stole the apples* „мальчик, который украл яблоки“ и т. п., адъюнкты, выделенные курсивом, сами по себе достаточны для того, чтобы выполнять индивидуализирующую роль, и артикль, хотя его и требует установившееся употребление, может поэтому рассматриваться как логически излишний не только в английском, но и в других языках. Пожалуй, его можно было бы назвать артиклем дополнительного определения. Соотношение между *the King* и *the English King* аналогично соотношению между *he*, *they* в самостоятельном употреблении, когда их вполне достаточно для обозначения лица или лиц, на которые указывает ситуация (*He can afford it* „Он может позволить себе это“, *They can afford it* „Они могут позволить себе это“), и теми же самыми местоимениями, когда они определяются относительными предложениями (*He that is rich can afford it* „Тот, кто богат, может позволить себе это“, *They that are rich can afford it* „Те, кто богаты, могут позволить себе это“). Ср. также два случая употребления *the same*, с одной стороны, без сопровождающих слов, в значении „то же самое лицо или предмет, который был только что упомянут“; с другой — в сочетании с определительным предложением: *the same boy as (или that) stole the apples* „тот самый мальчик, который украл яблоки“. Однако, как отмечается в „Оксфордском словаре“, определенный артикль при слове *same* часто обозначает неопределенный предмет, например: *All the planets travel round the Sun in the same direction* „Все планеты вращаются вокруг Солнца в одном и том же направлении“; в этом смысле во французском языке употребляется неопределенный артикль (*deux mots qui signifient une tme chose* „два слова, которые обозначают один и тот же предмет“); англичане часто говорят *one and the same* „один и тот же“, где *one* „один“, так сказать, нейтрализует определенный артикль; так же обстоит дело и в других языках: лат. *unus et idem*, гр. *(ho) heis*

kai ho autos, нем. ein und derselbe, дат. een og samme (N.B.: без определенного артикля¹).

Адьонкт, представляющий собой родительный падеж или притяжательное местоимение, всегда ограничивает, хотя и не всегда в такой степени, как определенный артикль. My father „мой отец“ и John's head „голова Джона“ являются предельно определенными и индивидуализированными, поскольку у человека может быть только один отец и одна голова. Но что можно сказать о сочетаниях my brother „мой брат“ и John's hat „шляпа Джона“? У меня может быть несколько братьев, а Джон может обладать не одной шляпой, и все же в большинстве случаев эти выражения будут поняты как совершенно определенные. My brother arrived yesterday „Мой брат прибыл вчера“, Did you see my brother this morning? „Вы видели сегодня утром моего брата?“, John's hat blew off his head „У Джона слетела шляпа“ — в каждом случае ситуация и контекст покажут, который из моих братьев имеется в виду, а в последнем предложении подразумевается, конечно, конкретная шляпа, которую Джон надел в данном случае. Но такой степени определенности нет, если эти выражения употребляются в предикативе: когда представляют кого-нибудь и говорят This is my brother „Это мой брат“ или когда говорят This is not John's hat „Это не шляпа Джона“, то рассматриваемые слова могут иметь неопределенное значение: „один из моих братьев“ и „одна из шляп Джона“. В немецком языке препозитивный родительный падеж привносит значение определенности (Schillers Gedichte „стихотворения Шиллера“), но постпозитивный такого значения не привносит. Поэтому можно сказать einige Gedichte Schillers „некоторые стихотворения Шиллера“ и необходимо употребить определенный артикль (die Gedichte Schillers „стихотворения Шиллера“), если необходима та же степень определенности, что и при употреблении препозитивного родительного падежа. Артикль необходим и при употреблении предложной группы вместо родительного падежа: die Gedichte von Schiller „стихотворения Шиллера“; также и в других языках: the poems of Schiller, les poemes de Schiller, i poemi dello Schiller.

В некоторых языках можно употребить притяжательное местоимение с частично ограничительным значением. В средневерхненемецком можно было сказать ein son bruoder „один его брат“, а теперь говорят ein Bruder von ihm. В

¹ Здесь не место для подробного изложения часто причудливых случаев употребления определенного артикля, которое бывает различным в различных языках и даже в одном и том же языке в различные столетия. Иногда употребление артикля обуславливается чистой случайностью; например, англ. at bottom „на дне“ представляет собой более раннее at the (atte) bottom — здесь артикль исчез в результате общеизвестного фонетического процесса. Любопытные, хоть и не вполне убедительные, теории по поводу возникновения и распространения артикля во многих языках находим у Шютте (G. S c h ь t t e, Jysk og istdansk artikelbrug, Videnskabernes selskab, Copenhagen, 1922). Было бы интересно исследовать, какими способами выражают определенность языки, не имеющие определенного артикля. В финском языке, например, различие между именительным и партитивным падежами часто соответствует различию между определенным артиклем и неопределенным (или отсутствием артикля): Linnut (им. п.) ovat (мн. ч.) puusa „Птицы (находятся) на дереве“; Lintuja (партитивный) on (ед. ч.; так бывает всегда, когда подлежащее стоит в партитиве) puusa „На дереве есть птицы“ Ammuin linnut „Я застрелил птиц“, Ammuin lintuja „Я застрелил некоторых птиц“ (E l i o t, A Finnish Grammar, Oxford, 1890, стр. 131. 126). Партитивный падеж, однако, больше соответствует французскому „партитивному артиклю“, чем финский именительный падеж — английскому определенному артиклю.

итальянском языке притяжательные местоимения не являются определенными, откуда возможны *un mio amico; alcuni suoi amici; con due o tre amici suoi; Si comunicarono certe loro idee di gastronomia* (Сервао). Таким образом, для того, чтобы сделать выражение определенным, нужен артикль: *il mio amico*. Однако к этому правилу есть интересное исключение: артикль не употребляется при существительных, обозначающих близкое родство: *mio fratello* „мой брат“, *suo zio* „его дядя“. Если не ошибаюсь, это употребление началось с таких сочетаний, как *mio padre, mia madre*, где определенность является естественным следствием того, что у человека может быть только один отец и одна мать. Впоследствии такое употребление распространилось по аналогии на другие названия родства. Вполне естественно, что при форме множественного числа артикль нужен: *i miei fratelli*; с другой стороны, вполне естественно и то, что он не употребляется при предикативе: *questo libro* и *mio* „эта книга моя“. Во французском языке притяжательные местоимения являются определенными, что подтверждается их сочетанием с формами сравнительной степени, например *mon meilleur ami* „мой лучший друг“. Здесь местоимение играет такую же роль, как артикль в сочетании *le meilleur ami*¹. Другая форма употребляется в (устарелом) сочетании *un mien ami* = ит. *un mio amico*, теперь обычно *un de mes amis* (*un ami a moi*). В английском языке неопределенность притяжательного местоимения передается сочетанием с *of*: *a friend of mine* „мой друг“, *some friends of hers* „некоторые ее друзья“; ср. также *any friend of Brown's* „любой из друзей Брауна“; это сочетание употребляется также, чтобы избежать столкновения притяжательного местоимения (или родительного падежа) с каким-либо другим определяющим местоимением: *that noble heart of hers; this great America of yours* и т. п. Поскольку партитивное объяснение здесь исключается² эти конструкции можно назвать „псевдопартитивными“.

Теперь мы перейдем к *неограничительным адьюнктам*, например: *My dear little Ann!* „Дорогая Анна!“ Адьюнкты употреблены здесь не для того, чтобы выделить среди нескольких Анн ту Анну, о которой идет речь, а лишь для того, чтобы охарактеризовать ее; их можно назвать украшающими („*epitheta ornantia*“), или, с другой точки зрения, вставными (*parenthetic*) адьюнктами. Их употребление обычно носит характер эмоциональный или даже сентиментальный (впрочем, не всегда лестный для обозначаемого лица); ограничительные же адьюнкты всегда бывают чисто интеллектуальными. Первые очень часто употребляются с именами собственными: *Rare Ben Jonson, Beautiful Evelyn Hope is dead* (Browning); *poor hearty, honest, little Miss La Creevy* (Dickens); *dear dirty Dublin*; франц. *le bon Dieu*. В сочетании *this extremely sagacious little man* определительным адьюнктом является только *this*, остальные адьюнкты дают дополнительную характеристику человека; но в предложении *He is an extremely sagacious man* налицо ограничительный адьюнкт.

Иногда могут возникать сомнения относительно того, с каким адьюнктом мы имеем дело. *His first important poem* обычно означает „первое

¹ Ср., однако, партитивный артикль в предложении *J'ai eu de ses nouvelles*.

² Это единственное объяснение, признаваемое Зонненшейном (§ 184); он пишет: „В предложениях типа *He is a friend of John's* „Он друг Джона“ подразумевается существительное: *of John's* означает *of John's friends*, так что данное предложение оказывается эквивалентом предложения *He is one of John's friends* „Он один из друзей Джона“. Здесь *of* означает „из числа“. Но разве *a friend of John's friends* = *one of John's friends*?

среди его значительных стихотворений“ (после того, как он написал несколько незначительных стихотворений), но это словосочетание может иметь в виду также первое стихотворение, которое он вообще написал, и отмечать, что оно является значительным (это проявляется в устной речи в мелодике, а в письменной — постановкой запятой). The industrious Japanese will conquer in the long run „Трудолюбивые японцы в конце концов победят“: что это означает — или то, что японцы как нация победят, потому что они трудолюбивы, или то, что победят те из японцев, которые являются трудолюбивыми?

Хороший пример различия между двумя типами адьюнктов дает „французская грамматика“ Бернхарда Шмица (Bernhard Schmitz): Arabia Felix — это определенная часть Аравии; однако в известной эпиграмме об Австрии, которая расширяет свои границы с помощью браков, в то время как другие государства могут достигнуть этого только войной, говорится: Tu, felix Austria, nube. То же различие между препозитивным неограничительным и постпозитивным ограничительным адьюнктом отражается и в известных правилах французской грамматики: сочетание *ses pauvres parents* подразумевает всех родственников данного лица и имеет оттенок сострадания, в то время как *ses parents pauvres* имеет в виду только бедных родственников; однако это различие не проведено последовательно для всех прилагательных.

Различие между двумя типами адьюнктов важно в применении к относительным предложениям. В английском языке местоимения *who* и *which* могут употребляться в относительных предложениях обоих типов, а местоимение *that* или отсутствие местоимения возможно только в ограничительных предложениях: The soldiers that were brave ran forward „Те солдаты, которые отличались храбростью, побежали вперед“; The soldiers, who were brave ran forward „Солдаты, которые отличались храбростью, побежали вперед“; Every body I saw there worked very hard „Все, кого я там увидел, работали усердно“. Это различие можно сделать еще более очевидным, вставив слово *all* „все“: all the soldiers that were brave... „все солдаты, которые отличались храбростью...“; the soldiers, who were all of them brave... „солдаты, которые все отличались храбростью...“. Следует отметить, что существует также заметное различие в мелодике: неограничительное предложение начинается с более низкого тона, чем ограничительное; кроме того, пауза допустима перед неограничительным предложением, но едва ли возможна перед ограничительным; ср. употребление запятой. В датском языке это различие проявляется в артикле, который стоит при определяемом существительном: (Alle) die soldater som var modige lshb frem „(Все) те солдаты, которые отличались храбростью, побежали вперед“; Soldaterne som (alle) var modige, lshb frem „Солдаты, которые (все) отличались храбростью, побежали вперед“. Но этот критерий применим не всегда; если при определяемом есть другой адьюнкт, то единственное различие будет заключаться в том, что на препозитивный артикль будет падать ударение: 'de franske soldater som... „*те* французские солдаты, которые...“; de 'franske soldater, som... „французские солдаты, которые...“ Так называемое распространяющее (continuative) относительное предложение, конечно, не является ограничительным: He gave the letter to the clerk, who then copied it „Он передал письмо клерку, который затем переписал его“; дат. Han gav brevet til kontoristen, som se skrev det av (но:

...to the clerk who was to copy it „...клерку, который должен был переписать его“; дат. ...til den kontorist som skulde skrive det av).

Следующие примеры являются дополнительной иллюстрацией двух типов относительных предложений — адьюнктов: There were few passengers that escaped without serious injuries; There were few passengers, who escaped without serious injuries; They divide women into two classes: those they want to kiss, and those they want to kick, who are those they don't want to kiss.

Разграничение между ограничительными и неограничительными адьюнктами (и те и другие являются в известном смысле определителями) не затрагивает количественных адьюнктов, таких, как many, much, some, few, little, more, less, no, one, и других числительных. Всякий раз, когда они встречаются с прилагательными в качестве адьюнктов к одному и тому же первичному слову, они всегда занимают первое место: many small boys „много маленьких мальчиков“, much good wine „много хорошего вина“, two young girls „две молодые девушки“. Существует любопытное соотношение между такими квантификаторами (quantifiers), с одной стороны, и сочетаниями существительных, обозначающих число или количество, с группой „of + существительное“, с другой стороны (а в языках с более сложной системой форм — партитивный родительный падеж или партитивный падеж): слово hundred — „сто“ первоначально было существительным и до настоящего времени трактуется как существительное во множественном числе: hundreds of soldiers „сотни солдат“, но в единственном числе, несмотря на предшествующее one, или a оно трактуется как другие числительные: a hundred soldiers „сто солдат“; также three hundred soldiers „триста солдат“; ср. dozens of bottles „дюжины бутылок“, a dozen bottles „дюжина бутылок“. В английском языке мы находим a couple of days, a pair of lovers, а в немецком — ein paar Tage и в датском — et par dage; даже die paar Tage, de par dage, точно так же, как die zwei Tage, de to dage. Английским сочетаниям much wine, many bottles, no friends соответствуют франц. beaucoup de vin, beaucoup de bouteilles, pas d'amis; английскому же a pound of meat, a bottle of wine — нем. ein Pfund Fleisch, eine Flasche Wein, дат. et pund kshd, en flaske vin и т.п.

Везде, где развивается неопределенный артикль, он всегда представляет собой неэмфатическую форму числительного one „один“: uno, un, ein, en, an (a); кит. *i* есть слабая форма от *yit* (русск. *один* часто употребляется как неопределенный артикль). В английском языке *a* обнаруживает иногда свойства числительного, например: four at a time „четыре за (один) раз“, birds of a feather „птицы одного и того же оперения“. В некоторых случаях полные и ослабленные формы являются синонимичными, например: one Mr. Brown = a Mr. Brown „некий мистер Браун“; можно сказать также a certain Mr. Brown. Такое употребление слова certain „определенный“ напоминает о том, что в тех случаях, когда употребляется „неопределенный“ артикль, в действительности подразумевается нечто вполне определенное. Поэтому „неопределенный“ артикль в грамматическом смысле по существу означает „то, что (еще) не будет названо“, например, в начале рассказа: In a certain town there once lived a tailor who had a young daughter „В некоем городе жил-был портной, у которого была молоденькая дочка“; продолжая рассказ, мы со словом tailor употребим определенный артикль: The tailor was known in that town under the name of и т. д.

„Портной был известен в этом городе под таким-то именем“. (Относительно „обобщающего“ употребления неопределенного артикля см. стр. 171 и гл. XV.)

Так как неопределенный артикль представляет собой ослабленное числительное, он не употребляется с „неисчисляемыми“ существительными (названиями массы, mass-words, гл. XIV). Поскольку one „один“, а следовательно, a(n), не имеет формы множественного числа, постольку во множественном числе не бывает и неопределенного артикля, если не причислять сюда своеобразное испанское unos. Однако некое подобие неопределенного артикля развилось своеобразным путем во французском языке для употребления с названиями массы и с формами множественного числа — это „разделительный (партитивный) артикль“: du vin, de l'or, des amis. Первоначально это были, конечно, предложные группы, но теперь здесь едва ли ощущается предлог; во всяком случае, он может употребляться после другого предлога: avec du vin; j'en ai parlé a des amis. Теперь это такой же адьюнкт, как любое числительное или как синонимичное quelque(s) или англ. some.

НЕКСУС

Теперь мы переходим к тому, что выше (стр. 108) было обозначено термином „нексус“. Мы приводили при этом пример: The dog barks furiously „Собака лает яростно“ в противоположность юнкции a furiously barking dog „яростно лающая собака“. Третичное слово furiously „яростно“ является одним и тем же словом в обоих сочетаниях, следовательно, его можно не рассматривать. Соотношение между The dog barks „Собака лает“ и a barking dog „лающая собака“, очевидно, сходно с соотношением между the rose is red „роза красная“ и a red rose „красная роза“. В случаях The dog barks и The rose is red налицо законченное значение, законченные предложения, в которых the dog и the rose принято называть подлежащими, а barks и is red — сказуемыми; сочетание же в целом называют предикацией. Но в чем состоит различие между этими и другими сочетаниями?

Пауль полагает, что адьюнкт представляет собой ослабленное сказуемое (ein degradiertes Prädikat, см. „Prinzipien der Sprachgeschichte“, Halle, 1909, стр. 140 и сл.); подобным же образом Шеффилд (Sheffield) заявляет, что адьюнкт „подразумевают скрытую связку“ (a latent copula, „Grammar and Thinking“, New York, 1912, 56). Это значит, что сочетание a red rose равно сочетанию a rose which is red или произошло из него, а потому red всегда будет своего рода предикативом. Не следует забывать, что таким образом в сочетании незаметно протаскивается относительное местоимение, и оно превращает все словосочетание в адьюнкт (атрибут, эпитет). Barking вовсе не является ослабленным barks, хотя a barking dog — это a dog who barks. Пеано (Peano) более прав, когда он говорит, что относительное местоимение и связка представляют собой положительное и отрицательное добавление одного и того же количества и что они взаимно погашаются (англ. which = — is, или — which = + is), и таким образом, which is = 0.

По мнению Пауля, юнкция (Attributivverhältnis) развилась из предикативных отношений, а поэтому в конечном счете — из предложения. Однако Суит ничего не говорит о приоритете этих двух сочетаний, когда

заявляет, что „ассумпция“ (т.е. „юнкция“) — это подразумеваемая или потенциальная предикация, а предикация — своего рода усиленная или развернутая „ассумпция“; „New English Grammar“, § 44. Однако такой подход к вопросу ни к чему не приводит.

Вундт (Wundt) и Зюттерлин (Sütterlin) разграничивают оба типа сочетаний как открытые и закрытые сочетания (*offene und geschlossene Wortverbindungen*). Было бы, пожалуй, правильнее сказать, что одно сочетание является незаконченным и заставляет ожидать продолжения (*a red rose* — „Ну и что с этой розой?“), а другое вполне закончено и образует связное целое (*The rose is red*). Первое сочетание — безжизненное и застывшее, а второе — живое. Последнее свойство приписывается обычно наличию предикативной формы глагола (*The rose is red; The dog barks*), и, конечно, в названии глагола в китайских грамматиках („живое слово“) (в противоположность существительному, которое лишено жизни) есть большая доля истины. И все же не столько сами слова, сколько их сочетания либо содержат жизнь, либо лишены ее; как мы скоро увидим, бывают сочетания без предикативной формы глагола, которые во всех отношениях могут быть поставлены в один ряд с сочетаниями типа *The rose is red, The dog barks*. Такие сочетания образуют предложения, т. е. законченные сообщения, а это, конечно, очень важно — даже с точки зрения грамматиста. Но совершенно то же соотношение, которое обнаруживается между первичным и вторичным словом в подобного рода законченных предложениях, мы находим также в огромном числе других сочетаний, не настолько законченных и завершенных, чтобы образовать настоящие предложения. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть обычные подчиненные предложения: ср. (*I see*) *that the rose is red* „(Я вижу), что роза красная“, (*She is alarmed*) *when the dog barks* „(Она тревожится), когда лает собака“. Далее: соотношение между последними двумя словами в сочетании *He painted the door red* „Он окрасил дверь в красный цвет“ явно аналогично соотношению, существующему в сочетании *The door is red* „Дверь красная“ и отлично от соотношения в сочетании *the red door* „красная дверь“; по существу, в том же самом отношении друг с другом находятся и понятия „доктор“ и „прибывать“ в следующих четырех сочетаниях: 1) *The Doctor arrived* „Доктор прибыл“; 2) *I saw that the Doctor arrived* „Я видел, что доктор прибыл“; 3) *I saw the Doctor arrive* „Я видел, как прибывал доктор“; 4) *I saw the Doctor's arrival* „Я видел прибытие доктора“. Все эти сочетания и некоторые другие, которые будут рассмотрены в следующей главе, объединяет то, что я называю нексусом. Теперь я постараюсь определить различие, существующее между нексусом и юнкцией. Прошу читателя помнить, что, с одной стороны, наличие предикативной формы глагола для нексуса является необязательным, а с другой стороны, нексус не всегда представляет собой законченное предложение.

В юнкциях вторичный элемент (адьюнкт) присоединяется к первичному слову в качестве этикетки, или различительного знака: дом характеризуется или как *соседний дом* или как *дом доктора*.

Адьюнкт и первичное слово вместе взятые образуют одно обозначение, сложное название для предмета, который, вообще говоря, можно было бы обозначить простым названием. И действительно, вместо *новорожденная собака* мы часто говорим *щенок*, а вместо *глупый человек* можно сказать *дурак*, ср. также сложные наименования *a female horse, the warm season, an unnaturally*

small person, an offensive smell с соответствующими простыми наименованиями: a mare, the summer, a dwarf, a stench и т. п. То, что в одном языке выражается одним словом, в другом часто приходится передавать сочетанием первичного слова с адьюнктом: англ. claret „красное вино“, франц. vin rouge; с другой стороны — франц. patrie „родина“, англ. native country. Таким образом, юнкция — это единство или единое понятие, выраженное более или менее случайно посредством двух элементов¹.

Нексус, напротив, всегда содержит два понятия, которые обязательно должны оставаться раздельными: вторичное слово присоединяет нечто новое к тому, что уже было названо. Юнкция — это нечто застывшее и неподвижное, а нексус — нечто гибкое, или как бы более живое и расчлененное. Сравнения, конечно, всегда в какой-то степени неадекватны, однако все это трудно выразить строго логическим и научным способом; поэтому я позволю себе сказать, что адьюнкт присоединяется к первичному слову точно так же, как нос и уши прикрепляются к голове, а присоединение аднекса аналогично присоединению головы к туловищу или двери к стене. Юнкция подобна картине, а нексус — процессу или драме. Различие между сложным наименованием для одного и того же понятия и соединением одного понятия с другим можно легко увидеть из сопоставления двух предложений: The blue dress is the oldest „Голубое платье самое старое“ и The oldest dress is blue „Самое старое платье голубое“. Новое, сообщаемое о платье, в первом случае состоит в том, что оно самое старое, а во втором — в том, что оно голубое; ср. также A dancing woman charms „Танцующая женщина очаровывает“ и A charming woman dances „Очаровательная женщина танцует“.

Теперь рассмотрим несколько подробнее различные грамматические сочетания, которые характеризуются как нексус. Некоторые из них хорошо известны грамматистам, но сопоставление их с этой точки зрения, насколько мне известно, является новым.

Глава IX

РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ НЕКСУСА

Предикативная форма глагола. Инфинитивный нексус. Нексус без глагола. Нексус-дополнение и т. п. Нексус-субьюнкт. Нексус отклонения. Заключение. Связка. Предикатив.

ПРЕДИКАТИВНАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА

Стремясь дать классификацию различных типов нексуса, мы прежде всего должны упомянуть те три типа, которые содержат предикативную форму глагола: во-первых, обычные законченные предложения, например: The dog barks „Собака лает“, The rose is red „Роза красная“; во-вторых, те же самые

¹ Подобным же образом сочетание вторичного слова с третичным иногда обозначает то, что можно передать одним вторичным словом: *очень маленький* = *крошечный*, *чрезвычайно большой* = *огромный*, *плохо пахнем* = *воняет*.

сочетания в составе придаточных предложений, выступающие уже как часть предложения: *She is afraid when the dog barks* „Она боится, когда собака лает“, *I see that the rose is red* „Я вижу, что роза красная“, в-третьих, очень интересное явление, представленное следующим случаем: *Arhtur whom they say is kill'd to-night* „Артур, про которого говорят, что он был убит сегодня вечером“ (Шекспир, Король Иоанн, IV, 2, 165). Нексус *whom is kill'd* служит дополнением к *they say*; отсюда употребление винительного падежа *whom*. В приложении я приведу другие примеры для этой конструкции, а равно и мои доводы в пользу формы *whom*, которая рассматривается обычно как грубая ошибка.

ИНФИНИТИВНЫЙ НЕКСУС

Теперь рассмотрим ряд конструкций, содержащих инфинитив. Винительный с инфинитивом. Примеры: *I heard her sing* „Я слышал, что она поет“, *I made her sing* „Я заставил ее петь“, *I caused her to sing* „Я вынудил ее петь“ (в некоторых сочетаниях — с частицей *to*, в других — без нее). Подобным же образом обстоит дело и в других языках. Суит (§ 124) отмечает различие между предложениями *I like quiet boys* „Я люблю спокойных мальчиков“ и *I like boys to be quiet* „Я люблю, когда мальчики спокойны“; последнее предложение не предполагает ни малейшей приязни по отношению к мальчику, как первое предложение; однако Суит не видит действительной причины этого различия; по его мнению, „*I like* грамматически управляет только слевом *boys*, а *to be quiet* является лишь грамматическим адьюнктом к *boys*“. Более правильным было бы сказать, что дополнением является не одно слово *boys*, а весь нексус, состоящий из первичного слова *boys* и инфинитива; точно так же дополнением было бы все придаточное предложение, а не только его подлежащее, если бы мы изложили эту мысль следующим образом: *I like that boys are quiet* „Я люблю, когда мальчики спокойны“. (Эта конструкция с глаголом *like* встречается редко, хотя Оксфордский словарь и приводит соответствующий пример из Скотта; с другими же глаголами, которые также сочетаются с „винительным с инфинитивом“, например с глаголами *see* „видеть“, *believe* „думать, полагать“, она общеупотребительна.) Зонненшейн (§ 487) в этой связи говорит о „двух прямых дополнениях“ и приводит соответствующие предложения наравне с предложением *He asked me a question* „Он задал мне вопрос“, однако такое сопоставление необоснованно, поскольку без изменения значения можно сказать *He asked a question* „Он задал вопрос“, в то время как предложение *I like to be quiet* „Я люблю быть спокойным“ совершенно отличается от предложения со словом *boys*. Отношение между словом *boys* и инфинитивом совершенно иное, чем отношение между словами *te* и *a question*, но оно совершенно такое же, как отношение между членами любого другого нексуса, например между подлежащим и сказуемым законченного предложения.

Та же конструкция часто встречается в английском языке, когда нексус является дополнением не к глаголу, а к предлогу, или, вернее, к выражению, состоящему из глагола и предлога, которое часто бывает синонимично простому глаголу (*look on = consider* „рассматривать“, *prevail on = induce*

„побудить“ и т. п.). Примеры: I looked upon *myself to be fully settled* „Я считал себя совершенно устроенным“ (Свифт); She can hardly prevail upon *him to eat* „Она едва может убедить его поесть“; You may count on *him to come* „Вы можете рассчитывать на то, что он придет“.

Предложение I long for you to come „Я желаю, чтобы вы пришли“ можно проанализировать таким же образом, но подобный анализ не применим к некоторым другим сочетаниям for с инфинитивом, развившимся в современном английском языке. Первоначально предложение It is good for a man not to touch a woman расчленилось следующим образом: It is good for a man — not to touch a woman; однако позже оно было переосмыслено как It is good — for a man not to touch a woman, где for a man было понято как более тесно связанное с инфинитивом. Это создало возможность помещать for и слово, которым оно управляет, на первом месте: For a man to tell how human life began is hard (Мильтон); For you to call would be the best thing, и употреблять than: Nothing was more frequent than for a bailiff to seize Jack (Свифт); Nothing could be better than for you to call: for и его дополнение являются здесь не чем иным, как первичным компонентом (подлежащим) нексуса, вторичным компонентом которого является инфинитив; сочетания типа It might seem disrespectful to his memory for me to be on good terms with [his enemy] (Miss Austen) показывают, как далеко отошла эта конструкция от своего первоначального употребления. Ведь to his memory выполняет здесь ту же функцию, какую первоначально выполняло предложное сочетание с for. (См. мою статью по поводу этого сдвига в „Festschrift W. Vitor“, „Die neueren Sprachen“, 1910.)

Эти явления английского языка находят близкое соответствие в старославянском языке, где дательный с инфинитивом часто встречается в тех случаях, когда греческий и латинский языки употребили бы винительный с инфинитивом; см. Miklosich, Synt., 619; Vondrbk, Vergleichende slavische Grammatik, Göttingen, 1906, 2, 366, а особенно C. W. Smith в Opuscula philol. ad I. N. Madvigium, 1876, 21 и сл. Из таких предложений, как ст.-слав. *добро есть намъ съде быти* „Хорошо нам быть здесь“, где инфинитив первоначально соотносился с „хорошо“, впоследствии получились и такие предложения, как *не добро есть многомъ богомъ быти* „Нехорошо иметь много богов“; эта конструкция употребляется также с глаголами, которые не могут обычно сочетаться с дательным падежом. В древних германских языках существовала аналогичная конструкция, почему Grimm и другие говорят о дательном с инфинитивом в готском языке: Jah wario юairhgaggan imma юairh atisk „И случилось ему пройти через поле“ (Марк, II, 23); сходные примеры есть в других германских языках. Однако эти случаи можно рассматривать лишь как первые неудавшиеся попытки по сравнению с тем развитием, которое оказалось таким плодотворным в славянских языках (см. интересное рассмотрение этого вопроса у Morgan Callaway, The Infinitive in Anglo-Saxon, Washington, 1913, стр. 127, 248 и сл., где цитируются авторы, писавшие ранее по этому вопросу).

Мы видели, что первичное слово, которое является фактически подлежащим инфинитива, может стоять в винительном и в дательном падежах и с предлогом for; но в некоторых языках оно может иметь и форму именительного падежа. В среднеанглийском языке общий падеж существительных, представляющий собой в равной степени более ранние

именительный и винительный, употреблялся в сочетаниях типа *Lo! swich it is a millere to be fals* (Чосер); *And verelye one man to lyue in pleasure, whyles all other wepe...* that is the parte of a iayer (Моп). У местоимений мы находим именительный падеж: *Thow to lye by our moder is to muche shame for vs to suffre* (Мэлори). В испанском языке находим именительный: *Es causa bastante Para tener hambre yo?* „Достаточная ли это причина, чтобы я был голодным?“; *Qui importarб, si estб muerto Mi honor, el quedar yo vivo!* „Какое значение имеет то, что я остался жив, если моя честь умерла?“

(Оба предложения из Кальдерона, „Сал. альк.“, 1.308 и 2. 840.) Подобным же образом обстоит дело и в итальянском, а также в португальском языке с *eu* „я“¹. Ит. *prima di narrarci il poeta la favola*, в котором инфинитив имеет как подлежащее, так и два дополнения, очень напоминает придаточное предложение („перед тем, как поэт расскажет нам рассказ“). От последнего оно отличается лишь отсутствием предикативной формы глагола. Подобные явления, как указывает Штейнталь, существуют и в арабском языке (Steinthal, *Charakteristik*, 267). Вот как он переводит один из примеров: „Сообщено-мне умерщвление (им. п.) Махмуд (им. п.) его-брата“, т. е. „что Махмуд убил своего брата“.

Следующие примеры показывают, что именительный падеж имеет еще одну возможность быть смысловым подлежащим к инфинитиву. Если дополнение к *he believes* в предложении *He believes me to be guilty* „Он считает, что я виновен“ представляет собой нексус, состоящий из четырех последних слов, необходимо признать, что и в пассивной конструкции *I am believed to be guilty* „Полагают, что я виновен“ подлежащим является не *I*, а нексус *I to be guilty*, хотя эти слова и не расположены рядом, а лицо глагола определяется лишь первым словом. То, что „полагается“ (*am believed*) — это моя вина. Аналогичное положение находим в *He is said (expected, supposed) to come at five* „Ожидается его прибытие в пять часов“, *I am made (caused) to work hard* „То, чего хотят добиться, есть не «я», а «моя работа»“; соответственно и в других языках².

Те же соображения остаются в силе и для активных конструкций, таких, как англ. *He seems to work hard* „Он, кажется, работает усердно“, нем. *Er scheint hart zu arbeiten*, франц. *Il semble (paraot) travailler durement* (в датском языке употребляется пассивная форма, как и в приведенных выше предложениях: *Han synes at arbejde herdt*): подлинным подлежащим во всех этих предложениях является выделенный нексус³. Этот анализ нужно последовательно перенести

¹ Для форм 2-го лица единственного числа и для множественного числа португальский язык выработал другой способ обозначения смыслового подлежащего инфинитива, а именно — „флективный инфинитив“: *ter-es* (=англ. for thee to have), мн. ч. *ter-mos, ter-des, ter-em* (D i e z, *Gramm.*, 2.187, 3. 220; некоторые считают, что эти формы с исторической точки зрения следует объяснять не как результат того, что инфинитив по аналогии приобрел личные окончания, а непосредственно из личных форм; однако такое объяснение не меняет существа данных форм с точки зрения их современного употребления).

² Зонненшейн (§ 301) говорит, что в предложении *He is believed by me to be guilty* инфинитив *to be* является „сохраненным дополнением“, как винительный падеж в предложении *He was awarded the prize* (пассивная форма от *They awarded him the prize*). Но это сопоставление совсем не убедительно.

³ Трудно сказать, применил ли бы Зонненшейн (указ. соч.) термин „сохраненное дополнение“ к инфинитиву в предложении *He seems to be guilty*.

на случаи типа англ. *He is sure (likely) to come; She happened to look up* и т.п., хотя такие конструкции восходят к более старым, в которых слово, стоящее сейчас в именительном падеже, ставилось в дательном падеже.

Все инфинитивные конструкции, рассмотренные до сих пор, представляют собой первичные компоненты главного предложения; теперь мы перейдем к тем редким случаям, когда аналогичные конструкции функционируют в качестве субъюнкта: ср., например, *The caul was put up in a raffle to fifty members at half-a-crown a head, the winner to spend five shillings* (Диккенс); *We divided it: he to speak to the Spaniards and I to the English* (Дефо). Инфинитив имеет здесь то же значение чего-либо предстоящего или предуказанного, как в предложении *He is to spend* „Ему предстоит потратить“; можно сказать, что нексус в целом употребляется вместо громоздкого сочетания *the winner being to spend*; оно будет рассмотрено ниже.

Еще один вид нексуса обнаруживается, как уже отмечалось. (см. стр. 131), в конструкциях типа *I heard of the Doctor's arrival* „Я слышал о прибытии доктора“. Но для рассмотрения таких отглагольных существительных потребуется специальная глава (см. гл. X). Здесь же следует лишь упомянуть, что сходство между такими конструкциями и предложениями типа *The Doctor arrived* „Доктор прибыл“ отмечается традиционным термином „субъектный родительный падеж“ в противоположность „притяжательному родительному падежу“ (*the Doctor's house* „дом доктора“, *the Doctor's father* „отец доктора“).

НЕКСУС БЕЗ ГЛАГОЛА

Наконец, есть ряд нексусов, которые не содержат ни предикативной формы глагола, ни инфинитива, ни отглагольного существительного.

Здесь мы прежде всего находим так называемые именные предложения, состоящие из подлежащего и предикатива, выраженного либо существительным, либо прилагательным. Эти предложения чрезвычайно распространены в языках, которые не развили „связку“, т. е. глагол со значением „быть“; они имеются и в языках, где есть „связка“, но где она не употребляется так широко, как, например, в английском языке. Среди последних мы находим ряд древнейших языков нашей семьи, например греческий: см. особенно Meillet, *La phrase nominale en indo-européen*, „Mmoires de la Sociйтй de Linguistique“, 14, 1906, стр. 1 и сл. В русском языке такая конструкция является обычной: *Я болен, Он солдат*; в английском в этих случаях употребляется настоящее время глагола *be*: *I am ill, He is a soldier*. В русском языке наблюдается различие в форме прилагательного в зависимости от того, как оно употребляется: или как предикатив или как адъюнкт: ср., например, *дом нов* (= англ. *the house is new*), *дом новый* (= англ. *a new house, the new house*). Однако глагол „быть“ употребляется в других временах, а также в предложениях, в которых идет речь о существовании предмета.

Обычно говорится, что такие „именные“ предложения уже не встречаются в западноевропейских языках, но в действительности существует одна форма, в которой они употребляются необычайно широко. Под влиянием сильного чувства наблюдается тенденция начинать с предикатива, а затем присоединять к нему подлежащее в качестве своего рода дополнительной

мысли, но без глагола „быть“. Таким образом, получаются предложения, которые во всех отношениях аналогичны гр. *Ouk agathon polukoiranie* „Не хорошее дело многовластие“, англ. *Nice goings on, those in the Balkans!*; *Quite serious all this, though it reads like a joks* (Паскин); *Amazing the things that Russians will gather together and keep* (Уолпол); *What a beastly and pitiful wretch that* Wordsworth (Шелли; такие конструкции с *that* встречаются довольно часто¹); франц. *Charmante, la petite Pauline!*; дат. *Et skrækkeligt bæst, den Christensen!*; *Godt det samme!*

Эта конструкция очень часто встречается со словами, имеющими значение „счастливый“: гр. *Trismakares Danaoi kai tetrakis, hoi tot' olonto Troiēi en eureiēi* „О! Троекратно, стократно счастливы данаи, в пространной Трое нашедшие смерть“ (пер. Жуковского, „Одиссея“, 5. 306); лат. *Felix qui potuit rerum cognoscere causas* (Вергилий); *Beati possidentes*; англ. *Happy the man, whose wish and care A few paternal acres bound* (Поп); *Thrice blest whose lives are faithful prayers* (Теннисон); дат. *Lykkelig den, hvis lykke folk foragter!* (Пердам); ср. также гот. *Nails iudans Iudaie* (Иоанн, XIX. 3); др.-исл. *Heill þū nū Vafþrūþner; All haile Macbeth!*² Существует и другая распространенная форма: *Now I am in Arden, the more fool I!* (Шекспир).

Очень часто подлежащее, стоящее после предикатива, представляет собой инфинитив или целое предложение: гр. *Argaleon, basileia, diēnekeōs agoreusai* „Трудно, царица, мне будет тебе рассказать подробно...“ („Одиссея“, 7.241); англ. *Needless to say, his case is irrefutable*; франц. *Inutile d'insister davantage*; англ. *What a pity that he should die so young*; нем. *Wie schade daß er so früh sterben sollte*; франц. *Quel dommage qu'il soit mort si tôt*; дат. *Skade at han døde så ung*; англ. *Small wonder that we all loved him exceedingly*; *How true, that there is nothing dead in this Universe* (Карлейль); *True, she had not dared to stick to them*.

В специфически французской форме находим *que* перед подлежащим: *Singulier homme qu' Aristote!* „Своеобразный человек Аристотель!“; *Mauvais prîttexte que tout cela!* „Слабая отговорка все это“.

Я привел все эти примеры, потому что грамматисты обычно не уделяют этой конструкции должного внимания. Вряд ли было бы уместным говорить здесь об эллипсисе глагола „быть“; если в подобные предложения включить глагол, это только ослабит степень их идиоматичности; однако в предложениях с подлежащим на первом месте глагол действительно требуется.

Соответствующие конструкции без глагола встречаются и в придаточных предложениях: русск. *Говорят, что он болен*; англ. *However great the loss, he is always happy*; *The greater his losses, the more will he sing*; *His patrimony was so small that no wonder he worked now and then for a living wage* (Локк).

¹ Следует ли поместить сюда *Witness the way in which he behaved*, если считать *witness* существительным? *Witness*, пожалуй, можно принять и за глагол в сослагательном наклонении.

² *Nail* в этой конструкции первоначально было прилагательным, но позже оно было понято как существительное, откуда и добавление *to*: *Nail to thee, thane of Cawdor!*

НЕКСУС-ДОПОЛНЕНИЕ И Т. П.

Нексус-дополнение встречается часто: I found *the cage empty* „Я нашел клетку пустой“, это предложение легко отличить от предложения I found *the empty cage* „Я нашел пустую клетку“, где empty „пустую“ является адьюнктом. Принято считать, что *the cage* является дополнением, а *empty* употреблено как предикатив к дополнению, но правильнее рассматривать все сочетание *the cage empty* как дополнение. (Ср. I found that the cage was empty и I found the cage to be empty.) Это ясно видно в предложениях типа I found her gone „Я обнаружил, что она ушла“ (таким образом, *не* обнаружил ее!); ср. также контраст между предложением I found Fanny not at home „Я нашел, что Фанни нет дома“, где отрицание относится к подчиненному нексусу, и предложением I did not find Fanny at home „Я не нашел Фанни дома“, в котором отрицание принадлежит глаголу.

Другие примеры: They made him President (*him President* является результативным дополнением): He made (rendered) her unhappy; Does that prove me wrong?; He gets things done; She had something the matter with her spine; What makes you in such a hurry? She only wishes the dinner at an end. Предикативной частью нексуса может быть любое слово или любая группа слов, которые могут являться предикативом при глаголе to be.

Интереснее всего здесь то, что в таких случаях глагол может принимать нексусные дополнения, в корне отличные от его обычных дополнений: He drank himself drunk; The gentleman had drunk *himself out of his five senses* (Шекспир; he drank himself — бессмысленно); кроме того, глаголы вообще непереходные могут иметь нексусное результативное дополнение: He slept *himself sober*; A lover's eyes will gaze *an eagle blind* (Шекспир); Lily was nearly screaming *herself into a fit*.

Сходные явления встречаются и в других языках: дат. De drak Jeppe fuld; De drak Jeppe under bordet; др.-исл. юeir bipja hana grbta Baldr yr helju. Пауль („Prinzipien“, 154) упоминает сочетания типа die Augen rot weinen; die FьЯie wund laufen; Er schwatzt das Blaue vom Himmel herunter; Denke dich in meine Lage hinein; однако его замечания не дают ясного представления о том, как он понимает это „свободное употребление винительного падежа“. В финском языке в таких случаях употребляется своеобразный падеж, носящий название „транслатива“: Diti makasi lapsensa kuoliaaksi „Мать заспала своего ребенка“ (т. е. раздавила его во время сна); Ндп joi itsensд siaksi „Он «допил себя до свиньи»“, т. е. напился по-свински; примеры взяты из Eliot, A Finnish Grammar, Oxford, 1890, 128; другие примеры см. у Setдld, Finska sprekets satsldra, § 29.

При близкой аналогии между винительным падежом с инфинитивом и нексусом-дополнением понятно, почему иногда в одном и том же предложении глагол сочетается с обеими конструкциями: A winning frankness of manner which made most people fond of her, and pity her (Теккерей); A crowd round me only made me proud, and try to draw as well as I could (Раскин); He felt himself dishonored, and his son to be an evil in the tribe (Wister).

В пассивных конструкциях, соответствующих предложениям с нексусом-дополнением, мы должны соответственно (как и в инфинитивных

конструкциях; см. выше, стр. 135) рассматривать как (смысловое) подлежащее весь некус: так, например, в предложении *He was made President* „Он был избран президентом“ подлежащим будет *he... President*, хотя, конечно, лицо глагола находится в зависимости лишь от одной первичной части некуса (ср. *I am made President*). В датском языке встречаются конструкции вроде *Han blev drukket under bordet; Pakken ønskes (bedes) bragt til mit kontor* (последнее приблизительно соответствует англ. *the parcel is wished [asked] brought to my office*); ср. др.-исл. *at biðja, at Baldr væri grátinn ór Helju* (to ask that Baldr should be wept out of Hades).

Аналогичные конструкции встречаются иногда с глаголами в действительном залоге, например в греческом языке: *Allous men pantas elanthane dakrua leibōn* — букв. „От остальных всех он скрывался слезы проливающий“ („Одиссея“, 8.532); *hōs de epausato lalōn* „когда же перестал говорить“ (Лука, V.4; английский перевод — *when he had left off speaking* — только по видимости соответствует греческому тексту, так как *speaking* — отглагольное существительное в функции дополнения к *left*, а не причастие в именительном падеже, как *lalōn*)¹.

Некус может быть дополнением к предлогу. В английском языке это бывает особенно часто с предлогом *with*: *I sat at work in the schoolroom with the window open* „Я сидел за работой в классе с открытым окном“ (отличается от: *near the open window* „у открытого окна“); ср. также: *You sneak back with her kisses hot on your lips* (Киплинг); *He fell asleep with his candle lit. Let him dye, With euery ioynt a wound* (Шекспир); *He kept standing with his hat on*. Характер конструкции и специфическое значение *with* (отличное от его значения в предложении *He stood with his brother on the steps* „Он стоял со своим братом на ступеньках“) становятся особенно ясными, когда аднекс нейтрализует обычное значение *with*: *with both of us absent* букв. „с обоими нами отсутствующими“; ср. также: *Wailed the little Chartist, with nerve utterly gone; I hope I'm not the same now, with all the prettiness and youth removed*.

Without тоже может управлять некусом: *like a rose, full-blown, but without one petal yet fallen*.

В датском языке с некусом часто соединяется предлог *med*: *med hъnderne tomme* (англ. *with the hands empty*), отличное от *med de tomme hъnder* (= англ. *with the empty hands*), которое предполагает какое-либо действие, осуществляемое руками, в то время как первое сочетание совпадает по значению с подчиненным предложением („в то время как [или причем] его руки есть [или были] пустые“). Такие конструкции встречаются и в других языках.

С другими предлогами мы находим известные латинские конструкции *post urbem conditam* и *ante Christum natum*. Когда Мадвиг утверждает, что здесь идет речь не столько о лице и предмете, сколько о действии в субстантивном осмыслении, он имеет в виду (датский и др.) перевод посредством существительного, но такое существительное принадлежит к группе некусных существительных (после сооружения города, до рождества Христова), которые отличаются от обычных существительных и требуют специального

¹ Этот случай едва ли можно отграничить от случаев, когда глагол сочетается с предикативом, например *She seems happy* „Она кажется счастливой“.

рассмотрения (см. об этом ниже), так что объяснение Мадвига не продвигает нас ни на шаг вперед. Мало дает нам и замечание Аллена и Гриноу, которые говорят: „существительное и пассивное причастие часто вступают в настолько тесные взаимоотношения, что главная мысль выражается причастием, а не существительным“. Бругман (B r u g m a n n, Indogermanische Forschungen, 5.145 и сл.) называет объяснение с помощью сокращенного предложения „бесплодной лингвистической философией“¹ и полагает, что эта конструкция возникла в результате сдвига в синтаксическом членении (Verschiebung der syntaktischen Gliederung) в сочетаниях типа *post hoc factum*, которое означало сначала „после этого факта“ (*hoc* — адьюнкт, а *factum* — первичное слово, если пользоваться моей терминологией), но потом *hoc* было осмыслено как первичное слово, а *factum* — как вторичное; затем эта конструкция распространилась на другие случаи. Все это объяснение кажется довольно натянутым. Ни один из этих грамматистов не предлагает отнести указанные явления в один разряд с конструкциями, о которых идет речь в данной главе (абсолютный отложительный и т.п.), хотя все эти конструкции можно вполне понять лишь в результате их совместного рассмотрения.

В итальянском языке подобная конструкция довольно распространена после предлога *dopo*: *Dopo vuotato il suo bicchiere, Fleno disse; Cercava di rilegger posatamente, dopo fatta la correzione (Серао); Dopo letta questa risposta, gli esperti francesi hanno dichiarato che...* (из газеты).

Конструкция *after Eve seduc'd* у Мильтона и конструкция *the royal feast for Persia won* у Драйдена, без сомнения, представляют собой результат сознательного подражания латинскому синтаксису; однако так нельзя объяснить аналогичные конструкции у менее ученых авторов: *before one dewty done* (Гейвуд); *They had heard of a world ransom 'd, or one destroyed* (Шекспир; может быть, адьюнкт); *after light and mercy received* (Bunyan); *He wished her joy on a rival gone* (Anthony Hope) — это немногие из собранных мною примеров.

Аналогичные нексусы можно обнаружить и в иных сочетаниях, где они не являются дополнением ни к глаголу, ни к предлогу; например, в латинском языке: *Dubitabat nemo quin violati hospites, legati necati, pacati atque socii nefario bello laccessiti, fana vexata hanc tantam efficerent vastitatem* (Цицерон; Бругман переводит: *даЯ die Mishandlung der Gastfreunde, die Ermorderung der Gesandten, die ruchlosen Angriffe auf friedliche und verbündete Völker, die Schndung der Heiligtümer...*).

Сходный пример находим у Шекспира: *Prouided that my banishment repeal'd, and lands restor'd againe be freely graunted* („Ричард II“, III. 3. 40 = *the repealing of my be and restoration of my l.*). Но в случаях вроде следующих ниже могут возникнуть сомнения по поводу того, с чем мы имеем дело — с причастием ли или с отглагольным существительным: *The Squire's portrait being*

¹ Бругман совершенно прав, когда высказывается против такого объяснения; *происхождение* этой конструкции — единственный вопрос, который интересует его и его школу. Но историческое (динамическое) рассмотрение лингвистических явлений — не единственный способ; важно установить не только из чего возникло данное явление, но и во что оно превратилось. Точно так же и этимология слова — только часть, и не всегда главная часть того, что мы ищем в словаре. Интересующая нас конструкция означает то же самое, что и придаточное предложение, и это оправдывает рассмотрение ее в данной главе.

found united with ours, was a honour too great to escape envy (Гольдсмит); And is a wench having a bastard all your news? (Фильдинг).

Французские примеры собрали Сандфельд Енсен (Sandfeld Jensen, *Bisætningerne i moderne fransk*, 1909, стр. 120) и Лерх (E. Lerch, *Prädikative Partizipia für Verbalsubstantiva im Französ.*, 1912): Le verrou poussé l'avait surprise „Факт, что дверь была закрыта на задвижку“; C'était son rêve accompli „Это было исполнение ее сна“. Аднекс не обязательно должен быть причастием, о чем свидетельствуют некоторые относительные предложения, приведенные у Сандфельда Енсена: Deux jurys qui condamnent un homme, за vous impressionne, в котором за (единственное число) ясно показывает характер сочетания. Ср. также Brunot, *La pensée et la langue*, Paris, 1922, стр. 208.

Я склонен включить сюда также некоторые сочетания с „количественными определителями“, которые нельзя понять в обычном смысле, например пословицу Too many cooks spoil the broth „Слишком много поваров портят похлебку“, т. е. „Похлебку портит то обстоятельство, что поваров слишком много“. Точно так же: франц. Trop de cuisiniers gâtent la sauce; нем. Viele Köche verderben den Brei; дат. Mange kokke fordærver maden; англ. Many hands make quick work; дат. Mange hunde er harens død; англ. No news is good news; You must put up with no hot dinner. Все эти конструкции явно отличаются от таких сочетаний с адьюнктами, как Too many people are poor „Слишком много людей бедны“ или No news arrived on that day „В этот день не было получено никаких новостей“.

НЕКСУС-СУБЬЮНКТ

Теперь мы обратимся к нексусам-субьюнктам. Ни одно из обычных названий (duo ablativi, ablativi consequentiae, ablativi absoluti, абсолютные причастия) не раскрывает сущности явления: „абсолютный“ должно означать „стоящий вне синтаксических связей“, но разве эти слова стоят действительно вне синтаксических связей в большей степени, чем другие субьюнкты? Причастие вообще не должно упоминаться в названии, так как причастия может и не быть, например dinner over „после окончания обеда“, Scipione auctore и т.п. Бругман (Brugmann, *Kurze vergleichende Grammatik*, Straßburg, 1904, § 815) делает попытку объяснить употребление различных падежей (родительного в греческом и санскрите, отложительного в латинском, дательного в готском, древневерхненемецком, древнеанглийском, древнеисландском и др. языках); по его мнению, причастие первоначально было обычным адьюнктом, который впоследствии „в результате сдвига синтаксического членения“ стал ощущаться вместе с другим словом „как своего рода (временное и т. п.) придаточное предложение“. По моему мнению, для этой конструкции характерны два момента: 1) здесь есть два компонента, находящихся в своеобразных отношениях друг с другом, т. е. в таких же отношениях, в каких находятся подлежащее и глагол в предложении the dog barks „собака лает“; 2) все сочетание играет в предложении роль субьюнкта. Меня не интересует здесь вопрос, как следует объяснять латинский аблатив: был ли он первоначально локальным, темпоральным или инструментальным. В том виде, в каком мы его застаем, темпоральное Tarquinio rege отличается от

hoc tempore лишь тем, что *rege* стоит в другом отношении к своему первичному слову *Tarquinius*, чем *hoc* (адъюнкт) к первичному слову *tempore*. То же различие обнаруживается и между *me invito* и *hoc modo*; обе конструкции обозначают образ действия¹.

В романских языках нексус-субъюнкт еще настолько распространен, что можно ограничиться несколькими примерами: ит. *Morto mio padre, dovei andare a Roma*; *Sonate le cinque, non é più permesso a nessuno d'entrare*; франц. *Ces dispositions faites, il s'et retiré*; *Dieu aidant nous y parviendrons*². Исп. *Concluidos los estudios... pues no hube clase...* *Examinadas imparcialmente las cualidades de aquel niño, era imposible desconocer su mérito* (Гальдос, *Донья Перфекта*, 83).

В английском языке эта конструкция также встречается довольно часто, но, если отвлечься от некоторых особых случаев, она свойственна скорее литературному стилю, чем народному языку; ср., например, *We shall go, weather permitting* „Мы пойдем, если позволит погода“; ср. также *Everything considered, we may feel quite easy*; *This done, he shut the window*; *She sat, her hands crossed on her lap, her eyes absently bent upon them*³; *He stood, pipe in mouth*³; *Dinner over, we left the hotel*. Таким образом, предикативной частью нередко бывают не только причастия или прилагательные, но и другие слова и группы слов.

В определенных случаях наблюдается тенденция вводить нексус-субъюнкт каким-нибудь словом, например словом *once* „раз“: *Once the murderer found, the rest was easy enough* „Раз убийца был найден, остальное оказалось достаточно легким“; ср. также франц. *Une fois l'action terminée, nous rentrâmes chez nous (sitôt achevée cette tâche)*.

В немецком языке нексус-субъюнкт распространен довольно широко, хотя это сравнительно недавнее явление. Привожу несколько примеров Пауля („*Deutsche Grammatik*“, Halle, 3. 278): *Louise kommt zurück, einen Mantel umgeworfen*; *Alle Hände voll, wollen Sie noch immer mehr greifen*; *Einen kritischen Freund an der Seite kommt man schneller vom Fleck*. Пауль не объясняет, как следует понимать эту „разновидность свободного винительного падежа“; но его замечание (после примеров с пассивным причастием) о том, что „во всех этих случаях вместо пассивного атрибутивного причастия можно было бы употребить активное“, равно как и упоминание (на стр. 284) о винительном падеже как о винительном дополнения, несколько не помогает при

¹ В латинском нексусе-субъюнкте подлежащим (первичным компонентом) может быть конструкция винительного с инфинитивом или предложение; в этом случае отложительный падеж невозможен: ср. следующие примеры, которые я заимствую у Мадвига (первичный компонент выделяется курсивом): *Alexander, audito Dareum movisse ab Ecbataniis, fugientem insequi pergit*; *Consul... edicio ut quicumque ad vallum tenderet pro hoste haberetur, fugientibus obstitit*; *Additur dolus, missis qui magnam vim lignorum ardentem in flumen conjicerent*. Как и во всех упомянутых выше случаях, я не могу согласиться с анализом, согласно которому подлежащим к *missis* в последнем предложении является некое местоимение в отложительном падеже, „подразумеваемое“ перед *qui*. В первом предложении подлежащим нексуса-субъюнкта является в свою очередь нексус, в котором функцию подлежащего выполняет *Dareum*. В этом и во втором предложении Мадвиг без надобности рассматривает причастие как „безличное выражение“, принимающее дополнение.

² В пословице *Morte la bkte, mort le venin* мы видим сначала нексус-субъюнкт, а затем независимый нексус того типа, который был описан на стр. 138.

³ В эти сочетания можно было бы добавить предлог *with*; таким образом, становится очевидным сходство между этими конструкциями и теми, которые списаны выше, на стр. 141.

рассмотрении конструкций без причастия. Керм (C u r m e, A Grammar of the German Language, New York, 1922, 266. 553) также говорит об активных причастиях и считает, что в подобных конструкциях подразумевается *habend*: *Dies vorausgeschickt [habend], fahre ich in meiner Erzählung fort; Solche Hindernisse alle ungeachtet [habend], richtet Gott diesen Zug aus.* Я очень сомневаюсь, насколько можно объяснить „подразумеваем“ происхождение этой конструкции. Во всяком случае, это не объясняет, каким образом (говоря словами Керма) „данная конструкция стала продуктивной, так что сказуемым предложения [по моей терминологии — нексуса] может быть не только перфектное причастие переходного глагола, но и перфектное причастие непереходного глагола, прилагательное, наречие и предложное сочетание“.

Как нексус-субъект можно рассматривать и формы родительного падежа в следующих немецких конструкциях: *Unverrichteter Dinge kam er zurück; Wankenden Schrittes... erscheint der alte Mann* (R a a b e, приведено у Керма).

„Абсолютный дательный“ в древнегерманских языках часто объясняют влиянием латинской конструкции. В датском языке его роль весьма ограничена, если не считать нескольких застывших выражений типа *Alt vel overvejet, rejser jeg imorgen; alt iberegnet; Dine ord i ñre, trog jeg dog...*, как в нем. *dein Wort in Ehren*, букв. „твои слова в чести“, т. е. „с должным уважением к твоим словам“.

Необходимо прежде всего отметить, что субъектная часть нексуса-субъекта оформлялась везде каким-нибудь косвенным падежом, хотя, как мы уже видели, падежи были разные в разных языках. Но независимо друг от друга различные языки стали употреблять именительный падеж как падеж, более соответствующий функции подлежащего. Это стало правилом в современном греческом языке (T h u m b, Handbuch, изд. 2-е, 161); восходит оно еще, как мне сообщил Сандфельд, к апокрифическому евангелию от Фомы, 10.1: *Met' oligas hēmeras skhizōn tis xula... eresen hē axinē* „Через несколько дней, когда один человек колот дрова.., упал топор“. Тому же другу я обязан примером из ранней средневековой латыни: *Peregrinatio Silviae, 16.7: Benedicens nos episcopus profecti sumus* „Когда епископ нас благословил, мы отправились в путь“. В романских языках существительное не имеет падежных форм, но у местоимений мы находим именительный падеж: ср. ит. *Essendo egli Cristiano, io Saracina* (Ариосто); исп. *Rosario no se opondrá, queriendolo yo* (Гальдос, Донья Перфекта, 121). В английском литературном языке восторжествовал именительный падеж: *For, he being dead, with him is beautie slaine* (Шекспир, Венера и Адонис, 1019). Иногда именительный падеж встречается и в немецком: см. у Пауля („Deutsche Grammatik“, 3. 281 и 283), который дает следующий пример из Грильпарцера: *Der Wurf geworfen, fliegt der Stein*, а также у Керма („A Grammar of the German Language“, 554), который приводит примеры из Шиллера, Ауэрбаха, Гауптмана и др.

В выражениях *this notwithstanding (notwithstanding this)* „несмотря на это“ и *notwithstanding all our efforts* „несмотря на все наши усилия“ мы в сущности находим нексус-субъект с первичными компонентами *this* и *all our efforts* и с отрицательным причастием — аднексом, но в настоящее время эти выражения фактически могут рассматриваться как сочетание предлога с его дополнением; точно так же обстоит дело и с нем. *ungeachtet unserer Bemühungen*, дат. *uagtet*

vore anstrengelser, а также с франц. *pendant ce temps*, англ. *during that time* („в течение этого времени“, первоначально — „пока продолжается это время“). Немецкий язык здесь идет еще дальше по пути переосмысления: прежний нексус-субъюнкт, оформленный родительным падежом, *wdhrendes Krieges*, мн. ч. *wdhrender Kriege* превратился в *wdhrend des Krieges*, *wdhrend der Kriege*, где *wdhrend* стало предлогом, управляющим родительным падежом.

В испанском языке обнаруживается сдвиг, который следует объяснять, исходя из естественного взаимоотношения между субъектом и объектом; факты и примеры взяты у Хансена (*H a n s s e n*, *Spanische Grammatik*, Halle, 1910, §39. 3), но толкование мое:

1) Группа подлежащего + причастие: *estas cosas puestas*, как во французском и в других языках.

2) То же и при обратном порядке слов: *visto que no quieres hacerlo; ondos los geos* „когда подсудимые были выслушаны“ (то же и в примерах, приведенных выше; см. стр. 144). Первичный компонент стоит здесь после причастия, подобно тому как дополнение стоит после предикативной формы глагола в предложении. В результате этот компонент начинает пониматься как дополнение, а поскольку дополнения, обозначающие живые существа, в испанском языке оформляются предлогом *б*, этот предлог присоединяется к существительному и в этих сочетаниях; в итоге мы находим:

3) *ондо б los geos*. Примечательно, что причастие уже не стоит в форме множественного числа: таким образом, эта конструкция оказывается параллельной конструкции активных предложений. типа *He ondo б los geos* „Я выслушал подсудимых“ и может в какой-то степени рассматриваться как претерит активного причастия *oyendo б los geos*; другими словами, причастие употребляется в активном значении, а подлежащее отсутствует. Так языковое чутье говорящих на испанском языке в конечном счете привело к форме, обнаруживающей такую же структуру, как и форма, которая, по Керму (а, возможно, и по Паулю: см. выше, стр. 145), легла в основу соответствующей немецкой конструкции.

Очень часто нексус выражается формой родительного падежа и „абстрактным существительным“; ср., например, *I doubt the Doctor's cleverness* „Я сомневаюсь в уме доктора“, которое по содержанию примерно равно *I doubt that the Doctor is clever* „Я сомневаюсь, что доктор умен“. Параллелизм между этой конструкцией и конструкцией с отглагольным существительным, например *the Doctor's arrival*, вполне очевиден. Однако несмотря на это, традиционная грамматическая терминология ограничивает употребление термина „субъектный родительный падеж“ последним сочетанием, хотя его в такой же мере можно применить и к случаям типа *the Doctor's cleverness*¹. Более подробно по поводу обоих типов существительных см. в следующей главе.

¹ В сочетании *the Doctor's cleverness* первый компонент называют притяжательным родительным, поскольку можно сказать, что доктор обладает известным качеством — умом; но это не более, как риторическая фигура.

НЕКСУС ОТКЛОНЕНИЯ

Во всех разнообразных видах нексуса, рассмотренных до сих пор, связь между двумя членами нексуса принимается в прямом или положительном смысле. Но теперь мы подходим к явлению, которое можно обозначить термином „нексус отклонения“; в этом случае связь между компонентами отвергается как невозможная; таким образом, значение нексуса является отрицательным. В речи это находит свое выражение в интонации, которая совпадает с интонацией вопроса, часто в усиленном виде, а нередко является особой для каждого компонента: мы увидим в одной из последующих глав, что вопрос и отрицание бывают тесно взаимосвязаны.

Существует два типа нексуса отклонения: во-первых, нексус с инфинитивом; ср. *What? I loue! I sue! I seeke a wife!* „Что? Я люблю! Я прошу! Я ищущу жену!“ (Шекспир); «*Did you dance with her?*» «*Me dance!*» „Ты танцевал с ней?» — «Я танцевал!» (Теккерей); *I say anything disrespectful of Dr. Kenn? Heaven forbid!* „Я говорю что-то неуважительное о докторе Кенне? Боже упаси!“ (Элиот)¹. В последнем примере слова *Heaven forbid* показывают, каким образом отвергается мысль, выраженная в нексусе. Следующий пример из Браунинга свидетельствует о том, что, если развить эту конструкцию в полное предложение обычного образца, она будет соответствовать типу, рассмотренному выше, на стр. 138. *She to be his, were hardly less absurd Than that he took her name into his mouth.* Однако обычно предложения не заканчиваются подобным образом, поскольку эмоция находит достаточный выход в подлежащем и инфинитиве с соответствующей интонацией, на которую я указывал выше.

Другие языки пользуются тем же приемом: нем. *Er! so was sagen!*; дат. *Han gifte sig!*; франц. *Toi faire ça!*; ит. *Io far questo!*; лат. *Mene incepto desistere victam?* — в латинском языке мы встречаем такой винительный падеж с инфинитивом, какой требовался бы, если бы было добавлено сказуемое².

Во-вторых, можно поставить рядом подлежащее и предикатив при той же вопросительной интонации и с тем же значением; мысль об их сочетании отвергается как нереальная или невозможная: *Why, his grandfather was a tradesman! he a gentleman!* „Да ведь его дед был торговцем! Он джентльмен!“ (Дефо); ср. также *The denunciation rang in his head day and night. He arrogant, uncharitable, cruel!* (Локк). Конечно, чтобы сделать значение предложения предельно ясным, к этому можно прибавить отрицание в качестве своего рода ответа: *He arrogant? No, never!* „Он высокомерен? — Нет, совсем, нет!“ или *Not he!* „Он — нет!“

То же самое наблюдается и в других языках: дат. *Hun, utaknemlig!*; нем. *Er! in Paris!*; франц. *Lui avare?* и т. п. В немецком языке также с *und*: *Er sagte, Er*

¹ Другие примеры см. в моей книге „*Negation in English and in other Languages*“, стр. 23 и сл.

² В английском языке есть родственная конструкция, которую вводит обычно *and*. В ней связь между двумя понятиями отрицается не так эмфатично, а выражается удивление: *What? A beggar! a slave! and he to deprave and abuse the virtue of tobacco!* (Бен Джонсон). Одна из дам выразила свое удивление следующим образом: *A philosopher, and give a picnic!* (Спенсер). Ср. „*Chapters on English*“, London, 1918, стр. 70 и сл.

wolle Landvogt werden. *Der und Landvogt!* Aus dem ist nie was geworden (Френссен).

Предложения с нексусом отклонения можно добавлять к законченным (независимым) предложениям без глагола в предикативной форме, о которых шла речь выше. С другой стороны, они могут служить примером aposiopesis: под влиянием сильной эмоции говорящий оставляет предложение незаконченным, нередко ему просто трудно построить обычное предложение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы закончим данную главу обзором основных случаев нексуса в форме таблицы, включающей типичные примеры без классифицирующих обозначений. В первой колонке я поместил примеры с наличием глагола (в предикативной или непредикативной форме) или отглагольного существительного, а во второй — примеры, в которых отсутствует и то и другое.

1. <i>the dog barks</i>	<i>Happy the man, whose ...</i>
2. <i>when the dog barks</i>	<i>however great the loss</i>
3. <i>Arthur, whom they say is kill'd</i>	
4. <i>I hear the dog bark</i>	<i>He makes her happy</i>
5. <i>count on him to come</i>	<i>with the window open</i>
6. <i>for you to call</i>	<i>violati hospites</i>
7. <i>He is believed to be guilty</i>	<i>She was made happy</i>
8. <i>the winner to spend</i>	<i>everything considered</i>
9. <i>the doctor's arrival</i>	<i>the doctor's cleverness</i>
10. <i>I dance!</i>	<i>He a gentleman!</i>

В примерах 1 и 10 нексус образует законченное предложение; во всех остальных случаях он является лишь его частью: либо подлежащим, либо дополнением, либо субьюнктом.

Приложение к главе IX

СВЯЗКА. ПРЕДИКАТИВ

Здесь будет, пожалуй, уместным сделать несколько замечаний о том, что часто называют связкой, т. е. о глаголе *is* как показателе завершенности соединения (нексуса) двух понятий, находящихся друг с другом в таких отношениях, в каких находятся подлежащее и сказуемое. Логика во всех предложениях любит различать три элемента: субъект, связку и предикат; *the man walks* „человек идет“ трактуется как состоящее из субъекта *the man*, связки *is* и предиката *walking*. Лингвист должен признать такой анализ неудовлетворительным и не только с точки зрения английской грамматики, в которой *is walking* отличается по значению от *walks*, но и вообще. Анализ представляет некоторые трудности, когда речь идет не о настоящем времени: *the man walked* нельзя разложить на такое построение, которое включало бы форму *is*; оно может соответствовать только построению *tha man was walking*; но ведь логики всегда пребывают в сфере настоящего времени, выражающего вечные истины! Связка настолько отлична от типичного глагола, что многие языки вообще ее не имеют; другие в ряде случаев, как уже было показано выше, свободно обходятся без нее. Глагол *be* пришел к своему нынешнему состоянию в результате длительного процесса ослабления его более конкретного значения

(„расти“); первоначально он сочетался с предикативом точно так же, как сочетаются и теперь многие другие глаголы с более полным значением: ср. He grows old „Он становится стар“; ср. также He goes mad; The dream will come true; My blood runs cold; He fell silent; He looks healthy; It looms large; It seems important; She blushed red; It tastes delicious; This sounds correct и т. п. Можно далее, заметить, что предикатив употребляется не только после глаголов, но также после некоторых частиц, в английском особенно после for, to, into, as: I take it for granted „Я считаю это доказанным“; ср. также You will be hanged for a pirate (Дефо); He set himself down for an ass; He took her to wife (устарелое); She grew into a tall, handsome girl; I look upon him as a fool и др. Особый интерес это представляет в конструкциях, упомянутых выше (стр. 141): with his brother as protector „со своим братом в качестве защитника“; ср. также The Committee, with the Bishop and the Mayor for its presidents, had already held several meetings. То же и в других языках: гот. ei tawidedeina ina du юiudana „чтобы они сделали его королем“; нем. Das Wasser wurde zu Wein; дат. Blive til nar, Holde een for nar. Обратите внимание на форму именительного падежа в немецком языке: Was fыr ein Mensch, а также в датском: wat voor een и в русском после *что за* (ср. у Шекспира: What is he for a foole?). Интересно, что именно таким путем предлог for может управлять прилагательным (причастием); иначе это оказывается невозможным; ср. англ. I gave myself over for lost; лат. sublatus pro occiso; quum pro damnato mortuoque esset; pro certo habere aliquid; ит. Giovanni non si diede por vinto; франц. Ainsi vous n' êtes pas assassiné, car pour volé nous savons que vous l' êtes. Параллель между этими конструкциями и конструкциями с предикативом после глагола проявляется также в английских правилах употребления неопределенного артикля: эти правила одинаковы в обоих случаях: in his capacity as a Bishop; in his capacity as Bishop of Durham.

Глава X

НЕКСУСНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О НЕКСУСЕ

„Абстрактные существительные“. Инфинитив и герундий. Заключительные замечания о нексусе.

„АБСТРАКТНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ“

Те, кто определяют существительные как названия веществ и предметов, встречаются с трудностями при рассмотрении таких слов, как *красота*, *мудрость*, *белизна*. Такие слова бесспорно являются существительными и во всех языках трактуются как существительные, но однако же не представляют собой названий веществ или предметов. В силу этого соображения принято различать два класса существительных — конкретные и абстрактные. Первые обозначаются также термином „имена реальных вещей“ (англ. reality nouns, нем. Dingnamen, substanzbezeichnende Substantiva); они охватывают названия лиц и „предметов“, к которым причисляются и такие более или менее „неосозаемые“ явления, как звук, эхо, стих, молния, месяц и др. „Абстрактные существительные“, в отличие от них, выделяются как „названия понятий“ (англ. thought-names, нем. Begriffsnamen, Verdinglichungen). Различие между этими двумя классами довольно ясно: вряд ли когда-нибудь мы будем испытывать затруднение при отнесении того или иного существительного к первому или

второму классу; и все же найти удовлетворительное определение для „абстрактных существительных“ не легко.

Сначала посмотрим, как этот вопрос решается выдающимся логиком.

Кейнс (J. N. Keynes, *Studies and Exercises in Formal Logic*, London, 1906, стр. 16) вносит следующее уточнение в определение конкретного существительного как названия предмета, а абстрактного — как названия атрибута: „Конкретное существительное — это название того, что рассматривается как имеющее атрибуты, т. е. как субъект атрибутов, а абстрактное существительное — это название чего-то, что является атрибутом к чему-то другому, т. е. атрибута субъектов“. Однако на стр. 18 он замечает, что атрибуты сами могут быть субъектами атрибутов, например в предложении *Unpunctuality is irritating* „Непунктуальность досадна“, и что „Unpunctuality, хотя и является по существу абстрактным существительным, но может употребляться так, что будет подходить под определение конкретных существительных“. Но когда „названия, которые образовались как абстрактные и продолжают так употребляться, могут также употребляться и как конкретные существительные, т. е. являются названиями атрибутов, которые сами могут рассматриваться как имеющие атрибуты“, Кейнс вынужден признать, что „этот вывод парадоксален“. Из создавшегося затруднительного положения он видит два выхода, но отвергает первый как логически несостоятельный. Первый путь состоит в определении абстрактного существительного как названия того, что может рассматриваться в качестве атрибута чего-либо другого, и в определении конкретного существительного как названия того, что не может рассматриваться в качестве атрибута чего-либо другого. Поэтому Кейнс предпочитает второй путь: исходя из логических соображений, он отказывается от различения конкретных и абстрактных названий и заменяет его различием между конкретным и абстрактным употреблением названий, добавляя, что „как логики мы мало имеем отношения к абстрактному употреблению названий“, поскольку, „когда название употребляется в качестве подлежащего или сказуемого в несловесном предложении¹, его употребление всегда конкретно“.

Это фактически равносильно отказу от всякого различия вообще, а между тем никто не станет отрицать, что такие слова, как *твердость*, находятся в совершенно иной плоскости, чем такие слова, как *камень*. Мне кажется, что выводы Кейнса обусловлены неудачным термином „абстрактный“ и особенно его антонимом „конкретный“: эти слова в обычном языке часто употребляются для обозначения различий, не имеющих никакого отношения к тому, что интересует нас здесь, и это особенно ясно проявляется в статье Далерюпа (V. Dahlerup, *Abstrakter og konkreter*, „Dania“, 10. 65 и сл.), в которой он утверждает, что различие между абстрактным и конкретным является относительным, и применяет его не только к существительным, но и ко всем другим разрядам слов. *Hard* „твердый“ конкретно в сочетании *a hard stone* „твердый камень“, но абстрактно в сочетании *hard work* „тяжелая работа“; *towards* „к“, „по отношению к“ конкретно в предложении *He moved towards the town* „Он двигался к городу“, но абстрактно в сочетании *his behaviour towards her* „его поведение по отношению к ней“; *turn* „поворачиваться“, „становиться“

¹ Словесное предложение (*verbal proposition*) определяется на стр. 49 как такое, „которое дает сведения лишь о значении или применении термина, составляющего его подлежащее“.

конкретно в предложении *He turned round* „Он обернулся“, но абстрактно в предложении *He turned pale* „Он побледнел“. При таком употреблении, слово „конкретный“ обозначает главным образом то, что во внешнем мире характеризуется осязаемостью, пространственностью и доступностью органам чувств, а слово „абстрактный“ — то, что существует в сознании, без сомнения, согласуется с пониманием этих терминов в обычном языке, но не помогает понять своеобразия слов типа *белизна* по сравнению с другими существительными.

Хазлитт (*W. Hazlitt, New and Improved Grammar, 1810, Предисловие, viii*) говорит: „Существительное — это не название предмета и не название вещества, а название вещества, предмета или понятия, рассматриваемого само по себе, как самостоятельная вещь. Иначе говоря, существительное не является названием предмета, который действительно существует сам по себе (согласно прежнему определению); существительное — это название предмета, который рассматривается как существующий сам по себе. Например, если мы говорим о *белом* как о состоянии или качестве снега, это будет прилагательное; но если мы отвлекаем понятие „белый“ от вещества, которому оно принадлежит, и рассматриваем этот цвет как он есть сам по себе или как предмет нашей речи, оно становится существительным: например, в английском предложении *White or whiteness is hurtful to the sight* „Белое или белизна вредны для зрения“.

По существу та же мысль встречается и у многих других современных авторов, определяющих существительные типа *белизна* (с небольшими вариациями) как „фиктивно субстантивные слова“, „названия лишь воображаемых веществ“, „представления, которые мыслятся как самостоятельные предметы“, „предметно осмысляемые понятия“, „простые названия, которые мыслятся и поэтому грамматически трактуются, как если бы они были самостоятельными предметами“ (*Noten, Vert Sprek, 256 и сл.*¹). Несмотря на такое единодушие, я позволю себе заявить, что, когда я говорю о *красоте* молодой девушки или о *мудрости* старика, я вовсе не думаю об этих качествах как о вещах или реальных предметах; для меня это только иной способ выражения мысли: „она красива“, „он мудр“ и т. п. Когда Вундт говорит, что слово „человечность“ (*Menschlichkeit*) обозначает качество в такой же степени, как слово „человеческий“, он совершенно прав. Однако он заблуждается, утверждая, что субстантивная форма облегчает осмысление этого качества как предмета. Мистели (*Misteli*) не говорит об этом, обращая внимание исключительно на грамматическую сторону. Но никто по-настоящему не объясняет, как и почему все языки выработали такого рода существительные для адъективных понятий.

Аналогичные взгляды высказывал и Суит еще задолго до Вундта и Мистели (1876, „*Collected Papers*“, 18; ср. „*A New English Grammar*“, §§ 80, 99): «Превращение *white* „белый“ в *whiteness* „белизна“ является чисто формальным приемом, который дает возможность употребить слово-атрибут как подлежащее предложения... *Whiteness* правильно характеризуется как „абстрактное“ имя, как обозначение атрибута безотносительно к предметам,

¹ Финк (*Finck, „Kuhn's Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“*, 41. 265) пишет, что мы все еще [!] говорим о *смерти, войне, времени, ночи* и т. п., как если бы это были предметы вроде камней и деревьев.

которые обладают этим атрибутом. White, однако, считается коннотирующим... Дело, конечно, в том, что white точно так же абстрактно, как и whiteness, причем оба имеют абсолютно одинаковое значение». По Суиту, таким образом, «Единственным удовлетворительным определением части речи должно быть определение, основанное на чисто формальных критериях: snow „снег“, например, является существительным не потому, что оно обозначает предмет, а потому, что оно может быть подлежащим предложения, может образовать форму множественного числа с помощью s, имеет определенный префикс [т. е. определенный артикль] и т. д.; по тем же причинам к существительным следует отнести whiteness»¹.

Суит прав, когда говорит, что white и whiteness одинаково абстрактны (в смысле „отвлеченный от конкретных вещей“), но он неправ, когда считает, что оба слова имеют совершенно одинаковое значение. Различие, возможно, очень тонкое, но оно все же существует, иначе зачем бы потребовалось всем народам иметь отдельные слова для этих двух понятий? Заметьте, что в каждом из случаев употребляются разные глаголы: *being white = having whiteness*; *The minister is (becomes) wise* „Министр есть (становится) мудр“; *He possesses (acquires) wisdom* „Он обладает мудростью (приобретает мудрость)“. В идо Кутюрб остроумно создал для существительных окончание -eso, которое представляет собой корень глагола *es-ar* „быть“ с субстантивным окончанием -o: *blind-es-o* „«бытие» слепым“, т. е. „слепота“, *superbeso* „гордость“ и др. Здесь можно было бы возразить, что таким путем в слово протаскивается понятие „существования“ и что это аналогично тому, как лингвисты имеют обыкновение протаскивать (не выраженную и ненужную) связку *есть* в русские предложения типа *дом нов*. Но Кутюра совершенно правильно подметил кардинальную истину, что в такие существительные адекативный элемент входит в качестве предикатива. Это именно и характерно для подобных образований: они являются сущест в и т е л ь н ы м и - п р е д и к а т и в а м и ².

Очевидно, рассматриваемые здесь существительные, образованные от прилагательных, весьма сходны с отглагольными существительными (названиями действий, *nomina actionis*) типа *приход, прибытие, движение, изменение, существование, отдых, сон, любовь* и т. п.³ Примеры показывают, что термин „название действия“ не точен, если не считать действиями состояние, например *отдых* или *сон*. Свою собственную точку зрения я уже

¹ То, что Суит говорит об абстрактных существительных в более поздней работе („A New English Grammar“, 61), не разъясняет вопроса; к абстрактным существительным он относит не только такие слова, как *redness* „краснота“, *reading* „чтение“, но и такие, как *lightning* „молния“, *shadow* „тень“, *day* „день“, и многие другие; *north* „север“ и *south* „юг“ абстрактны с одной точки зрения я конкретны с другой.

² Большинство из них образовано от прилагательных (*доброта* от *добрый* и т. п.) или входит с ними в одно словообразовательное гнездо (*красота* и *красивый*, *ease* „лёгкость“ и *easy* „легкий“); и это вполне естественно, если учесть, как часто прилагательные употребляются в качестве предикативов; однако другие слова данного разряда образованы от существительных (*scholarship, professorship, professorate, chaplaincy*). — Иногда в качестве основного грамматического признака „абстрактных существительных“ указывается невозможность образования множественного числа, но это не совсем так; см. главу, посвященную категории числа.

³ Близостью между этими разрядами можно объяснить то обстоятельство, что датский язык, в котором нет отглагольного существительного, соответствующего глаголу *elske* „любить“, употребляет вместо него *kjrlighed* от прилагательного *kjrlig* „любящий“, „ласковый“.

изложил: начав с того, что I saw the Doctor's arrival „Я видел прибытие доктора“ = I saw the Doctor arrive „Я видел доктора прибывающим“ и I saw that the Doctor arrived „Я видел, что доктор прибыл“, а I doubt the Doctor's cleverness „Я сомневаюсь в уме доктора“ = I doubt that the Doctor is clever „Я сомневаюсь в том, что доктор умен“, я пришел к выводу, что необходимо выделить в особый разряд слова, которые мы будем называть нексусными существительными, подразделив их на глагольные нексусные слова (arrival) и предикативные нексусные слова (cleverness).

Остается рассмотреть употребление слов этого разряда, или, вернее, установить, с какой целью они употребляются в речи. По моему мнению, преимущество слов этого разряда в том, что они дают возможность избегать громоздких выражений, поскольку иначе для передачи той же мысли пришлось бы прибегнуть к придаточным предложениям. Попробуйте, например, обойтись без выделенных существительных в следующем отрывке из недавно вышедшего романа: His *display of anger* was equivalent to an *admission of belief* in the other's boasted *power of divination*.

Такая возможность приобретает еще большее значение благодаря следующему обстоятельству: когда глагол или предикатив возводится в ранг существительного, происходит соответствующее изменение ранга и у подчиненных слов: третичные компоненты становятся вторичными, четвертичные — третичными. Иначе говоря, субьюнкт становится адьюнктом, а суб-субьюнкт — субьюнктом; в результате оказывается возможным строить предложения с легкостью, которая вполне окупает сопутствующее превращение первичного компонента (подлежащего или дополнения) во вторичный (адьюнкт — „субъектный“ или „объектный“ родительный падеж).

Это необходимо пояснить несколькими примерами. Если мы сравним предложения: *Чрезвычайно быстрое прибытие доктора и необычайно внимательный осмотр пациентки привели к ее очень быстрому выздоровлению* и *Доктор прибыл чрезвычайно быстро и осмотрел пациентку необычайно внимательно; она выздоровела очень скоро*, мы увидим (обозначая ранг слова римскими цифрами), что глаголы *прибыл, осмотрел, выздоровела*(II) превратились в существительные *прибытие, осмотр, выздоровление* (I), субьюнкты (наречия) *быстро, внимательно, скоро* (III) стали адьюнктами (прилагательными) *быстрый, внимательный, скорый* (II); причем превращение суб-субьюнктов (IV) в субьюнкты (III) не сопровождалось никакими формальными изменениями: *чрезвычайно, необычайно, очень*. С другой стороны, первичные слова (подлежащее и дополнение) *доктор, пациентка, она* (I) превратились во вторичные (адьюнкты): *доктора, пациентки, ее* (II).

Сходные сдвиги наблюдаются и в предложении *Мы обнаружили действительно (III) удивительный (II) ум (I) доктора(II)* по сравнению с предложением *Мы обнаружили, что доктор (I) был действительно (IV) удивительно (III) умным (II)* (если *действительно* отнести к глаголу, тогда его нужно причислить к III рангу).

Существительные-предикативы также очень удобны в часто употребляющихся английских конструкциях, где они являются дополнением к предлогу *with*; они дают нам возможность избавиться от растянутых субьюнктных групп: ср. *He worked with positively surprising rapidity* (вместо

positively surprisingly, rapidly), with absolute freedom, with approximate accuracy и т. п. Ср. также сдвиги, о которых говорилось выше, стр. 101.

Теперь мы можем ближе познакомиться с грамматическим явлением, которое обычно называют „родственным дополнением“¹. Назначение этой конструкции нельзя понять, если начинать с таких примеров, как *I dreamed a dream* „Мне приснился сон“ (Onions, *An Advanced English Syntax*, London, 1904, 35) или лат. *servitutum servire*. Ведь такие сочетания по меньшей мере чрезвычайно редко встречаются в речи — по той простой причине, что подобное дополнение бессодержательно и ничего не прибавляет к понятию, выраженному глаголом. В речи встречаются предложения следующего типа: *I would faine dye a dry death* (Шекспир); *I never saw a man die a violent death* (Раскин); *She smiled a little; smile and bowed a little bow* (Тролоп); *Mowgli laughed a little short ugly laugh* (Киплинг); *He laughed his usual careless laugh* (Локк); *He lived the life, and died the death of a Christian* (Каупер) и т. п.

Эти примеры показывают, что нексусное существительное дает простое средство для введения какой-нибудь характерной черты в форме адьюнкта, которую было бы очень трудно или невозможно присоединить к глаголу в форме субьюнкта (ср. также *fight the good fight* „дать хороший бой“, которое отличается от *fight well* „сражаться хорошо“). Иногда эта дополнительная характеристика прибавляется как своего рода приложение, и тогда она отделяется запятой или тире, например *The dog sighed, the insincere and pity-seeking sigh of a spoilt animal* (Беннет); *Kitty laughed — a laugh musical but malicious* (Mrs. H. Ward). Аналогичный способ применяется и в других случаях, когда выразить специальное пояснение ко вторичному слову при помощи субьюнкта весьма трудно; в таком случае слово-предикатив свободно присоединяется к предложению как носитель дополнительной характеристики в форме адьюнкта: *He had been too proud to ask — the terrible pride of the benefactor* „Он был слишком горд, чтобы просить, — ужасная гордость благодетеля“ (Беннет); *Her face was very pale, a greyish pallor* (Mrs. Ward). Нередко это пояснение вводится предлогом *with*: *She was pretty, with the prettiness of twenty*; *I am sick with a sickness more than of body, a sickness of mind and my own shame* (Карлейль).

Если же я прибавлю к этому, что нексусные существительные также удобны и в тех случаях, когда язык не допускает придаточных предложений, — например после *upon* в предложении *Close upon his resignation followed his last illness and death* „За его отставкой вскоре последовала его последняя болезнь и смерть“, — то, надеюсь, станет достаточно ясно, какую роль играют эти об-

¹ Другие термины: „внутреннее дополнение“ (inner object), „дополнение содержания“ (object of content), „фактивное дополнение“ (factitive object); более старое название — *ligura etymologica*. Большое количество примеров из более ранних стадий развития индоевропейских языков см. у *Delbrück*, *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, Straßburg, 1893, I. 366 и сл.; *Brugmann*, *Grundriß der vergleichenden Grammatik*, Straßburg, 1897, II. 2. 621 и сл.; *Wilmanns*, *Deutsche Grammatik*, Straßburg, 1897, 3. 485; ср. также *Paul*, *Deutsche Grammatik*, Halle, 1916, 3. 226; *Curme*, *A Grammar of the German Language*, New York, 1922, 491; *Falk & Torp*, *Dansk-norskens syntax*, Kristiania, 1900, 26; *M. Cahen*, *Étude sur le vocabulaire religieux*, 97. 236, где указаны другие работы. Многие из этих грамматистов, однако, смешивают данный вид дополнения с другими видами дополнения, с которыми, как мне кажется, у него нет ничего общего. Рассматриваемое явление встречается и вне нашей семьи языков; см., например, *Setälä*, *Finska sprekets satslära*, § 30.

разования для экономии речи¹. Однако существительными указанной типа, как многими хорошими вещами в этом мире, могут и злоупотреблять. Это хорошо показано в интересной статье Германа Якоби об именном стиле в санскрите (Hermann Jacobi, „Indogermanische Forschungen“, 14. 236 и сл.). Когда языки начинают стареть (alternde Sprachen!!), они, по его словам, обнаруживают склонность к именным выражениям, особенно если они в течение долгого времени служили средством передачи научного мышления. Создается мнение, что мысли можно точнее и адекватнее выражать с помощью существительных, чем с помощью более «изобразительных» глаголов (die mehr der Sphäre der Anschauung sich nähernden Verba).

„Санскрит стал в Индии привилегированным средством выражения для тех, кто получает высшее образование; его уже не понимают в низших классах; он перестал употребляться в других областях человеческой жизни. В то время как санскрит все более и более отходил от практических нужд повседневной жизни, он вместе с тем все больше и больше использовался в высшей умственной деятельности; и по мере того как сфера мыслей, которые надо было выразить, сужалась, абстрактный способ выражения становился все более и более необходимым“. Все это, естественно, повело к тому, что язык стал отдавать предпочтение существительным, точнее говоря, нехлестким существительным.

Мне кажется, что различие между двумя типами стиля можно показать, сравнив последнее предложение в немецком оригинале и в моем английском переводе: *Mit der zunehmenden Abkehr von der gemeinen Alltäglichkeit des Daseins und der damit hand in hand gehenden Zuwendung zum höheren geistigen Leben stieg in dem sich also einengenden Ideenkreise, welchem das Sanskrit als Ausdrucksmittel diente, das Bedürfnis begrifflicher Darstellung.* — *While Sanskrit was increasingly diverted from the practical details of everyday life and was simultaneously used more and more to serve the interests of the higher life of the intellect, abstract methods of diction were more and more needed as the sphere of ideas to be expressed became narrower and narrower.* Немецкая научная проза иногда приближается к санскритской манере, описанной Якоби.

Когда мы выражаем существительными то, что обычно выражается предикативными формами глагола, наш язык становится не только более абстрактным, но и мало понятным; наряду с другими обстоятельствами этому способствует еще и то, что в отглагольном существительном исчезает ряд животворящих моментов глагола (время, наклонение, лицо). Поэтому именной стиль может быть уместен в философии, но и там он иногда только облекает

¹ За пределами их собственной сферы эти слова в результате обычного семантического сдвига употребляются для обозначения („конкретного обозначения“) обладателя такого-то качества: a beauty „прелесть“ = a thing of beauty „то, что обладает красотой“ (часто употребляется для обозначения красивой женщины); realities = real things, a truth = a true saying и т. п. Сопоставьте следующие два предложения: I do not believe in the personality of God и The Premier is a strong personality. Переход здесь аналогичен тому, который происходит с отглагольным существительным: building, construction „строительство“, „строение“. Иногда конкретное значение становится настолько обычным, что образуется новое „абстрактное существительное“: relationship „родство“, acquaintanceship „знакомство“. — Заметьте также довольно распространенную фигуру речи, например: He was all kindness and attention on our journey home.

простые мысли в тогу глубокой мудрости; в повседневной же речи он оказывается мало применимым.

ИНФИНИТИВ И ГЕРУНДИЙ

Интересно отметить, как в ходе истории языков отглагольные существительные иногда утрачивают ряд характерных черт существительного и приобретают некоторые из характерных черт глагола, — мы назвали их „животворящими“; иначе говоря, интересно наблюдать, как говорящие на разных языках начинали трактовать отглагольные существительные подобно тому, как они привыкли трактовать предикативные формы глагола.

Это случилось с английскими инфинитивами, которые, по общему мнению, являются окаменевшими падежными формами прежних отглагольных существительных. Они сблизилась с предикативными формами глагола морфологически и синтаксически, хотя и не в одинаковой степени в разных языках: они могут принимать дополнение в том же самом падеже, что и обычные глаголы (винительном, дательном и т. п.); они допускают сочетания с отрицаниями и другими субъюнктами; у них развиваются временные различия (перфектный инфинитив типа лат. *amavisse*, англ. *to have loved*, в некоторых языках также инфинитив будущего времени); наконец, им свойственно различие между действительным и страдательным залогами (ср., например, форму страдательного залога лат. *amari*, англ. *to be loved* и т. п.). Все эти черты чужды таким словам, как *movement* „движение“, *construction* „сооружение“, *belief* „вера“. Дальнейшее уподобление инфинитива предикативным формам глагола наблюдается в тех языках, которые допускают сочетание инфинитива с подлежащим в именительном падеже; см. стр. 135.

В некоторых языках инфинитив может употребляться с определенным артиклем. Эта субстантивная черта дает возможность узнавать функцию инфинитива в предложении, которая видна из падежной формы артикля. Там, где артикль стоит при сочетаниях типа греческого „винительного с инфинитивом“, он имеет большую ценность, чем там, где он присоединяется только к „оголенному“ инфинитиву, как в немецком языке¹.

Процесс, который мы наблюдаем в инфинитиве, обнаруживается также и в некоторых других отглагольных существительных. Дополнение в винительном падеже встречается в редких случаях в санскрите, греческом и латинском языках, например, в часто цитируемом предложении из Плавта: *Quid tibi hanc curatio rem?* (Delbrück, Synt., 1. 386). В некоторых славянских языках, в частности в болгарском, стало обычным присоединять дополнение в

¹ Сочетания с *to* (*to do* „делать“ и т. п.) первоначально представляли собой обычную предложную группу (др.-англ. *to dōne*, второе слово в дательном падеже), которая употреблялась с обычным значением *to* (например, в предложениях, соответствующих современным английским предложениям *I went to see the Duke* „Я пошел навестить герцога“, *He was forced to go* „Его заставили уйти“; здесь *to go* и *to see* были субъюнктами). Но постепенно употребление этих конструкций расширилось и их грамматическое значение во многих случаях изменилось: в предложении *I wish to see the Duke* „Я желаю видеть, герцога“ *to see* является первичным компонентом — дополнением к *wish*; в предложении *To see is to believe* „Увидеть значит поверить“ обе группы являются первичными и т. п.

винительном падеже к отглагольному существительному на *-ание* и с другими соответствующими окончаниями. В датском отглагольное существительное на *-en* может принимать дополнение, но в том лишь случае, если глагол и дополнение образуют тесное семантическое единство, что проявляется в объединяющем ударении на дополнении: *denne skiften tilstand, tagen del i lykken* и т. п.; примеры см. в моей книге „Fonetik“, 565.

Самый интересный случай в этом отношении представляет английская форма на *-ing*, которая показывает, как в результате длительного исторического развития чистые существительные, образованные от определенных глаголов, приобретали все большее количество признаков предикативных форм глагола („Growth and Structure of the English Language“, Leipzig and Oxford, 1923, § 197 и сл.). Теперь форма на *-ing* может принимать дополнение в винительном падеже (*on seeing him*) и сочетаться с наречием (*He proposed our immediately drinking a bottle together*), она приобрела перфектные формы (*happy in having found a friend*) и формы страдательного залога (*for fear of being killed*). Что касается подлежащего, которое первоначально всегда ставилось в родительном падеже и даже теперь нередко стоит в этом падеже, то оно часто встречается в общем падеже (*He insisted on the Chamber carrying out his policy; without one blow being struck*), а в разговорной речи спорадически может стоять в именительном (*instead of he converting the Zulus, the Zulu chief converted him*, с сильным ударением на *he*). Когда англичанин говорит *There is some possibility of the place having never been inspected by the police*, он отклоняется в четырех грамматических пунктах от конструкции, которую употребил бы его предок шестьсот лет назад (общий падеж, перфект, страдательный залог, наречие).

Здесь можно упомянуть также и латинский герундий. Развитие этой формы довольно интересно. В латинском языке существовало пассивное причастие на *-ndus* (герундив), которой могло употребляться точно таким же образом, как другие причастия и прилагательные, в результате чего получался нексус (ср. выше, стр. 142): ср. *Elegantia augetur legendis oratoribus et poetis* букв. „Изящество увеличивается читаемыми ораторами и поэтами“. Наряду с сочетанием *cupiditas libri legendi*, которое следует толковать точно так же, стало возможным сказать *cupiditas legendi* без какого-либо существительного в качестве первичного слова; это далее повело к тому, что *legendi* стало восприниматься как своею рода родительный падеж от инфинитива, допускающий постановку дополнения в винительном падеже. Таким образом, возникло то, что трактуется сейчас как особая форма глагола, которая склоняется по падежам (кроме именительного) в единственном числе, подобно обычному существительному среднего рода, и называется герундием (см. Sommer, Handbuch, der lateinischen Laut- und Formenlehre, 631). Первоначальную и более позднюю конструкции находим в одном предложении у Цезаря: *neque consilii habendi neque arma capiendi spatio dato*¹.

¹ Имена действующих лиц (например, *believer*) и причастия (*a believing Christian; believed*) предполагают нексус, но не обозначают нексус сами по себе, как имена действий (*belief*) или инфинитивы (*to believe*).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О НЕКСУСЕ

Поскольку я особо подчеркивал, что в нексус входят два понятия (в противоположность юнкции, где оба компонента образуют единое понятие), читатель, может быть, будет удивлен тем, что я ставлю здесь вопрос о возможности нексуса, включающего лишь один компонент, и особенно тем, что я отвечаю на этот вопрос положительно. Бывают случаи, когда налицо только первичный компонент или только вторичный компонент, но тем не менее они так сходны с обычным нексусом, что их невозможно отграничить от него. Однако тщательный анализ показывает, что обычных два компонента нексуса всегда должны присутствовать в сознании и только в языковом выражении один из них может отсутствовать.

Прежде всего бывают случаи, когда мы имеем только первичный компонент, или, иначе говоря, нексус без аднекса. Это видно из следующего английского предложения: (Did they run?) *Yes, I made them* „(Они побежали?) Да, я их заставил“. Это предложение означает то же самое, что и *I made them run* „Я заставил их побежать“; и, таким образом, как бы парадоксально это ни звучало, мы все-таки находим здесь винительный падеж с инфинитивом, но без инфинитива; *them* подразумевает здесь подлинный нексус и отличается от дополнения в предложении (Who made these frames?) *I made them* „(Кто сделал эти рамы?) Я их сделал“. В разговорном английском языке точно так же встречается самостоятельное употребление *to*, выступающее вместо сочетания инфинитива с *to*: *I told them to* (= *I told them to run*) „Я велел им бежать“. Психологически — это случаи явления *aprosiopesis* („внезапно оборванных предложений“ — „stop-short sentences“ или „pull-up sentences“ в моей терминологии; см. „Language“, 251): инфинитив опускается так же, как и в предложении (Will you play?) *Yes, I will* „(Будете вы играть?) — Да, буду“ или *Yes, I am going to* (*I am willing to, anxious to*).

Далее встречается нексус, состоящий только из вторичного компонента без первичного. Это особенно часто наблюдается в восклицаниях, где нет надобности сообщать слушателю, о чем идет речь; подобные конструкции образуют законченные отрезки коммуникации и должны без колебаний причисляться к предложениям, например: *Beautiful!* „Прекрасно!“, *How nice!* „Как хорошо!“, *What an extraordinary piece of good luck!* „Какая исключительная удача!“ В действительности мы имеем здесь дело с предикативами: ср. *This is beautiful* и т. п.: предикатив возникает первым в сознании говорящего; если же после этого говорящий присоединяет к нему подлежащее, то получается предложение, рассмотренное выше, стр. 138: *Beautiful this view!* Можно избрать и другой путь, добавив вопрос: *Beautiful, isn't it?* (так же, как *This view is beautiful, isn't it?*¹).

Я думаю, что о нексусе без первичного слова можно говорить и тогда, когда достаточно одной предикативной формы глагола без местоимения или

¹ Вундт называет *Welch eine Wendung durch Gottes Fügung!* атрибутивным предложением, в котором *welch eine Wendung* является подлежащим, а *durch Gottes Fügung* атрибутом (соответствующим моему адъюнкту). Однако это очень натянуто: все в целом представляет собой предикатив (аднекс) нексуса; невыраженный первичный компонент появится в нем, если добавить *dies ist*.

существительного в качестве подлежащего: лат. dico, dicis, dicit „говорю, говоришь, говорит“. Нередко глагол в 3-м лице в различных языках обозначает „обобщенное лицо“ (франц. on); см. примеры у Н. Pedersen и J. Zubatэ, Kьhn's Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 40, 134 и 478 и сл.

В наших современных языках подлежащее обычно должно быть выражено, а те немногие случаи, где оно опущено, можно объяснить как явление prosiopesis, которое становится иногда обычным в некоторых устоявшихся восклицаниях: Thank you „Благодарю вас“, нем. Danke, Bitte; ср. также англ. Bless you, Confound it!; Hope I'm not boring you.

Во всех случаях, рассмотренных до сих пор, одночленный нексус представлял собой самостоятельное предложение. Но он может быть и частью предложения. Первичное слово отсутствует в нексусе, который является дополнением к глаголу makes в английской пословице Practice makes perfect „Практика делает совершенным“, т. е. „делает кого-то совершенным“; такое явление очень часто встречается в датском языке: Penge alene gьnr ikke lykkelig „Деньги не делают [человека] счастливым“; Jeg skal gьnre орmьrksom ре at...; ср. нем. Ich mache darauf autmerksam, даь...

Нередко употребляется и конструкция винительного падежа с инфинитивом, в которой отсутствует форма винительного падежа: Live and *let live* „Жить и давать жить“, *make believe* „заставать верить“, *I have heard say* „Я слышал, как говорили“, *Lat see now who shal telle another tale* (Чосер; теперь это устарело). В датском языке такая конструкция встречается часто: Han lod *lyse til brylluppet*; Jeg har hьrt *sigе at...*, и т. п. Также и в немецком и французском языках. Невыраженное первичное есть „обобщенное лицо“. В нем. *ich bitte zu bedenken* оно может быть 2-м лицом.

Но это не единственные случаи, когда первичный компонент нексуса остается невыраженным. В подавляющем большинстве случаев при употреблении инфинитива или нексусного существительного нет необходимости указывать подлежащее нексуса особо. Оно может быть ясно видно из контекста: ср. *I like to travel* и *I like travelling* „Я люблю путешествовать“ (невыраженный первичный компонент — I); *It amused her to tease him* „Ее забавляло дразнить его“ (первичный компонент — she); *He found happiness in activity and temperance* „Он нашел счастье в деятельности и умеренности“ (первичный компонент — he) и т. п. Это может быть и „обобщенное лицо“ (франц. on): *To travel (travelling) is not easy nowadays* „Путешествовать в наши дни не легко“; *Activity leads to happiness* „Деятельность ведет к счастью“; *Poverty is no disgrace* „Бедность — не позор“ и т. п. На то, что первичный компонент, будучи невыраженным, все же присутствует в сознании, указывает возможность употребления „возвратных“ местоимений, т. е. местоимений, свидетельствующих о тождестве подлежащего и дополнения и т. п. при инфинитивах и нексусных существительных: ср. англ. *to deceive oneself* „обманывать себя“, *control of oneself* (self-control); *contentment with oneself*, дат. *At elske sin næste som sig selv er vanskeligt*; *Glæde over sit eget hjem*; нем. *Sich mitzuteilen ist Natur*; лат. *Contentum rebus suis esse maximae sunt divitiae* (Цицерон); то же самое и в других языках.

Я думаю, что, уделив основное внимание понятию нексуса и необходимости „первичного компонента“, или подлежащего, а не обычным определениям, я достиг лучшего толкования „абстрактных существительных“,

„имен действия“ (nomina actionis) и инфинитивов, а особенно роли этих форм в экономии речи. Действительно, ничего нельзя извлечь из определения, согласно которому инфинитив — это „такая форма глагола, которая лишь выражает глагольное понятие, не приписывая его никакому подлежащему“ (Оксфордский словарь), или другое определение: „инфинитив — это форма, выражающая понятие глагола, но не сказуемое к определенному подлежащему, с которым она могла бы образовать предложение“ (Мадвиг); на это можно было бы возразить, что в действительности часто имеется определенное подлежащее, иногда выраженное, а иногда подразумеваемое из контекста; с другой стороны, подлежащее предикативной формы глагола очень часто является в такой же степени неопределенным, как и подлежащее инфинитива, употребленного самостоятельно. Я осмелюсь надеяться, что читатель найдет в настоящей главе и в предыдущих главах обобщение многочисленных явлений, бросающих свет друг на друга, и что, таким образом, будет оправдано выделение приведенных выше конструкций в особый разряд, для которого термин „некус“ не окажется неприемлемым.

Глава XI

ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ

Различные определения. Психологическое и логическое подлежащее. Грамматическое подлежащее. Конструкция there is.

РАЗЛИЧНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Рассмотрение двух компонентов некуса до некоторой степени уже предвосхитило вопрос о взаимоотношениях подлежащего и сказуемого: в тех некусах, которые составляют законченное предложение, „первичный компонент“, как было уже показано, является подлежащим, а аднекс („вторичный компонент“) — сказуемым; говоря о других видах некуса, можно употреблять также термины „подлежащая часть“ (subject-part) и „сказуемая часть“ (predicate-part) вместо терминов „первичный компонент“ и „аднекс“.

Теперь рассмотрим различные определения, которые были даны „подлежащему“ и „сказуемому“ в предшествующих работах; в них, как правило, не принималось во внимание ничего, кроме „предложений“ или даже еще более ограниченного разряда — „суждений“. Исчерпывающее критическое рассмотрение всего, что по этому поводу было сказано грамматистами и логиками, потребовало бы целого тома, но я надеюсь, что нижеследующие замечания окажутся вполне достаточными.

Иногда говорят, что подлежащее представляет собой относительно знакомый говорящему компонент, в то время как сказуемое вводит нечто новое. „Говорящий вкладывает в подлежащее все то, что слушатель, как он знает, считает известным; в сказуемом он присоединяет к этому то новое, что должно быть сообщено в предложении... Говоря „А есть В“, мы подразумеваем: „Я знаю, что вы знаете, кто такой А, но вы, может быть, не знаете, что он яв-

ляется тем же лицом, что и В“ (Baldwin, Dict. of Philosophy and Psychol., 1902, т. 2, 364). Это справедливо для большинства предложений, но не для всех. Ведь в ответ на вопрос „Кто это сказал?“ мы говорим „Это сказал Петр“; *Петр* выступает как новое лицо, но он, без сомнения, представляет собой подлежащее. „Новое“ не всегда содержится в сказуемом; однако оно всегда заключается в связи подлежащего и сказуемого, т. е. в самом факте соединения этих двух компонентов, или, иначе, в „нексусе“; ср. выше все сказанное о различии между юнкцией и нексусом, стр. 130—132.

Другие утверждают, что роль сказуемого состоит в уточнении и определении того, что было вначале неясным и неопределенным; следовательно, подлежащее — это определяемое (determinandum), которое лишь при помощи сказуемого становится определенным (determinatum) (Keynes, *Studies and Exercises in Formal Logic*, 96; Noëen, *Vert Sprek*, 5. 153; Stout, *Analytic Psychology*, London, 1902, 2. 213). Однако эта характеристика больше подходит к такому адъюнкту, как blushing „краснеющая“ в сочетании the blushing girl „краснеющая девушка“, чем к blushes „краснеет“ в предложении the girl blushes „девушка краснеет“. Здесь определяется не девушка, а вся ситуация.

Еще одно часто встречающееся определение гласит: подлежащее — это то, о чем говорится, а сказуемое — то, что высказывается о подлежащем. Это справедливо в отношении многих, может быть даже большинства, предложений, хотя неискушенный человек, вероятно, был бы склонен сказать, что подобное определение ему мало помогает; в таком предложении, как John promised Mary a gold ring „Джон обещал Мери золотое кольцо“, он выделил бы четыре предмета, о которых что-то высказывается и которые поэтому могли бы считаться подлежащими: (1) *Джон*, (2) *обещание*, (3) *Мери* и (4) *кольцо*. Такое распространенное определение, в соответствии с которым подлежащее отождествляется с предметом или темой разговора, неудовлетворительно; лучше всего это можно понять, если проследить, куда оно заводит такого выдающегося психолога, как Стаут (Stout, *Analytic Psychology*, 2. 212 и сл.). В знаменитом отрывке Стаут исходит из приведенного определения и затем приходит к такому пониманию подлежащего и сказуемого, которое, безусловно, весьма далеко от того, что грамматист понимает под подлежащим и сказуемым: „Сказуемое предложения есть определение того, что не было до этого определено. Подлежащее есть первичная характеристика общей темы, к которой затем присоединяется новая характеристика. Подлежащее — это результат предыдущей мыслительной деятельности, являющийся основой и исходной точкой для дальнейшего развития. Дальнейшее развитие — это сказуемое. Предложения в процессе мышления — это то же, что шаги в процессе ходьбы. Нога, на которой сосредоточен вес тела, соответствует подлежащему. Нога, которая передвигается вперед, чтобы занять новое место, соответствует сказуемому... Все ответы на вопросы являются сказуемыми как таковыми, а все сказуемые могут рассматриваться как ответы на возможные вопросы. Если утверждение *Я голоден* является ответом на вопрос *Кто голоден?*, сказуемым будет *я*. Если же задан вопрос *С вами что-то неладно?*, сказуемым будет *голоден*. Каждый новый шаг в течении мысли можно рассматривать как ответ на вопрос. Подлежащее является, так сказать, формулировкой вопроса, а сказуемое — ответом“.

Если все это будет считаться логическим следствием известного определения подлежащего, то грамматисты не могут пользоваться им, поскольку оно не помогает им ни в малейшей мере. Очень плохо, что английским грамматистам приходится пользоваться словом *subject* „подлежащее“, которое в обычной речи наряду с другими значениями имеет значение „тема“ („тема разговора“).

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И ЛОГИЧЕСКОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Многое из того, что грамматисты и логики написали о так называемом *психологическом* и *логическом подлежащем* и *сказуемом*, вызвано путаницей, проистекающей из двусмысленности слова *subject*. Перечисленные термины применяются разными авторами к самым различным понятиям. Это будет видно из нижеследующего обзора, который, вероятно, ни в какой мере не является исчерпывающим.

1) Последовательность во времени. Так, Габеленц (G. v. d. G a b e l e n t z, *Zeitschrift für Völkpsychologie und Sprachwissenschaft*, VI и VIII; сокращенно в книге *Die Sprachwissenschaft*, Leipzig, 1891, стр. 348 и сл.) говорит: слушатель сначала воспринимает слово А и спрашивает, полный ожидания: „Что с А?“ Затем он слышит следующее слово В и, сочетая их вместе, спрашивает снова: „Что с (А + В)?“ Ответом является С и так далее. Каждое последующее слово является сказуемым к подлежащему, заключенному в том, что он уже слышал. Это аналогично явлению, которое происходит с двумя катушками телеграфного аппарата: на одной стороне — катушка с уже заполненной лентой, и она все время увеличивается, на другой стороне — катушка с пустой лентой, которая, разматываясь, увеличивает размеры первой. Говорящий знает заранее, что содержится в одной катушке и что заполнит ленту, намотанную на другой катушке. Что же тогда заставляет его сказать сначала А, а затем В и т. д.? Очевидно, на первое место он помещает то, что порождает у него мысль — его „психологическое подлежащее“, на второе же — то, что он о нем думает — его „психологическое сказуемое“; затем оба они вместе взятые могут стать подлежащим дальнейших размышлений и дальнейших высказываний. (Подобным же образом: M a u t h n e r, *Kritik der Sprache*, 3. 217 и сл.)

Это очень интересно. И Габеленц с этой точки зрения дает искусный анализ предложения *Habemus senatusconsultum in te vehemens et grave*, который можно привести в любой работе, посвященной психологической стороне порядка слов; но сходство между этими явлениями и отношениями в сочетании „подлежащее — сказуемое“ весьма отдаленное, и обозначать то и другое одним и тем же термином не следует. Термин Вегенера „экспозиция“ для обозначения того, что Габеленц называет психологическим подлежащим, оказывается более удачным. Однако необходимо помнить, что порядок слов в живом языке не определяется целиком и полностью психологическими соображениями; иногда он бывает чисто условным, соответствующим правилам данного языка и не зависящим от воли говорящего.

2) Новое и важное. Пауль (P a u l, *Deutsche Grammatik*, 3. 12) сначала как будто соглашается с Габеленцем, определяя психологическое подлежащее как мысль или ряд мыслей, которые появляются в сознании говорящего первыми, а

психологическое сказуемое, — как то, что затем присоединяется (*neu angeknüpft*) к ним. Но он сводит это определение на нет, когда добавляет, что хотя мысль-подлежащее и появляется в сознании говорящего первой, подлежащее иногда ставится на втором месте, поскольку в момент начала речи мысль-подлежащее, особенно под влиянием сильной эмоции, может быть оттеснена мыслью-сказуемым как более новой и более важной. В более ранней работе („Prinzipien der Sprachgeschichte“, 283) он пишет, что психологическое сказуемое — самое важное в предложении; оно является целью сообщения; поэтому оно произносится с наибольшим ударением. Если в предложении *Карл едет завтра в Берлин* все одинаково ново для слушателя, то *Карл* представляет собой подлежащее, к которому присоединяется сказуемое *едет*; к последнему как к подлежащему присоединяется в качестве первого сказуемого *завтра* и в качестве второго сказуемого — *в Берлин*. Далее, если слушатель знает о завтрашней поездке Карла, но не осведомлен о цели его путешествия, тогда сказуемым становится *в Берлин*; если же он знает, что предполагается поездка в Берлин, но не знает когда, то сказуемым будет *завтра* и т. п. Пауль утверждает даже, что если слушателю не известен только способ передвижения (верхом, в карете, пешком), то глагол *едет* „в какой-то мере распадается на две составные части — общий глагол движения и определение к этому глаголу, обозначающее конкретный вид движения, причем сказуемым является только последнее“. Трудно представить себе более ненужные тонкости. Почему не отказаться в таком случае вообще от терминов „подлежащее“ и „сказуемое“ и не сказать просто, что новое для слушателя в конкретном сообщении может в зависимости от обстоятельств быть выражено любым членом предложения?

3) Ударение (или тон). Рассуждения по поводу данного предмета почти нельзя отличить от предыдущего. Хэфдинг (*Hэфдинг, Den menneskelige tanke*, 88) говорит, что логическое сказуемое часто является грамматическим подлежащим или прилагательным, относящимся к подлежащему: *You are the man* „Вы именно тот человек“, *All the guests have arrived* „Все гости прибыли“. Оно узнается всегда по ударению: *The King will not come* „Король не придет“, *He has gone* „Он ушел“. В предложениях описательного характера почти каждое слово может быть логическим сказуемым, потому что оно может получить ударение для передачи чего-то нового. То, что здесь названо логическим сказуемым, почти совпадает с понятием психологического сказуемого у Пауля. Однако лучше было бы признать, что оно не имеет никакого отношения к логике в собственном смысле: в учебнике формальной логики того же автора постоянно встречаются термины „подлежащее“ и „сказуемое“, например в правилах, которые даются для силлогизмов, но там эти слова приводятся не в логическом, а в грамматическом смысле, без всякого учета ударения. Поскольку ударение определяется преимущественно не логическими соображениями, а эмоциями (интересом к конкретной мысли или значением, которое приписывается ей в данный момент), Блумфилд (*Bloomfield, An Introduction to the Study of Language*, 114) правильно поступает, когда предпочитает термин „эмоционально доминирующий элемент“¹ для обозначения того, что Пауль называет логическим, а Хэфдинг психологическим сказуемым.

¹ Ср. уже у Вундта (*Wundt, Die Sprache*, Leipzig, 1900, 2. 259 и сл.).

4) Любое первичное слово в предложении есть логическое подлежащее. Соответственно этому Кутюрб (Couturat, *Revue de Métaphysique*, январь, 1912, 5) в предложении *Pierre donne un livre a Paul* „Петр дает книгу Павлу“, которое означает то же, что и предложение *Paul rezoit un livre de Pierre* „Павел получает книгу от Петра“, выделяет три слова *Pierre, livre, Paul* как „подлежащие к глаголу, который выражает их отношения“.

5) „В сочетании *добрый отец*, как и в предложении *Отец добрый*, слово *добрый* с точки зрения логики является сказуемым к подлежащему *отец*; в сочетаниях *писать письмо, красиво писать* с точки зрения логики при подлежащем *писать* стоит сказуемое *письмо, красиво*“ (Steinthal, *Charakteristik*, 101).

6) Вегенер (Wegener, *Untersuchungen über die Grundfragen des Sprachlebens*, Halle, 1885, 138) анализирует немецкий глагол *satteln* как состоящий из *sattel* + суффикс, который делает его глаголом, и заявляет, что первый элемент представляет собой логическое сказуемое (*sattel*), а второй — логическое подлежащее (-n).

7) Суит („*New English Grammar*“, стр. 48) говорит, что в предложении *Я пришел домой вчера утром* слово *пришел*, взятое вне контекста, является грамматическим сказуемым, а сочетание *пришел-домой-вчера-утром* — логическим сказуемым. В другом же месте (HL, 49) он замечает, что в английском предложении *Gold is a metal* „Золото — металл“ грамматическим сказуемым в строгом смысле слова служит *is*, но логическим сказуемым будет *metal* „металл“.

8) Многие грамматисты применяют термин „логическое подлежащее“ к тому члену пассивного предложения, который был бы подлежащим, если бы та же самая мысль была выражена в действительном залоге, например *his father* в предложении *he was loved by his father* „Он был любим отцом“ (ниже мы называем его „конвертированным подлежащим“, гл. XII).

9) Другие говорят, что в английских предложениях *It is difficult to find one's way in London* „В Лондоне трудно найти дорогу“; *It cannot be denied that Newton was a genius* „Нельзя отрицать, что Ньютон был гением“ *it* является формальным подлежащим, а инфинитив или придаточное предложение — логическим подлежащим.

10) Другие грамматисты утверждают, что в таких „бесподлежащих“ предложениях, как нем. *Mich friert* „Меня морозит“, логическим подлежащим является „я“¹.

11) И, наконец, можно отметить еще одно употребление того же термина (тесно связанное с предыдущим, п. 10). Иногда при рассмотрении явления перехода прежней английской конструкции *Me dreamed a strange dream* „Мне приснился странный сон“ в современную конструкцию *I dreamed a strange dream* „Я видел странный сон“ говорят, что психологическое (или логическое) подлежащее превратилось также и в грамматическое подлежащее.

¹ Возвратное местоимение относится обычно к подлежащему предложения, но иногда к тому, что, согласно нашим рассуждениям, можно назвать логическим подлежащим: ср. др.-исл. (*Laxd. saga*, 44. 17) *Съргъл мжлтл нъ vid Bolla, at henni юytti hann eigi hafa sūr allt satt til sagt* „Ей казалось, что он не сказал ей всю правду“; ср. также лат. *sunt et sua fata sepulchris*.

Нет ничего удивительного, что после таких бесцельных разговоров о логическом и психологическом подлежащем некоторые авторы пытаются избежать употребления этих терминов вообще. Так, Шухардт (Schuchardt, Hugo Schuchardt-Brevier, 243) предлагает термин *agens*, но едва ли он подходит к таким случаям, как *Он страдает*, *Он сломал ногу*, а в предложении *А любит Б* скорее следовало бы сказать, что *Б* действует на *А*, а не наоборот.

Насколько мне известно, единственными лингвистами, сделавшими серьезную попытку обойтись без термина „подлежащее“ при грамматическом анализе, были шведы Сведелиус (Svedelius) и Норейн. Однако таким путем достичь ничего нельзя. Гораздо лучше сохранить традиционные термины, но ограничить их той сферой, где их значение известно каждому, т. е. употреблять термины „подлежащее“ и „сказуемое“ исключительно в значении грамматического подлежащего и сказуемого и отвергнуть всякие попытки присоединить к этим терминам адъюнкты „логическое“ и „психологическое“.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Чтобы лучше понять значение слова „подлежащее“ в его грамматическом применении, вспомним все, что было сказано в главе, посвященной трем рангам. В каждом предложении есть элементы (вторичные слова), которые бывают сравнительно жидкими или текучими; есть и другие элементы (первичные слова), которые закреплены прочнее и подобны скалам, поднимающимся над морем. Подлежащее всегда бывает первичным словом в предложении, хотя и не обязательно единственным первичным. Это значит, что подлежащее является относительно определенным и специальным, а сказуемое — менее определенным, а поэтому применимым к большему количеству вещей.

Иногда могут возникать сомнения относительно того, какое из слов считать подлежащим в том случае, когда после бесцветного глагола *be* „быть“ стоит предикатив¹. Однако даже здесь обычно бывает нетрудно определить, какое слово является подлежащим, если иметь в виду все, что было сказано о более специальном характере подлежащего по сравнению со сказуемым.

После результатов, достигнутых при помощи анализа в главе V, мы уже подготовлены к тому, что прилагательные в функции предикатива встречаются весьма часто, поскольку они менее специальные, чем существительные, и следовательно, применимы к гораздо большему количеству вещей; так, никто не сомневается, что в предложениях *Мой отец стар* и *Платье было синее* выделенные слова являются подлежащими, а прилагательные — предикативами.

¹ Заметьте различие между терминами „сказуемое“ и „предикатив“ (у Есперсена — *predicate* и *predicative*, т. е. предикат и предикатив. — *Прим. перев.*): в предложении *The man paints flowers* „Этот человек рисует цветы“ *paints* „рисует“ (или, по мнению других, вернее, *paints flowers* „рисует цветы“) является сказуемым; в *The man is a painter* „Этот человек — художник“ сказуемым является *is a painter*, которое в данном случае состоит из глагола *is* „есть“ и предикатива *a painter* „художник“. Относительно предикативов при других глаголах см. стр. 149—150.

Для тех случаев, когда два существительных связаны с помощью *is*, можно сформулировать некоторые правила в соответствии с нашим принципом.

Если одно из существительных вполне определено, а другое — нет, первое является подлежащим; так обстоит дело с именами собственными:

Tom is a scoundrel „Том — негодяй“.

То же самое наблюдается, когда слово получает определенность в результате присоединения определенного артикля или какого-либо другого, сходного с ним в этом отношении слова: *The thief was a coward* „Вор был трусом“. *My father is a judge* „Мой отец — судья“.

Уместно отметить, что порядок слов не всегда является решающим, хотя во многих языках наблюдается сильная, а в английском — очень сильная тенденция ставить подлежащее на первое место. Встречаются исключения, когда на первом месте стоят прилагательные, хотя они, бесспорно, употреблены как предикативы (*Велико было его удивление, когда он увидел результат*); то же случается и с существительными в функции предикатива (*A scoundrel is Tom*); такое явление часто наблюдается в немецком, где, например (как все согласятся), в стихе Гейне *König ist der Hirtenknabe* „Король — подпасок“ подлежащим является последнее слово. В датском языке ставить подлежащее на первое место не обязательно. Однако, с другой стороны, если оно не находится на первом месте, то должно следовать сразу за (первым) глаголом, в то время как инфинитивы и слова типа *ikke* „не“ ставятся перед предикативом. В датском встречаются два слова с одинаковым написанием *Møller*, но имя собственное произносится с гортанной смычкой в *l*, тогда как имя нарицательное „мельник“ лишено гортанной смычки. И любопытно, что датчане никогда не станут сомневаться, как следует произносить приведенные ниже четыре предложения:

1. *Møller skal være Møller*;
2. *Møller skal Møller være*;
3. *Møller er ikke Møller*;
4. *Møller er Møller ikke*.

В первом и в третьем предложениях с гортанной смычкой они произнесут первое *Møller* и тем самым выделят его как имя собственное, поскольку порядок слов показывает, что это слово является подлежащим; во втором и в четвертом предложениях наблюдается обратное явление. Предложения 1 и 2 означают: „Меллер должен быть мельником“, а 3 и 4 — „Меллер не мельник“. В английском различие между *Miller* „Миллер“ и *miller* „мельник“ проявляется в употреблении неопределенного артикля перед именем нарицательным.

Если два существительных, соединенные связкой *is*, в одинаковой степени неопределенны, то решение вопроса, какое из них является подлежащим, зависит от их смыслового объема:

A lieutenant is an officer „Лейтенант — офицер“;

A cat is a mammal „Кошка — млекопитающее“;

A mammal is an animal „Млекопитающее — животное“.

И так везде, где существует иерархия (класс, отряд, семья, род, вид).

Можно сказать:

A spiritualist is a man „Спиритуалист — человек“,
но невозможно:

A man is a spiritualist (a man — подлежащее) „Человек — спиритуалист“,

хотя, конечно, вполне возможно:

This man is a spiritualist „Этот человек — спиритуалист“.

И нет исключения из правила, если вполне естественно звучит:

A man is a spiritualist, if he believes in the possibility of communication with the spirits of the dead „Человек — спиритуалист, если он верит в возможность общения с душами умерших“.

Здесь условное предложение равносильно уточнению, поскольку все приведенное предложение равнозначно предложению *A man who believes... is a spiritualist* „Человек, который верит...“ является спиритуалистом“.

Точно так же можно сказать:

if a man is a spiritualist „если человек — спиритуалист...“, так как это означает, что я говорю только о тех людях, которые являются спиритуалистами.

Здесь можно сделать любопытное наблюдение: хотя подлежащее и предикатив, на первый взгляд, являются как будто бы одинаково неопределенными, все же разница между ними существует, поскольку подлежащее употребляется в родовом значении, а предикатив — в индивидуальном. Так, во множественном числе предложение

Thieves are cowards „Воры — трусы“

означает „Все воры трусы, т. е. составляют некоторое число трусов, вообще существующих“. Ту же мысль можно выразить и в единственном числе:

A thief is a coward „Вор — трус“.

Говоря так, я имею в виду не конкретного вора, а всякого вора (хотя я, конечно, не хочу сказать, что всякий вор есть всякий трус и что оба слова, таким образом, являются одинаковыми по объему). Точно таким же образом:

A cat is a mammal „Кошка — млекопитающее“, и т.п.

Следует обратить внимание на автоматический сдвиг значения неопределенного артикля. В качестве примера возьмем такого рода диалог: А говорит: «The sailor shot an albatross» „Матрос убил альбатроса“, т. е. конкретного представителя этого вида. Б спрашивает: «What is an albatross?» „Что такое альбатрос?“ Вопрос задан не в отношении данного альбатроса, а в отношении всего вида; и, соответственно, ответ А: «An albatross is a big sea-bird» „Альбатрос — это большая морская птица“ относится ко всему виду и сообщает, что альбатросы принадлежат к более широкому классу морских птиц.

Все это поможет нам понять, почему предикативы часто употребляются или без артикля, или с неопределенным артиклем, хотя правила бывают несколько различными в разных языках. По-английски говорят:

John was a tailor „Джон был портной“ и

John was a liar „Джон был лгуном“,

но в немецком и в датском языках неопределенный артикль был бы употреблен лишь в последнем предложении, а отнюдь не в первом, где предикатив означает профессию: *Hans war Schneider*, *Hans war ein Lügner*; *Jens var skjædder*, *Jens var en lъgnhals*. В английском языке предикатив стоит без артикля, если его

значение ограничено: Mr. X is Bishop of Durham „Мистер X — епископ Дургамский“; если же такого ограничения нет, артикль требуется: He is a bishop „Он епископ“. В предложении He was made President „Он был избран президентом“ артикль отсутствует потому, что одновременно существует лишь один президент. (Аналогично и в некусном дополнении: They made him President „Они избрали его президентом“.)

Теперь возьмем следующие два предложения:

My brother was captain of the vessel „Мой брат был капитаном судна“ и

The captain of the vessel was my brother „Капитан судна был моим братом“.

В первом предложении слова *my brother* „мой брат“ являются более определенными („мой единственный брат“, или „брат, о котором мы говорим“), чем во втором предложении („один из моих братьев“, так как вопрос о том, сколько у меня братьев, остается открытым). Ср. выше раздел о значении притяжательных местоимений, стр. 125.

Некоторые исследователи (Норейн и др.) указывали, что можно спорить о том, что является подлежащим, а что — предикативом в предложениях, где оба члена могут поменяться местами, например:

Miss Castlewood was the prettiest girl at the ball.

The prettiest girl at the ball was Miss Castlewood.

Этот вопрос не очень важен, и если мы рассмотрим оба компонента с нашей точки зрения, мы увидим, что они в равной мере специальные. Все же представляется естественным в таких случаях считать, что имя собственное более специально, а следовательно, оно является подлежащим. Мы увидим это, если сформулируем соответствующие вопросы, поскольку местоимение среднего рода *what* „что“ всегда замещает предикатив; получается, что оба предложения будут естественными ответами на любой из следующих вопросов: *What was Miss C.?* „Чем была мисс К.“ и *Who was the prettiest girl?* „Кто был прелестнейшей девушкой?“¹ Но предложение *What was the prettiest girl at the ball?* будет выражать другой: вопрос. Мы придем к тому же выводу, если обратим внимание на то, что вполне возможно сказать *I look on Miss C. as the prettiest girl at the ball* „Я смотрю на мисс К. как на прелестнейшую девушку на балу“, но нельзя сказать *I look on the prettiest girl at the ball as Miss C.* „Я смотрю на прелестнейшую девушку на балу, как на мисс К.“²

Там, где обнаруживается полное тождество (соразмерность) двух понятий, связанных глаголом *is*, подлежащее и предикатив могут меняться; это имел в виду Китс в своем стихе *Beauty is truth; truth, beauty* „Красота есть

¹ Здесь, очевидно, *who* служит подлежащим. Но Суит („New English Grammar“, § 215), как ни странно, заявляет, что „вопросительное местоимение всегда является сказуемым предложения, которое оно вводит“. Это правильно для предложения, приведенного Суитом в качестве примера — *Who is he?* „Кто он?“, — по той причине, что *he* более определенно, чем *who*, но в предложениях *Who is ill?* „Кто болен?“. *Who said it?* „Кто это сказал?“ *who* является подлежащим; обратите внимание также на порядок слов в косвенном вопросе: *I asked who he was* „Я спросил, кто он такой“; *I asked who was ill* „Я спросил, кто болен“; в датском языке *с der* после подлежащего: *Jeg spurgte hvern han var*; *Jeg spurgte hvem der var syg*.

² Если мы применим критерий датского языка, исходя из местоположения *ikke*, мы увидим, что в предложении *Frk. C. var den smukkeste pige pe ballet* невозможно *ikke* поставить на последнее место, оно должно следовать за *var*, хотя в предложении *Den smukkeste pige pe ballet var frk. C.* допустимы оба положения.

истина; истина — красота“. Но, как мы уже видели, полное тождество встречается редко; кроме того, необходимо отметить, что языковая „связка“ is не означает и не предполагает тождества; она означает субсумпцию в значении старой аристотелевской логики, которая, таким образом, находится в большем соответствии с грамматикой, чем так называемая логика тождества (Лейбниц, Дживонс, Хэфдинг). По мнению последнего, предложение Peter is stupid „Петр глуп“ следует анализировать как „Петр есть глупый Петр“; или, поскольку считается, что содержание предиката воздействует на содержание субъекта, мы получим полное тождество, лишь когда скажем: Stupid Peter is. stupid Peter „Глупый Петр есть глупый Петр“. Однако таким образом теряется само существо коммуникации от говорящего к слушателю; из слов is stupid Peter „есть глупый Петр“ слушающий не узнает ничего нового по сравнению с тем, что он уже знал с самого начала, и такое предложение поэтому вообще бесполезно. Простой смертный всегда предпочтет формулировку Peter is stupid, посредством которой Петр относится к разряду тех существ (и предметов), которые могут быть названы „глупыми“.

В математической формуле $A = B$ не следует считать знак = связкой, а B — предикативом; связку надо вставить перед предикативом equal to B „равно B“ (A is equal to B); тем самым эта формула означает: A осмысливается как находящееся среди предметов (возможно, нескольких), которые равны B (независимо от того, означает ли equal только количественное равенство или полное тождество).

В некоторых случаях идиоматического употребления мы, пожалуй, были бы склонны усмотреть в is указание на тождество: To see her is to love her „Видеть ее значит полюбить ее“, Seeing is believing „Видеть значит верить“. Однако это тождество скорее кажущееся, чем подлинное. Было бы невозможно поменять компоненты местами, поскольку логическое назначение приведенного высказывания сводится к следующему: „видение“ немедленно ведет к любви, вере (или вызывает любовь или веру). То же самое находим и в предложении: To raise this question is to answer it „Поднять этот вопрос значит ответить на него“¹ и т. д.

КОНСТРУКЦИЯ THERE IS

Выше говорилось о том, что подлежащее предложения является более специальным и более определенным, чем предикатив; в связи с этим можно указать на тенденцию избегать употребления подлежащего с неопределенным артиклем, за исключением тех случаев, когда артикль имеет „родовое“ значение, и тем самым обозначается весь вид — понятие вполне определенное. Вместо того чтобы начать рассказ словами A tailor was once living in a small house „Портной однажды жил в маленьком домике“, обычно говорят Once upon a time there was a tailor „Однажды жил-был портной“ и т. д. Ставя ослабленное there на место, которое занимает обычно подлежащее, мы как бы прячем

¹ Дети есть дети означает „(Все) дети принадлежат к числу существ, которые характеризуются как дети“ Относительно it is I (me) и эквивалентов этой конструкции в других языках см. „Sprogets Logik“, Kshbenhavn, 1913, стр. 59.

последнее, относя его на менее важную позицию, потому что оно неопределенно.

Слово *there*, употребляемое для введения подобных предложений, хотя и пишется так же, как наречие места *there*, в действительности отличается от него в той же степени, в какой неопределенный артикль отличается от определенного; оно не имеет ударения и обычно произносится с нейтральным гласным [pɔ] вместо [pɛ·ɔ]. Неопределенное значение слова *there* подчеркивается тем, что в одном и том же предложении можно сочетать это слово с (ударенным) наречием места *there* „там“ или *here* „здесь“. За ним следует неопределенное подлежащее: *There was a time when...* „Было время, когда...“; *There were many people present* „Присутствовало много народу“, *There was no moon* „Луны не было“, *There came a beggar* „Пришел нищий“ и др. Ослабленное *there* занимает место подлежащего и в конструкциях типа *Let there be light* „Да будет свет“; *on account of there being no money in the box* „ввиду того, что в коробке нет денег“. Ср. также в современном романе: *No other little girl ever fell in love with you, did there?*

Неопределенность не всегда выражается формально; так, в предложении *There are those who believe it* „Есть те, которые верят этому“ *those* является по значению неопределенным (= *there are some who* „есть некоторые, кто“; *sunt qui credunt*) и таким образом отличается от определенного *those*, которым мы начинаем предложение:

Those who believe it are very stupid „Те, кто верит в это, очень глупы“. *In Brown's room there was the greatest disorder* „В комнате Брауна был ужасный беспорядок“ = *a very great disorder* и отличается от *The greatest disorder was in Brown's room* „Наибольший беспорядок был в комнате Брауна“. Заметьте также различный порядок слов в предложениях *There [pɔ] was found the greatest disorder* „Был обнаружен ужасный беспорядок“ и *There [pɛ·ɔ] the greatest disorder was found* „Там был обнаружен наибольший беспорядок“, хотя первое предложение может читаться также и с ударным *there*.

Предложения, соответствующие английским предложениям с *there is* или *there are*, в которых утверждается или отрицается существование чего-либо (если бы нам нужен был специальный термин, мы могли бы назвать их „предложениями бытия“ — англ. *existential sentences*), отличаются поразительными особенностями во многих языках. Независимо от того, употребляется или нет для введения таких предложений слово типа *there*, глагол предшествует подлежащему, а последнее едва ли трактуется грамматически как настоящее подлежащее. В датском языке оно имеет ту же самую форму, что дополнение, хотя и употреблен глагол „есть“: *Der er dem som trog*, и даже с пассивом — *der gives dem*. В датском глагол в этой конструкции ставился в единственном числе перед существительным во множественном числе даже в то время, когда различие между формой единственного числа *er* и формой множественного числа *ere* еще соблюдалось; в английском языке существует та же тенденция употреблять *there's* перед формами множественного числа, хотя в литературном языке она и не так сильна, как прежде; в итальянском тоже встречается *v'и* вместо *vi sono*.

В русском языке глагол *есть* в большинстве предложений отсутствует, но в таких предложениях, как *Был мальчик*, *Жила вдова*, он всегда стоит в начале. Форма *есть* — первоначально форма 3-го лица единственного числа —

употребляется даже перед существительным во множественном числе, а также и перед местоимениями других лиц (V o n d r б к, *Vergleichende slavische Grammatik*, Güttingen, 1906, 267); наконец, можно упомянуть любопытную форму *Наехало гостей* (B e r n e k e r, *Russische Grammatik*, 156).

В древнегреческом языке глагол „есть“ не обязательно выражался в обычных предложениях, но в предложениях рассматриваемого типа мы находим *esti* перед подлежащим *all' ouk esti biē phresin, oude tis alkē* „Но нет силы в душе и никакой мощи“; ср. Meillet, *Mémoires de la Société de Linguistique*, 14.9.

В немецком языке принята известная конструкция *es gibt*, которая, конечно, предшествует указанию на то, что существует; это последнее является дополнением к глаголу, хотя в некоторых западнонемецких диалектах оно ставится в именительном падеже и говорят *Es geben viele Dpfel* „Есть много яблок“ — G r i m m, *Wörterbuch*, IV, 1. 1704; P a u l, *Deutsche Grammatik*, 3. 28.

Во многих языках есть выражения с глаголом „имеет“ за которым следует форма, первоначально являвшаяся дополнением, но теперь не всегда отличающаяся от падежа подлежащего: ср. франц. *il y a*, исп. *hay* (от *ha* „имеет“ и *y* „там“), ит. *v'ha* (в сочетании *v'hanno molti* „есть много“ *molti* трактуется как подлежащее), южн.-нем. *es hat*, серб. и болг. *ima*, совр. гр. *ekhei* (ср. также Н. Pedersen, Kühn's „*Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*“, 40. 137). Китайский язык во всех случаях соблюдает правило, согласно которому подлежащее ставится до глагола, но предложения рассматриваемого типа начинаются с уещ, первоначально — „иметь“; см. G a b e l e n t z, *Chin. Gramm.*, 144. Финк (F i n c k, Kühn's „*Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*“, 41. 226) транскрибирует то же слово как *yu³*, например: *Yu³ ko lang²* „Однажды жил-был волк“, первоначально = *has piece wolf*.

Здесь можно упомянуть и о некоторых особенностях финской грамматики. Именительный падеж употребляется в финском языке только с определенными подлежащими, к которым причисляются и выражения, обозначающие весь род; если же выражается что-либо неопределенное, употребляется партитив; ср. *Viini* (им. п.) *on pöydällä* „Вино на столе“, *Viini on huudд* „Вино (как определенная разновидность вещества) хорошее“, *Viinid* (партитив) *on pöydällä* „На столе есть вино“. Так же как и в английском и датском языках, где *there* и *der* не употребляются с глаголом, имеющим дополнение, поскольку это как бы предполагает некоторую определенность, финский язык в подобных случаях прибегает к именительному падежу, даже если в предложении подразумевается „некоторые“: *Varkaat* (или *jotkul varkaat*, им. п.) *varastivat tavaranі* „Воры (какие-то воры) украли мои вещи“, но *Varkaita* (партитив) *tuli talooni* „В мою квартиру проникли какие-то воры“ (E l i o t A *Finnish Grammar*, Oxford, 1890, 121 и сл.).

ДОПОЛНЕНИЕ. ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ И СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГИ (АКТИВ И ПАССИВ)

Что такое дополнение? Дополнение результата. Подлежащее и дополнение. Взаимность. Два дополнения. Прилагательные и наречия с дополнениями. Страдательный залог. Употребление форм страдательного залога. Средний залог. Активные и пассивные прилагательные. Активные и пассивные существительные. Некусные существительные. Инфинитивы.

ЧТО ТАКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ?

Очень легко выделить подлежащее, если в предложении имеется только одно первичное слово, например: *Джон спал; Дверь тихо открылась;* в предложениях, которые содержат два члена, соединенных связкой *is* или другим подобным глаголом (или которые не имеют глагола, см. гл. IX), как мы видели, более специальным компонентом является подлежащее (первичное слово), а менее специальным — предикатив. Однако во многих предложениях бывает по два (или три) первичных компонента: в таких предложениях один компонент является подлежащим, а другой (или два других) дополнением (или дополнениями); так, в предложениях *John beats Paul* „Джон бьет Поля“, *John shows Paul the way* „Джон показывает Полю дорогу“ *John* — подлежащее, а *Paul* и *the way* — дополнения. В предложениях, содержащих глагол, почти всегда легко найти подлежащее, поскольку оно является тем первичным компонентом, который имеет ближайшее отношение к глаголу в той форме, в какой последний фактически употреблен в предложении. Это применимо как к предложениям только что упомянутого типа, так и к предложениям типа *Peter is beaten by John* „Петр избивается Джоном“, где можно было бы, согласно другим определениям, рассматривать *John* как подлежащее, поскольку Джон является действующим лицом.

Дополнению были даны самые различные определения. Наиболее распространенным является определение, отмечающее, что дополнение обозначает лицо или предмет, над которым совершается действие. Это определение покрывает многие случаи, например: *John beats Paul* „Джон бьет Поля“; *John frightened the children* „Джон напугал детей“; *John burns the papers* „Джон сжигает бумаги“; однако такое определение трудно применить к бесчисленному количеству других предложений, в отношении которых грамматисты всегда без колебаний говорят о дополнении, например: *John burns his fingers* „Джон обжигает пальцы“ (т. е. „у него болят пальцы от ожога“); *John suffers pain* „Джон терпит боль“ и т. п.

Суит уже давно заметил эту трудность и писал (*Collected Papers*, 25): „С такими глаголами, как *бить*, *нести* и др., винительный падеж, без сомнения, обозначает объект действия, выраженный глаголом, но с глаголами типа *видеть*, *слышать* говорить об объекте действия можно только метафорически.

Нельзя избить человека, чтобы он не почувствовал этого, однако можно увидеть его без того, чтобы он узнал об этом; во многих случаях „видение“ не подразумевает ни действия, ни воли. В таком предложении, как *Он боится этого человека*, отношения оказываются перевернутыми: грамматический именительный падеж обозначает предмет, подвергающийся действию, а винительный падеж — источник воздействия¹. Суит заключает, что во многих случаях винительный падеж вообще не имеет никакого значения; было бы лучше сказать, что он не имеет того значения, которое наблюдается при обычном узком определении дополнения, что его значение варьируется в зависимости от бесконечно разнообразных значений самих глаголов, что можно видеть из следующих примеров: *kill the calf* „убить телят“ и *kill time* „убить время“; *The picture represents the king* „Картина изображает короля“; *He represented the University* „Он представлял университет“; *It represents the best British tradition* „Это представляет лучшую британскую традицию“; *run a risk* „подвергнуться риску“; *run a business* „руководить делом“; *answer a letter, a question, a person* „ответить на письмо, на вопрос, (ответить) кому-либо“; *He answered not a word* „Он не ответил ни слова“; *pay the bill* „оплатить счет“; *pay six shillings* „заплатить шесть шиллингов“; *pay the cabman* „заплатить извозчику“; *I shall miss the train* „Я опоздаю на поезд“; *I shall miss you* „Я буду скучать по вам“; *entertain guests* „развлекать гостей“; *entertain the idea* „вынашивать мысль“; *fill a pipe* „набить трубку“; *fill an office* „занимать должность“ и т. д. и т. п. (ср. „Sprogets Logik“, 83).

Если мы сравним случаи, когда один и тот же глагол употребляется как непереходный (или „абсолютно“), т. е. без дополнения, со случаями его употребления в качестве переходного, т. е. с дополнением², например, из следующих предложений:

Она поет хорошо	Она поет французские песни
Я написал ему	Я написал длинное письмо
Послать за доктором	Послать мальчика за доктором

¹ В 1918 г. Дейчбейн (Deutschbein, Sprachpsychologische Studien, 37) вновь обнаружил трудность, которая касается глаголов восприятия: „В случаях типа *Я вижу дерево* или *Я слышу крик чаек* едва ли можно, исходя из обычного понимания, говорить о воздействии на объект“. Сам он определил винительный падеж как причинный (каузатив). Кстати сказать, этот термин был бы более приложим к именительному падежу, что согласуется и с его собственными словами: „В винительном падеже стоит то понятие, которое выражает действие какой-либо причины (= именительному падежу). Теперь он считает, что термины причина“ и „результат“ нельзя применять к таким глаголам. От этой трудности он избавляется таким образом: по его мнению, предложения типа *Я вижу корабль* означали первоначально „Я вьмлю в себя корабль как образ“; впоследствии это было перенесено и на другие случаи ненамеренного восприятия. Дейчбейн не предложил бы такую теорию, если бы не узость обычного определения „дополнения“.

² Любопытно отметить, что в сомерсетском диалекте (см. Elworthy, Grammar, 191) в зависимости от употребления наблюдаются различия в форме глагола; когда дополнения нет, глагол оканчивается на краткое [i] : [digi], но [dig pɔ graun]; [ziNi] like a man, но [ziN] the song. Это различие до некоторой степени аналогично различию, существующему в венгерском языке между „субъектным“ спряжением, например *írok* „пишу“, и „объектным“ спряжением, например *írom* „пишу“ (с определенным дополнением „это“ и т. п.). Ср. также в креольском языке на острове Маврикий: *To manzj* „Ты ешь“, *To manze pɔsson* „Ты ешь рыбу“ (Baisac, *Йтуде sur le patois cɔyole Mauricien*, 42); нечто подобное встречается в баскском языке (см. Uhlensack, *Karakteristiek*, 32).

Он не курит	Он не курит сигар
Он пьет до обеда	Он пьет вино и т. д.,

то обнаружим, что при дополнении значение глагола будет более специальным. Но как ни важно это наблюдение, оно непригодно для определения дополнения; значение глагола может быть „специализировано“ и с помощью других членов предложения, например с помощью предикатива (ср. *Troy was great* и *Troy was; He grows old* и *He grows*) или субъюнкта (*He walks fast; He sings loud; He walks three miles an hour; travel third class; ride post-haste*).

В некоторых случаях бывает трудно решить, чем является данное слово — предикативом или дополнением. Дополнение во многих случаях опознается по возможности его превращения в подлежащее пассивного предложения. Дополнение теснее связано с глаголом, а предикатив — с подлежащим (к которому он при изменившихся обстоятельствах может быть присоединен в качестве адъюнкта). Таким образом, вполне естественно, что предикативное прилагательное в тех языках, где оно склоняется, согласуется с подлежащим в числе и роде, и что предикатив независимо от того, чем он выражен — существительным или прилагательным, во многих языках ставится в том же падеже, что и подлежащее (в именительном). Нечто среднее между дополнением и предикативом мы встречаем в английском языке при глаголе *make* (ср. *She will make a good wife*) и в немецких диалектах при глаголе *geben* (см. примеры в словаре Гримма, 1702: *Welche nit gern spinnen, die geben gute Wirtin; Wцttu en Bildhauer gдwen = Willst du ein Steinmetzer werden*).

Субъюнкты („существительные, употребляемые адвербиально“) часто сходны с дополнениями, и провести разграничение между этими двумя категориями не всегда легко, например: *He walks three miles* „Он идет три мили“. Мы не сомневаемся, что *stones* „камни“ в сочетании *throw stones* „бросать камни“ является дополнением к глаголу, но во многих языках здесь употребляется творительный падеж (который в древних германских языках слился с дательным); в древнеанглийском языке слово „бросать“ — *weoþran* могло принимать дательный падеж (*teoselum weoþreу* „бросает кости“), хотя чаще оно сочеталось с винительным; в древнеисландском находим *kasta (verpa) steinum* „бросать камнями“; в русском языке глагол *бросать* управляет или винительным, или творительным падежом. В английском, конечно, уже нет творительного падежа, но можно говорить об „инструментальном дополнении“ в таких случаях, как: *She nods her head* „Она кивает головой“, *claps her hands* „хлопает в ладоши“, *shrugs her shoulders* „пожимает плечами“, *pointed her forefinger at me* „указала на меня указательным пальцем“; ср. также *It rained fire and brimstone*.

ДОПОЛНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТА

Существует один тип дополнения, стоящий особняком и представляющий большой интерес; это — дополнение результата: ср., например, *Он построил дом, Она рисует цветы, Он написал письмо, Мышь прогрызла дыру в сыре*. Грамматисты, уделяющие внимание этому виду дополнения (в немецкой терминологии — *Ergebnisobjekt* или *effiziertes Objekt* в противоположность *Richtungsobjekt* или *affiziertes Objekt*), упоминают лишь такие глаголы, как

делать, производить, создавать, сооружать и др., при которых вполне очевидно, что дополнение должно быть дополнением результата. Однако они совершенно упускают из виду интересный факт, что один и тот же глагол часто принимает оба вида дополнения без изменения значения, хотя отношения между глаголом и дополнением в обоих случаях совершенно различны. Ср. следующие примеры:

Dig the ground „Копать землю“	Dig a grave „Копать могилу“
Bore the plank „Сверлить доску“	Bore a hole in the plank „Сверлить отверстие в доске“
Light the lamp „Зажигать лампу“	Light a fire „Зажигать огонь“
He eats an apple „Он ест яблоко“	The moths eat holes in curtains „Моль проедает дыры в гардинах“
Hatch an egg „Сидеть на яйце“	Hatch a chicken „Высиживать цыпленка“
Roll a hoop „Катить обруч“	Roll pills „Скатывать пилюли“
Strike the table „Ударять по столу“	Strike sparks „Высекать искры“
	Strike a bargain „Заключать сделку“
Conclude the business „Завершить дело“	Conclude a treaty „Заключать договор“.

Разновидность дополнений результата составляют так называемые „внутренние дополнения“, которые я упоминал в разделе о некусных существительных (*dream a strange dream; fight the good fight* и т. д., стр. 157). Другую разновидность составляют выражения *grope one's way; force an entrance; He smiled his acquiescence* и т. п.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ И ДОПОЛНЕНИЕ

Взаимоотношения между подлежащим и дополнением нельзя установить раз навсегда ни чисто логическими рассуждениями, ни каким-либо определением; каждый конкретный случай подлжит особому рассмотрению в соответствии с характером данного глагола. Как подлежащее, так и дополнение являются первичными компонентами, и в какой-то степени мы можем принять положение Мадвига, что дополнение является как бы скрытым подлежащим, или положение Шухардта, что дополнение — это помещенное в тени подлежащее („*Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*“, 1920, 462). Таким образом, мы видим, что во многих отношениях между подлежащим и дополнением существует некоторое родство.

Если бы это было не так, нам трудно было бы понять частые случаи перехода одного в другое в ходе истории языка: ср. ср.-англ. *him* (Д =

дополнение) *dreams a strange dream* (П = подлежащее) „Ему снится странный сон“, которое с течением времени стало *He (П) dreams a strange dream* (Д). Такому превращению, без всякого сомнения, способствовало то обстоятельство, что в огромном большинстве предложений форма первого слова не показывала, что оно является дополнением: ср. *The king dreamed...* „Королю снилось...“ Этот сдвиг вызвал семантическое изменение в глаголе *like*, который первоначально имел значение „нравиться“ (*Him like oysters* „Ему нравятся устрицы“), а впоследствии стал означать „любить“ (*He likes oysters* „Он любит устрицы“). В результате такого изменения название лица, занимавшее ранее первое место ввиду его эмоциональной важности, стало теперь занимать это место также и по грамматическим соображениям.

Тогда как в английском и датском языках целый ряд глаголов превратился, таким образом, из „безличных“ в „личные“, соответствующее изменение в итальянском языке привело к появлению особых местоимений „обобщенного лица“ (см. по этому поводу главу, посвященную лицу). *Si dice cosm* означает буквально „говорится так“, нем. *Es sagt sich so*, но в то же время оно эквивалентно нем. *Man sagt so*; в результате то, что было сначала дополнением, стало рассматриваться как подлежащее, и наоборот: *Si put vederlo* „Это можно увидеть“; это проявляется при изменении числа из *Si vendono biglietti*, где *biglietti* является подлежащим, в *Si vende biglietti*, где оно является дополнением. Обе конструкции употребляются теперь бок о бок: так, у Fogazzaro („*Il santo*“, стр. 291): *Pregt che si togliessero le candele*, но на стр. 290: *disse che si aspettava solamente loro*¹.

Логическим родством подлежащего и дополнения объясняется и тот факт, что время от времени встречаются предложения без подлежащего, но с дополнением: нем. *Mich friert, Mich hungert*. Однако в огромном большинстве случаев, там, где при глаголе есть только одно первичное слово, оно будет восприниматься как подлежащее и соответственно оформляется или с течением времени будет оформляться именительным падежом, т. е. подлинным падежом подлежащего.

ВЗАИМНОСТЬ

Некоторые глаголы в силу своего значения дают возможность изменить отношения между подлежащим и дополнением на обратные. Если А встречается Б, то Б также встречается А (заметьте, что там, где мы говорим *I met an old man* „Я встретил старика“, немцы обычно, не изменяя, однако, порядка слов, делают подлежащим слово „старик“: *Mir begegnete ein alter Mann* „Мне встретился старик“). Когда в геометрии одна линия пересекает другую, то и эта другая пересекает первую. Ср. в английском языке: если *Mary resembles Ann* „Мери похожа на Анну“, то и *Ann resembles Mary* „Анна похожа на Мери“; если *Jack marries Jill* „Джек женится на Джилл“, то и *Jill marries Jack* „Джилл выходит замуж за Джека“. В таких случаях мы часто принимаем оба слова за подле-

¹ В соответствии с одной теорией, которая, однако, оспаривалась, противоположный сдвиг произошел в лат. пассиве: первоначально активное **amatur amicos* дало впоследствии *amantur amici*; см. многочисленные статьи, цитируемые Бругманом (*B r u g m a n n, Ursprung das Scheinsubjekts «es»*, Leipzig, 1914, стр. 27, прим.).

жащие и в качестве дополнения употребляем *each other* „друг друга“: *The old man and I met each other* „Старик и я встретились“; *The two lines cut one another* „Две линии пересекаются“; *Mary and Ann resemble each other* „Мери и Анна похожи друг на друга“; *Jack and Jill marry one another* „Джек и Джилл женятся“. Взаимность может, конечно, встречаться, если она и не подразумевается в значении самого глагола: А может ненавидеть Б без того, чтобы Б ненавидел А; но если все же Б питает взаимное чувство ненависти, то это можно выразить приведенным выше образом: А и Б ненавидят друг друга. В английском языке для выражения взаимности часто достаточно одного глагола: *A and B meet (marry, kiss, fight)* „А и Б встречаются (женятся, целуются, сражаются“). В ряде таких случаев в датском языке употребляется форма на -s (прежняя возвратная форма): *A og B mødes, kysses, slæses*.

ДВА ДОПОЛНЕНИЯ

В одном предложении могут быть два дополнения: *He gave his daughter a watch* „Он подарил своей дочери часы“. *He showed his daughter the way* „Он показал своей дочери дорогу“. *He taught his daughter arithmetic* „Он обучал свою дочь арифметике“ и т. п. (Однако следует заметить, что в предложении *They made Brown President* „Они избрали Брауна президентом“ есть только одно дополнение, а именно — весь нексус, так же как и в предложении *They made Brown laugh* „Они заставили Брауна смеяться“). В языках с отдельными формами винительного и дательного падежей лицо обычно ставится в дательном падеже, а предмет — в винительном; первое называется косвенным дополнением, второе — прямым. Однако иногда возможен дательный падеж и при одном дополнении, а в некоторых случаях оба дополнения стоят в винительном падеже. Это свидетельствует о том, что различие между дательным и винительным падежами не понятийное, а чисто синтаксическое и обусловлено оно спецификой каждого языка; об этом и об употреблении других падежных форм в функции дополнения см. гл. XIII, посвященную падежу.

На месте падежной формы при выражении косвенного дополнения мы часто находим предлог, который утрачивает свое первоначальное значение — англ. *to*, романск. *a*. Сначала он обозначал направление и употреблялся при таких глаголах, как *give* „давать“; впоследствии сфера его употребления распространилась и на случаи, где значение направления совершенно исключается, например при глаголе *deny* „отказывать“. В испанском языке предлог употребляется даже при прямом дополнении, если оно обозначает лицо. В английском языке иногда встречается идиоматическое употребление предлога *on*: *bestow something on a person* „даровать что-либо кому-либо“, *confer a degree on him* „присуждать ему степень“ и т. п.

Критерии для определения косвенного и прямого дополнения могут быть различными, даже в пределах одного языка: ср. англ. *present something to a person* „подарить что-либо кому-либо“ и *present a person with something* „одарить кого-либо чем-либо“ (франц. *présenter quelque chose à quelqu'un*). По-французски говорят *fournir qch à qqn*, а по-английски — *furnish someone with something*. Здесь можно только кратко упомянуть о тенденции французского трактовать глагол и зависимый инфинитив как один глагол и в связи с этим

превращать лицо в косвенное дополнение: Il lui fit voir le cheval „Он показал ему лошадь“ (как il lui montra le cheval), но Il le fit chanter „Он заставил его петь“¹ и далее: Je lui ai entendu dire que... „Я слышал, как он говорил, что...“

Если глагол в действительном залоге имеет два дополнения, то одно из них может стать подлежащим соответствующей пассивной конструкции². В большинстве случаев подлежащим пассивной конструкции становится прямое дополнение, а некоторые языки совершенно исключают возможность превращения дополнения в дательном падеже в подлежащее пассивной конструкции. Ср., однако, франц. Je veux ktre obйi „Я хочу, чтобы мне повиновались“. В английском языке наблюдается все возрастающая тенденция превращать лицо в подлежащее глагола страдательного залога. И это совершенно естественно, поскольку в настоящее время нет формального различия между дательным и винительным падежами и поскольку из эмоциональных побуждений говорящий стремится поставить название лица на первое место. Так, обычно говорят: The girl was promised an apple „Девочке было обещано яблоко“; He was awarded a gold medal „Он был награжден золотой медалью“ и т. п. Грамматисты противодействовали этой тенденции главным образом потому, что они находились в плену у латинской грамматики, но школьные педанты не в состоянии преодолеть живое языковое чутье. Как ни странно, педанты гораздо меньше возражали против конструкций типа: He was taken no notice of „На него не обратили внимания“, которые будут объяснены в одном из следующих разделов.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И НАРЕЧИЯ С ДОПОЛНЕНИЯМИ

Глаголы — не единственные слова, которые могут принимать дополнения. В английском языке существует ряд прилагательных, которые могут сочетаться с дополнением: He is not worth his salt „Он никуда не годен“, буквально „Он не заслуживает своей соли“; He is like his father „Он похож на своего отца“; ср. дат. Han er *det franske sprog tьgtig* „Он владеет французским языком“; нем. (с род. п.) Er ist *der franzьsischen Sprache mьchtig*; лат. *avidus laudis* „стремящийся к похвале“; *plenus timoris* „полный страха“. В английском также встречаются сочетания типа conscious that something had happened; anxious to avoid a scandal, в которых придаточное предложение и инфинитив являются дополнениями. Прилагательные, однако, не могут иметь дополнением существительное, кроме как с предлогом: conscious of evil „сознающий зло“, anxious for our safety „беспокоящийся о нашей безопасности“. В этих примерах

¹ Брюно говорит (Brunot, La pensйe et la langue, Paris, 1922, 390): «Нельзя не восхищаться языковым чутьем, которое, несмотря на совершенно одинаковую конструкцию, вкладывает два совершенно разных смысла в предложение J'ai fait faire un vкtement a mon tailleur „Я заказал костюм портному“ и J'ai fait faire un vйtement a mon fils „Я заказал костюм для своего сына“». Вместо восхищения я склонен выразить скорее удивление, что такие двусмысленные конструкции в конечном счете порождают относительно мало недоразумений.

² В тагальском языке (Филиппинские острова) существует три страдательных залога; предложению „искать книгу со свечой в комнате“ могут соответствовать три различных образования в зависимости от того, что рассматривается как самое важное — книга, свеча или комната; самое важное ставится в именительном падеже (H. C. v. d. Gabelentz, Ueber das Passivum, 484).

группы of evil, for our safety как целое являются дополнениями в понятийном плане, даже если не признавать их грамматическими дополнениями. То же самое замечание применимо и к предложным группам с of при таких прилагательных, как suggestive „вызывающий мысли“, indicative „указывающий“ и т. п. В латинском языке существует правило, согласно которому причастия на -ns принимают дополнение в винительном падеже, когда в них сильно ощущается глагольность: amans patriam. Но если они обозначают более постоянное качество, дополнение ставится в родительном падеже (так же, как с прилагательными типа tenax): amans patriae.

Если дополнение стоит при наречии, наречие, как обычно говорят, становится предлогом: см. гл. VI. Заметьте, что немецкий предлог nach „после“ есть не что иное, как фонетический вариант наречия nah „близко“.

Когда за глаголом следует наречие (предлог) с дополнением, последнее может рассматриваться как дополнение ко всему сочетанию глагол -1- наречие; отсюда колебания: нем. Er läuft ihr nach (um ihr nachzulaufen): Er läuft nach ihr (um nach ihr zu laufen); франц. Il lui court après = Il court après elle. В древнеанглийском He him æfter rād (æfterrād) „Он ехал за ним“ æfter можно считать предлогом, стоящим после имени. Заметьте также, что неотделимые дат. (at) efterfølge, (at) efterstræbe = отделимым нем. nach (zu) folgen, nach (zu) streben. Отсюда происходят пассивные конструкции, существующие в английском языке: He was laughed at „Над ним посмеялись“, He is to be depended on „На него можно положиться“ и др.

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

В некоторых случаях в наших языках встречаются пары глаголов, находящиеся друг с другом в таких же отношениях, как слова *над* и *под*, *перед* и *после*, *больше* и *меньше*, *старше* и *моложе*. К таким случаям можно отнести:

A precedes B = B follows (succeeds) A.
„А предшествует B“ = „B следует за A“.

То, что в первом предложении рассматривается с точки зрения A, во втором рассматривается с точки зрения B¹.

В большинстве же случаев сдвиг достигается с помощью пассивной конструкции (ср. англ. A precedes B и B is preceded by A). То, что было дополнением (или одним из дополнений) в активной конструкции, становится подлежащим, а то, что было подлежащим в активной конструкции, выражается либо с помощью предложной группы (в английском языке с предлогом by [ранее of]; во французском с предлогом par и de, в латинском с ab и т. д.), либо просто падежной формой (творительный или отложительный падеж).

Это можно изобразить формулой, обозначив подлежащее буквой П, дополнение — буквой Д, глагол — буквой Г, действительный залог — буквой ^a (актив), страдательный залог — буквой ^п (пассив), а „конвертированное подлежащее“ — буквой К:

¹ Ср. *A продает это B = B покупает это у A*; таким же образом — *давать и получать*; *A имеет это = Это принадлежит A*.

П	Г ^а	Д	==	П	Г ^п	К
Jack	loves	Jill		Jill	is loved	by Jack
„Джек	любит	Джилл“		„Джилл	любима	Джеком“

Таким образом:

Jack: П^а = К^п

Jill: Д^а = П^п

В английской грамматике для обозначения действительного и страдательного залогов употребляются термины *active* и *passive voice* (франц. *voix*). Джеймс (William James, *Talks to Teachers*, стр. 152) рассказывает, как один из его родственников пытался объяснить маленькой девочке, что такое страдательный залог: „Suppose that you kill me: you who do the killing are in the active voice, and I, who am killed, am in the passive voice“. „But how can you speak if you're killed?“ — сказала девочка. „Oh, well, you may suppose that I am not quite dead!“ На следующий день девочку спросили в классе о страдательном залоге, и она сказала: „It's the kind of voice you speak with when you ain't quite dead!“ Этот анекдот свидетельствует не только о грубых ошибках, которые возможны при обучении грамматике (абсурдные примеры, глупые объяснения), но и о несовершенстве традиционного термина *voice*. Некоторые грамматисты в Германии и в других странах употребляют латинское слово *genus* (*genus verbi*). Однако оно неудобно, потому что употребляется и для обозначения грамматического рода (*genus substantivi*). Лучше всего, пожалуй, было бы употреблять термин *turn* („оборот“) и говорить *active and passive turn* „активный и пассивный оборот“. Без слов „активный“ и „пассивный“ вряд ли можно обойтись, хотя и они могут привести к недоразумениям: даже в работах видных ученых можно иногда найти такие высказывания, что глаголы *страдать*, *спать*, *умирать* следует называть скорее пассивными, чем активными, или что лат. *varulo* „меня бьют“ должно считаться пассивным, несмотря на форму действительного залога, или что нет ничего активного в предложениях *А видит В* и *А любит В*. Такие рассуждения исходят из ошибочного представления, будто активность и пассивность в лингвистическом смысле соответствуют телесной или духовной активности и пассивности; эта ошибка сходна с упомянутой нами другой ошибкой, связанной с определением дополнения.

Здесь и во всех других случаях необходимо разграничивать синтаксические и понятийные категории. Каким является глагол в синтаксическом смысле — активным или пассивным — зависит только от его формы; но одна и та же мысль иногда может быть выражена действительной, иногда страдательной формой: *A precedes B = A is followed by B*; *A likes B = A is attracted by B*. Латинская форма страдательного залога *nascitur* „рождается“ уступила место французской форме действительного залога *naot*, имеющей то же значение. На английский язык она передается то формой страдательного залога *is born* „рождается“, то формой действительного залога *originates* „происходит“, *comes into existence* „появляется“. То обстоятельство, что лат. *varulo* переводится на другие языки формами страдательного залога, не меняет его грамматически активного характера; а гр. *apothnēskēi* в равной степени остается активным и в том случае, когда мы передаем его английским *is killed* „убит“ (если после него стоит *hupo* = англ. *by*), и тогда, когда мы просто говорим *dies* „умирает“. В самих понятиях нет ничего такого, что позволило бы навесить на глаголы ярлыки „активный“ и „пассивный“. И все же активность и

пассивность можно считать не только синтаксическими, но и понятийными категориями. Но при этом следует говорить о значении каждого конкретного глагола в отдельности, и, что очень важно, только в том случае, когда происходит транспозиция в отношениях между подлежащим (и дополнением, если таковое имеется) и глаголом. *Jill is loved by Jack* „Джилл любима Джеком“ и *Es wird getanzt* „Танцуют“ являются пассивными и в синтаксическом и в понятийном отношении, поскольку подлежащие в них отличны от подлежащих в предложениях *Jack loves Jill* „Джек любит Джилл“ и *Sie tanzen* „Они танцуют“. В других случаях существует несоответствие между синтаксическим и понятийным активом и пассивом. Так, возьмем два предложения: *He sells the book* „Он продает книгу“ и *The book sells well* „Книга продается хорошо“. Активная форма *sells* в первом предложении является понятийным активом, а в последнем — понятийным пассивом, поскольку то, что в одном предложении служит дополнением, в другом является подлежащим. Точно так же встречаются и другие глаголы (в одних языках меньше, в других больше), которые употребляются и в качестве понятийного актива и в качестве понятийного пассива, например:

Persia began the war „Персия начала войну“;
The war began „Война началась“.

Другие примеры из английского языка: *He opened the door* „Он открыл дверь“ и *The door opened* „Дверь открылась“; *He moved heaven and earth* „Он сдвинул (потряс) небеса и землю“ и *The earth moves round the sun* „Земля движется вокруг солнца“; *roll a stone* „катить камень“ и *The stone rolls* „Камень катится“; ср. также *turn the leaf* — *The tide turns*; *burst the boiler* — *the boiler bursts*; *burn the wood* — *the wood burns* и т. п.

Гораздо реже встречаются формы страдательного залога, которые допускали бы такое двоякое употребление. Дат. *mindes* имеет форму страдательного залога; обычно оно означает „помнить“ и может тогда считаться понятийным активом; однако, когда оно употребляется, как это иногда бывает, в смысле „помнится“ (*Det skal mindes lunge*), оно представляет собой понятийный пассив; подобным же образом говорят: *Vi me omges ham med varsomhed* „Мы должны обращаться с ним осторожно“ и *Han me omges med varsomhed* „С ним следует обращаться осторожно“. Другие случаи понятийного пассива, не выраженного формой, можно встретить в отглагольных существительных и инфинитивах.

В этой связи надо упомянуть об одной черте грамматического строя некоторых менее известных языков, которая, по мнению ряда авторов, проливает свет на более ранние стадии развития нашей семьи языков — мы имеем в виду различие активного или переходного падежа (*casus activus* или *transitivus*) и пассивного или непереходного (*casus passivus* или *intransitivus*) падежа. В эскимосском языке одна форма, оканчивающаяся на *-p*, употребляется в качестве подлежащего переходного глагола (когда в этом предложении есть дополнение), а другая употребляется либо в качестве подлежащего непереходного глагола, либо в качестве дополнения переходного глагола:

Nan-o(q) Pe-lip takuva = „Пеле увидел медведя“;
Nan-up Pe-le takuva = „Медведь увидел Пеле“;

Pe·le o·mavoq = „Пеле живет“;
Nan·o(q) o·mavoq = „Медведь живет“.

Ср. употребление в родительном падеже: Nan·up niaqua Pe·lip takuva „Пеле увидел голову медведя“; Nan·up niaqua angivoq „Голова медведя была большая“; Pe·lip niaqua nan·up takuva „Медведь увидел голову Пеле“.

Сходные правила существуют в баскском языке, в некоторых языках Кавказа и в ряде языков американских индейцев. На этом основании было выдвинуто предположение, что в индоевропейском языке существовала, с одной стороны, форма на -s, которая употреблялась в качестве активного падежа (субъектного или притяжательного) только от названий одушевленных существ (мужского и женского рода), и, с другой стороны, форма без окончания или с окончанием -m, которая употреблялась в качестве пассивного или объектного падежа, служила также подлежащим непереходных глаголов и постепенно стала употребляться как форма именительного падежа от названий неживых предметов (средний род). Падеж на -s позже расщепился на два падежа — именительный и родительный, причем последний в некоторых случаях характеризовался особенностями ударения, а иногда дополнительным суффиксом. Однако первоначально он обозначал не столько обладание как таковое, сколько очень тесное естественное единство и взаимосвязь¹.

Нетрудно заметить, что такие гипотезы помогают объяснить ряд особенностей нашей системы грамматического рода, а также системы падежей. Об этом следует помнить, когда пойдет речь о „субъектном“ родительном падеже, хотя, как мы увидим, он употребляется не только в сочетании с существительными, образованными от переходных глаголов, но и с существительными от непереходных и пассивных глаголов, и его нельзя отграничить от „объектного“ родительного падежа.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

Мы употребляем формы действительного или страдательного залога в зависимости от того, из какого первичного компонента предложения мы исходим: Jack loves Jill и Jill is loved by Jack в основном означают одно и то же, но они не во всех отношениях полностью синонимичны; поэтому наличие обеих конструкций не является излишним. Как правило, лицо или предмет, который находится в центре внимания в данный момент, становится подлежащим предложения, а глагол должен получать соответственно то форму действительного, то форму страдательного залога. Если проанализировать все случаи употребления страдательного залога, встречающиеся в связном тексте, то можно обнаружить, что чаще всего выбор страдательного залога определяется одной из следующих причин:

¹ Uhlenbeck, „Indogermanische Forschungen“, 12.170; Kühn's „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“, 39. 600, 41. 400, Karakt.k.bask. gramm., 28, Amsterdam, Acad. Verslagen, изд. 5-е, ч. 2, 1916; Holger Pedersen, Kühn's „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“, 40. 151 и сл.; Schuchardt, „Indogermanische Forschungen“, 18. 528, Berlin, Acad., 1921, 651. Другие взгляды высказывали Fink, Berlin Acad., 1905, Kuhn's „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“, 41. 209 и сл. и Sapir, „International Journal of American Linguistics“, т. I, 85.

1) Активное подлежащее неизвестно или не может быть легко установлено: ср. *He was killed in the Boer war* „Он был убит в бурскую войну“; *The city is well supplied with water* „Город хорошо снабжается водой“; *I was tempted to go on* „Я чувствовал искушение продолжать“; *The murderer was caught yesterday* „Убийца был пойман вчера“: здесь факт задержания убийцы гораздо более важен, чем указание на то, какой полицейский его задержал. Очень часто активное подлежащее представляет собой „обобщенное лицо“: *it is known* „известно“ = франц. *on sait*. В предложении *The doctor was sent for* „Послали за доктором“ не упоминается ни тот, кто послал, ни тот, кого послали за доктором.

2) Активное подлежащее выясняется из контекста: *His memory of these events was lost beyond recovery* „Воспоминание об этих событиях было у него безнадежно утрачено“; *She told me that her master had dismissed her. No reason had been assigned; no objection had been made to her conduct. She had been forbidden to appeal to her mistress* и т. д. „Она сказала мне, что хозяин ее уволил; не было дано никакого объяснения; по поводу ее поведения не было высказано никаких претензий. Ей даже запретили обратиться к хозяйке“.

3) Может быть и другая причина, в силу которой не упоминается активное подлежащее, — соображения такта, или деликатность; так, например, часто избегают местоимения 1-го лица, особенно в письменной речи: *Enough has been said here of a subject which will be treated more fully in a subsequent chapter* „Здесь было достаточно сказано о том, что будет рассмотрено полнее в одной из следующих глав“. В шведском языке страдательные конструкции часто употребляются для того, чтобы избежать громоздких заменителей личных местоимений 2-го лица: *Cnskas en tändstick?* „Хотите спичку?“; *Finns inte en tändstick?* „Нет ли у вас спички?“

Ни в одном из этих случаев не упоминается активное подлежащее, а во многих языках, на что нередко указывалось, отсутствие активного подлежащего в пассивных предложениях является правилом (арабский, латышский, древнелатинский; *W a s k e r n a g e l, Vorlesungen über Syntax, Basel, 1920, 143*). Подсчеты, произведенные некоторыми из моих учеников, уже давно показали мне, что от 70 до 94 процентов пассивных предложений, употребляемых различными английскими писателями, не содержат никакого упоминания об активном подлежащем.

4) Даже тогда, когда активное подлежащее указано („конвертированное подлежащее“), предпочитают пассивную конструкцию, если говорящий больше интересуется пассивным подлежащим, чем активным: *The house was struck by lightning* „В дом ударила молния“; *His son was run over by a motor car* „Его сына переехал автомобиль“.

5) Пассивная конструкция может облегчить соединение одного предложения с другим: *He rose to speak and was listened to with enthusiasm by the great crowd present* „Он поднялся, чтобы говорить, и был с воодушевлением выслушан собравшейся большой толпой“.

Во многих языках употребление форм страдательного залога подвергается определенным ограничениям, которые не всегда легко объяснить. Глагол *have (have got)* „иметь“ в своем основном значении редко употребляется в страдательном залоге (хотя и может употребляться так: *This may be had for*

twopence at any grocer's „Это можно купить за два пенса в любом бакалейном магазине“). Педанты иногда возражают против предложений типа *This word ought to be pronounced differently* „Это слово должно было бы произноситься иначе“ (потому что слову не присуще чувство долга!) или *Her name will have to be mentioned* „Ее имя должно быть упомянуто“. В некоторых языках непереходные глаголы в формах страдательного залога вполне обычны: ср. лат. *itur, itum est, curritur*, нем. *es wird getanzt*, даже *„Was nützte es auch, gereist müЯte werden; man müЯte eben vorwdrts, solange es ging“* (Ch. Bischoff), дат. *der danses, her må arbejdes*. Однако в английском и во французском языках такие случаи не встречаются.

СРЕДНИЙ ЗАЛОГ

О „среднем залоге“ в том смысле, в каком мы находим его, например, в греческом языке, нет необходимости говорить много, поскольку он не имеет самостоятельной понятийной характеристики: иногда его значение чисто возвратное, т. е. он обозначает тождество подлежащего и (невыраженного) дополнения, иногда он подразумевает более неопределенное указание на подлежащее, иногда этот залог является чисто пассивным по значению, а иногда его с большим трудом удается отличить от обычного актива. У ряда глаголов средний залог имеет особые семантические оттенки, которые нелегко определить.

АКТИВНЫЕ И ПАССИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Понятийное различие между активом и пассивом приложимо также к некоторым прилагательным, образованным от глаголов или связанным с ними. Существуют активные и пассивные причастия (англ. *knowing* „знающий“, *known* „известный“ и т. п., хотя последнее не чисто пассивно). Среди компаративистов распространено убеждение, что древние индоевропейские причастия на *-to* и *-no*, к которым восходят английские слабые и сильные причастия II, сначала не имели ни активного, ни пассивного характера¹.

Кроме того, существуют прилагательные с такими окончаниями, как *-some* (*troublesome* „беспокойный“, *wearisome* „утомительный“), *-ive* (*suggestive* „вызывающий мысли“, *talkative* „разговорчивый“), *-ous* (*murderous* „смертоносный“, *laborious* „трудолюбивый“). Все они являются активными. Есть и прилагательные на *-ble*, имеющие обычно пассивное значение (*respectable* „уважаемый“, *eatable* „съедобный“, *credible* „вероятный“), но иногда и активное значение (*perishable* „тленный“, *serviceable* „услужливый“, *forcible* „насильственный“); *-less* имеет активный смысл в слове *sleepless* „бессонный“, но пассивный — в слове *tireless* „неутомимый“. Иногда существует две соотносительные формы для актива и пассива: *contemptuous* „презрительный“; *contemptible* „презренный“, *desirous* „желающий“; *desirable* „желанный“; иногда

¹ В r u g m a n n, „Indogermanische Forschungen“, 5. 117; Н. P e d e r s e n, Kuhn's „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“, 40. 157 и сл.

одно и то же слово может иметь то активное, то пассивное значение: *suspicious* „подозрительный“ (в двух значениях), *curious* „любопытный“ (тоже в двух значениях). Так же обстоит дело и в других языках. Некоторые из активных прилагательных могут сочетаться с понятийным дополнением при помощи предлога *of*: *suggestive of treason*, *oblivious of our presence* и т. п.

АКТИВНЫЕ И ПАССИВНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Теперь поставим вопрос, могут ли быть активными и пассивными существительные и могут ли они принимать дополнения. Прежде всего мы обнаруживаем так называемые *nomina agentis*. Они являются активными существительными, например: *fisher* „рыбак“, *liar* „лжец“, *conqueror* „завоеватель“, *saviour* „спаситель“, *creator* „создатель“, *recipient* „получатель“. То, что было бы дополнением к соответствующему глаголу, получает форму родительного падежа (*Ann's lover* „возлюбленный Анны“) или, чаще, сочетается с предлогом *of* (*the owner of this house* „владелец этого дома“, *the saviour of the world* „спаситель мира“). Здесь, как и выше, можно говорить о понятийных или конвертированных дополнениях. Существительные типа *pickpocket* „карманщик“, *breakwater* „волнорез“ состоят из активного глагола и дополнения; а *pickpocket* можно определить как *a picker of pockets*.

В английском языке мы находим любопытный разряд пассивных существительных на *-ee*: *lessee* „съемщик“, *referee* „рефери“ и т. п. — „тот, кому сдается в наем“, „тот, к кому вопрос направлен на рассмотрение“, *examinee* „тот, кто экзаменуется“ (однако с тем же окончанием встречаются и активные существительные *refugee* „беженец“, *absentee* „отсутствующий“).

НЕКСУСНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Теперь перейдем к нексусным существительным. По существу они не являются ни активными, ни пассивными, но в зависимости от обстоятельств могут рассматриваться как активные или как пассивные. Рассмотрим сначала известный латинский пример *amor dei*. Это может означать либо любовь, которую испытывает сам бог, либо любовь, которую кто-либо питает к богу. В первом случае мы называем *dei* субъектным родительным падежом (некоторые считают его притяжательным родительным, поскольку бог „имеет“ или „обладает“ этим чувством); во втором случае мы называем его объектным родительным. В первом случае *dei* в принятых выше обозначениях будет обозначен Π^a , во втором — D^a . Но поскольку $D^a = \Pi^a$, то можно сказать, что *dei* в обоих случаях представляет собой субъектный родительный падеж, а *amor* в первом случае является активным словом, а во втором — пассивным. В том и другом случае мы имеем дело с нексусом. Родительный падеж указывает в нем на первичный, а *amor* на вторичный элемент. Нексус же сам по себе не активен и не пассивен: он выражает лишь связь между двумя компонентами — богом и любовью. Что означает это сочетание — любовь ли бога к другим или любовь других к богу, — решить предоставляется слушателю.

Точно так же двусмысленны и сочетания *odium Caesaris* и *timor hostium*. То же в греческом (2 Коринф., 5.14): *hē gar agapē tou Khristoli sunekhei hēmās* (в переводе Библии 1611 г.: *the loue of Christ constreineth vs*).

В английском языке встречается иногда та же двусмысленность. Ходжсон (Hodgson, *Errors in the Use of Engl.*, 91) приводит следующий анекдот: An attorney, not celebrated for his probity, was robbed one night on his way from Wicklow to Dublin. His father, meeting Baron O'Grady the next day, said: „My lord, have you heard of my *son's* robbery?“ „No, indeed“, replied the Baron, „pray whom did he rob?“

Слово *memoгу* в „Гамлете“ употребляется двояко: *'Tis in my memory locked* — это обычное употребление П^а и *A great mans memory may outlive his life half a year* — это более редкое употребление П^н. Прежде объектный родительный падеж (П^н) был распространен больше, чем в настоящее время; ср. у Шекспира: *Reuenge his foule and most vnnaturall murther* (т. е. то, что он был убит); *Thou didst denie the golds receipt*. Существуют, однако, определенные правила употребления родительного падежа (и притяжательных местоимений), хотя они и не признаны грамматистами. Главные правила следующие:

1) Совершенно очевидно, что в случае переходных глаголов не может быть и речи о пассивном смысле; родительный падеж поэтому всегда П^а: *the doctor's arrival* „прибытие доктора“, *the doctor's existence, life, death, etc.* „существование, жизнь, смерть доктора и т. п.“

Следующие правила касаются переходных глаголов, но правила 2 и 5 приложимы к сочетанию родительного падежа с существительным только в тех случаях, когда после него не стоит предложная группа.

2) Существительные, образованные от таких переходных глаголов, которые в силу своего значения не могут иметь дополнением лицо, берутся в активном смысле: *his (П^а) suggestion, decision, supposition* „его предложение, решение, предположение“ и т. д.

3) Там, где значение глагола позволяет иметь подлежащее или дополнение, выражающее лицо, родительный или притяжательный падеж воспринимается обычно как П^а: *his attack, discovery, admiration, love, respect, approbation, interruption* „его нападение, открытие, восхищение, любовь, уважение, одобрение, вмешательство“ и т. п. Здесь, однако, наблюдается любопытное различие. Оно зависит от условий, в каких находится нексусное существительное: является ли оно подлежащим предложения или употреблено после предлога: *His assistance (П^а) is required* „Требуется его помощь“; *Come to his assistance (П^н)* „Придите к нему на помощь“. Точно так же: *His service (support, defence) is valuable* „Его служба (поддержка, защита) ценна“; *at his service (in his support, defence)* „в его услужении (на его поддержку, защиту)“. Ср. также несколько архаичное: *in order to his humiliation*. Существительное без родительного падежа имеет тот же самый пассивный смысл после таких глаголов, как *need* „нуждаться“, *want* „хотеть“, „нуждаться“: *He needs support, asks for approbation* „Он нуждается в поддержке, просит одобрения“ (Но ту выступает как П^а в предложении *He asks for my approbation* „Он просит моего одобрения“).

4) Родительный, или притяжательный падеж, однако, будет понят в объектном значении, когда лицу, которое является объектом действия,

уделяется больше внимания, чем лицу, которое в этом случае действует. Так, в недавно вышедшем номере одной английской газеты в пределах нескольких строк я обнаружил два упоминания о возможности De Valera's capture „захвата де Валера“ и De Valera's arrest „ареста де Валера“; совершенно неважно, кто схватывает или арестовывает ирландского вождя. Другие примеры: a man's trial „чей-либо процесс“, his defeat „его поражение“, his overthrow „его свержение“, his deliverance „его освобождение“, his release „его освобождение“, his education „его образование“. Пассивный смысл обнаруживается также в предложениях *Her reception was unique; He escaped recognition*. В предложении *He is full of your praises* лицо, которое хвалит, конечно, he „он“, а your поэтому будет П^п = Д^а.

5) Там, где подлежащее глагола так же часто, или еще чаще, является предметом, чем лицом, и где, с другой стороны, дополнение также представлено лицом, нексусное существительное воспринимается в пассивном смысле: his (П^п) astonishment, surprise amazement, amusement, irritation „его удивление, развлечение, раздражение“ и т. п.

Далее следует рассмотреть употребление предлогов с нексусными существительными. Предлог of сам по себе в такой же степени двусмыслен, как и родительный падеж: the love of God „любовь бога“, „любовь к богу“ — П^а или П^п. Но он теряет свою двусмысленность, если сочетается с родительным падежом, поскольку в таком случае последний всегда означает П^а, а группа с of — П^п: my trials of thy loue (Шекспир); his instinctive avoidance of my brother и т. п. Таким образом, когда после сочетаний с родительным падежом, упомянутых под рубрикой 4, стоит of, они сразу меняют свое значение: Luther's (П^а) deliverance of Germany from priestcraft; He won praise by his release of his prisoners; her reception of her guests.

В XIX столетии конструкция с by получила широкое распространение как недвусмысленное средство обозначения П^а; это то же by, которое употребляется при пассивной форме глагола, но недавнее употребление, как ни странно, не упоминается в Оксфордском словаре: the purchase, *by the rich*, of power to tax the poor (Раскин); a plea for the education *by the State* of neglected country girls; the massacre of Christians *by Chinese*. Если употребляется предлог by, то для П^п может быть употреблен родительный падеж: *his expulsion from power by the Tories* (Теккерей).

Для П^п наблюдается растущая тенденция употреблять другие предлоги, а не двусмысленное of: your love *for* my daughter; the love of Browning *for* Italy; his dislike *to (for)* that officer; There would have been no hatred *of* Protestant *to* Catholic; contempt, fear *for*, attack *on*. При некоторых существительных сходные предлоги распространены и в других языках: дат. for, til; лат. odium in Antonium; ит. la sua ammirazione per le dieci dame più belle (Серао)¹.

Английское отглагольное существительное на -ing первоначально также имело двойственный характер, хотя обычно оно обладает активным значением: his (П^а) throwing „его бросание“ и т.п. В прежние времена П^п встречалось довольно часто: ср. Shall we excuse *his throwing* into the water (Шекспир; = his

¹ В финском языке родительный падеж имеет оба значения: isdnmaan rakkaus „любовь родины“ и „любовь к родине“, jumalan pelko „страх бога“ и „страх перед богом“. Когда сочетаются оба значения, П^п + существительное трактуется как сложное существительное: kansalaisen isdnmaan-rakkaus „любовь граждан к родине“ (S e t d l d, Satslдра, 31).

having been thrown). Пассивный смысл обнаруживается также в предложении *Vse euerie man after his desart, and who should scape whipping?* (Шекспир). До сих пор оно встречается в сочетаниях типа *The roads want mending*; однако в связи с образованием в сравнительно недавнее время сложной пассивной формы *being thrown (having been thrown)* простая форма в подавляющем большинстве случаев употребляется только в активном значении. О падеже понятийного подлежащего см. стр. 160.

ИНФИНИТИВ

Необходимо сделать также некоторые замечания о ранней форме отглагольного существительного, которая позже развилась в инфинитив. Оно также сначала не было ни активным, ни пассивным, но с течением времени развились простые или сложные пассивные формы: *amari, be loved* и т. п. Следы этих (активных или нейтральных) форм встречаются в виде понятийного пассива в английском языке до настоящего времени, например: *They were not to blame* „Их не следовало винить“ (ср. *They were not to be seen*); *The reason is not far to seek* „Причину искать недалеко“; *The reason is not difficult to see* „Причину нетрудно увидеть“, где *the reason* является подлежащим к *is*, но в то же время может рассматриваться и как своего рода дополнение к *to see* или подлежащее к *to see*, если последнее истолковать в пассивном значении¹. Ср. далее: *There is a lot to see in Rome; There is a lot to be seen in Rome*. (Эти два предложения не вполне синонимичны.) В следующей цитате находим все три возможности одну за другой: *There was no one to ask* (активная форма, пассивное значение), *no one to guide him* (тоже в активном значении); *there was nothing to be relied upon*.

Другие известные примеры на двойственный характер инфинитива: нем. *Er ließ ihn (II^a) kommen; Er ließ ihn (IIⁿ) strafen*; дат. *Han lod ham komme; Han lod ham straffe*; франц. *Je l'ai vu jouer; Je l'ai vu battre*. В английском языке, где теперь в подобных случаях широко употребляется форма страдательного залога, раньше употреблялась форма действительного залога в пассивном значении: (He) *leet anon his deere doghter calle* (Чосер; совр. англ. *Let her be called, caused her to be called*); *He made cast her in to the riuer* (*A New English Dictionary, make, 53 d*).

¹ Ср. франц. *Ce vin est bon a boire*.

Глава XIII

ПАДЕЖ

Количество падежей в английском языке. Родительный падеж. Именительный падеж и косвенные падежи. Звательный падеж. Заключительные замечания о падежах. Предложные группы.

КОЛИЧЕСТВО ПАДЕЖЕЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос, который мы рассмотрим в этой главе, а до некоторой степени рассматривали уже в предыдущей, сопряжен с большими трудностями. Дело в том, что, с одной стороны, между разными языками обнаруживаются в этом отношении значительные различия, а с другой — сами понятия, выражаемые различными падежами, не являются в такой же мере отчетливыми, как, например, различие между единичностью и множественностью, между прошедшим, настоящим и будущим (которые будут рассмотрены в последующих главах). Пожалуй, будет лучше начать с конкретных примеров, иллюстрирующих принципиальную разницу между двумя родственными языками — латинским и английским.

Если римляне говорили *Petrus filio Pauli librum dat*, англичане говорят *Peter gives Paul's son a book* „Петр дает сыну Павла книгу“. Не может быть никакого сомнения, что все четыре латинских существительных стоят в четырех различных падежах, а именно: *Petrus* — именительный,

filio — дательный,
Pauli — родительный,
librum — винительный.

Точно так же не может быть никакого сомнения, что английское слово *Paul's* стоит в родительном падеже, который в целом соответствует одноименному падежу в латинском языке. Однако вопрос о том, можно ли сказать, что *Peter* стоит в именительном падеже, *son* — в дательном, а *book* — в винительном, является спорным и вызывает разногласия, поскольку в английском языке не существует различий в окончаниях, как в латинском. Быть может, здесь налицо те же три падежа, что и в латинском, или только два падежа — именительный (*Peter*) и косвенный (*son, book*), — а может быть, лишь один „общий падеж“? Каждая из приведенных точек зрения нашла сторонников среди грамматистов. Поскольку этот вопрос представляет значительный теоретический интерес, а кроме того, имеет и практическое значение при обучении английскому языку и другим языкам в школе, необходимо остановиться на нем особо и взвесить все доводы „за“ и „против“.

Сначала решим, есть ли в английском языке дательный падеж, отличный от винительного. Этот вопрос можно было бы решить положительно, если бы для различения названных двух падежей нашлись подлинно грамматические критерии, основанные либо на форме, либо на функции. Поскольку порядок

слов в главе II был признан формальным элементом, то некоторые на основе определенной позиции слова в предложении, возможно, будут утверждать, что в приведенном предложении есть дательный падеж. Ведь нельзя сказать *He gave a book Paul's son!* При ближайшем рассмотрении оказывается, что признать позиционный дательный нельзя; в таких предложениях, как *I gave it him* „Я дал это ему“, мы находим обратный порядок слов. Ведь было бы одинаково нелегко говорить, что *it* является здесь формой дательного падежа или что существует позиционный дательный, который ставится иногда перед прямым дополнением, а иногда после него. Далее: если в предложении *The man gave his son a book* „Этот человек подарил своему сыну книгу“ слово *son* стоит в позиционном дательном падеже, тогда придется признать существование позиционного дательного во всех следующих ниже примерах, где невозможно изменить порядок следования двух существительных:

I asked the boy a few questions „Я задал мальчику несколько вопросов“;
I heard the boy his lessons „Я прослушал у мальчика его уроки“;
I took the boy long walks „Я брал мальчика на продолжительные прогулки“;
I painted the wall a different colour „Я выкрасил стену в другой цвет“;
I called the boy bad names „Я обозвал мальчика дурными словами“;
I called the boy a scoundrel „Я назвал мальчика негодяем“.

Я не знаю, где в этом списке кончается дательный падеж и где начинается винительный, и не нахожу никаких указаний на это даже в тех грамматиках, в которых идет речь об этих падежах.

Можно было бы как будто предложить критерий, основанный на возможности превращения слова в подлежащее пассивного предложения, поскольку такое употребление допустимо только для винительного падежа. Это был бы чисто лингвистический критерий — но он неприменим: во-первых, вовсе не всякий „винительный“ может быть превращен в подлежащее пассивного предложения; ср. второй винительный в предложении *They made Brown Mayor* „Они избрали Брауна мэром“, *They appointed Kirkman professor* „Они назначили Киркмана профессором“; во-вторых, „дательный“ может стать подлежащим пассивного предложения, например: *He was awarded a medal* „Его наградили медалью“, *She was refused admittance* „Ей отказали в приеме“ (ср. стр. 185). Пока не выработано никаких надежных критериев, мы вправе утверждать, что в современном английском языке нет отдельного дательного и отдельного винительного падежей.

Правомерность этого вывода станет еще более очевидной, если обратиться к грамматике проф. Зонненшейна — самого умелого защитника отличия винительного падежа от дательного падежа. В его грамматике нельзя найти последовательной системы критериев, которую можно было бы применить не только к случаям, приводимым в книге, но и к другим случаям. Иногда дается историческое обоснование, когда, например, формулируется правило о том, что после всех предлогов должен стоять винительный падеж (§ 169, 489): „В древнеанглийском языке некоторые предлоги сочетались с дательным падежом... но затем в языке произошло изменение, так что в позднем древнеанглийском обозначилась сильная тенденция употреблять винительный падеж после всех предлогов“. Но это не совсем так. В некоторых сочетаниях в течение длительного времени сохранялся дательный падеж; ср., например, у Чосера: *of towne, yeer by yere, by weste* и др., где -e произносится. Остатки этого

сохраняются и сейчас в некоторых формах: дат. ед. в слове *alive* „живой“ (*on life*), *Atterbury* (жт южге *byrig*), дат. мн. в сочетании (*by*) *inchmeal, on foot* „пешком“; последнее через среднеанглийское *on foten, on fote* можно возвести к древнеанглийскому *on fotum*, во всяком случае если речь идет не об одном лице, например *They are on foot* „Они на ногах“. Если же отвлечься от таких изолированных пережитков, то историческая истина будет заключаться в том, что у большинства местоимений сохранился только дательный падеж; во множественном числе существительных — винительный (равный именительному), а в единственном числе существительных — форма, в которой полностью смешались именительный, винительный и дательный падежи. Однако, каково бы ни было происхождение этих форм (*him, kings, king*), они употреблялись уже с раннего периода одинаково, как в случаях, где прежде требовался дательный падеж, так и в случаях, где требовался винительный¹.

Теперь вернемся к тому, как проф. Зонненшейн разграничивает эти два падежа в современном английском языке. В предложении *He asked me a question* „Он задал мне вопрос“ он считает прямыми дополнениями как *me*, так и *question*, вероятно, потому, что др.-англ. глагол *ascian* сочетался с двумя дополнениями в винительном падеже; в сочетании *teach him French* „учить его французскому языку“ нам предоставляется решать самим, чем является *him* — винительным или дательным падежом, хотя предпочитается как будто первый, несмотря на то что *teach* восходит к др.-англ. *tjcan*, которое управляло дательным и винительным. Очевидно, мы никогда не слышали бы о двух винительных падежах при этом глаголе, если бы не существовало сходного управления у лат. *doseo* и нем. *lehren*²; но ведь это совершенно безразлично для английской грамматики: в противном случае мы можем когда-нибудь услышать, что *use* „пользоваться“ требует творительного падежа, подобно лат. *utor*.

Иногда правила, которые дает Зонненшейн, являются явно неполными. Дательный падеж в качестве косвенного дополнения, по-видимому, признается только тогда (см. § 173), когда в том же предложении есть дополнение в винительном падеже, например *Forgive us our trespasses* „Прости нам наши прегрешения“. Но если сказано просто *Forgive us*, следует ли говорить, что *us* стоит в винительном падеже? Можно ли сказать, что *him* в предложении *I paid him*, являясь единственным дополнением, стоит в винительном падеже? Или, может быть, оно стоит в дательном падеже, поскольку выступает как косвенное дополнение в предложении *I paid him a shilling* „Я заплатил ему шиллинг“? Таких вопросов возникают десятки, как только мы начинаем разграничивать то, что соединено природой в один падеж. И в то время как в немецком языке на эти вопросы можно ответить, основываясь на форме, в английском в данном

¹ Что сказали бы английские школьники, если бы их начали учить примерно такому правилу: *him* в предложении *I saw him* „Я видел его“ и в сочетании *for him* „для него“ — дательный падеж, *kings* в предложении *I saw the kings* „Я видел королей“ и в сочетании *for the kings* „для королей“ — винительный, но *king* в предложении *I saw the king* „Я видел короля“ стоит в винительном падеже и в сочетании *for the king* „для короля“ — в дательном? И все же с исторической точки зрения это гораздо больше соответствует действительности, чем псевдоисторическое изложение Зонненшейна.

² При нем. *lehren* дательный падеж от существительного, обозначающего лицо, встречается нередко, а в пассивной конструкции как в *Ich wurde das gelehrt*, так и в *Das wurde mich gelehrt*, производит неуклюжее впечатление и заменяется поэтому оборотом *Das wurde mir gelehrt*.

случае руководствоваться нечем. Кто может сказать, например, является ли *him* в сочетании *hit him* а *blow* „нанести ему удар“ косвенным дополнением (дательным падежом), а *blow* — прямым (винительным падежом), а может быть, *him* — это прямое дополнение (винительный падеж), а *blow* — субъюнкт („инструментальный“ или „адвербиальный“)?

На вопрос о функции *him* в простом предложении *Hit him* (без добавления а *blow*) большинство, вероятно, ответило бы, что *him* — прямое дополнение, а следовательно, стоит в „винительном падеже“. Зонненшейн признает „адвербиальное“ употребление обоих падежей, но найти какие-либо основания для такого разграничения невозможно. *Neat him* — дательный падеж. Почему? Если на основе древнеанглийского синтаксиса, тогда *him* в сочетаниях *to him*, *from him* тоже должно быть дательным падежом. Однако здесь говорится, что это винительный падеж в силу мнимого правила, согласно которому все предлоги сочетаются с винительным падежом; но почему же тогда это не применяется к слову *neat*, которое Оксфордский словарь признает предлогом? *He blew his pipe three times* „Он трижды подул в трубку“ — винительный падеж, почему? (В древнеанглийском языке здесь был бы дательный.) И так можно продолжать, поскольку нет никаких оснований для произвольного отнесения слов к одному или другому падежу. Такие правила ученикам приходится заучивать наизусть; понять их нельзя.

Проф. Зонненшейн заявляет, что, изучив историю английских грамматик, он решительно отвергает взгляды многих ученых, которые приписывают прогресс, происшедший в английской грамматике, постепенному освобождению ее от латинской грамматики. В журнале „*Modern Language Teaching*“, март, 1915, он пишет, что прямая линия ведет от ранних грамматистов, отрицавших аналогию между английской и латинской грамматикой, к постепенному признанию в английском языке тех же самых падежей, что и в латинском, и что признание сходства между этими двумя языками стало возможным только после того, как сравнительная грамматика выяснила отношения между ними. Однако это мнение о постепенном „прогнесе“ в системе Зонненшейна не отражает истинного положения вещей. Зонненшейн не учитывает, что его система существовала в готовом виде еще в 1586 году, когда Буллокар (*Bullockar*) утверждал, что в английском имеется пять падежей и что в предложении *How, John, Robert gives Richard a shirt* слово *John* стоит в звательном падеже, *Robert* — в именительном, *shirt* — в винительном, а *Richard* — в дательном, т. е. усмотрел в этом предложении четыре падежа, кроме родительного. А в 1920 году в предисловии ко второму тому своей грамматики проф. Зонненшейн упомянул нескольких ранних грамматистов (Гилл — 1619 г., Мэсон — 1622 г.), которые основывали английскую грамматику на латинской. И хотя во все времена существовали две противоречивые точки зрения по этому вопросу английской грамматики, Зонненшейн все же думает, что „в основном“ общая линия и прогресс шли в предполагаемом им направлении. Он не упоминает таких блестящих грамматистов, как Уильям Хазлитт (*William Hazlitt*)¹, Уильям Коббет (*Cobbett*) и

¹ [Линдли Муррей] „утверждает, что в английском языке существует шесть падежей существительных — шесть различных окончаний без какого-либо изменения окончаний — и что английский глагол имеет все наклонения, времена и лица, свойственные латинскому глаголу. Это пример поразительной слепоты и упорства. Он очень педантично переводит латинскую

Генри Суит, которые отвергали его точку зрения на падежи, но очень хвалит Линдли Муррея (Lindley Murray), который „сделал важный шаг, признав «объектный» падеж существительных“, и таким образом „оказал английской грамматике услугу, освободив ее от ложного определения падежа“, и „открыл путь“ для следующего важного шага — признания дательного падежа Зонненшейном. Интересно, каков будет следующий шаг в этой серии? Вероятно, теперь кто-нибудь будет благодарить Зонненшейна за то, что он „открыл дверь“ для признания отложительного падежа; а почему не признать еще и творительный, местный падеж и т. д.? Все доводы профессора в пользу признания дательного одинаково применимы и к этим падежам.

Он утверждает, что падежи представляют собой категории значения, а не категории формы и что это в одинаковой мере справедливо как для латинской, так и для английской грамматики. Различные падежи латинского существительного не всегда отличаются друг от друга по форме: винительный падеж существительных среднего рода имеет всегда ту же самую форму, что и именительный падеж; отложительный падеж множественного числа всегда совпадает по форме с дательным падежом множественного числа; у некоторых существительных дательный падеж единственного числа не отличается по форме от родительного единственного, у других — от отложительного единственного. Все это совершенно верно, но это не опровергает того взгляда, что падежные различия в латинском языке основаны в первую очередь на различии формы, связанной с различием функции. Никто бы и не подумал говорить об отложительном падеже в латинском языке, если бы он во многих случаях не отличался по форме от дательного. А тогда, когда оба падежа совпадают по форме, все-таки можно сказать, что в одном случае мы имеем один падеж, а в другом — другой, поскольку другие слова в том же положении показывают, какой падеж употреблен. Мы убеждены, что *Julio* стоит в дательном падеже в предложении *do Julio librum* и в творительном в сочетании *cum Julio*, поскольку аналогичные предложения со словом *Julia* содержат разные формы: *do Juliae librum*, *cum Julia*. *Templum* в некоторых предложениях выражает именительный падеж, а в других — винительный, поскольку в первых мы могли бы употребить форму *domus*, а во вторых — форму *domum*. И точно таким же образом мы понимаем форму *cut* как претерит (см. выше, стр. 53) в предложении *I cut my finger yesterday*, хотя в форме этого глагола нет ничего отличного от настоящего времени. Но в отношении английских существительных так рассуждать нельзя: есть принципиальное несоответствие между латинской системой, где падежи в большинстве случаев, хоть и не всегда, выражены формой, и английской системой, где они ни когда так не выражаются. Поставить на одну доску винительный и дательный падежи в английском языке, всегда совпадающие по форме, и соответствующие латинские падежи, различающиеся более чем в девяноста случаях из ста, — это значит поставить научные принципы с ног на голову.

Совершенно верно, что наша трактовка грамматической системы английского языка должна основываться на фактах, установленных сравнительно-исторической грамматикой; но одной из самых важных истин

грамматику на английский язык (как и многие его предшественники), воображая, что пишет английскую грамматику; священники приветствуют его, учителя вводят в высшее общество, а английские ученые поддерживают эту потеху“ (H a z l i t t, *The Spirit of the Age*, 1825, стр. 119).

этой науки является дифференциация, которая с течением времени разобщила языки, бывшие когда-то близко родственными, и тем самым исключила возможность применять ко всем языкам одни и те же категории. В отношении английского языка, в отличие от греческого, мы не говорим о двойственном числе, хотя в этом случае понятийная категория достаточно ясна. Зачем же тогда говорить о дательном падеже, когда для этого столь же мало оснований с точки зрения формы, а с точки зрения понятия значение дательного падежа в тех языках, где он имеется, расплывчато и неопределенно?

Проф. Зонненшейн утверждает, что падежи „обозначают категории значения“. Однако он не определяет, да и не может определить, какое значение имеет дательный падеж¹. Если обратиться к правилам любой немецкой, латинской или греческой грамматики, — обнаруживается огромное разнообразие употреблений и функций, т. е. значений, дательного падежа, но многие из них различаются от языка к языку. В этом нет ничего странного, если мы вспомним, какими неодинаковыми путями развились эти языки из индоевропейского праязыка — их общего „предка“.

Как говорит Пауль, совершенно произвольным (*es ist im Grunde reine Willkür*) является даже самое обозначение соответствующего немецкого (и древнеанглийского) падежа термином „дательный“, поскольку, кроме функций старого дательного падежа, он выполняет также функции местного, отложительного и творительного. Формально он соответствует старому дательному только в единственном числе у некоторых слов; у других слов он представляет собой старый местный падеж, а дательный множественного у всех слов восходит к старому творительному. Греческий дательный падеж единственного числа третьего склонения представляет собой старый местный падеж, а дательный падеж всех слов объединил в себе функции местного и творительного падежей наряду с функциями собственно дательного. И сколько бы мы ни продвигались в глубь истории, мы нигде не нашли бы падежа с одной ясно очерченной функцией: в любом языке каждый падеж служит для различных целей, границы между ними не являются отчетливыми. Именно это в сочетании с характерными для падежей исключениями и непоследовательностью при образовании форм объясняет многочисленные случаи слияния падежей, известные в истории языков („синкретизм“), а также хаотические правила, свойственные отдельным языкам, — правила в значительной степени трудно объяснимые. Если английский язык упростил эти правила больше, чем другие языки, мы должны испытывать к нему искреннюю благодарность и ни в коем случае не пытаться навязать ему беспорядок и запутанность далекого прошлого.

Но если у дательного падежа в том виде, как он существует в любом из древних языков индоевропейской семьи, отсутствует какое-либо четко очерченное значение, то и винительный падеж таким значением также не обладает. Некоторые ученые выдвинули „локалистическую“ теорию падежей и

¹ Нельзя сказать, что значение косвенного дополнения в немецком языке является г л а в н ы м значением дательного падежа. Я подсчитал все случаи употребления дательного падежа на нескольких страницах книги современного немецкого автора и обнаружил, что из 157 случаев только 3 представляли собой косвенные дополнения в предложениях, содержащих другое дополнение, а 18 — дополнение к глаголу в предложениях, не имеющих дополнения в винительном падеже.

усматривали в винительном падеже форму, которая первоначально обозначала движение по направлению к предмету и лишь позже на этой основе развила все другие значения: *Romam ire* „идти в Рим“ повело к *Romam petere*, а это последнее — к другим винительным дополнениям и, таким образом, в конечном счете — даже к *Romam linquere* „покидать Рим“. Другие ученые считают первичным употребление винительного падежа в функции дополнения. Третьи склоняются к тому, что винительный был своего рода „одной прислугой“, которая использовалась там, где нельзя было употребить ни именительный, ни какой-либо из специальных падежей. Несомненно одно — винительный падеж совмещал значение (прямого) дополнения со значением движения по направлению к предмету и со значением пространственного и временного протяжения. Возможно, что первоначально у него были и другие, неизвестные нам функции.

Что значение винительного и дательного падежей нельзя четко разграничить, видно и из того, что один и тот же глагол в одном и том же языке сочетается то с винительным, то с дательным падежом. Так, в немецком языке наблюдаются колебания в выборе падежей после глаголов *rufen*, *gelten*, *nachahmen*, *helfen*, *kleiden*, *liebkoosen*, *versichern* и др. (большое количество примеров можно встретить у Андресена — см. *Andresen, Sprachgebrauch*, 267 и сл.). Такие же колебания имели место и в древнеанглийском после глаголов *folgian* „следовать“ и *scildan* „защищать“. Дополнение после глагола *onfon* „брать“, „получать“ стоит то в винительном, то в дательном, то в родительном падеже. Если исходить из истории языка, можно сказать, что из трех синонимов со значением „помогать“ *help* управляет дательным падежом, а *aid* и *assist* — винительным. История языка не дает никаких оснований для установления правила Зонненшейна, согласно которому дательный падеж (если отвлечься от адвербиального употребления) употребляется только в том случае, если глагол имеет еще одно дополнение (стоящее в форме винительного падежа): подобного правила не существует ни в одном языке; в грамматике Зонненшейна это не более как декрет, столь же произвольный, как и утверждение профессора, что все предлоги управляют винительным падежом.

Проф. Зонненшейн пытается подкрепить свою теорию педагогическими соображениями (Часть III, Предисловие): учащийся, овладевший правилами употребления английских падежей в том виде, в каком они изложены в его книге, перейдя к латинской грамматике, не должен почти ничего учить дополнительно, кроме того, что в латинском языке есть еще один падеж — отложительный. Это означает, что ряд трудностей латинской грамматики переносится на уроки английского языка; сам предмет от этого не становится легче даже для тех учащихся, которые впоследствии будут заниматься латинским языком; разница состоит лишь в том, что им приходится учить часть латинской грамматики на более ранней ступени, и они будут иметь дело с языком, который предоставляет меньше возможностей для понимания всех этих явлений, поскольку в нем нет осязаемых форм, которые могли бы быть опорой для памяти. А что сказать о тех учащихся, которые никогда не будут иметь дело с латынью? Целесообразно ли обременять память всех мальчиков и девочек заучиванием таких различий, которые не будут иметь для них ни малейшего практического значения в их будущей жизни?

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Ни один из древних индоевропейских падежей не был так четко определен в семантическом отношении, чтобы можно было сказать, что он имеет лишь одну функцию или употребление, отличающее его от остальных падежей. Родительный падеж совмещает в себе две функции, соответствующие двум отдельным финским падежам — родительному и партитиву. Однако первую можно определить только в самом общем виде — как принадлежность к чему-либо, отношение к чему-либо, связь с чем-либо (англ. *belonging to, belonging together, appertaining to, connexion with, relation to, association with*¹); в английском языке употребление этого падежа весьма ограничено. И все же он передает такие различные отношения, как *Peter's house* „дом Петра“, *Peter's father* „отец Петра“, *Peter's son* „сын Петра“, *Peter's work* „работа Петра“, *Peter's books* „книги Петра“ (те, которые ему принадлежат, и те, которые он написал), *Peter's servants* „слуги Петра“, *Peter's master* „хозяин Петра“, *Peter's enemies* „враги Петра“, *an hour's rest* „часовой отдых“, *out of harm's way* „от греха подальше“ и т. д. Некоторые грамматисты пытаются классифицировать эти разнообразные случаи употребления родительного падежа; однако особое значение нередко зависит не от употребления родительного падежа, а от собственного значения каждого из двух соединенных слов, и поэтому их особенности всегда без труда понимаются слушателем. Здесь нужно упомянуть также „субъектный“ и „объектный“ родительный, о котором шла речь выше (стр. 194).

В английском языке сохранились только случаи употребления родительного, служащего средством связи двух существительных, — одно из существительных при этом является адьюнктом к другому („приименной родительный“) — и развившиеся отсюда случаи употребления родительного падежа, когда он является первичным словом: например *at the grocer's* „в бакалейной лавке“. В древних языках родительный падеж употребляется и в других сочетаниях: с определенными глаголами, где он был своего рода дополнением; с некоторыми прилагательными и т. д. Взаимоотношения между подобным употреблением родительного и обычным дополнением можно наблюдать в немецком языке, где некоторые глаголы, например *vergessen* „забывать“, *wahrnehmen* „замечать“, „воспринимать“, *schonen* „щадить“, „обходиться бережливо“, ранее употребляемые с родительным, теперь сочетаются с винительным падежом. *Es* в предложениях *Ich kann es nicht los werden* „Я не могу от этого отделаться“, *Ich bin es zufrieden* „Я этим удовлетворен“ первоначально выражало родительный падеж, но теперь оно воспринимается как винительный.

Переходим ко второму значению древнего индоевропейского родительного падежа — партитивному, которое нельзя отделить от так называемого *genitivus generis*. В латинском языке партитивный родительный обычно употребляется в сочетании с первичными словами (существительными и т. п.), например: *magna pars militum* „большинство воинов“, *major fratrum* „старший из братьев“, *multum temporis* „много времени“. Такое употребление соответствует другим значениям этого падежа, поскольку и здесь и там он

¹ Нем. *Zugehörigkeit, Zusammengehörigkeit*.

является адьюнктом. Однако встречаются и другие случаи употребления партитивного родительного, когда он выполняет более независимую функцию в предложении. Родительный падеж часто употребляется как дополнение к глаголу и, таким образом, конкурирует с винительным; ср. др.-англ. *bruceo fodres* „отведает пищи“, гр. *phagein tou artou* „поесть хлеба“; ранне-ново-нем. (например, у Лютера) *wer des wassers trincken wird*, русск. *Дайте мне хлеба*. В русском языке употребление родительного падежа в качестве дополнения (с утратой партитивного значения) распространилось на все существительные мужского рода множественного числа, обозначающие живые существа. Партитив может быть также подлежащим предложения и, таким образом, конкурировать с именительным падежом. Это часто наблюдается в финском языке, а спорадически и в языках нашей семьи: ср. русск. отрицательные: предложения *Нет хлеба*, *Не стало нашего друга*. Аналогичные явления встречаются и в романских языках, где предлог *de* заменил прежний родительный падеж даже в его партитивном употреблении. В этом значении *de* теперь часто называют „партитивным артиклем“. Интересно отметить, что существительное с партитивным артиклем может быть не только дополнением к глаголу (*J'y ai vu des amis*), но и подлежащим предложения (*Ce soir des amis vont arriver*; *Il tombe de la pluie*), предикативом (*Ceci est du vin*) и стоять после предлогов (*avec du vin*; *après des dîners*; *Je le donnerai a des amis*). Если употребление в качестве подлежащего является относительно редким, то это объясняется тем, что говорящие вообще не любят употреблять неопределенное подлежащее (см. стр. 175; в предложениях *Voici du vin*; *Il y a du vin*; *Il faut du vin* сочетания с *du* первоначально были дополнениями).

Выражение партитивного понятия „некоторое количество чего-либо“, таким образом, как бы пересекает обычную падежную систему, поскольку партитив используется в тех функциях, для которых во многих языках существуют специальные падежи (именительный, винительный); и это остается в силе независимо оттого, выражается ли партитивность при помощи специального падежа, как в финском, или при помощи родительного падежа, как в греческом, или, наконец, при помощи французского сочетания с предлогом *de*.

Если бы различие между разными падежами представляло собой действительно различие по значению, то есть если бы каждый падеж выражал какое-нибудь одно понятие, то был бы совершенно немислим тот разнобой, который мы наблюдаем в отношении одной и той же конструкции, а именно — так называемой „абсолютной конструкции“ (нексус-субьюнкт, как я ее называю): отложительный падеж (в латинском языке), дательный (в древнеанглийском), родительный (в греческом), винительный (в немецком), именительный (в современном английском). Это можно объяснить исторически, но никак не логически, на основе какого-то предполагаемого собственного значения данных падежей.

Нерациональность старой системы падежных различий можно пояснить следующим рассуждением. Дательный и родительный падежи до некоторой степени представляются антонимичными: это видно из того, что, когда они были заменены предложными группами, вместо дательного падежа стали употреблять предлоги *to*, *ad*, а вместо родительного — предлоги, обозначающие противоположное движение, — *of* (слабая форма от *off*), *de*. И все же

дательный падеж (или его заменитель) часто совпадает по значению с родительным, как, например, в народном немецком обороте *dem Kerl seine Mutter* „мать этого парня“, франц. *Ce n'est pas ma faute a moi, sa mire a lui*, а также в народном *la mire a Jean* (старофранц. *je te donrai le file a un roi u a un conte, Aucassin et Nicolette*). *C'est a moi* означает „Это мое“. В норвежских диалектах сочетания с *til* и *et* („к“, „у“, „при“) и в фарерском — сочетания с *hjb* („у“) в большинстве случаев заменили устарелый родительный падеж¹.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ И КОСВЕННЫЕ ПАДЕЖИ

Если теперь вернуться к вопросу, поставленному в начале настоящей главы, а именно: сколько падежей можно выделить в английском предложении *Peter gives Paul's son a book*, читатель, я надеюсь, не станет утверждать, что *son* и *book* стоят в разных падежах (дательном и винительном). Однако до сих пор ничего не было сказано относительно второй возможности: не имеем ли мы в обоих случаях косвенный падеж, отличный от именительного, который представлен в нашем примере словом *Peter*. Такую систему падежей имели существительные в старофранцузском языке: в именительном падеже мы находим формы *Pierres* и *filz*, а в косвенном — *Pierre* и *fil*. Хотя такого формального различия английские существительные не имеют, однако мне могут возразить, что, основываясь на моем принципе, я должен все же различать эти два падежа, поскольку формальные различия существуют у местоимений: *I* — *me*, *he* — *him* и т. д. Если я признаю, что *sheep* в сочетании *many sheep* употреблено во множественном числе, хотя оно и не отличается по форме от единственного (как, например, *lambz* в сочетании *many lambz* отличается от единственного *lamb*), и *cut* в определенных предложениях будет формой прошедшего времени, то не должен ли я также признать *Peter* и *son* формами именительного падежа в тех сочетаниях, где мы употребили бы форму *he*, и формами косвенного падежа — в сочетаниях, где мы употребили бы форму *him*? Все рассуждение как будто является довольно веским аргументом, но тем не менее он не представляется мне решающим. В случае *sheep* и *cut* мы имели сопоставление со словами того же разряда, и условия здесь были фактически те же самые; в случае же *Peter* и *son* мы основываемся на словах другого разряда, на местоимениях, которые обладают множеством специфических особенностей и обнаруживают различия, не свойственные никаким другим словам. Если бы мы стали на путь различения падежей, исходя из различения их у некоторых местоимений, мы могли бы с таким же правом установить категорию рода у английских существительных, поскольку родовые различия наблюдаются в *he*, *she*, *it* и *who*, *what*, и разбить прилагательные и существительные в форме родительного падежа на две разновидности, в зависимости от того, соответствуют ли они форме *tu* (адьюнкту) или форме *mine* (не-адьюнкту). В действительности же никакой грамматист даже не помышляет об установлении таких различий; точно так же в древнеанглийских грамматиках нигде нет даже упоминаний о двойственном числе суще-

¹ В финском языке нет дательного падежа в собственном смысле этого слова, но „аллатив“, который обозначает движение на что-либо или по направлению к чему-либо, часто соответствует индоевропейскому дательному падежу.

ствительных, хотя признается наличие двойственного числа у личных местоимений, где оно имеет специальные формы. Итак, мы видим, что различия, присущие и неизбежные для одного разряда слов, нельзя во всех случаях переносить на другие части речи.

Что касается значения именительного падежа в отличие от других падежей, то существует традиция, восходящая к латинской грамматике, считать само собой разумеющимся, что в именительном падеже ставится не только подлежащее предложения, но и предикатив. Однако с точки зрения логики это не единственно возможное утверждение, поскольку подлежащее и предикатив в смысловом отношении не являются ни тождественными, ни даже необходимо родственными по своему характеру. Здесь, как и в прочих случаях, для расширения кругозора полезно посмотреть, как те же понятия выражаются в других языках. В финском языке предикатив имеет форму (1) именительного падежа, например *Pojat ovat iloiset* „Мальчики рады“; (2) партитива, „если подлежащее причисляется к классу, с которым оно разделяет данное качество“ (Элиот), „для обозначения качества, которое всегда или обычно бывает присуще подлежащему“ (*Setдлд*), например *Pojat ovat iloisia* „Мальчики (бывают) рады“; (3) эссива для обозначения состояния, в котором находится в данный момент подлежащее, например *Isdni on kiredнд* „Мой отец (сейчас) болен“¹ и (4) транслатива при глаголах, обозначающих переход из одного качества в другое, например *Isdni on jo tullut vanhaksi* „Мой отец состарился“².

Даже в наших западноевропейских языках предикатив не всегда стоит в именительном падеже. В датском языке в течение последних столетий было признано грамматически вполне правильным употреблять винительный (или, точнее, косвенный) падеж и, таким образом, трактовать предикатив как своего рода дополнение: *Det er mig* „Это я“. В английском языке в разговорной речи наблюдается то же употребление: *It's me*. Обычное опущение относительного местоимения в таких предложениях, как *Swinburne could not have been the great poet he was without his study of the Elizabethans* „Свинберн не мог бы быть тем великим поэтом, каким он был, если бы не изучал елизаветинцев“ (аналогично и в датском языке), также, по-видимому, указывает на то, что живое чувство языка объединяет предикатив с дополнением³.

В английском и датском языках это явление не может рассматриваться изолированно от тенденции, которая состоит в том, что форма именительного падежа употребляется лишь в непосредственной близости от (личной) формы глагола (по отношению к которой она является подлежащим: *I do; do I*), а форма косвенного падежа — во всех других случаях: ср. после *than* и *as* (*He is older than me* „Он старше меня“; *not so old as me* „не так стар, как я“), а также независимое употребление местоимения (*Who is that? — Me!* „Кто это? — Я“). Эта тенденция одержала верх во французском языке, где мы при независимом употреблении слова находим *moi*, но в сочетании с глагольной формой именительный *je* и винительный *te*; так же обстоит дело и с другими личными

¹ Эссив употребляется также в функции приложения, например: *lapsena* „будучи ребенком“.

² Ср. нем. *zu etwas werden*, дат. *blive til noget*.

³ Вместо термина „предикатив“ в некоторых грамматиках употребляется термин „предикативный именительный“. Я не мог удержаться от улыбки, когда, просматривая статью, излагающую ошибки, которые делают школьники в Канзасе, прочел в ней следующее: „Предикативный именительный не в именительном; пример: *They were John and him. It is me*“.

местоимениями; ср. самостоятельные формы *lui, lei, loro* в итальянском¹. (Об этом развитии в английском языке см. „Progress in Language“, гл. VII, перепечатано в „Chapters on English“, гл. II.)

ЗВАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Нет необходимости много говорить о так называемом звательном падеже. В некоторых языках, например в латинском, он имеет особую форму, а поэтому должен считаться отдельным падежом. Однако в большинстве языков он совпадает с именительным падежом, а поэтому не нуждается в отдельном названии. Звательный падеж там, где он существует, указывает на то, что существительное употреблено как второе лицо и что оно стоит вне предложения или само по себе образует предложение. Он имеет точки соприкосновения с повелительным наклонением; про него также можно сказать, что он выражает побуждение: „Слушай!“ или „Будь внимателен!“

Тесную связь между звательным и именительным падежами можно наблюдать в повелительных предложениях типа *You, take that chair!* „Ты, возьми этот стул!“, где *you* стоит вне предложения; при быстром произнесении получается *You take that chair!*, где *you* будет подлежащим повелительного наклонения.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПАДЕЖАХ

Принято говорить о двух типах падежей: о грамматических падежах (именительный, винительный и т. д.) и конкретных падежах, главным образом локальных (местный, отложительный, сопроводительный, творительный и т. д.). Вундт примерно в том же смысле различает падежи внутренней детерминации и падежи внешней детерминации, а Дейчбейн — „падежи логического мышления“ (*Kasus des begrifflichen Denkens*) и „падежи созерцания“ (*Kasus der Anschauung*). Однако подобное разграничение, по крайней мере в наиболее изученных языках, провести нельзя. Даже в финском языке с его развитой системой локальных падежей такое различие четко установить невозможно, поскольку эссив, который является теперь в основном грамматическим падежом, когда-то был локальным. На это указывают в первую очередь некоторые пережиточные случаи, сохранившиеся в виде наречий. В индоевропейских же языках эти две категории были неразрывно связаны с самого начала. Постепенно, однако, чисто конкретное употребление падежей было утрачено, главным образом ввиду появления предлогов, обозначавших локальные и другие отношения более отчетливо, чем уступающие им по численности падежи; и, таким образом, падежи стали излишними.

С течением времени количество падежей постоянно уменьшалось, особенно потому, что более твердого порядка слов оказывалось часто вполне достаточно для того, чтобы охарактеризовать роль слова в предложении. Однако ни один язык нашей семьи никогда не обладал такой падежной

¹ Ср. также „*Io non sono fatta come te*“ (Rovetta).

системой, которая была бы основана на точной и последовательной системе значений; иначе говоря, падеж есть категория чисто грамматическая (синтаксическая), а не понятийная в настоящем смысле слова. Основные значения падежей следующие:

Обращение — звательный.

Подлежащее — именительный.

Предикатив — специального падежа нет.

Дополнение — винительный или дательный.

Связь — родительный.

Место и время, много различных отношений — местный и т. д.

Мера — специального падежа нет.

Образ действия — специального падежа нет.

Орудие — творительный.

Другая классификация (в некоторых отношениях она представляется более совершенной) была бы основана на трех рангах, рассмотренных в главе VII.

I. Падежи в качестве первичных элементов:

Падеж подлежащего.

Падеж дополнения.

Последний можно подразделить на падеж прямого дополнения и падеж косвенного дополнения.

Падеж предикатива.

II. Падеж адъюнкта:

Родительный падеж.

III. Падежи субъюнкта:

Их можно подразделить на падежи, обозначающие время (когда? в течение какого времени?), падежи, обозначающие место (где, куда, откуда), падежи, обозначающие меру, образ действия и орудие.

Многие понятия, однако, очень трудно определить, и они незаметно переходят одно в другое. Поэтому не приходится удивляться, что существуют значительные различия даже между теми языками, которые в конечном счете восходят к одному и тому же „праязыку“. Падежи представляют собой одну из наименее рациональных частей языка в целом¹.

ПРЕДЛОЖНЫЕ ГРУППЫ

Читатель, вероятно, уже заметил, что в этой главе я говорю только о так называемых синтетических, а не об „аналитических падежах“, которые состоят из предлога и его дополнения; последние, я думаю, не должны рассматриваться отдельно от любой другой предложной группы. В английском языке *to a man*

¹ Мой основной вывод совпадает с выводом Пауля: „Падежи — это лишь средства выражения, не обязательно являющиеся составной частью каждого языка; падежи, где они имеются, различаются по разным языкам и по разным ступеням развития, и при этом никогда нельзя ожидать, что их функции будут соответствовать постоянным логическими психологическим отношениям“. („Zeitschrift für Psychologie“, 1910, 114).

„человеку“ так же не является дательным падежом, как *by a man* „человеком“ не является творительным, а *in a man* „в человеке“ — местным падежом. Дейчбейн („System der neuenglischen Syntax“, стр. 278 и сл.) выступает как крайний представитель противоположной точки зрения; среди ряда других он приводит примеры на дательный падеж в английском языке: *He came to London* „Он приехал в Лондон“, *This happened to him* „Это случилось с ним“, *complain to the magistrate* „пожаловаться судье“, *adhere to someone* „быть сторонником кого-либо“, *The ancient Trojans were fools to your father* „Древние троянцы были дураками по сравнению с твоим отцом“, *He behaved respectfully to her* „Он вел себя по отношению к ней почтительно“, *You are like daughters to me* „Вы мне как дочери“, *Bring the book to me* „Принеси мне книгу“, *I have bought a villa for my son* „Я купил для моего сына виллу“, *What's Hecuba to him?* „Что для него Гекуба?“, *It is not easy for a foreigner to apprehend* „Это нелегко постигнуть иностранцу“, таким образом, здесь встречаются и предлог *to* и предлог *for*, вероятно, потому, что в немецком в большинстве случаев употребляется дательный падеж. Гораздо правильнее признать эти сочетания тем, что они являются в действительности — предложными группами, и избегать термина „дательный падеж“, кроме тех случаев, когда мы находим что-либо сходное с латинским, древнеанглийским или немецким дательным падежом. Любопытно отметить, что, когда Дейчбейн делает ударение на „пространственном дательном падеже“ (*der гдumliche Dativ: He came to London*), он становится в оппозицию к прежней теории, которая выводила падежи из локальных отношений. Согласно этой теории, дательный падеж считался падежом „покоя“, винительный — падежом „движения — приближения“, а родительный — падежом „движения — удаления“; если же Дейчбейн называет *to London* дательным падежом, то почему не сказать того же и об *into the house* „в дом“? Но в таком случае нужно будет признать дательным падежом и нем. *in das Haus*, несмотря на реальную форму винительного падежа, означающую нечто иное, чем форма дательного падежа в сочетании *in dem Haus* „в доме“. Если даже выражения *I gave a shilling to the boy* и *I gave the boy a shilling* синонимичны, это вовсе не означает, что мы должны применить к обоим один и тот же грамматический термин: *man-made institutions* „человеком созданные учреждения“ и *institutions made by man* „учреждения, созданные человеком“ означают одно и то же, но грамматически они не тождественны.

Локальное значение предлога *to* часто более или менее тускнеет, но это не дает нам оснований говорить о дательном падеже, даже если *to* полностью лишено локального значения. Подобным же образом и во французском языке, где *J'irai au ministre* и *Je dirai au ministre* являются аналогичными, но в соответствующих конструкциях с местоимением дательный падеж употребляется в одном случае и не употребляется в другом: *J'irai a lui* и *Je lui dirai*.

Те же соображения остаются в силе и в отношении родительного падежа. Дейчбейн говорит о родительном падеже не только в таких случаях, как *the works of Shakespeare* „сочинения Шекспира“, но и в случаях типа *participate of the nature of satire* „иметь общее с сатирическим жанром“, *smell of brandy* „пахнуть бренди“, *proud of his country* „горд своей страной“, и, если не ошибаюсь, также в случаях типа *the man from Birmingham* „человек из Бирмингама“, *free from opposition* „свободный от оппозиции“ (там же, стр. 286 и

сл.). Некоторые грамматисты говорят об „отделении родительного падежа от управляющего слова другими членами предложения“ и при этом имеют в виду такие случаи, как the arrival at Cowes of the German Emperor „прибытие в Каус германского императора“, где налицо просто две параллельные предложные группы-адьюнкты; некоторые даже прибегают к термину „расщепленный родительный падеж“ („Anglia“, Weibblatt, 1922, 207) и приводят примеры типа the celebrated picture by Gainsborough of the Duchess of Devonshire „известный портрет герцогини Девонширской работы Гейнсборо“. Здесь было бы столь же разумно считать by Gainsborough родительным падежом, как и применить этот термин к сочетанию с of. В обоих случаях мы имеем предложные группы и ничего больше.

Я могу, пожалуй, воспользоваться этим случаем, чтобы выразить протест против определенного рода „национальной психологии“, которая сделалась модой в некоторых немецких университетских кругах и которая представляется мне в самой своей основе неразумной и противоестественной. В следующем отрывке она затрагивает синтаксис падежей: „Если саксонская форма родительного падежа продуктивна при обозначении времени, то это означает, что понятие времени в сознании англичан играет очень большую роль; это особенно проявляется у представителей определенных профессий, как-то: издателей, редакторов, газетных работников и т.п.“ (Deutschbein, System der neuenglischen Syntax, стр. 289). В той же работе, на стр. 269, дательный падеж в нем. Ich helfe meinen Freunden „Я помогаю своим друзьям“ трактуется как показатель „интимного доверия постоянного характера между мной и моими друзьями“, но „когда в новоанглийском to help (I help my friend) соединяется с винительным падежом, выражение личных отношений между мною и моим другом отсутствует... таким образом, новоанглийский язык обладает динамическим характером, который проявляется и в ряде других явлений языка“. Что означает термин „динамический“ в этой связи? И почему Дейчбейн решил, что падежная форма после help не является по-прежнему формой дательного падежа? В сочетании give my friend a book „дать моему другу книгу“ он признает friend формой дательного падежа, но почему не усматривать эту форму и здесь? Форма ведь та же самая. И функция та же самая, как и в соответствующем древнеанглийском предложении Ic helpe minum freonde, с которым современное английское предложение связано непрерывной традицией и которое во всех отношениях соответствует нем. Ich helfe meinem Freunde. Почему не сказать просто, что в современном английском языке в данном случае перед нами не винительный и не дательный падеж и почему не отказаться от всех умозаключений о национальном характере — „личном“, „динамическом“ и „статическом“?

если различие слишком значительно, нельзя употребить слова типа „два“ или „три“. Груша и яблоко представляют собой два разных фрукта; кирпич и замок можно назвать двумя предметами; но кирпич и музыкальный звук не есть два предмета; человек, истина и вкус яблока не составляют трех, и т.д.

Какие предметы можно исчислять совместно, зависит от языкового выражения. В большинстве случаев классификация бывает естественной и фактически совпадает по ряду языков, но иногда наблюдаются и различия, порожденные различиями в языковой структуре. Так, например, по-английски не составляет никакой трудности сказать *Tom and Mary are cousins*, поскольку слово *cousin* означает одновременно и „кузен“ и „кузина“; в датском языке (как и в немецком и в других языках) эти понятия обозначаются различными словами и, таким образом, эту мысль приходится выражать так: *T. og M. er fætter og kusine*; англ. же *five cousins* нельзя точно перевести на датский язык. С другой стороны, в английском языке нет подходящего термина для того, что немцы называют *Geschwister* „братья и сестры“, дат. *søskende*. Иногда, однако, употребляются числительные перед такими сочетаниями, как англ. *brothers and sisters: They have ten brothers and sisters* „У них десять братьев и сестер“, что может означать „два брата + восемь сестер“ или любое другое сочетание; ср. также *We have twenty cocks and hens* „У нас двадцать петухов и кур“ (= дат. *tyve hns*). Вполне естественная потребность совместного обозначения живых существ мужского и женского пола обусловила появление в некоторых языках синтаксического правила, согласно которому форма множественного числа мужского рода употребляется для обозначения существ обоих полов: ит. *gli zii*, исп. *los padres* (см. стр. 271).

В некоторых случаях невозможно заранее сказать, что следует считать о д н и м предметом: по поводу ряда сложных по своему строению предметов различные языки имеют различные точки зрения: ср. *un pantalon* — a pair of trousers, *et par boxer*, *ein Paar Hosen* „брюки“; *eine Brille* — a pair of spectacles, *une paire de lunettes*, *et par briller* „очки“; *en sax*, *eine Schere* — a pair of scissors, *une paire de ciseaux* „ножницы“.

В английском языке иногда наблюдается тенденция употреблять в этих случаях форму множественного числа как форму единственного числа, например: *a scissors* „ножницы“, *a tongs* „щипцы“, *a tweezers* „пинцет“.

В современном исландском языке мы находим любопытную форму множественного числа от *einn* „один“ в сочетании *einir sokkar* „одни носки“ (для обозначения более чем одной пары употребляются „дистрибутивные“ числительные: *tvennir vetlingar* „две пары перчаток“).

В отношении частей тела обычно не бывает сомнений, что считать одним предметом, а что двумя; и все же в английском языке существуют (вернее существовали) колебания в трактовке слова *moustache*, которое в Оксфордском словаре определяется как «(a) the hair on both sides of the upper lip и (b) the hair covering either side of the upper lip, so that what to one is a pair of moustaches, to another is a moustache; ср. He twirled first one moustache and then the other „Он закрутил сначала один ус, а затем — другой“».

В венгерском языке существует твердое правило, согласно которому парные части и органы тела обозначаются как одно целое. Поэтому там, где англичанин скажет *My eyes are weak* „Мои глаза плохо видят“ или *His hands*

tremble „Руки у него дрожат“, венгр употребит форму единственного числа: A szemem (ед.) gyenge, Reszket a keze (ед. ч.). Отсюда естественное следствие, которое представляется нам очень неестественным: для обозначения одного глаза, одной руки или одной ноги в венгерском языке употребляется слово *fél* „половина“: *fél szemmel* „одним глазом“, буквально „половиной глаз“, *fel lábgra sánta* „хромой на одну ногу“. Это правило применяется и к словам, обозначающим перчатки, сапоги и т. п.: *keztyű* „пара перчаток“, *fél keztyű* „одна перчатка“ („половина перчаток“), *csizma* (ед. ч.) „сапоги“, *fél csizma* „сапог“. Формы множественного числа таких слов (*keztyűk*, *csizma*) употребляются для обозначения нескольких пар или различных сортов перчаток, сапог.

ОБЫЧНОЕ МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Самое простое и очевидное употребление формы множественного числа мы находим в случаях типа *horses* „лошади“ = (одна) лошадь + (другая) лошадь + (третья) лошадь... (Здесь возможна была бы формула: А мн. ч. = Аа + Аb + Ас...) Такие случаи, которые можно назвать обычным множественным числом, не требуют особых замечаний, так как во многих языках здесь почти всегда налицо соответствие между логикой и грамматикой.

Бывают, однако, и расхождения между языками, главным образом из-за формальных особенностей. В английском и французском языках употребляются формы множественного числа существительных в сочетаниях *the eighteenth and nineteenth centuries* „восемнадцатое и девятнадцатое столетия“, *les siècles dix-huitième et dix-neuvième*, в то время как в немецком и датском в тех же случаях употребляется форма единственного числа; причина здесь не в том, что англичанам и французам как таковым в большей степени присуще логическое мышление, а в чисто формальных особенностях языков: во французском артикль, указывающий на число, предшествует непосредственно существительному, но отдален от прилагательных; в английском языке артикль имеет одинаковую форму для обоих чисел, а поэтому он может ставиться перед прилагательным (в единственном числе), как будто бы он имеет форму единственного числа, и в то же время ни в какой мере не препятствовать употреблению формы множественного числа *centuries*. В немецком языке, с одной стороны, приходится сразу же выбирать между формами единственного и множественного числа артикля, но при этом форма множественного числа *die* будет восприниматься как несовместимая с формой прилагательного *achtzehnte* — формой единственного числа среднего рода; если же, с другой стороны, начать с (формы единственного числа) артикля *das*, то было бы в равной степени странно закончить формой множественного числа существительного (*das 18te und 19te Jahrhunderte*), откуда и вытекает грамматически понятное (но логически необоснованное) правило употребления формы единственного числа во всем сочетании. Так же обстоит дело в датском языке. И в английском языке по аналогичным причинам предпочитается форма единственного числа, если словосочетанию предшествует неопределенный артикль: ср. *an upper and a lower shelf* „верхняя и нижняя полка“. Иногда форма единственного числа употребляется с целью избежать возможных недоразумений, например у Теккерея: *The elder and the younger son of the house of Crawley were never at home*

together „Старший и младший *сын* дома Кроли никогда не были дома одновременно“; форма *sons* могла бы навести на мысль, что было несколько младших и несколько старших сыновей (другие особые случаи см. в „Modern English Grammar“, II, стр. 73 и сл.¹).

В английском языке различие между двумя синонимическими выражениями типа *more weeks than one* и *more than one week* „более одной недели“ ясно показывает психологическое влияние соседнего слова (притяжение). Сила такого влияния неодинакова в различных языках: в итальянском под воздействием *un* употребляется форма единственного числа: *ventun anno*, а в английском находим *twenty-one years*, точно так же, как *one and twenty years* „двадцать один год“; ср. также *a thousand and one nights* „тысяча и одна ночь“. Впрочем, с особенной ясностью сила притяжения проявляется в немецком и датском языках, где форма множественного числа употребляется при отсутствии слова „один“ перед существительным, а форма единственного числа — всякий раз, когда „один“ стоит непосредственно перед существительным: *ein und zwanzig Tage, tausend und eine Nacht; een og tyve dage, tusend og een nat*.

С дробями возникают трудности: в каком числе следует употреблять существительное при числительном „полтора“ — в единственном или во множественном? Конечно, в английском языке можно выйти из затруднения, сказав *one mile and a half*; но этого нельзя сделать в тех языках, где для данного понятия существует неделимое выражение, например нем. *anderthalb*, дат. *halvanden*; в немецком языке употребляется, по-видимому, форма множественного числа (*anderthalb Ellen*), а в датском — форма единственного (*halvanden krone*) с любопытной тенденцией употреблять предшествующее прилагательное в форме множественного числа, хотя существительное стоит в единственном числе: *med mine stakkels halvanden lunge* (Karl Larsen), *i disse halvandet er* (Pontoppidan). Притяжение проявляется также в дат. *to og en halv time* (ед. ч.); ср. англ. *two and a half hours* (мн. ч.) „два с половиной часа“.

В тех случаях, когда у каждого из нескольких лиц имеется только один предмет, употребляется то форма единственного числа, то форма множественного: датчане говорят *Hjertet sad os i halsen* (ед. ч.), а англичане — *Our hearts leaped to our mouths*, хотя и не всегда последовательно (*Three men came marching along, pipe in mouth and sword in hand*; см. подробнее „Modern English Grammar“, II, стр. 76 и сл.). Ваккернагель (*W a s k e r n a g e l, Vorlesungen über Syntax, Basel, 1920, 1. 92*) приводит пример из Еврипида, когда мать просит детей дать ей правую руку: *Dot' õ tekna, dot' aspasasthai mētri dexiān khera*.

¹ Слово *and* может употребляться как для соединения двух предметов, так и для соединения двух качеств одного и того же предмета или лица, например: *my friend and protector, Dr. Jones* „Мой друг и покровитель, доктор Джонс“. Это может повести к двусмысленности. Например, существует некоторое сомнение относительно значения следующего отрывка из Шелли (*Epipyschidion, 492*): *Some wise and tender Ocean-King... Reared it... a pleasure house Made sacred to his sister and his spouse* (одно лицо или два лица?). Ср. также объявление: „Wanted a clerk and copyist“ (одно лицо), „a clerk and a copyist“ (два лица). „A secret which she, and she alone, could know“. В немецком языке часто употребляется сочетание *und zwar* для того, чтобы показать, что *und* не выражает соединение в обычном смысле: *Sie hat nur ein Kind, und zwar einen Sohn*.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Теперь я перехожу к явлению, которое можно обозначить термином „приблизительное множественное число“ (plural of approximation). Когда в одной форме объединяются несколько предметов или лиц, не принадлежащих в точном смысле к одному виду, мы будем называть ее формой „приблизительного множественного числа“. Sixties „шестидесятые годы“ (например, a man in the sixties; the sixties of the last century) означает не 60 + 60., а 60 + 61 + 62 и т. д. до 69. Случаи такого рода встречаются и в датском языке (treserne), но их нет, например, во французском языке.

Самый ярко выраженный случай приблизительного множественного числа представляет собой местоимение we „мы“, которое означает „я + один или более не-я“. Из определения 1-го лица следует, что оно мыслимо только в единственном числе: ведь 1-е лицо обозначает говорящего в каждом данном случае. Даже если на вопрос „Кто присоединится ко мне?“ отвечает группа людей и говорит „Мы все присоединимся“, то в устах каждого говорящего это значит только: „Я присоединюсь и другие тоже (я полагаю)“.

Слово we очень неопределенно и не дает указания на то, кого имеет в виду говорящий, кроме себя самого. Поэтому его часто приходится дополнять другим словом: we doctors „мы, врачи“, we gentlemen „мы, мужчины“, we Yorkshiremen „мы, йоркширцы“, we of this city „мы, люди из этого города“. Многие языки Африки и других частей света различают „исключающую“ и „включающую“ формы множественного числа. Это различие можно наблюдать в известном анекдоте о миссионере, который обратился к неграм со словами: „Мы все грешники, и мы все нуждаемся в обращении в веру“, но, к несчастью, употребил вместо „включающей“ формы „мы“ другую форму, которая означает „я и мои, но не вы, к кому я обращаюсь“ (Фридрих Мюллер). В ряде языков к местоимению „мы“ можно присоединить — либо при помощи союза „и“ или предлога „с“, либо без связующего слова — обозначение лица или лиц, которые вместе с „я“ представляют множественное число: др.-англ. wit Scilling „я и Скиллинг“, unc Adame „для меня и Адама“, др.-исл. vit Gunnar „я и Гуннар“ (ср. также юеir Sigurpr „Сигурд и его люди“, юау Hjalти „Хьяльти и его жена“), фризск. wat en Ellen „мы двое, я и Е.“, нем. разгов. Wir sind heute mit ihm spazieren gegangen „Мы с ним пошли сегодня гулять“, франц. разгов. Nous chantions avec lui „Мы с ним пели“, ит. quando siamo giunti con mia cugina „когда мы с кузиной прибыли“, русск. *Мы с братом придем* и т. п.¹

Форма местоимения 2-го лица множественного числа может в зависимости от обстоятельств представлять собой либо обычное множественное число (вы = ты + ты + ты и т. д.), либо приблизительное множественное число (вы = ты + один или большее число лиц, не участвующих в разговоре). Поэтому мы находим в ряде языков сочетания с местоимением „мы“, аналогичные упомянутым выше: др.-англ. git Iohannis „вы двое (ты и) Иоанн“, др.-исл. it Egill „ты и Е.“, русск. *вы с сестрой*.

¹ См., кроме обычных грамматик: G r i m m, Personenwechsel, 19; T o b l e r, Vermischte Beiträge zur französischen Grammatik, изд. 3-е, Leipzig, 1921, 3, 14; E b e l i n g, „Archiv für die neueren Sprachen“, 104. 129; „Dania“, 10. 47; H. M ö l l e r, „Zeitschrift für deutsche Wortforsch.“, 4. 103; N y r o p, Études de gramm. française, 1920, стр. 13.

Представление о том, что „мы“ и „вы“ предполагают участие других лиц, кроме „я“ и „ты“, лежит в основе французского сочетания *vous* (или *vous*) *autres Français*, т. е. „я (или ты) и другие французы“. В испанском языке формы *nosotros*, *vosotros* были обобщены и теперь употребляются в самостоятельном или эмфатическом положении вместо *nos* и *vos*.

Во многих грамматиках дается правило, согласно которому в случаях, когда слова, входящие в состав подлежащего, относятся к разным лицам, во множественном числе глагола предпочтение отдается форме 1-го лица перед формой 2-го или 3-го лица и форме 2-го лица перед формой 3-го. Однако это правило в применении к латинской грамматике (для таких примеров, как *Si tu et Tullia valetis, ego et Cicero valemus* „Если ты и Туллия здоровы, я и Цицерон здоровы“) является излишним, так как 1-е лицо множественного числа по самому существу своему есть не что иное, как 1-е лицо единственного числа плюс еще какое-то лицо: также обстоит дело и с 2-м лицом множественного числа. В английской грамматике в отношении примеров типа *He and I are friends, You and they would agree on that point; He and his brother were to have come* (O n i o n s, *An Advanced English Syntax*, London, 1904, 21) это правило еще более излишне, так как ни один английский глагол не различает лица во множественном числе.

Третий пример на употребление приблизительного множественного числа находим в сочетании *the Vincent Crummlses* в значении „Винсент Краммлз и его семья“, франц. *les Paul* „Поль и его жена“; „Et M-me de Rosen les signalait: Tiens... *les an tel*“ „И мадам де Розен отмечала их: «Вот... такие-то»“ (D a u d e t, *L'Immortel*, 160)¹.

Когда кто-либо, говоря о себе, употребляет „мы“ вместо „я“, это часто означает, что говорящий из скромности не желает навязывать собственное я слушателям или читателям: он как бы выдает свое мнение или свои действия за мнение и действия других людей. Однако гораздо чаще такое употребление связано с желанием подчеркнуть свое превосходство, как в случае *pluralis majestatis*. Подобное употребление было принято во времена римских императоров, которые говорили о себе *nos*² и требовали, чтобы при обращении к ним употребляли местоимение *vos*. С течением времени на этой основе во французском языке возник обычай употреблять местоимение множественного числа *vous* при обращении ко всем, стоящим по положению выше (а затем и к равным, особенно к незнакомым — форма вежливости). В средние века этот обычай распространился на многие страны; в английском языке это привело в конце концов к вытеснению местоимения единственного числа местоимением *you*, которое является сейчас единственным местоимением 2-го лица и не связывается ни с каким оттенком вежливости или почтительности. Местоимение *you* представляет собой в настоящее время форму общего числа, что до некоторой степени относится также и к ит. *voi*, русск. *вы* и т. п. Употребление „множественного числа общественного неравенства“ породило ряд аномальных явлений, например нем. *Sie* (а также дат. *De*, возникшее под

¹ Относительно нем. *Rosners* в значении „семья Рознеров“ (первоначально это была форма родительного падежа, но часто она понимается как форма множественного числа) и дат. *de gamle Suhrs* см. „*Modern English Grammar*“, II, 4. 42; ср. T i s e l i u s, *Språk och stil*, 7. 126 и сл.

² Относительно греческого „мы“ вместо „я“ см. W a c k e r n a g e l, *Vorlesungen über Syntax*, Basel, 1920, 98 и сл.

его влиянием) при обращении к одному лицу, русск. *они* при упоминании вышестоящего лица; грамматические неправильности мы обнаруживаем и в единственном числе *self* в составе местоимения *ourself* (в языке королей), во франц. *vous-même*, а также в форме единственного числа предикатива в дат. *De er så god*, русск. *Вы сегодня не такая, как вчера* (P e d e r s e n, Russisk Grammatik, Kshbenhavn, 1916, 90). Следует также упомянуть об употреблении формы множественного числа немецких глаголов в случае, когда никакого местоимения нет: *Was wünsch der Herr General?* „Что желает господин генерал?“ Вежливость и услужливость не всегда свободны от комического эффекта¹.

ЕДИНСТВА ВЫСШЕГО ПОРЯДКА

Очень часто бывает необходимо или по крайней мере удобно такое языковое выражение, в котором несколько предметов или лиц объединяются в единство высшего порядка. Следует различать несколько способов, при помощи которых можно достигнуть такого объединения.

Во-первых, форма множественного числа может быть употреблена сама по себе. В английском языке это делается с большой легкостью, неизвестной ни в каком другом языке: для этого достаточно поставить неопределенный артикль или другое местоимение в единственном числе перед сочетанием слов, имеющих форму множественного числа: ср. *that delightful three weeks* „эти восхитительные три недели“, *another five pounds* „еще пять фунтов“, *a second United States* „вторые Соединенные Штаты“, *every three days* „каждые три дня“, *a Zoological Gardens* „зоологический сад“ и т. п. Без сомнения, возможность подобных конструкций обеспечивается главным образом тем, что предшествующее прилагательное не содержит в себе указания ни на множественное, ни на единственное число; сочетание типа *that delightful three weeks* было бы несовместимо с нормами языка, в котором *delightful* имело бы отчетливую форму единственного или множественного числа. Но в английском языке форму без флексии можно легко сочетать как с формой множественного числа *that*, так и с формой множественного числа *three weeks*.

Несколько иначе обстоит дело в случае *a sixpence* „шесть пенсов“ (*a threepence* „три пенса“); эта форма превратилась в новую форму единственного числа, от которой образована новая форма множественного числа *sixpences* (*threepences*). В соответствующем датском названии монеты достоинством в две кроны победила аналогия с единственным числом *en krone*, *en eenkrone*; отсюда *en tokrone*, мн. *mange tokroner*. Последнее напоминает англ. *a fortnight* „две недели“, *a sennight* „неделя“ (*fourteen nights* „четырнадцать ночей“, *seven nights* „семь ночей“), где, однако, последний компонент представляет собой древнеанглийскую форму множественного числа *niht* (окончание *s* в форме *nights* является более поздним аналогическим образованием); точно так же *a twel-vemonth* (др.-англ. мн. ч. *monaþ*).

¹ Не помню, где я встретил упоминание о том, что на мунда-кохском языке считается неприличным обращаться к замужней женщине иначе, как в двойственном числе: она как бы не мыслится существующей без своего мужа.

Во-вторых, объединения множественности можно достигнуть путем образования особого существительного в единственном числе. Так, в греческом от *deka* „десять“ мы находим существительное *dekas* „десяток“, лат. *decas*, откуда англ. *decade* „десятилетие“; во французском языке сюда относятся слова на *-aine*: *une douzaine, vingtaine, trentaine* и т. д.; первое из них проникло в ряд других языков: *dozen, Dutzend, dusin*. Греческому *dekas* в германских языках соответствовало существительное (гот. *tigus*), входящее, как известно, в состав сложных слов — англ. *twenty* „двадцать“, *thirty* „тридцать“ и т. п., нем. *zwanzig, dreißig* и т. д. Таким образом, первоначально это были существительные, хотя теперь они стали прилагательными. Лат. *centum, mille*, англ. (герм.) *hundred* „сто“, *thousand* „тысяча“ были также существительными подобного рода, о чем еще сейчас напоминают случаи типа франц. *deux cents* и употребление *a* и *one*: *a hundred* „сто“, *one thousand* „одна тысяча“; ср. также *a million* „миллион“, *a billion* „миллиард“. Любопытным типом наполовину опрошенных сложных слов являются лат. *biduum, triduum, biennium, triennium*, обозначающие периоды времени в два или три дня или года.

Сюда же следует отнести и слова типа *a pair (of gloves)* „пара (перчаток)“, *a couple (of friends)* „пара (друзей)“, которые приводят нас к словам, обозначающим собрание определенных предметов, например: *a set (of tools, of volumes)* „набор (инструментов)“, „собрание (томов)“, *a pack (of hounds, of cards)* „стая (собак)“, „колода (карт)“, *a bunch (of flowers, of keys)* „букет (цветов)“, „связка (ключей)“, *a herd (of oxen, of goats)* „стадо (волов, коз)“, *flock* „стадо“, *bevy* „стая“ и т. п.

Такие слова по праву называются собирательными существительными, и я думаю, что этот термин следует употреблять не широко, как это часто делается в работах по грамматике, а в строгом смысле — в отношении существительных, обозначающих единство ряда предметов или существ, которые можно пересчитать. Таким образом, собирательность в логическом отношении, с одной стороны, есть единичность, а с другой — множественность. Подобный подход объясняет языковые черты таких слов, которые требуют то конструкции с единственным числом, то конструкции с множественным числом (о различии между собирательными существительными и названиями массы, см. ниже).

Некоторые собирательные существительные являются производными от слов, обозначающих единицы низшего порядка: *brotherhood* „братство“ от *brother* „брат“; ср. также *nobility* „знать“, *peasantry* „крестьянство“, *soldiery* „солдаты“, *mankind* „человечество“. В германских языках есть интересный разряд слов с приставкой *ga-, ge-* и с суффиксом среднего рода *-ja*; в готском языке существовало слово *gaskohi* „пара обуви“; подобные образования стали особенно многочисленными в древневерхненемецком, где мы находим, например, *gidermi* „внутренности“, *giknihti* „прислуга“, *gibirgi* „горы“, *gifildi* „поля“. В современном немецком мы встречаем *Gebirge* „горы“, *Гердск* „багаж“, *Gewitter* „гроза“, *Ungeziefer* и другие, частично с измененным значением или строением. Слово *Geschwister* первоначально означало „сестры“ (*zwei Brüder und drei Geschwister*), позже оно стало означать „братья и сестры“, а теперь иногда употребляется даже для обозначения одного брата или одной сестры, если желательно не подчеркивать пол. Однако в обычной речи это

слово теперь употребляется не в качестве собирательного существительного, а в качестве формы множественного числа.

Лат. *familia* сначала означало совокупность *famuli*, т. е. „домочадцев“, позже „слуг“; когда же *famulus* вышло из употребления, *familia* приобрело свое современное европейское значение и, будучи неразложимым собирательным существительным (*unanalyzable collective*), может быть отнесено к тому же разряду слов, что и *crew* „экипаж“ (корабля), *crowd* „толпа“, *swarm* „рой“, *company* „компания“, *army* „армия“, *tribe* „племя“, *nation* „нация“, *mob* „толпа“.

Некоторые слова могут развить собирательное значение в результате метонимии, например слово *the parish* „приход“ употребляется для обозначения прихожан, *all the world* „весь мир“ — для обозначения всех людей, *the Sex* „пол“ — женщин; ср. также англ. *the Church*, *the bench*, *society* и т. д.

Двусторонность имен собирательных проявляется и в их грамматических особенностях; они представляют собой единства и как таковые могут употребляться не только с предшествующим *a* или *one*, но и в форме множественного числа, как другие исчисляемые существительные: *two flocks* „два стада“, *many nations* „много наций“ и т.п. С другой стороны, они обозначают множественность, а поэтому могут сочетаться с глаголом и предикативом во множественном числе (*My family are early risers*; *la plupart disent*; также и во многих других языках) и соотноситься с таким местоимением, как *they* „они“. Следует, однако, заметить, что подобные конструкции с формой множественного числа глагола употребляются только с именами собирательными, обозначающими живые существа, но никогда не употребляются с существительными типа *library* „библиотека“ или *train* „поезд“, хотя они обозначают собрание книг, комплект вагонов. Иногда имя собирательное может обнаруживать обе стороны в одном и том же предложении: *This (ед.) family are (мн.) unanimous in condemning him*. И в этом не следует усматривать ничего нелогичного или „антиграмматического“ (как это представляется Суиту; см. „*New English Grammar*“, § 116). Это лишь естественное следствие двойственной природы таких слов.

В некоторых случаях языки идут еще дальше, допуская сочетания, в которых форма, являющаяся в действительности формой единственного числа, трактуется так, как если бы она представляла собой множественное число существительного, обозначающего единство низшего порядка: *those people* (= *those men*), *many people* (в отличие от *many peoples* = *many nations*), *a few police*, *twenty clergy*. В датском языке мы наблюдаем подобное явление со словом *folk*, представляющим собой подлинное имя собирательное в *et folk* („народ“, со специальной формой множественного числа *mange folkeslag*). Однако сейчас оно трактуется также и как форма множественного числа: *de folk*, *mange folk*, хотя и нельзя сказать *tyve folk* „двадцать человек“; в случае же *de godtfolk* „те храбрые люди“ мы обнаруживаем любопытное сочетание, в котором *godt* является формой единственного числа среднего рода. (Примеры из английского языка: *80,000 cattle*, *six clergy*, *five hundred infantry*, *six hundred troops* и т. п.; см. „*Modern English Grammar*“, II, стр. 100 и сл.¹)

¹ Обратите внимание также на нем. *ein paar* „пара“, которое в значении „несколько“ превратилось в неизменяемый адьюнкт (*mit ein paar Freunden*, не *einem paar*) и может даже

Переход от имен собирательных к форме множественного числа можно проследить также на индоевропейских существительных на -а. Первоначально это были собирательные существительные женского рода единственного числа, например лат. *familia*. Во многих случаях эти собирательные существительные соотносились с существительными среднего рода: ср. *orega*, род. п. *oregae* „работа“ и *opus* „работа“ (собственно „одна из работ“, „конкретная работа“); в результате -а в конце концов стало употребляться в качестве обычного средства образования множественного числа существительных среднего рода. Остаток же прежнего значения этого окончания виден в греческом языке, где существительные среднего рода в форме множественного числа сочетаются с глаголом в форме единственного числа (см. обстоятельное рассмотрение этого явления у Шмидта — J. Schmidt, *Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra*, 1889; краткий обзор см. в моей книге „*Language*“, стр. 395). Интересно отметить развитие этого окончания в романских языках: оно и в настоящее время образует множественное число многих итальянских слов (*frutta*, *uova*, *raja*); однако в целом оно снова превратилось в форму единственного числа женского рода, правда, не в собирательном значении: ср. ит. *foglia*, франц. *feuille* из лат. *folia*.

Везде, где мы находим форму множественного числа какого-либо слова, упомянутого в настоящем разделе, мы можем говорить о „множественном числе, возведенном во вторую степень“, например: *decades*, *hundreds*, *two elevens* (две команды по одиннадцать человек в каждой), *sixpences*, *crowds* и т. п. Однако тот же самый термин (множественное число во второй степени) применим и к другим случаям — таким, как англ. *children* „дети“. В этом слове окончание множественного числа -en добавлено к первоначальной форме множественного числа *childer*: на первых порах, возможно, потому, что имелось в виду объединение не отдельных детей, а объединение групп детей, относящихся к разным семьям (нечто подобное наблюдается и в шотл. диалектн. *shuins*, которое Муррэй отмечает в значении „ботинки нескольких человек“, в отличие от *shuin*, обозначающего „одну пару ботинок“ — Mur ray, *Dial. of the Southern Counties*, 161; см. также „*Modern English Grammar*“, II, 5. 793). Однако не следует думать, что логическое значение двойного множественного числа (множественное от множественного) во всех случаях сознавалось теми, кто создал формы двойного множественного числа: часто такие формы с самого начала представляли собой излишества; во всяком случае сейчас формы *children*, *kine*, *breeches* и т. п. осознаются как обычные формы множественного числа. В бретонском языке находим множественное от множественного в следующих случаях: *bugel* „ребенок“, мн. *bugale*, но *bugale-ou* „plusieurs bandes d'enfants“, *loer* „чулок“, мн. *lerou* „пара чулок“, но *lereier* „несколько пар чулок“, *daou-lagad-ou* „глаза нескольких человек“ (H. Pedersen, *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen*, Göttingen, 1909, 2.71). Двойное множественное число по форме, но не по значению находим в нем. *Tränen*, *Zähren* „слезы“. Здесь прежняя форма множественного числа *trdne* (*trehene*), *zdhre* (*zdhre*) стала теперь формой единственного числа.

сочетаться с артиклем в форме множественного числа: *die paar Freunde*. В датском языке также *et par venner*, *de par venner*.

В латинском языке множественное от множественного обозначается употреблением специального ряда числительных. *Litera* „буква“ во множественном числе (*litterae*) может означать и „буквы“, и „письмо“, и „письма“ — логическое множественное от „письмо“; однако *quinque litterae* означает „пять букв“, а *quinae litterae* — „пять писем“. *Castra* „лагерь“ первоначально было формой множественного числа от *castrum* „укрепление“; *duo castra* „два укрепления“, но *bina castra* „два лагеря“. Точно так же и в русском языке слово *часы* формально является множественным числом от *час*; говорят *два часа*, но *двое часов*, с числительными более высокого порядка добавляется слово *штука*: *двадцать пять штук часов*, *сто штук часов*.

В этой связи можно также обратить внимание на то, что, когда мы говорим *my spectacles* „мои очки“, *his trousers* „его брюки“, *her scissors* „ее ножницы“, никто не может сказать, сколько предметов имеется в виду — один или большее количество, а следовательно, правильно ли сделан перевод с одного языка на другой: как нужно перевести такие сочетания, как: *meine Brille*, *son pantalon*, *ihre Schere* или *meine Brillen*, *ses pantalons*, *ihre Scheren*. (Но когда мы говорим *He deals in spectacles* „Он торгует очками“; *The soldiers wore khaki trousers* „На солдатах были шаровары цвета хаки“ и т. п., имеется в виду, конечно, множественное число.) Таким образом, формы *spectacles*, *trousers*, *scissors* сами по себе с точки зрения логики имеют значение „общего числа“.

ОБЩЕЕ ЧИСЛО

Иногда чувствуется потребность в форме общего числа (т. е. в форме, которая отвлекается от различия между единственным и множественным числом); но обычно единственным средством удовлетворения этой потребности оказываются такие громоздкие конструкции, как *a star or two* „одна или две звезды“; *one or more stars* „одна звезда или больше“; *Some word or words missing here* „Здесь пропущено одно слово или несколько слов“; *The property was left to her child or children* „Имущество было оставлено ее ребенку или детям“¹.

В предложениях *Who came?* „Кто пришел?“ и *Who can tell?* „Кто может сказать?“ мы имеем дело с общим числом, но в предложении *Who has come?* „Кто пришел?“ приходится употребить глагольную форму определенного числа, даже если вопрос задается в самом общем виде. Заметьте также: *Nobody prevents you, do they?* „Никто не мешает вам, не правда ли?“, где мысль была бы выражена гораздо яснее, если бы удалось избежать формы единственного числа в первом случае и формы множественного числа во втором (ср. также раздел „Род“, стр. 271).

¹ В французском языке большинство существительных, так как дело касается звучания, по существу стоят в форме „общего числа“, но адъюнкты часто различают единственное и множественное число; отсюда конструкции вроде следующих: *Il prendra son ou ses personnages à une certaine période de leur existence* (Мопассан); *Le ou les caractères fondamentaux* (Балли); *ie contraire du ou des mots choisis comme synonymes* (там же). Ср. в немецком языке: *Erst gegen Ende des ganzen Satzes kommen der oder die Tonsprünge, die dem Satze seinen Ausdruck geben* (O. Jespersen, *Lehrbuch der Phonetik*, изд. 3, Leipzig, 1920, 241).

НАЗВАНИЯ МАССЫ

В идеальном языке, построенном исключительно на логических принципах, форма, которая не подразумевает ни единственного, ни множественного числа, стала бы еще более необходимой, если бы мы перешли из мира исчисляемых вещей (таких, как дома, лошади, дни, мили, звуки, слова, преступления, планы, ошибки и т. п.) в мир неисчисляемых вещей. Существует большое количество слов, которые не вызывают у нас представления о каком-либо предмете, имеющем определенную форму и точные границы. Такие слова я обозначаю термином „названия массы“ (mass-words). Они могут быть либо вещественными и обозначать вещество независимо от его формы (например, серебро, ртуть, вода, масло, газ, воздух и т. п.), либо невещественными (например, досуг, музыка, движение, успех, такт, здравомыслие). Среди последних особенно много нексусных существительных (см. гл., X), таких, как *satisfaction* „удовлетворение“, *admiration* „восхищение“, *refinement* „утонченность“, образованных от глаголов, или таких, как *restlessness* „неугомонность“, *justice* „справедливость“, *safety* „безопасность“, *constancy* „постоянство“, образованных от прилагательных.

Исчисляемые слова получают количественное определение при помощи таких слов, как *one* „один“, *two* „два“, *many* „много“, *few* „мало“, при названиях же массы употребляются такие слова, как *much* „много“, *little* „мало“, *less* „меньше“. Если при этом слова *some* „некоторый“ и *more* „больше“ могут применяться к обоим разрядам, то все же, как показывает перевод на другие языки, понятия в этих случаях будут различаться: ср. англ. *some horse, some horses, more horses* — *some quicksilver, more quicksilver, more admiration*; нем. *irgend ein Pferd, einige Pferde, mehr (mehrere) Pferde* (дат. *flere heste*) — *etwas Quecksilber, mehr Quecksilber, mehr Bewunderung* (дат. *mere beundring*).

Так как особой грамматической формы „общего числа“ в реальных языках нет, в отношении названий массы языкам приходится производить выбор между двумя существующими формами числа и останавливаться либо на единственном числе, как во всех приведенных до сих пор примерах, либо на множественном числе, например: *victuals* „провизия“, *dregs* „отбросы“, *lees* „осадок“ — *proceeds* „доход“, *belongings* „принадлежности“, *sweepings* „мусор“ — *measles* „корь“, *rickets* „рахит“, *throes* „муки“ и такие разговорные наименования состояний, как *the blues* „меланхолия“, *creeps* „мурашки“, *sulks* „раздраженное состояние“ и т. п. Во многих случаях наблюдаются колебания между двумя числами [*coal(s)* „уголь“, *brain(s)* „мозг(и)“ и др.]; там, где в одном языке употребляется единственное число, в другом может употребляться множественное. Любопытно, что в то время как южноанглийский и литературный датский языки рассматривают *porridge* и *grød* „каша“ как единственное число, те же самые слова в Шотландии и Ютландии имеют форму множественного числа. Английским формам множественного числа *lees* и *dregs* в немецком и других языках соответствует форма единственного числа *Nefe*. Что касается невещественных названий массы, то здесь наблюдается то же явление: *much knowledge* „много знаний“ в переводе на немецкий будет звучать как *viele Kenntnisse*, а на датский — *mange kundskaber*.

Отграничение названий массы сопряжено с некоторыми трудностями, поскольку многие слова имеют несколько значений. Некоторые предметы

можно рассматривать с различных точек зрения, например: fruit „фрукт, фрукты“, hair „волос, волосы“ (much fruit, many fruits; She hath *more hair* than wit, and more faults than *haire*s. — Шекспир); ср. также a little more cake „еще пирожного“, a few more cakes „еще несколько пирожных“. В одном латинском указе сухие овощи и мясо обозначаются формами единственного числа, т. е. названиями массы, в то время как для свежих овощей употребляется множественное число, поскольку свежие овощи можно сосчитать (Wacker nage l, Vorlesungen ьber Syntax, Basel, 1920, 1.88). Отметим также слово verse „стих“; He writes both prose and verse. I like his verses to Lesbia.

Другие примеры, в которых одно и то же слово обозначает то массу, то отдельные предметы:

A little more <i>cheese</i> „Немного больше <i>сыра</i> “	Two big <i>cheeses</i> „Два больших <i>сыра</i> “
It is hard as <i>iron</i> „Это твердо, как <i>железо</i> “	a hot <i>iron</i> „горячий <i>утюг</i> “
<i>Cork</i> is lighter than water „ <i>Пробка</i> легче воды“	I want three <i>corks</i> for these bottles „Мне нужно три <i>пробки</i> для этих бутылок“
Some <i>earth</i> struck to his shoes „К его ботинкам прилипло немного <i>земли</i> “	The <i>earth</i> is round „ <i>Земля</i> круглая“
a parcel in brown <i>paper</i> „пакет в коричневой <i>бумаге</i> “	state- <i>papers</i> „государственные <i>бумаги</i> “
little <i>talent</i> „мало <i>таланта</i> “	few <i>talents</i> „мало <i>талантов</i> “
much <i>experience</i> „много <i>опыта</i> “	many <i>experiences</i> „много <i>переживаний</i> “, и т. п.

Первоначальное значение относится иногда к одному, а иногда к другому разряду. В некоторых случаях происходит дифференциация; например, слова shade „тень“ (отсутствие солнечного света) и shadow „тень“ (отбрасываемая предметом) развились из разных падежных форм одного и того же слова (др.-англ. sceadu, sceadowe). Как правило, shade употребляется как название массы, а shadow — как исчисляемое, но в некоторых случаях shade является в той же мере обозначением предмета (thing-word), как и shadow, например, когда мы говорим о различных оттенках (shades) цвета. Cloth в значении определенного материала является названием массы, но при обозначении таких предметов, как скатерть или попона, оно превращается в исчисляемое существительное и приобретает новую форму множественного числа — cloths, в то время как прежняя форма clothes, оторвавшись от cloth, должна рассматриваться как самостоятельное слово — название массы в форме множественного числа.

Название дерева, например oak „дуб“, может стать названием массы не только тогда, когда оно применяется к древесине, получаемой из этого дерева, но и в тех случаях, когда имеется в виду совокупность растущих деревьев (ср. barley „ячмень“, wheat „пшеница“), например Oak and beech began to take the place of willow and elm „Дуб и бук стали вытеснять иву и вяз“. Соответствующее употребление наблюдается и в других языках. Сюда примыкает также употребление слова fish „рыба“, которое используется не только для

обозначения рыбы как продукта питания, но и для обозначения живых существ как объекта рыболовства; подобное употребление мы встречаем, кроме английского, также в датском (*fisk*), русском (*рыба*; O. A s b o t h, *Kurze russische Grammatik*, Leipzig, 1904, 68), венгерском (S i m o n y i, *Die ungarische Sprache*, StraЯburg, 1907, 259) и в других языках. В английском и в датском такое употребление стало одной из причин, обусловивших появление неизменяемой формы множественного числа, например *many fish, mange fisk*.

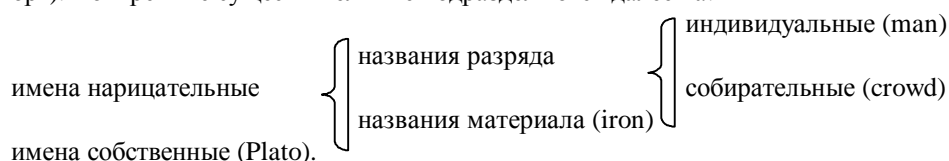
Названия массы часто превращаются в названия исчисляемых предметов, но и в этом отношении существуют значительные различия по языкам. Так, в английском языке в отличие от датского слово *tin* „олово“ употребляется для обозначения консервной банки: слово *bread* „хлеб“, наоборот, употребляется только для обозначения массы, но соответствующие ему слова в других языках служат для обозначения того, что в английском языке обозначается словом *loaf* „каравай“: *un peu de pain, un petit pain = a little bread, a small loaf*.

Невещественные названия массы претерпевают аналогичные сдвиги в значении, когда они употребляются для обозначения единичного проявления данного качества: например, когда мы говорим о каком-либо глупом поступке — *a stupidity*; ср. также *many follies, many kindnesses* и т. п. Однако подобное употребление не является распространенным в такой же мере в английском языке, как в других языках, а поэтому лучшей передачей нем. *eine unerhorte Unverschämtheit* будет англ. *a piece of monstrous impudence*; ср. также *an insufferable piece of injustice, another piece of scandal, an act of perfidy* и т. п. (примеры см. в „*Modern English Grammar*“, II, 5. 33 и сл.). Эта конструкция совершенно аналогична конструкциям *a piece of wood, two lumps of sugar* и др.

Названия массы могут стать названиями предметов еще одним путем: если некусное существительное *beauty* „красота“ употребляется для обозначения предмета (или лица), обладающего этим качеством. И, наконец, надо упомянуть об употреблении названия массы для обозначения одной из разновидностей массы: *This tea is better than the one we had last week* „Этот чай лучше, чем тот, который мы пили на прошлой неделе“; отсюда, далее, естественное употребление формы множественного числа: *various sauces* „различные соусы“; *The best Italian wines come from Tuscany* „Лучшие итальянские вина доставляются из Тосканы“.

Введя термин „название массы“ и ограничив термин „собираательные существительные“ определенным разрядом слов, я последовательно противопоставил эти термины друг другу (понятие числа логически неприменимо к названиям массы, но вдвойне применимо к собираательным существительным); таким путем, надеюсь, я внес известный вклад в разъяснение этой трудной проблемы. Необходимость термина типа „название массы“ нередко ощущается в словарях; в Оксфордском словаре, например, мы часто встречаемся с определениями вроде следующего: „*claptrap* (1) with pl.: A trick... (2) without *a* or pl.: Language designed to catch applause“, т. е. „(1) название предмета, (2) название массы“. Моя классификация представляется мне более удачной, чем две самые продуманные классификации, какие я знаю, — классификации Суита и Норейна.

Согласно Суиту („*New English Grammar*“, § 150 и сл.), основное деление проходит между существительными вещественными (или конкретными) и существительными абстрактными (т. е. словами типа *redness* „краснота“, *stupidity* „глупость“, *conversation* „разговор“). Конкретные существительные подразделяются далее на:

Суит не видит сходства по существу между „названиями материала“ и „абстрактными существительными“; неудачен и самый термин „названия материала“, поскольку многие названия нематериальных явлений отличаются теми же особенностями, что и слова *iron* и *glass*. Не вижу я и целесообразности разграничения между названиями разрядов, представленных единичным предметом (например, *sun* „солнце“ в разговорном языке, в отличие от научного языка), и названиями разрядов, представленных многими предметами (например, *tree* „дерево“); в обоих случаях мы имеем дело с исчисляемыми предметами, хотя в одном случае представляется больше возможностей употреблять слово во множественном числе, чем в другом.

Классификация Норейна весьма оригинальна (*A. Noreen, Vert Sprek, Lund, 1903, 5, 292* и сл.), кроме „абстрактных существительных“ (слов типа *красота*, *мудрость* и т. п.) он устанавливает следующие разряды:

I. Неделимые существительные (*impartitiva*) обозначают предметы, не поддающиеся делению на несколько однородных частей. Сюда относятся „*individua*“, например, *I* „я“, *Stockholm*, *the Trossachs* и „*dividua*“, например *parson* „священник“, *man* „человек“, *tree* „дерево“, *trousers* „брюки“, *measles* „корь“. Даже слово *horses* „лошади“ в предложении *Horses are quadrupeds* „Лошади — четвероногие животные“ является неделимым, поскольку оно обозначает неделимый класс — лошадь (это предложение синонимично предложению *A horse is a quadruped* „Лошадь — четвероногое животное“, стр. 300).

II. Делимые существительные (*partitiva*). Они распадаются на два разряда:

A. Вещественные (*materialia*), например: *Iron is expensive now* „Железо сейчас дорого“, *He eats fish* „Он ест рыбу“, *This is made of wood* „Это сделано из дерева“.

B. Собираательные существительные. Они подразделяются на:

(1) Собираательно-тотальные, например: *brotherhood* „братство“, *nobility* „знать“, *army* „армия“, и

(2) собираательно-плюральные; здесь даются примеры: *many a parson*, *many parsons* „много священников“, *every parson* „каждый священник“, далее обычные формы множественного числа: *fires* „огни“, *wines* „вина“, *waves* „волны“, *cows* „коровы“ и т. п. Собираательно-плюральные в свою очередь подразделяются на (а) однородные: *horses* „лошади“ и т. п. и (б) разнородные: *we* „мы“, *parents* „родители“ (соответствующее единственное число — *father* „отец“ или *mother* „мать“). Эта последняя группа соответствует, хотя и не полностью, тому, что я называю приблизительным множественным числом: чистой случайностью оказывается то, что в шведском языке нет единственного числа к *fцгldrar* „родители“ и что Норейн поэтому в качестве единственного числа дает слова „отец“ и „мать“: в других языках возможно употребление слова „родители“ в единственном числе (например, в разговорном датском языке — *en forцlder*); этот случай не следует сопоставлять с соотношением „мы“ — „я“, тем более, что слово *father* образует естественную форму множественного числа *fathers* (например, *The fathers of the boys were invited to the school* „Отцы мальчиков были приглашены в школу“), тогда как от слова *I* обычное множественное число немыслимо. В целом система

Норейна кажется мне в высшей степени искусственной и представляющей мало ценности для лингвиста, поскольку она разделяет явления, естественно связанные друг с другом, и создает такие ненужные разряды, как разряд неделимых существительных, не говоря уже о том, что в термин „собираемые существительные“ вкладывается слишком широкое значение. Для нас важно, какие понятия допускает соотнесение со словами „один“ и „два“, но не важно, какие понятия и вещи могут быть разделены на однородные части. Понятие числа, несмотря на всю его важность в реальной жизни, у Норейна отодвинуто в сторону и как бы загнано в дальний угол. Соответственно, на стр. 298 (где он говорит о множественном числе), делая совершенно правильное и меткое замечание о том, что подлинным единственным числом от „мы“ является „один из нас“, он не идет дальше и не говорит, что в том же смысле настоящим единственным числом от „лошади“ является не „лошадь“, а „одна из лошадей“, а следовательно, множественным от „один из нас“ („одна из лошадей“) будет не всегда „мы“ („лошади“), а „некоторые из нас“ („некоторые из лошадей“).

Глава XV

ЧИСЛО (Окончание)

Различные аномалии. Обобщенное единственное и множественное число. Двойственное число.
Число у вторичных слов. Множественное число глагольного понятия.

РАЗЛИЧНЫЕ АНОМАЛИИ

Во всех языках имеются слова, служащие для выделения отдельного члена множества и таким образом в форме единичности выражающие то, что характерно для всех представителей: англ. every „всякий“, each „каждый“. Между предложениями Everybody was glad „Каждый был рад“ и All were glad „Все были рады“ существует лишь небольшое различие в значении (ср. everything „всё“ и all в предложении All is well that ends well „Все хорошо, что хорошо кончается“ = all things). Обратите также внимание на лат. uterque vir, utraque lingua, utrumque „каждый (любой) из двух человек, оба человека, оба языка, обе вещи“. Очень близко к нему англ. many a man „много людей“ — индивидуализирующее, в то время как many men обобщает; подобные выражения существуют и во многих других языках: manch ein Mann, mangeln en mand, mucha palabra loca (Hanssen, Sp. gr., § 56,6), франц. устарелое maint homme.

Спорадически в области употребления форм числа мы встречаем аномалии, которые трудно поддаются объяснению, но, во всяком случае, показывают, что люди не являются абсолютно разумными существами: об этом, например, говорит употребление в древнеанглийском языке формы единственного числа с десятками, как в „Беовульфе“, 3042: Se wæs *fiftiges fotgearnas* lang „Оно было 50 футов длины“; там же, 379: *yrtyges manna tyngecræft* „сила тридцати человек“; здесь, таким образом, налицо некоторая непоследовательность: *fotgearnas* — форма единственного числа, а *manna* — множественного. В среднеанглийском языке встречаются случаи употребления артикля *a*, характерного для единственного числа, перед числительными, например, *a forty men* „около сорока“; по-датски очень часто говорят *en tyve*

stykker „около двадцати штук“; это можно сравнить с англ. a few (в ютландских диалектах — жп lile to); артикль единственного числа превращает формы множественного числа из своего рода отрицательных (He has few friends „У него мало друзей“) в положительные (He has a few friends „У него несколько друзей“). Однако a few могло быть создано по образцу a many, где many, может быть, собирательное существительное, а не прилагательное. Эти первоначально самостоятельные формы с течением времени слились. Франц. vers les une heures (равно как и vers les midi) с числовым несоответствием обуславливается, по-видимому, аналогией с другими обозначениями времени, например vers les deux heures; дело сейчас обстоит так, как будто бы vers-les стало одним объединенным предлогом, употребляющимся при обозначении часа. Немецкое вопросительное местоимение wer „кто“, подобно англ. who (см. выше, стр. 228), нейтрально к числу, но когда необходимо точно указать, что вопрос относится более чем к одному лицу, этого достигают добавлением alles в единственном числе среднего рода! Wer kommt denn alles? (Who are coming? — Wer kommt? Who is coming?) Wen hast du alles gesehen? подразумевает, что он видел нескольких людей. Ср. сказанное ниже в разделе „Пол“ о beides и mehreres как формах среднего рода и о личных формах beide, mehrere (стр. 277).

ОБОБЩЕННОЕ ЕДИНСТВЕННОЕ И МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Здесь пойдет речь о лингвистическом выражении целой породы в случаях, когда не употребляются слова типа all (all cats „все кошки“)¹ every (every cat „каждая кошка“) или any (any cat „любая кошка“). Бреаль („Mylanges de mythologie et de linguistique“, Paris, 1882, 394) создает для этого понятия термин „всеобщее число“ (omnial), параллельный терминам „двойственное число“ и „множественное число“; этот термин был бы законным в грамматике языка, имеющего для такого „числа“ специальную форму. Однако такого языка я не знаю. В действительности для обозначения подобного понятия языки употребляют то форму единственного, то форму множественного числа; причем артикль может быть и определенным, и неопределенным, а может и вообще отсутствовать. Поскольку в английском языке неопределенного артикля во множественном числе нет, можно получить пять комбинаций; как видно из следующих примеров, все они встречаются в языке:

1) Единственное число без артикля. В английском языке оно возможно только со словами man „человек“, „мужчина“ и woman „женщина“ (Man is mortal; Woman is best when she is at rest) и с названиями массы², материальной

¹ All cats have four feet „У всех кошек четыре ноги“ = Any cat has four feet „У любой кошки четыре ноги“; однако это „обобщенное“ употребление all следует отграничивать от „дистрибутивного“ all: так, All his brothers are millionaires „Все его братья миллионеры“ отличается от All his brothers together possess a million „Все его братья вместе обладают миллионом“. В дистрибутивном смысле „все кошки“ (вместе) обладают огромным количеством ног. Логика в качестве примера этого различия приводят следующие предложения: All the angles of a triangle are less than two right angles „Все углы треугольника (= любой угол) меньше двух прямых углов“ и All the angles of a triangle are equal to two right angles „Все углы треугольника (= взятые вместе) равны двум прямым углам“; см. также „Modern English Grammar“, II, 5. 4.

² При названиях массы „обобщенное“ понятие относится именно к количеству, а не к числу как таковому: Lead is heavy „Свинец тяжел“, т. е. весь свинец; свинец, где бы он ни был.

или нематериальной (Blood is thicker than water „Кровь гуще воды“; History is often stranger than fiction „История часто бывает неправдоподобнее вымысла“). В немецком и датском языках такое употребление встречается только с названиями материальной массы, а во французском языке нет даже и этого¹.

2) Единственное число с неопределенным артиклем: *A cat is not as vigilant as a dog*; „Кошка не такая чуткая, как собака“; здесь артикль можно рассматривать как ослабленное ану „любой“, или, скорее, одна собака (a dog) берется как представитель всего класса.

3) Единственное число с определенным артиклем: *The dog is vigilant* „Собака чуткая“. Также обстоит дело и с прилагательным (среднего рода) в философском языке: the beautiful „прекрасное“ = everything that is beautiful „все прекрасное“. У Чосера находим: *The lyf so short, the craft so long to lerne*; в современном языке в этом случае артикль отсутствует (Лонгфелло: *Art is long, but life is fleeting*); чосеровское предложение аналогично греческому (Гиппократ: Но bios brakhus, hē de tekhnē makrē), а также французскому, датскому и немецкому (Вагнер в „Фаусте“ Гете говорит: „Ach Gott! die Kunst ist lang; Und kurz ist unser Leben“).

4) Множественное число без артикля: *Dogs are vigilant* „Собаки чуткие“; *Old people are apt to catch cold* „Старики легко простужаются“; *I like oysters* „Я люблю устрицы“.

5) Множественное число с определенным артиклем: *Blessed are the poor in spirit* „Блаженны нищие духом“. Это употребление, в английском языке характерное только для прилагательных (*The old are apt to catch cold = old people*; см. выше, п. 4; *the English = the whole English nation*), является вполне обычным в некоторых других языках; ср. франц. *Les vieillards sont bavards*; *J'aime les huîtres*.

Одна и та же общая истина выражена по-разному в разных языках. Так, в немецкой пословице говорится: *Ein Unglück kommt nie allein* „Несчастье никогда не приходит одно“, а в английской пословице: *Misfortunes never come singly* „Несчастья никогда не приходят в одиночку“ (ср. у Шекспира: „When sorrows come, they come not single spies, But in battalions“). — Ср. также англ. *twice a week* „дважды в неделю“ с франц. *deux fois la semaine*.

К этим „обобщенным“ выражениям можно отнести выражение „неопределенного“ или, точнее, „обобщенного лица“:

1) Единственное число без артикля. В немецком и датском языках мы находим *man*, которое отделилось от существительного *Mann*, *mand*: в немецком языке это произошло в результате утраты ударения, а в датском также в результате отсутствия „sthd“ (гортанной смычки). В среднеанглийском существует не только *man*, но и *men* (*me*), которое часто употребляется с глаголом в единственном числе и может поэтому быть фонетически ослабленной формой *man*. Далее можно привести франц. *on* — результат регулярного развития латинской формы именительного падежа *homo* „человек“.

¹ Суит („New English Grammar“, § 1) пишет: From the theoretical point of view grammar is the science of *l a n g u a g e*. By „language“ we understand *l a n g u a g e s* in general, as opposed to one or more special languages. Интересно сопоставить данный способ выражения со способом выражения таких же двух понятий во французском языке, где употребляются два различных слова: *Le langage et les langues* (например, *V e n d r u e s*, *Le langage*, 273).

2) Единственное число с неопределенным артиклем. Этот случай характерен для различных существительных в разговорной речи в английском: *What is a man (a fellow, a person, an individual, a girl, шотл. a body) to do in such a situation?* „Что делать человеку (парню и т. п.) при подобных обстоятельствах?“ По существу то же самое понятие лежит в основе частого употребления во многих языках слова „один“, как, например, в английском *one*, в нем. *ein* (особенно в косвенных падежах), дат. *en* (в литературном языке, главным образом в том случае, когда оно не является подлежащим, но в диалектах — также и в функции подлежащего), ит. иногда *uno* (*S e r a o, Cap. Sansone, 135; uno si commuove quando si toccano certe fasti; там же, 136*).

3) Единственное число с определенным артиклем. Франц. *l'on*, которое воспринимается сейчас как фонетический вариант простого *on*.

4) Множественное число без артикля. *Fellows* и *people* часто употребляются таким образом, что их можно перевести франц. *on* (*fellows say, people say = on dit*); ср. также среднеанглийское *men* с глаголом в форме множественного числа. Когда в том же значении употребляется англ. *they* (дат. *de*), такое явление можно сравнить с употреблением множественного числа существительных с определенным артиклем, о чем говорилось выше. Об употреблении *you* и *we* в значении „обобщенного лица“ см. гл. XVI.

Различие между „неопределенным лицом“ и обобщенным употреблением *man* (в предложении *Man is mortal* „Человек смертен“) нелегко определить; часто оно является скорее эмоциональным, чем интеллектуальным. Поэтому мы нередко встречаем и употребление слов *man, one, si* для скрытого обозначения 1-го лица, когда говорящий не хочет упоминать себя, а пользуется обобщением: аналогичные мотивы приводят к употреблению *you* в том же значении. Тем не менее следует отметить как нечто связанное с „обобщенным“ характером „неопределенного лица“ довольно частое сочетание *man* и *on* со словом, стоящим во множественном числе. Дат. *Man blev enige*; франц. *La femme qui vient de vous jouer un mauvais tour mais voudrait qu'on reste amis quand même* (*D a u d e t, L'Immortel, 151*)¹. Таким же образом и в итальянском языке с *si* (*S e r a o, там же, 223*): *Si resta liberi per tre mesi* (*R o v e t t a, Moglie S. Ecc., 49*): *Si diventa ministri, ma si nasce poeti, pittori!*

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО

В языках, имеющих формы двойственного числа, мы находим две разновидности этого понятия. Одна разновидность представлена гренландским языком, в котором слово *puna* „земля“ имеет форму двойственного числа *punak* и форму множественного числа *punat*; здесь «форма двойственного числа употребляется главным образом в тех случаях, когда говорящий хочет особенно подчеркнуть, что речь идет о двух предметах; если же, с другой стороны, двойственность является самоочевидной, как, например, у частей тела, которые существуют парами, то почти всегда употребляется форма множественного числа. Таким образом, принято говорить *issai* „его глаза“, *siutai* „его уши“, *talk*

¹ Норв., цит. у Вестерна (*W e s t e r n, Norsk Riksmels-grammatikk, Kristiania, 1921, 451*): *En blir lei hverandre, naar en gaar to mennesker og ser ikke andre dag ut og dag ind.*

„его руки“ и т.п., а не *issik, siutik, tatdlik* „его два глаза“, и т. п. Форма множественного числа часто употребляется даже с числительным *marlduk* „два“, которое само по себе является формой двойственного числа, например *inuit marlduk* „два человека“» (Kleinschmidt, *Grammatik der grünländischen Sprache*, 13).

Другая разновидность представлена индоевропейскими языками. Форма двойственного числа употребляется здесь для предметов, встречающихся парами. Двойственное число существовало во многих древних языках этой семьи; с течением времени формы двойственного числа постепенно исчезали, и теперь они сохранились только в отдельных диалектах (литовском, лужицком, словенском, а также у личных местоимений в некоторых баварских диалектах). В процессе постепенного исчезновения форм двойственного числа из индоевропейских языков¹ наблюдается много интересных явлений, которые мы не можем рассмотреть здесь детально. Существование двойственного числа рассматривается обычно (Леви-Брюль, Мейе) как показатель первобытного мышления, а его исчезновение — как показатель прогресса цивилизации. По моему собственному мнению, любое упрощение, любая ликвидация прежних излишних различий являются прогрессивными, хотя причинную связь между цивилизацией в целом и частными грамматическими изменениями нельзя показать в деталях.

В греческом языке двойственное число было рано утрачено в колониях, где ступень цивилизации была относительно выше, но весьма устойчиво сохранялось в континентальной Греции, например в Лакедемонии, Беотии и Аттике. У Гомера формы двойственного числа встречаются довольно часто, но они являются, по-видимому, искусственным архаизмом, который используется в поэтических целях (особенно для размера); однако для обозначения двух лиц часто употребляются и формы множественного числа в непосредственном соседстве с формами двойственного числа (ср. сочетания типа *amphō kheiras* — Од., 8. 135). В готском языке формы двойственного числа существуют только у местоимений 1-го и 2-го лица и у соответствующих форм глаголов; однако формы двойственного числа глаголов немногочисленны. В других древних германских языках двойственное число сохраняется только у местоимений „мы“ и „вы“, но позже оно исчезает и у них. (Наоборот, формы двойственного числа *vip, юip* вытеснили прежние формы множественного числа *vīg, юīg* в современном исландском языке, а, возможно, также в датском — *vi, I*). Изолированные следы прежнего двойственного числа были найдены в формах нескольких существительных, таких, как *door* „дверь“ (первоначально две створки) и *breast* „грудь“, но даже и здесь эти формы с давних времен понимались не как формы двойственного, а как формы единственного числа. Сейчас двойственное число можно усмотреть только у двух слов — *two* „два“ и *both* „оба“; однако следует отметить, что, когда *both* употребляется в качестве „союза“, то оно часто применяется не только к двум предметам, например *both London, Paris, and Amsterdam* „как Лондон, так и Париж и Амстердам“; хотя

¹ См. Cuny, *Le nombre duel en grec*, Paris, 1906; Brugmann, *Grundriß der vergleichenden Grammatik*, изд. 2-е, Straßburg, 1897, II, 2. 449 и сл.; Meillet, *Aperçu d'une histoire de la langue grecque*, Paris, 1913, 189. 226. 303; Wackernagel, *Vorlesungen über Syntax*, Basel, 1920, I, 73 и сл. Очень интересная статья Готтио в *Festschrift Vilh. Thomsen*, стр. 127 и сл.; он сравнивает двойственное число в индоевропейских и угро-финских языках.

некоторые грамматисты и встают против такого употребления, оно встречается у ряда хороших писателей¹.

Согласно Готио, формы двойственного числа скр. *akī*, гр. *osse*, лит. *акм*, собственно, не означают ни „два глаза“, ни даже „глаз и другой глаз“, а значат „глаз поскольку он представлен двумя“; таким образом, *mitrā* есть „Митра, представленный двумя“, т. е. Митра и Варуна, ибо Варуна — двойник Митры. То же находим в скр. *bhanī* „день и (ночь)“, *pitṛgāu* „отец и (мать)“, *mātṛgāu* „мать и (отец)“; затем также *pitṛgāu mātṛgāu* „отец и мать“ (оба в форме двойственного числа); несколько отлично гр. *Aiante Teukron te* „Аянта (двойственное число) и Тевкра“. В угро-финских языках имеются параллели к большинству из этих конструкций; так, в сочетаниях типа *īnexen igexen* „старик и старуха“, *tetexen tuxgen* „зима и лето“ оба слова имеют форму множественного числа.

В некоторых случаях сохранились следы утраченного двойственного числа, однако их подлинный характер уже не ощущается. Так, например, в древнеисландском языке местоимение *юау* „они двое“ представляет собой старую форму двойственного числа. В то же самое время оно является и формой множественного числа среднего рода. В связи с этим возникает синтаксическое правило, согласно которому форма множественного числа среднего рода употребляется и тогда, когда идет речь одновременно о лицах мужского и женского пола.

В русском языке старые формы двойственного числа у некоторых слов совпадали с формами родительного падежа ед. ч.; в результате случаи вроде *два мужика* повели к употреблению родительного падежа единственного числа от других слов; любопытно, что это употребление, после того как понятие двойственного числа исчезло, распространилось и на слова *три* и *четыре*: *четыре года* и т. п.

ЧИСЛО У ВТОРИЧНЫХ СЛОВ

Когда Суит („*New English Grammar*“, § 269) утверждает, что единственной общей категорией у существительных и глаголов является число, он прав, поскольку речь идет о существующей (английской) грамматике. Однако следует помнить, что у глагола множественное число означает не то, что у существительного. У существительных множественное число означает множественность того, что обозначено самим существительным, в то время как у глаголов число относится не к действию или состоянию, обозначенному глаголом, а к подлежащему: ср. *(two) sticks* „(две) палки“ и *(two) walks* „(две) прогулки“ с *(they) walk* „(они) гуляют“; в последнем случае мы видим форму множественного числа, но она обозначает не несколько прогулок, а несколько гуляющих. Точно так же, когда в латинском и в других языках прилагательное-адъект ставится в форме множественного числа (лат. *urbes magnae*, нем. *große Städte* „большие города“), не имеется в виду никакой множественности

¹ Другим примером расширения сферы двойственного числа является употребление его в сочетании с такими числами, как 52; ср. „Одиссею“, 8. 35: *kourō de duō kai pentē konta* „Сыновей же пятьдесят два“ (также в стихе 48 той же песни; аттракция).

адъективного понятия: множественность относится к „городам“ и ни к чему больше. В обоих случаях мы наблюдаем чисто грамматическое явление, которое называется „согласованием“ и не имеет никакого отношения к логике, но проходит через все ранние стадии развития языков индоевропейской семьи. Сogласование затрагивает не только формы числа, но и падежные формы прилагательного, которые были „подчинены“ соответствующим формам первичных слов, связанных с ними. Однако это правило согласования в сущности является излишним (ср. „Language“, 335 и сл.). И поскольку понятие множественности логически относится только к первичному слову нет ничего удивительного в том, что многие языки более или менее последовательно отказались от обозначения числа во вторичных словах.

В датском языке, как и в немецком, прилагательные еще сохраняют различие между *en stor mand* (*ein groЯer Mann*) „великий человек“ и *store mnd* (*groЯe Mдnner*) „великие люди“, но английский язык оказывается в данном случае более прогрессивным: в нем прилагательное, за исключением единичных пережиточных случаев — *that man, those men, this man, these men*, — не изменяется по числам. — В идеальном языке ни адъюнкты, ни глаголы не имели бы особых форм множественного числа¹.

В венгерском языке мы находим противоположное правило: число обозначается не в первичном, а во вторичном слове, но только когда существительное сочетается с числительным. Существительное в таком случае ставится в единственном числе — точно так, как если бы мы сказали по-английски *three house* „три дома“. Выдающийся венгерский лингвист Шимоньи (Simonyi) называет это правило „нелогичным“. Я скорее назвал бы его примером разумной экономии, поскольку в данном случае всякое выражение множественности у существительного было бы излишним. Такое же правило существует и в других языках; в финском оно осложняется любопытной особенностью: в функции подлежащего употребляется не именительный, а партитивный падеж единственного числа; в остальных падежах числительное согласуется с существительным. Некоторое приближение к этому правилу обнаруживается и в датском (*tyve mand stjrk, fem daler* „пять долларов“, отличное от *fem dalere* „пять монет по одному доллару каждая“, *to fod*), а также в немецком (*zwei FuЯ, drei Mark, 400 Mann*) и даже в английском (*five dozen, thre score, five foot nine, five stone*; подробнее об этом см. „Modern English Grammar“, II, 57 и сл.).

Первый компонент сложных существительных во многих отношениях подобен адъюнкту ко второму компоненту. Известно, что в качестве первого компонента в древних индоевропейских сложных словах употребляется сама основа, и число, таким образом, не выражается; гр. *hippo-damos* может обозначать и того, кто обузывает одну лошадь, и того, кто обузывает несколько лошадей. В английском языке употребляется обычно форма единственного числа, даже если имеется в виду множественность: ср. *the printed book section* „секция печатных книг“; *a three-volume novel* „трехтомный роман“. Но во многих, преимущественно недавних образованиях первый компонент

¹ В эсперанто одна и та же форма глагола употребляется независимо от числа подлежащего (*mi amas, ni amas*), а прилагательные имеют особые формы (*la bona amiko, la bonai amikoj*), в то время как артикль (в этом непоследовательность) остается неизменным. В этом отношении идо, напротив, строго логичен (*la bona amiki*).

стоит во множественном числе: a savings-bank „сберегательная касса“, the Contagious Diseases Act „закон об инфекционных заболеваниях“. В датском языке есть любопытный случай, когда оба компонента получают форму множественного числа: *bondegerd*, мн. *bjndergerde* „фермы крестьян“; обычно же форма единственного числа первого компонента сохраняется и во множественном числе: *tandbger* и т. п.

У английского глагола исчезли числовые различия во всех формах прошедшего времени (*gave* „дал, дали“, *ended* „закончил, закончили“, *drank* „выпил, выпили“ и т. п. с единственным исключением *was* „был“, *were* „были“), а также в некоторых формах настоящего времени (*can* „могу, можем“, *shall* „должен, должны“, *must* „должен, должны“ и др., восходящие к формам прошедшего времени); различие между числами сохранилось только в 3-м лице (*he comes* „он приходит“, *they come* „они приходят“), но отсутствует в 1-м и во 2-м лице (*I come* „я прихожу“, *we come* „мы приходим“, *you come* „ты приходишь“, „вы приходите“). Числовые различия в датском глаголе совершенно исчезли; прежняя форма единственного числа стала формой „общего числа“. Так обстоит дело всегда в разговорном языке и теперь почти во всех случаях в литературном.

По-видимому, повсюду существует сильная тенденция употреблять форму единственного числа глагола вместо формы множественного числа (а не наоборот), когда глагол предшествует подлежащему; причина, возможно, кроется в том, что в момент произнесения глагола говорящий еще не решил, какие слова будут следовать за ним: ср. др.-англ. *Eac wæs gesewen on ðæm wage atifred ealle da heargas* и из Шекспира: *that spirit upon whose weal depends and rests The lives of many*. Особенно часто это наблюдается с конструкцией *there is* (Теккерей: *There's some things I can't resist*). То же самое присуще и другим языкам. В литературном датском языке при подлежащем в форме множественного числа регулярно употреблялось *der er* еще в то время, когда в других случаях при множественном числе подлежащего употреблялась форма *ere*. Аналогично и в итальянском: *In teatro c'era quattro o sei persone*; ср. также тенденцию употреблять формы единственного числа в случаях, когда *Evviva* сочетается с множественным числом подлежащего (*Rovetta: Evviva ie bionde al potere!*). В тех языках, где сохранилось старое правило согласования вторичных слов, сплошь и рядом возникают трудности, и грамматикам приходится давать более или менее сложные правила, которых не придерживаются в обычной речевой практике даже „лучшие писатели“. Характер таких трудностей можно показать на следующих английских примерах (которые взяты из „*Modern English Grammar*“, II, гл. VI): *Not one in ten of them write it so badly; Ten is one and nine; None are wretched but by their own fault; None has more keenly felt them; Neither of your heads are safe; Much care and patience were needed; If the death of neither man nor gnat are designed; Father and mother is man and wife; man and wife is one flesh; His hair as well as his eyebrows was now white; the fine lady, or fine gentleman, who show me their teeth; One or two of his things are still worth your reading; His meat was locusts and wild honey; Fools are my theme; Both death and I am found eternal*. Все эти предложения взяты из известных авторов, а последнее, например, из Мильтона. Аналогичные трудности возникают и в отношении прилагательных в тех языках, где адьюнкты согласуются в числе (роде и падеже) с первичными словами; простое сопоставление франц. *ma femme et mes*

enfants „моя жена и мои дети“ и la presse locale et les comités locaux „местная печать и местные комитеты“ с англ. my wife and children, the local press and committees показывает преимущество того языка, который выбросил за борт такие излишние различия во второстепенных словах¹.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО ГЛАГОЛЬНОГО ПОНЯТИЯ

Понятие единичности и множественности не является несовместимым с понятием, которое выражает сам глагол. Я имею в виду сейчас не то, что Мейер (R. M. Meyer, „Indogermanische Forschungen“, 24. 279 и сл.) называет *verba pluralia tantum*, когда он говорит о таких глаголах, как нем. *wimmeln* „кишеть“, *sich anhdufen* „толпиться“, *sich zusammenrotten* „собираться толпой“, *umzingeln* „окружать“ (в английском языке — *swarm* „роиться“, *teem* „кишеть“, *crowd* „толпиться“, *assemble* „собираться“, *conspire* „сговариваться“), где необходимое понятие множественности заключено не в глаголе как таковом, а в подлежащем². Я имею в виду те случаи, когда самое понятие, выраженное глаголом, дается во множественном числе (*is made plural*). Что это за случаи, легко увидеть, если рассмотреть соответствующие отглагольные существительные — некусные существительные (гл. X). Если множественное число от *one walk* „одна прогулка“ и *one action* „одно действие“ будет *walks* „прогулки“, *actions* „действия“, то понятие множественности в глаголе должно предстать в виде „предпринимать несколько прогулок“, „совершать несколько действий“. Но в английском и в большинстве других языков нет специальной формы для выражения этого значения; когда я говорю *he walks* „он гуляет“ (*he shoots* „он стреляет“), *they walk* „они гуляют“ (*they shoot* „они стреляют“), невозможно установить сколько прогулок (выстрелов) имеется в виду — одна или несколько. В предложении *They often kissed* „Они часто целовались“ наречие будет выражать точно ту же множественность, что и форма множественного числа (и прилагательное) в сочетании (*many*) *kisses*. Иначе говоря, действительная множественность глагола — это то, что в некоторых языках выражается так называемым фреквентативом или итеративом — иногда самостоятельной формой³ глагола, которая часто включается в систему времен или в систему видов конкретного языка: так, повторность (так же как длительность и пр.) в семитских языках выражается усилением (удвоением, удлинением) среднего согласного, а в чаморском языке — удвоением

¹ В них понятие субъекта (как это часто бывает в индоевропейских языках) остается невыраженным, кроме как в форме глагола; указание на субъект формой множественного числа глагола, конечно, не является таким излишним, как в случае отдельного обозначения субъекта и действия: ср., например, лат. *amamus Lulum, amant Lulum* „любим Л.“, „любят Л.“. Случаем особого рода является ит. *Furono soli con la ragazza* „Он был один с девушкой“ (= *Egli e la ragazza furono soli, Egli fu solo con la ragazza*). Примеры из французского, немецкого, славянских, албанского и др. языков см. у Meyer-Libke, *Einführung*, 88; *Delbъск*, *Syntax*, 3. 255. Встречается также аналогичное употребление формы множественного числа в предикативе: англ. *Come, Joseph, be friends with Miss Sharp*, дат. *Ham er jeg gode venner med*.

² Сюда относится и глагол *quarrel* „ссориться“, так как понятие ссоры предполагает, по крайней мере, два лица; и если в этом случае мы находим форму единственного числа, например в предложении *I quarrel with him* „Я ссорюсь с ним“, этот случай надо рассматривать вместе с примерами, приведенными на стр. 100, 221, 242.

³ См. характеристику имперфекта, стр. 323.

ударенного слога глагольного корня (K. Wulff, Festschrift Vilh. Thomsen, 49). Иногда образуется специальный глагол, обозначающий повторное или обычное действие, например в латыни, с помощью окончания *-ito*: *cantito* „петь часто“, *ventito* „приходить часто“; глагол *visito* с точки зрения формы является вдвойне фреквентативным, поскольку он образован от *viso*, который в свою очередь представляет собой фреквентативное образование от *video*; однако понятие множественности здесь обнаруживает тенденцию к исчезновению; франц. *visiter* и англ. *visit* можно употребить для обозначения единичного прихода. В славянских языках категория множественности или фреквентативности глагола хорошо развита: например, русск. *стреливать* от *стрелять*. В английском языке несколько глаголов на *-er*, *-le* подразумевают повторное или обычное действие: *stutter* „запинаться“, *patter* „постукивать“, *chatter* „болтать“, *cackle* „кудахтать“, *babble* „бормотать“. В других случаях повторные действия выражаются иначе: *He talked and talked* „Он говорил и говорил“; *He used to talk of his mother* „Он, бывало, говорил о своей матери“; *He was in the habit of talking* „Он имел обыкновение говорить“; *He would talk of his mother for hours* „Он, бывало, часами говорил о своей матери“; *He talked of his mother over and over again* „Он говорил о своей матери снова и снова“ и т. п.

Мы упомянули о множественном числе таких отглагольных существительных, как *walk*, *shot*, *kiss*. В этой связи мы можем напомнить читателю и о существовании другого вида „некусных существительных“ — существительных, содержащих в себе предикатив, например: *stupidity* „глупость“, *kindness* „доброта“, *folly* „безрассудство“. Эти слова также могут иметь форму множественного числа, хотя, как было замечено выше, при этом они переходят из разряда названий массы в разряд исчисляемых (то же наблюдается и в случаях, когда форма единственного числа рассматриваемых слов сочетается с неопределенным артиклем; ср. *a stupidity* „единичное проявление глупости“, „глупый поступок“).

Наречия, конечно, не имеют определенного числа, кроме разве таких наречий, как *twice* „дважды“, *thrice* „трижды“, *often* „часто“, которые можно признать множественным числом к *once* „однажды“, поскольку логически они означают то же, что „два раза“, „три раза“, „много раз“. Понятие множественности здесь относится к субстантивному понятию, которое заключено в субъюнкте, так же как в групповых субъюнктах типа *at two (three, many) places* „в двух (трех, многих) местах“. О понятии множественности можно говорить и в отношении таких групп, как *now and then* „от времени до времени“, *here and there* „там и сям“, ибо они означают то же, что и „в разное время“, „в разных местах“. Однако это не подрывает справедливости общего положения, что понятие числа неприменимо к наречиям.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВАМ, ПОСВЯЩЕННЫМ ЧИСЛУ

Для обозначения места в каком-либо ряду большинство языков (все языки?) образовало специальные слова от (количественных) числительных; эти слова называются порядковыми числительными. Очень часто первые порядковые числительные не образуются по общему правилу от соответствующих количественных: *primus*, *first*, *erst* „первый“ не имеют отношения к *unus*, *one*, *ein* „один“, но с самого начала обозначают первого в пространстве или времени. Лат. *secundus* первоначально означало „следующий“ и, таким образом, ничего не говорило о том, сколько предшествует; часто для обозначения второго в ряду употребляется слово, имеющее неопределенное значение — „другой“; например: др.-англ. *oþer* (сохранившееся в современном английском языке в качестве неопределенного местоимения *other*, в то время как порядковое

числительное заимствовано из французского языка), нем. *ander*, дат. *anden*. Во французском мы находим правильное образование от *deux* — *deuxième* (сначала, вероятно, в сочетаниях типа *vingt-deuxième*; ср. *vingt-et-unième*).

Во многих случаях, там, где с точки зрения строгой логики требовались бы порядковые числительные, употребляются количественные числительные; это вызывается соображениями удобства, особенно если речь идет о больших числах, например: *In 1922* = в тысяча девятьсот двадцать втором году от рождества Христова (в русском языке в этом случае употребляются порядковые числительные); далее, при чтении таких обозначений, как *line 725, page 32, Chapter XVIII* и т. п.; во французском языке также: *Louis XIV, le 14 septembre* и т. п.

После слова „номер“ такое употребление количественных числительных вместо порядковых является всеобщим: „номер семь“ значит „седьмой в ряду“. Ср. также обозначение часа: *at two o'clock* „в два часа“, *at three-fifty* „в три часа пятьдесят минут“.

Обратите внимание на употребление порядковых числительных в нем. *drittehalb*, дат. *halvtredie* „два с половиной“ (третий элемент есть только половина), а также на несколько иное употребление в шотл. *at half three*, дат. *klokken halv tre*, нем. *um halb drei Uhr* „В половине третьего“.

Во многих языках порядковые числительные (со словом „часть“, „доля“ или без него) могут употребляться для обозначения дробей: ср. *five-sevenths*, *cinq septièmes*, *fünf Siabentel*, *fern syvendedel* и т. п. Однако для обозначения половины существует специальное слово: *half*, *demi* и т. п.

Глава XVI

ЛИЦО

Определения. Общее и родовое лицо. Понятийное и грамматическое лицо. Косвенная речь. 4-е лицо. Возвратные и взаимные местоимения.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В Оксфордском словаре дается следующее определение „лица“ в грамматическом смысле: „Каждый из трех разрядов личных местоимений и каждое из соответствующих различий у глагола, обозначающее или указывающее соответственно на лицо говорящее (первое лицо), на лицо, к которому обращена речь (второе лицо), и на лицо, о котором говорят (третье лицо)...“ Однако, хотя это определение встречается в других хороших словарях и в большинстве грамматик, оно явно ошибочно. Ведь когда я говорю „Я болен“ или „Вы должны идти“, лица, о которых я говорю, несомненно — „я“ и „вы“. Таким образом, подлинное противопоставление будет следующее: (1) лицо говорящее, (2) лицо, к которому обращена речь, и (3) лицо, которое не является ни говорящим, ни адресатом речи. В первом лице говорят о себе, во втором — о лице, к которому обращена речь, а в третьем — о том, кто не является ни тем, ни другим.

Далее необходимо помнить, что при таком употреблении слово „лицо“, определяемое одним из первых трех порядковых числительных, означает нечто совсем иное, чем лицо в обычном смысле: „человек, разумное существо“. В предложениях „Лошадь бежит“, „Солнце светит“ мы имеем дело с третьим лицом, а если в басне лошадь говорит „я бегу“ или солнце говорит „я свечу“, то

в обоих предложениях мы находим первое лицо. Такое употребление термина „лицо“ восходит еще к латинской грамматике и далее к греческой (*prosōpon*) и является одним из тех больших неудобств традиционной грамматической терминологии, которые слишком прочно укоренились, чтобы их можно было изменить, каким бы странным ни представлялось неискушенному человеку положение о том, что „безличные глаголы“ всегда имеют форму „третьего лица“: *pluit, it rains* и т. п. Некоторые авторы возражали против включения местоимения *it* в систему личных местоимений, однако это включение оправдано, если вкладывать в термин „личное местоимение“ значение „местоимение, обозначающее лицо“, в том смысле, о котором шла речь выше. Но когда мы говорим о различии между двумя вопросительными местоимениями *кто* и *что*, из которых первое обозначает лицо, а второе все, что не есть лицо, мы склонны назвать местоимение *кто* личным местоимением, что было бы, безусловно, очень неудобно.

Из определения первого лица, естественно, вытекает следствие, что первое лицо, строго говоря, встречается только в единственном числе¹.

В одной из предшествующих глав (стр. 220 и сл.) уже указывалось, что так называемое первое лицо множественного числа „мы“ в действительности представляет собой „я + одно или несколько других лиц“; в некоторых работах, посвященных языкам американских индейцев, для обозначения „мы“ очень удачно употребляются знаки $1/2$ и $1/3$, которые показывают, что в этой форме к „я“ добавляется второе или третье лицо.

В качестве курьеза, имеющего отношение к рассматриваемой проблеме, можно привести следующее предложение, иллюстрирующее эмоциональную окраску трех лиц: «У Раскина народ всегда „вы“; у Карлейля он отодвигается еще дальше и становится „они“, но у Морриса народ всегда „мы“» (в книге Bruce Glacier, „William Morris“).

Во многих языках различие между тремя лицами проявляется не только у местоимений, но и у глаголов, например, в латыни (*amo, amas, amat*), в итальянском, древнееврейском, финском и др. языках. В этих языках во многих предложениях нет особого указания на подлежащее; вначале предложения типа *ego amo, tu amas* ограничивались лишь такими случаями, где было необходимо или желательно особо выделить „я“ или „ты“. С течением времени, однако, стало все более и более обычным добавлять местоимения даже тогда, когда не имелось в виду особо подчеркнуть их, а это, в свою очередь, создало условия для постепенного ослабления звуков в личных окончаниях глаголов и поэтому личные окончания для правильного понимания предложения становились все более и более излишними. Так, во французском языке *j'aime, tu aimes, il aime, je veux, tu veux, il veut, je vis, tu vis, il vit* звучат одинаково. В английском языке мы находим одну и ту же форму в случаях *I can, you can, he can, I saw, you saw, he saw* и даже во множественном числе: *we can, you can, they can, we saw, you saw, they saw* — фонетические изменения и замена по аналогии шли рука об руку и

¹ Когда *I* (или *me* или *ego*) превращается в существительное (главным образом, в философском языке), оно обязательно переходит в третье лицо, откуда и возникает возможность формы множественного числа: *several I's* или *me's* или *ego's*. Поэтому мы видим нечто несообразное в употреблении глагольных форм в следующем предложении: *The I who see am as manifold as what I see* (J. L. L o w e s, *Convention and Revolt in Poetry*, 6).

привели к ликвидации прежних различий. Эти различия, однако, полностью не исчезли: их остатки проявляются во франц. *j'ai, tu as, il a, nous avons, vous avez, ils ont* и в англ. *I go, he goes* и у других глаголов в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени. В датском языке исчезли и эти различия: *jeg ser, du ser, han ser, vi ser, I ser, de ser*; и так у всех глаголов во всех временах — совсем как в китайском и в некоторых других языках. Подобное состояние языка следует рассматривать как идеальное или логичное, поскольку различия по праву принадлежат первичному понятию, и нет никакой необходимости повторять их во вторичных словах.

В английском языке возникло новое различие между лицами во вспомогательных глаголах, которые употребляются для выражения будущности (*I shall go, you will go, he will go*) и для выражения обусловленной нереальности (*I should go, you would go, he would go*).

Повелительное наклонение (и, можно добавить, звательный падеж) всегда, по существу, стоит во 2-м лице, даже в таких предложениях, как *Oh, please, someone go in and tell her* или *Go one and call the law into the court* (Шекспир), и особенно в предложениях типа *And bring out my hat, somebody, will you* (Диккенс), где 2-е лицо специально выражено в добавленном предложении. В английском языке форма глагола не указывает на то, какое лицо имеется в виду, но в других языках существует 3-е лицо повелительного наклонения. Здесь наблюдается конфликт между грамматическим 3-м лицом и понятийным 2-м лицом. Иногда, однако, последнее преобладает даже формально, например, в гр. *sigān nun harās ekhe sigān*, где *ekhe* (2-е лицо), по мнению Вакернагеля (Wackernagel, *Vorlesungen über Syntax*, Basel, 1920, 106), употреблено вместо *ekhetō* (3-го лица): „Каждый пусть хранит молчание“. Там, где в повелительном наклонении мы находим 1-е лицо множественного числа, как ит. *diamo*, франц. *donnons*, это 1-е лицо по существу имеет значение „дай ты, и я тоже дам“, так что повелительное наклонение здесь, как и везде, относится ко 2-му лицу. В английском языке прежнее *give we* было заменено оборотом *let us give* (как в датском и в некоторой степени также в немецком); здесь *let*, конечно, и с грамматической и с понятийной точек зрения представляет собой 2-е лицо, а 1-е лицо множественного числа проявляется лишь в зависимом нексе — *us give*.

Наречием места, соответствующим 1-му лицу, является *here* „здесь“. Если же для обозначения „не-здесь“ есть два наречия, как в северных английских диалектах — *there* и *yonder* (*yon, yond*), то в таком случае можно сказать, что *there* „там“ соответствует 2-му лицу, а *yonder* „за пределами“ — 3-му лицу¹; однако нередко находим только одно наречие, выражающее оба понятия — в частности, в литературном английском языке, где *yonder* является устаревшим. Связь между первым лицом и „здесь“ можно обнаружить в итальянском языке, где наречие *ci* „здесь“ широко употребляется в качестве местоимения 1-го лица множественного числа в косвенных падежах вместо *ni* „нас“. В немецком языке мы находим два наречия движения: *hin* для обозначения направления от говорящего и *her* — направления к говорящему.

Банг в своей брошюре „Урало-алтайские языки“ (W. Bang, *Les langues ouralo-altaïques*, Bruxelles, 1893) считает неоспоримым, что человеческий разум

¹ Ср. также три указательных местоимения в латинском языке — *hie* (1), *iste* (2), *ille* (3).

имел представление о „здесь“ и „там“ раньше, чем он выработал понятия „я“ и „ты“. Поэтому он устанавливает два разряда местоименных элементов: первый — для понятий „здесь“, „я“, „сейчас“ (элементы, начинающиеся с m-, n-), второй — для понятий „не-я“, „там“ (элементы, начинающиеся с t-, d-, s-, n-). Последний разряд в свою очередь подразделяется на два подразряда:

- „a) la personne la plus rapprochée, là, toi, naguère, tout à l'heure,
- b) la personne la plus éloignée, là-has, lui, autrefois, plus tard“.

Это любопытная точка зрения, почему я и упомянул о ней, но вообще в данной книге я воздерживаюсь от рассуждений о первоначальном состоянии грамматического строя и о происхождении грамматических элементов.

ОБЩЕЕ И РОДОВОЕ ЛИЦО

Выше мы уже пришли к тому выводу (см. стр. 228), что в некоторых случаях было бы очень удобно иметь специальную форму для „общего числа“; точно таким же образом ощущается необходимость и в форме „общего лица“. Как уже указывалось, именно таким случаем является местоимение „мы“, поскольку оно означает „я и ты“ или „я и кто-то другой“, а также местоимение множественного числа „вы“, означающее „ты и кто-то другой“, благодаря чему происходит объединение 2-го и 3-го лица. Однако это не покрывает тех случаев, когда два лица не соединяются союзом „и“, а разъединяются, например при помощи „разделительного союза“. В таких случаях в языках, которые различают лица в глаголе, возникают значительные трудности: ср. *Either you or I are* (или *am* или *is*?) *wrong* „Или ты или я неправ“; см. также примеры, приведенные в моей книге „Language“, стр. 335 и сл. Обратите внимание и на употребление местоимения *our* „наш“ в предложении *Clive and I went each to our habitation*. (Теккерей, Ньюкомы, 297), где можно было бы сказать „...each to his home“ и где в датском языке, безусловно, было бы употреблено возвратное местоимение 3-го лица: *C. og jeg gik hver til sit hjem* (ср. *vi tog hver sin hat*); в подобном случае форма общего лица была бы более логичной.

Вакернагель („Vorlesungen über Syntax“, Basel, 1920, 107) упоминает любопытный случай, где трудность была бы разрешена, если бы была употреблена форма общего лица: *Uter meruistis culpam?* „Кто из вас двоих заслужил порицания?“ (Плавт); *uter* требует 3-го лица единственного числа, но глагол ставится во 2-м лице множественного числа, поскольку речь обращена к двум лицам.

В качестве „общего лица“ в еще более широком смысле можно рассматривать также и то, что мне хотелось бы назвать „родовым лицом“, например франц. оп. В главе, посвященной числу (стр. 236), я уже рассматривал употребление родового единственного и множественного числа с артиклем или без него в различных языках, а в главе, посвященной взаимоотношениям между подлежащим и дополнением, я говорил о развитии итальянского *si* и о конструкции, в состав которой оно входит (стр. 182 и сл.); теперь же уместно указать, что для выражения понятия „все лица“ или „никакое лицо“ в реальных языках употребляются фактически все три грамматических лица:

- 1) *As we know* „Как мы знаем“ = *comme on sait*;
- 2) *You never can tell* „Вы никогда не можете сказать“ = *On ne saurait le dire*;

3) *One* would think he was mad „Можно было бы подумать, что он сумасшедший“ = *On dirait qu'il est fou*;

What is *a fellow* to think „Что человеку думать“ = *Qu'est-ce qu'on doit penser? (... il faut...)*,

They say (people say) that he is mad „Говорят (люди говорят), что он сумасшедший“ = *On dit qu'il est fou*.

Выбор между этими выражениями обусловлен в большей или меньшей степени эмоциональными соображениями: иногда говорящий хочет подчеркнуть, что он включает себя в то или иное утверждение, иногда он специально вызывает к слушателю¹, а иногда стремится по возможности остаться в тени, хотя в сущности имеется в виду главным образом 1-е лицо (*one, a fellow*).

Интересно отметить, что местоимение со значением „мы“ в некоторых языках постепенно исчезает и заменяется обобщающим местоимением („one“). Это наблюдается во французском языке: „*Je suis prkt, est-ce qu' on part?*“ вместо ... *nous partons* (Bally, *Le langage et la vie*, Genive, 1913, 59); „*Nous, on va s'batte, nous on va s'tuer*“ (Benjamin, Gaspard) с эмфатическим выделением *nous*; см. стр. 13; „*Moi, j'attends le ballet, et c'est nous qu' on dansera avec les petites Allemandes* „и именно мы будем танцевать“ (стр. 18, там же). В итальянском языке такие случаи вполне обычны: *La piazzetta dove noi si giocava a volano* (Verga, *Eros*, 27); *Noi si potrebbe anche partire da un momento all' altro* (Fogazzaro Daniele Cortis, 31); *La signora Dessalle e io si va stamani a visitare i Conventi* (id. Santo, 139); *Noi si sa che lui non vole andare*² (216). Как видно из примеров, указанное явление довольно часто встречается в итальянском. В связи с этим объяснение, данное Балли (см. цитированное сочинение), о том, что в 1-м лице множественного числа *nous chantons* глагол сохранил особое окончание, не нужное и не гармонирующее с окончаниями в формах *je chante, tu chantes, il chante, ils chantent*, которые совпали по звучанию (однако что тогда сказать о *vous chantez?*), по-видимому, неверно. Однако Балли, вероятно, прав, когда он говорит, что в то время как формы *moi je chante, toi tu chantes, lui il chante, eux ils chantent* ̑áó÷àò âñëíâ ãñðãñðâáíñ, ññ÷-ãðàíëâ ñ ýîðàðð÷-ãñëè ïãñðèèãíëèâ ì-ãî èèòà ïñæãñðâáíññâ ÷ëñëà *nous nous chantons* представляется неясным и негармоничным, а поэтому предпочитается форма *nous on* как более приемлемая для слуха и сознания.

¹ У Джека Лондона („Мартин Иден“) я нашел следующий диалог, весьма показательный для разговорного употребления родового *you*. Мисс Руфь спрашивает Мартина: „*By the way, Mr. Eden, what is booze? You used it several times, you know*“. „*Oh, booze*“, he laughed. „*It's slang. It means whisky and beer — anything that will make you drunk*“. На это она отвечает: „*Don't use you when you are impersonal. You is very personal, and your use of it just now was not precisely what you meant*“. „*I don't just see that*“. „*Why, you said just now to me, 'whisky and beer — anything that will make you drunk' — make me drunk, don't you see?*“ „*Well, it would, wouldn't it?*“ „*Yes, of course*“, she smiled, „*but it would be nicer not to bring me into it. Substitute one for you, and see how much better it sounds*“.

² Другие примеры см. в книге N у r o p, *Italienische Grammatik*, 1919, стр. 66.

ПОНЯТИЙНОЕ И ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЛИЦО

В огромном большинстве случаев между понятийным и грамматическим лицом существует полное соответствие, т. е., например, местоимение „я“ и соответствующие глагольные формы употребляются там, где говорящий говорит о себе; так же обстоит дело и с другими лицами. Однако нередко встречаются и отклонения: из угодливости, уважения или просто вежливости говорящий может избежать прямого упоминания своей личности; отсюда такие заменители в форме 3-го лица, как *Your humble servant* „ваш покорный слуга“; ср. также исп. *Disponga V., caballero, de este su servidor*. В восточных языках такое самоуничижение доведено до предела, и слова, первоначально означавшие „раб“, „подданный“, „слуга“, стали обычными средствами выражения для „я“ (см., например, Fr. Мьller, *Grundriß der Sprachwissenschaft*, Wien, 1876, II, 2. 121). В Западной Европе с ее булышим самоутверждением личности, такие выражения употребляются главным образом в шуточной речи, например англ. *yours truly* (из формулы при окончании письма), *this child* (вульг. *this baby*). Шутовым заменителем для „я“ с отчетливым оттенком самоутверждения является англ. *number one*. Некоторые авторы, по мере возможности, избегают слова „я“, употребляя пассивные конструкции и другие средства; а когда это бывает почему-либо невозможно, они говорят: англ. *the author* „автор“, *the (present) writer* „писатель“, *the reviewer* „обозреватель“ и т. п. Известным примером полного исключения 1-го лица в целях придания повествованию максимально объективного характера является манера Цезаря, который повсюду употребляет имя „Цезарь“ вместо местоимения 1-го лица. Этот прием, разумеется, имеет другой смысл, когда его употребляет Фауст у Марло, Юлий Цезарь, Корделия и Ричард II у Шекспира, Саладин у Лессинга или Хакон у Эленшлегера (большое количество примеров из немецкого, древнеисландского, греческого и других языков приведено у Гримма, см. „*Personenwechsel*“, стр. 7 и сл.). В некоторых случаях называние себя по имени может иметь целью представить себя слушателям, однако обычно — это результат гордости или высокомерия. Такой прием употребляется еще и при разговоре взрослых с маленькими детьми, когда они, стремясь быть лучше понятыми, говорят о себе не „я“, а „папа“, „тетя Мери“ и т. п.¹

Вместо *we* или *us* иногда употребляется *present company* „настоящая компания“: *You fancy yourself above present company*.

Среди заменителей понятийного 2-го лица прежде всего следует упомянуть отеческое „мы“, которое часто употребляют учителя и врачи („Ну, как мы себя сегодня чувствуем?“). При этом интересы говорящего отождествляются с интересами слушателя; отсюда оттенок доброты. Такое обращение обычно во многих странах, например в Дании, в Германии (Grimm, *Personenwechsel*, 19), во Франции (*Nй bien, nous deviendrons un grand savant comme le pиre?* — Бурже, Ученик, 94; *Oui, nous avons de l’anйmie, des troubles nerveux*, за которым немедленно следует *vous*. — Мопассан, Сильна как смерть, 224). Обычный оттенок покровительственного тона в этом „мы“

¹ Когда человек в монологе обращается к самому себе во 2-м лице (*There you again acted stupidly, John; why couldn't you behave decently?*), — это пример употребления (понятийного) 2-го лица. О „монологах с ты“ и „монологах с я“ см. Grimm, *Personenwechsel*, стр. 44 и сл.

отсутствует довольно часто в датском: Jeg skal sige os „Позвольте мне сказать вам“.

Далее, существуют почтительные заменители, состоящие из притяжательного местоимения и названия качества: англ. your highness (= you that are so high), your excellency, your Majesty, your Lordship и т. п. Известно, что исп. vuestra merced „ваша милость“ было сокращено в Usted, которое стало обычным вежливым словом для „вы“. Во французском языке Monsieur, Madame, Mademoiselle могут употребляться вместо vous (Monsieur d'يسire? и т. п.). В странах, где придается большое значение титулам и чинам, простые и естественные местоимения часто заменяются такими выражениями, какими изобилуют немецкий и шведский языки: Was wьnscht (wьnschen) der Herr Lieutenant?, Darf ich dem gnddigen Frdulein etwas Wein einschenken? и т. п. В Швеции не легко вести вежливый разговор с лицом, титул которого неизвестен или забыт собеседником; и, к сожалению, должен сказать, что и в моей стране в последние годы стали все более и более подражать в этом отношении соседям на юге и на востоке и говорить Hvad mener professoren? вместо Hvad mener De?

В Германии раньше с глаголом в 3-м лице единственного числа говорили обычно Er, Sie вместо du, особенно при обращении к подчиненным; соответствующая тенденция преобладала до самого XIX столетия и в Дании (han, hun). Местоимение 3-го лица множественного числа Sie для понятийного 2-го лица (единственного и множественного числа) стало теперь обычным вежливым словом в немецком языке; это употребление, справедливо именуемое Гриммом несмываемым пятном на немецком языке¹, стало предметом рабского подражания в Дании, где употребляется De.

Существует еще один случай употребления 3-го лица для понятийного 2-го лица, который можно проиллюстрировать на примере языка пьесы Шоу: Кандида говорит своему мужу: *My boy is not looking well. Has he been overworking?* „Мой мальчик плохо выглядит. Он слишком много работает?“ Подобным же образом влюбленный может сказать „моя дорогая“ или „моя девочка“, вместо „вы“ (my darling, my own girl). При обращении к ребенку употребляют иногда местоимение it; может быть, это происходит от привычки наполовину обращаться к ребенку, а наполовину только упоминать о нем, считая, что ребенок еще мал и не поймет, что ему говорят. В качестве примера можно привести снова слова Кандиды, обращенные к Марчбэнксу: „Poor boy! have I been cruel? Did I make it slice nasty little red onions?“

В системе английских сложных образований с притяжательными местоимениями (myself, yourself) наблюдается конфликт между грамматическим лицом (3-м) и понятийным лицом (1-м, 2-м); глагол обычно согласуется с понятийным лицом (myself am, yourself are), хотя иногда употребляется форма 3-го лица (у Шекспира мы находим иногда my self hath, thy self is и т. п.).

¹ „Es bleibt ein Flecke irn Gewand der deutschen Sprache, den wir nicht mehr auswaschen kьnnen“ (Personenwechsel, 13).

КОСВЕННАЯ РЕЧЬ

В косвенной речи сдвиг лиц во многих случаях является естественным; прямое 1-е лицо, в зависимости от обстоятельств, обычно заменяется косвенным 2-м лицом или косвенным 3-м лицом и т. д. Различные возможности могут быть представлены в виде таблицы: прямая речь (А говорит Б): „Я рад вашему соглашению с ним“ (т. е. с В):

- (1. А говорит с В): Я сказал, что я рад его соглашению с вами.
- (2. А говорит с Г): Я сказал, что я рад его соглашению с ним.
- (3. Б говорит с А): Вы сказали, что вы рады моему соглашению с ним.
- (4. Б говорит с В): Он сказал, что он рад моему соглашению с вами.
- (5. Б говорит с Г): Он сказал, что он рад моему соглашению с ним.
- (6. В говорит с А): Вы сказали, что вы рады его соглашению со мной.
- (7. В говорит с Б): Он сказал, что он рад вашему соглашению со мной.
- (8. В говорит с Г): Он сказал, что он рад его соглашению со мной.
- (9. Г говорит с Д): Он сказал, что он рад его соглашению с ним.

Следует заметить, однако, что случаи 2, 5, 8 и 9 выиграла бы в ясности, если бы вместо неясного „он“ было употреблено имя данного лица.

То, что множественное число „мы“ часто не претерпевает сдвига, вытекает из самого характера слова „мы“: ср. „Он сказал, что он по-прежнему верит в славное будущее *нашего* народа“.

В английском языке в косвенной речи с целью подчеркнуть, что 2-е или 3-е лицо представляет собой сдвинутое 1-е лицо, нередко употребляется вспомогательный глагол shall (should): Do you think you shall soon recover? „Вы думаете, вы скоро поправитесь?“, He thought he should soon recover „Он думал, что скоро поправится“, — но сравните продолжение: but the Doctor knew that he would die „но доктор знал, что он умрет“.

Довольно необычный случай сдвига личных (притяжательных) местоимений находим в „Венецианском купце“ (11,8.23): Шейлок восклицает: „My stones, my daughter, my ducats“, и когда мальчишки передразнивают его, это передается так: „Why all the boys in Venice follow him, crying his stones, his daughter, and his ducats“. Здесь была бы более естественной прямая речь. В исландских сагах при передаче чужой речи нередко сдвигу подвергается только ее начало, а со второго предложения речь передается точно в таком же виде, в каком она была произнесена.

4-е ЛИЦО

Должны ли мы признать 4-е лицо наряду с 3-м? Таково было мнение Раска (Rask, Vejledning, 1811, 96, Prisskr., 1818, 241), который утверждал, что в предложении He beats him „Он бьет его“ him — 4-е лицо, в то время как в предложении He beats himself „Он бьет себя“ himself представляет собой 3-е лицо, подобно подлежащему (Наоборот, Тальбицер — см. Thalbitzer, Handbook of American Indian Languages, 1021 — термином „4-е лицо“ обозначает возвратное местоимение). Однако легко понять, что, принимая данное выше определение лица, мы в обоих случаях будем иметь дело с 3-м лицом и что „4-е

лицо“ вообще немислимо, хотя вполне справедливо, что одно и то же местоимение или глагольная форма (3-го лица) может относиться к различным существам и предметам в одном и том же предложении или в соседних предложениях.

В некоторых языках американских индейцев существуют весьма тонкие различия: см. Uhlenbeck, *Grammatische onderscheidingen in het Algonkinsch* (Akad. van Wetensch., Amsterdam, 1909). В языке чиппуэй при первом упоминании 3-е лицо не отмечается особо, но подчиненная вторая *tertia persona*, называемая также *obviativus*, отмечается суффиксом *-n*, а третья *tertia persona* (называемая *superobviativus*, а по Уленбеку *subobviativus*) — суффиксом *-ini*. В предложении *Joseph took the boy and his mother* „Иосиф взял мальчика и свою (его) мать“ *the boy* есть вторая, а *his mother* — третья *tertia persona*, причем здесь точно обозначается, к какому из слов относится *his* — к *Joseph* или к *the boy*. На этом основании Бринтон (Brinton, *Essays of an Americanist*, Philadelphia, 1890, 324) сожалеет о бедности английского языка, в котором предложение *John told Robert's son that he must help him* „Джон сказал сыну Роберта, что он должен помочь ему“ может иметь шесть различных значений. В языке же чиппуэй все они были бы отчетливо разграничены. Однако надо заметить, что почти всегда конкретное значение таких местоимений, как *he* и *his*, бывает достаточно ясно из ситуации и контекста — даже в предложениях вроде следующих: *Jack was very rude to Tom, and always knocked off his hat when he met him*; *Jack was very respectful to Tom, and always took off his hat when he met him* (Alford). Салли рассказывает о том, как пятилетняя девочка была озадачена старым гимном: „*And Satan trembles when he sees The weakest saint upon his knees*“. Она спросила: „*Whatever did they want to sit on Satan's knees for?*“

В связи с этим можно вспомнить также и то, сколько шуток породила телеграмма кайзера (1914) наследной принцессе: „*Freue mich mit dir ьber Wilhelms ersten Sieg. Wie herrlich hat Gott ihm zu Seite gestanden. Ihm sei Dank und Ehre. Ich habe ihm eisernes Kreuz zweiter und erster Klasse verliehen*“.

В устной речи, чтобы избежать двусмысленности и показать, кто действительно имеется в виду, прибегают к дополнительному ударению. У Джона Стюарта Милля (*Essays on Poetry*) читаем: „*Shelley is the very reverse of all this. Where Wordsworth is strong, he is weak; where Wordsworth is weak, he is strong*“. Если читать это место с неударенным *he*, получится бессмыслица, так как *he* будет означать „Вордсворт“; напротив, если читать с ударением на *he*, двусмысленность исчезнет и *he* будет соотноситься с Shelley; бессмыслица исчезнет даже и в том случае, если с ударением будет произнесено первое *he*, а второе *Wordsworth* заменено затем неударенным *he*. На письме такого рода смысловое ударение обозначается курсивом, например *they* в предложении Лэма: *Children love to listen to stories about their elders, when they were children*. В сомерсетширском диалекте *Bill cut's vinger* означает „свой палец“, а *Bill cut ees vinger* — „палец другого лица“.

ВОЗВРАТНЫЕ И ВЗАИМНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Во многих языках выработались возвратные местоимения, при помощи которых устраняются многие двусмысленности. Их функция состоит в том, что

они обозначают нечто тождественное с чем-то уже обозначенным раньше (большей частью с подлежащим, чем и объясняется то, что эти местоимения не имеют формы именительного падежа).

В индоевропейских языках возвратные местоимения обычно начинались на *sw-*, однако сфера их применения не везде одинакова, а поэтому будет интересно хотя бы кратко рассмотреть их употребление в наиболее известных нам языках:

1) Первоначально возвратные местоимения употреблялись во всех трех лицах и независимо от числа, например в санскрите и в древнейших памятниках греческого языка. Такое употребление сохранилось в литовском и в славянских языках: ср. русск. *Ты вредишь себе; Мы довольны собою* (примеры взяты из грамматики Х. Педерсена).

2) Во многих языках возвратные местоимения были ограничены 3-м лицом единственного и множественного числа; например, лат. *se* и развившиеся из него формы в романских языках; далее, нем. *sich* и др.-исл. *sik*, дат. *sig*, хотя, как мы сейчас увидим, с некоторыми ограничениями.

3) В ютландских диалектах местоимение *sig* употребляется только при единственном числе подлежащего; при множественном числе подлежащего употребляется *dem*. Такое употребление *dem* вместо литературного *sig* — не редкость в литературном датском языке даже у авторов, которые родились не в Ютландии; так, Киркегор пишет (*Kierkegaard, Enten Ell.*, 1. 294): *naar de ikke kede dem*.

4) В то время как в немецком языке местоимение вежливого обращения *Sie* (понятийное 2-е лицо) соотносится с возвратным местоимением *sich*: *Wollen Sie sich setzen*, после соответствующего датского местоимения *De*, которое употребляется в подражание немецкому языку, всегда употребляется *Dem*: *Vil De ikke sætte Dem* (в XVIII столетии иногда *sig*).

5) Хотя французское неударенное *se* употребляется для 3-го лица независимо от числа, ударенная форма *soi* ограничена единственным числом и употребляется обычно в тех случаях, когда она соотносится с неопределенным подлежащим: *se qu'on laisse derriere soi*; в случае же определенного подлежащего мы находим *se qu'il laisse derriere lui, se qu'elle laisse derriere elle* (*se qu'ils laissent derriere eux*). Там и здесь встречаются исключения из этого правила, например довольно часто у Ромен Роллана („Жан Кристоф“, 7. 81): *Il йtait trop peu syr de soi pour se rfle* (другие примеры: 3. 213; 4. 6).

6) Английский язык давно пошел дальше любого другого родственного языка; так, единственным пережитком возвратных местоимений — и то только в древнейший период — является в английском языке притяжательное местоимение *sin* (см. ниже). Таким образом, старые конструкции строились так: *I wash me, thou washest thee, he washes him, she washes her, we wash us, ye wash you, they wash them*. Остатки такого построения мы обнаруживаем в предложных конструкциях типа: *I have no money about me, He has no money about him* и т.п. Во многих случаях простая форма глагола наряду с переходной функцией имеет здесь также возвратное значение: *I wash, dress, shave* „я умываюсь, одеваюсь, бреюсь“ и т. п. Однако в большинстве случаев возвратное значение выражается специально сочетаниями с *self*: *I defend myself, you defend yourself (yourselves), he defends himself* и т. п.

Таким образом, в английском языке выработались новые возвратные местоимения, которые отличаются от индоевропейских возвратных местоимений тем, что они различают три лица и два числа и поэтому сходны с финскими возвратными местоимениями, образованными с помощью *itse* и обычного притяжательного суффикса: *itseni* = myself, *itsemmе* = ourselves, *itsesi* = yourself, *itsensd* = himself (herself) и т. п. Сравните также более позднее гр. *emauton*, *seauton*, *heauton* и т. д. и особенно любопытные современные греческие образования: *ton emauto mou* = myself, *ton emauto sou* = yourself, *ton emauto sas* = yourselves, *ton emauto tou*, *tēs* = himself, herself, *ton emauto mas* = ourselves и т. п.

Развитие возвратных притяжательных местоимений шло в том же направлении, хотя оно и не было совершенно параллельно развитию *se* и др.

1) Начнем с того, что это местоимение относилось ко всем лицам и всем числам, что до сих пор имеет место в русском языке: ср. *Я взял свой платок*.

2) Оно было ограничено 3-м лицом, но могло соотноситься как с единственным, так и с множественным числом. Эта стадия засвидетельствована в лат. *suus* и в древнегерманских языках, например гот. *Qemun hailjan sik sauhte seinaizo* „Они пришли исцелиться от своих болезней“ (Лука, VI. 18); *wipondans haubida seina* „качая (своими) головами“ (Марк, XV. 29). Древнеанглийское поэтическое *sin* встречается в значении, соответствующем *his* и *her*, но лишь в редких случаях соотносится с подлежащим во множественном числе; по-видимому, это местоимение довольно рано исчезло из разговорной речи. Др.-исл. *sinn* может соотноситься с подлежащим как в единственном, так и во множественном числе; такое употребление до сих пор существует в норвежском языке (*De vasker sine h nder* „Они моют (свои) руки“) и в шведском.

3) Но в датском языке *sin* употребляется только с подлежащим в единственном числе: *Han (hun) vasker sine h nder*; *De vasker deres h nder*.

4) В диалектах Ютландии мы находим дополнительное ограничение: *sin* соотносится только с неопределенным подлежащим: *Enhver (en) vasker sine h nder*, но *Han vasker hans h nder*, *Hun vasker hendes h nder*.

5) В некоторых языках это местоимение потеряло возвратный характер и употребляется как общее притяжательное местоимение 3-го лица единственного числа: например, во французском, где *ses mains* может быть употреблено в любой позиции со значением „его или ее руки“.

6) Так же точно и в немецком — с одним дополнительным ограничением: это местоимение соотносится с мужским и средним родом, но не с женским: ср. *seine H nde* „его руки“, но *ihre H nde* „ее руки“¹.

¹ Будет нелишним напомнить здесь читателю, что притяжательное местоимение в некоторых языках, помимо обозначения пола (или рода) „обладателя“, указывает также на род существительного, к которому оно является адьюнктом. Различные возможности можно усмотреть из следующих переводов на французский, английский, немецкий и датский языки:

Son fr re = his brother, *her brother* = *sein Bruder*, *ihr Bruder* = *hans broder*, *hendes broder*, *sin broder*.

Sa s ur = his sister, *her sister* = *seine Schwester*, *ihre Schwester* = *hans s ster*, *hendes s ster*, *sin s ster*.

Son chat = his cat, *her cat* = *seine Katze*, *ihre Katze* = *hans kat*, *hendes kat*, *sin kat*.

Sa maison = his house, *her house* = *sein Haus*, *ihr Haus* = *hans hus*, *hendes bus*, *sit hus*.

За ограниченностью места я не могу рассмотреть здесь вопрос о широте употребления возвратных местоимений; постановка этого вопроса весьма неодинакова по разным языкам, особенно в причастных и инфинитивных конструкциях и в подчиненных предложениях¹.

Там, где возможно соотнесение с двумя различными лицами в сложных сочетаниях, наличие возвратного местоимения иногда не может помочь избежать двусмысленности, например в лат. *Publius dicit Gaium se occidere voluisse* или в дат. *Han fandt Peter liggende i sin seng*, которое не более ясно, чем англ. *He found Peter lying in his bed*. Ср. употребление нем. *dessen* в случаях, когда *sein* было бы двусмысленно: *Der Graf hat diesem Manne und dessen Sohne alles anvertraut* (C u r m e, *A Grammar of the German Language*, 168).

К возвратным местоимениям близки взаимные местоимения, имеющие значение „друг друга“: каждая часть того, что обозначено подлежащим, в одно и то же время воздействует на другие части и подвергается действию со стороны этих частей. Это значение часто выражается обычным возвратным местоимением, или в самостоятельном употреблении, как франц. *Ils se hapssent* или, с каким-либо добавлением, как франц. *Ils se hapssent entre eux*, лат. *Inter se configunt*, гот. (Марк, I. 27) *Sokidedun miu sis misso*, ср. нем. *Sie halfen sich gegenseitig* и франц. *Ils se sont tués l'un l'autre* (так как *Ils se sont tués* можно было бы понять в смысле „Они покончили с собой“). Сочетания типа *l'un l'autre* употребляются и без возвратного местоимения в языках, где они имеют тенденцию превратиться в одно нечленимое целое, например гр. *allēlous*, дат. *hinanden*, *hverandre*, голл. *elkaar*, *mekaar*, нем. *einander*. О развитии немецкого слова см. интересную статью в словаре Гримма, в которой приводятся также аналогичные выражения из разных других языков (романских, славянских, кельтских и литовского). В английском языке компоненты этого сочетания были раньше разделены (ср. у Шекспира: *gazed each on other; what we speak one to another*), но сейчас в обычном языке они соединены вместе (ср. *gaze on each other, speak to one another*). В русском языке *друг друга* разделяется предлогом (например, *друг с другом*), но тенденция рассматривать это сочетание как единство проявляется в том, что оно употребляется независимо от рода и числа (Boyer et Speranski, *Manuel pour l'étude de la langue russe*, Paris, 1905, 273). Венгерское *egy-más* является, по-видимому, просто переводом нем. *einander*².

¹ Я ограничусь несколькими примерами из древнегерманских языков. Гот. *Gawaurhta twalif du wisan miþ sis* „Он заставил двенадцать быть с ним“ (Марк, I II. 14); *bisaihwatids bisunjane þans bi sik sitandans* „оглядев тех, около него сидящих“ (3.34); *þai frawaurhtans þans frijondans sik frijond* „Грешники любящих их любят“ (Лука, VI. 32); *Útgardaloki spyrr hvārt hann (þórr) hefir hitt rikara mann nokkurn en sik* „У. спрашивает, встречал ли он человека сильнее его (У.)“ (Младш. эдда, 52). Ср. также *N y g a a r d*, *Norrøn Syntax*, Kristiania, 1906, 338 и сл.; *F a l k o g T o r p*, *Dansk-norskens syntax*, Kristiania, 1900, 130 и сл.; *M i k k e l s e n*, *Dansk Ordføjninglære*, København, 1911, 258 и сл.; *W e s t e r n*, *Norsk Riksmåls-grammatikk*, Kristiania, 1921, 145 и сл.; C u r m e, *A Grammar of the German Language*, изд. 2-е, New York, 1922, стр. 187 и сл.

² Образование единого нечленимого слова вроде *einander* дает возможность обойти трудность, которая возникает при выборе форм числа. По-французски обычно говорят *Les trois freres se hapssent l'un l'autre*, но было бы логичнее сказать *l'un les autres* или *les uns l'autre*. На языке идо возникало затруднение, писать ли *la tri frati odias l'unu l'altru* или *l'unu l'altri*, или *l'uni l'altri*. Поэтому было бы гораздо удобнее иметь одно слово; здесь, естественно, напрашивается *mutu*

Взаимные местоимения встречаются иногда в функции подлежащего подчиненного предложения, например в новейшем английском романе: Miss C. and I are going to find out what each other are like. Подобные предложения можно услышать и на датском языке.

Многие грамматики рассматривают вопрос о возвратных местоимениях в главе, посвященной различным типам глагола, и выделяют „возвратные глаголы“ как один тип (и „взаимные глаголы“ как другой). Но ведь и в случае *We hurt him*, и в случае *we hurt ourselves*, и в случае *We hurt one another* представлен один и тот же глагол; единственное отличие в том, тождественно подлежащее с дополнением или нет. Точно так же и в нем. *Ich schmeichele mir*, *Ich spotte meiner* употреблены те же самые глаголы, что и в предложениях *Ich schmeichele dir*, *Ich spotte seiner*. Единственно, когда с известным основанием можно было бы говорить о возвратном глаголе, — это в случае, если глагол идиоматически не может сочетаться ни с каким другим дополнением, кроме возвратного местоимения: ср. англ. *I pride myself*, дат. *Jeg forsnakker mig*, нем. *Ich schäme mich*. Тождество подлежащего и дополнения (прямого или косвенного) оказывает влияние на выбор вспомогательного глагола во франц. *Il s'est tué* „Он убил себя“, *Nous nous sommes demandés* „Мы спросили себя (или друг друга)“. Другое дело, что значение, которое в наших языках выражается с помощью возвратного местоимения, в каком-либо ином языке может быть выражено особой формой глагола, например формой среднего залога в греческом: *louomai* „я умываюсь“ и т. п. (эта форма имеет также и пассивное значение; см. гл. XII, стр. 192). В скандинавских языках возвратное местоимение *sik* в сокращенной форме вошло в состав многих глагольных форм, обычно приобретающих в этом случае чисто пассивное значение (*han kaldes* — первоначально „он зовет себя“, теперь — „его зовут“), а иногда имеющих взаимное значение: *de sles* (с кратким гласным) „они дерутся“; у этого глагола есть другая форма с долгим гласным (и с гортанной смычкой) для пассивного значения — *sle(e)s* „ударен“. В русском языке возвратное местоимение также склонно к слиянию с глаголом в двух формах *-ся* и *-сь* (несмотря на написание, они произносятся с непалатализованным „с“); о различных значениях (отчетливо-возвратное, неопределенно-возвратное, взаимное, приблизительно пассивное) см. Н. Pedersen, *Russisk grammatik*, Kshbenhavn, 1916, 190; Boyer et Speranski, *Manuel pour l'étude de la langue russe*, Paris, 1905, 247.

как обратное образование от *mutuala*, которое тогда воспринималось бы как правильно образованное прилагательное от *mutu*, а не как корневое слово.

ПОЛ И РОД

Различные языки. Индоевропейский род. Пол. Общий пол. Одушевленные и неодушевленные.
Понятийный средний род.

РАЗЛИЧНЫЕ ЯЗЫКИ

Под термином „род“ подразумевается здесь грамматическое деление слов на разряды, аналогичное тому, которое мы находим в индоевропейских языках, где различается мужской, женский и средний род. Это различие может быть основано на естественном разделении на два пола¹, на разделении на одушевленные и неодушевленные предметы или на чем-либо ином. В то время как весьма значительное количество, вероятно, огромное большинство языков не имеют рода в указанном смысле, в некоторых языках существительные делятся на классы в зависимости от рода. Здесь можно лишь вкратце упомянуть некоторые из классификаций, чтобы показать, с одной стороны, что является общим, а с другой стороны, что является специфичным по сравнению с системой рода в индоевропейских языках.

В языках банту в Южной Африке каждое существительное принадлежит одному из нескольких классов. Каждый из классов характеризуется особым префиксом, который повторяется в более или менее ослабленной форме в качестве своего рода „напоминателя“ во всех подчиненных словах, относящихся к данному существительному, будь то адъюнкты или глаголы. Одни из этих классов предполагают единичность, другие — множественность; но ни один из них не имеет никакого отношения к полу, хотя одни классы соотносятся преимущественно с живыми существами, а другие — с неодушевленными предметами. Число классов различно в различных языках, входящих в эту группу, и достигает в ряде случаев шестнадцати; однако некоторые классы обнаруживают тенденцию к смешению, и установить первоначальную причину классификации невозможно (см. „Language“, 352 и сл. и работы, цитированные там).

В бацбийском языке — одном из языков Кавказа — к слову приставляются различные префиксы в зависимости от того, кого или что обозначает это слово — разумное существо мужского пола, разумное существо женского пола, неразумное существо или предмет. Таким образом:

ваьо wa	=	брат есть,
bstuino ja	=	женщина есть,
naw ja	=	корабль есть,
хаух ba	=	голубь есть,

¹ Лучше пользоваться разными терминами — „пол“ и „род“, — чем говорить, как это часто делается, о „естественном и грамматическом роде“. См. стр. 58 о терминологическом различии между мужским, женским полом и отсутствием пола, с одной стороны, и мужским, женским и средним родом, с другой стороны.

bader da = ребенок есть.

„Тяжелый“, если речь идет о мужчине, выражается словом *watshi*, о женщине — *jatshi*, о вещи — *batschi*, а „тяжесть“, соответственно, может быть *watshol*, *jatshol*, *batshol*. *Walyo* значит „брат“, *jaljo* — „сестра“, *woh* — „мальчик“, *job* — „девочка“.

В родственном чеченском языке „я есмь“ передается словами *suo wu* — если говорит мужчина, *suo ju* — если говорит женщина, и *suo du* — если говорит ребенок (Fr. Meyer, Grundriß, III, 2. 162).

В андаманском языке один класс охватывает неодушевленные предметы, другой — одушевленные существа, которые подразделяются далее на людей и другие одушевленные существа. Имеет место деление частей человеческого тела на семь классов, и это деление переносится на неодушевленные предметы, которые имеют какое-то отношение к частям человеческого тела (P. W. Schmidt, Stellung der Pygmaiden, 121).

В алгонкинских языках различаются одушевленные существа и неодушевленные предметы, хотя распределение в ряде случаев представляется с нашей точки зрения весьма странным: в то время как части человеческого тела считаются неодушевленными, части тела животных относятся к одушевленным. (См. J. P. B. Josselin de Jong, De Waardeeringsonderscheiding van Levend en Levenloos, Leiden, 1913, где эта система сравнивается с системой рода в индоевропейских языках и рассматриваются различные теории происхождения последней.)

В хамитских языках мы находим деление на два класса, из которых один включает обозначения лиц, больших и важных предметов и существ мужского пола, а другой — обозначение вещей, малых предметов и существ женского пола; при этом в некоторых языках находим любопытное правило, согласно которому слова первого класса во множественном числе принадлежат ко второму классу и наоборот. При помощи одних и тех же префиксов „мужчина“ превращается в „маленького мужчину“, „брат“ — в „сестру“, а „пес“ — в „суку“ или „щенка“; в бедуинских языках слово *ando* „эскременты“ принадлежит к мужскому роду, когда идет речь о лошади, воле или верблюде, но к женскому, если имеются в виду более мелкие животные. Грудь женщины мужского рода, а грудь мужчины, меньшая по величине, — женского. (Meinhof, Spr. der Hamiten, 23 и в других местах; Die moderne Sprachforschung in Afrika, 134 и сл.)

Род в семитских языках обычно считается наиболее сходным с системой рода в индоевропейских языках, хотя в семитских языках нет среднего рода, а глагольные формы согласуются с родом (полем) подлежащего. Такое положение мы находим в арабском языке: *katabta* „ты написал“, *katabti* „ты написала“, *kataba* „он написал“, *katabat* „она написала“, 2-е л. мн. ч. *katabtum* (м. р.), *katabtunna* (ж. р.); 3-е л. *katabū* (м. р.), *katabna* (ж. р.); однако в 1-м лице такого различия не наблюдается: *katabtu* „я написал(а)“, *katabnā* „мы написали“.

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ РОД

Наша семья индоевропейских языков на самых ранних исторически засвидетельствованных ступенях развития различает три рода: мужской,

женский и средний. Последний до некоторой степени можно рассматривать как своего рода подразделение мужского рода; его главная особенность состоит в том, что он не различает именительного и винительного падежей. Распределение слов по этим трем классам отчасти мотивировано, а отчасти немотивировано. Оно мотивировано постольку, поскольку многие названия существ мужского пола относятся к мужскому роду, существ женского пола — к женскому роду, а предметов, не имеющих пола, — к среднему роду. Однако наряду с этим в некоторых случаях мы находим названия живых существ мужского пола, которые относятся к женскому или среднему роду; встречаются также названия существ женского пола — мужского и среднего рода и названия предметов и понятий — женского и мужского рода¹. О различных попытках объяснения этой своеобразной системы или бессистемности я уже говорил в книге „Language“, стр. 391 и сл.² а о ее практических неудобствах там же на стр. 346 и сл. Принадлежность некоторых слов к тому или другому роду в ряде случаев можно объяснить. Так, Хандель Якоб (Handel Jakob, „Bulletin de l'Académie polonaise des Sciences“, 1919—1920, стр. 17 и сл.) недавно обратил внимание на то, что все слова со значением „земля“ (гр. khthōn, khōrā, лат. terra, слав. ziemia, нем. Erde) принадлежат к женскому роду, ибо земля мыслится как мать, порождающая растения и т. п.; это относится и к деревьям, потому что они приносят плоды; при этом он приводит некоторые параллели из семитских языков. Однако основная проблема остается нерешенной: почему классификация распространяется на все слова, даже и на такие, у которых невозможно увидеть никакой связи с естественным полом? Возьмем только один пример: почему общеиндоевропейское слово, обозначающее ногу (pous, pes, fot и т. д.), мужского рода, в то время как этимологически несвязанные между собой слова, обозначающие руку, — женского рода (kheir, manus, handus, рука)? Названия стола, мысли, плода, грома и т. п. в одних языках мужского, а в других — женского рода. Поистине совершенно невозможно найти в этом хаосе один определяющий принцип.

Частично род проявляется в форме; например, в латинском языке именительный и винительный падежи различаются в словах rex — regem (м. р.), lex — legem (ж. р.), в то время как эти падежи совпадают в слове regnum (ср. р.). Однако это главным образом синтаксическое явление, поскольку различные роды требуют различных форм прилагательного и местоимения: ср. ille rex bonus est, illa lex bona est, illud regnum bonum est³.

В огромном большинстве случаев род слов по традиции передается от поколения к поколению без изменений; однако в некоторых случаях происходят изменения. Нередко они вызываются причинами чисто формального порядка; так, например, было замечено, что во французском языке изменениям в роде особенно подвержены слова, начинающиеся с

¹ Различия пола, признаваемые ботаниками у растений, конечно, с точки зрения грамматиста, должны рассматриваться как несуществующие; если франц. lis „лилия“ мужского рода, а rose — женского, то это касается только рода этих слов и имеет отношение к полу не больше, чем различие между mur „стена“ и maison „дом“.

² Кроме приведенной литературы, см. также Meillet, Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1921, 199 и сл.; Vendryes, Le langage, 108 и сл.

³ Так как русская форма прошедшего времени по происхождению является причастием, она изменяется по родам: знал, знала, знало. Это явление до некоторой степени аналогично родовым различиям в глаголе в семитских языках.

гласного звука, поскольку форма определенного артикля при них будет одной и той же в обоих родах, а именно l' (неопределенный артикль un, une перед словом, начинающимся с гласного, тоже произносился одинаково — [yn]). Слова с исходом на так называемое -e féminin (или, исходя из современного произношения: слова с исходом на согласный) имеют тенденцию переходить в женский род. Обе эти причины действуют одновременно при переходе слов énigme, йрiграмме, йрiтите из мужского рода в женский.

В других случаях изменение рода бывает связано со значением слов. Существует тенденция выравнивания рода у слов, связанных по значению (такие слова, к тому же, часто упоминаются в тесной последовательности): ср. франц. йтй „лето“, которое перешло из женского рода в мужской, потому что к последнему принадлежат другие названия времен года — hiver „зима“, printemps „весна“, automne „осень“ (последнее из этих слов прежде колебалось между женским родом и первоначальным мужским); la minuit „полночь“ под влиянием le midi „полдень“ становится le minuit. Подобным же образом и в немецком языке die Mittwoch „среда“ стало der Mittwoch по аналогии со словом der Tag „день“ и с названиями других дней недели.

Точно так же и род новых (или недавно заимствованных) слов во многих случаях определяется соображениями формального порядка: например, Etage в немецком языке — женского рода (во французском это слово мужского рода); однако в иных случаях играют роль смысловые аналогии: например, в немецком языке beefsteak „бифштекс“ включается в средний род (по аналогии с Rindfleisch „говядина“), а lift „лифт“ — в мужской (по аналогии с Aufzug с тем же значением); по-датски мы говорим et vita (по аналогии с et liv), en examen (по аналогии с en рrshve) и т. п.; то же самое слово иногда трактуется различно при разных значениях: например, fotografien „фотография, фотографирование“ (по аналогии с kunsten), fotografiet „фотоснимок“ (по аналогии с billedet), imperativen (meden), det kategoriske imperativ (buddet). Когда была введена метрическая система, gram и kilogram (kilo) были отнесены к среднему роду по аналогии с et pund, et lod, но мы говорим en liter по аналогии с en pot, en рrьgl, и en meter по аналогии с en alen, en fod.

Влияние случайностей формального характера в гораздо более широком плане можно проследить при замене первоначальной индоевропейской системы трех родов системой двух родов в некоторых языках. В романских языках отличительные черты мужского и среднего рода стерлись — главным образом из-за того, что соответствующие слова перестали различаться звуками окончаний, в то время как слова женского рода имели в окончании полный гласный -a; в результате в современных романских языках существует два рода — мужской и женский (об остатках среднего рода см. ниже). С другой стороны, в датском языке различие между артиклями мужского и женского рода (др.-исл. enn, en или inn, in, einn, ein и т. д.) было утрачено, и, таким образом, прежний мужской род и прежний женский род слились в один „общий род“, например: hesten, bogen, den gamle hest, den gamle bog, в отличие от существительных среднего рода: dyret, det gamle dyr. Однако в тех датских диалектах, где прежнее конечное -nn и -n еще фонетически различаются (в первом случае налицо палатализованная форма носового согласного), прежняя система трех родов — мужского, женского и среднего — сохранилась.

ПОЛ

В следующих ниже замечаниях я остановлюсь главным образом на взаимоотношениях между понятийными (в данном случае естественными) и грамматическими категориями; я постараюсь показать, что языки с течением времени выработали другие группировки, более рациональные, чем традиционные.

Хотя, как уже было указано выше, в языке есть много примеров непоследовательности, все же соответствие между женским полом и женским родом, с одной стороны, и между мужским полом и мужским родом — с другой, настолько отчетливо, что оно чувствуется довольно сильно. Такие иногда неизбежные сочетания, как нем. eine männliche Maus или ein weiblicher Hase, всегда будут восприниматься как несообразные из-за противоречия между формой артикля и значением прилагательного. В одном юмористическом журнале я нашел следующий пример: „L'instituteur. Comment donc? Vous êtes incapable de faire l'analyse grammaticale de cette simple phrase: 'L'alouette chante.' Vous avez écrit dans votre devoir: Alouetté, substantif masculin singulier. — L'élève. Sans doute. Et je maintiens énergiquement 'masculin'; chez les alouettes, il n'y a que le mâle qui chante“. Ср. также пример из шведского языка: *Hvad heter den här apan? — Hon heter Kalle, för det är en hanne* „«Как зовут эту обезьяну?» — «Ее зовут Карл, потому что это он»“. (Noreen, *Vårt Språk*, Lund, 1903, 5. 314). Еще пример из диалекта Северной Ютландии: *I honkat nöwne wi åse me haj* „Мы говорим „он“ о кошке“ (*Grönborg, Optegnelser*, 72; слово *kat* мужского рода, на что указывает артикль *i*).

Отсюда естественная тенденция установить соответствие между родом и полом¹. Этого можно достичь прежде всего путем изменения формы: например, в латинском языке было образовано слово *lupa* вместо более раннего *lupus*, которое употреблялось для обозначения волчицы, вскормившей Ромула (*Havet*); позднее появились исп. *leona*, франц. *lionne*, ит. *signora* и исп. *señora*, образованные от лат. *leo* и *senior*, не различавших пола. В греческом языке старое существительное *νεανία* „юность“ приобрело окончание мужского рода *-s*, превратившись в *νεανιάς* „юноша“. В других случаях форма сохраняется, но изменяется синтаксическая конструкция: например, лат. слова *nauta*, *auriga*, когда они применяются к мужчинам („моряк“, „возница“), становятся существительными мужского рода (т. е. сочетаются с прилагательными в мужском роде): первоначально они были абстрактными существительными и имели значение „мореплавание“, „езда“; ср. также исп. *el justicia* „судья“, *el cura* „священник“, *el gallina* „трус“, *el fi gura* „забавный парень“ (при *la justicia* „правосудие“, *la cura* „сан священника“, *la gallina* „курица“, *la figura* „фигура“). Во французском языке: *le trompette* „трубач“ при *la trompette* „труба“; ср. также *la jument* „кобыла“. В шведском языке *statsred* „государственный советник“, первоначально „совет“, по-прежнему среднего рода, но прилагательное в предикативе обычно стоит в форме, общей для мужского и женского рода: *Statsredet är sjuk* (не *sjukt*); в датском языке это слово в таком значении окончательно порвало со средним родом: *Statgreden er syg*. Точно так же и дат.

¹ Один ребенок итальянец спросил, почему *barba* не называется *barbo* (*Sully*, по *Lombroso*).

viv, относившееся прежде к среднему роду (подобно нем. das Weib, др.-англ. южт wif, швед. vivet), теперь перешло в общий род; также и вместо более раннего gudet, troldet мы говорим теперь guden, trollden.

ОБЩИЙ ПОЛ

Часто бывает желательным и даже необходимым при обозначении живых существ иметь слова, которые ничего бы не говорили об их поле и были бы в равной степени приложимы к существам мужского и женского пола. Такими словами являются нем. Mensch „человек“, дат. и норв. menneske, швед. människa, хотя любопытно, что нем. Mensch относится к мужскому роду (поэтому немцы иногда колеблются применить это слово к женщине), шведск. människa — к женскому, а дат. и норв. menneske — к среднему. В английском языке слово man с древнейших времен применялось к обоим полам, однако, поскольку оно может употребляться также и в специальном значении „мужчина“, возникают неясности и двусмысленности, как, например, в следующей строке Мисс Хитченер, так сильно позабавившей Шелли:

All, all are men — women and all!

Обратите внимание также и на такие случаи: Atrabiliar old men' especially old women, hint that they know what they know (Карлейль); the deification of the Babe. It is not likely that Man — the human male — left to himself would have done this... But to woman it was natural. Форма единственного числа man в обобщенном значении иногда относится к обоим полам (God made the country, and man made the town), а иногда только к одному полу (Man is destined to be a prey to woman); см. многочисленные примеры в „Modern English Grammar“, II, 5. 4. Это несомненный недостаток английского языка; в результате в последнее время появилась тенденция употреблять лишние двусмысленности, но довольно громоздкие выражения вроде a human being „человеческое существо“ (Marriage is not what it was. It's become a different thing because women have become human beings — Уэллс) или более короткое human, мн. ч. humans (очень часто встречается в новых сочинениях Голсуорси, Локка, Карпентера и др.). Обратите внимание на то, что производные manly „мужественный“, mannish „мужеподобная“, manful „решительный, смелый“, а также и такие сложные слова, как man-servant „слуга“, определяют только мужчин, а слова manlike „подобный мужчине“ и manhood „возмужалость“ — обычно оба пола (manhood suffrage и т. п.). Старое сложное существительное mankind (теперь с ударением на втором слоге) обозначает человечество в целом, но более новое mankind (с ударением на первом слоге) противопоставляется слову womankind. (Следует, однако, заметить, что это разграничение, отмеченное в Оксфордском словаре, признается не всеми.)

Франц. homme в такой же мере двусмысленно, как и англ. man; поэтому иногда оказывается необходимым употребить словосочетание un ktre humain; в научных трудах приходится встречаться с еще более громоздким обозначением: un ktre humain, sans acception de sexe, где в других языках мы находим простое слово вроде Mensch (наряду с Mann), гр. anthrōpos (наряду с anēr) и т. п. (Ср. Meillet, Linguistique historique et linguistique générale, 273 и сл.)

В то время как очень большое количество специальных обозначений для людей применимо к обоим полам (ср. liar „лжец“, possessor „владелец“, inhabitant „обитатель“, Christian „христианин“, aristocrat „аристократ“, fool „дурак“, stranger „незнакомец“, neighbour „сосед“ и др.), есть и такие слова, которые, хотя и не имеют никаких видимых ограничений в самой форме, фактически применяются главным образом или исключительно для обозначения существ одного пола. Это наблюдается, когда соответствующие общественные функции издавна выполняются представителями лишь одного пола — или только мужчинами или только женщинами: ср., с одной стороны, minister „министр“, bishop „епископ“, lawyer „адвокат“, baker „пекарь“, shoemaker „сапожник“, а с другой — nurse „няня“, dressmaker „портниха“, milliner „модистка“. Любопытно, что некоторые слова с течением времени закрепились исключительно за женщинами, хотя раньше они употреблялись и для обозначения мужчин: ср. leman „возлюбленная“ (др.-англ. leof-man „дорогой [человек]“, у Чосера и даже у Шекспира применяется также к мужчинам; позже — только к женщинам; теперь устарело), bawd „сводня“, witch „колдунья“, girl „девочка, девушка“.

Там, где говорящий хочет ограничить слова общего пола применением их к какому-нибудь одному полу, можно прибегнуть к различным способам: ср. man-servant „слуга“ (или servant-man), maid-servant „служанка“ (или servant-girl), а he-devil „дьявол“, а she-devil „дьяволица“, her girl-friends „ее подруги“, а poetess „поэтесса“. (Но гораздо большая похвала — сказать о миссис Браунинг, что она a great poet [„великий поэт“], чем a great poetess [„великая поэтесса“].) Author еще в большей степени является словом общего пола, хотя и существует слово authoress; однако для обозначения учительницы и певицы (teacher, singer) соответствующих образований нет. Аналогичные непоследовательности наблюдаются у большинства языков; часто языковые трудности обуславливаются проникновением женщин в те сферы человеческой деятельности, которые раньше принадлежали исключительно мужчинам¹. Из искусственных языков только один разрешил эту проблему, а именно — язык идо, в котором обозначения без какого-либо специального окончания применимы к обоим полам, мужской пол обозначается окончанием ulo, а женский — окончанием -ino: ср. frato „брат или сестра“, fratulo „брат“, fratino „сестра“, frati „братья и сестры“, homo „человек“, homulo „мужчина“, homino „женщина“, sposo „супруг или супруга“, spozulo „супруг“, spozino „супруга“; также и dentisto, dentistulo, dentistino и т. п.²

Во множественном числе слова общего пола еще нужнее, чем в единственном; однако лишь немногие языки могут употреблять множественное число слов мужского рода так, как это делается в итальянском языке: gli zii „дядя и тетя“ (lo zio e la zia), i fratelli (il fratello e la sorella), i suoceri (однако i padri вместо i genitrici не употребляется), а также в испанском: los padres „отец и

¹ Приведем пример из далекого прошлого, задолго до эмансипации женщин: юоргеррп hъsfreya var ok mikill (м. р.) hvatamapr, at юessi ферр skyldi takaz „Она была большим подстрекателем (собств. „подстрекателем мужем“) этого похода“ (Laxd. saga, 54. II).

² У разных народов существуют различные степени обозначения для замужних женщин по положению или по профессии мужа (англ. Duchess „герцогиня“, швед. professorska „профессорша“, нем. Frau Professor с тем же значением). Однако детальное рассмотрение данного вопроса здесь неуместно.

мать“, los hermanos „брат и сестра“ или „братья и сестры“, sus dos hijos, Juan y Perfecta (Г а л ь д о с, Донья Перфекта, 29).

Что касается животных, то только самые важные из них имеют специальные формы как для общего пола, так и для отдельных полов (ср. horse „лошадь“, stallion „жеребец“, mare „кобыла“); далее существует несколько градаций (например, dog, he-dog или просто dog для мужского пола, bitch или she-dog; sparrow, cock-sparrow, hen-sparrow), вплоть до живых существ, пол которых обычно не представляет интереса для говорящего: fly „муха“, worm „червяк“.

Местоимения и прилагательные, не имеющие формы общего пола, как например слова somebody, everybody, each, чаще всего употребляются в мужском роде; например: франц. quelqu'un, chacun; Jean et Marie йтаient tris contents d'eux-ткмes; при этом неизбежно и некоторое несоответствие в предложениях вроде Was Maria und Fritz so zueinander zog, war, daЯ jeder von ihnen am anderen sah, wie er unglücklich war; ср. также исп. Doña Perfecta... su hermano... pasaron unos pocos acos sin que uno y otro se vieran (Г а л ь д о с, Донья Перфекта, 32).

Особенно нужна, очевидно, форма общего пола вопросительных местоимений, потому что, когда задается вопрос: „Кто это сделал?“, говорящий не знает наперед, к какому полу принадлежит это лицо — к мужскому или к женскому. Поэтому большинство языков имеют в данном случае лишь одну форму (нередко с окончанием мужского рода): гр. tis, гот. ?as (форма женского рода ?o, даваемая в грамматиках, по-видимому, никогда не употребляется в качестве вопросительного первичного слова), др.-англ. hwa, англ. who, нем. wer, голл. wie, дат. (hvo), hvem, русск. кто и т. д. К исключениям относятся: др.-исл. м. р. hverr, ж. р. hver, м. р. hvбrr, ж. р. hvбr и лат. м. р. quis, ж. р. quae. Однако в современном исландском языке это различие стерлось, по крайней мере в именительном падеже (hver, hvor), а в романских языках сохранилась только форма мужского рода, представляющая собой в настоящее время форму общего пола: ит. chi, франц. qui, исп. quйn.

У личных местоимений 3-го лица „он“ (he) и „она“ (she) различаются в английском языке, как и в других языках нашей семьи; когда требуется местоимение общего пола, вместо he or she можно употребить he, но в разговорной речи часто употребляется they (Nobody prevents you, do they? и т. п.; „Language“, 347, „Modern English Grammar“, II, 5. 56). В большинстве германских языков во множественном числе для обоих полов была обобщена одна форма (англ. they, нем. sie, дат. de и т. п.), что вполне естественно, поскольку очень часто приходится говорить о группе, состоящей из лиц обоего пола. То же произошло и в русском языке, за исключением именительного падежа, где до сих пор различаются формы они и one. В романских языках тот и другой пол различаются во всех формах (eglino, elleno; ellos, ellas; ils [eux], elles), кроме формы дательного падежа: loro, les, leur, а во французском языке — и винительного падежа при глаголах: les. В древнеисландском языке были отдельные формы для именительного и винительного; юеiг, южг; юб, южг, но в дательном была единая форма юеiт; в именительном и винительном падежах существовала также отдельная форма для среднего рода: юаи. Она употребляется и как форма общего пола, что объясняют обычно случайным совпадением по звучанию формы среднего рода множественного числа с

формой двойственного числа (которая часто употреблялась в значении „он и она“). Если это так, то употребление формы среднего рода е д и н с т в е н н о г о числа в качестве формы общего пола может быть перенесено из двойственного-множественного. Пример того и другого находим в древнеисландском: Eptir юetta skilja юau Gurѓn talit, ok var hvbirt юeira annat vel fara „После этого Г. и он (Снорри) перестают разговаривать и прощаются“ (Laxd. S. 59, 20) (юau — ср. р. мн. ч., hvbirt и annat — ср. р. ед. ч.). О соответствующем правиле в готском и древневерхненемецком см. Wilmanns, Deutsche Grammatik, Straßburg, 1897, 3. 768; Streitberg, Gotisches Elementarbuch, Heidelberg, 1920, 166. Др.-дат. Hwat lengжr liuжr mothжr жthe barn „Кто живет дольше, мать или ребенок?“ (Jysk, 1.4. 3).

ОДУШЕВЛЕННЫЕ И НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ

Различие между живым и неживым, или между одушевленным и неодушевленным, или иногда между человеческим и не относящимся к человеку, личным и неличным (различие не всегда в достаточной мере отчетливое) пронизывает многие разделы грамматики большинства языков — иногда в связи с родом и полом, иногда независимо от них. Это различие может проявляться в грамматике по-разному, и я не могу утверждать, что нижеследующий обзор даже наиболее знакомых мне языков будет исчерпывающим.

В английском языке это различие яснее всего проявляется в системе местоимений, как видно из следующего перечня:

<i>Одушевленные</i>	<i>Неодушевленные</i>
he, she	it
„он, она“	„оно“
who	what (вопросительное)
„кто“	„что“
who	which (относительное)
„кто“	„который“
somebody, someone	something
„кто-то“	„что-то“
anybody, anyone	anything
„кто-нибудь“	„что-нибудь“
nobody, no one	nothing
„никто“	„ничего“
everybody, every one	everything
„все, каждый“	„всё“
all (мн. ч.)	all (ед. ч.)
„все“	„всё“
the good (мн. ч.)	the good (ед. ч.)
„хорошие (люди)“	„хорошее“

С древнейших времен в английском языке существовала сильная тенденция употреблять местоимение it (др.-англ. hit) для обозначения предметов. Так было даже тогда, когда еще была жива система трех родов

(мужскою, женского и среднего) и когда род проявлялся в формах адъюнктов (артиклей, местоимений, прилагательных). Приведу несколько примеров из интересной статьи Мура (S. Moore, Grammatical and Natural Gender in Middle English, Publ. Mod. L. Ass., 1921): *hiȝw... beorhtne* (вин. п. м. р.)... *hit*; *anne arc...* *hit*; *æne calic...* *hit*; *þisne calic,* *hit*; *þeos race...* *hit*. Из *Ancrene Riwe*: *þene kinedom...* *hit*; *þeo iike scheadewe...* *hit*; *þene drunch...* *hit*. (В статье Мура это явление смешивается с употреблением местоимения *heo* „она“ в соотношении с такими словами, как слова среднего рода *wif*, *тжгден* и словом мужского рода *wifman*, а также с употреблением местоимения *he* „он“ для слова среднего рода *cild*; было бы лучше рассматривать эти явления отдельно: именно последнее употребление, но не первое, довольно часто встречается в современном немецком языке.) Подобное употребление *it* стало, естественно, еще более распространенным после того, как исчезли прежние падежные и родовые различия в местоимениях-адъюнктах и прилагательных и когда около 1600 г. появилась новая форма родительного падежа *its* (прежде употреблялась форма *his* для мужского и среднего рода). *Its* вытеснило также и диалектную форму родительного падежа *it*, которую начинали уже употреблять в литературном языке.

Однако в английском языке невозможно провести отчетливую демаркационную линию между одушевленным родом, представленным *he* или *she*, и неодушевленным, представленным *it*. Местоимение *it* может употребляться по отношению к маленькому ребенку или животному, если его пол неизвестен говорящему или если ребенок или животное его мало интересует: чем больше он будет интересоваться ребенком или животным, тем менее он будет склонен употреблять *it*, а *he* и *she* во многих случаях можно употребить по отношению к животному, даже независимо от того, известен ли говорящему пол животного (a hare „заяц“ ...*she*, a canary-bird „канарейка“ ...*he*, a crocodile „крокодил“ ...*he*, an ant „муравей“ ...*she* и т. п.). С другой стороны, говоря о предметах в более или менее шутливом тоне, можно употребить *he* или *she* и тем самым подчеркнуть особый интерес к ним. Чаще всего для иллюстрации этого приводится известный пример из языка моряков, которые употребляют местоимение *she* в применении к кораблю. У Диккенса слово *coach* „кареता“ соотносится также с *she*, а у современных автомобилистов наблюдается тенденция употреблять это местоимение в применении к своей машине.

Страна может с разных точек зрения трактоваться как одушевленное существо или неодушевленный предмет. С одной стороны, говоря о Франции, можно сказать: *It certainly is smaller than Spain, but then it is much more fertile* „Она, конечно, меньше Испании, но зато гораздо плодороднее“, а с другой стороны — *I do not approve of her policy in the reparations question* „Я не одобряю ее политики в вопросе о репарациях“: в последнем случае Франция рассматривается как действующее лицо, а отсюда и обозначающее пол местоимение; и если избирается местоимение женского рода, несмотря на то, что политические руководители (еще!) мужчины, — это происходит в силу литературной традиции, идущей от французского языка и латыни, в соответствии с которой названия стран были женского рода. В немецком и датском языках, где ее влияние не было таким сильным, названия государств даже как политических организмов причисляются к среднему роду: *es*, *det* (хотя

иногда бывает возможно заменить название страны названием лица — Franskmanden „француз“ — и сказать: Ja, Franskmanden, han veed nok hvad han vil, не имея в виду никакого конкретного француза).

До некоторой степени аналогичный случай представляет слово heaven „небо“, которое может соотноситься с he, когда оно является завуалированным обозначением бога. Nature „природа“, когда она рассматривается как активная сила, будет „она“, в соответствии с латинским (и французским) родом. Браунинг же переносит это на слово fate „судьба“ (Let fate reach me how she likes), несмотря на латинский род¹. Когда о солнце (sun) говорят „он“ (he), а о луне (moon) — „она“, это не означает, что они воспринимаются как одушевленные существа; это условная литературная традиция, идущая из латинского языка: известно, что слово „солнце“ как в древнеанглийском, так и в других германских языках было женского рода, а „луна“ — мужского.

Не может быть никакого сомнения, что тенденция олицетворять неживые предметы и отвлеченные понятия в поэзии (например, обращаться к смерти как к живому существу) и соответствующее изображение таких понятий в скульптуре в большой степени вызваны влиянием языков с системой рода, главным образом, конечно, латыни. Однако многие справедливо отмечали (в том числе Ениш, 1796), что подобное олицетворение более рельефно в английском языке, чем, например, в немецком, поскольку употребление местоимения he или she в таких условиях, когда в повседневном языке постоянно употребляется it, сразу привлекает внимание; в немецком языке этого нет, поскольку там каждый стул и каждый камень в повседневной речи будет er, а каждое растение и каждый нос — sie. Можно также заметить, что и английские поэты пользуются гораздо большей свободой в выборе пола, который они приписывают таким понятиям². Тум (Thum) сопоставляет предложение из Шекспира: See how the morning opes *her* golden gates, And takes *her* farewell of the glorious sun, в котором утро — это возлюбленная, прощающаяся со своим любимым, и перевод Шлегеля: Sieh, wie *sein* Tor der goldene Morgen cffnet, Und Abschied von der lieben Sonne nimmt, где из-за грамматического рода слов Morgen и Sonne получается обратное взаимоотношение. У Мильтона: *Sin* is talking to Satan who has begotten on *her* his son *Death*; подобное предложение невозможно во французском переводе, поскольку le rйchй не может быть матерью, а la mort не может быть сыном. Обратите также внимание на замечание Брюно (F. Brunot, *La pensйe et la langue*, Paris, 1922, 87): Le hasard des genres a сrйй aux artistes de grands embarras. La Grāce, la Beautй, la Science, prenaient facilement figure de femme, mais *la Force*? On a eu recours ā *Hercule*!

¹ „Donnerwetter! was ist doch manchmal diese verdammte Welt niedertrāchtig schйn! Man sollte gar nicht glauben, daβ sie dabei einen so hundsgemein behandeln kann!“ — „Kein Wunder“, meinte Hermann Outzeit, „es heiβt ja *die* Welt!“ — „*Frau* Welt!“ rief Doktor Herzfeld und lachte (G. Hermann). Это озорное замечание возможно потому, что немецкое слово Welt „мир“ женского рода и означает (1) весь внешний мир или природу, которая не относится ни к мужскому, ни к женскому полу, и (2) человечество, которое объединяет в себе как существа мужского, так и существа женского пола. Такое употребление было бы невозможно ни во французском (*le moride*), ни в английском, ни в турецком языке.

² Thy wish was *father*, Harry, to that thought (Шекспир). — Your wish is *mother* to your thought (Г о л с у о р с и, Верность, акт II). — It is small wonder — the wish being *parent* to the thought — that some accepted the rumour (McKenna, *While I Remember*, 149).

Некоторые из различий, перечисленных на стр. 273, развились сравнительно недавно; так, например, относительное местоимение *which* до начала XVII в. могло употребляться по отношению к лицу. Когда *this* и *that* употребляются в качестве первичных слов, они являются неодушевленными; обратите также внимание на различия в определениях, которые даются в словарях, например: „*Rubber — one who, or that which rubs*“. Когда опорное слово *one* является анафорическим (т. е. соотносится со словом, уже упомянутым), оно может быть или одушевленным или неодушевленным (*this cake... the only one I care for*), но когда оно не соотносится таким образом с только что упомянутым словом, оно всегда обозначает лицо (ср. *the great ones of the earth*). Все это подробно рассматривается в „*Modern English Grammar*“, т. II, в разных местах.

Следует упомянуть и о том, что собирательные существительные могут сочетаться с глаголом во множественном числе только в том случае, если они обозначают одушевленные существа (*family* „семья“, *police* „полиция“), иначе они всегда сочетаются с формой единственного числа глагола (*library* „библиотека“, *forest* „лес“). Достоин внимания, что родительный падеж (на *-s*) вышел из употребления, за исключением существительных, обозначающих живые существа (*the man's foot*, но *the foot of a mountain*), и некоторых пережиточных застывших конструкций (*out of harm's way*; *a boat's length from the ship*)¹.

В немецком языке различие между одушевленными и неодушевленными предметами выражено не так ярко, как в английском: многие предметы соотносятся с местоимениями *er, sie, dieser, jene* и т. д., т. е. с теми же самыми местоимениями, которые употребляются для обозначения лиц. И все же есть определенные указания на различие, кроме явного противопоставления *wer* и *was*: формы дательного падежа *ihm, ihr* употребляются при обозначении предметов не очень часто; в этих случаях вместо сочетаний *mit ihm, mit ihr, in ihm, in ihr* и т. п. используются сложные образования *damit, darin* и т. п. Местоимения *derselbe, dieselbe* чаще применяются к неодушевленным предметам, чем к живым существам; притяжательное местоимение *sein* обычно относится только к живым существам: *Sie legte die Hand auf den Stein und empfand dessen Wärme* или *die Wärme desselben* (C u r m e, *A Grammar of the German Language*, New York, 1922, 168). Прежний дательный падеж исчез у местоимений среднего рода *was, etwas, nichts*; в тех случаях, когда об одушевленных существах говорят *mit wem, von wem*, в отношении неодушевленных употребляются сложные образования с *wo-* (*womit, wovon*).

Значение понятия среднего рода подчеркивается иногда любопытным явлением: это понятие превозмогло значение множественности в слове *beides*, означающем „обе вещи“ (в отличие от *beide* „оба лица“). Точно так же *mehrerer* „несколько вещей“, но *mehrere* „несколько лиц“; ср. также *alles* „всё“ (лат. *omnia* — мн. ч. ср. р.), к которому, разумеется, есть параллели в других языках: англ. *all* ед. ч. ср. р. (которое постепенно вытесняется местоимением *everything*, в то время как *all* без определяемого употребляется только для обозначения лиц во

¹ „Если мы употребим выражение *England's history* „история Англии“ вместо более обычного *the history of England*, мы тем самым подчеркнем, что название страны употреблено с некоторым приближением к олицетворению“. (B r a d l e y, *The Making of English*, London, 1904, 60.)

множественном числе), дат. *alt* и т. п. Дат. *alting* было первоначально формой множественного числа со значением „все вещи“, но теперь оно употребляется в качестве формы среднего рода единственного числа: *Alting er muligt*. Ср. также *much* (*viel, vieles*) = *many things* (*viele Dinge*).

В датском языке различие между одушевленностью и неодушевленностью грамматически выражается не очень отчетливо. Однако существует вопросительное местоимение *hvem*, которое употребляется для обозначения живых существ, и местоимение *hvad* — для обозначения предметов; эти местоимения соответствуют английским *who* и *what*; далее, вместо самостоятельного употребления *begge* (= *both*), как первичного слова, существует тенденция употреблять *begge to* для обозначения живых существ и *begge dele* для обозначения предметов, что соответствует *alle* (*allesammen*) „все“ и *alt* (*alting*) „всё“. Местоимения, указывающие на пол, — *han* „он“ и *hun* „она“ — употребляются для обозначения людей и тех высших животных, к которым говорящий проявляет особый интерес; с остальными животными соотносятся местоимения *den* или *det* в зависимости от рода: *lammet, svinet... det, hesten, musen... den* „ягненок, свинья,.. лошадь, мышь“. — То же самое местоимение относится и к предметам: *huset... det, muren . . . den* „дом, ... стена“. Так же, как и в английском языке, хотя не в той же степени, здесь наблюдается тенденция избегать употребления родительного падежа на *-s* от названий неодушевленных предметов: мы говорим *taget pe huset, træerne i haven* чаще, чем *husets tag, havens træer* „крыша дома, деревья сада“.

Шведский литературный язык сохранил прежнюю систему рода в гораздо большей степени, чем датский, но в нем наблюдается та же тенденция, что и в датском: при обозначении вещей употреблять *den* вместо более старых местоимений мужского и женского рода *han* и *hon*; см. очень интересное исследование Тегнера (Тегнер, *Om genus i svenskan*, 1892).

Во французском языке, конечно, есть *qui* (*qui est-ce qui*), противопоставляемое *que* (*qu'est-ce que*) и *quoi*; далее, *en* соотносится с неодушевленностью, в то время как в отношении одушевленных существ употребляется притяжательное местоимение: *J'en connais la précision*, если речь идет о часах; *Je connais sa précision*, если речь идет о человеке (однако встречаются случаи, когда *son* необходимо, даже если речь идет о предмете; относительное слово, соответствующее *en*, — а именно *dont* — употребляется в обоих случаях).

В испанском языке есть правило, согласно которому дополнение оформляется предлогом *a*, если оно обозначает одушевленное существо: *He visto al ministro* „Я видел министра“, но *He visto Madrid* „Я видел Мадрид“. В русском языке и в других славянских языках в аналогичных случаях употребляется родительный падеж вместо винительного. В некоторых современных языках Индии, например в хинди, дополнение, обозначающее живое существо, имеет окончание *-ko*, в то время как для обозначения неодушевленных предметов употребляется форма, тождественная форме именительного падежа (*S. K o n o w, Festskrift til A. Torp*, 99). Таким образом, в разных языках различие между этими двумя классами отражается в передаче дополнения, но поскольку средства, при помощи которых это достигается, совершенно различны, здесь, очевидно, проявляется черта, которая коренится в общности психологии людей во всем мире. (Ср. также окончание

индоевропейского именительного падежа -s, если оно первоначально было характерно для названий живых существ, что, однако, более чем сомнительно, поскольку, с одной стороны, -s встречается в названиях неодушевленных предметов, например лит. *naktis*, лат. *nox*, а с другой — многие обозначения одушевленных существ, по-видимому, никогда не имели -s, например лат. *pater*, гр. *kuōn*.)

Различие между одушевленными существами (или лицами) и неодушевленными предметами (или „не лицами“) иногда проявляется косвенно в том, какие падежные формы продолжают существовать, а какие исчезают. В дательном падеже чаще употребляются слова, обозначающие одушевленные существа, чем неодушевленные предметы. Поэтому формы винительного падежа, существовавшие в древнейший период английского языка (*mes*, *юес*, *usic*, *eowic*), были рано вытеснены формой дательного падежа (*me*, *юе*, *us*, *eow* — теперь *me*, *thee*, *us*, *you*), а несколько позже прежние формы дательного падежа (*hire* „ей“, *him* „ему“, *hem* „им“ [совр. 'em], *hvam* „кому“) вытеснили формы винительного падежа (*hie*, *hine*, *hie*, *hwone*); *them* также было формой дательного падежа. С другой стороны, в среднем роде старые формы винительного падежа (*hit* [it], *that*, *what*) сохранились за счет форм дательного. Подобным же образом в датском языке прежние формы дательного падежа (*ham*, *hende*, *dem*, *hvem*) вытеснили формы винительного (правда, в случае *mig* и *dig* произошел обратный процесс); в северонемецком *wem* употребляется вместо *wen*; то же и во франц. *lui*, ит. *lui*, *lei*, *loro* (но не при употреблении с глаголами); в случае же нем. *was*, франц. *quoi* и т. п. победу одержала форма винительного падежа.

У существительных, обозначающих живые существа, старая форма именительного падежа вытесняет иногда формы косвенных падежей; у существительных, обозначающих неодушевленные предметы, наблюдается обратный процесс. Например, как указывали Бехагель, Бойунга и Тегнер, в немецком склонении на -n форма именительного падежа (*Bote*, *Erbe*, *Knabe*) сохранилась только у названий живых существ; у неодушевленных предметов обобщается форма косвенных падежей: *Vogen*, *Magen*, *Tropfen*. Подобным же образом и в шведском языке у существительных *мага*, *bega*, *strupa*, *aga*, *vana* одержал верх винительный падеж, в то время как в словах *gubbe*, *granne*, *bonde* был сохранен и обобщен именительный (Тегнер, *Om genus i svenskan*, Stockholm, 1892, 221). В названиях лиц сохранилось и другое окончание именительного падежа: *slarver*, *spjuver*, *luver* (там же, 225). В старофранцузском языке существовало различие между именительным и косвенным падежами; обобщался обычно последний; сохранившиеся же формы именительного падежа, как заметил Бреаль (*B r y a l*, *Mémoires de la Société de Linguistique*, б. 170), обозначают людей; например: *traotre*, *soeur*, *fil*, *maire*.

Неживые предметы рассматриваются, вполне естественно, как нечто менее значительное, чем живые существа; а поскольку средний род (в тех языках, где он существует) употребляется предпочтительно для обозначения предметов, у среднего рода появился известный оттенок пренебрежительной оценки в применении к живым существам (людям и животным). Интересно, что в датском языке многие слова бранного характера принадлежат к среднему роду: *et fjols*, *pjok*, *fj*, *bjst*, *drog*; некоторые названия животных, употребляемые главным образом в пренебрежительном значении, в

исторический период изменили свой род и стали словами среднего рода: ср. шг. *asen*, жсел, *kreatur*. Это можно сопоставить с тем, что, как известно, уменьшительные существительные в различных языках часто относятся к среднему роду, даже если слова, от которых они образованы, принадлежат к другому роду: ср. гр. *paidion* „маленький мальчик“ от *pais*, нем. *Fischlein*, *Fräulein*, *Bübchen*, *Mädchen* и др.¹ Я полагаю, что многочисленные итальянские уменьшительные существительные на *-ino* от существительных женского рода первоначально принадлежали не к мужскому, а к среднему роду: *casino*, *tavolino*, *ombrellino* от *casa*, *tavola*, *ombrella*, также *donnino*, *manino* наряду с *donnina*, *manina*. Я даже решаюсь высказать предположение, что тот же самый средний род с оттенком пренебрежительности кроется за любопытными случаями, которые мы встречаем, когда для обозначения маленьких предметов употребляются формы на *-o*, а для обозначения больших — формы на *-a*: *bucso* „дырочка“, *coltello* „ножичек“ при *buca*, *coltella* и т.п. В диалектах юго-восточной Ютландии некоторые названия молодых животных, в датском языке принадлежащие к общему роду, стали словами среднего рода: *et kalv*, *hvalp*, *gris*, *kylling* (M. *Kristensen*, *Nydansk*, 1906, 57). В шведском языке слово *individ* всегда употребляется с *en*, если применяется к человеку, часто также к высшему животному, но если речь идет о более низшем животном, говорят *ett individ* (T e g n й r, там же, 39); в датском языке это слово всегда среднего рода, как в латинском и немецком.

Кроме разграничения, о котором говорилось в главе, посвященной числу (гл. XIV, стр. 229), иногда встречается тенденция установить грамматическое разграничение и между названиями предметов (исчисляемыми) и названиями массы (неисчисляемыми). В юго-западных диалектах Англии „вещи, имеющие определенные очертания“, обозначаются местоимением „он“ (*he*, вин. п. *en* из др.-англ. *hine*) и определяются местоименными адьюнктами *thedse*, *thik*, в то время как „бесформенные массы“ соотносятся с „оно“ (*it*) и определяются адьюнктами *this*, *that*: ср. *Come under thease tree by this water; goo under thik tree, an zit on that grass* (B a r n e s, *Dorset Gr.*, 20; Ellis, *On Early English Pronunciation*, 5, 85; W r i g h t, *Dial. Gr.*, §393, 416 и сл.). В других языках существует тенденция относить названия массы предпочтительно к среднему роду; например, нем. *das Gift*, *das Kies* „яд, гравий“ уже вытеснили или вытесняют более ранние *die Gift*, *der Kies*. Точно такое же явление наблюдается сейчас в датском языке: *stshvet* вместо прежнего *stshven* „пыль“. Но в датском языке эта тенденция идет еще дальше. Для указания количества при названиях массы употребляются адьюнкты в форме среднего рода, даже если эти слова в других отношениях являются словами общего рода. Так, например, мы говорим *mjlkken*, *osten* „молоко, сыр“, но *alt det mjlk*, *noget andet ost* „все то молоко, какой-то другой сыр“ (при обозначении массы; „другой сыр“ при обозначении предмета будет *en anden ost*). *Jeg kan ikke njjes med det te* „Я не могу удовлетвориться этим количеством чая“, но... *med den te*, если имеется в виду сорт или качество. Многие диалекты Ютландии идут еще дальше: в этих

¹ Любопытно отметить, что, когда эти окончания, которые всегда принадлежат к среднему роду, присоединяются к именам собственным, возможно употребление артикля женского рода с *-chen*: *die arme Gretchen*, но не с *-li* (диалект.): *das Vdbeli*, хотя при мужских именах можно сказать, например, *der Jakubli* (T o b l e r, *Vermischte Beitrldge zur franzsischen Grammatik*, Leipzig, 1921, 5. 7).

диалектах все слова, обозначающие неисчисляемые предметы, независимо от их первоначального рода, принадлежат к среднему роду, а в диалекте Ханхерредера произошло дополнительное изменение: все названия предметов перешли в общий род: *iset, jordet, skiben, husen* „лед, земля, корабль, дом“ (в литературном датском: *isen, jorden, skibet, huset*).

ПОНЯТИЙНЫЙ СРЕДНИЙ РОД

Прежде чем закончить главу о роде, необходимо рассмотреть также явление, которое, за неимением лучшего термина, я предлагаю называть „понятийным средним родом“ (*conceptual neuter*). Можно сказать, что это реальный, понятийный или универсальный средний род. Он отличается как от конкретного среднего рода в английском языке, когда по отношению к упомянутому ранее дому, червяку и т. п. употребляется местоимение *it*, так и от условного среднего рода в немецком языке, когда по отношению к ранее упомянутому *Haus* или *Mädchen* употребляется *es*, поскольку они принадлежат к среднему роду. Из последующего изложения будет видно, что средний род обладает определенными естественными или понятийными функциями, хотя во многих языках, вообще не имеющих среднего рода, лишь несколько местоименных форм указывают на то, что в грамматической системе данного языка существует средний род.

Первое применение этого неуточненного (*unspecified*) или понятийного среднего рода мы видим в таких предложениях, как англ. *it rains* „идет дождь“, нем. *es regnet*, дат. *det regner*, франц. *il pleut* (разг. за *pleut*), далее: *it snows* „идет снег“, *it thunders* „гремит гром“ и т. п., где очень трудно или даже невозможно определить, что означает *it*: если хотите, имеется в виду все состояние атмосферы, но, во всяком случае, то, что подразумевается, мыслится в той же степени определено, как и при употреблении определенного артикля в предложениях *The weather is fine* „Погода хорошая“, *The day is bright* „День ясный“. Во многих языках местоимение в этом случае не употребляется (лат. *pluit*, ит. *piove* и т. п.). Бругман и другие видят в употреблении *it* чисто грамматический прием, обусловленный привычкой иметь выраженное подлежащее во всех других случаях (*He comes* „Он приходит“, *Il vient*, где в латинском и итальянском языках обычно употребляется просто глагольная форма: *venit, viene*). Это соображение во многом, конечно, справедливо, но оно не раскрывает всей истины; Гримм не совсем неправ, когда он говорит (в своем словаре), что „безличные формы“ выражают „*das Geisterhafte, Gespenstige, Unsichtbare, Ungeheure*“; Шпитцер употребляет выражение „*das große Neutrum der Natur*“ и полагает, что *it* является во многом таким же результатом мифологических представлений человека, как и *Jupiter tonat*¹. Я могу добавить здесь, с одной стороны, отрывок диалога из романа Беннета: *It only began to rain in earnest just as we got to the gate. Very thoughtful of it, I'm sure!* „Дождь пошел по-настоящему, только когда мы добрались до ворот. Очень

¹ В статье *Das synthetische und das symbolische Neutralpronomen im Französischen*, *Idealistische Neuphilologie, Festschrift für Karl Vossler*, 1922. „*Das große Neutrum der Natur*“ видно также (без местоимения) в русском предложении „Отца деревом убило“ (*P e d e r s e n*, *Russisk Grammatik*, København, 1916).

предусмотрительно со стороны it, я должен сказать!“, а с другой стороны — пример из совершенно иной области, из области употребления слова That с большой буквы в качестве синонима к слову God „бог“ (у Браунинга): Rejoice we are allied To That which doth provide And not partake, effect and not receive! (Rabbi Ben Ezra), а также пример аналогичного употребления It у Гарди: Why doth It so and so, and ever so, This viewless, voiceless Turner of the Wheel? Это употребление Гарди оправдывает следующим: The abandonment of the masculine pronoun in allusion to the First or Fundamental Energy seemed a necessary and logical consequence of the long abandonment by thinkers of the anthropomorphic conception of the same (The Dynasts).

Я усматриваю то же самое неуточненное или понятийное it (хотя и не das große Neutrum der Natur) в функции дополнения в идиоматических словосочетаниях: to lord it, You are going it!, We can walk it perfectly well, Let us make a day of it и т. п. В предложении же He never opens his mouth but he puts his foot in it из-за двусмысленности it создается комический эффект: it можно понять в уточненном и в неуточненном значении.

Сходные явления наблюдаются и в идиоматических выражениях других языков, например: нем. Sie hat es eilig; Er treibt's arg; дат. Han har det godt, sidder godt i det; Han skal nok drive det vidt; франц. l'empporter, le prendre sur un certain ton. В датском языке местоимение среднего рода det и местоимение общего рода den своеобразно заменяют друг друга: Ta den med ro „Не принимай это близко к сердцу“ с течением времени вытеснило Ta det med ro; den встречается во многих идиоматических выражениях: brjnde den a, holde den geende и т. п.

Обратите также внимание на нем. Es klopft an der Tür „Стучат в дверь“, дат. Det banker pe dshren, соответствующие англ. *Someone* is knocking at the door и франц. *On* frappe a la porte.

Далее мы находим понятийный средний род в таких словах, как англ. what „что“, nothing „ничего“, everything „все“, собств. „каждое“, something „что-то“; интересно отметить, что в датском языке, где ting принадлежит к общему роду, ingenting „ничего“ и alting „все“ сочетаются с предикативом среднего рода: Den ting er sikker, но Ingenting er sikkert и т.п. То же самое мы наблюдаем и в романских языках, где латинский средний род слился с мужским, но такие слова, даже если они первоначально были словами женского рода, трактуются как принадлежащие к мужскому, т. е. к среднему роду, например: франц. rien из лат. rem (ж. р.): Rien n'est certain, далее quelque chose de bon. В итальянском языке qualche cosa, ogni cosa, che cosa (и сокращенное вопросительное cosa = che cosa) сочетаются с предикативом в мужском, т. е. в среднем роде: Che cosa fu detto? Точно так же Nulla fu pubblicato; Una visione, un nulla che fosse femminile (S e r a o, Cap. Sansone, 87, 123).

Понятийный средний род встречается также с прилагательными в обобщенном значении, например: the beautiful „прекрасное“, the good „хорошее“ и т. п. Заметьте, что в испанском языке в этих случаях сохранился латинский средний род в форме артикля: lo bueno в отличие от мужского рода el bueno „хороший (человек)“.

Следующая функция понятийного среднего рода представлена предикативами в конструкциях такого типа, как: All men my brothers? Nay, thank Heaven, *that* they are not, „Все люди мои братья? Нет, благодарение небу, *этим* (т.

е. таковыми) они не являются“ (Гиссинг, ср. „Modern English Grammar“, II, 16. 377); ср. также: You make him into a smith, a carpenter, a mason; he is then and thenceforth *that and nothing else* (Карлейль); Marian grew up *everything* that her father desired (Гиссинг); His former friends or masters, *Whichever* they had been (Стивенсон); She had now become *what* she had always desired to be, Amy's intimate friend (Гиссинг); She treated him like a tame cat, *which is what* he was (McKenna); *What* is he? Just *nothing* at all as yet. Суит в „New English Grammar“, § 212 не понял этой функции *what*, поскольку он говорит об употреблении его „в личном значении“; заметьте, что в ответе на вопрос *What is he?* „Кто он? Какой он?“ может стоять любой предикатив: a shoemaker „сапожник“ kind-hearted „добросердечный“ и т. п.

Такой же средний род мы находим в других языках: дат. Er de modige? Ja, *det er de*. *Hvad er han?*; нем. Sind sie mutig? Ja, *das sind sie*. Vom Papst ist es bekannt, daß er, als er *es* noch nicht war, seine Verhältnisse geregelt hatte. *Was ist er?* Er ist noch *nichts*; франц. Si elles sont belles, et si elles ne *le* sont pas; ит. Pensare ch'egli era libero e che anche lei *lo* era! (Фогаццаро); исп. Personas que parecen buenas y no *lo* son (Гальдос). Ср. также гр. Ouk *agathon* polukoironiē и нем. ср. р. ед. ч. *Welches sind Ihre Bedingungen?*¹

Понятийный средний род мы встречаем и тогда, когда местоимение заменяет глагол или нексус: Can you forgive me? — Yes, *that* is easy enough „Можете ли вы простить меня? — Да, это достаточно просто“; The Duke hath banished me. *That* he hath not (Шекспир); I'll write or, *what* is better, telegraph at once. В языках, имеющих средний род, инфинитивы и целые предложения также всегда сочетаются с артиклями и прилагательными в среднем роде: ср. гр. to pinein, нем. das Trinken, лат. Humanum est errare и т. п.

Глава XVIII

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ

Сравнительная и превосходная степени. Равенство и неравенство. Ослабленные сравнительная и превосходная степени. Скрытое сравнение. Формальная сравнительная степень. Обозначение меры. Вторичные и третичные слова.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ И ПРЕВОСХОДНАЯ СТЕПЕНИ

Во всех обычных грамматиках сообщается, что существует три степени сравнения:

1. Положительная: old „старый“	dangerously „опасно“
2. Сравнительная: older „старше“	more dangerously „опаснее“
3. Превосходная: oldest „самый старей“	most dangerously „опаснее всего“

¹ Ср. также употребление *that* в следующем случае: Are there not seven planets? — That there are, quoth my father (Sterne).

Эта трехсоставная система, без сомнения, соответствует реальным формам, существующим в наиболее изученных языках; в этих языках „положительная степень“ является основной формой, от которой образуются две другие формы при помощи окончаний или при помощи таких наречий (субъюнктов), как *more* и *most*. В некоторых общеизвестных случаях две более высокие степени образуются от других основ, чем положительная степень: *good* „хороший“, *better* „лучший“, *best* „самый хороший“; лат. *bonus*, *melior*, *optimus* и т. п.¹

Теперь рассмотрим эту систему более внимательно с логической точки зрения. Прежде всего не требуется длительного размышления, чтобы обнаружить, что „положительную степень“, строго говоря, нельзя назвать „степенью сравнения“, так как, если мы называем лошадь или книгу „старой“, мы не сравниваем их с другой лошадью или с другой книгой. Эта форма является таким образом скорее формой „отрицательной в отношении сравнения“, чем „положительной“, как ее называли прежние грамматисты с их любопытным пренебрежением к правильной и последовательной терминологии. Однако сам этот термин не так уж опасен, поскольку его едва ли можно спутать с термином „положительный“ в смысле „не отрицательный“.

Но обычно все три степени преподносятся так, что нам внушается мысль, будто они представляют собой градуированную шкалу: точно *old*: *older*: *oldest* образуют прогрессию вроде, скажем, арифметической прогрессии 1:2:3 или геометрической прогрессии 1:2:4. Однако в речи это встречается лишь в исключительных случаях, например: *The clowne bore it [my sonnet], the foole sent it, and the lady hath it: sweete clowne, sweeter foole, sweetest lady* (Шекспир) или *We dined yesterday on dirty bacon, dirtier eggs, and dirtiest potatoes* „На обед у нас вчера был грязный бэкон, более грязные яйца и грязнейший картофель“ (Китс). Такое сопоставление всех трех форм² может быть результатом обучения грамматике в школе; но важно подчеркнуть, что в обычном употреблении форма превосходной степени не означает более высокой степени, чем сравнительная; в действительности она констатирует ту же самую степень, но только с другой точки зрения. Если мы сопоставим возраст четырех мальчиков — А, В, С и D, мы можем изложить один и тот же факт двумя различными способами:

A is older than the other boys „А старше других мальчиков“ или

A is the oldest boy (the oldest of. or among, all the boys) „А самый старший мальчик (из или среди всех мальчиков)“.

В обоих случаях А сравнивается с В, С и D; однако в первом общий результат сообщается исходя из отношения к трем (другим) мальчикам; во втором же случае учитываются все мальчики, включая самого А. Сравнительная степень поэтому должна всегда дополняться еще одним элементом (выраженным или подразумеваемым), который вводится словом

¹ Некоторые прилагательные и наречия не могут образовывать степени сравнения, например: *other* „другой“, *several* „несколько“, *half* „наполовину“, *daily* „ежедневно“, *own* „собственный“. О степенях сравнения существительных см. стр. 88.

² В этом случае превосходная степень обозначает то, что в других случаях обозначается словом *still* „еще“: *still sweeter*, *still dirtier*.

than „чем“ и отличается от сравниваемого предмета; отсюда частое употребление слова other „другой“. Такой дополнительный элемент оказывается невозможным при превосходной степени, которая в свою очередь часто дополняется предложным сочетанием of all „из всех“ или among all „среди всех“. Однако, поскольку обе формы в действительности выражают одну и ту же мысль, мы не должны удивляться тому, что очень часто происходит смешение, в результате которого возникают конструкции типа the best of all others „самый лучший из всех других“; ср. также: A king, whose memory of all others we most adore (Бэкон); Parents are the last of all others to be trusted with the education of their own children (Свифт).

Теперь можно понять, почему некоторые языки, имевшие прежде форму превосходной степени, могли так легко отказаться от нее и удовольствоваться формой сравнительной степени. В романских языках единственным способом выражения понятия превосходной степени является добавление к обычной форме сравнительной степени значения определенности или с помощью определенного артикля, или с помощью какого-нибудь другого определяющего слова: le plus grand malheur; mon meilleur ami и т. п. (Иногда определяющего слова вообще не требуется, например: la vie, dans tout ce qu'elle a de *plus intensif*.) Подобным же образом и в русском языке форма сравнительной степени часто употребляется как своего рода форма превосходной степени. Такое употребление облегчается тем, что второй элемент при сравнительной степени стоит в форме родительного падежа. Последний употребляется и при превосходной степени в партитивном значении и, таким образом, соответствует как английскому than, так и английскому of: ср. *лучше всего* = better than all и best of all; *богаче всех* = richer than all и richest of all. (Кроме того, превосходная степень может быть выражена добавлением *най-* перед формой сравнительной степени или слова *самый*, см. Н. Pedersen, Russisk Grammatik, 89; ср. V o n d r á k, Vergleichende slavische Grammatik, Göttingen, 1906, 1. 494 и 2.71 и сл.)

В следующих случаях мы находим как бы ограниченное значение превосходной степени — „лучше (и т. п.) всех других, кроме одного (двух, трех и т. д.)“: the next best, the largest but one (two и т. д.), the third best и т. п. Так же обстоит дело и в датском и немецком языках, где, однако, не встречается выражений, соответствующих английским выражениям с but. С другой стороны, существует много языков, в которых нет простого способа выражения такой превосходной степени.

В немецком языке мы находим любопытное смешение, когда при форме превосходной степени употребляется слово „возможный“: тогда в форме превосходной степени ставится не прилагательное или наречие, а слово со значением „возможный“: ср. выдержку из речи проф. Йодля: das Problem der *größtmöglichen* Glücksbefriedigung für die *möglichst* große Zahl; в английском языке было бы: the greatest happiness possible for the greatest number possible „возможно большее счастье для возможно большего числа людей“.

РАВЕНСТВО И НЕРАВЕНСТВО

Если, таким образом, исключить из рассмотрения превосходную степень как разновидность сравнительной, можно установить следующую систему степеней сравнения:

1. (>) more dangerous (better) than — превосходство
более опасный (лучше), чем (superiority)
2. (=) as dangerous (good) as — столь равенство (equality)
же опасный (хороший), как и
3. (<) less dangerous (good) than — более низкая степень
менее опасный (хороший), чем (inferiority).

Совершенно очевидно, что 1 и 3 тесно связаны между собой, так как в обоих случаях выражается неравенство. В английском языке в первом и третьем случаях употребляется *than*, а во втором — *as*, тогда как в других языках употребляется одно и то же слово во всех трех случаях: ср. франц. *meilleur que, aussi bon que*. Датский язык различает *end* и *som*, как и английский, но в некоторых районах Дании (Фюн) *som* употребляется даже после сравнительной степени. Точно так же и для некоторых диалектов Германии характерно обобщение *wie* во всех трех случаях, тогда как в других частях Германии *wie* ограничено случаем равенства, а при сравнительной степени употребляется *als*. Итак, по-французски можно сказать, например, *Il a autant ou peut-être plus d'argent que moi*, тогда как в других языках нет такого легкого способа выражения; английское предложение *He could box as well or better than I* „Он умел боксировать так же хорошо или лучше меня“ (Уэллс) производит впечатление некоторой небрежности.

В наших языках часто встречаются два выражения с противоположным значением, которые дают возможность изменять отношения ступеней 1 и 3 на обратные: *worse than* „хуже чем“ значит то же самое, что *less good than* „менее хороший чем“. Так как значение *old* „старый“ противоположно значению *young* „молодой“, можно установить следующие равенства:

- 1) *older than* = *less young than*;
- 2) *as old as* = *as young as*;
- 3) *less old than* = *younger than*.

Однако на практике выражения с *less*, естественно, употребляются редко; кроме того, формы, указанные под пунктом 2, не вполне синонимичны: очевидно, было бы невозможно сказать *as young as the hills* вместо *as old as the hills* „старо как мир“. Это — естественное следствие того обстоятельства, что *old*, кроме нейтрального значения (в качестве своего рода *vox media*) — „имеющий такой-то возраст“ (ср. *Baby is only two hours old* „Ребенку всего два часа“), — имеет также значение „престарелый“; и именно во втором значении оно противопоставляется слову *young* „молодой“. В некоторых языках оба значения разграничиваются: ср. франц. *ve de deux heures; vieux*; в идо: *evanta du hori; olda*.

Подобным же образом, хотя *more unkind than* = *less kind than* („более недобрый, чем“ = „менее добрый, чем“), выражения *as unkind as* „такой же недобрый, как“ и *as kind as* „такой же добрый, как“ не синонимичны, поскольку, при этом подразумевается, что в первом случае оба сравниваемых лица

являются недобрыми, а во втором — оба добры. Поэтому сравнение при помощи *as* обычно вовсе не является нейтральным или безразличным, хотя в отдельных случаях это может быть и так: ср. *I don't think man has much capacity for development. He has got as far as he can, and that is not far, is it?* (Уайльд).

С другой стороны, сравнение с *than*, как правило, безразлично и нейтрально: *Peter is older than John* „Петр старше Джона“ не означает, что Петр стар, и сравнительная степень поэтому может в действительности обозначать меньшую степень, чем положительная в предложении *Peter is old* „Петр стар“. Точно так же предложение *Peter is older than John* ничего не говорит о старости Джона; однако старость Джона будет подразумеваться, если присоединить субъюнкт *still*: *Peter is still older than John* „Петр еще старше, чем Джон“ (так же точно: франц. *Pierre est encore plus vieux que Jean*; дат. *Peter er endnu ældre end Jens*; нем. *Peter ist noch älter als Hans*); кстати сказать, мы видим здесь интересное параллельное развитие в различных языках, так как подобное употребление слова *still* вовсе не является самоочевидным; такое же употребление мы находим и в русском языке.

Если мы отрицаем ступень 1 (*Peter is not older than John* „Петр не так стар, как Джон“), мы получаем либо значение ступени 2 (равенства), либо значение ступени 3 (более низкой степени); в английском языке существует любопытное различие между выражением *not more than*, не вполне отчетливым по значению и могущим быть как ступенью 2, так и ступенью 3, и *no more than*, представляющим собой ступень 2 (равенства). При отрицании ступени 2 мы получаем форму *not so old as*, которая почти всегда означает ступень 3 — „менее старый, чем; моложе, чем“; отрицание с *as* распространено меньше и иногда, когда делается особое ударение на *as*, может означать ступень 1: ср. утверждение *A is as old as B* „А так же стар, как Б“, возражением на которое будет: *Oh no, not as old as B, but much older* „О нет, не так стар, как Б, а значительно старше“.

ОСЛАБЛЕННАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ И ПРЕВОСХОДНАЯ СТЕПЕНИ

Когда превосходная степень употребляется для обозначения очень высокой, но не самой высокой ступени, возникает естественная склонность к преувеличению. Такие случаи называют иногда „абсолютной превосходной степенью“ или „элятивной степенью“. Так обстоит дело с англ. *with the greatest pleasure* „с величайшим удовольствием“, *a most learned man* „весьма ученый человек“ и т. п. В итальянском и испанском языках это явление стало настолько обычным, что старая латинская форма превосходной степени никогда не употребляется как подлинная превосходная степень: ср. ит. *bellissimo* „очень красивый“, исп. *doctísimo* „очень ученый“ и т. п.¹ В разговорном норвежском языке мы находим то же самое с отрицанием: *ikke se vjrst* „не так уж плохо“. В датском языке различаются формы превосходной степени без окончания и с окончанием: в самостоятельном употреблении (без артикля) только первая имеет значение подлинной превосходной степени, а вторая — элятивное

¹ Ср. также ит. *medesimo*, исп. *mismo*, франц. *même* из *metipsimus*; исп. даже *mismísimo*.

значение; ср. med stürst veltalenhed „красноречивее всех“; med stürste veltalenhed „очень красноречиво“.

Иногда и сравнительная степень не имеет значения сравнения, например дат. en *bedre* middag „хороший или *довольно хороший* обед“; также и в английском языке с rather: Does it rain? — *Rather!* „Идет дождь? — *Порядком!*“

Аналогичное ослабление сравнительной степени происходит и в случае дат. flere, например ved flere lejligheder, которому в английском соответствует более точное выражение more than one „более одного“ — множественное от one. Любопытно, что в этом случае, где в действительности нет никакого сравнения, некоторые языки имеют двойную форму сравнительной степени: нем. mehrere (раньше после этого слова могло стоять als, сейчас это уже невозможно), позднее лат. plusiores, откуда франц. plusieurs, которые, несмотря на форму, в действительности слабее формы „положительной степени“ viele, beaucoup.

СКРЫТОЕ СРАВНЕНИЕ

В ряде языковых выражений понятие сравнения находится в скрытом состоянии. Так, например, в глаголе prefer „предпочитать“: I prefer A to B „Я предпочитаю лицу А лицу В“ = I like A better than B „Мне нравится А больше, чем В“ (франц. Je préfère A à B; нем. Ich ziehe A dem B vor); в языке идо в этом случае употребляется обычное сравнительное соединительное слово: me preferas A kam B = me prizas A plu kam B. Изредка это встречается и в английском языке: Preferring a solitude, and to be a bachelor, than to put up with one of these for a companion (Теккерей, Очерки, 138). Далее мы находим скрытую сравнительную степень в англ. too „слишком“ (франц. trop, дат. for, нем. zu), которое означает „больше чем достаточно“, „более чем хорошо“, „более чем прилично“ и т. п. Здесь также может быть обозначена мера: *an hour too late*; *en time for sent*; *eine Stunde zu spät*; *trop tard d'une heure*; ср. также *outlast* „продолжаться дольше, чем“, *outlive* „пережить“, дат. *overleve*, нем. *überleben*; англ. *exceed* „превосходить“ и т. п.

Как скрытую сравнительную степень следует рассматривать также before „прежде“ и его антоним; франц. *avant*, *après*, нем. *vor*, *nach* и т. д.; заметьте также, что англ. *after* и дат. *efter* являются сравнительной степенью и -по форме; обозначение меры мы видим в таких случаях, как: *an hour before sunrise* „за час до восхода солнца“, *une heure avant le lever du soleil*; *eine Stunde vor dem Sonnenaufgang* и т. п. Однако, когда мы говорим *After an hour he came back* „Через час он вернулся“ и подобным же образом *Après une heure il rentra* и т. п., мы обнаруживаем здесь смешение двух моментов: обозначение меры и дополнение к предлогу, так что значение подобных конструкций следующее: „через час после (его ухода или чего-либо иного, что было упомянуто)“. Это можно сопоставить с тем, что произошло при математическом употреблении слов „плюс“ и „минус“ = „увеличить (уменьшить) на“; ср. перевод на различные языки: англ. *four less two*, франц. *quatre moins deux*, нем. *vier weniger zwei* и т. п.

Франц. *cadet* и аннй также представляют собой скрытую сравнительную степень: *Il est mon cadet de deux ans* = „Он на два года моложе меня“. Ср. *Il avait*

un frige *cadet, de dix ans moins vgi*, ingénieur comme lui (Роллан). Аналогичное явление наблюдается в английском языке со словами, восходящими к латинским формам сравнительной степени, хотя с точки зрения формы в английском языке они не могут рассматриваться как сравнительная степень: He is *my senior by two years* „Он старше меня на два года“ и т. п.

Иррациональность грамматического выражения явствует из следующих фактов: лат. *post* и *ante* представляют собой, как мы уже видели, фактически сравнительную степень, но за ними может следовать *quam* только в том случае, если второй элемент сравнения является целым предположением; согласно обычной грамматической терминологии, мы скажем, что *post* и *ante* — предлоги, а *postquam* и *antequam* — союзы, но это не есть обычная функция *quam*, которое в данном случае соответствует скорее англ. *that*, чем *than*. После англ. *after* и *before* могут употребляться как слова, так и целые предложения (они являются одновременно предлогами и союзами): ср. He came *after* (before) the war was over „Он приехал после того (перед тем), как кончилась война“, He came *after* (before) the war „Он приехал после (до) войны“. В датском языке эти два слова трактуются по-разному, поскольку, для того чтобы стать союзом, *efter* требует добавления *at*: Han kom *efter* krigen; Han kom *efterat* krigen var forbi, в то время как с *for* никакого *at* не требуется: Han kom *for* krigen; Han kom *for* krigen var forbi; в обоих случаях можно употребить *fidrend* (*end* означает „чем“ и употребляется в качестве связующего слова после формы сравнительной степени), однако в нелитературной речи после *fidrend* есть тенденция добавлять *at*, чтобы образовать союз: Han kom *fidrend at* krigen var forbi. В немецком языке требуется форма дательного падежа указательно-относительного местоимения *dem*, чтобы превратить предлог *nach* в союз *nachdem*, тогда как *vor* (*früher als*) является предлогом, соответствующим союзу *ehe*. Во французском языке мы находим *après* и *avant* в качестве предлогов, *après que* и *avant que* — в качестве союзов. Здесь невозможно установить, эквивалентом чего является *que* — англ. *than* или англ. *that*; ср. также ит. *poscia ehe*. (С инфинитивом во французском языке существуют или существовали следующие конструкции: *avant que de partir*, *avant de partir*, *avant que partir*, *avant partir*.)

ФОРМАЛЬНАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ

С другой стороны, существует разряд слов, которые являются сравнительной степенью с формальной точки зрения, но не выражают значения понятийной сравнительной степени, поскольку эти слова не могут сочетаться с *than*: *upper*, *outer* и его дублет *utter*, *former* и др. Они, по-видимому, никогда не обладали настоящими функциями сравнительной степени; однако *latter* „последний из упомянутых“ и *elder* „старший“, в настоящее время также не сочетаемые с *than*, прежде были подлинными формами сравнительной степени; еще у Шекспира мы находим *elder than*. Такие образования поэтому можно назвать бывшими формами сравнительной степени.

Other „другой“ является по форме сравнительной степенью, хотя соответствующей положительной степени нет; это слово может сочетаться с *than* (так же как и в других языках: *autre que* и т. п.). В английском языке *other* иногда воздействует на свой синоним *different*, который сочетается в таких

случаях не с from „от“, а с than „чем“, например: Things will be made different for me than for others (Уайльд); наоборот, после another иногда встречается from: I hope to be another man from what I was (Диккенс).

В языках нашей семьи существует много других слов, образованных с помощью того же окончания, которые еще меньше оснований считать формами сравнительной степени, а именно: местоименные слова, связанные с понятием „два“, например: лат. *uter, neuter*, др.-англ. *жгper, hwжper*, англ. *either, neither, whether* и т. п.

Можно сомневаться, был ли индоевропейский суффикс *-ter* первоначально суффиксом таких местоименных слов, которые соотносились с числом „два“, или же он представлял собой окончание сравнительной степени¹. Однако как бы там ни было, во многих языках существует правило, согласно которому при отсутствии прямого сравнения (с *than*), употребляется сравнительная степень, если идет речь о двух предметах, и превосходная — если предметов больше двух: ср. лат. *major pars*, если частей две, но *maxima pars*, если частей три или больше. Соответственно, в английском языке: *If Hercules and Lychas plaie at dice Which is the better man, the greater throw May turne by fortune from the weaker hand* (Шекспир). Однако, если оставить в стороне застывшие выражения типа *the lower lip* „нижняя губа“, *the upper end* „верхний конец“, то в английском языке можно наблюдать естественную тенденцию употреблять во всех случаях превосходную степень, например *whose blood is reddest, his or mine* (Шекспир); см. также „*Modern English Grammar*“, II, 7. 77. Эта тенденция полностью одержала верх в датском языке. Любопытно отметить, что в немецком употребляется форма, представляющая собой старую превосходную степень с добавлением окончания сравнительной степени: *ersterer*, точно так же и английский эквивалент *the former* „первый из упомянутых“ образован из древнеанглийской превосходной степени *forma* (= *primus*) и окончания сравнительной степени *-er*.

ОБОЗНАЧЕНИЕ МЕРЫ

При степенях неравенства часто выражается степень различия (удаления), например: *He is two years older than his brother* „Он на два года старше своего брата“; иногда с предлогом *by*; в латинском языке употребляется отложительный падеж, в немецком — *um* и т. д.

Таким образом, оказывается возможным объединить два типа сравнения в одном предложении: *She is as much better than her husband as champagne is better than beer* „Она настолько лучше своего мужа, насколько шампанское лучше пива“ (ср. *She is as superior to her husband as champagne is to beer*; *The distance between her and her husband is like that between* и т. д.).

Мера при сравнительной степени в некоторых случаях выражается формой *the*, развившейся из древнеанглийской формы творительного падежа *юу*. В следующих примерах *the* представляет собой указательное местоимение: I

¹ Ср. в финском языке: вопросительное местоимение *kumpi* „который из двух“ и относительное местоимение *joppi* „который из двух“ образованы и изменяются как формы сравнительной степени.

like him all the better on account of his shyness; That makes it all the worse; So much the better (в последних двух примерах, кроме the, которое воспринимается, вероятно, как лишнее значения вставное слово, мера выражается словами all и so much). Однако в предложении The more, the merrier „Чем больше, тем веселее“ и в других аналогичных выражениях первое the — относительное местоимение, а второе — указательное; первый элемент можно назвать детерминирующим, а второй — детерминируемым. Обычно в английском языке оба элемента строятся совершенно одинаково, и нет ничего, что бы указывало на то, какое из предложений является зависимым, а какое — главным: ср. The more he gets, the more he wants „Чем больше он получает, тем больше ему нужно“; но в датском и немецком языках (а раньше и в английском) порядок слов в таких случаях показывает, что первый элемент является детерминирующим, а второй — детерминируемым. Ср. Jo mere han får, des mere ønsker han и Je mehr er bekommt, desto mehr wünscht er. То же взаимоотношение между двумя элементами выражается иногда добавлением that после первого the: The nearer that he came, the more she fled (Марло).

В русской конструкции „чем...тем“ первое слово по форме является относительным, а второе — указательным местоимением в творительном падеже, обозначающим меру. Но во французском языке разница между двумя элементами с точки зрения формы столь же мала, как и в английском; там нет даже такого слова, как the: *Plus on est de fous, plus on rit*. Таким образом, грамматически эти элементы становятся равноправными еще больше, чем в английском языке; часто это проявляется в употреблении союза *et*, как между двумя самостоятельными предложениями: *Plus il a, et plus il désire*.¹

В английском (древнеанглийском) языке, а также и в русском, такая конструкция как будто выражает точную пропорциональность (*чем больше.., тем больше*); но на практике такой точной пропорциональности не существует, а поэтому единственным математическим выражением конструкции типа „Чем больше он читает книг, тем глупее он становится“ будет примерно формула:

$$\Gamma_{(n+1)} > \Gamma_{(n)},$$

где $\Gamma_{(n)}$ означает степень глупости после прочтения n-ного количества книг.

В большинстве случаев на первом месте стоит детерминирующий элемент; именно этот более или менее установившийся обычай делает возможным грамматический параллелизм между двумя элементами в английском и французском языках. Если порядок изменить на обратный, то во французском языке придется применить другие, более обстоятельные или более громоздкие конструкции: *La figure est d'autant plus admirable qu'elle est mieux proportionnée* (= *Mieux la figure est proportionnée, plus elle est admirable*); *Si la vie gyalise un plan, elle devra manifester une harmonie plus haute a mesure qu'elle avance, plus loin* (Бергсон). В английском же языке в таких случаях достаточно изменить лишь порядок слов, чтобы смысл стал ясным: *They liked the book the better, the more it made them cry* (Гольдсмит).

¹ Так же и в итальянском: *Ma più ti guardo, e più mi sento commuovere* (Серпао). Ср., с другой стороны: *Quanto più ti costa, tanto più devi parlare* (Джакоза). О более ранних конструкциях во французском языке с *que plus, quant plus* и т.п. см. Tobler, *Vermischte Beiträge zur französischen Grammatik*, изд. 3-е, Leipzig, 1921, 59 и сл.

Существует интересный подразряд конструкций пропорционального соответствия, в котором детерминирующий элемент является промежутком времени, но не выражен ясно как таковой. Различные языки в этом случае идут различными путями; для английского языка характерно повторение формы сравнительной степени, например: It grew *darker and darker* „Становилось *темнее и темнее*“ (= The longer it lasted, the darker it grew „Чем дольше это продолжалось, тем темнее становилось“); He became ‘*more and more impatient*’ „Он становился ‘*все более и более нетерпеливым*’ “. Подобным же образом обстоит дело в датском и в других языках. У поэтов первая сравнительная степень часто заменяется положительной степенью: and swift and swifter grew the vessel’s motion „и все быстрее становилось движение ладьи“ (Шелли). Другой способ выражения мы видим в предложении Her position was becoming *daily more insecure* „Ее положение становилось *с каждым днем* все более ненадежным“. Третий способ — с помощью *ever*: He spoke *ever more indistinctly* „Он говорил все неразборчивее“. В английском языке последний способ встречается сравнительно редко, но соответствующая формула обычно применяется в немецком: Es wurde immer dunkler; Er sprach immer weniger. Во французском языке этому соответствует конструкция de plus en plus (*de plus en plus obscur*; Il parait de moins en moins и т. п.). Мысль здесь заключается в том, что уже в самый первый момент было темнее, чем до этого, а затем стало еще темнее (но „еще“ не выражено).

ВТОРИЧНЫЕ И ТРЕТИЧНЫЕ СЛОВА

В подавляющем большинстве случаев сравниваются два первичных слова, например: John is older than Tom „Джон старше Тома“, This house is bigger than ours „Этот дом больше нашего“, I like claret better than beer „Я люблю бордо больше, чем пиво“. Однако иногда сравниваться могут два вторичных или третичных понятия („качества“), например: His speech was more eloquent than convincing „Его речь была больше красноречива, нежели убедительна“; He spoke more eloquently than convincingly. В английском языке здесь потребуется перифраз с *more*¹ (как и в датском и в немецком языках), тогда как в латинском употреблялась известная аналогичная конструкция, в которой как первое, так и второе прилагательное (наречие) стояло в форме сравнительной степени: *verior quam gratior*.

Также могут сравниваться и глаголы: He felt rather than saw her presence in the room „Он скорее почувствовал, чем заметил ее присутствие в комнате“. В сущности это скорее стилистическое, чем подлинное сравнение, и оно, собственно, означает: „Felt было бы более правильным выражением, чем saw“. Аналогичная мысль лежит в основе таких выражений, как This rather frightened him „Это скорее испугало его“. Второй член сравнения остается здесь невыраженным, но мысль будет следующая: „Frightened более подходящее выражение, чем любой другой глагол“. Далее мы приходим к таким выражениям, как There are some things which I *more than dislike* „Существуют

¹ Ср., однако, определение слова *oblong* „продолговатый“ в словаре: longer than broad; несколько отлично от этого: Aunt Sarah, *deaf* than deaf.

некоторые вещи, которые я *больше чем не люблю*“, где первый член также опущен: Dislike — слишком слабое выражение.

Глава XIX¹

ВРЕМЯ И ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ

Система девяти времен. Семь времен. Главные подразделения времени. Подчиненные подразделения времени. Экономия речи. Невременное употребление временных форм.

СИСТЕМА ДЕВЯТИ ВРЕМЕН

В настоящей главе будет идти речь о языковом выражении естественного (понятийного) времени и его подразделений. Во многих языках мы находим указания на время, которое выражено с помощью глагольных форм, так называемых „времен“ (tenses). Многим грамматистам это представляется настолько само собою разумеющимся, что они считают временные различия главной характерной чертой глаголов (отсюда немецкий термин *Zeitwort*). Однако существуют языки, не различающие времен в глаголе, и даже в английском языке, где они в целом различаются, есть такие глаголы, как *must* „должен“, *ought* „должен бы“, имеющие в современном языке всего только одно „время“. С другой стороны, время нередко выражается в других частях речи, и этот способ обозначения времени часто бывает более точным, чем всякое обозначение времени с помощью глагольных форм, например „3 февраля 1923 года, в 23 часа 23 минуты“.

Однако рассмотрим сначала те различия во времени, которые находят выражение в глаголах наиболее изученных языков. Прежде всего возникает вопрос: можно ли установить универсальную систему „времен“?

В „Латинской грамматике“ Мадвига мы находим следующую систему. То, что говорится, может либо непосредственно соотноситься с одним из трех главных времен — настоящим, прошедшим или будущим, — либо рассматриваться по отношению к какому-то определенному моменту (в прошедшем или будущем) как настоящее, прошедшее или будущее с точки зрения этого момента. В результате мы получаем следующие девять подразделений; я привожу их, сохраняя как термины Мадвига, так и его примеры; мной добавлены только цифры I, II, III и 1,2,3 для последующих ссылок.

	I praesens	II praeteritum	III futurum
	1. scribo	scripsi	scribam
in praeterito	2. scribebam	scripseram	scripturus eram (fui)

¹ Главы XIX и XX представляют собой переписанную заново, с иным расположением материала, в некоторых местах сокращенную, а в некоторых расширенную статью *Tid og tempus* в „Oversigt over det danske videnskabernes selskabs forhandling“, 1914, 367—420.

in futuro 3. scribam scripturus ero scripturus ero

Первая строка не имеет специального обозначения; в соответствии с другими ее следует назвать *in praesenti*.

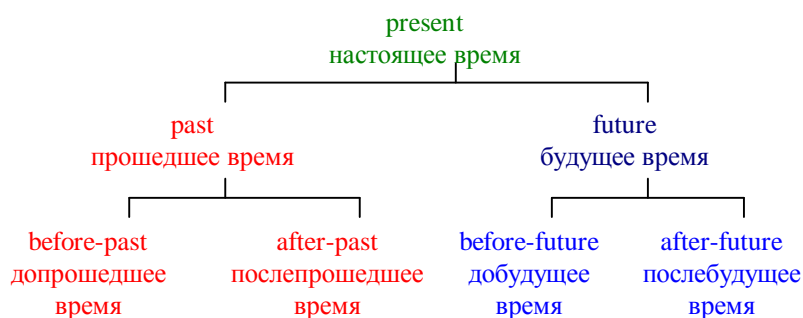
Очень близки к этому системы с тремя основными и тремя второстепенными временами, которые мы находим в других работах (Matzen, Kroman, Noreen; см. более подробную характеристику и критическую оценку этих систем в „*Tid og tempus*“, 374); они даются как чисто логические, без какого-либо учета того, как эти девять категорий выражаются в конкретных языках. Мадвиг же, по-видимому, рассматривал свою систему как эмпирическую, предназначенную только для латинского языка (в его „Греческом синтаксисе“ эта система не приводится; ему трудно было бы найти в ней место для аориста); однако даже и при описании латинских времен система Мадвига страдает определенными недостатками. *Scribam* у Мадвига помещено в двух местах — как *praesens in futuro* (I, 3) и как *futurum in praesenti* (III, 1), тогда как другие формы даются только один раз. В ряду III было бы естественно ожидать 1. *scripturus sum*, параллельно другим формам. Причина несоответствия заключается, по-видимому, в том, что *scripturus sum* имеет значение близкого будущего, а Мадвиг не хотел примешивать к своей системе элемент удаленности во времени. Однако это значение временной близости трудно отграничить от значения других сложных форм с *scripturus*, и в „Греческом синтаксисе“, § 116 Мадвиг употребляет термины *futurum in praesenti* и *futurum in praeterito* для сочетаний с *mellō* и *emellon*, которые по общему признанию имеют значение близости во времени; тот же элемент налицо и в третьем ряду у Кромана и Норейна. Если же, с другой стороны, этот элемент исключить, то не будет никакой необходимости различать *praesens in future* и *futurum in praesenti*. Эти две формы следует рассматривать как одну — в виде *scribam*; но тогда по аналогии нужно было бы также отождествить 1, 2 *praesens in praeterito* и II, I *praeteritum in praesenti*: различие между *scribebam* и *scripsi* не выражается с достаточной отчетливостью их местом в системе; так, например, *scripturus eram* и *scripturus fui* помещены у Мадвига в одно и то же место (III, 2). Эти две формы не являются синонимичными; они различаются между собой совершенно так же, как *scribebam* и *scripsi*. Однако их различие, к которому мы еще вернемся, не имеет никакого отношения к другим временным различиям, рассматриваемым в данной системе. Было бы лучше поэтому сократить количество временных форм с девяти до семи, соединив I, 2 и II, 1, а также I, 3 и III, 1.

СЕМЬ ВРЕМЕН

При попытке организовать эти семь подразделений в стройную систему мы прежде всего сталкиваемся с терминологическими трудностями. Было бы очень хорошо иметь при этом два комплекта терминов — один для понятийных или естественных подразделений, а другой — для грамматических (синтаксических) временных различий. В датском языке, а также в немецком очень удобно в первом случае применять исконные термины, а во втором — латинские; соответственно: *nutid*, *fortid*, *fremtid* (*Jetztzeit*, *Vorzeit*, *Zukunft*) — для главных подразделений реального времени и *praesens*, *praeterium*, *futurum* — для

трех глагольных времен. Однако в английском языке такой возможности нет, поскольку нет исконных (англосаксонских) слов, соответствующих словам present „настоящий“ и future „будущий“. Поэтому present и future приходится употреблять как для обозначения естественного времени, так и для обозначения грамматических времен (поскольку вряд ли можно опираться на такие различия, как present и praesens, future и futurum). Можно, впрочем, применять слово past „прошедший“ (past time) к понятийному прошедшему времени и употреблять слово preterit для обозначения соответствующего глагольного времени. Там, где это потребуется, в целях большей ясности, я буду различать present time „настоящее время“ и present tense „форма настоящего времени“ (= praesens), future time „будущее время“ и future tense „форма будущего времени“ (= futurum). Для второстепенных подразделений я предлагаю употреблять приставки before „до“ и after „после“, а для соответствующих синтаксических подразделений — приставки ante „до“ и post „после“ (например, before-past „допрошедшее время“, ante-preterit „форма допрошедшего времени“).

Далее возникает вопрос, как лучше всего расположить эти семь подразделений времени в таблице. Один из возможных способов заключается в расположении их в виде треугольника:

Однако такое расположение не является удовлетворительным; гораздо лучше расположить семь подразделений времени на прямой линии. Тогда, если употреблять громоздкие термины, напоминающие систему Мадвига, допрошедшее время, очевидно, будет „прошедшим в прошедшем“, а послепрошедшее — „будущим в прошедшем“; соответственно, добудущее время — это „прошедшее в будущем“, а послебудущее — „будущее в будущем“.

Таким образом, мы получаем систему, свободную от двух серьезных логических недостатков системы Мадвига: 1) тройного подразделения „сейчас“, которое как точка не имеет измерений и не может быть разделено, и 2) (что еще серьезнее) расположения времени в двухмерной системе, с 3 x 3 подразделениями. Без сомнения, мы вынуждены (исходя из самого существа времени или, во всяком случае, по необходимости нашего мышления) представлять себе дело так, что время имеет только одно измерение и, таким образом, может быть представлено в виде прямой линии.

Три главных подразделения времени, соответственно, должны быть расположены следующим образом:

A past
прошедшее время
время

B present
настоящее время

C future
будущее

Добавив промежуточные подразделения времени, мы получаем следующую схему, в которой понятийные термины помещены выше, а соответствующие грамматические термины ниже линии, изображающей течение времени:

A past прошедшее время				C future будущее время		
before-past допрошед- шее время	past прошедшее время	after-past послепроше- д-шее время	present настоящее время	before-future добудущее время	future будущее время	after-future послебуду- щее время
Aa	Ab	Ac	B	Ca	Cb	Cc
ante-preterit форма допрошед- шего времени	preterit форма прошед- шего времени	post-preterit форма послепро- шедшего времени	present форма настоя-щего времени	ante-future форма добуду- щегоо времени	future форма будущего времени	post-future форма послебуду- щегоо времени

Эта схема и буквы, указывающие на различные подразделения, иллюстрируют относительное значение каждого из семи подразделений времени; подчиненные подразделения времени ориентируются на какой-то момент в прошедшем (Ab) и в будущем времени (Cb), подобно тому как главные подразделения времени (A и C) ориентируются на настоящий момент (B).

Полученная таким образом система представляется неуязвимой с логической точки зрения, но, как мы увидим ниже, она не претендует на охват всех возможных подразделений времени и всех временных форм, которые реально существуют в различных языках¹. Мы должны теперь рассмотреть каждое из семи подразделений, начиная с главных и переходя к второстепенным, а затем установить, как они выражаются в различных языках.

ГЛАВНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ

(A) Простое прошедшее время. В английском языке ему соответствует одна временная форма, форма претерита, например wrote „написал“. В других языках мы находим две временные формы, например лат. scripsi, scribebam; о различии между ними см. ниже, стр. 321. В этих языках удаленность во времени от настоящего момента является совершенно

¹ До некоторой степени аналогичное расположение, где делается попытка охватить огромное множество различий, с моей точки зрения не имеющих ничего общего с простой прямой линией времени, находим у Шеффилда (A. D. Sheffield, Grammar and Thinking, New York, 1912, 131). Критику этой системы см. „Tid og Tempus“, 383 и сл.

несущественной, но некоторые языки имеют специальные формы претерита для отдаленного и близкого прошедшего времени. Последнее во французском языке выражается с помощью описательной конструкции (перифразы) *je viens d'yscire*.

Среди различных способов выражения простого прошедшего времени необходимо упомянуть здесь так называемое историческое настоящее время, которое было бы лучше именовать неисторическим или, основываясь на попутном замечании Бругмана, драматическим настоящим временем. Говорящий при этом отвлекается от истории и рассматривает то, что случилось в прошлом, так, как если бы это происходило в настоящее время у него на глазах. Согласно Норейну, оно создает своего рода художественную иллюзию. Однако каким бы художественным приемом драматическое настоящее время ни являлось, не следует думать, что по своему происхождению оно не связано с народным языком; стоит только послушать, каким образом люди самого невысокого общественного положения рассказывают о том, что они видели, чтобы убедиться, как естественна и даже неизбежна эта форма. И все же Суит полагает, что она возникла в английском языке под влиянием французской и латинской литературной традиции, а в исландские саги, где она встречается очень часто, проникла из ирландского языка („*Philol. Soc. Proceedings*“, 1885—1887, стр. xlv; „*New English Grammar*“, § 228). Эйненкель и другие объясняют употребление исторического настоящего времени в среднеанглийский период влиянием старофранцузского языка. Однако в среднеанглийский период оно встречается особенно часто в народной поэзии, где иноязычное влияние синтаксического характера является в высшей степени невероятным. Если такое настоящее время не встречается или редко встречается в древнеанглийских памятниках, то это, я думаю, объясняется тем, что древнеанглийской литературе не присуще такое живое прозаическое повествование, которым славится Исландия. В целом же драматическое настоящее время принадлежит к таким разрядам повседневных выражений, которые сравнительно поздно появились в письменной речи, поскольку считалось, что они недостойны литературного языка. Драматическое настоящее время ни разу не встречается у Гомера, но часто используется Геродотом. Дельбрюк, конечно, прав, утверждая, что оно является, „несомненно, древненародным“ (*gewiЯ uraltvolkstymlich*; „*Synt.*“, 2. 261).

(В) Простое настоящее время. Для выражения его языки, имеющие временные различия в системе глагола, употребляют обычно форму настоящего времени (*praesens*).

Но что такое настоящее время? Теоретически — это точка, не имеющая никакой длительности, подобно тому как точка в теоретической геометрии не имеет измерений. Настоящий момент, „сейчас“ — это только текущая граница между прошедшим и будущим, она все время движется „вправо“ по линии, изображенной на схеме. Однако на практике „сейчас“ означает промежуток времени со значительной длительностью, которая сильно меняется в зависимости от обстоятельств; ср. такие предложения, как: *He is hungry* „Он голоден“, *He is ill* „Он болен“, *He is dead* „Он мертв“. Здесь наблюдается то же, что происходит с соответствующим пространственным словом *here* „здесь“, которое в зависимости от обстоятельств имеет самое различное значение („в этой комнате“, „в этом доме“, „в этом городе“, „в этой стране“, „в Европе“, „в этом мире“), и со

словом *we* „мы“, которое может охватывать разное количество лиц, кроме говорящего.

При этом требуется только одно, чтобы в случае с *here* было включено место, где находится говорящий, а в случае *we* — сам говорящий. Что касается формы настоящего времени (*praesens*), то, по-видимому, во всех языках необходимо лишь включение теоретического нулевого пункта (пункта „сейчас“ в строгом смысле) в период, обозначаемый данной формой. Это определение приложимо к случаям типа: *He lives at number 7* „Он живет в номере 7“; *Knives are sharp* „Ножи острые“; *Lead is heavy* „Свинец тяжел“; *Water boils at 100 degrees Celsius* „Вода кипит при 100 градусах Цельсия“; *Twice four is eight* „Дважды четыре — восемь“.

В отношении подобных „вечных истин“ иногда (ошибочно) утверждалось, что наши языки часто грешат против них, поскольку они будто бы излагают их только в применении к настоящему времени и не имеют средств выразить то, что в равной степени они были в силе в прошедшем и будут в силе в будущем. Однако последнее замечание теряет свою остроту, если учесть, что большинство наших высказываний о настоящем времени (или даже все) неизбежно затрагивает прошедшее и будущее. Если принять данное выше определение „настоящего времени“, оно будет приложимо даже к таким повторяющимся действиям, как приведенные ниже: *I get up every morning at seven* „Я встаю каждое утро в семь часов“ (даже если это говорится вечером)¹; *The train starts at 8.32* „Поезд отходит в 8.32“; *The steamer leaves every Tuesday, in winter, but in summer both on Tuesdays and Fridays* „Зимой пароход отправляется каждый вторник, а летом по вторникам и пятницам“. В последнем предложении настоящий момент оказывается растянутым в пределах определенного периода, поскольку высказывание касается существующего расписания, действительного и для текущего года, и для нескольких прошлых, а также, вероятно, и для ближайших лет.

Это толкование представляется мне более убедительным, чем толкование, предлагаемое Суитом, который пишет („*New English Grammar*“, § 289), что «для таких утверждений (например: *The sun rises in the east* „Солнце восходит на востоке“, *Platinum is the heaviest metal* „Платина самый тяжелый металл“) лучше всего подходит настоящее время, поскольку оно само по себе является самым неопределенным из времен»; — почему неопределенным? Еще меньше оснований называть такие предложения „вневременными“ (*zeitlos*), как это часто делается². Было бы лучше усматривать в данном случае обобщенное время, точно так же как мы рассматривали выше обобщенное число и обобщенное лицо. Если для таких суждений обычно употребляется форма настоящего времени, это имеет целью показать, что они действительны для настоящего времени. Однако иногда могут употребляться и другие временные

¹ Если мы обозначим каждое действие вставания (в семь часов) точкой, а настоящий момент нулем, мы получим следующую схему, показывающую, что условие, при котором можно употреблять форму настоящего времени, здесь соблюдено:

..... 0 и т. д.

² Брюно говорит: «В предложении *La terre tourne autour du soleil* „Земля вращается вокруг солнца“ обозначено действие вне времени» («*présente une action située hors du temps*» — *V r u n o t, La pensée et la langue*, 210; «*Les actions situées hors du temps s'expriment au présent*» (там же, 788).

формы: мы знаем так называемый „гномический претерит“, например в шекспировском *Men were deceivers ever* „Мужчины всегда были обманщиками“ (ср. греческий гномический аорист) — своего рода стилистический прием, направленный на то, чтобы сам слушатель мог сделать вывод; то, что было справедливо до сих пор, справедливо сейчас и будет справедливым вечно. С другой стороны, в следующем французском примере в „гномическом“ значении употребляется форма будущего времени: *Rira bien qui rira le dernier* „Хорошо будет смеяться тот, кто будет смеяться последним“, которому в других языках соответствуют пословицы с формой настоящего времени; во французском языке здесь употребляется форма будущего времени, потому что эту пословицу приводят чаще всего тогда, когда говорящий хочет предупредить лицо, смеющееся в данный момент, что сам он будет смеяться позже и это будет лучше.¹

(С) Простое будущее время. Легко понять, что способы выражения будущего времени менее определены и менее разработаны в наших языках, чем способы выражения прошедшего: мы знаем о будущем меньше, чем о прошедшем, а поэтому нам приходится говорить о нем в более неопределенных выражениях. Многие языки вообще не имеют формы будущего времени в точном смысле этого слова, а некоторые языки даже отказались от формы будущего времени, которая ранее существовала, и заменили ее описательными конструкциями. Я даю обзор способов, которые применяются различными языками при образовании форм для выражения будущего времени:

1) В значении будущего употребляется форма настоящего времени. Такое употребление применяется особенно тогда, когда в предложении есть точное обозначение времени в виде субъюнкта и когда удаленность во времени от настоящего момента небольшая: ср. *I dine with my uncle to-nighl* „Я сегодня обедаю у дяди“. Степень распространения такого употребления настоящей времени различна в разных языках; чаще всего оно встречается с глаголами, обозначающими передвижение в пространстве: *I start to-morrow* „Я уезжаю завтра“; *Ich reise morgen ab, Jeg rejser imorgen; Je pars demain; Parto domani* и т. п.; гр. *eomi* „иду“ почти всегда означает „пойду“. Форма настоящего времени также широко употребляется в придаточных предложениях, которые начинаются союзами *when* „когда“ и *if* „если“: *I shall mention it when I see him (if I see him)* „Я скажу об этом, когда я его увижу (если я его увижу)“; во французском языке с *si*: *Je le dirai si je le vois*, но не с *quand*: *quand je le verrai*.

2) Воля. Как англ. *will*, так и дат. *vil* до некоторой степени сохраняют свое прежнее значение воли, а поэтому англ. *will go* „пойду“ нельзя считать чистой формой будущего времени, хотя оно и приближается к этой функции. Особенно ясно это видно в тех случаях, когда оно применяется к явлениям природы: *It will certainly rain before night* „К ночи, безусловно, пойдет дождь“. Наблюдается также растущая тенденция употреблять *(wi)ll* в 1-м лице вместо *shall*: ср. *I'm afraid I'll die soon* „Я боюсь, что скоро умру“ (особенно в шотландском и американском), что в еще большей степени превращает *will* во

¹ Возможно обобщенное прошедшее время: *Last year the early morning train started at 6.15* „В прошлом году утренний поезд отправлялся в 6.15“. У нас нет возможности рассмотреть такие интересные случаи употребления настоящего времени, как *I hear (I see in the papers) that the Prime Minister is ill; I come to bury Caesar, not to praise him* и т. п.

вспомогательный глагол будущего времени. В немецком языке *wollen* приходится употреблять в конструкциях типа *Es scheint regnen zu wollen*, поскольку обычный вспомогательный глагол *werden* нельзя употребить в форме инфинитива. Будущее время выражается глаголом, обозначающим волю; также в румынском языке — *Voiu canta* „Я буду петь“; ср. также встречающиеся иногда в итальянском сочетания типа *Vuol piovere* (*Rovetta, Moglie di Sua Eccel.*, 155). В современном греческом языке понятие воли в сочетаниях с *tha*, по-видимому, полностью стерлось: *tha graphō* и *tha grapsō* „буду писать“ или „напишу“; *tha*, прежде *thēna*, образовано от 3-го лица *thē = thelei* + *na* „чтобы“ из *hina* и теперь стало чисто временной частицей¹.

3) Мысль, намерение. Др.-исл. тип. Этот случай трудно отграничить от предыдущего.

4) Долженствование. Таково было первоначальное значение др.-англ. *sceal*, теперь *shall*, голл. *zai*. В английском языке значение долженствования почти исчезло, но употребление этого вспомогательного глагола ограничено 1-м лицом в утвердительных предложениях и 2-м лицом в вопросительных, хотя в некоторых типах придаточных предложений оно употребляется для всех трех лиц². Значение долженствования первоначально сохранялось и в романской форме, развившейся из *scribere-habeo* „имею писать“, но теперь это форма чисто будущего времени: ит. *scrivert*; франц. *йcritrai* и т. д. Сюда же можно отнести и англ. *is to* в предложении: *He is to start to-morrow* „Он собирается ехать завтра“.

5) Движение. Глаголы со значением „ходить“, „приходить“ и т. п. часто употребляются для выражения будущности, как во франц. *Je vais йcrire*, обозначающем близкое будущее, англ. *I am going to write* „Я собираюсь писать“, которое иногда, но отнюдь не всегда, имеет тот же оттенок близкого будущего, и, наконец, без такого оттенка, в швед. *Jag kommer att skriva*, франц. *quand je viendrai à mourir*; англ. *I wish that you may come to be ashamed of what you have done; They may get to know it.* (Но дат. *Jeg kommer til at skrive* означает либо случайное, либо необходимое действие: или „Мне случилось написать“, или „Я должен написать“.)

6) Возможность. С англ. *may* часто связывается неясный оттенок будущности: *This may end in disaster* „Это может окончиться катастрофой“. Здесь же следует упомянуть и такие случаи, где первоначальное настоящее время сослагательного наклонения стало формой будущего времени: ср. лат. *scribam*.

7) Есть и другие пути развития способов выражения будущности. Нем. *ich werde schreiben* „я буду писать“, по мнению некоторых исследователей, возникло из причастной конструкции *ich werde schreibend*, однако это объяснение признается не всеми; его нет и у Пауля („*Deutsche Grammatik*“, 4.

¹ В ит. *Sta par partire* „Он собирается уезжать“ понятие будущности обусловлено, по-видимому, предлогом *per*, имеющим значение намерения („для того чтобы“); ср. также *La bottega и per chiudersi* „Магазин собираются закрывать“.

² В немецком языке в качестве вспомогательного глагола будущего времени употребляется иногда *sollen*: *Es handelt sich hierbei freilich meist um Dinge, die erst werden sollen* (Бернгарди), где *werden werden* было бы, конечно, громоздко. Во французском: *L'ouvrage semble devoir йtre tris complet et grйcis* (Н у с h o n, *Histoire de la langue anglaise*, vii; автор говорит о труде, первый выпуск которого он видел); *devoir йtre* заменяет отсутствующий инфинитив будущего времени = *sera, а ce qu'il semble*.

127 и 148), где вообще трактовка будущего времени весьма неудовлетворительна. Греческая форма будущего времени на -sō (leipsō и т. п.), как утверждают, первоначально выражала желание.

Понятийный императив обязательно имеет отношение к будущему времени. Там, где в императиве есть две временные формы, (как в латинском языке), обе они в действительности относятся к будущему времени; так называемый императив настоящего времени относится либо к ближайшему будущему, либо к какому-нибудь неопределенному промежутку времени в будущем, а так называемый императив будущего времени употребляется главным образом для какого-нибудь специально обозначенного времени. „Перфектный императив“ также относится к будущему времени, а употребление перфекта является стилистическим приемом, который показывает, насколько быстро говорящий требует исполнения своего приказа: *Be gone!* Когда мы говорим *Have done!*, мы, по существу, имеем в виду „Прекрати немедленно!“ или „Не продолжай!“, но это может быть выражено и, так сказать, „окольным путем“: „Пусть то, что ты уже сделал (сказал), будет достаточным“.

ПОДЧИНЕННЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ

Теперь мы переходим к рассмотрению подчиненных подразделений времени, т. е. моментов, предшествующих другому моменту или следующих за другим моментом (в прошедшем или будущем), который может быть либо упомянут, либо подразумеваться в соответствующем предложении.

(Аа). До прошедшее время. Потребность в его обозначении встречается настолько часто, что многие языки выработали для этого специальные формы: форму перфекта прошедшего времени (*ante-preterit*, *pluperfect*, *past perfect*), либо простую, как лат. *scripseram*, либо описательную, как англ. *had written* и соответствующие формы в других германских и в романских языках. В древнеанглийском языке допрошедшее время часто выражалось при помощи простой формы прошедшего времени в сочетании с наречием *жг*: *южт юе he жг сжде* „то, что он раньше сказал“.

Взаимоотношение между двумя „временами“ — простым прошедшим и допрошедшим — можно графически представить так (линия обозначает время, которое потребовалось на написание письма, а с — время его прихода):

I had written the letter before he came = *He came after I had written the letter*
„Я написал письмо до того, как он пришел“ = „Он пришел после того, как я написал письмо“: — с.

He came before I had written the letter = либо *I finished writing the letter after he had come*, либо *I wrote the letter after he had come* „Он пришел перед тем, как я написал письмо“ = либо „Я кончил писать письмо после того, как он пришел“, либо „Я написал письмо после того, как он пришел“: -Т- или с —.

с

(Ас). После прошедшее время. Я не знаю ни одного языка, который обладал бы простой временной формой для выражения этого понятия. Обычно оно выражается глаголом со значением предначертания или долженствования; в английском языке чаще всего — *was to*: *Next year she gave*

birth to a son who *was to cause her great anxiety* „На следующий год у нее родился сын, которому *предстояло причинить ей много беспокойства*“, It was Monday night. On Wednesday morning Monmouth *was to die* (Маколей); He *was not destined to arrive* there as soon as he had hoped to do (Кингли). Точно так же в других языках: дат. Næste år fødte hun en søn som skulde volde hende store bekymringer; нем. Im nächsten Jahre gebar sie einen Sohn, der ihr große Bekümmernis *verursachen sollte*; франц. Quand Jacques donna à l'électeur Frédéric sa fille qui *devait être* la tige des rois actuels d'Angleterre (Jusserand); Je ne prévoyais point tous les malheurs qui *allaient nous frapper* coup sur coup (Сарсе). Иногда во французском языке употребляется форма будущего времени, которая соответствует драматическому настоящему: Irrité de l'obstination de Biron et voulant donner à la noblesse un de ces exemples que Richelieu *multipliera*, Henri IV *laissa exécuter* la sentence. Гр. *tēn hodon hēi de emellen ernoi kaka kēde' esesthai* (Одиссея, 6. 165: „По пути, на котором мне должны были встретиться бедствия“; ср. там же, 7. 270; 8. 510).¹

(Са). Д о б у д у щ е е в р е м я. Соответствующая временнбя форма обычно называется *futurum exactum* или *future perfect*. Лат. *scripsero* в современных языках передается обычно описательно: I shall have written „Я уже напишу“ (he will have written), er wird geschrieben haben, il aura écrit и т. д. В датском языке момент будущности обычно остается невыраженным: Hvis du kommer klokken 7, *har han skrevet* brevet (... *har vi spist*, ... *er solen geet ned*). Точно так же в английском и в немецком после временных союзов: I shall be glad when her marriage *has taken place* „Я буду радоваться, когда ее свадьба *состоится*“, Ich werde froh sein, wenn die Hochzeit *stattgefunden hat*.

Здесь можно, как в пункте Аа, дать графическое изображение временных отношений:

I shall have written the letter before he comes = he will come after I have written (shall have written) the letter: — с.

He will come before I (shall) have written the letter = либо I shall finish writing the letter after he has come, либо I shall write the letter after he has come: -Т- или с —.

с

(Сс). П о с л е б у д у щ е е в р е м я. Оно представляет главным образом теоретический интерес, и я очень сомневаюсь, чтобы такие формы, как I shall be going to write „Я буду собираться писать“ (что означает близость во времени к главному будущему времени) или лат. *scripturus* его, встречались часто. Мадвиг приводит пример из Цицерона: *Orator eorum, apud quos aliquid aget aut acturus erit, mentes sensusque degustet oportet*, но ясно, что здесь форма будущего времени *aget*, которая влечет за собой послебудущее время, в действительности представляет собой обобщенное настоящее, выраженное формой будущего времени под влиянием *oportet* „(Теперь и всегда) долг оратора — учитывать тех, перед кем он говорит или будет говорить (собирается говорить)“. Вообще же надо сказать, что естественное выражение того, что будет предстоять в какой-то момент в будущем, часто встречается в отрицательных предложениях:

¹ Употребление формы *came* в следующей цитате из Диккенса следует сопоставить с С, п. 5, стр. 305: *the influence for all good which she came to exercise over me at a later time...*

If you come at seven, *we shall not yet have dined* „Если ты придешь в семь часов, мы еще не пообедаем“ (... *the sun will not yet have set*); Si tu viens a sept heures, nous n'aurons pas encore dîné (le soleil ne se sera pas encore couché).

В датском языке момент будущности обычно остается невыраженным: Hvis du kommer kl. 7, *har vi ikke spist endnu* (... *er solen ikke geet ned endnu*).¹

ЭКОНОМИЯ РЕЧИ

Языки различаются между собой в смысле экономии при употреблении временных форм так же, как и в других отношениях. Те языки, в которых возможны предложения типа I start to-morrow „Я уезжаю завтра“, для выражения будущего времени употребляют только один показатель (наречие); другие требуют от говорящего употребления двух показателей, например: Cras ibo (= англ. I shall start to-morrow). Подобная же экономия выражения наблюдается и в случае англ. my old friend's father „отец моего старого друга“, где налицо только один показатель родительного падежа (ср. лат. pater veteris mei amici), или в случае ten trout „десять форелей“ (ср. англ. ten men „десять человек“ и лат. decern viri). Латинский язык часто превозносят за логичность в таких вопросах. Например, Вайзе пишет: „Здравый смысл наделил римлянина особыми способностями к точному различению понятий, остроте выражения, ясности и прозрачности речи... Образованный римлянин болезненно скрупулезен в обозначении времени: „Ich werde kommen, wenn ich kann“ звучит у него *Veniam, si potero*; „Wie du sdest, sowirst du ernten“ — *Ut sementem feceris, ita metes*; „So oft er fiel, stand er auf“ — *Cum ceciderat, surgebat*“. Английский и датский языки сходны в этом отношении с немецким. Однако следует помнить, что нельзя считать нелогичным, когда в языке не обозначено само собой разумеющееся понятие: ситуация и контекст подсказывают многое из того, что строгий логик при педантичном анализе предпочел бы видеть выраженным. Не следует забывать, что и латинский язык в некоторых других случаях характеризуется большей экономией. Postquam urbem liquit: здесь допрошедшее время выражено сочетанием postquam („до того как“) и liquit (форма прошедшего времени); в английском языке возможно и более краткое, и более обстоятельное выражение: after he left the town „после того как он уехал из города“ или after he had left „после того как он уехал“; в датском и немецком требуется двойное выражение: efterat han havde forladt byen; nachdem er die Stadt verlassen hatte. Латинский язык также проявляет экономию в опущении показателя прошедшего времени в предложении Hoc dum narrat, forte audivi „в то время как она это рассказывала, мне случилось услышать ее“. В следующем шекспировском предложении достигается экономия в двух показателях (относительного) времени: „Our vizards wee will change after we *leave* them“ (= after we shall have left them, Ca); ср. также: You must leave the house before more harm is done (= shall have been done). Такое опущение показателей времени особенно часто встречается после временных и условных союзов; обратите внимание на различие двух предложений с when: We do not know when he will

¹ Понятно, что в случае (To-morrow he will go to Liverpool, and) not long after that he will sail for America налицо не послебудущее, а простое будущее время.

come, but when he comes he will not find us ungrateful „Мы не знаем, когда он придет, но когда он придет, он не найдет нас неблагодарными“: первое when является вопросительным, а второе представляет собой относительное наречие или союз. Во французском языке при quand в обоих случаях стояло бы il viendra, но когда мы подставим „если“, конструкция уподобится английской: Nous ne savons pas s'il viendra, mais s'il vient il ne nous trouvera pas ingrats.

НЕВРЕМЕННУЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ

То, что обычно является грамматическим показателем временных отношений, может иногда употребляться для выражения других понятий. Так, например, будущее время часто употребляется для выражения предположения или догадки, относящейся к настоящему времени: il dormira déjà = he will already be asleep = er wird schon schlafen „Я думаю, что он уже спит“; точно так же: il l'aura vu = he will have seen it = er wird es gesehen haben „Он, вероятно, это видел“. Совершенно справедливо, что по отношению к будущему времени мы не можем высказывать никаких утверждений, кроме предположений и догадок; здесь эта истина лингвистически перевернута наизнанку, как будто будущность и предположительность — одно и то же. Или, может быть, значение этой конструкции следующее: „Окажется (когда-нибудь в будущем), что он уже (в данный момент) спит“, подобно тому как глагол hope „надеяться“, подразумевающий будущность, может сочетаться с придаточным предложением, в котором глагол стоит в настоящем времени или перфекте: I hope he is already asleep „Я надеюсь, что он уже спит“, I hope he has paid his bill „Я надеюсь, что он уже заплатил по счету“, т. е. впоследствии окажется, что он сейчас уже спит (заплатил по счету).

Самым важным случаем невременного употребления форм прошедшего времени (претерита) является выражение нереальности или невозможности. Такое употребление мы находим в предложениях, выражающих желание, и в условных предложениях. Если мы хотим установить логическую связь между этим употреблением и нормальным временным употреблением претерита, мы можем сказать: связующее звено здесь заключается в том, что во всех этих случаях что-то отрицается в отношении настоящей времени: At that time he had money enough „В то время у него было достаточно денег“, I wish he had money enough „Я хотел бы, чтобы у него было достаточно денег“ и If he had money enough „Если бы у него было достаточно денег“ — все эти предложения, каждое по-своему, противоположны предложению He has money enough „У него достаточно денег“.

Предложение I wish he had money enough формой претерита выражает желание, относящееся к настоящему времени, и в то же время его невозможность и нереальность („К сожалению, у него нет достаточно денег“); точно так же форма допрошедшего времени в предложении I wish he had had money enough выражает желание, относящееся к какому-то прошедшему периоду, и в то же время отрицает наличие достаточного количества денег в то время. Но по отношению к будущему времени, как правило, невозможно отрицать что-нибудь так категорически, а поэтому соответствующий сдвиг временных форм (would вместо will) выражает лишь известную неуверенность в

осуществлении действия: I wish he would send the money to-morrow „Я желал бы, чтобы он послал деньги завтра“, но I hope he will send the money to-morrow выражает желание, ничего не говоря о вероятности его осуществления.

В условных предложениях мы наблюдаем те же сдвиги: if he had money enough относится к настоящему времени и отрицает факт наличия у него денег; if he had had money enough относится к прошедшему времени и отрицает наличие денег в то время; if he should have money enough относится к будущему времени, но не отрицает наличие денег, а лишь оставляет неясным вопрос о том, получит он деньги или нет. Однако последняя форма может употребляться также для выражения сомнения в настоящем времени: if he should be innocent „если он невиновен“, означающее, пожалуй, в большинстве случаев „если окажется (в будущем), что он невиновен (сейчас)“ и т. п. Если речь идет о будущем времени, можно употребить также форму простого прошедшего (без should): It would be a pity if he missed the boat to-morrow „Было бы жаль, если бы он завтра опоздал на пароход“¹.

Иногда, особенно в разговорной речи, встречается еще больший сдвиг, при котором форма допрошедшего времени употребляется не только в отношении прошедшего, но и в отношении настоящего времени для того, чтобы только подчеркнуть нереальность, безотносительно ко времени. Например, можно сказать: If I had had money enough (в настоящий момент), I would have paid you и I wish I had had money enough (сейчас) to pay you.

Интересно отметить также, что употребление формы прошедшего времени для выражения нереальности в настоящем приводит к тому, что эта форма может употребляться применительно к будущему, например: It is high time the boy went to bed „Давно пора ребенку идти спать“.

В конструкциях со значением желанья и условия нереальность и невозможность сначала не выражались сдвигом времен как таковым; требовался также сдвиг наклонений — переход от изъявительного к сослагательному, что наблюдается до сих пор в немецком языке. Но в датском языке в прошедшем (и допрошедшем) времени не существует никакого формального различия между наклонениями, так что изменение значения зависит целиком от формы времени. То же наблюдается и в английском языке в 99% случаев, так как прежняя форма сослагательного наклонения прошедшего времени совпадает с формой изъявительного наклонения прошедшего времени, кроме единственного числа глагола be „быть“, где до сих пор различаются was и were. Легко понять в связи с этим, что инстинктивное чувство различия между этими двумя формами не может быть достаточно живым, чтобы помешать употреблению was там, где несколько столетий назад требовалось were. Приблизительно с 1700 г. was употребляется в таких позициях все чаще: I wish he was present to hear you (Дефо); A murder behind the scenes will affect the audience with greater terror than if it was acted before their eyes (Фильдинг). В литературном языке в недавнее время наблюдалась реакция в пользу were, которое предпочитается большинством учителей; однако в разговорной речи were употребляется сравнительно редко, за исключением выражения if I were you

¹ Сдвиг времен наблюдается и в тех случаях, когда гипотетический характер придаточного предложения не выражен отчетливо с помощью союза типа if „если“: Fancy your wife attached to a mother who *dropped her h's* (Теккерей).

„если бы я был на вашем месте“; кроме того, следует заметить, что *was* значительно эмфатичнее, чем *were*, а поэтому оно, так сказать, лучше выражает невозможность, чем старая форма сослагательного наклонения: *I am not rich. I wish I was* „Я не богат. Я желал бы быть богатым“; *I am ill. If I wasn't, I should come with you* „Я болен. Если бы я не был болен, я пошел бы с вами“ — так часто бывает в отрицательной форме. Ср. также *if he were to call* со слабым *were*, смутно выражающее будущую возможность, и *if he was to call* с сильным *was*, отрицающее то, что выражается предложением *he is to call*; *is to* здесь почти синонимично *has to, is bound to*: *If I was to open my heart to you, I could show you strange sights* (Каупер); *If I was to be shot for it I couldn't* (Шоу).

Во французском языке мы находим соответствующее употребление форм прошедшего и допрошедшего времени в условных предложениях; здесь изъявительное наклонение также вытеснило сослагательное, хотя формы этих наклонений различались во французском языке больше, чем в английском и датском:

S'il avail assez d'argent, il payerait, первоначально — *s'il еыт ...*¹

Я говорил здесь только о временных формах в условном (придаточном) предложении, но первоначально те же правила относились и к главному предложению условного периода; так, мы находим: *But if my father had not scanted me ... Yourselfe, renowned Prince, than stood as faire As any commer* (Шекспир); *She were an excellent wife for Benedick* (Шекспир). Соответственно и в допрошедшем: *If thou hadst bene here, my brother had not died* (Перевод Библии, 1611 г.). Однако, подобно тому как существует сильная тенденция яснее выражать будущее время в главных предложениях, чем в придаточных (это достигается в английском языке употреблением *will* или *shall*), так и здесь более краткий способ выражения в главных предложениях условного периода был заменен более полным с глаголами *should* и *would*: *you would stand; she would be; my brother would not have died* и т. п. *Could* и *might* в главных предложениях употребляются по-старому, поскольку эти глаголы не имеют формы инфинитива, а поэтому не могут сочетаться с *should* и *would*, например: *How could I be angry with you? He might stay if he liked*. Во французском языке наблюдается аналогичное явление: *Il vont (venait)* в главном предложении условного периода было вытеснено формой *il viendrait*, которая первоначально имела значение долженствования в прошлом („он должен был прийти“), но теперь употребляется главным образом в качестве наклонения, которое принято называть „условным“ (*le conditionnel*), например: *S'il pouvait, il viendrait*. Точно так же в прошедшем: *Mon frere ne serait pas mort, s'il l'avait su*.

Особым применением формы прошедшего времени нереальности являются случаи употребления *should* и *ought* для выражения долженствования, долга и т. п. в настоящем времени и случаи употребления с оттенком смягчения формы *could* вместо *can* (*Could you tell me the right time*), *would* вместо *will* (*Would you kindly tell me...*) и *might* вместо *may* (*Might I ask...*). Это привело к превращению *must* из формы прошедшего времени в форму настоящего

¹ Для случаев выражения нереальности с помощью формы прошедшего времени изъявительного наклонения иногда употребляются термины „модальное прошедшее время“ (*modal past tense*, Оксфордский словарь) и „время-наклонение“ (*tense-mood*, Суит); однако эти термины представляются неудачными, так как наклонения не имеют определенных понятийных значений; во всяком случае, из термина неясно, какое наклонение заменяет данная временная форма.

времени; ср. также швед. *meste*. Более обстоятельное рассмотрение является делом специальных грамматик.

Глава XX

ВРЕМЯ И ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ (Окончание)

Перфект. Инклюзивное время. Временные формы страдательного залога. Аорист и имперфект. Английские расширенные временные формы. Термины для временных форм. Временные отношения у существительных (включая инфинитив). Вид.

ПЕРФЕКТ

Система временных форм, изложенная выше, вероятно, вызовет следующее возражение: она не отводит места перфекту (*have written, habe geschrieben, ai йcrit* и т. п.), одной из двух сторон лат. *scripsi*, по латинской терминологии — *perfectum absolutum* или „определенный перфект“. Однако в действительности это не является недостатком системы: перфект не может найти себе места в данной простой системе, так как, помимо временного момента, он выражает результативность. Это настоящее время, но настоящее время сохранения (*permansive present*): перфект представляет нынешнее состояние как результат прошлых событий, а поэтому его можно назвать ретроспективной разновидностью настоящего времени. Что это разновидность настоящего, а не прошедшего времени, подтверждается возможностью его сочетания с наречием *now* „теперь“: *Now I have eaten enough* „Теперь я достаточно поел“; *He has become mad* „Он сошел с ума“ означает, что он теперь сумасшедший, тогда как *He became mad* ничего не говорит о его теперешнем состоянии. *Have you written the letter?* — это вопрос, относящийся к настоящему времени, а *Did you write the letter?* — вопрос, относящийся к определенному времени в прошлом. Заметьте также различие в выборе формы времени в придаточном предложении: *He has given orders that all spies are to be shot at once* „Он отдал приказ, чтобы всех шпионов расстреливали немедленно“, но *He gave orders that all spies were to be shot at once*. Перфект можно изобразить как *VA* или как *V(A)*, где буквы *A* и *V* употреблены в смысле, принятом на стр. 300.

Весьма вероятно, что древний индоевропейский перфект был первоначально интенсивным или „пермансивным“ настоящим временем; эту точку зрения очень убедительно отстаивает Сараув (*S a r a u w, Festschrift Vilh. Thomsen, 1912, стр. 60*): «„Перфект вначале обозначал состояние: *odi* „ненавижу“, *memini* „помню“, *hestēka* „стою“, *kektēmai* „обладаю“, *kekeutha* „содержу“, „вмещаю“, *heimai* „ношу“ (одежду), *oida* „имею перед глазами“. Перфектное значение — производное и основано на умозаключении: „если обладает, значит приобрел“, „если носит, значит надел“».

Две стороны значения перфекта трудно удержать в состоянии устойчивого равновесия. Некоторые из старых перфектных форм

употребляются только в смысле настоящего времени, например лат. *odi, memini*; в германских языках в этом смысле употребляются так называемые претерито-презентные глаголы, которые было бы лучше именовать перфектно-презентными¹, например: англ. *can* „могу“, *may* „могу“, гот. *wait* „знаю“, соответствующее гр. *oída*, др.-исл. *veit*, др.-англ. *wat*, устарелое англ. *wot* и т. д. Однако другие формы древнего перфекта в германских языках утратили значение настоящего времени и превратились в формы чистого прошедшего времени, например: англ. *drove* „ехал“, *sang* „пел“, *held* „держал“ и т. п. Для выражения же перфектного значения были образованы сложные формы с *have*: *I have driven, sung, held* и т. п. В недавнее время одно из таких сочетаний стало целиком формой настоящего времени (т. е. новым перфектно-презентным глаголом): *I've got no time* „У меня нет времени“, *You've got to do it* „Вы должны это сделать“².

Латинский перфект, возникший в результате слияния старого перфекта и старого аориста³, сочетает синтаксические функции обеих временных форм. У романских глаголов, однако, мы наблюдаем то же развитие, что и у большинства германских: старые формы перфекта утрачивают свою перфектную функцию и становятся формами прошедшего времени, с тем лишь отличием от германских глаголов, что они представляют собой аорист (теперь их называют *passif défini, passif historique* „прошедшее историческое“), поскольку бок о бок с ними существуют формы имперфекта (см. ниже). Подлинный перфект в романских языках, как и в германских, выражается описательной конструкцией: *ho scritto, ai iscrit* и т. п. (о глаголе „иметь“ в качестве компонента перфектных форм во многих языках см. Meillet, *Linguistique historique et linguistique générale*, 189).

Однако несмотря на употребление формы настоящего времени глагола „иметь“ в этих новых перфектных формах трудно сохранять отчетливое различие между понятием нынешнего результата прошлых событий и понятием самих прошлых событий: перфект склонен превращаться в форму прошедшего времени, хотя эта тенденция и не проявляется с одинаковой силой во всех языках. Английский язык в этом отношении более последователен и не допускает употребления перфектной формы, если имеется в виду определенный момент в прошлом, безразлично, обозначен он специально или нет. Предложения со словами вроде *yesterday* „вчера“ или *in 1897* „в 1897 году“ требуют простой формы прошедшего времени, так же как и предложения, повествующие о людях, которых уже нет в живых, за исключением тех случаев, когда говорится о нынешнем результате их прошлой деятельности, например: *Newton has explained the movements of the moon* „Ньютон объяснил движение луны“ („Движение луны объяснено Ньютоном“). С другой стороны, *Newton believed in an omnipotent God* „Ньютон верил во всемогущего бога“. «Можно сказать *England has had many able rulers* „В Англии было много способных

¹ Английский глагол *must* „должен“ представляет собой подлинный претерито-презентный глагол, а его прежняя форма настоящего времени *mot* была перфектно-презентным образованием.

² В англо-ирландском есть любопытный случай перфекта: *he is after drinking* = *has drunk* „выпил“.

³ *Dixi* — старый аорист на *-s*, а *peruli* — перфект с удвоением.

правителей“, но если вместо слова *England* употребить слово *Assyria*, форму времени надо изменить» (*Bradley, The Making of English, London, 1904, 67*).

В немецком языке в этом отношении существует большая свобода, а в южнонемецких диалектах проявляется тенденция употреблять сложную форму во всех случаях: *Ich habe ihn gestern gesehen*. С другой стороны, немцы (северные немцы?) часто говорят: *Waren Sie in Berlin?* „Были ли вы в Берлине?“; англичанин сказал бы: *Have you been in Berlin?* Когда англичанин слышит подобный вопрос немца, он, естественно, склонен ответить *When?* „Когда?“ Датский язык занимает промежуточное положение между последовательностью английского языка и свободой немецкого; датчанин, например, всегда спросит: *Har De vjret i Berlin?*, но он не будет возражать и против таких предложений, как *Jeg har set ham ijer* „Я видел его вчера“. Если же, однако, указание на время будет стоять до глагола, потребуются форма прошедшего времени: *Ijer see jeg ham*. Психологическая причина заключается здесь в том, что в первом случае предложение начиналось так, как если бы оно было без указания на время; это указание как бы добавляется дополнительно после того, как предложение по существу уже закончено; *Jeg har set ham* „Я видел его“; если же предложение начинается словом „вчера“, после него, естественно, ставится форма прошедшего времени.

В испанском языке такое различие, по-видимому, соблюдается аккуратно; Хансен (*Hanssen, Spanische Grammatik, Halle, 1910, 95*) дает примеры, соответствующие приведенным выше английским примерам: *Roma se hizo secora del mundo; La Inglaterra se ha hecho secora del mar*. Однако во французском это различие перестало ощущаться, и по крайней мере в современном разговорном парижском языке и в говорах Северной Франции форма *passif d'infinitif* совершенно вышла из употребления: *Je l'ai vu hier; Ils se sont mariés en 1910*. Переход перфекта в прошедшее время является, очевидно, универсальной тенденцией; во всяком случае, мы находим его в таких отдаленных языках, как венгерский, где *irt* „has written“ в обычном языке заменило *irta* „wrote“ (*Simon, Die ungarische Sprache, Straßburg, 1907, 365*).

Ретроспективное прошедшее время, которое относится к какому-нибудь периоду в прошедшем, так же как перфект относится к настоящему, нельзя отграничить от допрошедшего времени, упомянутого выше: *had written*¹.

Таким же образом и то, что мы выше назвали добудущим, нельзя отграничить от ретроспективного будущего: *will have written*. Описательные формы с *have*, по-видимому, показывают, что говорящие склонны трактовать эти две временные формы как параллельные перфекту, а не простому прошедшему; отсюда и термины *past perfect* и *future perfect*.

¹ Мак-Керрой (*R. B. McKerrow, Engl. Grammar and Grammars, Essays and Studies by Members of the Engl. Assoc., 1922, стр. 162*) остроумно подмечает, что предложение *Caesar had thrown a bridge across the Rhine in the previous autumn* „Цезарь перебросил мост через Рейн предыдущей осенью“ обычно означает, что этот мост существовал в тот период, о котором рассказывает историк, но такой вывод моментально нейтрализуется, если добавить что-нибудь вроде: *but it had been swept away by the winter floods* „но он был снесен зимними паводками“. По моей терминологии *had thrown* в первом случае будет формой ретроспективного прошедшего времени, а во втором — формой чистого допрошедшего.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ВРЕМЯ

Нередко бывает необходимо говорить о том, что одновременно относится и к прошедшему и к настоящему времени. Можно сочетать две временные формы: I was (then) and am (still) an admirer of Mozart; I have been and I am an admirer of Mozart „Я был и остаюсь поклонником Моцарта“. Но если к этому добавить указание на длительность, данные две формы можно объединить в инклюзивную форму прошедше-настоящего времени. Ввиду сложности самого значения некоторые языки употребляют перфект, например английский и датский, а другие — форму настоящего времени, например немецкий и французский: I have known him for two years „Я знаю его два года“; Jeg har kendt ham i to er; Ich kenne ihn seit zwei Jahren; Je le connais depuis deux ans. Обратите внимание на различие в употреблении предлогов в каждом случае. В латинском языке мы находим то же правило, что и во французском, только без предлога: annum jam audis Cratippum. Совершенно очевидно, что такое временное отношение не может найти себе места в приведенной выше таблице, но его можно обозначить буквами В & А.

Соответствующие выражения мы находим и применительно к прошедшему и к будущему времени: In 1912 I had known him for two years „В 1912 году я уже знал его в течение двух лет“; I 1912 havde jeg kendt ham i to er; In 1912 kannte ich ihn seit zwei Jahren; En 1912 je le connaissais depuis deux ans; Next month I shall have known him for two years „В следующем месяце я буду знать его уже два года“; Næste måned har jeg (vil jeg ha) kendt ham i to er; Im nächsten Monat werde ich ihn seit zwei Jahren kennen; Le mois prochain je le connaîtrai depuis deux ans. Разумеется, последние выражения встречаются не очень часто.

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

При рассмотрении описательных временных форм страдательного залога в романских и германских языках необходимо иметь в виду двойственный характер перфекта. В классической латыни, где существовала подлинная форма настоящего времени страдательного залога на -r (scribitur), сложная форма scriptum est (= it is written) является перфектом и имеет значение „написано“, т.е. „было написано и является написанным сейчас“. Но в романских языках форма страдательного залога на -r исчезла, а значение описательных конструкций частично изменилось. Этот вопрос лучше всех исследовал Диц (D i e z, Grammatik der romanischen Sprachen, Bonn, 1876, 3. 202). Из ранних памятников он приводит такие примеры, как quae ibi sunt aspecta вместо aspiciuntur; est possessum вместо possidetur, а затем делит глаголы на два класса. В первом классе действие либо ограничено единичным моментом („схватить“, „удивить“, „разбудить“, „оставить“, „кончить“, „убить“), либо подразумевает конечную цель (Endzweck: „делать“, „вызывать“, „украшать“, „сооружать“, „бить“); здесь пассивное причастие обозначает действие как совершенное и законченное, а сочетание с sum в романских языках, как и в латинском, является формой перфекта. Примеры: Il nemico è battuto, L'ennemi est battu = Hostis victus est; Era battuto, Io sono abbandonato, sorpreso; La cosa è tolta via. Диц называет эти глаголы перфективными. Другой класс глаголов

(имперфективные) охватывает глаголы, обозначающие действия, которые не предпринимаются с целью завершения: „любить“, „ненавидеть“, „хвалить“, „порицать“, „восхищаться“, „видеть“, „слышать“ и т. п. Здесь причастие в сочетании с *sum* выражает настоящее время: *Egli* и *amato da tutti*, *Il est aimé de tout le monde* = *Amatur ab omnibus*; *Il* *biasimato*, *lodato*, *odiato*, *riverito*, *temuto*, *veduto*. В романских языках, как и в латинском, причастия глаголов первого класса в результате утраты временного значения склонны превращаться в прилагательные (*Eruditus est*, *Terra ornata est floribus*). Если причастиям, склонным превратиться в прилагательные, необходимо придать значение прошедшего времени, для этой цели употребляется новое причастие от *esse*: *Il nemico* и *stato battuto*, *L'ennemi a été battu*. В настоящем времени предпочтение отдается активной конструкции: *Battono il nemico*, *On bat l'ennemi*. В итальянском и испанском языках в качестве вспомогательного глагола для образования страдательного залога настоящего времени может употребляться также глагол *venire*.

Различие между двумя классами, очень ясное у Дица, было далее развито Линдротом в двух блестящих статьях (Н. Lindroth; см. Paul und Braune's „Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache“, 31. 238 и „Om adjektivering af particip“, Lund, 1906). К первому классу Линдрот применяет термин „сукцессивные“ (с подразделением на „терминативные“ и „результативные“), а ко второму — термин „курсивные“. Рискую как будто бы без особой надобности приумножить существующую терминологию, я решаюсь предложить свои термины: „конклюдивные“ (*conclusive*) и „неконклюдивные“ (*non-conclusive*).

В немецком и датском языках, где есть два вспомогательных глагола — *werden*, *blive*, с одной стороны, и *sein*, *være*, с другой, — не особенно важно, какой вспомогательный глагол употребляется с глаголами второго класса („неконклюдивными“) — первый или второй: *Er wird geliebt (ist geliebt) von jedermann*, *Han bliver elsket (er elsket) av alle* = *Jedermann liebt ihn*, *Alle elsker ham*¹. Однако с глаголами первого класса (конклюдивными) эти вспомогательные глаголы указывают на различные формы времени: *Er wird überwunden*, *Han bliver overvundet* = *Man überwindet ihn*, *Man overvinder ham*; но *Er ist überwunden*, *Han er overvundet* = *Man hat ihn überwunden*, *Man har overvundet ham*. В последнем случае перфектный пассив можно выразить еще отчетливее сложной формой *Er ist überwunden worden*, *Han er blevet overvundet*.

В английском языке прежний вспомогательный глагол *weoran*, соответствующий нем. *werden*, исчез, и поэтому общая картина в основном такая же, как и во французском языке. Если обратиться сначала к неконклюдивным глаголам (второй класс у Дица), то станет ясно, что, когда причастия типа *honoured* „уважаемый“, *admired* „вызывающий восхищение“, *despised* „презираемый“ употребляются в качестве адьюнктов (например, *an honoured colleague* „уважаемый коллега“), они не дают никакого указания на время, а следовательно могут, в зависимости от обстоятельств, относиться к

¹ У некоторых неконклюдивных глаголов может появляться известный оттенок в значении, в зависимости от того, какой из вспомогательных глаголов употреблен. В датском языке существует также форма страдательного залога на *-s*: *elskes*, *overvindes*, способствующая возникновению очень тонких различий в значении некоторых глаголов. Случаи употребления вспомогательного глагола *venire* в итальянском языке соответствуют немецким конструкциям *s werden* и датским *s blive*: *viene pagato* отлично от *pagato*.

любому времени (an honoured colleague of Bacon). Поэтому сочетания типа is honoured, is admired и др. принадлежат к той же самой форме времени (настоящего), что и простой глагол is.

Иначе обстоит дело с конклюдивными причастиями типа paid „заплаченный“, conquered „завоеванный“, lost „потерянный“ и т.п. В качестве адьюнктов они обозначают результат прошлого действия: a paid bill „оплаченный счет“, conquered towns „завоеванные города“, a lost battle „проигранное сражение“. Сочетания же с вспомогательным глаголом is могут иметь два различных значения, в зависимости от того, что выступает на первый план — присущее ли причастию значение перфектности или присущее форме is значение настоящего времени. Ср. два предложения: His bills are paid, so he owes nothing now „Его счета оплачены, так что он сейчас ничего не должен“ (sind bezahlt; he has paid) и His bills are paid regularly on the first of every month „Его счета оплачиваются регулярно первого числа каждого месяца“ (werden bezahlt, he pays). Форма прошедшего времени His bills were paid, конечно, тоже может иметь соответствующие два значения. Ср. следующие случаи: He was dressed in the latest fashion „Он был одет по последней моде“; The children were dressed every morning by their mother „Детей каждое утро одевала мать“; At that time they were not yet married, but they were married yesterday „В то время они еще не были женаты, они поженились вчера“. Наконец, последний пример я беру из статьи Керма и привожу его с незначительными изменениями: When I came at five, the door was shut (war geschlossen), but I do not know when it was shut (geschlossen wurde) „Когда я пришел в пять часов, дверь была заперта, но я не знаю, когда она была заперта“. Самый лучший способ разъяснить это различие заключается в том, чтобы показать, как было бы изложено противоположное утверждение: When I came at five, the door was open (употреблено прилагательное), but I do not know when it was opened „Когда я пришел в пять часов, дверь была открыта, но я не знаю, когда она была открыта“.

В данной конструкции, несомненно, заложен источник двусмысленности¹, однако надо признать, что в течение последних столетий выработались известные средства преодоления этой двусмысленности. Во-первых, сочетания has been, had been с причастием, редкие в елизаветинскую эпоху, стали употребляться все чаще и чаще. У Шекспира мы находим is в тех случаях, когда современный автор, без сомнения, употребил бы has been: Spending againe what *is already spent*... So is my loue still telling what *is told* (Sonn., 76); Arthur, whom they say *is kill'd* to night on your suggestion (John IV. 2. 165). Такую форму находим и в переводе Библии 1611 г.: Blessed are they which *are persecuted* forrighteousness sake (Матфей, V. 10), но в переводе 1634 г.: Blessed are they that *have been persecuted*.² Во-вторых, в тех случаях, где be было бы двусмысленно, все чаще употребляются глаголы become и, особенно в разговорной речи, get: taking it into his head rather late in life that he must *get married* (Диккенс); „I am engaged to Mr. W.“ — „You are not engaged to anyone. When you do become engaged to anyone, I or your father will inform you of the fact“

¹ В английском языке нет средств точно передать следующее предложение из Гете: Was heute nicht geschieht, ist morgen nicht getan.

² В начале евангелия от Луки в переводе 1611 г. говорится: thy prayer is heard; am sent; is borne this day; which was told them; it was revealed; в Twentieth Century Version: has been heard: have been sent; has been born; what had been said; it had been revealed.

(Уайльд)¹. Наконец, двусмысленность в какой-то мере устраняется сравнительно новым сочетанием *is being*. Таким образом, современный английский язык обладает по крайней мере тремя новыми выражениями наряду с прежним *the book is read*, а именно: *the book has been read*, *gets read*, *is being read*. Эта специализация является несомненным выигрышем для языка.

АОРИСТ И ИМПЕРФЕКТ

Мы видели выше, что лат. *scripsi* было не только перфектом (*have written*), но и претеритом (*wrote*); наряду с ним существовала и другая форма претерита — *scribebam*. Теперь рассмотрим различие между этими двумя типами претерита, пользуясь терминами греческой грамматики — аорист и имперфект. В грамматике французского языка, как мы уже видели, аорист имеет различные названия: *le passй dйfini*, *le passй historique*; второй термин (прошедшее историческое) был принят Комитетом по грамматической терминологии, хотя историку, очевидно, требуется не только данный вид претерита, но и имперфект.

В греческом, латинском и романских языках обе временные формы образуются от тех же глаголов с помощью различных окончаний. В славянских языках, где различие по существу такое же, оно достигается другим путем, путем различения так называемых глаголов совершенного и несовершенного вида (перфективных и неперфективных; правда, не совсем в том значении, как у Дица, см. стр. 318). Как правило, два глагола противопоставляются друг другу и в большинстве случаев, хотя и не всегда, образуются от одного и того же корня с помощью различных суффиксов. Они дополняют друг друга и делают возможным выражение временных оттенков, хотя славянский глагол имеет только два времени. Это можно изобразить следующим образом:

	форма настоящего времени	претерит
перфективный глагол:	будущее время	аорист
неперфективный глагол:	настоящее время	имперфект

Остановимся теперь на значении аориста и имперфекта. Оба обозначают прошедшее время, а поэтому их нельзя поместить в различных точках линии времени (см. стр. 300), так как они находятся в одном и том же отношении к настоящему моменту и не имеют отношения к подразделениям времени, обозначенным приставками „до-“ и „после-“. Сами по себе они также не указывают на длительность данного действия; нельзя сказать, что одно действие мгновенное, а другое длительное. Указание на длительность может быть дополнительно присоединено к обеим формам: *Ebasileuse tessera kai pentēkonta etea* „Он царствовал пятьдесят четыре года“; *Lucullus multos annos Asiж pгжfuit*; *Louis XIV rйgna soixante-douze ans et mourut en 1715*; *De retour de ces campagnes il fut longtemps malade*; *Il languit pendant des annйes entiиres*.

¹ Представляют интерес следующие предложения в одной из пьес Шоу, так как во втором предложении требуется эмфатическая форма, а *they are killed* легко могло быть понято неправильно: „No man goes to battle to be killed“. — „But they do get killed“.

Рассматриваемые две временные формы соответствуют двум значениям англ. then: (1) „затем, после“: Then he went to France „Затем он поехал во Францию“ (дат. džrpe) и (2) „тогда, в то время“: Then he lived in France „Тогда он жил во Франции“ (дат. dengang). Аорист продвигает повествование вперед, он говорит, что случилось потом, тогда как имперфект задерживается на условиях, существовавших в этот период, и описывает их более или менее обстоятельно. В одном случае налицо движение, в другом — остановка. Автор одной латинской грамматики, цитату из которой я где-то нашел, сжато формулирует эту мысль следующим образом: Perfecto procedit, imperfecto insistit oratio. Точно так же и Крюгер говорит, что аорист объединяет (zusammenfaßt) и сосредоточивает, а имперфект разворачивает (entfaltet). Сараув (Sarauw) развивает это положение (Kuhn's „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“, 38. 151) следующим образом: при употреблении аориста „говорящий отвлекается от несущественного, от обстоятельств, при которых происходило действие, а также от возможных перерывов в нем, и то, что в действительности было рядом последовательных действий, уплотняется в одно действие, длительность которого, однако, не сокращается“. Примечательно, что в старославянском языке, как подчеркивает Сараув, аорист образовывался как от неперфективных, так и от перфективных глаголов. Во французском языке аорист (passif historique) употребляется также от любого глагола, независимо от его значения. С некоторым преувеличением можно даже сказать, пользуясь библейским выражением, что имперфект употребляет тот, кому один день кажется тысячелетием, а аорист — тот, кому тысячелетие кажется одним днем. Во всяком случае мы видим, что термины типа нем. Aktionsart оказываются весьма неточными: рассматриваемое различие не имеет отношения к действию как таковому; мы будем гораздо ближе к истине, если скажем, что различие заключается в скорости повествования; если говорящий желает, перечисляя события, скорее подойти к настоящему моменту, он выберет аорист; если же, наоборот, он медлит и отвлекается на второстепенные детали, он употребит имперфект. Таким образом, это различие, по существу, есть различие в темпе: имперфект — *lento*, а аорист — *allegro*, или же соответственно *ritardando* и *accelerando*.

Отсюда становится понятным и то, что имперфекту в отличие от аориста часто свойственна значительная эмоциональная окраска.

В сложных формах допрошедшего времени соответствующее различие существует во французском языке между *j'avais écrit* и *j'eus écrit*. Здесь также в нелитературной речи вместо *eus* употребляется *ai eu*: *Quand ma femme a eu trouvé une place, elle a donné son enfant a une vieille pour le ramener au pays* (Доде).

Подобно тому, как в латинском языке перфект выполняет две функции, так и имперфект в латинском языке, романских языках и греческом языке тоже выполняет две функции: кроме замедленного действия, о котором речь шла выше, он обозначает еще обычное действие в определенный период прошедшего времени. Здесь поэтому понятие времени связывается с понятием повторности, в действительности представляющим собой числовое понятие (см. раздел „Число“, стр. 244): понятие множественности по отношению к глагольному действию, выражаемое в таком употреблении имперфекта, — это понятие того же порядка, что и понятие, которое находит более отчетливое выражение в итеративных или фреквентативных образованиях.

Теперь можно дать следующую сравнительную таблицу временных форм в нескольких наиболее известных языках. В строке первой приводится подлинный перфект; во второй — аорист; в третьей — имперфект со значением обычного действия, а в четвертой — описательный имперфект. Такой обзор ясно показывает, как в некоторых языках смешиваются те различия, которые отчетливо разграничиваются в других языках.

1.	gegraphe	scripsit	a écrit	has written	hat geschrieben
2.	egrapse	scripsit	écrivit, a écrit	wrote	schrieb
3.	egraphe	scribebat	écrivait	wrote	schrieb
4.	egraphe	scribebat	écrivait	was writing	schrieb ¹ .

АНГЛИЙСКИЕ РАСШИРЕННЫЕ ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ

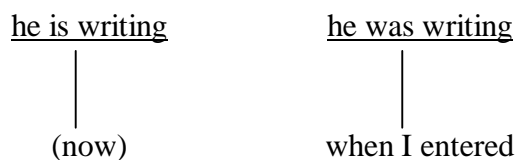
В приведенном обзоре латинскому *scribebam* в английском языке находится два соответствия: *wrote* — для обычного действия и *was writing* — для описательного имперфекта. Соответствующие выражения существуют и в настоящем времени и т. д., так как в английском языке имеется целый ряд сложных временных форм: *is writing, was writing, has been writing, will (shall) be writing, will (shall) have been writing, would (should) be writing, would (should) have been writing*, а в пассиве — *is being written, was being written*; Суит в своей системе дает даже *I have been being seen, I had been being seen, I shall be being seen, I should be being seen, I shall have been being seen*, хотя, без сомнения, можно было бы прочесть всю английскую литературу и не встретить там и полдесятка примеров таких „форм“. Об этих сочетаниях была создана огромная литература; грамматисты называют их различными терминами: *definite tenses* „определенные времена“, *progressive tenses* „прогрессивные времена“, *continuous tenses* „длительные времена“. Я предпочитаю называть их „расширенными временными формами“ (*expanded tenses*), поскольку этот термин достаточно ясно характеризует их образование, но вместе с тем не содержит предвзятой оценки их употребления.

Что касается исторического развития рассматриваемых форм, то я уже дал предварительный отчет о своих исследованиях в книге *Tid og Tempus*, стр. 406—420 с критикой более ранних теорий, а здесь приведу лишь очень краткий обзор. Мой главный вывод состоит в том, что современная конструкция в очень малой степени обязана своим существованием древнеанглийским конструкциям типа *wjs feohtende* „был сражающимся“, которые не играли важной роли и в среднеанглийский период; эта конструкция развилась главным образом путем отсечения начального слога из сочетаний отглагольного существительного с предлогом *on*: *is on huntinge* „(есть) на охоте“, *is a-hunting, is hunting* (так же как *burst out on weeping, a weeping, weeping; set the clock on going, a going, going*). Такое толкование объясняет, почему эти формы стали распространяться в период, когда отсечение начального слога (*back* из *on wjs, aback* и т. д. и т.п.) стало очень частым явлением; становится понятным и

¹ О соответствующих различиях в будущем времени и в императиве в современном греческом языке см. А. Thumb, *Handbuch der neugriechischen Volkssprache*, 1895, стр. 73, изд. 2-е, 1910, стр. 119; С. В u с k, *Classical Philology*, 1914, 92.

употребление предлога of перед дополнением (которое до сих пор встречается в нелитературной речи), пассивное значение в случаях типа the house was building „дом строился“, и, наконец, — последнее по порядку, но не по важности — это толкование помогает понять точное значение расширенных временных форм в современном английском языке — значение гораздо более определенное, чем значение древнеанглийских и среднеанглийских причастных сочетаний. Следует помнить, что предлог on раньше часто употреблялся там, где сейчас употребляется предлог in: He is on hunting „Он на охоте“ означает „He is in (the middle of) the action of hunting“ и, таким образом, содержит два элемента: первый — „бытия“, с которым связано указание на время, а второй — „охоты“, который образует как бы рамку вокруг „есть“. Действие, обозначенное словом hunting, началось до момента, обозначенного формой is (was), но еще не закончилось; ср. франц. Il *était* a se raser, quand est venu son beau-frère.

Назначение расширенных форм состоит в выражении не длительности как таковой, а относительной длительности по сравнению с меньшей длительностью другого действия. Methuselah lived to be more than nine hundred years old: здесь мы видим нерасширенную форму lived, указывающую на очень длительный период времени. He was raising his hand to strike her, when he stopped short „Он поднимал руку, чтобы ударить ее, как вдруг остановился“: расширенная форма обозначает действие очень небольшой длительности. Относительно более продолжительный период можно изобразить прямой линией, а относительно меньший — точкой на линии, которая выражает либо настоящий момент (он не обязательно специально обозначается в речи), либо какой-то момент в прошлом, который в большинстве случаев должен быть специально обозначен:

Глаголы, обозначающие душевное состояние, чувства и т. п., как правило, не могут употребляться в расширенных временных формах; это легко объяснить, если исходить из сочетания is on -ing: ведь едва ли можно сказать He is on liking fish и т. п. Однако о переходном состоянии говорят: I am feeling cold.

Особо следует упомянуть расширенные формы глаголов, обозначающих движение: go „идти, ехать“, come „приходить, приезжать“. Во-первых, они могут употребляться обычным образом, если глагол имеет специальное значение, которое само по себе не вызывает представления о начале движения: My watch has stopped, but the clock *is going* „Мои ручные часы остановились, но стенные часы *идут*“; Things *are coming* my way now; You *are going* it, I must say. Во-вторых, они могут употребляться, если ясно, что имеется в виду не единичный акт: The real hardships *are now coming* fast upon us „Настоящие трудности быстро *надвигаются* на нас *сейчас*“; She turned to the window. Her breath was *coming* quickly; Cigarettes *were then coming* into fashion. Однако в большинстве случаев is coming, is going употребляются в отношении будущего времени, подобно тому, как значение будущего времени появляется у формы настоящего времени соответствующих глаголов в других языках (гр. eomi и т. п., см. стр. 304). Аукционист обычно говорит: *Going, going, gone*. Ср. также: I *am going* to Birmingham next week; Christmas *is coming*, the geese are getting fat.

Таким образом, получается выражение для близкого будущего: *He is going to give up business*; даже: *He is going to go*.

Большинство случаев употребления расширенных форм в современном английском языке подходит под правила, данные здесь; особенно полезно будет сказанное о более длительном промежутке Бремни как о своего рода рамке для другого действия. И все же нельзя отрицать, что есть много случаев, которые нельзя объяснить таким образом, например многие сочетания с субьюнктами вроде *always* „всегда“, *ever* „когда-либо“, *constantly* „постоянно“, *all day long* „весь день“, *all the afternoon* „всю вторую половину дня“. Однако следует заметить, что такие случаи встречались особенно часто в среднеанглийский период, до того как массовый приток их в результате отсечения начального гласного в *a-hunting* и т. п. в корне изменил характер этого сочетания.

Естественным следствием употребления расширенных временных форм, служащих своего рода рамкой вокруг чего-то другого, является обозначение преходящего состояния, в противоположность постоянному состоянию, которое требует для своего выражения соответствующих нерасширенных форм. Расширенная форма наводит на мысль о временных пределах, внутри которых что-то совершается, тогда как простая форма не связывается с представлением о пределе. Ср. *He is staying at the Savoy Hotel* „Он живет сейчас в гостинице Савой“ и *He lives in London* „Он живет в Лондоне“; ср. также *What are you doing for a living? I am writing for the papers* и *What do you do for a living? I write for the papers*. Привычки выражаются обычно нерасширенными временными формами; ср., например, следующие предложения: *A great awe seemed to have fallen upon her, and she was behaving as she behaved in church*; *Now he dines at seven, but last year he dined at half-past*; *Thanks, I don't smoke* (ср. *I am not smoking*).

Однако, если обычное действие рассматривается как рамка для какого-то другого действия, употребляется расширенная форма: *I realize my own stupidity when I am playing chess with him* „Я осознаю собственную глупость, когда играю с ним в шахматы“; *Every morning when he was having his breakfast his wife asked him for money* „Каждое утро, когда он завтракал, жена спрашивала у него денег“ (однако, если оба действия полностью совпадают по длительности, расширенные формы претерита могут употребляться в обоих случаях: *Every morning when he was having his breakfast his dog was staring at him* „Каждое утро, когда он завтракал, собака не сводила с него глаз“).

Употребление расширенной формы для выражения преходящего состояния в противоположность постоянному состоянию в самое недавнее время проникло и в глагол *be*, хотя различие между *He is being polite* „Он вежлив (в данный момент)“ и *He is polite* „Он вежлив (вообще)“ только начинает соблюдаться. Однако любопытно отметить, как это же самое различие в других языках выражается при помощи таких средств, которые не имеют ничего общего с временной системой глагола. В датском языке *av sig* служит иногда для указания на качество как на характерную черту (*Han er bange av sig* „Он робок по природе“), в то время как *Han er bange* означает „Он робует в данный момент“; однако добавление *av sig* встречается не часто. В испанском языке существует различие между двумя глаголами, означающими „быть“: *ser* для обобщенного времени, а *estar* для данного промежутка времени: *Mi hermano es muy active* „Мой брат очень деятелен“; *Mi hermano est b enfermo* „Мой брат болен“; хороший пример я нашел у Кальдерона („Сал. альк.“, 3. 275): *Tu hija*

soy, sin honra estoy „Я твоя дочь, но я обесчещена“. От других глаголов употребляется расширенная форма, почти как в английском: *Йl estb comiendo* „Он сейчас обедает“¹. (= He is dining); *El comй a las siete* „Он обедает в семь часов“. В русском языке предикатив имеет форму именительного падежа, если имеется в виду обобщенное время: *Он был купец* (вообще), и форму творительного падежа, если имеется в виду конкретный период времени: *Он был купцом* (в данное время); однако это различие касается только существительных; предикатив, выраженный прилагательным, всегда имеет форму именительного падежа. Об аналогичном различии в современном ирландском языке см. Н. Pedersen, *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen*, Gottingen, 1909, 2. 76. В финском языке предикатив стоит в форме именительного падежа, если имеется в виду обобщенное время: *Isдnй on kйred* „Мой отец болен“ (постоянно, является инвалидом), в противном случае употребляется эссивный падеж: *Isдnй on kйrednd* „Мой отец болен“ (в данное время). (См. также главу, посвященную падежу, стр. 210.)

Наконец, необходимо рассмотреть пассивную конструкцию в устарелом обороте *The house is building* „Дом строится“ и в обычном предложении: *While the tea was brewing* „В то время как чай заваривался“; *My MS. is now copying* „Моя рукопись сейчас переписывается“. В моей предыдущей работе я указал, почему я сомневаюсь в раннем существовании этой конструкции, и изложил свою теорию, согласно которой такие конструкции восходят к пассивному употреблению активных форм глагола (*His prose reads like poetry* „Его проза читается, как поэзия“; *It looks ill, it eates drily, marry 'tis a wither'd pear* — Шекспир). Благодаря этому употреблению становятся более понятными некоторые примеры на сочетании *is ing* (*preparing* „приготавливается“, *brewing* „заваривается“, *maturing* „созревает“), но не все и особенно не те, которые являются, пожалуй, самыми обычными: *The house is building* „Дом строится“, так как невозможно сказать *The house builds* „Дом строится“ в пассивном смысле. Главный источник этой конструкции, по моему мнению, — это сочетание *on* с отглагольным существительным на *-ing*, которое, как и другие отглагольные существительные, само по себе не является ни активным, ни пассивным (см. выше, стр. 197), а поэтому допускает пассивное истолкование (ср. *The house is in construction* „Дом находится в процессе строительства“). Сочетание с предлогом *a*, обладающее пассивным значением, было вовсе не таким редким даже в более ранний период, например *This was a doynг* (Мэлори); *There is some ill a-brewing towards my rest* (Шекспир); *While my mittimus was a making* (Бениян). Отсюда понятны и конструкции *while grace is saying*, *while meat was bringing in*. Существует определенная разница между *My periwig that was mending there* (Pepys) и *He is now mending rapidly*, поскольку именно в последнем, но не в первом случае возможно употребление нерасширенных форм *mends*, *mended*. Ср. также: *While something is dressing for our dinner* (Pepys) и *While George was dressing for dinner* (ср. *George dresses for dinner*).

Подобно тому, как двусмысленность некоторых других сочетаний с существительным на *-ing*, первоначально не имевшим ни активного, ни пассивного значения, привела сравнительно недавно к появлению новой

¹ Ср. ит. *sta mangiando*.

конструкции с being (Foxes enjoy hunting, but do not enjoy being hunted „Лисицы любят охотиться, но не любят, когда за ними охотятся“), вполне естественно, что прежняя конструкция is building была ограничена активным значением и что была создана новая конструкция — is being built. Известно, что эта громоздкая, но недвусмысленная конструкция стала появляться к концу XVIII в. и что в XIX в. она встретила сильное сопротивление, прежде чем была окончательно признана как законная единица английского языка.

ТЕРМИНЫ ДЛЯ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ

Теперь несколько заключительных слов по поводу терминологии. В связи с широким употреблением различных вспомогательных глаголов в современных языках становится невозможным или по крайней мере нецелесообразным иметь специальный термин для всех приемлемых сочетаний — тем более, что многие из них выполняют не одну функцию (He would go „Он пошел бы“ в предложении He would go if he could отлично от сдвинутого I will go „Я пойду“ в предложении He said he would go to-morrow). Почему would go и would have gone должны обозначаться специальными терминами, а might go и might have gone или dared go и т. п. не должны? Единственное основание состоит в том, что эти формы соответствуют простым формам времени некоторых других языков. Право же, нет никакой необходимости в таких терминах, как Future Perfect in the Past „перфектное будущее в прошедшем“ для обозначения сочетания would have written, которое, как мы уже видели, в своем основном употреблении не имеет ничего общего с будущим временем и в первом компоненте сохраняет следы первоначального значения воли. Если мы даем I shall write, you will write, he will write как парадигму будущей времени, мы встречаемся с трудностями при рассмотрении сочетания he shall write в предложении He says that he shall write, в котором последнее сочетание представляет собой сдвинутое (косвенное) I shall write. Гораздо легче объяснить все это учащимся, если взять отдельно каждый вспомогательный глагол, учитывая его первоначальное и его более позднее ослабленное значение, а затем, с другой стороны, показать, как выражается будущность (будущее время) с помощью различных средств английского языка: то с помощью ослабленного will (воля), то с помощью ослабленного shall и is to (долженствование), а то и другими средствами (is coming) и как часто будущность может подразумеваться в контексте, не будучи выражена ничем. Таким образом, мы не будем говорить, что I shall go и he will go — формы „будущего времени“, а скажем, что в оба сочетания входит вспомогательный глагол в форме настоящего времени и инфинитив. Единственным случаем, который, пожалуй, дает некоторое основание для особого термина, является have written (had written), так как обычное значение have здесь полностью утрачено и это сочетание употребляется исключительно для обозначения одного очень специального временного отношения. Но даже и здесь можно усомниться, не лучше ли обойтись без термина „перфект“.

ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (ВКЛЮЧАЯ ИНФИНИТИВ)

Рассмотрев таким образом временные отношения, выражаемые временами личных форм глагола, мы постараемся теперь выяснить, нет ли сходных грамматических явлений за пределами этой области. Разумеется, можно представить себе такой язык, в котором из формы слова было бы видно, к какому периоду относится закат, о котором идет речь, — к прошлому, настоящему или будущему. В таком языке слова „невеста“, „жена“, „вдова“ представляли бы три временные формы, образованные от одного корня. Первое незначительное приближение к этому можно усмотреть в приставке *ex-*, которая стала общеупотребительной в ряде европейских языков в самое недавнее время: *ex-king*, *ex-roi* и т. п. В других случаях приходится употреблять адъюнкты различных типов: *the late Lord Mayor* „покойный лорд мэ́р“, *a future Prime Minister* „будущий премьер-министр“; ср. также *an owner, present or prospective, of property*; *He dreamt of home, or of what was home once*; *the life to come*; *She was already the expectant mother of his child* и т. п.

В одном романе я нашел сочетание „*governors and ex-governors and prospective governors*“ „правители, экс-правители и предполагающиеся правители“¹.

В некоторых отдаленных языках временные различия в существительных выражаются более отчетливо. Так, например, в эскимосском языке на Аляске существительное *ningla* „холод, мороз“ имеет форму прошедшего времени *ninglithluk* и форму будущего времени *ninglikak*, а от *ruyoq* „дым“ образуется прошедшее время *rujuthluk* „то, что было дымом“ и будущее время *ruyoqkak* „то, что будет дымом“ — остроумное название пороха (B a m, Grammatical Fundamentals of the Inuit Language of Alaska, Boston, 1901, стр. 17). Подобным же образом обстоит дело и в других американских языках. В частности, суффикс *-neen* в атапаскском языке (*хупа*) обозначает форму прошедшего времени как у существительных, так и у глаголов; ср. *xontaneen* „дом в развалинах“, *xoutneen* „его покойная жена“ (B o a s, Handbook of American Indian Languages, Washington, 1911, стр. 105 и III; ср. также U h l e n b e c k, Grammatiche onderscheidingen in het Algonkinsch, Amsterdam Ac., 1909).

Указание на время представлялось бы естественным у существительных, образованных от глагола или тесно связанных с глаголом. И все же названия действующих лиц обычно столь же нейтральны по отношению ко времени, как и другие существительные: хотя *creator* „создатель“ чаще всего означает „тот, кто создал“, такой оттенок значения ни в коем случае не является обязательным; *a baker* „пекарь“, *liar* „лжец“, *beggar* „нищий“, *reader* „читатель“ и т. п. ничего не говорят о времени, когда происходит соответствующее действие². В большинстве случаев подразумевается обычное действие, но есть и исключения (в английском языке чаще, чем в датском), например: *the speaker*,

¹ Ср. с прилагательным: *this august or once-august body*.

² Поэтому агглютинация названий действующего лица и глагола „есть“ может давать, в зависимости от обстоятельств, или будущее или перфектное время. Примеры из различных языков см. у L. H a m m e r i c h, Arkiv für nord. filol, 38. 48 и сл.

the sitter = the person who sits for his portrait („говорящий“, „сидящий“ [т. е. тот, кто позирует для портрета]).

В некоторых языках развились временные различия у активных причастий, например гр. *graphōn, graphōn, graphās, gegraphōs*, лат. *scribens, scripturus*. В германских языках существует только одно активное причастие: нем. *schreibend*, англ. *writing* „пишущий“; ср. также в романских языках: ит. *scrivendo*, франц. *йcrivant*, которые обычно называются причастиями настоящего времени, хотя в действительности говорить о настоящем времени здесь ровно столько же оснований, сколько и о любом другом времени, так как реальное время определяется временной формой главного глагола: ср.

I saw a man sitting on a stone „Я увидел человека, сидящего на камне“, *I see a man sitting on a stone* „Я вижу человека, сидящего на камне“, *You will see a man sitting on a stone* „Вы увидите человека, сидящего на камне“. Обратите также внимание на выражение *for the time being* „в данное время“. Сложная форма *having written*, *ayant йcrit* больше заслуживает названия перфектного причастия.

Что касается причастий типа ит. *scritto*, франц. *йcrit*, англ. *written*, нем. *geschrieben* и т. п., то о выражении временных отношений в этих формах уже был сделан ряд замечаний выше, стр. 318. Обычный термин „причастие прошедшего времени“ или „перфектное причастие“ может оказаться подходящим лишь в некоторых случаях, например: *printed books* „напечатанные книги“, но он неприемлем, например, для предложений: *Judged by this standard, the system is perfect* „Если судить по этому критерию, данная система совершенна“; *He can say a few words in broken English* „Он в состоянии сказать несколько слов на ломаном английском языке“; *My beloved brethren* „Мои возлюбленные братья“; *He is expected every moment* „Его ожидают с минуты на минуту“; *Many books are printed every year in England* „В Англии каждый год печатается много книг“ и т. п. Некоторые грамматисты, видя это терминологическое затруднение, употребляют для форм *writing* и *written* термины „активное причастие“ и „пассивное причастие“. И это надо признать правильным постольку, поскольку речь идет о причастии *writing* (если отвлечься от устарелого выражения *the house building now = a-building*). Однако другое причастие не всегда пассивно по своему характеру. Оно определенно активно в сочетаниях *a well-read man* „начитанный человек“, *a well-spoken lad* „молодой человек, умеющий хорошо говорить“, *mounted soldiers* „конные солдаты“, *He is possessed of landed property* „Он владеет земельной собственностью“. И даже в тех случаях, когда причастие в первоначальных конструкциях, лежащих в основе сложных форм перфекта, было пассивно (*I have caught a fish* „Я поймал рыбу“, первоначально *I have a fish [as] caught* „Я имею рыбу пойманной“), эта пассивность давно исчезла, как видно в примере *I have lost it* „Я потерял его“, а особенно при непереходных глаголах: *I have slept, come, fallen, been* „Я поспал, пришел, упал, был“, где вся конструкция, без всякого сомнения, активная. Бреаль (*Breal, Essai de sйmantique, Paris, 1897, 224*) даже утверждает, что само причастие стало (*par contagion*) активным, и подкрепляет свое утверждение примером из телеграфного стиля: *Rezu de mauvaises nouvelles. Pris la ligne directe*. Таким образом, поскольку для причастий в их реальном употреблении не удастся подобрать удовлетворительного описательного названия, я вижу только один выход из этого

терминологического затруднения (выход не вполне удовлетворительный) — перенумеровать формы причастий и назвать причастие на -ing причастием первым, а другое — причастием вторым¹.

Некусные существительные, как правило, выражают временные отношения не в большей степени, чем другие существительные: *his movement* „его движение“ в зависимости от обстоятельств может соответствовать по значению формам *he moves* „он движется“, *he moved* „он двигался“, *he will move* „он будет двигаться“. Подобным же образом *on account of his coming* „из-за его прихода“ может означать и „потому, что он приходит“, и „потому, что он пришел“, и „потому, что он придет“. *I intend seeing the doctor* „Я намерен повидать доктора“ относится к будущему, *I remember seeing the doctor* „Я помню, что видел доктора“ — к прошедшему. Однако приблизительно с 1600 г. вошла в употребление сложная форма с *having*, например: *He thought himself happy in having found a man who knew the world* (Джонсон).

Инфинитив, как уже указывалось выше (стр. 159 и сл.), является старым отглагольным существительным; он и до сих пор в какой-то мере сохранил прежнее безразличие к времени: *I am glad to see her* „Я рад ее видеть“ относится к настоящему времени, *I was glad to see her* „Я был рад ее видеть“ — к прошедшему, а *I am anxious to see her* „Я очень хочу ее видеть“ — к будущему². Но в некоторых языках, например в греческом, в инфинитиве развились временные формы; ср. также лат. *scripsisse* наряду с *scribere*. Этот перфектный инфинитив вышел из употребления в романских языках; теперь мы находим там сложный перфектный инфинитив типа франц. *avoir écrit* и т. п.; соответствующая сложная форма существует также в германских языках: англ. *(to) have written*, нем. *geschrieben (zu) haben*.

Английский перфектный инфинитив соответствует не только перфекту (*'Tis better to have loved and lost Than never to have loved at all* „Лучше любить и потерять, чем не любить вовсе“), но и обычному прошедшему времени (*You meant that? I suppose I must have meant that* „Вы это хотели сказать? — Должно быть, я хотел сказать именно это“), а также и будущему (перфектное будущее время: *This day week I hope to have finished my work* „Я надеюсь через неделю окончить работу“). Прежде он часто употреблялся для выражения неосуществленного намерения (*With that Leander stooped to have imbrac'd her, But from his spreading armes away she cast her* — Марло); этот случай нельзя отделить от употребления перфектного инфинитива, параллельного употреблению формы прошедшего времени для выражения нереальности; такое употребление часто не замечается грамматистами, а между тем в нем есть много интересного;

¹ В некоторых сочетаниях инфинитив с *to* можно рассматривать как своего рода заместитель отсутствующей формы причастия будущего времени, например: *a chapter in a book soon to appear in London* „глава в книге, которая скоро должна появиться в Лондоне“; пассивный инфинитив — *a book soon to be published by Macmillan* „книга, которая скоро будет опубликована М.“; ср. также: *A National Tricolour Flag; victorious, or to be victorious, in the cause of civil and religious liberty* (Карлейль). В итальянском языке: *Non c'era nessuna tavoletta, ni abbozzata, ni da abbozzare* (Джакоза).

² Инфинитив относится к (относительному) будущему времени и тогда, когда выражает цель: *He said this (in order) to convert the other* „Он сказал это, чтобы обратить (на путь истинный) другого“; ср. также *In 1818 Shelley left England never to return* „В 1818 году Шелли покинул Англию и больше уже не возвращался“, где инфинитив обозначает послепрошедшее, см, стр. 307.

однако я не могу останавливаться на нем подробно; ограничусь тем, что приведу несколько примеров из моего собрания без классификации и без комментариев: To *have fallen* into the hands of the savages, had been as bad (Дефо; = It would have been as bad if I had fallen); It would have been wiser to *have left* us (Раскин); It would have been extremely interesting to *have heard* Milton's opinion (Saintsbury); A few would have wept to *have seen* our parting (Шекспир); She would have made Hercules *have turned* spit (Шекспир); She was old enough to *have made* it herself (Лэм); It seems likely to *have been* a desirable match for Jane (Дж. Остин; = that it would have been); We were to *have gone and seen* Coleridge tomorrow (Карлейль). Форма инфинитива в выражении It would have been better for him to have stayed outside „Для него было бы лучше остаться вне дома“ предполагает (точно так же, как if he had stayed „если бы он оставался“), что он в действительности не остался вне дома; у простой формы to stay в предложении It would have been better for him to stay outside такого оттенка значения нет: простой инфинитив в той же степени „нейтрален“ по отношению к реальности или нереальности, как и Staying outside would have been better; также и He ought to have come here предполагает, в отличие от He ought to come here, что он в действительности не пришел.

Отсюда такие синонимические выражения, как I should like to have seen „Я хотел бы видеть“ и I should have liked to have seen¹ наряду с I should have liked to see. В некоторых сложных глагольных выражениях указание на прошедшее время может с одинаковым основанием присоединяться к тому и к другому глаголу: англ. He could have done it „Он мог бы сделать это“ и дат. Han kunde ha gjort det соответствует франц. Il aurait pu le faire, нем. Er hätte es tun können². По-датски можно также сказать Han havde kunnet gøre det, но по-английски это невозможно, так как глагол can не имеет причастия; по той же причине приходится употреблять перфектный инфинитив в сочетаниях типа He might (must, should, would, ought to) have done it.

Вместо того чтобы сказать You need not say that „Вам не нужно было это говорить“ (ср. нем. Das brauchten Sie nicht zu sagen) с отрицанием необходимости в прошедшем времени, теперь чаще говорят You needn't have said that, где указание на время перенесено в инфинитив. Противоположный сдвиг налицо в предложении I shall hope to see you tomorrow „Буду надеяться увидеть вас завтра“, где в действительности имеется в виду существующая в настоящее время надежда на будущее посещение; поскольку в английском языке инфинитив не имеет формы будущего времени, показатель будущего времени присоединяется к глаголу hope³.

¹ В этом и в некоторых из приведенных выше примеров грамматисты считают перфектный инфинитив своего рода излишеством или ошибкой.

² Ср. также T o b l e r, Vermischte Beiträge zur französischen Grammatik, изд. 3-е, Leipzig, 1921, 2. 38 и сл.: Il a dû venir „Er muß gekommen sein“, Il a pu oublier = Il peut avoir oublié и т. п.

³ С этими сдвигами можно сопоставить конструкцию I can't seem to remember, которая употребляется вместо конструкции I seem not to can remember ввиду того, что у глагола can нет инфинитива.

ВИД

Я должен здесь очень кратко остановиться на вопросе, который уже был затронут и который в последние десятилетия обсуждается очень горячо; имеется в виду явление, по-английски называемое *aspect* „вид“, а по-немецки — *Aktionsart*, хотя некоторые авторы различают эти термины. Обычно предполагается, что индоевропейские языки первоначально не имели глагольных форм времени, а выражали различные виды — совершенный, несовершенный, мгновенный, длительный, начинательный или другие — и что на основе этих видовых различий постепенно возникали системы временных форм, которые мы находим в древнейших индоевропейских языках и которые послужили базой для современных систем. Ученые заимствовали это понятие вида у славянских глаголов, где оно очень существенно и сравнительно ясно очерчено; однако, когда они стали обнаруживать нечто подобное в других языках, каждый из них, как правило, частично или полностью отверг системы своих предшественников и создал свою собственную терминологию, так что сейчас можно было бы, если бы было время и желание, составить весьма длинный список терминов, многие из которых имели бы два, три и даже большее количество определений, иногда малопонятных¹. Не всегда эти авторы разграничивали и четыре возможных выражения „вида“: 1) обычное значение самого глагола, 2) окказиональное значение глагола под воздействием контекста и ситуации, 3) словообразовательный суффикс и 4) временная форма. Критикуя таким образом своих предшественников, я, кажется, могу уподобиться человеку, живущему в теплице, поскольку я представляю свою собственную классификацию, которая, вообще говоря, может быть, немногим лучше предшествующих. И все же я осмелюсь надеяться, что она может явиться определенным шагом вперед, поскольку я не выдаю ее за систему различных „видов“ (*aspects* или *Aktionsarten*) глагола, а подчеркиваю, что те различные явления, которые были соединены другими в этом одном разряде (или в этих двух разрядах), с чисто понятийной точки зрения не должны объединяться; они должны занимать совершенно различные места. Вот каким образом я предложил бы подразделять и описывать рассматриваемые явления:

1) Различие в темпе между аористом и имперфектом; в некоторых языках оно затрагивает (независимо от значения самого глагола) формы времени; см. выше, стр. 321.

2) Различие между конклюдивными и неконклюдивными глаголами. Здесь значение глагола отражается на значении второго причастия в романских

¹ Привожу список главных, если я не ошибаюсь, работ и статей по этому вопросу: *M i k l o s i c h*, *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*, Bd. IV; *Streitberg, Paul und Braune's*, „*Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache*“, 15. 71 и сл.; *Herbig*, „*Indogermanische Forschungen*“, 6. 157 и сл. (с хорошей библиографией); *Delbrück*, *Synt.*, 2. 1 и сл.; ср. *Streitberg*, там же, 11. 56 и сл.; *H. Pedersen*, *Kühn's „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“*, 37. 220 и сл.; *Sargauw*, *Kühn's...*, 38. 145 и сл.; *Lindroth*, см. выше, стр. 319; *Noreen*, *Vårt Språk*, 5. 607 и сл. и 645 и сл.; *Deutschbein*, „*Englische Studien*“, 54. 79 и сл.; *Pollack*, „*Beiträge zur Geschichte.*“, 44. 352 и сл.; *Wackernagel*, *Vorlesungen über Syntax*, 1. 53. О терминологической путанице см. также *H. Pedersen*, „*Indogermanische Forschungen*“, *Anz.* 12. 152.

и германских языках и таким образом влияет на временное значение пассивных конструкций; см. выше, стр.318.

3) Различие между длительным или постоянным и мгновенным или проходящим. Мы уже видели выше, что в этом заключается одна из функций различия между расширенной и нерасширенной формами в английском языке: в других языках это различие выражается совершенно иными средствами.

4) Различие между законченностью и незаконченностью. Выражение незаконченности является одной из функций английской расширенной формы: He was writing a letter, в отличие от He wrote a letter; в датском языке незаконченность выражается с помощью предлога *pe*: Han skrev *pe* et brev; ср. нем. *an etwas arbeiten*.

5) Различие между однократностью и многократностью или обычностью действия или события. Это различие, в сущности, относится к главе, посвященной числу. Обычное действие очень часто не выражается особо (he doesn't drink „он не пьет“); в некоторых языках для выражения его имеются специальные суффиксы; в этом случае мы говорим об итеративных или фреквентативных глаголах. Сюда относится много английских глаголов на *-er* и *-le*: *totter* „трястись“, *chatter* „болтать“, *babble* „лепетать“ и т. п.

б) Различие между устойчивостью и изменчивостью. Иногда мы находим пару соотносительных глаголов, например *have* „иметь“: *get* „получить“, *be* „быть“: *become* „стать“ (и его синонимы — *get*, *turn*, *grow*)¹. Отсюда два типа пассивных конструкций, упомянутых выше, см. стр. 320 (*be married*, *get married*). Большинство глаголов, образованных от прилагательных, обозначают изменение (становление, превращение): *ripen* „созревать“, *slow (down)* „замедлять“; изменение передают также и переходные глаголы соответствующего образования: *flatten* „сглаживать“, *weaken* „ослаблять“ и т. п. (каузативные глаголы)². Однако глагол *halt* „хромать“ (от устарелого прилагательного *halt*) выражает состояние. Многие глаголы обозначают как состояние, так и изменение; в случае *lie down* „ложиться“ последнее значение выражается наречием. Существуют и другие способы выражения подобных изменений: *fall asleep* „заснуть“, *go to sleep* „заснуть“, *get to know* „узнать“, *begin to look* „начать смотреть“; ср. состояния: *sleep* „спать“, *know* „знать“, *look* „смотреть“. В некоторых языках есть специальные словообразовательные окончания для выражения перехода из одного состояния в другое и начала действия (инкоативные, инцептивны, ингрессивные глаголы)³. Но интересно отметить, что во многих случаях значение начала действия с течением времени слабело или стерлось, например у романских глаголов, образованных от латинских инкоативных на *-isco*: франц. *je finis*, *je punis*, откуда англ. *finish*, *punish*. Подобным же образом и ср.-англ. *gan* утратило свое первоначальное значение в конструкциях типа *he gan look*, которые стали означать просто „он (действительно) посмотрел“. Предлог *to* в более раннее время употреблялся в предикативе только тогда, когда обозначалось изменение (*take her to wife* „взять

¹ В предикативе в финском языке при глаголах, обозначающих изменение; и становление, употребляется специальная падежная форма (транслатив).

² Многие из этих образований употребляются как в переходном, так и в непереходном значении.

³ Например, в идо: *staceskas* „поднимается“ (*stacas* „стоит“), *sideskas* „садится“, *jaceskas* „ложится“, *dormeskas* „засыпает“, *redeskas* „краснеет“ и т. п.

ее в жены“), но теперь он употребляется и без этого значения (He had her to wife „Она была его женой“); так же обстоит дело и с датским предлогом *til*.

Противоположный вид изменения, когда какое-нибудь состояние прекращается, выражается иногда специальными языковыми образованиями, как в случае нем. *verbl̄hen* „отцвесть“, дат. *avblomstre*, но обычно это значение выражается с помощью таких глаголов, как *cease* „прекращаться“, *stop* „останавливаться“.

Заметьте три параллельных выражения, соответственно обозначающие: (а) переход в состояние, (b) нахождение в состоянии и (с) выход из состояния: *fall in love with* „влюбиться“, *be in love with* „быть влюбленным“, *fall out of love with* „разлюбить (кого-либо)“; *fall asleep* „заснуть“, *sleep* „спать“, *wake (wake up)* „проснуться“. Однако глагол *wake* „проснуться“ можно рассматривать и как глагол, выражающий переход в состояние; тогда соответствующий глагол, выражающий состояние, будет *to be awake* „бодрствовать“, иногда *wake* (ср. дат. *vegne* : *vege* = франц. *s'yveiller* : *veiller*).

7) Различие, связанное с тем, подразумевается или не подразумевается результат. Немецкие сложные образования с *er-* часто имеют результативный характер, например *ersteigen* „взойти“; такие случаи приводят обычно в качестве одного из основных примеров, показывающих, как глагол приобретает перфективный характер в результате сложения (*Perfektivierung durch Zusammensetzung*). Однако трудно понять, почему, например, глагол *ergreifen* „захватывать“ более перфективен, чем *greifen* „хватать“.

Я думаю, что было бы лучше обойтись без терминов „перфективный“ и „имперфективный“ („совершенный“ и „несовершенный“) вид, сохранив их лишь применительно к славянскому глаголу, где они имеют определенное значение и давно пользуются общим признанием. В других языках в каждом конкретном случае необходимо внимательно устанавливать характер значения данного глагольного выражения, определяя при этом, к чему оно относится — к самому ли глаголу, префиксу или суффиксу, к временной форме или контексту. Под термином „перфективный“ объединяются различные вещи. Если мы теперь рассмотрим интересные примеры с префиксом *ga-* из готского языка, собранные Штрейтбергом („*Gotisches Elementarbuch*“, изд. 5-е, 1920, стр. 196), то увидим, что „перфективация“ у Штрейтберга означает, во-первых, завершение: *swalt* „умирал“, *gaswalt* „умер“; *sagq* „погружался“, *gasagq* „погрузился“ (см. выше, п. 4); во-вторых, изменение: *slepan* „спать“, *gaslepan* „заснуть“; *ahan* „молчать“, *gaуahan* „замолчать“ и др. (см. выше, п. 6); в-третьих, достижение чего-то путем данного действия: *fraihnan* „спрашивать“, *gafraihnan* „узнать что-либо путем расспросов“, *ginnan* „бежать“, *garinnan* „достичь путем бега, добиться“¹. Последние сближаются с примерами, данными

¹ То же самое мы видим и в древнеанглийском языке: *winnan* „сражаться“ — *gewinnan* „взять с боем“; в более позднее время приставка в этом глаголе была утрачена, но глагол сохранил значение др.-англ. *gewinnan* без понятия боя. Большинство готских примеров — *hausjan*, *gahausjan*, *sai?an*, *gasai?an* („слышать“, „услышать“, „видеть“, „увидеть“) — следует отнести к п. 6, например: *Wildedun sai?an юатеi jus sai?ю jah ni gase?un* „хотели видеть, что вы видите, и не увидели“. Однако это различие не всегда ясно, в частности, в следующей строке: *jah hausjan юатеi jus gahauseю jah ni hausidedun* (Лука, X.24), где Штрейтберг берет на себя смелость внести изменение: *hauselю jah ni gahausidedun*. В XIV. 35 он также изменяет рукописный текст, стремясь внести последовательность, о которой Вульфилла, возможно, и не помышлял.

в п. 7, хотя это не совсем то же самое: тот, кто „взбирается“ (ersteigt) на гору, не приобретает гору. С другой стороны, они определенным образом связаны с тем, что на стр. 181 было названо дополнением результата: dig a hole „копать яму“ (ср. dig the garden „копать сад“), но в то же время они не имеют, по-видимому, никакого отношения к различению времен или временных форм.

Глава XXI

ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ РЕЧЬ

Два типа. Сдвиг времен. Сдвиг наклонов. Вопросы в косвенной речи. Косвенные просьбы. Заключительные замечания.

ДВА ТИПА

Если мы хотим сообщить о том, что говорит или говорило (думает или думало) другое лицо, или передать свои собственные слова или мысли, относящиеся к какому-либо прошлому периоду, мы прибегаем обычно к одному из следующих двух способов:

Либо приводим или стремимся привести точные слова, сказанные (или написанные) кем-либо — это *п р я м а я р е ч ь* (oratio recta).

Либо воспроизводим эти слова применительно к обстоятельствам, в которых они теперь приводятся — это *к о с в е н н а я р е ч ь* (oratio obliqua).

Прямой речи может предшествовать предложение типа „Он сказал“ или „Она спросила“ и т. п., хотя указание на автора нередко дается и в середине цитируемой речи: „Хотела бы я знать, — сказала она, — что будет с нами?“ В латинском языке для таких случаев есть специальное слово со значением „говорить“: inquam, inquit.

Прямое цитирование обусловлено тем же психологическим состоянием и ярким представлением о прошлом, что и „драматическое настоящее время“ (стр. 301). Отсюда частое употребление настоящего времени при указании на автора речи: „говорит он, говорю я“, вместо „сказал он, сказал я“.

Существует два типа косвенной речи, которые я буду называть „зависимой речью“ и „представленной речью“. В первом случае¹ зависимость устанавливается по отношению к предшествующему глаголу: „он сказал (подумал, надеялся)“ или „он спросил (удивился, хотел знать, не имел представления и т. п.)“; во втором случае зависимость обычно подразумевается всем построением.

Что имеется в виду под косвенной речью второго типа, лучше всего показать на примере. После того как Пенденнис проваливается на экзамене в университете, Теккерей пишет (стр. 238): „I don't envy Pen's feelings as he thought

¹ По Лорку berichtete Rede (см. его брошюру: L o r k, Die erlebte Rede, Heidelberg, 1921).

of what he had done. He had slept, and the tortoise had won the race. He had marred at its outset what might have been a brilliant career. He had dipped ungenerously into a generous mother's purse; basely and recklessly spilt her little cruse. Oh! it was a coward hand that could strike and rob a creature so tender... Poor Arthur Pendennis felt perfectly convinced that all England would remark the absence of his name from the examination lists, and talk about his misfortune. His wounded tutor, his many dons, the undergraduates of his own time and the years below him, whom he had patronised and scorned — how could he bear to look any of them in the face now? — „All that the Rector could say could not bring Helen to feel any indignation or particular unhappiness, except that the boy should be unhappy. What was this degree that they made such an outcry about, and what good would it do Pen? Why did Doctor Portman and his uncle insist upon sending the boy to a place where there was so much temptation to be risked, and so little good to be won? Why didn't they leave him at home with his mother? As for his debts, of course they must be paid; — his debts! — wasn't his father's money all his, and hadn't he a right to spend it? In this way the widow met the virtuous Doctor,“

Нелегко найти подходящее описательное название для этого вида косвенной речи. Лорк справедливо отвергает термин Тоблера (смешение прямой и косвенной речи), термин Калепки (завуалированная речь) и термин Балли (свободный косвенный стиль), но и его собственный термин *erlebte Rede* „пережитая речь“ немногим лучше. Я не нашел более удачного термина, чем термин „представленная речь“ (*represented speech*). (По-немецки я сказал бы *vorgestellte Rede*, а по-датски — *forestillet tale*.)¹

Балли полагал, что это явление свойственно только французскому языку, но Лерх и Лорк приводят большое количество примеров из немецкого, хотя при этом и высказывают мысль, что здесь, может быть, сказывается влияние французского языка, особенно языка Золя (!). Однако это явление распространено и в Англии (где его можно найти задолго до Золя, например, у Джен Остин), и в Дании, вероятно, также и в других странах (недавно я нашел испанские примеры); этот тип косвенной речи настолько естествен, что мог возникнуть самостоятельно в различных языках. Он характерен главным образом для длинного связного повествования, где рассказ о событиях во внешнем мире прерывается (часто без переходного „он сказал“ или „он подумал“) сообщением о том, что данное лицо сказало и подумало тогда, как будто эти слова или мысли являются непосредственным продолжением, внешних событий. Автор не испытывает и не „переживает“ высказываемые мысли и слова, а представляет их, откуда и данное мной название.

Представленная речь в целом ярче, чем первая разновидность косвенной речи. Она стоит ближе к прямой речи, она сохраняет ряд особенностей последней, в первую очередь ее эмоциональный характер, независимо от того, чем выражается эмоциональность — интонацией или особыми словами, например: *Oh! Alas!* „Увы!“, *Thank God!* „Благодарение богу!“ и т. п.

Приспособление к изменившимся условиям, характерное для косвенной речи, достигается следующими способами:

происходит сдвиг лица,

¹ Керм (C u r m e, A Grammar of the German Language, New York, изд. 1-е, стр. 248; изд. 2-е, стр. 245; не упомянуто Лорком) называет ее „независимой формой прямой речи“.

сдвиг времени,
сдвиг наклонения,
меняется форма вопроса,
форма приказания или просьбы.

Различие между зависимой и представленной речью проявляется главным образом в последних двух изменениях. Сдвиг лица уже рассматривался в гл. XVI; здесь мы рассмотрим остальные изменения.

СДВИГ ВРЕМЕН

В соответствии с:

- (1) I am ill — Я болен;
- (2) I saw her the other day — Я видел ее на днях;
- (3) I have not yet seen her — Я еще не видел ее;
- (4) I shall soon see her, and then everything will be all right — Я скоро увижу ее, и тогда все будет в порядке;
- (5) I shall have finished by noon — Я кончу к полудню.

В косвенной речи произойдет следующий сдвиг времен:

He said that — Он сказал, что

- (1) he was ill (косвенное настоящее время);
- (2) he had seen her the other day (косвенное прошедшее время);
- (3) he had not seen her yet (косвенный перфект);
- (4) he should soon see her, and then everything would be all right (косвенное будущее время);
- (5) he should have finished by noon (косвенное добудущее время).

Допрошедшее время нельзя сдвинуть дальше: I had already seen her before she nodded „Я уже заметил ее, до того как она кивнула“ в косвенной речи будет: He said that he had already seen her before she nodded. Прошедшее время нереальности часто также остается несдвинутым; таким образом: He said that he would pay if he could может соответствовать как I would pay if I could „Я заплатил бы, если бы мог“, так и I will pay if I can „Я заплачу, если смогу“. Поскольку must „должен“ имеет сейчас только одну форму, оно остается неизменным в косвенной речи: He said that he must leave at once „Он сказал, что должен ехать немедленно“ = He said: I must leave at once. Это фактически единственный случай, когда must может употребляться в современной разговорной речи как форма прошедшего времени.

Из примеров видно, что косвенное прошедшее время и косвенный перфект совпадают по форме с допрошедшим временем, а косвенное будущее время — с условным наклонением: так же и во французском языке, где j'iscirais выполняет две функции — условного наклонения (J'iscirais si je savais son adresse) и косвенного простого будущего (Il disait qu'il йcirait le plus tft possible = *прямой*: J'йcirai le plus tft possible).

Если теперь задать вопрос, каково взаимоотношение между косвенными временами и списком форм, установленным выше (стр.300), то надо будет сказать: эти времена не следует включать в список; они не имеют никакого

отношения к обычным временным формам, так как ориентируются на другой нулевой пункт („тогда“), а не на настоящий момент („сейчас“). Предложение (He said that) *he should come as soon as he could* „(Он сказал, что) он придет, как только сможет“ ничего не говорит нам о моменте его прихода по отношению к настоящему времени; его приход рассматривается исключительно по отношению к тому моменту, когда он говорил. Может быть, он уже пришел, может быть, он как раз приходит сейчас или придет в будущем — все это остается неясным; ясно лишь одно: когда он говорил, он упоминал о своем приходе как о действии, которое мыслилось тогда в будущем времени.

Нет никакой необходимости также и в особых терминах для временных форм, получающихся в результате сдвига. В Оксфордском словаре (shall 14b) говорится о „предшествующем будущем“ (anterior future) или „будущем в прошедшем“ (future in the past) в предложении He had expected that he *should be able to push forward*, но это просто сдвинутое (или косвенное) будущее время. На „предшествующее будущее перфектное“ примера не дается, но, очевидно, имеются в виду случаи типа He said that he *should have dined* by eight „Он сказал, что пообедает к восьми часам,“ которое соответствует прямому: I shall have dined by eight; таким образом, здесь мы имеем дело со сдвинутым (или косвенным) добудущим временем (или, если обозначить его как временную форму, — с формой сдвинутого или косвенного будущего времени).

Сдвиг времен в косвенной речи является вполне естественным, а во многих случаях даже неизбежным: He told me that he was ill, but now he is all right „Он сказал мне, что он болен, но теперь он здоров“ — здесь употребление формы прошедшего времени *was* мотивируется реальным положением дел; *was* в одно и то же время является формой прямого прошедшего времени и косвенного настоящего. Однако это не всегда бывает так; очень часто глагол ставится в форме прошедшего времени только потому, что в этом времени стоит главный глагол, и говорящий не делает перерыва в речи, чтобы установить, в каком отношении к настоящему моменту находится упомянутое им действие. Вот что говорит об этом ван Гиннекен: „*Je ne savais pas qui il était*. Est-ce que je veux dire par là qu’il est quelque autre maintenant? Nullement. *Était* se trouve là par inertie, et par *savait* seul on comprend qu’il faut entendre la chose ainsi: *était* et *est* encore“ (Van Ginneken, Principes de linguistique psychologique, Amsterdam, Paris, 1907, 499). Или, скорее, можно сказать, что здесь не говорится, остается ли положение таким, каким было раньше. I told you he was ill „Я сказал вам, что он болен“ — он, может быть, болен еще и сейчас, а может быть, уже поправился. В следующих примерах на настоящее время указывает скорее природа самих обозначаемых явлений, чем слова, но сдвиг вполне естественен: What did you say your name *was*? „Как, вы сказали, вас зовут?"; I didn't know you *knew* Bright „Я не знал, что вы знаете Брайта"; How did you know I *was* here? „Как вы узнали, что я здесь?" Последний пример особенно интересен из-за *contradictio in adjecto* между его присутствием и формой *was*: I am here now, but how did you know that?

Необходимо известное умственное усилие для того, чтобы отказаться от формы прошедшего времени и употребить логически более оправданную форму настоящего времени, даже если речь идет о какой-нибудь общеизвестной истине. Поэтому нельзя ожидать, что говорящие всегда будут неизменно логичны в своей практике применения последовательности времен.

Мы можем колебаться в случаях типа *He told us that an unmarried man was (или is) only half a man* „Он сказал нам, что неженатый человек — это только полчеловека“, но мы, очевидно, предпочтем несдвинутый вариант в случаях типа *It was he who taught me that twice two is four* „Именно он научил меня тому, что дважды два — четыре“.

Употребление несдвинутого настоящего времени означает, что сам говорящий убежден в истинности своего утверждения, тогда как сдвиг времен перекладывает ответственность за это утверждение на первого, высказавшего мысль; отсюда и следующее различие: *He told us that it was sometimes lawful to kill* „Он сказал, что иногда убийство бывает законным“ (но, может быть, он ошибался) и *I did not know then that it is sometimes lawful to kill* „Я тогда не знал, что убийство иногда бывает законным“ (но оно бывает законным). Обратите внимание на форму прошедшего времени в реплике Фальстафа: *Did I say you were an honest man?* с продолжением: *Setting my knighthood and my souldiership aside, I had lyed in my throat, if I had said so.* Иногда решающее значение имеет интонация: *I thought he was married* „Я думал, что он женат“ с одной интонацией значит: „Теперь я вижу, что ошибся, считая его женатым“, а с другой — „Конечно, он женат, — разве я вам не говорил?“

Настоящее время сослагательного наклонения не подвергается сдвигу в прошедшее в сообщениях о предложениях на собрании и т. п.: *He moved that the bill be read a second time* „Он предложил, чтобы законопроект был рассмотрен во втором чтении“. Здесь форма *be* воспринимается как указание на будущее время, а поэтому является более адекватной, чем форма *were*, которая привнесла бы значение нереальности или гипотетичности. У других глаголов не было бы никакого различия в прошедшем времени между формами изъявительного и сослагательного наклонения, а поэтому форма глагола в той конструкции, в которой высказывается предложение, остается неизменной, несмотря на союз *that*¹.

В большинстве случаев сдвиг времен происходит тогда, когда главный глагол относится к какому-нибудь моменту в прошлом; однако, правда, гораздо реже, такой сдвиг может происходить и при глаголе в будущем времени. Если мы представим себе, что человек, в настоящее время отсутствующий, скажет в будущем *I regret I was not with them then* „Я сожалею, что не был с ними тогда“, мы, естественно, скажем: „*He will regret that he is not with us now* „Он будет сожалеть, что он сейчас не с нами“. Однако Генрих V у Шекспира (IV. 3. 64) употребляет форму прошедшего времени, содержащуюся в прямой речи дворян, о которых говорит (хотя и произносит *here* „здесь“, что предполагает

¹ В русском языке существует правило, согласно которому в косвенной речи употребляется та же форма времени, что и в прямой речи; сдвигу подвергается только лицо. Это правило, по мнению западного европейца весьма неестественное, (вместе с несколькими другими славянизмами) введено в язык эсперанто его создателем доктором Заменхофом, а из эсперанто было заимствовано языком идо, в котором оно формулируется так: *He said that he loved — that he had heard — that he should come* должно передаваться соответственно настоящим, прошедшим и будущим: *il dicis ke il amas — ke il audis — ke il venos*. В пользу этого довольно искусственного правила можно привести только один довод: в противном случае пришлось бы, может быть, создать особую форму для сдвинутого будущего времени, поскольку логическому характеру этого языка противоречило бы употребление в качестве сдвинутого будущего той формы, которая имеет значение условного наклонения (*venus*), как это бывает в наших западных языках (*viendrait, should come, wÿrde kommen*).

его собственную точку зрения): And gentlemen in England, now a bed, Shall thinke themselves accurst they *were* not here, And hold their manhoods cheape, whiles any speakes, That *fought* with vs vpon Saint Crispines day. Это напоминает латинские „эпистолярные времена“, суть которых состоит в том, что автор письма переносится в то время, когда это письмо будет читаться, и поэтому употребляет имперфект или перфект, где для нас единственно естественной является форма настоящего времени.

СДВИГ НАКЛОНЕНИЙ

Сдвиг наклонений, при котором изъявительное наклонение заменяется в косвенной речи каким-либо другим наклонением, ни в современном английском, ни в датском языке не встречается; однако это явление характерно для других родственных языков. В латинском языке широко употребляется винительный падеж с инфинитивом как соответствие главному предложению в прямой речи, а также более самостоятельным подчиненным предложениям; в остальных же подчиненных предложениях употребляется сослагательное наклонение. В других языках действуют иные правила, а употребление сослагательного или желательного наклонения в косвенной речи различно по различным древним языкам нашей семьи, и представляется более вероятным, что оно развилось самостоятельно в разных местах и по разным причинам. Т. Фрэнк (T. Frank, „Journal of English and Germanic Philology“, 7. 64 и сл.), отвергая более ранние „метафизические“ объяснения, исходящие из „субъективности“ и „потенциальности“, приводит убедительные доводы в пользу того, что употребление сослагательного наклонения в германских языках представляет собой перенесение по аналогии употребления сослагательного наклонения в зависимых предложениях при таких глаголах, как гот. *wenjan*, др.-англ. *wenan*, нем. *whnen*, имевших сначала значение „надеяться, желать“, а поэтому, естественно, требовавших желательного наклонения. Такое употребление сохранилось и тогда, когда эти глаголы приобрели значение „воображать, думать“, а затем оно было перенесено и на глаголы „думать, говорить“ и т. п.

Особенно поучительно развитие форм косвенной речи в немецком языке, потому что оно определяется различными и часто противоречивыми тенденциями: с одной стороны, тенденцией к согласованию временной формы глагола в косвенной речи с временной формой главного глагола (выраженной или подразумеваемой), а с другой — тенденцией к сохранению временной формы, употребленной в первоначальном высказывании; далее — тенденцией к употреблению сослагательного наклонения для выражения сомнения и неуверенности, а также для выражения подчинения даже тогда, когда не имеется в виду сомнение, и, наконец, — общей тенденцией к ограничению употребления сослагательного наклонения и замене его изъявительным. Поскольку сила всех этих тенденций различна в разные периоды истории языка и в разных частях страны, немецкие писатели и немецкие грамматисты не всегда единодушны в решении вопроса о том, какую форму нужно предпочесть. Реально же мы встречаемся со следующими конструкциями:

Er sagt, da er krank ist „Он говорит, что он болен“.

Er sagt, er ist krank.

Er sagt, daß er krank sei.
Er sagt, er sei krank.
Er sagt, daß er krank wäre.
Er sagt, er wäre krank.
Er sagte, daß er krank war.
Er sagte, er war krank.
Er sagte, daß er krank sei.
Er sagte, daß er krank wäre.
Er sagte, er wäre krank.

(См., например, Deibrück, Grundlagen der neuhochdeutschen Satzlehre, Berlin, 1920, 73 и сл.; Behaghel, Die Zeitfolge der abhängigen Rede, 1878; Curme, A Grammar of the German Language, 237.) Конечно, в этом вопросе царит не такой уж хаос, как можно было бы заключить из приведенного списка. Но я не имею возможности останавливаться здесь на подробностях. Однако я хочу обратить внимание читателя на то, как стремление к недвусмысленности форм осуществляется даже за счет последовательности, что превосходно было сформулировано Кермом в следующем отрывке:

„Хотя можно соблюдать и новую последовательность [т. е. употреблять в косвенной речи ту же временную форму, что и в прямой]... обычно ее применяют только тогда, когда формы сослагательного наклонения ясно отграничиваются от форм изъявительного, а в остальных случаях придерживаются традиционной последовательности. Так, поскольку в прошедшем времени сослагательное наклонение отграничивается яснее, чем в настоящем, форма настоящего времени после прошедшего времени в главном предложении... регулярно заменяется формой прошедшего времени... во всех тех случаях, где форма настоящего неясна: Sokrates erkldrte, alles, was er wisse, sei, daЯ er nichts wisse; viele wьЯten (сослагательное наклонение настоящего времени не отличалось бы от изъявительного) aber auch dies nicht. Sie sagten, sie hdtten (форма прошедшего времени вместо формы настоящего времени haben) es nicht getan. Sie sagten, sie wьrden (форма прошедшего времени вместо формы настоящего времени werden) morgen kommen. Стремление к ясной форме сослагательного наклонения так велико, что форма прошедшего времени употребляется вместо формы настоящего даже после глагола настоящего времени, если таким образом обеспечивается ясная форма сослагательного наклонения: Sie sagen, sie hdtten es nicht gesellen и т. п. Sagen Sie ihm, ich kdme schon. — В случае если обе формы не отличаются от форм изъявительного наклонения, предпочитают все же формы прошедшего времени: Die Bildhauerei, sagen sie, kdnnen keine Stoffe nachmachen; dicke Falten machten eine ьbie Wirkung (Лессинг). Самый факт выбора формы прошедшего времени воспринимается как желание выразить сослагательное наклонение“ (стр. 240). (Это может быть отчасти обусловлено тем, что форма прошедшего времени указывает на нечто более отдаленное от реальной действительности, например: If he was well, he would write, и т. д.; см. стр. 310).

ВОПРОСЫ В КОСВЕННОЙ РЕЧИ

Здесь обнаруживается основное различие между двумя типами косвенной речи — зависимой и представленной речью. Сначала рассмотрим зависимые вопросы.

Когда вопрос передается в косвенной речи, вопросительная интонация, которая часто бывает основным показателем вопроса, по необходимости теряется или ослабляется; однако утрата вопросительной интонации до некоторой степени компенсируется, отчасти во вводной (или вставной) формуле, где вместо глагола *say* „говорить“ употребляется глагол *ask* „спрашивать“, отчасти употреблением вопросительного союза, если нет вопросительного местоимения. Союз часто восходит к местоимению, означавшему „который из двух“: англ. *whether*, исл. *hvort*, лат. *utrum*; однако в других случаях его происхождение может быть самым различным; нередко встречается условный союз: англ. *if*, франц. *si*, дат. *om*; ср. нем. *ob*. Очень часто различие между прямым и косвенным вопросом отмечается различным порядком слов¹: *Who is she?* „Кто она такая?“ — *He asked who she was* „Он спросил, кто она такая“; *How can I bear to look any of them in the face?* — ... *how he could bear to look...*; *Hasn't he a right to spend his money?* — ... *whether he had not...* Также и в других языках, например в датском: *Hvem er hun?* — *Han spurgte, hvem hun var*; *Hvor kan jeg holde det ud?* — ... *hvor jeg kunde holde det ud*; *Nar han ikke ret?* — ...*om han ikke havde ret*. Во французском: *Qui est-elle?* (*Qui est-ce?*) — *Il a demandé qui elle était (qui c'était)*; *Comment peut-on le souffrir?* — ... *comment on pouvait le souffrir*; *N'a-t-il pas raison?* — ... *s'il n'avait pas raison*. В датском языке есть и дополнительное различие: вопросительное местоимение в функции подлежащего требует добавления *der* в косвенном вопросе: *Hvem har ret?* — *Han spurgte (om) hvem der havde ret?*; *Hvad er grunden?* — ... *hvad der var grunden* ($\nu\xi$ $\epsilon\rho\lambda\theta$ *grunden* $\varsigma\pi\upsilon\kappa\varsigma\sigma\epsilon\varsigma\rho$ \square $\kappa\upsilon\kappa$ $\omicron\xi\delta\lambda\epsilon\zeta\upsilon\omega\epsilon\epsilon$, $\chi\varsigma\xi$ $\varsigma\upsilon\kappa\zeta\epsilon$ $\beta\epsilon\eta\mu\xi\zeta\nu\xi$, $\omicron\zeta\lambda\sigma\chi\upsilon\epsilon\varsigma\rho$ \square $\xi\alpha\pi\upsilon\varsigma\nu\iota$ $\omicron\zeta\pi$ \square $\delta\zeta\kappa$ $\rho\lambda\xi\beta$: *Han spurgte om hvad grunden var*).

В английском языке становится все более обычным употреблять вместо формы, характерной для зависимых косвенных вопросов, ту форму, которая употребляется также в представленной речи, — без вводного *if* или *whether* и с обратным порядком слов. Так: *I know not yet, was it a dream or no* „ β $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}$ $\acute{\iota}\acute{\alpha}$ $\varsigma\acute{\iota}\acute{\alpha}\rho$, $\acute{\nu}\acute{\eta}$ $\acute{\upsilon}\acute{\omicron}\acute{\iota}$ $\acute{\alpha}\acute{\upsilon}\acute{\epsilon}$ $\acute{\epsilon}\acute{\epsilon}\acute{\epsilon}$ $\acute{\iota}\acute{\alpha}\acute{\delta}$ “ ($\text{\textcircled{O}}\acute{\alpha}\acute{\epsilon}\acute{\epsilon}\acute{\epsilon}$); *Íá said was I coming back, and I said yes; and he said did I know you, and I said yes; and he said if that was the case, would I say to you what I have said, and as soon as I ever saw you, would I ask you to step round the corner* (Диккенс). У современных авторов такие случаи встречаются очень часто; в следующем примере налицо смешение с зависимой формой: *They asked where she was going, and would she come along with them?* (Карлейль). В немецком языке также встречается такая форма, хотя и редко: *Man weiß nicht recht, ist er Junggeselle, Witwer oder gar geschieden* (G. Hermann).

Косвенные вопросы очень часто употребляются не только для передачи прямых вопросов, но и (в качестве „первичных предложений“ — *clause primaries*) при глаголах *know* „знать“, *doubt* „сомневаться“, *see* „видеть, понимать“ и т. п.: *I want to know if he has been there* „Я хочу знать, был ли он

¹ В английском — без глагола *do*, который влечет за собой вопросительный порядок слов: *What does she see?* — *I ask what she sees*.

там“; Go and see who it is, and try to find out where he comes from „Пойди посмотри, кто это, и постарайся выяснить, откуда он“; It is not easy to say why the book is so fascinating „Не легко сказать, почему книга производит такое сильное впечатление“. Косвенный вопрос может быть и подлежащим, например: Whether this is true or not is still an open question „Правда это или нет, — вопрос открытый“. Иногда главное предложение может быть опущено, и (формально) косвенный вопрос таким образом становится (с точки зрения значения) прямым: If I may leave it at that? (I ask if... = May I leave it at that?) „Можно мне ограничиться этим?“

В представленной речи в косвенных вопросах происходят только те сдвиги, которые характерны для всякой косвенной речи, а именно — сдвиг лица и сдвиг времени; в остальных отношениях эти вопросы ничем не отличаются от прямых вопросов. Так, вопросы How can I bear to look any of them in the face now? и Hasn't he a right to spend it? в отрывке из „Пенденниса“ превратились просто в How could he bear... и Hadn't he a right... What does she see? стало What did she see?¹ Во французском языке настоящее время (prйsent) заменяется имперфектом (imparfait), в немецком употребляется прошедшее время изъявительного наклонения (не сослагательного) и т. д.

Восклицания, вводимые вопросительным словом, остаются без изменений, за исключением сдвига во времени и в лице: What a nuisance it is to change! становится What a nuisance it was to change и в том случае, когда оно стоит после такого глагола, как He said, и в том случае, когда оно входит в состав представленной речи.

КОСВЕННЫЕ ПРОСЬБЫ

Такие просьбы (приказания и т. д.), которые в прямой речи выражаются в форме повелительного наклонения, должны претерпевать изменения. В зависимой речи элемент просьбы выражается в главном глаголе, например в случае, когда Come at once „Приходи немедленно“ превращается в He ordered (commanded, told, asked, implored) me (her) to come at once „Он приказал (скомандовал, сказал) мне, попросил, умолял меня (ее) прийти немедленно“. Но когда главный глагол не выражает элемента просьбы, последний находит свое выражение в зависимом предложении: He said (wrote) that I (she) *was to come* at once „Он сказал (написал), что я (она) должен (должна) прийти немедленно“. В представленной речи обычно употребляется последняя форма, хотя в отдельных случаях может сохраняться повелительное наклонение, например в следующем отрывке из Диккенса: Mr. Spenlow argued the matter with me. He said, *Look* at the world, there was good and evil in that; *look* at the ecclesiastical law, there was good and evil in that. It was all part of a system. Very good. There you were. Повелительное наклонение с *let us* по-разному передается в обоих типах косвенной речи: He proposed that we (they) were to go „Он предложил, чтобы мы (они) ушли“ и Let us (them) go „Давайте пойдем (Пусть они идут)“.

¹ Эта же форма косвенного вопроса употребляется и в том случае, когда в вопрос вставляется he asked: Hadn't he a right, she asked, to spend his money? Так же и в датском языке: Havde han ikke, spurgte hun, ret til at bruge sine egne penge? Обратите также внимание на английскую формулу: Mrs. Wright presents her compliments to Mrs. Smith, and might she borrow a saucepan, please?

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Различие между прямой и косвенной речью не всегда строго соблюдается. Цитируемая прямая речь может вводиться союзом „что“, который, вообще говоря, характерен для косвенной речи; так бывает нередко в греческом языке. Греческое *Kai legōn autō? hoti ean thelē?s, dunasai me katharisaí* было воспроизведено Вульфиллой: *Jah qiuands du imma juatei jabai wileis, magt mis gahrainjan* (Марк, 1. 40; ср. там же, 1. 37). Приведу современный пример из Теннисона: *She thought that peradventure he will fight for me*¹. Во французском языке находим *Je crois que non*, хотя *non* принадлежит к прямой речи.

Забывчивость человека или неспособность его сохранить в течение долгого времени измененную точку зрения, необходимую для косвенной речи, часто приводит к тому, что он начинает речь как косвенную, а продолжает ее уже в форме прямой речи. Примеры из греческих писателей, в частности из Ксенофонта, даются в учебниках греческого синтаксиса. Очень много такого рода примеров встречается в исландских сагах: *Segir at Brepí hafi rípit frb honum b skyginn, ok var hann senn yr augliti mýr, ok veit ek ekki til hans* „Он говорит, что Б. поехал от него в лес, и я скоро потерял его из виду, и я ничего не знаю о нем“ (Vols. 1); *Mjalti at hann skyidi gera til braup juera, en ek man snkjja eldivip* „Он сказал, что он (другой) будет готовить хлеб, но я принесу топливо“ (там же, 6); *Hann spurtr, hverir juar vjri, era hvn eru-nyir svb reipuligir?* „Он спрашивает, кто был там и почему вы так сердиты“ (там же, 9). Иного рода смешение двух типов речи находим у Гольдсмита: *But tell me how hast thou been relieved, or who the ruffians were who carried thee away?* (Vicar, 2. 166).

В немецком и датском языках существует любопытный способ выражения того, что по содержанию является косвенной речью: для этого используется глагол *soll, skal*: *Er soll sehr reich sein (gewesen sein); Han skal være (ha været) meget rig* „Говорят, что он очень богат (был очень богат)“. Поскольку *soll, skal* в большинстве случаев представляет собой ослабленное *миЯ*, то, я полагаю, что это употребление можно рассматривать как своего рода ослабленный эквивалент *миЯ*, *me, must*, выражающий логическую необходимость или неизбежность известного вывода, как в предложении *He must be very rich (since he can give so much to the poor)* „Он должен быть очень богат (раз он может столько давать бедным)“.

Глава XXII

КЛАССИФИКАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Que donnee nous fut parole
D'ia faire nos voloirs entendre,
Por enseigner et por aprendre.
ROMAN DE LA ROSE.

¹ Ср. также у Диккенса: *She sat sobbing and murmuring behind it, that, if I was uneasy, why had I ever married?* (I представляет собой сдвинутое *you*; вопрос изложен в „представленной косвенной речи“).

СКОЛЬКО РАЗРЯДОВ?

Бругман (*Verschiedenheiten der Satzgestaltung nach Maßgabe der seelischen Grundfunktionen*, Sächs. Ges. d. Wiss., 1918) дал подробную классификацию предложений или высказываний, состоящую из следующих главных разрядов, многие из которых включают до 11 подразрядов: 1) восклицание, 2) желание, 3) призыв (*Aufforderung*), 4) уступка, 5) угроза, 6) отказ (*Abwehr und Abweisung*), 7) заявление о воображаемой реальности, 8) вопрос¹. В трактовке этих разрядов чисто логические соображения часто переkreщаются с соображениями исторического характера, а поэтому трудно понять основной принцип построения всей классификации; трудно также понять, куда относятся такие простые высказывания, как *He is rich* „Он богат“. Однако подобные критические замечания не мешают признать, что в книге Бругмана много ценного: это — одна из последних работ маститого специалиста по сравнительному языковедению. Прежняя классификация значительно яснее: 1) утверждения, 2) вопросы, 3) желания, 4) восклицания (см., например, „Граматику“ Зонненшейна). Но и эта классификация имеет уязвимые места для критики: граница между (3) и (4) не ясна: почему *God save the King* „Боже, спаси короля“ и *Long may he reign* „Да будет он править долго“ исключаются из восклицаний и почему эти последние ограничены такими предложениями, которые „вводятся восклицательными местоимениями, прилагательными и наречиями“ типа *what* и *how*?

Другое возражение против классификации Зонненшейна заключается в том, что она является, как он сам отмечает, классификацией „предложений“, т. е. таких высказываний, которые содержат глагол в личной форме. Однако совершенно очевидно, что высказывания типа *What fun!* „Как забавно!“, *How odd!* „Как странно!“ или *Hurrah!* „Ура!“ являются в той же мере „восклицаниями“, как и восклицания, упомянутые выше. *Waiter, another bottle!*

„Официант, еще бутылку!“ нельзя отделить от „желаний“, содержащих повелительную форму; к утверждениям же надо отнести и „именные“ предложения, рассмотренные выше (стр. 137). К этому можно добавить, что термин „желание“ не очень подходит, если мы хотим включить в это понятие „приказания, просьбы, волеизъявления“ и т.п. и в то же время исключить такие случаи, как *I want a cigar* „Я хочу сигару“, *Will you give me a light, please* „Дайте мне огня, пожалуйста“ и т.п. По содержанию это желания, которые следует поместить в один разряд с повелительным предложением *Give me* „Дайте мне“, хотя по форме они представляют собой „утверждения“ и „вопросы“. Таким образом, очевидно, что приведенная классификация порочна, потому что она не является ни откровенно логической, ни откровенно синтаксической, а колеблется между той и другой: оба подхода важны, но их следует строго разграничивать в этой, как и в других областях грамматической теории.

¹ Эту классификацию интересно сопоставить со столь же подробной, но совершенно отличной классификацией Норейна (*Vert Speak*, 5. 91 и сл.), от изложения и критики которой я воздержусь.

Если же теперь попытаться наметить чисто логическую классификацию высказываний без учета их грамматической формы, то представляется естественным разделить их на два основных разряда, в зависимости оттого, желает говорящий воздействовать своим высказыванием на волю слушателя или нет. В первый разряд надо включить не только обычные утверждения и восклицания, но и такие желания, как *God save the King* и т. п. Для этого разряда, конечно, несущественно, слышит ли кто-нибудь говорящего или нет; высказывание типа *What a nuisance!* не изменится, будет ли оно сказано в разговоре с самим собой или обращено к другому лицу.

Во втором разряде цель высказывания — воздействовать на волю слушателя, то есть побудить его что-то сделать. Здесь есть два подразряда: просьбы и вопросы. Просьбы объединяют большое количество высказываний различной конструкции: с глаголом в форме повелительного наклонения, безглагольные выражения (*Another bottle!*, *Two third Brighton*, *A horse, a horse!*, *One minute*, *Hats off*), выражения, имеющие форму вопроса (*Will you pack at once!*), и выражения, имеющие форму утверждения (*You will pack at once*), если ситуация и интонация показывают, что они эквивалентны приказаниям, и т. п. Просьбы могут быть разнообразными: от грубых приказаний, через ряд промежуточных ступеней (требования, предписания, увещевания, приглашения) до робкой и униженной мольбы.

ВОПРОСЫ

Вопрос является своего рода просьбой, а именно — просьбой сообщить что-то, дать необходимые сведения. Вопросы опять-таки могут быть разнообразными: от фактического приказания до вежливой просьбы; ответа можно требовать и можно униженно просить. О близости между обычными просьбами и вопросами свидетельствуют частые случаи присоединения вопроса к повелительному наклонению: *Hand me that box, will you?* Вопрос *Well?* „Ну?“ значит то же, что повелительное *Go on!* „Продолжайте!“ или *Speak!* „Говорите!“

Существует два типа вопросов. *Did he say that?* „Сказал ли он это?“ — пример первого типа, а *What did he say?* „Что он сказал?“ и *Who said that?* — примеры второго типа. Для этих двух типов предлагались самые различные термины: *yes-or-no question* „вопрос, требующий ответа ‘да’ или ‘нет’“ или *categorical question* „категорический вопрос“ в отличие от *pronominal question* „местоименного вопроса“; *sentence question* „фразовый вопрос“ в отличие от *word question* „вопрос к слову“; *totality question* „вопрос ко всему высказыванию“ в отличие от *detail question* „вопрос о деталях“ или *partial question* „частичный вопрос“; *Entscheidungsfrage* „решающий вопрос“ в отличие от *Ergdnzungsfrage* „развивающий вопрос“ или *Tatsachenfrage* „вопрос о фактах“; *Bestdtigungsfrage* „вопрос, требующий подтверждения“ в отличие от *Bestimmungsfrage* „определяющий вопрос“. Норейн (*Vert Sprek*, 5. 118 и сл.) рассматривает и подвергает критике указанные термины и в заключение предлагает свои собственные (шведские) термины; *rogation* в отличие от *kvestion*. Подобное различение терминов было бы неприемлемым для английского языка (и для французского), где слово *question* приходится

употреблять в качестве общего термина для вопроса; кроме того, термины Норейна страдают еще одним серьезным недостатком: невозможно запомнить, какой из них обозначает первый, а какой — второй тип вопросов. Недвусмысленные термины легко найти, если мы вспомним, что в первом случае ставится под вопрос истинность нексуса: говорящий хочет разрешить свои сомнения по поводу того, правильно ли соединять данное конкретное подлежащее с данным конкретным сказуемым. Поэтому вопросы такого типа можно назвать „нексусными вопросами“ (nexus-questions). В другом типе вопросов мы имеем дело с неизвестным — совсем как в алгебраическом уравнении; поэтому для обозначения „неизвестного“ мы можем воспользоваться общепринятым знаком *x*, а для обозначения вопроса, направленного на установление „икса“, употреблять термин „иксовые вопросы“ (*x*-questions).

Иногда в одном уравнении может быть два неизвестных, например в разговорном вопросе *Who shall sit where?* „Кто где будет сидеть?“ (Однако *I don't know which is which* и *Who's who?* имеют другое значение; фактически они означают: „Which (who) is one, and which (who) is the other?“).

Ответом на нексусный вопрос может быть „да“ или „нет“. Ответом на „иксовый вопрос“ может быть, в зависимости от обстоятельств, все что угодно, кроме „да“ или „нет“. Что касается интонации, то для нее существует общее правило: в нексусных вопросах она характеризуется подъемом, а в иксовых вопросах — падением в конце предложения. Однако встречаются и такие вопросы, которые в этих двух отношениях сходны с иксовыми вопросами, но по форме сближаются с нексусными. Если мы к вопросу *Is it white?* „Оно белое?“ добавим *or black?* „или черное?“, а к вопросу *Do you drink sherry?* „Вы пьете херес?“ добавим *or port?* „или портвейн?“, то получим разделительные (disjunctive) или альтернативные (alternative) вопросы, в которых подъем тона сосредоточен на первой части (как в простом вопросе), а добавленная часть (*or white, or port*) произносится с падающим тоном. Такие вопросы эквивалентны местоименным (иксовым) вопросам типа *What colour is it?* „Какого это цвета?“, *Which do you drink, sherry or port?* „Что вы пьете, херес или портвейн?“ Однако интересно отметить, что вопросы, на первый взгляд одинаковые, могут иметь различное значение в зависимости от различий в интонации; если *sherry or port* рассматривать как общий термин, обозначающий крепкие вина, то ответ на вопрос *Do you drink* (такие крепкие вина, как) *sherry or port?* естественно, будет „да“ или „нет“ (ср. O. Jespersen, *Lehrbuch der Phonetik*, 15. 54). Вопросы с *neither... nor* „ни... ни“ (*Have you neither seen nor heard it?*) являются нексусными вопросами, так как *neither... nor* представляет собой отрицательное соответствие выражению *both... and* „и... и“, а не выражению *either... or* „или... или“.

Следует также упомянуть форму, которую я назвал „вопросами второй степени“ (*Lehrbuch der Phonetik*, 15. 52). Один спрашивает другого; *Is that true?* „Это правильно?“, а тот вместо ответа повторяет: *Is that true?*, имея в виду: „Как вы можете это спрашивать?“ В подобном случае в большинстве языков употребляется та же форма, что и в косвенных вопросах: *Om det er sandt?*; *Ob das wahr ist?*; *Si c'est vrai?*¹, хотя эти предложения и отличаются от обычных

¹ Est-ce que vous avez déjà tué beaucoup de lions, monsieur de Tartarin? — Si j'en ai beaucoup tué, monsieur? (Доде).

косвенных вопросов гораздо более отчетливым подъемом вопросительного тона. Такую же форму я нашел у Кэкстона (Caxton, Reynard 21, подражание французской конструкции?): „Loue ye wel myes [mice]? Yf I loue hem wel, said the catt, I loue myes better than ony thing“. Однако обычно в английском языке форма вопроса в этом случае (инверсия без союза) не отличается от формы, употребляемой в прямых вопросах; я собрал большое количество примеров, начиная с самых ранних комедий до новейших романов. Поскольку повторение вопроса имеет в виду подчеркнуть, что сама постановка его была излишней, оно становится равносильным утверждению: Do I remember it? „Помню ли я это?“ = Certainly I remember it „Конечно, помню“; любопытно, что поэтому часто бывает безразлично, есть ли в вопросе отрицание или нет: Don't I remember it? „Не помню ли я это?“ также равносильно утверждению.

Вопросы, введенные вопросительным словом (иксовые вопросы), тоже могут быть повторены собеседником, и здесь в большинстве языков также употребляется форма косвенных вопросов: Was hast du getan? — Was ich getan habe? „Что ты сделал? — Что я сделал?“; Hvad har du gjort? — Hvad jeg har gjort? Во французском языке вопросительное предложение заменяется относительным: Ce que j'ai fait? Чосер употреблял вставное that, как и в других предложениях: But wherefore that I speke al this? (Parlement of Foules, 17). Но со времени Шекспира в английском языке стало обычным просто повторять вопрос в неизменном виде (за исключением интонации: Where is it? — Where is it? taken from is, it is (Шекспир). — Изменение характера вопроса при „возведении его во вторую степень“ можно обнаружить также и по типу требуемого ответа: „What have you done?“ — „What have I done?“ — „Yes, that is what I wanted to know“ „Что вы сделали? — Что я сделал? — Да, я хотел это знать“. Вопросы этого типа, таким образом, всегда бывают нексусными.¹

Формальные средства, с помощью которых выражаются вопросы, следующие: 1) интонация; 2) специальные вопросительные слова — местоимения или частицы, например лат. *nūm*, энклитическое *-ne* (первоначально отрицательное слово), дат. *mon* (первоначально вспомогательный глагол), франц. *tī* („Language“, 358); в разговорном французском языке вопросительной частицей можно считать [eskɔ]; 3) порядок слов.

Однако нужно заметить, что очень часто предложение, оформленное как вопрос, не выражает по содержанию вопроса, т. е. просьбы разрешить возникшее у говорящего сомнение. Кроме так называемых риторических вопросов, отчасти сохраняющих вопросительное содержание, здесь надо упомянуть выражения удивления: What! are you here? „Что!? Вы здесь?“; конечно, это говорится не с той целью, чтобы выяснить, находится ли здесь данное лицо. Сюда же относится Isn't he stupid! „Ну не глуп ли он!“; нем. Ist das ungläublich! В таких восклицаниях интонация меняется, поэтому нельзя сказать, что они полностью оформлены как вопросы. Это в еще большей мере справедливо по отношению к условным предложениям с тем же порядком слов,

¹ Существует и другой тип повторяемого вопроса; при нем в предложении могут встретиться два вопросительных слова. А говорит: Why are you doing this? „Почему вы это делаете?“, а В переспрашивает: Why am I doing what? „Почему я делаю что?“ Это иксовый вопрос, относящийся к части первоначального вопроса.

что в вопросах; такие предложения развились из вопросов: *Had he been here, I should have given him a piece of my mind* „Был бы он здесь, я бы сказал ему пару теплых слов“.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Определения „предложения“ слишком многочисленны и слишком разнородны, чтобы их можно было здесь все привести или подвергнуть критике¹. Если отвлечься от мнимых определений, в которых лингвистические термины употребляются с целью скрыть отсутствие ясной мысли, большинство определений исходят либо из формальных, либо из логических, либо из психологических соображений; в некоторых случаях авторы стремились примирить две или даже все три точки зрения. Однако, хотя, таким образом, в теории нет никакой согласованности, на практике грамматисты обычно проявляют больше единодушия; если предложить им на рассмотрение конкретную группу слов, они не будут сомневаться, следует ли признать ее подлинным предложением или нет.

По учению традиционной логики каждое предложение состоит из трех членов: субъекта, связки и предиката. При анализе каждого предложения (суждения) логики разбивают его на эти три компонента и таким образом получают неизменную схему, которая облегчает их действия. Однако даже в отношении их чисто интеллектуальных суждений эта схема является искусственной и надуманной; к огромному большинству тех повседневных предложений с большей или меньшей эмоциональной окраской, которые составляют главный предмет исследования для грамматиста, она совсем не приложима.

Теперь вместо старой „трехчленности“ обычно говорят о „двучленности“: в каждом предложении усматривают два компонента — подлежащее и сказуемое. В предложении *The sun shines* „Солнце светит“ *the sun* является подлежащим, а *shines* — сказуемым. Каждый из этих двух компонентов может быть сложным: в предложении *The youngest brother of the boy whom we have just seen once told me a funny story about his sister in Ireland* „Младший брат мальчика, которого мы только что видели, однажды рассказал мне забавную историю о своей сестре в Ирландии“ все слова до слова *seen* представляют собой подлежащее, а все остальные — сказуемое. Существуют различные мнения по вопросу о том, как возникает эта двучленность психологически: соединяются ли два представления (*ideas*), уже существующие раздельно в сознании говорящего, или же одно представление (*Gesamtvorstellung*) расчленяется в целях коммуникации на два частных

¹ См. *Noreen*, *Vårt Språk*, Lund, 1903, 5. 51. 576; *Sonnenschein*, *A New English Grammar*, Oxford, 1921, §1; *Sweet*, *A New English Grammar*, Oxford, § 447; *Brugmann*, *Kurze vergleichende Grammatik*, Straßburg, 1904, 623; *Verschiedenheiten der Satzgestaltung*, Leipzig, 1918, 15; *Paul*, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, Halle, 1909, § 85; *Deutsche Grammatik*, Halle 1916, 3. 10; *Wundt*, *Die Sprache*, Leipzig, 1900, 2. 234; *Wellander*, *Bedeutungslehre*, 5; *Sundén*, *Elliptical Words*, 4; *E. Otto*, *Grundlage der Sprachwissenschaft*, 145; *Kretschmer*, *Einleitung in die Altertumswissenschaft*, 1. 515; *Sheffield*, *Grammar and Thinking*, New York, 1912, 47; *Wegener*, „*Indogermanische Forschungen*“, 39. 1 и т. д., и т. п.

представления. Однако этот вопрос мы можем не затрагивать. С другой стороны, важно иметь в виду, что два компонента предложения — подлежащее и сказуемое — представляют собой то же самое, что и два компонента нексуса — первичный компонент и аднекс; но, как мы уже видели, не всякий нексус образует предложение: предложение образует только *н е з а в и с и м ы й* нексус.

Однако языковеды начинают все больше и больше признавать, что, кроме двучленных предложений упомянутого типа, существуют одночленные предложения. Они могут состоять из одного-единственного слова, например: *Come!* „Идите!“, или *Splendid!* „Восхитительно!“, или *What?* „Что?“, или из двух или большего количества слов, которые в таком случае не должны относиться друг к другу, как подлежащее к сказуемому, например: *Come along!* „Идемте!“, *A capital idea!* „Прекрасно!“, *Poor little Ann!* „Бедная Анечка!“, *What fun!* „Как забавно!“ Здесь следует всячески остерегаться ошибки, которую допустил даже такой грамматист, как Суит. Он говорит („*New English Grammar*“, § 452), что „с грамматической точки зрения эти сгущенные предложения едва ли вообще являются предложениями: скорее они представляют собой нечто промежуточное между словом и предложением“. Это утверждение основано на предпосылке, что слово и предложение не принадлежат к различным сферам, а являются двумя ступеньками одной лестницы; между тем однословное предложение есть в одно и то же время и слово, и предложение, подобно тому как однокомнатный домик с одной точки зрения будет комнатой, а с другой — домом, а не чем-то промежуточным между комнатой и домом.

Грамматист старого толка, конечно, будет возражать против этой теории одночленного предложения и будет склонен объяснять такие случаи при помощи своей панацеи — эллипсиса. В случае *Come!* он усмотрит подразумеваемое подлежащее *you*, а в случае *Splendid!* и *A capital idea!* — не только подлежащее (*this*), но и глагол (*is*). Таким образом, во многих восклицаниях высказанное можно рассматривать как аднекс, а подлежащим (первичным компонентом) считать всю ситуацию или то, что подразумевается этой ситуацией (ср. гл. X). Большинство грамматистов, вероятно, придерживалось бы того мнения, что в латинских однословных предложениях *Canto* или *Pluit* есть подразумеваемое подлежащее, как бы ни было трудно указать точно, что является подлежащим последнего глагола. Однако грамматисты должны всегда быть осмотрительны при допущении эллипсиса, кроме тех случаев, где он совершенно необходим и где не может быть никаких сомнений по поводу того, что подразумевается, например: *He is rich, but his brother is not [rich]; It generally costs six shillings, but I paid only five [shillings]*. Но что подразумевается в *Watercresses!* „Салат!“ или *Special edition!* „Специальный выпуск!“, *I offer you...* „Предлагаю вам...“ или *Will you buy...* „Купите ли вы..?“, или *This is...* „Это...?“

Если слово *John!* „Джон!“ образует целое высказывание, его, в зависимости от обстоятельств и интонации, можно толковать по-разному: „Как я люблю тебя, Джон!“, „Как ты мог это сделать?“, „Рад тебя видеть!“, „Это был Джон? а я думал — это Том!“ и т. п. Как можно свести эти различные значения предложения *John!* к схеме „подлежащее-сказуемое“ и как может эллипсис помочь нам при анализе? Но нельзя отрицать, что здесь налицо предложения. И это еще не все. *Yes* „Да“, *No* „Нет“, междометия типа *Alas!* „Увы!“ или *Oh*, а также прищелкивания языком, несовершенно передаваемые написаниями *Tut* и

Тск, являются предложениями в такой же степени, как и самые изящные предложения, когда-либо произносимые Демосфеном или принадлежащие перу Сэмюэля Джонсона.

Если мы примем это, — а я, признаться, не вижу, через какое звено цепи, соединяющей джонсоновские конструкции и прищелкивание языком, надо провести демаркационную линию, — тогда определение предложения будет не таким уж трудным делом.

Предложение есть (относительно) полное и независимое человеческое высказывание; его полнота и независимость проявляются в том, что оно стоит отдельно или может стоять отдельно, т. е. может быть произнесено само по себе¹.

В этом определении я намеренно избрал слово „высказывание“ (utterance) как самый широкий термин, какой я мог подыскать. Обычно под высказыванием понимается сообщение (a piece of communication), обращенное к кому-то другому, но это не обязательно (разговор с самим собой!); однако для того чтобы быть предложением, высказывание должно представлять собой сообщение, которое кто-либо мог бы услышать².

Теперь рассмотрим, что подразумевается под словом „независимо“ в нашем определении. *She is ill* „Она больна“ является предложением, но если те же самые слова войдут в состав сочетания *He thinks (that) she is ill* „Он думает, что она больна“ и *He is sad when (if, because) she is ill* „Он печален, когда (если, потому что) она больна“, они будут уже не независимыми высказываниями, а частями предложений — либо, как в первом примере, — дополнением к *thinks*, либо, как в других — субъюнктами (строго говоря, частями субъюнктов, так как при этом требуются и союзы). Эти части предложений, обозначаемые в английском языке термином (dependent) clauses, называются по-немецки *Nebensdtze* „придаточные предложения“, а по-датски *bisjtninger*, как будто бы они сами по себе были особого рода предложениями, хотя, в соответствии с нашим определением, они таковыми не являются. Точно так же в то время как *What to do?* „Что делать?“, когда оно стоит отдельно, является полным предложением, оно перестает быть таковым в сочетании *He did not know what to do* и становится так называемым clause³.

Из моего определения следует, что, когда *If only something would happen!* стоит отдельно и означает *I wish something would happen* и когда *If this isn't the limit!* означает *This is the limit*, они являются (полными) предложениями, хотя совершенно очевидно, что развились они из зависимых предложений (clauses), требующих для своего завершения какого-то продолжения.

¹ В одной из своих прежних работ я определял предложение как то, что может употребляться самостоятельно, не будучи ответом или откликом (retort), и, таким образом, исключал *Yesterday* как ответ на вопрос *When did it happen?* и *If* в случае, упомянутом на стр. 106. Теперь я несколько сомневаюсь в правомерности такого ограничения.

² Некоторые определения „предложения“ настолько узки, что трудно представить, как под них можно подвести вопросы. Но мое определение не таково; хотя вопрос в некоторой степени незавершен и требует ответа, он является все же относительно полными и независимым высказыванием.

³ В специальном термине („сложное предложение“) для предложения, которое содержит одно или больше зависимых предложений, необходимости нет. Ср. конец гл. VII.

Можно легко заметить, что предложение в том виде, как оно определено здесь, является чисто понятийной категорией; для того чтобы слово или группа слов стали предложением, не требуется никакой особой грамматической формы. Я даже не пойду за теми исследователями, которые вводят термин „нормальное предложение“ (Normalsatz) для предложений, содержащих подлежащее и глагол в личной форме. Подобные предложения могут быть нормальными в спокойной, гладкой, неэмоциональной прозе, но как только в речь проникает живая эмоция, начинают широко употребляться предложения, которые выпадают из этого нормального образца, но которые тем не менее имеют все основания считаться естественными и обычными предложениями.

Было бы, пожалуй, лучше разделить предложения на следующие разряды:

1) Нечленимые (inarticulate): Thanks! (Thanks very much; Many thanks); What?; Off!

2) Получленимые (semi-articulate): Thank you! (Thank you very much); What to do?; Off with his head!¹

3) Членимые (articulate): I thank you; What am I to do?; You must strike off his head!

Членимые предложения содержат оба компонента нексуса, а поскольку „именные предложения“, рассмотренные выше (см. стр. 138), составляют меньшинство, то, таким образом, значительное большинство членимых предложений имеет в своем составе глагол в личной форме.

В речевой практике любого языкового коллектива всегда будут действовать мощные силы, направленные на создание в языке упорядоченности, регулярности, единообразия и определенных образцов. В результате всеобщего подражания наиболее употребительным сочетаниям слов некоторые типы имеют тенденцию становиться фактически универсальными. А отсюда многие слова, которые первоначально, может быть, встречались редко и считались более или менее излишними, становятся все более и более употребительными и в конце концов могут стать необходимыми, потому что они подводят предложение под самый употребительный тип. Поскольку в большинстве предложений есть подлежащее (Petrus venit), оно вводится и в тех случаях, где оно прежде отсутствовало: je viens, il vient, il pleut (в отличие от venio, venit, pluit); так же и в англ. I come, he comes, it rains. Так как в большинстве предложений перед глаголом стоит какое-нибудь слово, в употребление вошло пустое there в конструкции there are many, и т.п. А поскольку многие предложения содержат глагол, то он вставлялся и в такие предложения, где первоначально в нем не было необходимости; отсюда употребление „связки“ is и употребление does в предложении So John does! Так как некоторые глаголы обычно сочетаются с предикативом, в употребление вводится пустое so (нем. es, дат. det), например In France the population is stationary, and in England it is rapidly becoming so „Во Франции население стабильно, а в Англии оно быстро становится таковым“; ср. также: To make

¹ Это очень интересный тип (Away with you!; On with your vizards!; To the rack with him!); здесь налицо субъект, подразумевающий движение, и первичный компонент, вводимый предлогом with; роль предлога сходна с его ролью в сочетаниях a cage with the bird flown и pale with the pallor of death.

men-happy, and to keep them so (Поп). Так как в большинстве случаев после адьюнктов стоит первичное слово, в сочетаниях типа a grey horse instead of the white one; birds love their young ones и т.п. в качестве опорного слова вводится one. Во всех этих случаях действует фактически одна и та же тенденция — завершать предложения так, чтобы они соответствовали господствующему образцу.

Хотя эта тенденция к единообразию и не была проведена вполне последовательно до конца, она явилась основой для утверждения, что в каждом предложении, или в каждом нормальном предложении, должны обязательно быть подлежащее и глагол в личной форме; но так как мы понимаем, что это только тенденция, а не закон языка, то нужно дать такое определение „предложению“, которое бы не требовало наличия этих двух компонентов.

Во всякой речевой деятельности следует различать: экспрессию, суппрессию и импрессию (expression, suppression, impression). Экспрессия — это то, что говорящий дает; суппрессия — то, чего он не дает, хотя и мог бы дать, а импрессия — то, что получает слушатель. Важно заметить, что импрессия часто вызывается не только тем, что прямо выражается, но и тем, что остается невыраженным. Суггестивность (suggestion) — это импрессия через суппрессию. Только нудные люди стремятся выразить все, но даже и они не могут этого сделать. Не только писатель знает, что нужно оставить в чернильнице, в чем, как правильно замечают, и заключается его искусство, но и мы в самых обыденных репликах оставляем невыраженным многое из того, что произвело бы впечатление педантизма. Выражение Two third Brighton return „Два третьего Брайтона обратно“ заменяет Would you please sell me two third-class tickets from London to Brighton and back again, and I will pay you the usual fare for such tickets „Будьте добры, пожалуйста, дайте мне два билета третьего класса от Лондона до Брайтона и обратно, а я внесу вам обычную проездную плату за таковые“. Сложные существительные дают два названия, но ничего не говорят о том, как надо понимать отношение между ними: *home life* = *life at home* „домашняя жизнь“; *home letters* = *letters from home* „письма из дому“, *home journey* = *journey (to) home* „поездка домой“; ср. далее: *life boat*, *life insurance*, *life member*; *sunrise*, *sunworship*, *sunflower*, *sunburnt*, *Sunday*, *sun-bright* и т. д.

Как в структуре сложных слов, так и в структуре предложения, многое предоставляется сочувственному воображению слушателя; часто вслух говорится только то, что с точки зрения профессионального мыслителя или педантичного учителя составляет лишь часть высказывания; но этою достаточно для того, чтобы слушатель понял, в чем дело. Это особенно справедливо в отношении определенных типов предложения, в которых одинаковые суппрессии происходят так часто, что в конце концов никто не думает о том, что пропущено, а остаток превращается в настоящее идиоматическое выражение, и грамматисты должны признать его как законченное предложение. Есть два типа суппрессии, которые требуют особого внимания (ср. „Language“, 273).

1) Опускается начало предложения в результате процесса, который можно обозначить ученым термином *prosiopesis*: говорящий начинает произносить или думает, что он произносит, однако не производит слышимых звуков (или из-за отсутствия выдоха, или потому, что он не привел свои голосовые связки в надлежащее состояние), и, таким образом, пропадает один

или два слога из тех, которые он хотел произнести. В качестве примеров можно привести приветствия типа *Morning* вместо *Good morning*, нем. (Guten) *Tag* и т. д. Далее: разговорное выражение *See?* „Понимаете?“ вместо *Do you see?*; (Do you) *remember that chap?*; (Will) *that do?*; (I'm a) *fraid not*; (When you) *come to think of it*, (I shall) *see you again this afternoon*; (God) *bless you!* Подобные примеры встречаются во всех языках.

2) Опускается конец: *aprosiopesis* — ученое название явления, которое я в другом месте („Language“, 251) обозначил более разговорным термином „внезапно оборванные предложения“ (*stop-short or pull-up sentences*). Сказав *If only something would happen* „Если бы только что-нибудь произошло...“, говорящий останавливается, не уяснив себе, как он стал бы продолжать, если бы ему пришлось закончить предложение: сказать ли ему „я был бы счастлив“, или „было бы лучше“, или „было бы недурно“, или что-нибудь другое, что может прийти ему в голову. Но даже без всякого продолжения придаточное предложение с *if* получает значение, выходящее за пределы его буквального смысла, и становится как для говорящего, так и для слушателя законченным выражением желания. Другие способы выражения желания: нем. *Wer doch eine Zigarre hätte!*; дат. *Hvem der havde en sigar!*; исп. *Quién le diera!* Другие примеры внезапно оборванных предложений: *Well, I never! The things he would say! The callousness of it! To think that he has become a minister! Dire qu'il est devenu ministre! Tænke sig at han er blevet minister! Figurarsi ch'egli è divenuto ministro!* Во всех подобных случаях то обстоятельство, что здесь что-то опущено, не должно мешать нам рассматривать эти высказывания как достаточно законченные, чтобы их можно было назвать предложениями.

В других случаях, однако, суппрессия настолько сильна, что это условие не соблюдается. Я не склонен считать предложениями вывески (J. C. Mason, *Bookseller*), заглавия книг („*Men and Women*“), газетные заголовки („*New Conferences in Paris*“ или „*Killed his father-in-law*“), обозначения действующих лиц при диалоге в пьесах (*Hamlet*), записи в дневниках („*Tuesday. Rain and fog. Chess with uncle Tom, walk with the girls*“) и аналогичные краткие выражения. Важно, однако, заметить, что все эти явления встречаются только в письменной речи, а поэтому выпадают из языка в собственном смысле: в устной речи допускается много суппрессий, но результат здесь отличается от рассмотренного нами в настоящем абзаце.

Здесь уместно сделать несколько дополнительных замечаний о суппрессии¹. Высказывалось мнение (C. Alphonso Smith, *Studies in English Syntax*, 1906, стр. 3), что „глаголы обозначают деятельность и изменение: они торопливы и суетливы“ и что поэтому при опущении глаголов речь кажется спокойнее. В доказательство приводится стихотворение Теннисона („*In Memoriam*“, XI: *Calm and deep peace on this high wold*). В действительности же впечатление спокойствия создается здесь прежде всего постоянным повторением слова *calm* и его синонимов, а также и тем, что опущенный глагол *is* — глагол покоя. Если же опускаются глаголы движения, то их суппрессия может, наоборот, усилить впечатление беспокойства, например *Then rapidly to*

¹ О начальных придаточных предложениях в таких случаях, как *When in France, he was taken prisoner* и *If in doubt, answer no!*, можно сказать, что с одной точки зрения налицо сокращение (опущение *he was* и *you are*), а с другой — распространение *In France he was...*, *In doubt answer no!* Аналогичные соображения применимы к предложению *I want to know the reason why*.

the door, down the steps, out into the street, and without looking to right or left into the automobile, and in three minutes to Wall Street with utter disregard of police regulations and speed limits; или, например, Лонгфелло описывает, как Поль Ревир скакал на коне: A hurry of hoofs in a village street, A shape in the moonlight, a bulk in the dark, And beneath, from the pebbles, in passing, a spark Struck out by a steed flying fearless and fleet. Впечатление сжатости и силы, как и в приведенных случаях, создается в результате опущения глаголов во многих пословицах, афоризмах, девизах и других подобных изречениях: нем. Ende gut, alles gut более выразительно, чем англ. All is well that ends well, франц. Tout est bien qui finit bien, дат. Når enden er god, er alting godt. Ср. также: Like master, like man; Every man to his taste; No cure, no pay; Once a clergyman, always a clergyman; Least said, soonest mended; One man, one vote и т. д. Опущением тех элементов, которые могут показаться излишними, создается впечатление поспешности и деловитости, которая не дает возможности завершить предложение обычным способом; важно также и то, что пословицы и т. п. должны легко запоминаться, а поэтому не должны быть слишком длинными. В таких случаях, однако, эффект зависит не от того, что опущен именно глагол; бывают другие сокращенные пословицы и т.п., в которых достигается аналогичный эффект, хотя глаголы налицо: Live and learn; Rule a wife and have a wife; Spare the rod and spoil the child; Love me, love my dog¹. В обоих типах пословиц обычной структуре предложения с подлежащим и глаголом в личной форме предпочитается нечто сходное с японским рисунком, в котором контуры остаются незаконченными; самая смелость изображения создает известный художественный эффект, так как предоставляет воображению зрителя гораздо больше возможностей. И это грамматическое явление оказывается маленькой частицей извечной войны между классицизмом и импрессионизмом.

Глава XXIII

НАКЛОНЕНИЯ

Классификация. Повелительное наклонение. Изъявительное и сослагательное наклонения.
Понятийные наклонения.

КЛАССИФИКАЦИЯ

Многие грамматисты перечисляют следующие наклонения в английском и в других языках: изъявительное, сослагательное, повелительное, инфинитив и

¹ В какой форме стоит глагол в этих поговорках? Они очень сходны с теми случаями употребления повелительного наклонения (см. ниже, стр. 364), в которых оно не выражает просьбу, а соответствует условному придаточному предложению; различие состоит в том, что там после повелительного наклонения стоит целое предложение, которое является, так сказать, аподосисом, а здесь — глагол в той же самой форме, которую труднее истолковать как повелительное наклонение.

причастие. Однако очевидно, что инфинитив и причастия нельзя ставить в один ряд с остальными; об инфинитиве и причастиях было достаточно сказано в различных частях книги, а поэтому в настоящей главе мы будем рассматривать только первые три наклонения. Иногда их называют fact-mood „наклонение фактов“, thought-mood „наклонение мысли“ и will-mood „наклонение воли“. Однако они не „выражают различные отношения между подлежащим и сказуемым“, как говорит Суит („A New English Grammar“, § 293). Правильнее было бы сказать¹, что они выражают известное отношение (attitudes of the mind) говорящего к содержанию предложения, хотя в некоторых случаях выбор наклонения определяется не отношением говорящего, а характером самого придаточного предложения и его отношений к главному нексусу, от которого оно зависит². Далее, очень важно помнить, что мы говорим о „наклонении“ только в том случае, если отношение говорящего выражено формой глагола; следовательно, наклонение является синтаксической, а не понятийной категорией.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Сказанное выше справедливо даже в отношении повелительного наклонения, хотя оно стоит гораздо ближе к понятийной категории, чем изъявительное и сослагательное наклонения. Это — наклонение воли, так как его главная функция — выражать волю говорящего, хотя только — что весьма важно — в той мере, в какой она должна воздействовать на поведение слушателя; в других случаях говорящий выражает свою волю иными способами. Повелительное наклонение, таким образом, выражает просьбу, которая, как мы уже видели, может быть представлена различными градациями, начиная от строгого приказания и кончая робкой мольбой. Однако мы также видели, что просьбы очень часто выражаются другими средствами (Another bottle!; Wollen wir gehen; You will pack at once and leave this house³ и т. п.); читателю можно напомнить и об употреблении инфинитива для выражения просьбы (Einsteigen!; Nicht hinauslehnen!; Non piangere!) и о таком же употреблении причастий (Vorgesehen!; Still gestanden!; Wohl auf, Kameraden, auf's Pferd, auf's Pferd, In's Feld, in die Freiheit gezogen!) — иначе говоря, термины „повелительное наклонение“ и „просьба“ — не синонимы, и сферы их применения не совпадают.

Нельзя также утверждать, что формы повелительного наклонения употребляются исключительно для выражения просьбы. Форма повелительного наклонения очень часто выражает разрешение, которое не является просьбой,

¹ Как говорят Бругман, Эртель и Норейн.

² Так, во франц. Ma femme veut que je lui obéisse или Ma femme ne croit pas qu'il vienne сослагательное наклонение, очевидно, ничего не говорит о настроении *говорящего*.

³ Даже в эскимосском языке будущее время часто употребляется в значении повелительного наклонения: torqorumvgrparse = ihr werdet es aufheben = hebt es auf! (Kleinschmidt, Grammatik der grönländischen Sprache, 69). Я упоминаю это, поскольку Э. Лерх сделал недавно далеко идущие выводы о французском характере, исходя из того, что во французском языке существуют выражения типа tu le feras = fais-le: „den herrschsüchtigen, tyrannischen Charakter des Heischefuturums“. Дух гренландцев, может быть, менее деспотичен, чем дух любой другой нации.

поскольку говорящий не выражает желания, чтобы слушатель совершил какое-либо действие. Но разрешение *Take that (if you like!)* „Возьмите это (если хотите)!“ можно выразить и другими способами: *I allow you to take that; You may take that; I have no objection to your taking that; I don't mind if you take that.* — О запрещении = отрицательному приказанию или разрешению см. гл. XXIV.

Еще одно употребление повелительного наклонения можно показать на примере слов Гамлета: „*Vse euerie man after his desert, and who should scape whipping*“ — первая часть не является подлинной просьбой, а вторая часть „*to use every man after his desert*“ не является подлинным вопросом; вместе оба предложения означают: *if we used.., no one would escape punishment.* Другие примеры: *Spoil foc's' le hands, make devils* (Стивенсон); *Give you women but rope enough, you'll do your own business* (Ричардсон; употребление *you* в качестве косвенного дополнения показывает, что в действительности здесь не подразумевается никакой просьбы к собеседнице).

Поскольку форма повелительного наклонения в английском языке не имеет особого окончания, можно, пожалуй, подумать, что в этих предложениях налицо инфинитив (но в каком употреблении?). Однако сходное употребление в других языках ясно показывает, что это формы повелительного наклонения, например: нем. *Sage das, und du wirst (so wirst du) verhöhnt*; дат. *Tag hatten op eller lad den ligge, i begge tilfælde får du prygl*; франц. *Obligez cent fois, refusez une, on ne se souviendra que du refus*; лат. *Scaevae vivacern crede nepoti Matrem: nil faciet sceleris pia dextera* (Гораций); гр. *Dos moi pou stō, kai tēn gēn kinēsō.*

Так как формы повелительного наклонения в этой функции служат для выражения условия, становится понятно, почему они встречаются в сочетании с формой прошедшего времени, например: *Give him time, and he was generally equal to the demands of suburban customers; Hurry or interrupt him, and he showed himself anything but the man for a crisis* (Гиссинг). Становится ясным также и употребление перфектной формы повелительного наклонения в предложении *Soyez bon, pitoyable, intelligent, ayez souffert mille morts: vous ne sentirez pas la douleur de votre ami qui a mal aux dents* (Роллан). Заметьте также форму повелительного наклонения в середине зависимого предложения, например: *Darwin tells us how little curly worms, only give them time enough, will cover with earth even the larger kind of stones* (Биррелль); *An Alpine Avalanche; which once stir it, will spread* (Карлейль); *I thought that, take them all round, I had never seen their equals* (Батлер)¹.

Это употребление, если можно так выразиться, воображаемого повелительного наклонения (*imaginary imperative*)² помогает объяснить превращение некоторых форм повелительного наклонения в предлоги или союзы, например: *When you feel that, bar accidents, the worst is over* (Quiller-Couch); *I am not in the habit of beating women at any time, let alone at a lunch-party* (Hope); *Suppose he were to come, what then?* Дат. *Sæt han kom, hvad så?*

¹ О своеобразном употреблении формы повелительного наклонения в повествовательном стиле см. В г у г м а н н, *Verschiedenheiten der Satzgestaltung*, Leipzig, 1918, 79.

² Можно сказать, что оно обращено не ко „2-му лицу“ (слушателю), а к „обобщенному лицу“; см. гл. XVI.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ И СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЯ

Если теперь перейти к изъявительному и сослагательному наклонениям, то прежде всего необходимо заметить, что вопрос о них был без надобности усложнен теми авторами, которые рассматривают сочетания с вспомогательными глаголами (например, *may he come; he may come; if he should come; he would come*) как формы сослагательного наклонения от глагола *come* или эквиваленты сослагательного наклонения. Исследователи едва ли стояли бы на этой точке зрения, если бы они имели дело только с английским языком. Лишь тот факт, что подобные сочетания служат в некоторых случаях для перевода простого сослагательного наклонения в немецком и в латинском языках, мог подсказать употребление этих терминов, точно так же как *to the boy* иногда называют формой дательного падежа. В равной степени неправильно называть *bless* в предложении *God bless you* формой желательного наклонения (оптатива), в то время как ту же самую форму в предложении *if he bless you* называют формой сослагательного наклонения; термин „оптатив“ следует употреблять, если в данном языке существует специальная форма для его выражения, что, например, имеет место в греческом, хотя в нем оптатив, конечно, не является исключительно „оптативом“ в указанном смысле, т. е. желательным наклонением; у него есть и другие значения. Точная терминология — это *conditio sine qua non*, если мы хотим понять грамматические явления¹.

Принятая здесь точка зрения находится в прямом противоречии с точкой зрения проф. Зонненшейна. Хотя мои возражения против его теории наклонения по существу те же, что и против его теории падежей, нелишним будет посмотреть, что он говорит о наклонениях, и показать противоречия и трудности, присущие его системе. Термин „наклонение“, по его словам, не должен подразумевать различия в окончаниях. Такое определение внесло бы беспорядок в систему наклонений любого языка; например, лат. *regam* и *rexerit* и нем. *liebte* могут быть либо формами изъявительного наклонения, либо формами сослагательного наклонения, а лат. формы на *-ere* могут быть формами изъявительного наклонения, повелительного наклонения и инфинитива. На это я отвечаю, что мы признаем латинские наклонения, потому что большинство форм имеют различия: *rego, regis, rexero, rexeras* и бесчисленные другие формы могут быть формами только одного наклонения; а если мы подставим формы другого глагола или формы другого лица того же самого глагола, то будет нетрудно решить, к какому наклонению относится каждая двусмысленная форма в данном контексте. Если вместо нем. *liebte* в одном предложении мы скажем *hatte*, это будет форма изъявительного наклонения, а если *hatte* — то сослагательного и т. п.²

¹ Некоторые компаративисты в отношении германских языков употребляют термин „оптатив“ вместо термина „конъюнктив“, потому что его форма этимологически соответствует греческому оптативу.

² Проф. Зонненшейн далее говорит: „Английское сослагательное наклонение, если его правильно понять, представляет собой замечательный ключ к правилам употребления наклонения в других языках“. Это то же педагогическое заблуждение, которое мы видели выше (см. стр. 206)! Учащемуся, овладевшему сложной системой правил Зонненшейна об условных предложениях,

Таким образом, по мнению проф. Зонненшейна, наклонения — это категории значения, а не категории формы. Изъявительное наклонение обозначает факт (§ 211). Но если я говорю *Twice four is seven* „Дважды четыре — семь“, я употребляю форму изъявительного наклонения для выражения мысли, которая противоположна действительности. Это возражение можно назвать придижкой, так как Зонненшейн, очевидно, хочет сказать: „изъявительное наклонение употребляется для того, чтобы представить что-либо как факт“; но и в таком виде его определение не всегда применимо; ср. частое употребление изъявительного наклонения в условных предложениях: *if he is ill* „если он болен“ и после глагола *wish* „желать“: *I wish he wasn't ill* „Я хотел бы, чтобы он не был болен“.

Далее мы узнаем, что „значение сослагательного наклонения совершенно отлично от значения изъявительного“ (§ 214). Тем не менее в §315 читаем, что в предложении *Take care that you are not caught* „Остерегайтесь, чтобы вас не поймали“ изъявительное наклонение „употреблено в значении сослагательного“. Сходные противоречия мы встречаем и в других местах: в §219 автор допускает, что можно было бы употребить формы *comest* и *falls* вместо форм сослагательного наклонения в предложениях *Stint not to ride*, *Until thou come to fair Tweedside* и *Who stands, if freedom fall?*, но при этом добавляет, что „здесь формы изъявительного наклонения были бы употреблены в особом значении; они фактически были бы эквивалентны формам сослагательного наклонения“. Подобным образом и в §234: „Прошедшее время сослагательного наклонения употребляется иногда после *as if*, но всегда имеет при этом значение прошедшего времени сослагательного наклонения“. Однако поскольку различие наклонений, согласно определению, есть различие значений, отсюда следует, что изъявительное наклонение есть сослагательное наклонение! Далее, в § 303 (примечание) Зонненшейн говорит о сослагательном наклонении, не отграничивая его по значению от изъявительного в предложении *when I ask her if she love me*. Согласно § 219 (замечание), настоящее время изъявительного наклонения совершенно невозможно в придаточных предложениях-существительных, выражающих необходимость действия. Мы берем его собственный пример *Give the order that every soldier is to kill his prisoners* и, естественно, спрашиваем: в каком наклонении употреблено здесь *is (is to kill)* — в изъявительном или сослагательном? Как же тогда мыслящие ученики найдут дорогу в этих дебрях?¹

Если исходить из предположения, что решающим в этих случаях является значение, то будет трудно понять логику рассуждения в § 215: „Причина, почему сослагательное наклонение употребляется теперь не так часто, как раньше, состоит в том, что мы привыкли выражать значение сослагательного наклонения другими средствами, особенно сочетаниями глаголов *shall* и *may* с инфинитивом вместо употребления слов в сослагательном наклонении“; и в § 219: „Неверно, что сослагательное наклонение фактически исчезло из современного английского языка... Однако

„достаточно узнать“, что в латинском и немецком языках употребление форм тоже самое, чтобы попасть впросак, по крайней мере в некоторых случаях!

¹ Обратите также внимание на трактовку *should be* в предложении *I am glad that he should be here*. В § 299 оно называется эквивалентом сослагательного наклонения, но в § 475 говорится, что оно „почти эквивалентно временной форме изъявительного наклонения“.

будет вернее, если мы скажем, что эквивалентные выражения, упомянутые в § 215, употребляются еще чаще“. Для того чтобы перечисленные параграфы имели какой-то смысл, под „сослагательным наклонением“ необходимо понимать форму.

Хотя проф. Зонненшейн и говорит, что значение сослагательного наклонения отличается от значения изъявительного, он нигде точно не определяет это значение (правда, он объясняет значение некоторых частных случаев употребления сослагательного наклонения). Да и невозможно было бы дать одну формулу, которая покрыла бы все случаи употребления сослагательного наклонения даже в одном из языков индоевропейской семьи, не говоря уже обо всех индоевропейских языках вместе взятых. Наибольшее приближение к истине мы находим в термине *thought-mood* „наклонение мысли“¹ или скорее в термине „*non-committal mood*“ (Sheffield, *Grammar and Thinking*, New York, 1912, 123) в противоположность термину „*downright statement*“ „прямое заявление“; что-то упоминается с известным колебанием, сомнением или неуверенностью в его реальности. Однако даже это расплывчатое определение не всегда приложимо, поскольку иногда сослагательное наклонение употребляется для выражения чего-то заведомо воображаемого и нереального (*Wdre ich doch reich!* „Был бы я богат!“), но иногда и для выражения того, что является заведомо реальным (*Je suis heureux que tu sois venu* „Я рад, что ты пришел“²) Истинное положение вещей здесь, по-видимому, следующее: сослагательное наклонение первоначально употреблялось расплывчато в разнообразных случаях; в этих случаях его ни в логическом, ни в понятийном отношении невозможно отграничить от изъявительного наклонения. Далее в каждом языке оно имело особую судьбу; в некоторых языках область его применения сузилась, в других, наоборот, расширилась — особенно в зависимых предложениях. Расплывчатость значения сослагательного наклонения облегчает переход формы настоящего времени сослагательного наклонения в форму будущего времени изъявительного наклонения, как и случилось с лат. формой на *-am*, а также распространение 2-го лица единственного числа сильных глаголов из сферы сослагательного наклонения в сферу изъявительного, например др.-англ. *wjge*. Во многих случаях слияние двух наклонений может быть обусловлено внешним совпадением, но даже если не принимать это во внимание, все равно в ряде языков можно наблюдать сильную тенденцию к ликвидации этого наклонения. В датском и русском языках существует лишь небольшое количество изолированных пережитков;³ в английском сослагательное наклонение, начиная с древнеанглийского периода, все время отступает, хотя с середины XIX столетия наблюдается возобновление употребления некоторых случаев в литературе. В романских языках сослагательное наклонение употребляется реже, чем в латинском языке, что ясно видно из французских условных

¹ Норейн (*Vert Sprek*, 5. 131) говорит, что „конъюнктив“ выражает мнимое представление (но не разрешение) и желания, кроме надежды; самостоятельным наклонением он считает „оптатив“ (*fir permissiva och sprativa meningar*). Его выражения весьма неясны.

² Обратите внимание на утверждение Суита („*First Steps in Anglo-Saxon*“, § 96): Сослагательное наклонение иногда употребляется нелогично при обозначении фактов. Его пример взят из „*Беовульфа*“, 696: *Gesprjcs юa se goda gylp-worda sum*, *Beowulf Geata*, *jr he on bed stige*.

³ Русское *бы* или *б* едва ли можно считать теперь глагольной формой: оно добавляется к слову *что* или *если* или к глаголу, например: *Если бы я знал; Знал бы я*.

предложений (S'il йtait riche il payerait; последняя форма восходит к лат. изъявительному наклонению *pasare habebat*). Эта ярко выраженная тенденция отхода от сослагательного наклонения едва ли могла бы возникнуть, если бы одно наклонение понималось как несомненное наклонение „фактов“, а другое — „мысли“; мы приблизимся к истине, если определим изъявительное наклонение как наклонение, которое избирается в тех случаях, когда нет никаких особых соображений, препятствующих этому, а сослагательное — как наклонение, которое требуется или допускается лишь в ограниченном количестве случаев, меняющихся от языка к языку. Только тогда мы сможем понять частые колебания при выборе форм, например: англ. *if he comes* или *if he come*, нем. *damit er kommen kann* или *damit er kommen kцnne*, а также чередование наклонений без изменения значения, как во франц. *s'il vient et qu'il dise*. Я приведу несколько взятых наугад обыденных предложений из трех наиболее известных языков, чтобы показать существующие здесь расхождения:

If he be ill — If he is ill; S'il est malade; Wenn er krank ist.

If he were ill; Wenn er krank ware — If he was ill; S'il йtait malade.

Sie glaubt, er wйre krank — Sie glaubt, daβ er krank ist; She believes he is ill; Elle croit qu'il est malade.

Sie glaubt nicht, er wйre krank; Elle ne croit pas qu'il soil malade — She does not believe that he is ill.

Damit wйren wir fertig — I hope we are through now; Espйrons, que c'est fini.

Le premier qui soit arrivй — The first who has arrived; Der erste der angekommen ist.

Je cherche un homme qui puisse me le dire — I am looking for a man who can tell me that; Ich suche einen Mann, der mir das sagen kann (kцnnte).

Quoiqu'il soit rйellement riche — Though he is really rich; Obgleich er wirklich reich ist.

Однако если имеются расхождения, существуют и известные тенденции, общие для языков нашей семьи. Изъявительное наклонение обычно употребляется в относительных предложениях и предложениях, вводимых локальными и темпоральными союзами (*where* „где“, *when* „когда“, *while* „в то время как“), если не имеется в виду (в некоторых языках) намерение или если придаточное предложение не выражает мысль другого лица. Что касается условных предложений, то сослагательное наклонение чаще всего требуется, если подразумевается невозможность („предложения отвергнутого или, точнее, отвергаемого условия“ или „условия противоположного фактам“), хотя даже здесь английский язык стремится избавиться от сослагательного наклонения; значительно большее колебание наблюдается в выборе формы тогда, когда допускается возможность, но говорящий „хочет уклониться от подтверждения истинности или реализации утверждения“ (Оксфордский словарь); и, наконец, изъявительное наклонение требуется тогда, когда обе мысли излагаются не как обуславливающая и обусловленная, а как одинаково истинные: „If he was rich, he was open-handed too“, т. е. „Он был и богат, и щедр“, хотя эти качества не всегда сочетаются в одном лице; значение условной формы можно изложить

так: „Если вы допускаете, что он богат, вы также должны допустить, что он щедр“; ср. также *She is fifty if she is a day*¹.

Аналогичные соображения применимы и к уступительным предложениям (*though he were, was, be, is*).

ПОНЯТИЙНЫЕ НАКЛОНЕНИЯ

Можно ли было бы расположить все „наклонения“ в логически последовательную систему? Такая попытка была сделана грамматистами более ста лет назад на основе философии сначала Вольфа, затем Канта. Первый устанавливал в своей онтологии три категории: возможность, необходимость и случайность, а последний под общим названием „модальность“ — три категории: возможность, действительность и необходимость; Готфрид Герман дал дальнейшее подразделение: объективная возможность (сослагательное наклонение), субъективная возможность (желательное наклонение), объективная необходимость (греческие отглагольные прилагательные на *-teos*) и субъективная необходимость (повелительное наклонение). Едва ли стоит останавливаться на последовательном развитии этих теорий (см. содержательную статью Хэля: *W. G. Hale, A Century of Metaphysical Syntax, St. Louis Congress of Arts and Sciences, 1904, Vol. III*).

Недавно Дейчбейн предложил до некоторой степени сходную систему (*Deutschbein, System der neuenglischen Syntax, 113 и сл.*; ср. также „*Sprachpsychologische Studien*“, Cöthen, 1918). Вот его главные категории:

I. *Kogitativus*, II. *Optativus*, III. *Voluntativus*, IV. *Expectativus*, каждая с четырьмя подразделениями, которые обозначаются псевдоматематическими формулами: 1, 0, < 1 и > 1. Эти цифры обозначают, как он говорит, соотношение между мыслью и желанием, с одной стороны, и реальностью и возможностью реализации — с другой. Так, в предложении *Lebte mein Vater doch* „Жил бы еще мой отец“ пропорция между желанием (*W = Wunsch*) и возможностью реализации (*R = Realisierungsmöglichkeit*) приравнивается к 0, хотя математик, скорее, скажет, что это отношение = ?, в то время как *R = 0*. Если отвлечься от этого курьезного недосмотра, значение символов будет следующим: > 1 — необходимость, 1 — реальность, < 1 — возможность и 0 — невозможность. В пользу его точки зрения, если ее так сформулировать, можно привести некоторые доводы; однако мое трехчленное деление на необходимость, возможность и невозможность представляется мне логически более правильным, поскольку реальность и нереальность принадлежат к иной сфере, чем необходимость и возможность.

Даже схема Дейчбейна не является исчерпывающей; кроме того, он недостаточно отчетливо разграничивает синтаксические и понятийные категории. В качестве пробной схемы, объединяющей чисто понятийные категории, которые в различных языках более или менее расплывчато выражаются глагольными наклонениями и вспомогательными глаголами,

¹ В действительности в предложении *If he was successful it was because the whole situation helped him* не имеется в виду никакого условия; ср., с другой стороны, *If he were successful in that matter he would go on in the same way*.

можно, пожалуй, предложить следующий перечень. Однако этому перечню я не могу придавать большого значения: категории часто перекрывают одна другую, а термины не всегда удачны; включение в список условного и уступительного наклонений также можно оспаривать. В конце списка, может быть, надо добавить „подчинительное“ наклонение.

1. Содержащие элемент воли:

Jussive „Юссив“: Go! (приказание).
Compulsive „Компульсив“: He has to go.
Obligative „Облигатив“: He ought to go; We should go.
Advisory „Адвизив“: You should go.
Precative „Прекатив“: Go, please.
Hortative „Хортатив“: Let us go.
Permissive „Пермиссив“: You may go if you like.
Promissive „Промиссив“: I will go; It shall be done.
Optative „Оптатив“ (осуществимый): May he be still alive!
Desiderative „Дезидератив“ (неосуществимый): Would he were still alive!
Intentional „Интенционалис“: In order that he may go.

2. Не содержащие элемента воли:

Apodictive „Аподиктив“: Twice two must be four.
Necessitative „Нецесситатив“: He must be rich (or he could not spend so much).
Assertive „Ассертив“: He is rich.
Presumptive „Презумптив“: He is probably rich; He would (will) know.
Dubitative „Дубитатив“: He may be (is perhaps) rich.
Potential „Потенциалис“: He can speak.
Conditional „Кондиционалис“: If he is rich.
Hypothetical „Гипотетикалис“: If he were rich.
Concessional „Концессионалис“: Though he is rich.

Каждое из этих наклонений может выражаться самыми разнообразными языковыми средствами, помимо средств, упомянутых выше.

Если отрешиться от твердой почвы глагольных форм, реально существующих в конкретном языке, „наклонений“ будет мною¹.

¹ Искусственные языки, эсперанто и идо, весьма разумно ограничивают число наклонений двумя (кроме изъявительного): одно из них можно назвать дезидератив (в эсперантно оканчивается на -ч, в идо — на -ez, например: venez „приходи“, il venez „пусть он приходит“, por ke il venez „для того чтобы он пришел“), другое — кондиционалис (оканчивается на -us: se il venus, me pagus если бы он пришел, я заплатил бы“). В других случаях употребляются вспомогательные глаголы и наречия: mustas „должен“, povas „может“, forsan „может быть“.

ОТРИЦАНИЕ

Противоречащие и противные понятия. Некоторые трехчленные деления. Значение отрицания. Специальное и некусное отрицание. Двойное или кумулятивное отрицание. История отрицательных выражений. Подразумеваемое отрицание.

ПРОТИВОРЕЧАЩИЕ И ПРОТИВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Логики различают противоречащие понятия, такие, как white „белый“ и not-white „не-белый“, rich „богатый“ и not-rich „не-богатый“, и противные понятия, такие, как white „белый“ и black „черный“, rich „богатый“ и poor „бедный“. Противоречащие понятия, взятые вместе, охватывают все существующее, так как всякие промежуточные понятия исключаются, противные же понятия предполагают наличие одного или большего количества промежуточных понятий. Для противоречащих понятий язык обычно употребляет или производные слова, например unhappy „несчастливый“, impossible „невозможный“, disorder „беспорядок“, или составные выражения с наречием not „не“. С другой стороны, для выражения самых необходимых противных понятий очень часто употребляются особые корни. Отсюда такие пары, как young „молодой“ — old „старый“, good „хороший“ — bad „плохой“, big „большой“ — small „маленький“ и т.п. Промежуточные стадии могут выражаться отрицательно, например: neither young nor old „не молодой и не старый“, но в ряде случаев для промежуточных стадий существуют особые выражения: indifferent „безразличный“ в сравнительно новом значении: „то, что является промежуточным между хорошим и плохим“. Иногда существует даже целая цепочка слов, значения которых частично перекрывают друг друга, например: hot „горячий“, warm „теплый“, tepid „тепловатый“, lukewarm „тепленький“, mild „умеренный“, fresh „свежий“, cool „прохладный“, chilly „прохладный“, cold „холодный“, frosty „морозный“, icy „ледяной“; хотя каждое прилагательное, стоящее в начале списка, противопоставляется прилагательным в конце списка, провести резкую демаркационную линию между двумя половинами перечня невозможно.

Если теперь сопоставить два предложения — John is rich „Джон богат“ и John is not rich „Джон не богат“, — то они, по моему мнению, будут представлять противные, а не противоречащие понятия, поскольку возможно промежуточное Perhaps John is rich „Возможно, Джон богат“ или He may be rich „Он, может быть, богат“, He is possibly rich „Он, возможно, богат“. Кроме того, в качестве разновидности промежуточного понятия надо упомянуть: John is probably rich „Джон, вероятно, богат“ и No doubt John is rich „Без сомнения, Джон богат“ (так как no doubt „без сомнения“ при употреблении в обычной речи предполагает некоторое сомнение). Поэтому можно установить трехчленное деление:

- A. Positive „положительная ступень“,
- B. Questionable „сомнительная ступень“,

C. Negative „отрицательная ступень“.

A и C являются абсолютными величинами и предполагают уверенность; B предполагает неуверенность, и в этом отношении B составляет отрицательную параллель к двум положительным предложениям: A) *It is certain that he is rich* и C) *It is certain that he is not rich*.

Логик, может быть, будет поражен тем, что два предложения *John is rich* и *John is not rich* трактуются здесь как противные, а не как противоречащие, но, я думаю, он успокоится, если я скажу, что „богатый“ и „не-богатый“ — очевидно, противоречащие понятия и не допускают никаких промежуточных терминов: трехчленная группа, данная выше, имеет в виду только отношение говорящего к включению Джона в один из двух разрядов: „богатый“ и „не-богатый“. Наше трехчленное деление помогает понять лингвистические факты, связанные с вопросами, так как вопрос есть утверждение разряда B + просьба к слушателю разрешить сомнение. Поэтому несущественно, как формулируется вопрос — положительно или отрицательно: *Is John rich?* или *Is John not rich?* — это полные синонимы, поскольку подлинный вопрос двусторонен: *Is John rich, or is he not?* Об альтернативном вопросе см. выше стр. 352. Точно так же, предлагая стакан пива, можно сказать или *Will you have a glass of beer?* или *Won't you have a glass of beer?* Положительная и отрицательная формы выражения обозначают здесь одно и то же, как и в предложениях *Perhaps he is rich* и *Perhaps he is not rich*.

То, что здесь было сказано о вопросах, касается только неэмоциональных вопросов; особая интонация удивления превратит эти вопросы в две противоположности: *Will you (really) have a glass of beer?* будет означать: „Я удивлен, что вы хотите стакан пива“, а *Won't you have a glass of beer?* — обратное. В то время как в английском языке *Won't you pass me the salt?* „Не передадите вы мне соль?“ звучало бы грубо, так как предполагало бы нежелание со стороны того, к кому это предложение обращено, в датском языке *Vil De gække mig saltet?* обычно представляет собой приказание, а *Vil De ikke gække mig saltet?* будет вежливой просьбой (*Would you mind passing the salt?*). Одна голландка однажды рассказала мне, как она была сначала удивлена, услышав в пансионе в Копенгагене подобные отрицательные вопросы, которые она поняла как просьбу не передавать соль. Очень часто та или иная форма вопроса подбирается для того, чтобы подсказать ответ, особенно в разделительных вопросах (*tag-questions*): *He is rich, isn't he?*; *He isn't rich, is he?* Поэтому вопросы часто означают утверждение противоположного: *Am I my brother's keeper = I am not*; *Isn't that nice? = It is very nice*.

Так как восклицания во многих случаях развились из вопросов, становится понятным, почему часто бывает безразлично, есть или нет в восклицании слово *not*: *How often have I (not) watched him!*

НЕКОТОРЫЕ ТРЕХЧЛЕННЫЕ ДЕЛЕНИЯ

Теперь необходимо рассмотреть ряд понятий, имеющих первостепенное значение как для логика, так и для лингвиста, а именно: абсолютно противоположные понятия *all* „все“ и *nothing* „ничего“ и промежуточное

понятие something „что-то“. Назовем противоположные понятия А и С, а промежуточное — В. Их можно естественно представить в нисходящей шкале:

- A. everything, all, everybody (all girls, all the money)
- B. something, some, somebody (some girls, a girl, some money)
- C. nothing, none, nobody (no girl[s], no money).

Так же точно и наречия:

- A. always „всегда“, everywhere „повсюду“
- B. sometimes „иногда“, somewhere „где-то“
- C. never „никогда“, nowhere „нигде“.

Следует заметить, что some (something и др.) берется здесь в обычном значении, в каком оно употребляется в речи, а не в том, которое иногда придают ему логики и в каком оно представляет положительную противоположность к no (nothing) и, таким образом, включает возможность all¹. Промежуточная стадия В, разумеется, допускает большое количество частных подразделений. Из них я упомяну лишь те, которые представляют особый лингвистический интерес:

V1: many (girls) „много (девушек)“	much (money) „много (денег)“	very sorry „очень сожалею“
V2: a few (girls) „несколько (девушек)“	a little (money) „немного (денег)“	a little sorry „немного сожалею“
V3: few (girls) „мало (девушек)“	little (money) „мало (денег)“	little sorry „мало сожалею“

V1 приближается к А (all); V3 приближается к С (none) и во многих случаях может рассматриваться скорее как отрицательное, чем как положительное понятие; это особенно верно в отношении наречия little, например: *They little think what mischief is in hand* (Байрон). Лингвистический интерес представляет употребление неопределенного артикля для разграничения V2 и V3; это употребление не ограничивается английским языком: ср. франц. *un peu*, ит. и исп. *un poco*, нем. *ein wenig*. Это различие очень ясно проявляется в шекспировском предложении *When he is best, he is a little worse than a man, and when he is worst, he is little better than a beast*. V3 воспринимается как противоположное по отношению к V1, а V2 — как противоположное скорее по отношению к С; ср. *Few of the passengers survived* и *A few of the passengers survived*.

Трехчленное деление:

- A. Необходимость,
- B. Возможность,
- C. Невозможность,

¹ См. Кейнс, *Studies and Exercises in Formal Logic*, 100: „Однако у логиков при рассмотрении традиционной схемы [А = общеутвердительное суждение, I = частноутвердительное, E = общеотрицательное, O = частноотрицательное] обычно принималось другое значение, так что суждение «некоторые S суть P» несовместимо с суждением «Все S суть P». На стр. 200 Кейнс вынужден признать, что многие логики „не поняли ловушек, которые связаны с употреблением слова *некоторые*: Можно привести много примеров, когда они употребляют это слово в значении *некоторые, но не все*“. Но во имя здравого смысла хочется спросить; почему логики ставят для своих коллег такие ловушки, употребляя обычные слова в необычных значениях? Доводы Кейнса на стр. 203 далеко не убедительны.

по существу, является не чем иным, как особым случаем трехчленного деления, упомянутого выше, поскольку необходимость есть совокупность всех возможностей, точно так же, как невозможность означает исключение всех возможностей. Словесные средства выражения для этих трех категорий следующие:

- A. must (или need) „должен“,
- B. can (или may) „могу“,
- C. cannot „не могу“.

Если к этим трем категориям присоединить элемент воли, направленной на другое существо, результат будет следующий:

- A. Приказание,
- B. Разрешение,
- C. Запрещение.

Словесное выражение этих понятий:

- A. You must „Вы должны“,
- B. You may „Вы можете“,
- C. You must not (may not; см. ниже) „Вы не должны“ („не можете“).

Повелительное наклонение (Take that!) может означать либо А, либо В; см. выше в разделе „Просьбы“.

ЗНАЧЕНИЕ ОТРИЦАНИЯ

Чтобы установить значение отрицания, прежде всего необходимо подчеркнуть различие между отрицанием в языке и отрицательной величиной в математике: - 4 означает не все, что отлично от + 4, а точку настолько ниже 0, насколько 4 выше 0. Языковое отрицание, напротив, превращает понятие в противоречащее, во всяком случае теоретически, ибо при более близком рассмотрении оказывается, что это правило требует очень важных уточнений; для того чтобы понять их, следует постоянно иметь в виду деление на А, В и С. Сначала рассмотрим категорию В (см. выше, стр. 376): „не все и не ничего“.

Здесь общее правило для всех (или большинства) языков состоит в том, что not означает „меньше чем“, или, иначе говоря, „между данным термином и нулем“. Таким образом, not good означает „не такой хороший“, но не включает „отличный“; not lukewarm обозначает более низкую температуру, чем lukewarm, нечто между „тепловатый“ и „ледяной“, но не между „тепловатый“ и „горячий“. Это проявляется наиболее ясно при рассмотрении обычного значения отрицания при числительных: He does not read three books in year „Он не читает и трех книг в год“; The hill is not two hundred feet high „Высота холма не достигает двухсот футов“; His income is not ? 200 a year „Его доход не составляет 200 фунтов в год“; He does not see her once a week „Он не видит ее и один раз в неделю“; The bottle is not half full „Бутылка заполнена не до половины“ и др. — все эти выражения означают „меньше чем три“ и т. д. Поэтому сочетание „не один“ во многих языках стало означать „никто, ничего“, например др.-англ. nan = ne-an, откуда современные none „никто, ничего“, no „никакой“; далее: др.-исл. eingi, нем. k-ein, франц. pas un bruit и т. п.

Однако то же самое сочетание в виде исключения может означать „более чем“; только тогда слово, стоящее после „не“, должно иметь на себе сильное ударение (и своеобразную интонацию, указывающую на противопоставление). В таком случае после этого сочетания требуется более точное обозначение: *not lukewarm, but really hot* „не тепловатый, а прямо-таки горячий“; *His income is not two hundred a year, but at least three hundred* „Его доход не двести фунтов в год, а по крайней мере триста“; *Not once, but two or three times* „Не единожды, а дважды или трижды“ и т. п. Обратите внимание, что *not once or twice* „не единожды и не дважды“ всегда означает „несколько раз“, например у Теннисона: *Not once or twice in our fair island-story, The path of duty was the way to glory.*

Not above 30 „не свыше 30“ означает либо „30“, либо „менее 30“. *No more than* „не больше чем“ обычно означает *as little as* „так мало, как“, а *no less than* „не меньше чем“ — *as much as* „так много, как“, например: *The rank and file of doctors are no more scientific than their tailors; or their tailors are no less scientific than they* (Б. Шоу); обратите внимание на различие между *no* и *not* в следующих сочетаниях: *no more than three* = „только три“, *not more than three* = „самое большее три“; *He paid no less than twenty pounds* „Он заплатил не менее двадцати (целых двадцать) фунтов“ означает удивление по поводу большой величины суммы, которая составляла ровно двадцать фунтов; *He paid not less than twenty pounds* предполагает неуверенность в отношении точной суммы, которая составляла по меньшей мере двадцать фунтов („*Modern English Grammar*“, II, 16. 84). В латинском языке и *non magis quam* и *non minus quam* являются излюбленными выражениями равенства, хотя, конечно, употребляются в различных контекстах: *Caesar non minus operibus pacis florebat quam rebus in bello gestis; Pericles non magis operibus pacis florebat quam rebus in bello gestis* (Cauer).

Если мы обратимся к отрицательным соответствиям понятий, которые были даны выше под В1, В2 и В3, то увидим, что отрицаемое В1 становится В3: *not much* = *little*; *not many* = *few*. Однако отрицательное В2 становится почти синонимичным В1 (или занимает положение между В1 и В2): *not a little* = *much*, *not a few* = *many*. В3 не употребляется в сочетании с *not*.

Затем перейдем к категориям А и С, представляющим собой две противоположности. Здесь действует общее правило; если на первое место ставится отрицательное слово, оно устраняет абсолютный элемент, и в результате получается промежуточное понятие: *Not A = B*; *not C* тоже = *B*. Если же, с другой стороны, сначала упоминается абсолютный элемент, то этот абсолютный элемент пересиливает, так что в результате получается противоположное понятие: *A... not = C*; *C... not = A*.

Примеры на отрицательное *A = B*:

They are not all of them fools; He is not always so sad; Non omnis moriar.

В исключительных случаях тот же результат (В) получается даже тогда, когда отрицательное слово стоит после компонента А: *All that glitters is not gold* „Не все то золото, что блестит“ (Шекспир); *Tout ce qui reluit n'est pas or*; соответственно в датском и в немецком языке: *Ikke alt hvad der glimrer er guld* и *Nicht alles, was glänzt, ist Gold*; ср. также в Библии: *All things are lawfull vnto mee, but all things are not expedient; All is not lost* (Мильтон, Шелли); *But all men are not born to reign* (Байрон); *For each man kills the thing he loves, Yet each man does not die* (Уайльд); подобные примеры можно найти в большом количестве и в

литературе других стран; их можно легко объяснить психологически как результат двух тенденций: начинать с подлежащего и ставить отрицание при глаголе. Тоблер (Tobler, *Vermischte Beiträge zur französischen Grammatik*, 1. 197) стремится обосновать эти примеры логически; по его мнению, «‘Gold sein „быть золотом“ ’ не может предцироваться субъекту ‘alles Glänzende „все блестящее“ ’». Это справедливо, но это не затрагивает того факта, что порядок слов заставляет нас ожидать значения ‘nothing of what glitters is gold’ (was glänzt, ist niemals Gold; C), а не действительного значения ‘only some part of what glitters is gold’ (was glänzt ist nicht immer Gold; B)¹.

Примеры на C с отрицанием перед ним = B:

лат. non-nulli „некоторые“, non-nunquam „иногда“; He was not the eldest son of his father for nothing; It is not good for a man to have no gods (= It is good to have some gods).

Примеры на A с отрицанием после него = C:

Tous ces gens-là ne sont pas humains (т. е. ни один из них; Роллан); The one [uncle] I was always going to write to. And always didn't (Диккенс). Это бывает редко, кроме тех случаев, когда отрицание имеет форму префикса или подразумевается, например: They were all of them unkind; Everybody was unkind (= Nobody was kind); He was always unkind; They all failed (= Nobody succeeded).

Различие между двумя возможными результатами отрицания со словом разряда A выражается в языке разными наречиями:

Результат B: He is not altogether happy „Он не совсем счастлив“; pas tout-à-fait; ikke helt; nicht ganz.

Результат C: He is not at all happy „Он вовсе не счастлив“ (He is not happy at all); pas du tout; slet ikke; gar nicht.

Ср. из современной газеты: Germany's offer is *entirely unacceptable* to the French and *not wholly acceptable* to the English Government.

Примеры на слова разряда C с отрицанием после них, результат A:

Nobody was unkind (= Everybody was kind); He was never unkind; Nobody failed. Это бывает сравнительно редко с not; предложений типа Not a clerk in that house did not tremble before her (Теккерей; = All the clerks trembled) стараются избегать, так как они недостаточно ясны; но если два отрицания размещаются в двух различных предложениях, двусмысленность устраняется: There was no one present that did not weep „Не было никого, кто бы не плакал“; There is nothing I could not do for her; ср. эпитафию Джонсона на Гольдсмита: Qui nullum fere scribendi genus Non tetigit, Nullum quod tetigit non ornavit.

Теперь перейдем к трем категориям, упомянутым на стр. 376: А) необходимость, В) возможность, С) невозможность. Если присоединить отрицание, результат будет следующий: not necessary (A) = возможно (B); not impossible (C) = возможно (B); it is impossible not to see = необходимо; *no one can deny* = everyone must admit; *Nobody need be present* = Everybody may be absent; *He*

¹ В примерах, данных в этом разделе, all имеет обобщенное значение (everybody, anybody); но all может также употребляться в „распределительном“ значении (the sum of.; см. стр. 235, примечание). Отрицание может при этом стоять при глаголе: All the perfumes of Arabia will not sweeten this little hand (Шекспир), но часто оно в целях эмпатичности (= not even) ставится перед all, например: Not all the water in the rough rude sea Can wash the balme from an anoynted king (Шекспир).

cannot succeed = He must fail; *Non potest non amare*; *Il ne pouvait pas ne pas voir qu'on se moquait de lui*.

Что касается следующего трехчленного деления: А) приказание, В) разрешение, С) запрещение, то мы уже видели, что повелительное наклонение может означать или А или В. Поэтому повелительное наклонение с отрицанием, например *Don't take that!*, может означать либо отрицательное приказание (= запрещение), либо вежливую просьбу (или совет) не брать этого; из-за двусмысленности во многих языках наблюдается тенденция избегать употребления повелительного наклонения с отрицанием. В латинском языке оно встречается лишь в поэзии, а в остальных случаях заменяется описательной конструкцией с *noli* (*Noli me tangere*) или сослагательным наклонением (*Ne nos inducas in tentationem*); в испанском языке последнее стало правилом (*No vengas* „Не приходи“). Дат. *Tag det ikke* обычно означает совет, а *La vjr e ta det* (*Lad vjre at tage det*) стало обычной формой запрещения. В других языках существуют специальные глагольные формы (юссива) или специальные отрицательные слова (например, гр. *mē*), которые употребляются при запрещении.

Для выражения запрещения может употребляться как *may not*, так и *must not*. В первом случае отрицание *not* логически относится к *may* (отрицание разрешения; ср. нем. *du darfst nicht*). Но поскольку это же самое сочетание часто употребляется в другом значении, например *He may not be rich, but he is a gentleman* „Он может быть и не богат, но он джентльмен“ (где *not* относится к *be*: *It is possible that he is not*), а *may* воспринимается как слишком слабое выражение для запрещения, наблюдается все более сильная тенденция всюду употреблять более резкое *must not*, кроме случаев, содержащих вопросы, подразумевающие утвердительный ответ (*mayn't I* = 'I suppose I may'), а также тех случаев, когда налицо непосредственная близость к утвердительной форме *may*, например в ответах (*May I take that? No, you may not*). В предложении *You must not take that* отрицание логически относится к инфинитиву: здесь выражено приказание (*must*) не брать этого¹; однако господствующая тенденция перетягивать отрицание к вспомогательному глаголу приводит к обычной форме *you mustn't*. Таким образом, в утвердительных и в отрицательных предложениях получают различные вспомогательные глаголы, например *You may call me Dolly if you like; but you mustn't call me child* (Шоу); *You mustn't marry more than one person at a time, may you?* (Диккенс). Теперь, однако, *must* начинает употребляться в добавленных вопросах: *I must not go any farther, must I?* (Дж. Элиот), хотя в других случаях *May I?* нельзя заменить *Must I?*

СПЕЦИАЛЬНОЕ И НЕКСУСНОЕ ОТРИЦАНИЕ

Мы уже видели, что значение предложения иногда зависит от места, которое занимает отрицательный элемент. В более общем виде можно сказать, что понятие отрицания может относиться логически либо к отдельному понятию (специальное отрицание), либо к сочетанию двух компонентов

¹ Таким образом, собственно говоря, *you must not-take*, но *you may-not take*.

нексуса (нексусное отрицание). В первом случае мы находим или отрицательный префикс (как в словах *never*, *unhappy*, *disorder*), или наречие *not*, стоящее перед словом (*not happy*); иногда отдельное слово без отрицательной приставки можно рассматривать как слово с отрицательным значением; ср. *lack* (= *have not*), *fail* (= *not succeed*; однако можно сказать также, что *succeed* — это отрицательное соответствие к *fail*).

Когда отрицается нексус, отрицательное наречие обычно притягивается к глаголу — во многих языках в форме слабого *ne* или сходной частицы, которая ставится перед глаголом, а иногда сливается с ним (ср. раннеангл. *nis*, *nill*); в современном английском языке употребляются сочетания с *do* (*does not come*, *doesn't come* и т. п.), за исключением известной группы глаголов (*is not*, *isn't*, *cannot* и т. п.).

В предложении *Many of us didn't want the war* „Многие из нас не хотели войны“ отрицается нексус, а в предложении *Not many of us wanted the war* „Не многие из нас хотели войны“ *not* относится исключительно к *many*, которое превращается в *few* „немногие“.

Часто, очевидно, не имеет значения, что отрицается — только одно понятие или соединение этого понятия с другим понятием; *She is not happy* „Она не счастлива“ можно истолковать либо как описание ее состояния (т. е. *not-happy* = *unhappy* „она несчастлива“), либо как отрицание того, что она является счастливой (*she is-not, isn't happy*). Однако, если мы добавим *very*, мы увидим различие между *She is very unhappy* „Она очень несчастлива“ и *She is not very happy* „Она не очень счастлива“.

Общая тенденция направлена к употреблению нексусного отрицания даже в тех случаях, где более подходящим было бы специальное отрицание. Наряду с логически безупречным *I came not to send peace, but a sword* (Матфей, X. 34) часто встречаются предложения типа *I don't complain of your words, but of the tone in which they were uttered* (= *I complain, though not..., but of ...*); *We aren't here to talk nonsense, but to act* (где *we aren't here*, отдельно взятое, представляет собой *contradictio in adjecto*). Особый случай составляют предложения с *because*: *I didn't go because I was afraid* двусмысленно и может означать или *I went, but the reason was not fear* „Я пошел, но причиной был не страх“, или *I didn't go, and the reason for not going was fear* „Я не пошел, и причиной этому был страх“; правда, в устной речи двусмысленность может устраняться интонацией; ср. далее *I didn't call because I wanted to see her (but for some other reason)* и *I didn't call because I wanted to avoid her*.

При инфинитивных и других подобных конструкциях часто очень важно знать, какое из двух глагольных понятий отрицается; для того чтобы мысль была выражена ясно, в различных языках употребляются различные средства. Достаточно привести несколько примеров: *She did not wish to reflect; she strongly wished not to reflect* (Беннет): ср. также *Tommy deserved not to be hated; Tommy did not deserve to be loved; Prøv ikke på at se derhen; Prøv på ikke at se derhen; Il ne tâche pas de regarder; Il tâche de ne pas regarder; Il ne peut pas entendre; Il peut ne pas entendre; (Will he come?) I am afraid not; I am not afraid*.

Тенденция притягивать отрицание к глаголу, упомянутая выше, не единственная тенденция, существующая в языке: часто мы встречаем противоположное стремление — притягивать отрицательное понятие к любому

слову, которое легко может стать отрицательным. В литературном языке *We met nobody* считается более изысканным, чем разговорное *We didn't meet anybody*; ср. также *This will be no easy matter* и *This won't be an easy matter*. Нередко слова, подобные *nothing*, употребляются в таких случаях, где более логичным было бы нексусное отрицание, например *She loves you so well that she has the heart to thwart you in nothing* (Gilbert); *You need be under no uneasiness*. Притяжение этого рода видно также в идиоматичном употреблении предложения: *He was no ordinary boy* вместо *He was a not ordinary boy* и в предложениях типа *You and I will go to the smoking-room, and talk about nothing at all subtle* (= about something that is not subtle; Бенсон), которые большинство говорящих, вероятно, осудили бы как неправильные.

Там, где имеется возможность притяжения отрицательного элемента сразу к двум словам, он почти всегда притягивается к первому слову. Можно сказать *No one ever saw him angry* или *Never did any one see him angry*, но нельзя сказать *Any one never saw him angry* или *Ever did no one see him angry*. Ср. также лат. *Nec quisquam* (не et nemo), *neque ullus* и т. п. Сочетание *without any danger* предпочитают сочетанию *with no danger*.

Когда отрицание притягивается к подлежащему, предложение часто продолжается так, что надо подразумевать положительную противоположность первого подлежащего. В обычной речи это не вызывает никаких недоразумений, и только критически (или чрезмерно критически) настроенные грамматисты могут усмотреть что-либо ошибочное в таком употреблении: ср. *Not one should scape, but perish by my sword* (= but all perish; Марло); *None of them are hurtful, but loving and holy* (Бениян). Ср. также *Don't let any of us go to bed tonight, but see the morning come* (Бенсон); *I quite forget the details, only that I had a good deal of talk with him* (Карлейль)¹.

ДВОЙНОЕ ИЛИ КУМУЛЯТИВНОЕ ОТРИЦАНИЕ

Среди теоретиков, как логиков, так и лингвистов, по-видимому, прочно утвердился взгляд, что два отрицания взаимно погашают друг друга, потому что два отрицания логически дают утверждение, подобно тому, как в математике $-(-4) = +4$. Поэтому и языки, а также отдельные авторы подвергаются осуждению, если они в качестве усиленного отрицания употребляют двойное отрицание. Если бы такая точка зрения была правильной, последовательный логик должен был бы придраться к чосеровскому предложению *He neuer yet no vileynye ne seyde In al his lyf unto no maner wight*, поскольку в нем для усиления отрицания употреблено четыре отрицания (четное число), но не к древнеанглийскому примеру *Nan man nyste nan* юинг „Никто ничего не знал“, поскольку отрицаний здесь три; два из них погашают друг друга, а одно остается. Однако в действительности никто как будто не исчисляет кумулятивное отрицание таким образом, и это совершенно правильно с точки зрения языковой логики.

¹ Ср. также: *It is always astonishing to me how few people know anything (or very little) about Faraday: or very little* становится возможным лишь потому, что это предложение означает: *that most people know nothing* и т. п.

Язык не математика, и, как уже было замечено, языковое отрицание нельзя сопоставлять с математическим знаком „минус“; поэтому всякая ссылка на математическое правило о двух минусах беспредметна. Однако вместе с тем и попытки некоторых лингвистов оправдать употребление двойного отрицания не являются вполне удовлетворительными. Ван Гиннекен справедливо критикует точку зрения романистов, которые называют употребление не во французском языке „половинным отрицанием“ — подобное объяснение, во всяком случае, не способствует пониманию многих явлений в других языках. Его собственное объяснение состоит в том, что отрицание в реальных языках является не логическим отрицанием, а выражением чувства сопротивления; по его мнению, логическое или математическое понимание отрицания, в соответствии с которым два отрицания взаимно уничтожаются, получило распространение лишь в нескольких культурных центрах, но не пустило корней в сознании народа. Я сомневаюсь в том, что понятие „сопротивления“ более примитивно, чем обычное понимание отрицания в таких простых предложениях, как *He does not sleep* „Он не спит“. Другие авторы говорят о различии между качественным и количественным отрицанием и воображают, что подобное различие находит опору в системе категорий Канта, хотя в действительности Кант всякое отрицание дает под заголовком „качество“. Во всяком случае это разграничение несколько не помогает понять двойное отрицание¹.

Язык имеет свою логику, и в данном случае его логика имеет определенные преимущества. Если два отрицания действительно относятся к одному и тому же понятию или к одному и тому же слову (как специальные отрицания), результат всегда будет утвердительный; это справедливо для всех языков и применимо к таким сочетаниям, как *not uncommon*, *not infrequent*, *not without some fear* — „ненеобычный, не несчастный, не без некоторого страха“ и т. п. Эти два отрицания, однако, погашают друг друга не совсем таким образом, чтобы результат был вполне тождествен простому *common* „обычный“, *frequent* „частый“, *with some doubt* „с некоторым сомнением“; сложное выражение всегда будет слабее: *This is not unknown to me* или *I am not ignorant of this* означает *I am to some extent aware of it* и т.п. Психологическую причину нужно искать здесь в том, что окольный путь через два взаимноуничтожающие отрицания ослабляет умственную энергию слушателя и, кроме того, предполагает известное колебание со стороны говорящего, которое отсутствует в прямолинейном, откровенном *common* или *known*. Таким же образом *I don't deny that he was angry* слабее, чем *I assert* и т. п. Ср. также франц. *Il n'était pas sans être frappé*.

С другой стороны, если два (или более двух) отрицания относятся к разным словам, они не оказывают друг на друга воздействия, и поэтому итог вполне может быть отрицательным. Мы наблюдаем это в огромном количестве языков, где кумулятивное отрицание встречается на каждом шагу. Примеры из среднеанглийского и древнеанглийского языка уже приводились; в эти периоды таких примеров встречается очень много, но уже в елизаветинском языке они встречаются реже; в наши дни мы часто находим их в диалектах и в

¹ Эти теории были подвергнуты критике в книге Дельбрюка „*Negative Sdtze*“, стр. 36 и сл. и в моей книге „*Negation*“, стр. 69 и сл. Отрицание всегда бывает количественным, а не качественным.

просторечии; много примеров встречаем при передаче народного языка в романах и пьесах: *Nobody never went and hinted no such thing, said Peggotty; I can't do nothing without my staff* (Гарди).

В других языках мы находим это же явление более или менее регулярно. Так, в средневерхненемецком: *Nu en-kan ich niemanne gesagen*; во французском: *On ne le voit nulle part*; в испанском: *Aquin no vienen nunca soldados* „Сюда никогда не приходят солдаты“. В славянских языках: в сербском: *И ниткому не могаше одговорити рижечи* „И никто ему не мог ответить ни слова“ (Дельбрюк); в русском: Филиппок *ничего* не сказал; в греческом: *aneu toutou oudeis eis ouden oudenos an humōn oudepote genoito axios* (Платон; приведено у Мадвига).

Так же обстоят дело и за пределами нашей семьи языков, например: венг. *Semmit sem hallottam* или *Nem hallottam semmit* „Ничего я не слышал“ (Szinyei); конго (банту): *Kavangidi kwandi wawubiko, kamonanga kwandi nganziko, kaba yelanga kwa-u ko* ‘Not did he evil not, not feeling he no pain, not they sick not’ „Не делал он никакого зла, не чувствовал он никакой боли, ни они не больны“.

Как объяснить это явление, распространенное в таком большом масштабе в различных языках? Есть одно важное соображение, без которого, мне кажется, нельзя понять существо дела, а именно: многократное отрицание становится обычным только в тех языках, где отрицательный элемент имеет сравнительно малый фонетический вес, например: *ne* или *n-* в древнеанглийском, во французском, в славянских языках, *en* или *n-* в средневерхненемецком (и средненижненемецком), *ou* в греческом языке, *s-* или *n-* в венгерском языке. Они легко притягиваются к различным словам (мы уже видели примеры такого притяжения в предыдущих разделах), и невесомость этих начальных звуков или слабоударных слогов вызывает желание увеличить их число в предложении, чтобы они не остались незамеченными. Под влиянием сильного чувства говорящий хочет быть совершенно уверен в том, что отрицательный смысл предложения будет воспринят; поэтому он присоединяет отрицания не только к глаголу, но и к любому другому члену предложения, который можно легко связать с отрицанием: он как бы покрывает все предложение слоем отрицаний, вместо того чтобы сосредоточить отрицание в одном месте. Если в современном английском и в современном немецком языке повторение отрицаний стало встречаться реже, чем прежде, то одна из причин, вероятно, состоит в том, что фонетически невесомые *ne* и *en*¹ были замещены в этих языках более полными *not* и *nicht*, хотя этому результату содействовала школьная логика и влияние латыни. Можно также сказать, что сведение отрицаний к одному требует больше умственного напряжения, поскольку говорящий и слушатель должны помнить это отрицание в течение всего высказывания; гораздо легче повторять отрицание при каждом удобном случае и таким образом придавать отрицательную окраску всему предложению.

¹ В классической латыни *non* тоже более весомо, чем первоначальное *ne*. Я склонен объяснять сравнительно редкое употребление этого вида кумулятивного отрицания в елизаветинском языке (в противоположность подхватывающему отрицанию с *neither* и т. п., примеры которого очень многочисленны) тем, что в то время употреблялось полное *not*, еще не сократившееся в *-n't* — привесок к глаголу, как в более поздние периоды.

Если теперь оценить это широко распространенное кумулятивное отрицание с логической точки зрения, то я не назвал бы его нелогичным, так как отрицательные элементы присоединены не к одному и тому же слову. Я сказал бы скорее, что логически достаточно и одного отрицания; два или три отрицания представляют собой только проявление избыточности, излишней в стилистическом плане, как и любое повторение в утвердительном предложении (Every and any, always and on all occasions); однако в остальном оно не вызывает никаких возражений. Никому не придет в голову возражать против конструкций типа *I shall never consent, not under any circumstances, not on any condition, neither at home nor abroad* „Я никогда не соглашусь, ни при каких обстоятельствах, ни при каких условиях, ни на родине, ни за границей“; правда, здесь есть паузы, на письме обозначаемые запятыми, разделяющие отрицательные группы, как если бы они принадлежали каждая к самостоятельному предложению, тогда как в предложениях типа „Он никогда ничего не говорил“ и в других примерах, приведенных из разных языков, отрицания относятся к одному и тому же предложению. Но совершенно невозможно провести границу между тем, что составляет одно предложение, и тем, что составляет два предложения: становится ли, например, предложение *I cannot goe no further* (Шекспир) логичнее от простого добавления запятой: *I cannot goe, no further?*

Особой разновидностью двойного отрицания следует считать явление, которое можно назвать подхватывающим отрицанием (по Дельбрюку — *Ergdnzungsnegation*). Оно особенно часто встречается в тех случаях, когда после *not* стоит либо разделительное сочетание с *neither ... nor* „ни ... ни“, либо ограничительное добавление с *not even* „даже не“: *He cannot sleep, neither at night nor in the daytime* „Он не может спать ни ночью, ни днем“ или *He cannot sleep, not even after taking an opiate* „Он не может спать, даже после того, как примет снотворное“; ср. также *Loue no man in good earnest, nor no further in sport neuyther* (Шекспир). Подобным же образом и в других языках: лат. *non... neque ... neque, non... ne ... quidem*, гр. *ou ... oude ... oude* и т. п. В таких случаях с „ни — ни“ и с „даже не“ все языки, по-видимому, легко допускают двойное отрицание, хотя педанты возражают против него даже здесь¹.

С подхватывающим отрицанием тесно связано сочиненное отрицание: оно присоединяется к предложению, зависящему от глагола с отрицательным значением, например: *deny* „отрицать“, *forbid* „запрещать“, *hinder* „препятствовать“, *doubt* „сомневаться“, как будто это придаточное предложение представляет собой самостоятельное предложение или как будто в главном предложении употреблен соответствующий глагол с утвердительным значением. Примеры: *First he deni'de you had in him no right* (Шекспир); *What hinders in your own instance that you do not return to those habits* (Лэм). Известно, что в некоторых языках это явление превращается в твердое правило; ср., например, в латинском языке с *ne, quin, quominus*, во французском языке — с *ne* (которое теперь, подобно *ne* в других позициях, склонно к исчезновению). Здесь также мы видим избыток средств выражения и чрезмерную эмфатичность, а не иррациональность и не отсутствие логики.

¹ Особый случай подхватывающего отрицания находим тогда, когда *not* смягчается добавлением *hardly*, которое само могло бы выразить эту мысль: *He wasn't changed at all hardly* (Киплинг).

ИСТОРИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Общая история отрицательных выражений в некоторых из наиболее известных языков характеризуется своеобразными колебаниями. Отрицательное наречие часто бывает слабоударным, ибо какое-то другое слово в предложении должно нести сильное контрастное ударение. Но когда от отрицания остается только проклитический слог или даже один звук, оно оказывается слишком слабым, и появляется необходимость усилить его добавлением какого-нибудь дополнительного слова. Это слово в свою очередь может быть понято как элемент, выражающий отрицание, и может подвергнуться такому же процессу, как первоначальное слово. Таким образом, происходит постоянное чередование ослабления и усиления; это явление в сочетании с дальнейшей тенденцией ставить отрицание в начале предложения, где оно вполне может быть опущено (так называемое *prosiopesis*), ведет к своеобразным последствиям, которые можно наметить здесь лишь в самых общих чертах с помощью примеров из нескольких языков.

Во-первых, латинский язык и его продолжение — французский язык. Отправным пунктом здесь, как и везде, является *ne*, которое, по моему мнению (вместе с его вариантом *ne*), было первобытным междометием отвращения; оно производилось, главным образом, мышцами лица — а именно сокращением мышц носа. Первая стадия, таким образом, была следующая:

1) *Ne dico*. Это отрицание сравнительно устойчиво сохраняется, главным образом, с несколькими глаголами (*nescio*, *nequeo*, *nolo*), а также с некоторыми местоимениями и наречиями; в остальных случаях *ne* воспринимается как слишком слабое и усиливается добавлением слова *oenum* „одно“; в результате получается *non* (*ne-oenum*):

2) *Non dico*. С течением времени *non* становится безударным и дает ст.-франц. *nen*, позже *ne*, т. е. фактически совпадает по звучанию с праиндоевропейским наречием:

3) *Jeo ne di*. Оно сохранилось в литературном французском языке в нескольких сочетаниях: *je ne sais*, *je ne reux*, а также в разговорном *n'importe*; однако в целом было сочтено необходимым усилить это отрицание:

4) *Je ne dis pas*. Затем в разговорном французском языке слабое *ne* исчезает:

5) *Je dis pas*.

В скандинавских языках таким же образом первоначальное *ne* было усилено различными добавлениями и в конце концов вытеснено ими: др.-исл. *eigi*, *ekki*, дат. *ej*, *ikke*, которые сначала не имели отрицательного значения.

В немецком языке вначале употреблялось *ni* перед глаголом, затем *ni*, *ne* (или ослабленное *n-*, *en-*) перед глаголом и *nicht* после глагола и наконец только *nicht*.

В английском языке стадии были следующие:

- 1) *Ic ne secge*.
- 2) *I ne seye not*.
- 3) *I say not*.
- 4) *I do not say*.
- 5) *I don't say*.

В некоторых употребительных сочетаниях, особенно в сочетании I don't know, мы наблюдаем самое начало нового ослабления, поскольку при произношении [ai d(n) nou] от прежнего отрицания фактически ничего не остается.

Усиление отрицания происходит либо с помощью какого-нибудь слова, означающего „мелочь“ (not a bit, not a jot, not a scarp и т. п.; франц. ne... mie, goutte, point, pas), либо с помощью наречия, означающего „когда-либо“ (др.-англ. на из ne + a = гот. ni aiws, нем. nie; англ. never также иногда теряет свое временное значение и совпадает по значению с not). Наконец, для усиления может добавляться слово, означающее „ничего“: лат. non, англ. not (слабая форма от nought) или нем. nicht; в ср.-англ. I ne seye not налицо двойное отрицание.

С опущением или утратой отрицательного наречия утвердительное значение слова меняется на отрицательное. Самые яркие примеры этого процесса находим во французском языке, где pas, personne, jamais и другие слова являются теперь отрицательными — неизменно отрицательными, если нет глагола: Pas de doute; Qui le sait? Personne; Jamais de la vie, а в просторечии и фамильярной речи также и в предложениях с глаголом; в последнем случае в литературном языке требуется ne: Viens-tu pas?; Je le vois jamais. Что касается plus, то двусмысленность в некоторых случаях была устранена распространенным произношением [j ɛn a ply], означающим „больше нет“ и [j ɛn a plys] „есть еще“. Изолированное Plus de bruit является отрицательным выражением, но Plus de bruit que de mal — утвердительным, хотя произношение здесь не меняется. Отрицательное употребление plus повлекло за собой своеобразное последствие: moins может иногда употребляться в качестве своего рода сравнительной степени к plus: Plus d'îcoles, plus d'asiles, plus de bienfaisance, encore moins de thïologie (Мериме).

В других языках переход слова с утвердительным значением в отрицание встречается sporadически, например: исп. nada „ничего“ из лат. (res) nata, nadie „никто“ и др.-исл. слова на -gi; в английском находим but из ne ... but, ср. диал. nobbut, любопытное more в значении „no more“ в юго-западной части Англии, например: Not much of a scholar. More am I (Phillpotts).

ПОДРАЗУМЕВАЕМОЕ ОТРИЦАНИЕ

Здесь, как и в других областях грамматики, встречаются случаи несоответствия между понятийным значением и грамматическим выражением. Отрицательное содержание часто подразумевается, хотя в предложении и нет отрицания в собственном смысле этого слова.

Вопрос часто бывает равносителен отрицательному утверждению: Am I my brother's keeper? (см. стр. 375).

Сочетания типа Me tell a lie! = „I cannot tell a lie“ были упомянуты на стр. 148.

Той же цели могут служить выражения со значением условия, например: I am a rogue if I drunke to-day (= I did not drink; Шекспир); I'm dashed if I know; также случаи самостоятельного употребления придаточного предложения

условия: *If there isn't Captain Donnithorne a-coming into the yard!* (Дж. Элиот; здесь, конечно, прямое и косвенное отрицания взаимно погашаются, и результат получается утвердительный: *he is coming*).

Далее можно упомянуть: *(You) see if I don't; Catch me going there!*; *Mr. Copperfield was teaching me. — Much he knew of it himself; When the devil was ill, the devil a monk would be; When the devil got well, the devil a monk was he.* Подобные идиоматические и иронические выражения, по-видимому, часто встречаются во всех языках.

Понятийное отрицание также подразумевается при употреблении формы прошедшего времени (сослагательного наклонения) в придаточных предложениях отвергнутого условия (стр. 310).

Примечание: Тема этой главы была рассмотрена с привлечением гораздо большего количества примеров из многих языков и с обсуждением ряда вопросов, опущенных здесь (отрицательные союзы, префиксы, сокращение *not* в *nt* и т. п.), в моей работе „*Negation in English and Other Languages*“, *Det kgl. Danske Videnskabernes Selskabs Historisk-Filologiske Meddelelser I, 5*, Copenhagen, 1917.

Глава XXV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфликты. Терминология. Душа грамматики.

КОНФЛИКТЫ

Естественное следствие сложности явлений жизни, которые должен выразить язык, с одной стороны, и, с другой стороны, языковых средств, которыми можно выразить эти явления, заключается в том, что в речевой практике происходят различного рода конфликты; говорящему приходится делать выбор между несколькими языковыми средствами. После некоторого колебания он употребляет одну какую-либо форму, хотя другой говорящий в данной ситуации может употребить другую. В некоторых случаях мы наблюдаем как бы состояние войны между двумя тенденциями, которое может продолжаться в течение очень длительного периода. Грамматисты ведут споры о том, какая из форм является „правильной“; в других случаях одна из борющихся тенденций одерживает верх, и вопрос разрешается практически языковым коллективом, иногда в условиях протеста со стороны таких лиц, как Линдли Муррей (*Lindley Murray*), или со стороны существующих в данное время академий, которые нередко предпочитают логическую последовательность простоте и естественности. Примеры грамматических конфликтов можно найти в разных местах в настоящем томе: наиболее типичны, пожалуй, конфликты, упомянутые в гл. XVII; они иллюстрируют столкновение между понятием пола и грамматическим родом (столкновение, ведущее к гр. *neaniās*, нем. *ein Frdulein ... sie*, исп. *el justicia*). В гл. XIV мы

видели соперничество между глаголами в единственном и множественном числе при собирательных существительных. Здесь можно упомянуть и некоторые другие конфликты такого же характера.

В германских языках нет различия в роде во множественном числе; но отсутствие специального обозначения „естественного среднего рода“, когда речь идет более чем об одном предмете, ведет к употреблению формы, которая, собственно, является формой единственного числа среднего рода: нем. *beides, verschiedenes* (ср. также *alles*); Керм („A Grammar of the German Language“, 149) упоминает *alles dreies*, а Шпитцер пишет *alles drei* („*Sie sind weder Germanen noch Gallier noch auch Romanen, sondern alles drei der Abstammung nach*“). Здесь, таким образом, род оказывается сильнее числа.

Точно так же чувство среднего рода часто оказывается более сильным, чем чувство правильного падежа. В дательном падеже первоначально не было различия между мужским и средним родом; однако в английском языке мы с ранних времен находим *for it, to this, after what*, и в конце концов эти формы именительного-винительного падежа стали единственными употребительными формами местоимений среднего рода. В немецком языке мы наблюдаем ту же тенденцию, хотя она и не одержала верх в такой степени, как в английском: у Гете читаем *zu was*; часто говорят *was wohnte er bei*, а *zu (mit, von) etwas* — единственная употребительная форма; то же и с *mit nichts* и т. п. (остатки прежней формы обнаруживаются в выражениях *zu nichte machen, mit nichten*); *wegen was* употребляется в разговорной речи вместо двусмысленного *wegen wessen* (Сурме, *A Grammar of the German Language*, 198). Однако тенденция была не настолько сильной, чтобы допустить *mit das, von welches*, хотя *mit dem, von welchem* со значением среднего рода встречается не часто (ср. *damit, wovon*), а если после неизменяемого местоимения стоит прилагательное, оно обязательно принимает форму дательного падежа: *der Gedanke von etwas Unverzeihlichem*.

Нем. *wem*, подобно англ. *whom*, является общей формой мужского и женского рода, но там, где желательна особая форма для женского пола, употребляется редкая и непризнанная форма *wer*: *Von Helios gezeugt? Von wer geboren?* (Гете); *Da du so eine art Bruder von ihr bist. — Von ihr? Von wer?* (Wilbrandt; Сурме, там же, 191). Это, однако, возможно только после предлога, поскольку *weg* в качестве первого слова в предложении было бы понято как форма именительного падежа; Раабе поэтому находит другой выход: *Festgeredet! Wem und welcher steigt nicht bei diesem Worte eine gespenstische Erinnerung in der Seele auf?* (= *what man and woman*).

С другой стороны, падеж оказался сильнее рода при постепенном распространении окончания родительного падежа *-s* на существительные женского рода в английском и датском языках; главная причина здесь, конечно, в том, что прежняя форма родительного падежа не ограничивала достаточно отчетливо этот падеж от других падежей. В немецком языке та же самая тенденция проявляется иногда у имен собственных; так, Френссен пишет: *Lisbeths heller Kopf*.

Конфликт между правилом, требующим косвенного падежа после предлога, и чувством субъектного отношения, требующим именительного падежа, иногда приводит к тому, что одерживает верх последняя тенденция; например, англ. *Me thinks no body should be sad but I* (Шекспир); *Not a man*

depart, *Sauve I alone* (у него же); *Did any one indeed exist, except I?* (Mrs. Shelley); нем. *Wo ist ein Gott ohne der Herr* (Лютен); *Niemand kommt mir entgegen außer ein Unverschämter* (Лессинг); дат. *Ingen uden jeg kan vide det* и т. п. (ср. мою книгу „*Chapters on English*“, 57 и сл.).

Точно так же в испанском языке мы находим *Hasta yo lo sé* „вплоть до я (т. е. даже я) это знаю“ (ср. франц. *Jusqu'au roi le sait*). По существу здесь лежит в основе тот же принцип, что и в употреблении именительного падежа в немецком языке в сочетании *was für ein Mensch* и в соответствующем русском сочетании *что за человек*; наконец, также и в нем. *ein alter Schelm von Lohnbedienter*.

Желание обозначить 2-е лицо единственного числа оказалось сильнее, чем желание различать изъявительное и сослагательное наклонения; это видно из того, что сочетания типа *if thou dost* и *if thou didst* стали обычными в значительно более ранний период, чем такое же употребление изъявительного наклонения вместо сослагательного в 3-м лице.

В главе XXI мы говорили о конфликтах в косвенной речи между тенденцией сохранить временную форму прямой речи и тенденцией сдвинуть время в соответствии с фермой главного глагола (*He told us that an unmarried man was (или is) only half a man; He moved that the bill be read a second time*). В предложении *He proposed that the meeting adjourn* можно сказать, что наклонение оказалось сильнее, чем время; то же справедливо в отношении франц. *Il désirait qu'elle lui écrive* — единственной формы, употребительной в современной обычной речи вместо более раннего *écrivisse*. Наоборот, время оказывается сильнее наклонения во французской разговорной речи в случаях типа *Croyez-vous qu'il fera beau demain*, где старомодные грамматисты предпочли бы настоящее время сослагательного наклонения *fasse*; Руссо пишет: *Je ne dis pas que les bons seront récompensés; mais je dis qu'ils seront heureux*, хотя, согласно общему правилу, после отрицательной формы главного глагола глагол в зависимом предложении стоит в сослагательном наклонении.

В области порядка слов есть немало таких конфликтов; многие из них относятся скорее к стилю, чем к грамматике. Упомяну здесь только один факт, представляющий интерес с точки зрения грамматики: с одной стороны, предлоги ставятся перед словами, к которым они относятся, но, с другой стороны, вопросительные и относительные местоимения должны занимать место в начале предложения. Отсюда возникают конфликты, разрешение которых часто зависит от прочности связи между предлогом и дополнением или между предлогом и каким-нибудь другим словом в предложении: *What are you talking of?*; *What town is he living in?* или *In what town is he living?*; *In what respect was he suspicious?*; *Some things which I can't do without*; *Some things without which I can't make pancakes*. Весьма поучительный пример я нашел у Стивенсона: *What do they care for but money? For what would they risk their rascal carcasses but money?* Наряду с *this movement of which I have seen the beginning* (здесь было бы менее естественно сказать *which I have seen the beginning of*) существует литературное *the beginning of which I have seen*¹. Во французском языке нельзя отнести предлог на конец предложения, а поэтому надо говорить

¹ Колебания в отношении того, куда поместить предлог, ведут иногда к избытку средств выражения, например: *Of what kinde should this cocke come of?* (Шекспир).

l'homme à qui j'ai donné le prix и l'homme au fils duquel j'ai donné le prix. Так как форму родительного падежа в английском языке нельзя отделить от слова, к которому она относится, дополнение, в обычных предложениях стоящее после глагола, в сочетании the man whose son I met должно ставиться после whose; во французском языке, с другой стороны, такой необходимости нет, и дополнение занимает свое обычное место, хотя оно отделяется от dont в сочетании l'homme dont j'ai rencontré le fils.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Любая отрасль науки, которая не стоит на месте, а развивается, должна время от времени обновлять или пересматривать свою терминологию. Новые термины нужны не только для вновь открытых вещей вроде radium „радий“, ion „ион“, но и для новых понятий, возникших в результате нового осмысления уже известных фактов. Традиционные термины часто сковывают мышление исследователей и могут стать препятствием для плодотворных изысканий. Правда, раз навсегда установленная терминология, в которой значение каждого термина хорошо известно каждому читателю, представляет огромные преимущества; однако если в соответствии с установленной терминологией употребляются одни и те же термины, но значение каждого из них бывает различным в зависимости от обстоятельств или индивидуальных привычек разных авторов, то становится необходимым решить, какое значение лучше всего придать этим терминам, или же ввести новые термины, свободные от двусмысленности.

В области грамматики терминологические затруднения усугубляются тем, что многие термины восходят к донаучному времени, а многие употребляются и за пределами грамматики часто в значениях, мало похожих или совсем не похожих на технические значения, которые придаются им в грамматике; наконец, один и тот же комплект терминов применяется к языкам различного строя. Конечно, для изучающего языки очень удобно, что ему не приходится усваивать новый комплект терминов для каждого нового языка, за который он берется. Однако это имеет ценность лишь в том случае, когда грамматические факты, обозначаемые одними и теми же терминами, являются действительно аналогичными, а не настолько различными, что употребление одних и тех же терминов может вызвать в сознании учащегося путаницу.

Пренебрежительное отношение прежних грамматистов к хорошей терминологии видно из следующих примеров: термин *verbum substantivum*¹ они применяют к глаголу, который меньше всех других связан с субстанцией и дальше всего отстоит от всякого существительного; далее, термин „положительный“ (положительная степень сравнения) противопоставляется не термину „отрицательный“ (как это обычно бывает), а термину „сравнительный“, наконец, термин „безличный“ обозначает некоторые функции 3-го „лица“. Очень большим неудобством является то, что многие грамматические термины имеют еще другие, не терминологические значения; поэтому иногда бывает трудно избежать таких столкновений, как *This case*

¹ Т. е. глагол *sum* (А. В.).

(падеж) is found in other cases (случаях) as well; En d'autres cas on trouve aussi le nominatif; a singular use of the singular „своеобразное употребление единственного (числа)“. Когда грамматист видит слова a verbal proposition в работе по логике, он сначала склонен думать, что они имеют отношение к глаголу (verb), а поэтому могут быть противопоставлены термину nominal sentence (nominal, кстати сказать, тоже двусмысленно), пока не узнает, что это всего-навсего означает „определение слова“. Active, passive, voice, object, subject — я имел случай в различных главах этой книги показать, как повседневное употребление этих слов может ввести неосмотрительного читателя в заблуждение; англ. subject в значении „тема“ дало повод для целой дискуссии о логическом, психологическом и грамматическом подлежащем; этой дискуссии можно было бы избежать, если бы грамматисты избрали менее двусмысленный термин. Термин neuter, помимо своих обычных значений вне сферы грамматики, имеет по крайней мере два значения в грамматике; одно из них необходимо (средний род), но без другого можно было бы обойтись: neuter verb „нейтральный глагол, т. е. ни активный, ни пассивный; непереходный глагол“, несмотря на то, что непереходный глагол является активным в том единственном смысле, в каком последовательный лингвист должен был бы употреблять слово „активный“. Кроме того, Оксфордский словарь дает еще одно значение: „Neuter passive, having the character *both* of a neuter and a passive verb“ — путаница в путанице!

Плохой или ошибочный термин может повлечь за собой ошибочные правила, которые могут оказать пагубное влияние на свободное пользование языком, особенно в письменной форме. Так, термин preposition „предлог“ или скорее злополучное знание латинской этимологии этого слова вызывает нелепые возражения многих учителей и газетных редакторов против употребления предлога в конце предложения — возражения, основанные на полном незнании принципов и истории родного языка. Эти люди не учитывают двух возможностей, на которые они обратили бы внимание даже при самом поверхностном знании общего языковедения: во-первых, термин мог быть неудачным с самого начала; во-вторых, значение слова могло измениться, как это и произошло со многими словами, этимология которых теперь уже не осознается носителями языка. Ladybird „божья коровка“ не есть bird „птица“; a butterfly „бабочка“ не есть fly „муха“; blackberries „ежевика“ не бывают black „черными“, пока не созреют; в barn „амбар“ можно хранить не только barley „ячмень“ (др.-англ. bere-ġrn „дом для ячменя“), а bishop „епископ“ занят многими обязанностями, а не только присматриванием (гр. epi-skopos). Почему же тогда не допустить постпозитивные предлоги¹, так же как допускаются adverbs „наречия“, которые не стоят при глаголе (verb)? (Например, very „очень“ все признают наречием, хотя оно никогда не определяет глагол.)

Терминологические затруднения иногда усугубляются тем, что языки с течением времени изменяются, а поэтому термины, которые являются адекватными в один период времени, могут не быть адекватными в последующий период. Совершенно верно, что падеж, стоящий после предлога to в др.-англ. to donne, был дательным, но это не дает нам основания называть do в современном to do „дательным падежом инфинитива“, как поступает

¹ Ср. также лат. *tenus*, гр. *heneka*.

Оксфордский словарь (хотя под словом *dativ* „дательный падеж“ это употребление не упоминается). Еще хуже, когда термины „дательный падеж“ и „родительный падеж“ применяются к современным предложным группам вроде *to God* и *of God*; см. гл. XIII.

Было бы, конечно, совершенно невозможно полностью отбросить традиционную терминологию и создать новую, придумав, например, произвольную систему терминов, сходных с терминами древних индийских грамматиков, которые создали слова *lat* „настоящее время“, *lit* „перфект“, *lut* „первое будущее“, *Irt* „второе будущее“, *let* „сослагательное наклонение“, *lot* „повелительное наклонение“, *lan* „имперфект“, *lin* „потенциалис“ и т. д. (Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft*, 92: я опустил диакритические значки). Мы должны принять большинство старых терминов и использовать их как можно лучше, дополняя эти термины там, где это необходимо, и ограничивая значение всех старых и новых терминов, чтобы сделать их как можно более точными и однозначными. Однако сделать все это нелегко, и я вполне сочувствую Суиту, который писал мне, когда вышла его книга „*A New English Grammar*“: „Больше всего меня затрудняли вопросы терминологии“.

В предыдущих главах (и ранее в книге „*A Modern English Grammar*“) я взял на себя смелость ввести ряд новых терминов, но я думаю, что их не очень много и они не будут трудны. В обоих отношениях мой подход выгодно отличается как от массового создания новых терминов и придания старым терминам совершенно иного значения в капитальном труде Норейна, так и от системы терминов новейших психологов. В заслугу мне надо поставить и то, что я смог выбросить за борт многие термины, которые употреблялись в прежних грамматических трудах; ненужными оказались, например, такие термины, как *synalepha*, *crasis*, *synaeresis*, *synizesis*, *ekthlipsis*, *synekphonesis*, если указать только термины одного раздела фонетической теории; в отношении „вида“ (гл. XX) я тоже постарался быть более умеренным, чем большинство современных авторов.

Среди моих новшеств я хотел бы обратить особое внимание на термины, связанные с теорией „трех рангов“; по моему мнению, несколько новых терминов позволят объяснить большое количество явлений значительно точнее и в то же время значительно более сжато, чем это было возможно до сих пор. Приведу один пример, который встретился мне недавно. В своем трактате Фаулер (см. H. W. Fowler, *Tract XV of the Society for Pure English*) говорит о месте наречий: „The word *adverb* is here to be taken as including adverbial phrases (e. g. *for a time*) and adverbial clauses (e. g. *if possible*), adjectives used predicatively (e. g. *alone*), and adverbial conjunctions (e. g. *then*), as well as simple adverbs such as *soon* and *undoubtedly*“. Без этих пяти строк можно было бы обойтись, если бы автор употребил мой простой термин *subjunct* „субъюнкт“.

ДУША ГРАММАТИКИ

Моя задача выполнена. Значительная часть этого тома была, естественно, посвящена спорным вопросам, но я надеюсь, что моя критика окажется конструктивной, а не разрушительной. Я позволю себе добавить (для тех рецензентов, которые любят указывать, что автор не учел какую-нибудь

статью в новом журнале или докторскую диссертацию), что я очень часто молчаливо критиковал точки зрения, которые представляются мне ошибочными, не ссылаясь в каждом отдельном случае на то или иное место в той или иной статье. Моя тема настолько обширна, что данная книга разбухла бы до недопустимых размеров, если бы я подробно останавливался на разнообразных точках зрения по интересующим меня вопросам. Те, для кого важна сущность больших проблем, а не грамматические подробности, может быть, найдут, что я цитировал не слишком мало, а слишком много из все увеличивающегося потока книг и статей по этим вопросам.

Моя задача состояла в том, чтобы, не упуская из виду исследований по частным вопросам известных мне языков, уделить основное внимание общим принципам, лежащим в основе грамматического строя всех языков, и, таким образом, внести свой вклад в грамматическую науку, основанную одновременно на разумной психологии, здравой логике и надежных фактах истории языков.

Психология должна помочь нам понять, что происходит в сознании говорящих, а особенно — как они отступают от ранее существовавших правил в результате борющихся тенденций, каждая из которых обусловлена известными фактами в строе данного языка.

Логика в том виде, в каком она до сих пор применялась к грамматике, была узкой, сугубо формальной логикой; обычно ее привлекали только для того, чтобы осудить те или иные процессы живой речи. Вместо этого надо развивать логику с более широким кругозором, которая признает, например, что с логической точки зрения косвенное дополнение может стать подлежащим пассивного предложения точно в такой же мере, как прямое дополнение, в связи с чем вопрос о допустимости таких предложений, как *He was offered a crown*, переходит из юрисдикции логики в юрисдикцию реального употребления. Франц. *Je m'en souviens* было нелогичным, пока ощущалось первоначальное значение *souvenir*; однако в то время еще говорили *Il m'en souvient*, и новая конструкция — внешний признак того, что значение глагола изменилось (ср. изменение *Me dreams* в *I dream*): когда глагол *souvenir* вместо „приходить на память“ стал означать „иметь в памяти“, новая конструкция стала единственной логически возможной. Разделы, посвященные в гл. XXIV двойному отрицанию, также показывают применение ошибочных логических понятий к грамматике, но отсюда вовсе не вытекает, что логику нельзя применять к вопросам грамматики; надо только остерегаться поверхностной логики, которая сочтет неприемлемым то, что при более тщательном рассмотрении может оказаться вполне оправданным. С другой стороны, логика имеет, конечно, огромное значение для построения нашей грамматической системы и для формулировки грамматических правил или законов.

Изучение истории языков имеет для грамматиста первостепенное значение: оно расширяет его кругозор и помогает ему избавиться от типичного греха, присущего грамматисту, — склонности осуждать, подходя к явлениям без исторической перспективы: ведь история языков показывает, что в прошлом постоянно происходили изменения, и то, что в один период было грамматической ошибкой, в следующий период может стать правильным. Однако история языков до сих пор слишком много занималась поисками первоначального источника каждого явления и не уделяла внимания многим,

более близким к современности фактам, которые еще ждут тщательного исследования.

Грамматические явления можно и должно рассматривать с различных (часто дополняющих друг друга) точек зрения.. Возьмем согласование прилагательного с существительным (в роде, числе и падеже) и согласование глагола с подлежащим (в числе и лице). Традиционная грамматика старого типа устанавливает правила и всякие отступления от этих правил расценивает как грубые ошибки, которые, по ее мнению, она вправе клеймить как нелогичные. Лингвист-психолог устанавливает причины нарушения правил в том или ином случае: может быть, дело в том, что глагол отдален от подлежащего и поэтому не хватает умственного усилия помнить, в каком числе стояло подлежащее; или глагол стоит до подлежащего, а говорящий еще не решил, каким будет подлежащее, и т. п. Историк анализирует тексты, относящиеся к разным столетиям, и обнаруживает растущую тенденцию к утрате отчетливых форм числа и т.п. А лингвист-философ может вмешаться и сказать, что требование грамматического согласования в этих случаях является просто следствием несовершенства языка, поскольку понятия числа, рода (пола), падежа и лица относятся логически лишь к первичным словам, а не к таким вторичным, как прилагательное (адьюнкт) и глагол. Таким образом, если язык постепенно утрачивает окончания прилагательных и глаголов, которые указывали на их согласование с первичным словом, это не является для него потерей; наоборот, такую тенденцию следует считать прогрессивной, и полная стабильность возможна только в том языке, который покончил со всеми этими громоздкими пережитками далекого прошлого. (Но я не поддамся искушению сказать об этом больше, чем я уже сказал в четвертой книге „Language“!).

Меня интересовало в этой книге то, что можно назвать высшей теорией грамматики. Но ясно, что если мои взгляды будут приняты и даже если они будут приняты частично, они должны иметь практические последствия. Прежде всего они должны повлиять на те грамматики, которые будут написаны для продолжающих изучение языка (влияние этих взглядов уже сказывается во втором томе моей „Modern English Grammar“, а также на книге Аугуста Вестерна, — см. August Western, Norsk Riksmåalgrammatik); через эти грамматики новые взгляды должны с течением времени проникнуть в элементарные грамматики и оказать влияние на весь процесс обучения, начиная с самой ранней стадии. Но как это должно осуществиться и сколько новых взглядов и терминов можно с успехом применять в начальной школе, — по всем этим вопросам я не буду высказывать какое-либо мнение до тех пор, пока не увижу, как моя книга будет принята учеными, для которых она предназначается. Хочу только выразить надежду, что обучение грамматике в начальной школе в будущем станет более живым, чем до сих пор: поменьше недопонятых или непонятых рецептов, поменьше „нельзя“, поменьше определений и гораздо больше наблюдений над фактами живого языка. Это единственный способ превратить грамматику в полезный и интересный предмет школьного курса.

В начальной школе может преподаваться только грамматика родного языка. Но в старших классах и в университетах изучают и иностранные языки; их можно преподавать так, чтобы они взаимно освещали друг друга и родной язык. Это требует знания сравнительной грамматики, в которую входит

историческая грамматика родного языка. Большое освежающее влияние сравнительной и исторической грамматики общепризнано, но я позволю себе заметить, прежде чем закончить книгу, что мой подход к фактам, изложенным в настоящей книге, намечает новый метод сравнительной грамматики или новый тип сравнительной грамматики. В наше время этот предмет преподается следующим образом: начинают со звуков и форм, сравнивая их в различных родственных языках и в различные периоды одного и того же языка, чтобы установить соответствия, известные под названием фонетических законов, и дополнить их изменениями по аналогии и т. д. В схеме, данной выше в гл. III, это означает, что начинают с А (формы), а затем переходят к В (функции) и С (понятию или внутреннему значению). Такому направлению следует даже сравнительный синтаксис, и он также скован формами, поскольку он рассматривает главным образом употребление в различных языках форм и формальных категорий, которые были установлены сравнительной морфологией. Но можно ввести новый, более плодотворный подход и прийти к новому типу сравнительного синтаксиса, если придерживаться метода настоящей книги, т. е. начинать с С (понятие и внутреннее значение), а затем устанавливая, как каждое из основных понятий, свойственных всему человечеству, выражается в различных языках, т. е. переходить через В (функцию) к А (форме). Это сопоставление не должно обязательно ограничиваться языками, принадлежащими к одной и той же семье и представляющими разные пути развития одного первоначального общего языка; оно может учитывать языки самых различных типов и самого различного происхождения. Образцы такого рассмотрения, которые я дал здесь, могут служить предварительным наброском понятийной сравнительной грамматики, которую, я надеюсь, другие исследователи, с более широким кругозором и с большим знанием языков, могут воспринять и развить далее, и таким образом помочь глубже заглянуть в сокровенную природу человеческого языка и человеческого мышления, чем это было возможно в настоящем томе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Живая грамматика	
Говорящий и слушатель	15
Формулы и свободные выражения	16
Грамматические типы	23
Построение предложений	26
Глава II. Систематическая грамматика	
Описательная и историческая лингвистика	29
Грамматика и словарь	31
Звуки	35
Обычное деление грамматики	36
Новая система	39
Морфология	40
Глава III. Систематическая грамматика (Продолжение)	

Синтаксис	46
Универсальная грамматика?	48
Различия между языками	50
Какие категории признавать	52
Синтаксические категории	55
Синтаксис и логика	56
Понятийные категории	57
Примечание к главе III	60

Г л а в а I V. Части речи

Прежние системы	62
Определения	63
Основа классификации	64
Язык и реальная жизнь	68
Имена собственные	70
Подлинное значение имен собственных	71

Г л а в а V. Существительные и прилагательные

Обзор форм	78
Вещество и качество	80
Специализация	82
Переход слов из одного разряда в другой	85
Другие сочетания	86

Г л а в а V I. Части речи (Окончание)

Местоимения	90
Глаголы	95
Частицы	96
Обобщение	100
Слово	102

Г л а в а V I I. Три ранга

Подчинение	107
Существительные	109
Прилагательные	111
Местоимения	111
Глаголы	112
Наречия	113
Группы слов	114
Подчиненные предложения	116
Заключительные замечания	120

Глава VIII. Юнкция и нексус

Адьюнкты	122
Нексус	130

Г л а в а I X. Различные виды нексуса

Предикативная форма глагола	133
Инфинитивный нексус	133
Нексус без глагола	137

Нексус-дополнение и т. п.	139
Нексус-субъект	143
Нексус отклонения	147
Заключение	149
Приложение к гл. IX. Связка. Предикатив	149

Глава X. Нексусные существительные. Заключительные замечания о нексусе

„Абстрактные существительные“	151
Инфинитив и герундий	159
Заключительные замечания о нексусе	161

Глава XI. Подлежащее и сказуемое

Различные определения	164
Психологическое и логическое подлежащее	166
Грамматическое подлежащее	170
Конструкция there is	175

Глава XII. Дополнение. Действительный и страдательный залого (актив и пассив)

Что такое дополнение?	178
Дополнение результата	181
Подлежащее и дополнение	182
Взаимность	183
Два дополнения	184
Прилагательные и наречия с дополнениями	185
Страдательный залог	186
Употребление форм страдательного залога	190
Средний залог	192
Активные и пассивные прилагательные	192
Активные и пассивные существительные	193
Нексусные существительные	193
Инфинитив	197

Глава XIII. Падеж

Количество падежей в английском языке	198
Родительный падеж	206
Именительный падеж и косвенные падежи	209
Звательный падеж	211
Заключительные замечания о падежах	211
Предложные группы	213

Глава XIV. Число

Счет	216
Обычное множественное число	218
Приблизительное множественное число	220
Единства высшего порядка	223
Общее число	228
Названия массы	229

Глава XV. Число (Окончание)

Различные аномалии	234
Обобщенное единственное и множественное число	235
Двойственное число	238
Число у вторичных слов	240
Множественное число глагольного понятия	243
Приложение к главам, посвященным числу	245

Г л а в а X V I. Лицо

Определения	247
Общее и родовое лицо	250
Понятийное и грамматическое лицо	252
Косвенная речь	255
4-е лицо	256
Возвратные и взаимные местоимения	257

Г л а в а X V I I. Пол и род

Различные языки	263
Индоевропейский род	265
Пол	268
Общий пол	269
Одушевленные и неодушевленные	273
Понятийный средний род	281

Глава XVIII. Степени сравнения

Сравнительная и превосходная степени	285
Равенство и неравенство	285
Ослабленная сравнительная и превосходная степени	289
Скрытое сравнение	290
Формальная сравнительная степень	292
Обозначение меры	293
Вторичные и третичные слова	295

Г л а в а X I X. Время и временные формы

Система девяти времен	297
Семь времен	299
Главные подразделения времени	301
Подчиненные подразделения времени	306
Экономия речи	309
Невременное употребление временных форм	310

Г л а в а X X. Время и временные формы (Окончание)

Перфект	314
Инклюзивное время	317
Временные формы страдательного залога	318
Аорист и имперфект	321
Английские расширенные временные формы	323
Термины для временных форм	328
Временные отношения у существительных (включая инфинитив)	329
Вид	334

Г л а в а X X I. Прямая и косвенная речь	338
--	-----

Два типа	340
Сдвиг времен	344
Сдвиг наклонений	346
Вопросы в косвенной речи	348
Косвенные просьбы	348
Заключительные замечания	
Глава XXII. Классификация высказываний	350
Сколько разрядов?	351
Вопросы	355
Предложение	
Глава XXIII. Наклонения	363
Классификация	363
Повелительное наклонение	365
Изъявительное и сослагательное наклонения	370
Понятийные наклонения	
Глава XXIV. Отрицание	373
Противоречащие и противные понятия	375
Некоторые трехчленные деления	377
Значение отрицания	381
Специальное и нексусное отрицание	383
Двойное или кумулятивное отрицание	387
История отрицательных выражений	389
Подразумеваемое отрицание	
Глава XXV. Заключение	390
Конфликты	393
Терминология	396
Душа грамматики	